

М. С. Судовиков
КУПЕЧЕСТВО
ВЯТСКОГО КРАЯ:
ОТ ИСТОКОВ
ДО 1917 ГОДА

Кир 63.3(2)
С 12

Кировская ордена Почёта государственная
универсальная областная научная библиотека имени А. И. Герцена
Научно-исследовательский Центр регионоведения

М. С. Судовиков

**КУПЕЧЕСТВО
ВЯТСКОГО КРАЯ:
ОТ ИСТОКОВ ДО 1917 ГОДА**

2-е издание

Библиотеке Альберта Мухомова
с пожеланием новых
успехов в благо Вятского
края.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГЕРЦЕНКА

Киров, 2018

От автора
М. Судовиков

10.08.2019г.

37200 T

УДК 94(470.342)-058.23
ББК 63.3(2)-282.4; 63.3(2Рос-4Кир)
С 12

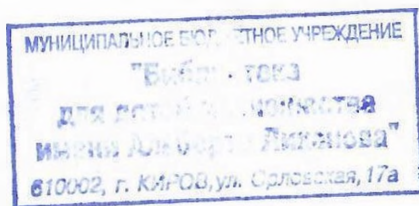

Судовиков М. С.

С 12 Купечество Вятского края : от истоков до 1917 года [Текст] / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, науч.-исслед. Центр регионоведения. – Изд. 2-е, перераб и доп. – Киров : ИД «Герценка», 2018. – 468 с. : ил.

ISBN 978-5-4338-0381-7

В книге впервые рассматриваются основные черты развития купечества северо-востока Европейской России в течение всей истории этой социальной группы, прослеживаются особенности её эволюции, даются яркие портреты представителей регионального делового мира. В основу исследования легли редкие документальные материалы из центральных и местных архивов.

УДК 94(470.342)-058.23
ББК 63.3(2)-282.4; 63.3(2Рос-4Кир)

© Судовиков М. С., 2015
© Судовиков М. С., 2018,
с изменениями
© ООО «Веси», 2018

ISBN 978-5-4338-0381-7

ВВЕДЕНИЕ

Одной из групп населения дореволюционной России являлось купеческое сословие, оставившее после себя богатый опыт не только предпринимательской активности, но и участия в общественной и культурной жизни. Весомой была роль представителей делового мира в становлении регионов страны, в преодолении ими экономической и общественно-культурной замкнутости. В связи с этим небезынтересно проследить, каковы же были истоки купечества, какие факторы определяли его профессиональный и социальный облик, как в целом развивалась данная группа населения? Все эти аспекты и нашли отражение на страницах книги, посвящённой истории купечества Вятского края.

Хронологические рамки основной части нашего исследования охватывают период от екатерининских реформ 1775–1785 гг., то есть с момента окончательного оформления российского гильдейского купечества, до конца 1917 г., когда после установления в стране советской власти были ликвидированы все сословия.

Особый акцент делается на те периоды, которые всесторонне меняли облик российского купечества – время правлений Екатерины II и Александра II. Для воссоздания целостной картины становления делового мира, разработки его полной периодизации и изучения истоков регионального купечества нами делается экскурс в историю предпринимательства допетровской России и рассматриваются наиболее важные эпизоды его развития в эпоху Петра I и его преемников.

Территориальные границы исследования определяются исторически сложившимися на северо-востоке Европейской России землями, входящими ныне в состав Кировской и Нижегородской областей, Удмуртии, республик Татарстана, Марий Эл и Коми.

Нами изучались территории, расположенные в Западном Предуралье, в бассейне реки Вятки, в центральной и северной его части, где находились древние города: Вятка (с середины XV в. – Хлынов), Котельнич, Орлов, Слободской, Шестаков. Это был исторический центр местности, возникший в результате славянской колонизации и до похода войска Ивана III в 1489 г. остававшийся независимым.

После вхождения городов Западного Предуралья в состав Московского государства территория региона, постепенно расширяясь, объединила многонациональный состав населения – русских, удмуртов, марийцев, коми, татар. Наиболее значимые изменения её границ были связаны с реформами петровского и екатерининского времени.

В результате областной реформы 1708–1710 гг., когда Россия была разделена на восемь губерний, земли, экономически и политически связанные с г. Хлыновом, вошли в состав Сибирской губернии с центром в г. Тобольске. По реформе 1719 г. образуется Вятская провинция с включением в неё Кайгородского уезда, располагавшегося в Верхнем Прикамье, и Кунгурского (последний находился в её составе до 1724 г. и впоследствии перешёл к Соликамской провинции). В 1727 г. Вятская провинция приписывается (вместе с Соликамской провинцией) к Казанской губернии.

В дальнейшем, по екатерининскому указу от 11 сентября 1780 г., создаётся Вятское наместничество с губернским городом Вяткой, и территория региона заметно расширяется в юго-западном и восточном направлении, включая Камско-Вятское междуречье. В наместничестве насчитывалось 13 округов (уездов) – Вятский, Слободской, Котельничский, Орловский, Кайгородский, Глазовский, Нолинский, Яранский, Царевосанчурский, Уржумский, Малмыжский, Елабужский и Сарапульский и столько же городов. Сначала Вятское наместничество вместе с Костромским и Нижегородским стало составной частью генерал-губернаторства с центром в г. Нижнем Новгороде, а в январе 1783 г. перешло в ведение казанского генерал-губернатора.

Затем по указу Павла I, вышедшему 12 декабря 1796 г., Вятское наместничество получило новый статус – губернии. На карте Вятской губернии первоначально было 10 уездных городов – Вятка, Слободской, Котельнич, Уржум, Орлов, Яранск, Глазов, Елабуга, Сарапул, Нолинск и три заштатных – Малмыж, Царёвосанчурск, Кай. В 1816 г. Малмыж получает статус уездного города, а г. Кай в 1854 г. становится селом.

После этих преобразований в губернии насчитывалось 11 уездов и 12 городов (11 уездных, 1 заштатный), она граничила на севере с Вологодской губернией, на юге и юго-востоке – с Казанской и Уфимской губерниями, на западе и юго-западе – с Костромской и Нижегородской, на востоке – с Пермской губернией. За столетие, с конца XVIII в. до Первой всеобщей переписи населения 1897 г., население Вят-

ской губернии выросло в три раза, составив в конце XIX столетия 3 030 831 чел. (в масштабах страны по числу жителей её превосходила только Киевская губерния).

В историографии применительно к досоветскому периоду, помимо административного, официального названия – Вятская губерния, сложились следующие обозначения территории, расположенной в бассейнах рек Вятки и Камы – Вятский край, Вятская земля, Вятско-Камский регион, Камско-Вятский регион. Учитывая исторические аспекты её формирования, связанные с оформлением обширных и многонациональных земель вокруг крупнейшего центра северо-востока Европейской России – города Хлынова/Вятки, мы склонны к употреблению наименований: Вятский край, Вятская земля и Вятско-Камский регион. Эти термины и название – Вятская губерния, являющиеся идентичными по смыслу, стали основными географическими понятиями, которые используются в нашем исследовании, как и распространённое обозначение территорий Кировской области и Удмуртской Республики – Западное Предуралье.

В свою очередь, особенности расположения Вятско-Камского региона – на пограничье Центральной России, Русского Севера, Урала и Поволжья, тесные экономические отношения со всеми этими территориями, национальная неоднородность и пестрота религиозной культуры, специфика структуры населения, заключающаяся в преобладании государственного крестьянства и малом числе поместного дворянства, позволяют более многогранно проследить развитие социально-экономических, политических и культурных процессов, протекавших в России в последней четверти XVIII – начале XX в.

В связи с тем, что купечество являлось городским сословием, исследованием были охвачены, прежде всего, города Вятка, Глазов, Елабуга, Кай, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Сарапул, Слободской, Уржум, Царёвосанчурск, Яранск, включая безуездные (Царёвосанчурск) и те, которые потеряли свой статус в течение изучаемого периода (Кай).

Ввиду сословной и профессиональной мобильности представителей деловых кругов в географический диапазон нашего исследования вошли и многие крупнейшие торговые центры России (Архангельск, Астрахань, Москва, Петербург, Ярославль, Рыбинск, Великий Устюг, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Ирбит, Кяхта и др.), а также западных и восточных государств (Лондон, Нью-Йорк, Бостон, Бухара, Хива и др.).

В основе разработки взятой нами проблемы лежат принципы и теории, позволяющие смотреть на исторический процесс как многомерное и развивающееся явление, проявляющееся в конкретных событиях и фактах, обусловленных как объективными закономерностями общественного бытия, так и субъективными факторами, влиянием природно-географической среды, традиций.

Наша книга продолжает, дополняя новыми сведениями и выводами, опубликованные ранее автором работы по истории местного купечества, в частности, монографию «Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века» (Киров, 2009). В настоящем издании даётся подробный историографический обзор по теме, характеризуются основные источники и вводятся в научный оборот архивные материалы, освещающие различные стороны жизни российского купечества, выявленные в последние годы.

Приглашаю читателя к заинтересованному чтению.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КУПЕЧЕСТВО В ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКАХ

1.1. Историографический обзор вопроса

История российского купечества оказалась в центре внимания исследователей ещё в дореволюционный период, поэтому имеются все основания говорить об историографических традициях, связанных с разработкой этой темы.

Уже на начальном этапе изучения истории делового мира, в последней четверти XIX – начале XX в., выделилось несколько направлений, среди которых одно из ведущих мест занимала проблема деятельности купечества в различных предпринимательских учреждениях, в органах сословного управления и местного самоуправления. Весомый вклад в её разработку внёс А. А. Кизеветтер, видевший будущее государства в развитии самостоятельных и демократических организаций как опоры конституционализма, у истоков которых стояли учреждения и посадского, и купеческого самоуправления, ставшие предметом тщательного рассмотрения автора, сконцентрировавшего своё внимание на анализе их состава и деятельности в XVIII в.¹

Установив, что главенствующие черты муниципального устройства в России определялись податными и служебными обязанностями городской общины по отношению к государственной власти, А. А. Кизеветтер выявил наличие в изучаемый им период стройной системы посадско-общинной круговой поруки с тенденцией усиления зависимости «малотяглой массы от первостатейных людей», нёсших за общину финансовую ответственность и в силу этого выдвинувшихся «на первый план на поприще посадского мирского самоуправления»². Эволюция этой системы заключалась в создании по Жалованной грамоте городам 1785 г. «всесословного общества градского», которое и стало новым этапом, или, по терминологии автора, «фазисом» в развитии муниципальной жизни в России³.

На многоаспектность профессиональной и общественной деятельности купечества в пореформенное время и в начале XX в. указывалось в трудах, посвящённых истории бирж, предпринимательских собраний и обществ⁴, причём, отражая дух времени, эти работы, хотя нередко и вскользь, фиксировали факты изменений, происходивших в сознании

купцов, связанные с постепенным отказом от сословного мышления, с пониманием ими необходимости служения общим интересам.

Данные черты зримо проявились и в деятельности земских гласных-купцов. Б. Б. Веселовский, сторонник демократического реформирования органов местного самоуправления, показал линию развития отношения городского населения к земству, начиная от индифферентизма до активного участия⁵, и благодаря объективности оценок и богатейшему фактическому материалу его четырёхтомный труд оценивается в современной историографии как «исключительный в наше время», как «научный и гражданский подвиг одного из видных подвижников идеи общественного самоуправления»⁶.

Работы, освещавшие вопросы торгово-предпринимательской, или профессиональной деятельности купечества, а также исследования, включавшие сведения о ней, свидетельствовали о формировании в историографии ещё одного направления в изучении нашей проблемы. Среди трудов, отражающих эту тему, выделим работу С. Ф. Огородникова, посвящённую экономической истории Архангельска⁷. Через призму выявления причинно-следственных связей, оперируя статистическими данными и улавливая характерные черты исторических периодов, автор убедительно раскрыл роль этого пережившего этапы и расцвета, и упадка портового города как крупнейшего торгового центра, могущество которого в немалой степени создавалось российскими купцами – выходцами из разных городов.

Ценным, с точки зрения фактографии, является труд Ч. М. Иоксимовича, описавшего в начале XX столетия работу предприятий лёгкой промышленности, «заводов, вырабатывающих машины и аппараты», «фирм, торгующих сырьем и изделиями» в контексте «прошлого и настоящего» и охарактеризовавшего деятельность представителей столичной и региональной деловой элиты, включая Морозовых, Хлудовых, Рябушинских, Коншиных, Гарелиных, Щукиных, Коноваловых, Грибановых⁸. Автор проследил эволюцию производств, привёл экономико-статистические сведения об их развитии, определил место той или иной продукции на внутреннем рынке, коснулся и вопроса происхождения владельцев предприятий, подчеркнув крестьянские корни многих из них.

Однако работа Ч. М. Иоксимовича, несмотря на обилие собранных им сведений, не давала исчерпывающий материал о развитии мануфактурной промышленности, и причины этого коренились, в частности, в личности самого автора. «Журналист-чех Иоксимович, обезжавший русских предпринимателей с обещанием в своей книге рекламы их

предприятий и требовавший за это значительных авансов, – свидетельствует Я. Н. Шапов, ссылаясь на семейное предание, – главой фирмы П. П. Шаповым за свое нахальство был “спущен с лестницы”, поэтому естественно, что очерк о его фабрике и торговом доме не был написан⁹. Вместе с тем, нельзя не отметить значение этой работы как труда с уникальной текстовой и иллюстративной информацией, во многом способствовавшего восстановлению в современный период забытого исторического опыта предпринимательской деятельности. Не случайно, материалы книги Ч. М. Иоксимовича легли в основу некоторых изданий последнего времени¹⁰.

Другим направлением в изучении истории купечества было историко-биографическое, связанное с выявлением истоков той или иной династии, обобщением материалов о профессиональной и общественной деятельности конкретных купцов. Обычно главными действующими лицами в трудах, составлявших эту группу, являлись гильдейские семьи-долгожители и представители известных фамилий, сведения о которых извлекались, как правило, из фондов учреждений общественно-го управления и личных архивов. Книги о купеческих фамилиях часто публиковались к юбилеям их предприятий и фирм.

Примером научного подхода в освещении истории отдельной купеческой династии является работа А. А. Спицына о Рязанцевых¹¹. Опора на достоверные документы, взвешенность оценок, логическая последовательность в изложении событий, очерчивание проблем в изучении темы, выявление новых фактов, конструирование генеалогических схем, публикация источников – таков вклад этого автора в историографию и в методику проведения исследований по данной проблематике. К числу серьёзных публикаций о купеческих фамилиях и деятельности гильдейских предпринимателей можно отнести и другие, выпшедшие в дореволюционный период издания¹².

Ценные обобщения генеалогического характера были сделаны Н. П. Чулковым, занимавшимся изучением истории московского купечества. Одним из первых в отечественной историографии он поставил вопрос о степени устойчивости купеческих фамилий, о наличии для их представителей своеобразного «социального лифта» в виде служебной и благотворительной деятельности, способствовавшего повышению общественного статуса отдельных купцов¹³.

В конце XIX – начале XX в., когда происходили существенные изменения в социальной структуре страны, вызванные бурными темпами развития капитализма, в российской историографии прочно укрепился термин «буржуазия», которым оперировали исследователи различных

общественно-политических течений. После событий российской революции 1905–1907 гг. в литературе нашли отражение темы об уровне сплочённости буржуазии как политической силы, о степени политизации общественных деятелей-купцов; среди же авторов были участники политических событий того времени.

Так, Ф. Дан в «Очерке политической эволюции буржуазных элементов городского населения», отметив, что «революция застала русскую буржуазию совершенно неорганизованною политически», обратил внимание на рост в то время оппозиционных настроений в городских думах, где «начинал свою политическую выучку новый слой буржуазии – среднее провинциальное купечество», выступавшее в фарватере земского либерализма¹⁴. «Среднебуржуазные слои города, – продолжал автор, – шли за этим движением, не внося в него, по-видимому, своих самостоятельных нот», всё это, по его мнению, говорило о политической слабости и беспомощности городских дум и в тот период¹⁵. Революцию 1905–1907 гг. как важный рубеж в формировании «политической физиономии нашей городской буржуазии» определял и К. А. Пажитнов, давший общую характеристику развития этого слоя населения¹⁶.

Небезынтересной в концептуальном отношении являлась работа А. О. Гушки, исследовавшего на основе специальных анкетных листов, собранных Императорским Русским техническим обществом, состояние широкого круга представительных организаций российской буржуазии начала XX в., включая биржевые общества, комитеты торговли и мануфактур, купеческие управы. «Пора, давно пора отказать от господствующего ещё и сейчас в умах многих традиционного предрассудка, будто торгово-промышленный класс в России пребывает в распылённом состоянии, будто он занимает положение приниженного, бесправного класса...», – писал он, констатируя, что крупная буржуазия страны, сбросив с себя «сословную оболочку», не распылена организационно, она не остаётся «политически поработанной», и сфера её деятельности широка¹⁷.

Вступивший в полемику с Гушкой В. И. Ленин считал, что его оппонент, «стоя на точке зрения либерализма», смотрит на социально-политическую жизнь России «из узкого окошечка купцовских позиций»¹⁸. Эти оценки характеризовали общую атмосферу и идейную борьбу в партийных кругах в новых политических условиях после революции 1905–1907 гг. Утверждавшееся тогда марксистское направление в историографии, которое рассматривало купечество как составную часть господствующего класса капиталистического общества, наделяло буржуазию такими чертами, как зависимость от правительства, «политическое

бессилие», контрреволюционность, узость политических интересов и идей, реформизм¹⁹.

Говоря о разработке нашей проблемы в дореволюционной историографии, в целом отметим, что, хотя тот период и являлся начальным со всеми вытекающими отсюда трудностями в осмыслении поставленных вопросов, но он был плодотворным – шло формирование нескольких исследовательских направлений по данной тематике, освещение многих её аспектов с позиции научного подхода, появление первых работ с обобщающими материалами и трудов в разрезе регионального измерения. Нельзя не обратить внимание и на тесную взаимосвязь, существовавшую между изучаемой проблематикой и текущими событиями, происходившими в общественно-политической жизни России. Ценным было и то, что авторы стремились показать изучаемые процессы в динамике, характеризовали различные черты деятельности купечества. Это был этап и накопления фактической информации, разработки методики исследовательской работы по данной проблеме, но в силу объективных причин он оказался незавершённым.

Новые подходы в изучении истории купечества обозначились в советский период. Поначалу велись исследования в рамках наметившихся ранее направлений, которые получили развитие благодаря расширению тематики рассматриваемых проблем. Особо следует выделить работы М. Д. Приселкова и Б. Б. Кафенгауза, раскрывавшие историко-антропологические аспекты деятельности «отжившего слоя населения»²⁰.

На основе аналитического обзора развития купеческой бытовой культуры эти авторы акцентировали внимание и на эволюционных преобразованиях портрета гильдейского предпринимателя. По мнению М. Д. Приселкова, после великих реформ Александра II они проявились в постепенной утрате в облике купцов «сословной красочности», в мечте получить ими уже не дворянское звание, а «интеллигентную профессию», в переходе к ним от дворянства руководящей роли в культурной жизни страны²¹.

Изучив широкий круг мемуарных источников, Б. Б. Кафенгауз писал об изменении во второй половине XIX в. отношения купечества к общественной деятельности, а в числе факторов, способствовавших этому процессу, он называл «возрастающее значение торгово-промышленного класса в хозяйственной жизни страны и культурный рост его»²². В трудах этих авторов купечество представлено как сложный социальный организм, делившийся на категории, каждая из которых имела свои отличительные черты.

Однако обозначенный М. Д. Приселковым и Б. Б. Кафенгаузом вектор исследований купеческого сословия не получил в советской историографии широкого развития. Ориентация на изучение истории революционного движения с позиций ленинского подхода способствовала актуализации разработки, прежде всего, проблемы становления буржуазии как класса вне зависимости от её социального происхождения. Уже с первых лет советской власти этой теме уделялось большое внимание, причём сначала наблюдалась множественность оценок роли буржуазии в тех или иных политических событиях дореволюционной России.

В вышедшем в 1922 г. обобщающем труде П. А. Берлина, который охватывал историю буржуазии с начала XVIII в., указывалось, что, хотя эта группа населения «не искала политической власти в западноевропейском смысле этого слова», вместе с тем нельзя делать и «вывод о политическом бессилии буржуазии, об её покорном подчинении той судьбе, которую ниспослет ей всемогущее правительство»²³. Автор работы о буржуазии в драматичном 1905 г. С. Е. Сеф, ссылаясь на труды В. И. Ленина и критикуя взгляды меньшевиков, писал о тесных «экономических узах» крупной буржуазии с самодержавным правительством и считал её, несмотря на рост экономической мощи последней, политически бесправным слоем населения²⁴. Схожие оценки содержались в монографии Е. Д. Черменского, отмечавшего, что «всем своим поведением, особенно после 17 октября, русский либерализм показал, что он больше боится революции, чем реакции»²⁵.

В последующее время в советской историографии прочно утвердился взгляд на буржуазию как на аморфную и реакционную в политическом отношении группу населения, зависимую от самодержавной власти и от своих классовых интересов²⁶. Важной темой стало изучение условий и особенностей зарождения крупной буржуазии в пореформенное время и в начале XX столетия. И. Ф. Гиндин обращал внимание на преобладание в России торговой буржуазии и признавал точность ленинских выводов относительно формирования её как класса во время революции 1905–1907 гг., а завершающий этап в истории крупной буржуазии, связанный с мартом – октябрем 1917 г., по мнению автора, стал в конечном итоге результатом её «векового приспособления к реакционному политическому строю российского самодержавия»²⁷.

Вместе с тем, некоторые выводы И. Ф. Гиндина, предпринявшего попытку создания общей концепции развития крупной российской буржуазии, явились предметом дискуссий и возражений со стороны историков-специалистов. Так, В. Я. Лаверычев не соглашался с рядом его утверждений, в частности, с такими, как «политически неразвитая и

реакционная крупная буржуазия оставалась в стороне от российского либерализма», «источники для изучения российской буржуазии в период капитализма невелики»²⁸. По мнению этого оппонента, применительно к пореформенной эпохе недостаточно «говорить только о “взаимном приспособлении” крупной буржуазии и самодержавия», нужно рассмотреть тот момент, как абсолютизм «стремился всеми средствами... задержать и приостановить процесс вызревания в среде крупной буржуазии классового самосознания»²⁹.

Не оспаривая основные, устоявшиеся в советской историографии заключения, В. Я. Лаверычев, в свою очередь, полагал, что российская буржуазия уже в середине 1880-х гг. была «классом в себе», то есть выступала как класс по отношению к другим классам общества, занимающим твердо определённое место в системе общественного производства и распределения», но – продолжал автор – «потребовалось не менее двух десятилетий, чтобы она стала оформляться в класс, осознавший свои особые политические задачи...»³⁰

Предметом специального изучения в советской историографии стал вопрос о формировании буржуазии в условиях городской среды. М. Я. Волков, характеризовавший процессы зарождения городской буржуазии в России в XVII–XVIII вв., назвав торгово-ростовщические круги «самым массовым слоем городской буржуазии», выявил их экономические связи с самодержавной системой уже на раннем этапе, что в итоге и обусловило «общую пассивность городской буржуазии в борьбе за капиталистический путь развития страны»³¹.

Исследователь социально-экономической истории русского города второй половины XVIII в. Ю. Р. Клокман, указав на тенденцию роста городского населения в тот период, связанную с переселением крестьян, как шаг, свидетельствовавший о постепенном превращении русского феодалного города в капиталистический, и, отметив роль губернской реформы 1775–1785 гг. в его эволюции, заключил, что в изучаемое время основная часть городского населения состояла «ещё из купечества» и ремесленников и только «в некоторых, наиболее развитых, городах можно отметить наличие рабочих людей и формирующейся промышленной буржуазии»³². П. Г. Рындзюнский через призму понимания города как «разрушительного начала по отношению к феодально-сословному строю» писал о постепенном упадке в первой половине XIX в. торгового купечества «старого склада» и росте влияния крестьян в торгово-промышленной сфере³³.

В работе А. С. Нифонтова, рассматривавшего проблему формирования новых социальных групп на примере г. Москвы второй половины

XIX в., отмечалось, что ядро крупной городской буржуазии составляли «купцы и некоторая часть почётных граждан»; обратив внимание на численный рост купечества в сравнении с дореформенным временем, автор констатировал факт увеличения гильдейских предпринимателей «за счёт записи в него предприимчивых собственников без различия их сословного происхождения», при этом формирование буржуазных классов происходило, в основном, «за счёт разложения крестьянского сословия», из зажиточного слоя которого и «вышли многие виднейшие представители московских фабрикантов, заводчиков, крупнейших купцов и домовладельцев»³⁴. По его мнению, в Москве разложение сословного строя шло по ускоренному варианту, и её население «уже в начале 80-х годов XIX в. ясно распадалось на два основных класса буржуазного общества»³⁵.

В дальнейшем социальные аспекты истории крупной московской буржуазии исследовались М. Л. Гавлиным³⁶. Разнородность социального состава пореформенной русской буржуазии, существовавшей в условиях сохранявшейся сословной системы, он считал «одной из причин, затруднявших процесс её консолидации в класс, сплочение её в единую социальную силу...»³⁷

Тем не менее, на фоне рассмотрения проблем становления буржуазии как класса в советской историографии появлялись исследования, в которых первенствующее место отводилось и непосредственно купечеству. Серьёзными попытками осмысления исторической роли купеческого капитала в феодальной России стали работы В. Н. Яковцевского и Ф. Я. Полянского³⁸. Эти авторы сошлись во мнении, что именно купцы выступали основными носителями первоначального накопления капитала в России, что главным источником их экономического возвышения стала торговля и что формирование гильдейских состояний явилось важной предпосылкой для развития промышленного капитализма.

Ф. Я. Полянский, сравнив процессы первоначального накопления капитала в России со странами Европы, Америки, Азии, предложил отказать от тезиса «будто в России... всё происходило “наоборот”»³⁹. В то же время, нельзя не обратить внимание на сильную идеологизацию данных исследований, стремление показать купцов как социальную группу, насаждавшую «непомерный гнёт, эксплуатацию трудящихся» и приносившую «массовое разорение, нищенство», что, конечно же, определялось общей политической ситуацией эпохи, современниками которой были авторы.

В дальнейших работах советского периода, связанных с купеческой тематикой, были затронуты вопросы организации крупного капитала

в России. Т. М. Китанина на примере концерна Путилова – Стахесва – Батолина исследовала проблему развития монополистических союзов в годы Первой мировой войны, выделив их особенности, в частности, многоотраслевой характер, вызванный, по словам автора, «особенностями русской действительности», и присутствие в составе учредителей концернов выходцев из купеческого сословия, объединявших «в своём лице промышленника, помещика и торгового посредника», что, в свою очередь, и способствовало сохранению в российском предпринимательстве феодальных черт⁴⁰.

Л. Е. Шепелев в свете экономико-правовых аспектов проследил общие тенденции становления акционерных компаний с XVIII в. до момента их национализации в советский период, обозначив как важный документ на начальном этапе в развитии этого «института капиталистического хозяйства» Манифест «о дарованных купечеству новых выгодах...» от 1 января 1807 г., дававший возможность участия в организации акционерных компаний представителям «всех имущих сословий»⁴¹.

В исследованиях Л. Е. Шепелева, вышедших в последующее время, рассматривались этапы развития торгово-промышленной политики правительства, определялись факторы, влиявшие на её формирование⁴². По мнению автора, к 1890-м гг. корпоративная обособленность купечества «в значительной части утратила своё реальное значение и стала анахронизмом», в результате правительство пошло на разделение сословных свидетельств на промысловые и гильдейские, то есть произошло отделение сохранившихся купеческих привилегий от прав на торгово-предпринимательскую деятельность⁴³. Этот факт показывал глубину социальных изменений пореформенной России и одновременно силу традиционализма, хотя и эволюционировавшего под воздействием капиталистического развития государства, а также позицию правительства, сохранявшего феодальные пережитки и на исходе XIX столетия.

«Купеческий вопрос» поднимался и в ряде исследований, посвящённых истории земского и городского самоуправления в пореформенный период и в начале XX в., социальным корням земского либерального движения в России⁴⁴. Изучив социальный состав земств в период с 1865 по 1886 г., Л. Г. Захарова выявила тенденцию вытеснения дворянства в уездных земских собраниях центрально-промышленных, южных и юго-восточных губерний «промышленной и новой земледельческой буржуазией из купечества и крестьянства», объясняя это интенсивным развитием в данных регионах буржуазных отношений⁴⁵. В. А. Нардова проблему высокого представительства гильдейских предпринимателей в органах городского общественного управления

соотносила с процессом возрастания «роли буржуазии и во внеэкономической сфере жизни»⁴⁶.

Среди направлений в изучении торгово-промышленных слоёв дореволюционного российского общества складывалось и региональное, в основном, представленное работами по истории местной буржуазии⁴⁷. В них выявлялись специфические черты формирования и деловой активности той или иной её группы, рассматривались общие тенденции развития российской буржуазии и факторы, способствовавшие её социальной консолидации. Отдельные сведения по истории купечества, обычно касавшиеся вопросов становления местной экономики, содержались в обобщающих или посвящённых определённой теме трудах по истории регионов или городов⁴⁸.

Завершающий этап советской историографии, неразрывно связанный с началом либерализации общественно-политической и экономической жизни страны во второй половине 1980-х гг., характеризовался появлением целого ряда новых исследований по «забытым» или рассматривавшимся ранее с позиций строгих идеологических установок темам.

Весомый вклад в разработку интересующей нас проблематики в тот период внёс А. Н. Боханов, автор многочисленных трудов по истории крупной буржуазии и купечества второй половины XIX – начала XX в.⁴⁹ В его публикациях облик купечества раскрывался в контексте, прежде всего, его внутренних характеристик, включая правовой и организационный статус этой корпорации, уровень образования и семейное положение её представителей, с обозначением изменений, обусловленных ходом исторического развития России. Высветив сеть кризисных явлений – уменьшение численности купечества после издания в 1898 г. Положения о государственном промысловом налоге, потерю сословных преимуществ после реформ 1860–1870-х гг., отход части купцов от профессиональных занятий и др., А. Н. Боханов констатировал, что в начале XX века развитие российского купечества «шло по нисходящей линии» и, в то же время, «ни самодержавие, ни буржуазное Временное правительство не пошли на упразднение этой отжившей социальной корпорации»⁵⁰.

Разработкой новых подходов в изучении социальных аспектов истории стало обращение автора к темам, рисовавшим иной, во многом непривычный портрет российского делового мира. Одна из них – проблема благотворительности, названная А. Н. Бохановым «определённой исторической традицией» для российского предпринимательского сообщества и феноменом, который «необходимо рассматривать как особое социальное явление»⁵¹. Бахрушины, Третьяковы, Щукины, Морозовы,

Мамонтовы, Ушковы и другие русские коллекционеры и меценаты виделись автору сложными и нередко противоречивыми личностями, чья деятельность разворачивалась «в непростых условиях»⁵².

Нехарактерный для советской историографии подход в исследовании социальных общностей использовал А. И. Аксёнов, изучавший историю формирования русской буржуазии на примере московского купечества XVIII в. с позиции генеалогии⁵³. Сделав вывод «о периодической смене составов высших групп третьего сословия», он выявил факторы, обуславливавшие этот процесс, и отметил прочность феодальных черт в облике высших групп московского купечества, хотя во второй половине XVIII в. уже твёрдо проявила себя тенденция превращения купца-торговца в купца-промышленника⁵⁴.

Важным этапом в исследовании купеческого сословия стала публикация мемуаров П. А. Бурышкина, издававшихся ранее в Нью-Йорке⁵⁵. Авторы вступительной статьи Г. Н. Ульянова и М. К. Шацилло, обозначив основные этапы становления изучаемой группы населения, указали на существовавшие её «различные отраслевые и региональные особенности», что говорило о неоднородности купечества, на отсутствие у него до революции 1905–1907 гг. «активного стремления к общественно-политической деятельности», а также попытались реконструировать пути развития благотворительности в России⁵⁶. Этот материал стал одной из первых попыток создания в современный период обобщающей работы по рассматриваемой теме.

Как видим, советская историография изучаемой темы в целом обширна, но, вместе с тем, со всей очевидностью можно говорить о преобладании в ней самых общих оценок деятельности торгово-промышленного населения дореволюционной России, связанных преимущественно с изучением роли буржуазии как класса в политических и экономических процессах капитализировавшегося русского общества. Вопросы же о купечестве с детальным рассмотрением тенденций его развития, как одним из важных звеньев в становлении буржуазных отношений в стране, ставились лишь в некоторых работах, и только во второй половине 1980-х гг. ситуация кардинально меняется. Переосмысление исторической роли делового сообщества в тот период привело как к исследованию широкого спектра проблем его жизнедеятельности, включая темы, у истоков изучения которых стояли ещё дореволюционные авторы, и новые, в частности, вопросы о правовом статусе купечества в период укрепления капитализма во второй половине XIX — начале XX в., о роли этой корпорации в развитии социальных и культурных процессов в стране, так и к наличию других подходов к оценке деятельности купечества.

Пиком исследовательского интереса к истории российской деловой элиты стал современный период. Начиная с 1990-х гг., историография рассматриваемой нами темы, получившей актуальное звучание в связи со становлением и укреплением основ рыночной экономики и стратегией построения гражданского общества, переживает расцвет, ярким проявлением которого является выход многочисленных трудов с богатой фактической информацией и отказом от сложившихся стереотипов в оценке деятельности купцов.

В центре внимания современных исследователей – видные столичные представители делового мира⁵⁷, история отдельных купеческих родов⁵⁸, региональных купеческих групп и судьбы наиболее выдающихся их представителей⁵⁹. Предметом особого рассмотрения стали вопросы взаимоотношения государственной власти и купечества, формирования его мировосприятия и самосознания, эволюции общественной деятельности изучаемого сословия, пути политической консолидации предпринимательского сообщества в начале XX столетия, его менталитета⁶⁰.

Настоящий период характеризуется публикацией обобщающих трудов по истории предпринимательства и купечества⁶¹, изданием по данной тематике справочной и учебной литературы⁶², подготовкой специальных диссертационных исследований⁶³, проведением научно-практических конференций с выпуском сборников статей⁶⁴. Всё это заметно расширило представление о купечестве как о сословии, оказавшем немалое влияние на ход многих, зачастую противоречивых, процессов российской жизни дооктябрьской эпохи.

Новейшие разработки темы позволили констатировать, что формирование торгового сословия представляло собой сложный и многогранный процесс⁶⁵, что сохранявшиеся в эпоху капитализма купеческие институты, хотя со временем и превратились в «социальный анахронизм», но они не были «существенным препятствием для складывания торгово-промышленного предпринимательства»⁶⁶, что становлению самосознания купечества и самоутверждению этого сословия способствовала его социализация⁶⁷ и есть все основания говорить «о высоких культурных достижениях российского предпринимательства на его пути к современному цивилизованному сознанию, о его весомом вкладе в развитие национальной культуры»⁶⁸.

Современная историография купечества пополняется исследованиями о деятельности этнических предпринимательских групп, в частности, мусульманского делового мира⁶⁹. Р. Р. Салихов отмечает, что в пореформенный период татарское мусульманское деловое сообщество, являясь органичной частью российского предпринимательства, имело

«все правовые возможности для успешной торгово-промышленной деятельности и конкурентного взаимодействия с русской буржуазией», способствовало формированию особой модели «мусульманской экономики со специфическими отраслями; кооперацией на этно-конфессиональной основе» и независимых от государства источников финансирования духовных и культурных потребностей своей общины⁷⁰.

Одним из направлений в изучении купечества стало проведение междисциплинарных исследований. В этом плане интересен опыт Н. М. Валеева, рассмотревшего через призму истории и литературоведения, взаимосвязи жизни и творчества судьбу писателя Дмитрия Ивановича Стахеева, выходца из известной купеческой семьи, чьи произведения талантливо рисовали русскую бытовую жизнь второй половины XIX в. в контексте постановки вопросов о христианской морали, добре и зле, покаянии, семье и были забыты на долгий период⁷¹. По убеждению Н. М. Валеева, «Д. И. Стахеев, знавший до мельчайших деталей купеческую жизнь, мастерски» воспроизводил её в своих сочинениях⁷².

История купечества является неотъемлемой частью общих исследований по социальной истории России. Б. Н. Миронов заключил, что «настоящий буржуазный класс» в России складывался «трудно и медленно, был очень слабым». Происходило это не в последнюю очередь из-за того, что городское сословие здесь «существовало весьма непродолжительное, сравнительно с западноевропейскими странами, время – менее столетия», и, в свою очередь, сохранение вплоть до 1917 г. сословий «с различными, а иногда и враждебными субкультурами, с огромной имущественной дифференциацией между ними и внутри себя затрудняло формирование не только среднего класса и гражданского общества, но также и единой российской нации с единой культурой, единой системой ценностей, единым законом»⁷³.

Изучив эволюцию социальной структуры России в конце XIX – начале XX в., в том числе и купечества, Н. А. Иванова и В. П. Желтова отмечали, что формирование классов в стране происходило в условиях сохранения сословного строя и «влияние сословности отчётливо проступало в них», что «ядро крупной буржуазии составляло купечество» и что «быстрее всего консолидировались в класс представители крупного капитала»⁷⁴. В то же время, авторы выразили несогласие с общим подходом Б. Н. Миронова к исследованию сословий в России, в концепции которого они предстают «недоразвитыми», «ущербными» в сравнении с Западом. По мнению Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, необходимо акцентировать внимание на изучении внутренних процессов в развитии общества «в самой стране», его специфики, а сравнительно-исто-

рический метод «может быть использован на заключительной стадии исследования»⁷⁵.

К теме становления предпринимательства и торгово-промышленного сообщества в России, его политической организации проявляют интерес и зарубежные исследователи⁷⁶. Приметой современного периода стал выход совместных сборников российских и западных учёных, где раскрываются вопросы делового и социокультурного многообразия русского купечества, сочетавшего в себе черты нового и патриархального, с использованием порой нетипичной для отечественной историографии источниковой базы, например фотографий, воссоздающих, по словам Дж. Уэста (США), одновременно и реальное, и иллюзорное видение истории⁷⁷.

Изучив фотографии, американские историки-русисты сочли необходимым говорить о «паразитической культурной эволюции», наблюдавшейся в России в купеческой среде на рубеже XIX–XX вв., о том, что «московские купцы перенимали чисто внешние черты европейского капитализма, но они старались избежать этого, если существовала возможность сохранить традиционные формы», что «к 1910 г. традиционный подход уступил место более современному как в области бизнеса, так и во внешнем облике московских предпринимателей», но «при этом их европейский внешний облик отнюдь не означал, что предприниматели отказались от национальных взглядов на экономику и политику»⁷⁸.

Сферу интересов Р. Линднера (Германия) составила проблема становления «гражданственности и гражданской культуры» в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере г. Екатеринослава) как коммуникация и социальная практика, и роль предпринимателей, являвшихся «приверженцами гражданских ценностей» («носителей гражданской идентичности») и представлявших собой «новый социальный средний слой города», в этом процессе была очевидной⁷⁹.

Рассмотрение социальной истории России в контексте «гражданской идентичности» вызвало полемику об общественной и политической активности предпринимателей в начале XX в. Ю. А. Петров, с одной стороны, назвал «далёким от действительности» тезис советской историографии о недостаточной политической развитости российской буржуазии и её неспособности «поступить узкокорыстными интересами ради более широко понятых общеклассовых интересов», а, с другой, – выразил несогласие с позицией американской историографии «о внелиберальной политической ориентации московских деловых кругов» и «о преобладании в их среде дезинтеграционных тенденций над объ-

единительными, консолидационными»⁸⁰. По его мнению, историческое поражение в октябре 1917 г. российская буржуазия потерпела не из-за политической незрелости своих вождей, а «в силу общецивилизационных условий исторического развития» страны⁸¹.

Особую историографическую группу по теме нашего исследования составляет региональная литература, посвящённая истории купеческого сословия Вятско-Камского края. Современный период отмечен переходом от эпизодических упоминаний о деятельности гильдейских предпринимателей, характерных для общих работ по истории региона, отдельных статей, к выпуску сборников и монографий конкретно-исторического содержания, посвящённых купечеству. Развитие региональной историографии нашей проблемы идёт через изучение тем, связанных с формированием, профессиональной деятельностью, благотворительностью и менталитетом представителей делового сообщества уездных городов⁸², и исследование биографий отдельных крупных купеческих династий⁸³.

Ценным является тот факт, что в работах местных авторов используются комплексы новых архивных материалов, делается акцент на влияние в развитии деятельности купечества природно-географических, социально-экономических и национально-культурных особенностей региона, прослеживаются источники формирования купеческих обществ отдельных уездных городов, пути складывания их гильдейских капиталов, становление ментальной специфики. Вместе с тем, ориентация на исследование зачастую лишь избранных купеческих групп или семей в границах локальных территорий, замкнутость на конкретной проблематике не позволили цельно осветить развитие купеческого сословия Вятско-Камского региона в рамках всего периода его существования, начиная с последней четверти XVIII в. и до 1917 г.

В то же время, это обстоятельство нельзя назвать недоработкой региональной историографии, поскольку на рубеже XX–XXI вв. шёл процесс накопления фактического материала по данной тематике и многие работы не претендовали на всесторонность и окончательность выводов. Сыграл свою роль и тот момент, что изучение, например, истории Удмуртии традиционно строится на материалах четырёх уездов Вятской губернии – Глазовского, Елабужского, Малмыжского, Сарапульского, и, соответственно, в сферу интересов ижевских учёных вошли купеческие общества юго-востока региона.

Особо следует сказать о нацеленности некоторых авторов на поиск новых подходов в исследовании истории местного купечества. Так, Н. П. Лигенко понятие «толерантность» соотнесла, используя ре-

гиональные материалы, с историей купеческого сословия и пришла к выводу, что оно «по характеру формирования было самым толерантным сословием в России»⁸⁴. Этим же автором осмысливалось значение предпринимательского капитала в развитии модернизационных процессов на юго-востоке Вятской губернии⁸⁵.

Один из аспектов историографии темы соприкасается с рассмотрением деятельности купцов в контексте проблем, связанных с историей системы местного управления, благотворительности, общественно-политической и повседневной жизни региона, позволяющих оценить масштабы их социальной активности⁸⁶. Исследования этой группы дополняют общий портрет гильдейской корпорации важными эпизодами деятельности видных её представителей.

Как видим, современный период характеризуется появлением целого ряда новых тем и направлений по истории купеческого сословия России, не свойственных для историографии раннего времени, раскрывающих не только черты профессиональных занятий и общественно-политической деятельности этой группы населения, но и особенности социального облика купечества, его внутреннего мира, специфику повседневной жизни и т. д. Используемые авторами новые научные подходы, широкий круг архивных источников позволили проследить многие глубинные процессы становления изучаемой сословной группы.

В то же время, характерным явлением современной историографии стало рассмотрение истории купечества через призму предпринимательства как глобального явления социально-экономической жизни досоветской России. Обобщающих же работ собственно по истории купечества, охватывающих период с момента его оформления в сословную группу по екатерининской Жалованной грамоте городам до 1917 г., имеется незначительное число. Заметны и наибольшая степень проработки вопросов о жизнедеятельности предпринимателей столичных регионов, в особенности московского купечества, акцентирование внимания при создании обобщающих трудов на проблемы именно их развития.

Можно констатировать, что к настоящему времени сложился широкий круг литературы по избранной нами теме, связанный с основными периодами становления исторической науки в России – дооктябрьским, советским и современным, имеющими свои особенности, которые активно стали отражением и своей эпохи.

1.2. Основные источники по истории регионального делового мира

В ходе работы над темой исследования нами изучались как опубликованные, так и неопубликованные документальные материалы, хранящиеся в различных архивных и библиотечных фондах. Весомую долю составили источники, извлечённые из трёх центральных и четырёх региональных государственных архивов. Значительная их часть ранее исследователями не рассматривалась, поэтому работа с ними создала поле для проведения полноценного источниковедческого анализа с выяснением авторства документа, обстоятельств его создания, критическим осмыслением содержания и обобщением результатов. Положенные в основу нашего труда источники объединены по видам в следующие группы: законодательные документы и актовые материалы, делопроизводственная документация, статистические материалы, справочные издания, летописание и письменные исторические памятники, публицистические и литературные произведения, периодическая печать, источники личного происхождения.

Корпус законодательных документов включает в себя важнейшие памятники правовой мысли от Судебников XV–XVI вв. и Соборного уложения 1649 г. до декретов советской власти, позволившие проследить основные этапы развития купеческого сословия в контексте общих социально-экономических преобразований в стране, изменений в его профессиональных занятиях и общественной жизни, выявить степень влияния государства на процессы становления изучаемой группы населения и особенности её юридического статуса в конкретные исторические периоды.

Важное значение имело исследование законодательных документов XVIII в., способствовавших оформлению купечества как корпоративной организации (Регламент или Устав Главного магистрата от 16 января 1721 г., Манифест о Высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключённого мира с Портою Оттоманскою от 17 марта 1775 г., Указ о сборе с купцов вместо подушных по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии от 25 мая 1775 г., Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г.) и определявших его служебную деятельность (Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г.); законодательных материалов XIX столетия, укреплявших сословные права российской деловой элиты (Манифест о дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распростране-

нию и усилению торговых предприятий от 1 января 1807 г., Указ о количестве капиталов, каковые должны объявлять купцы по гильдиям от 8 ноября 1807 г., дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний от 14 ноября 1824 г.), отражавших основные черты эволюции гильдейской корпорации (Манифест об установлении нового сословия под названием почетных граждан от 10 апреля 1832 г., Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. и от 9 февраля 1865 г., Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г.) и втягивавших её как неотъемлемое звено сферы местного самоуправления в орбиту деятельности учреждений эпохи капитализма (Городовые положения от 16 июня 1870 г. и 11 июня 1892 г., Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. и 12 июня 1890 г.).

Законодательным источником, позволившим проанализировать вопрос о правовом статусе купеческого сословия, сложившемся в XIX – начале XX в., стал и Свод законов о состояниях, опубликованный в 1913 г.⁸⁷ Особую ценность представляют его статьи «о должностях по управлению купечества», определявшие систему избрания, правовое положение и круг полномочий купеческих старост.

Некоторые из документов характеризуемой группы напрямую связаны с деятельностью крупных региональных купцов, в частности, К. А. Анфилатова (Указ Александра I Н. П. Румянцеву об одобрении отправки К. А. Анфилатовым трех кораблей в Соединенные Штаты Америки и об освобождении его судов от уплаты таможенных пошлин от 29 декабря 1805 г.; Устав для учреждаемого Вятской губернии в городе Слободском Общественного городского банка, получивший силу закона 29 октября 1809 г.), и тем самым, помимо информационной составляющей, позволяют проследить реакцию властей на экономические инициативы, исходящие с мест.

Широкий хронологический охват, регулирование важнейших сфер деятельности российского купечества, высокая степень достоверности, доступность, проявляемая в публикациях, главным образом, в трёх изданиях Полного собрания законов Российской империи, – всё это черты, которые ставят законодательные источники в разряд первостепенных в проведении полноценного исследования по нашей теме.

В числе документов юридического характера по истории купечества использовались и актовые материалы, фиксировавшие правовые отношения, связанные с профессиональными занятиями и общественной деятельностью представителей изучаемого сословия.

Акты (договорные записи, жалованные грамоты), опубликованные в документальных сборниках⁸⁸, дают возможность охарактеризовать

этапы становления торговых слоёв населения как субъектов социально-политической и хозяйственной жизни российской провинции в ранний период, до оформления в гильдейское общество, свидетельствуя об особом социально-экономическом статусе этой группы.

Среди архивных документов исследовались контракты о поставках товаров, в которых подробно оговаривались условия сделок (ГАКО. Ф. 582); различные договоры – об учреждении торгово-промышленных объединений, в частности, торговых домов (ГАКО. Ф. 628), о разделе «торгового дела», капиталов и имущества между наследниками, имевшие и название «домашнее условие» (ГАКО. Ф. 499); уставы – «Положение о Вятском городском общественном банке Ф. Веретенникова» (ГАКО. Ф. 190), Устав товарищества Вятско-Волжского пароходства, Устав Вятской биржи (ГАКО. Ф. 628), Устав Вятского благотворительного общества (ГАКО. Ф. 582), Устав городской общественной богадельни в г. Слободском (ГАКО. Ф. 585). Все эти документы, отложившиеся в фондах государственных учреждений, органов местного самоуправления, банков, фирм и несущие в себе информацию, прежде всего, конкретно-исторического содержания, способствуют выяснению локальных правовых оснований деятельности купцов.

Изученные нами как изданные, так и неопубликованные актовые материалы по истории регионального купечества, объединяющие, как мы убедились, разные по содержанию документы, в основном, учредительного характера, отражают ведущие направления деятельности гильдейского сообщества, показывая уровни его взаимодействия внутри своей корпорации, а также с государством и с другими социальными группами.

Богатый фактический материал, характеризующий жизнедеятельность купеческого сословия в течение длительного времени, извлечён из делопроизводственной документации – одного из наиболее обширных комплексов источников по нашей теме.

При изучении начальной истории регионального купечества, определения фамилий и состава семей торговых людей, их местожительства и рода занятий большой интерес представляют материалы писцового делопроизводства (Вятская дозорная книга 1615 г., писцовые книги 1628–1629 гг., вятские переписные книги 1678, 1710, 1717 гг.), опубликованные в специальных изданиях⁸⁹. Основные направления торговли купцов, ассортимент и количество их товаров, наличие транспортных средств и наёмных работников, размеры выплаченных пошлин фиксировали таможенные книги⁹⁰, штрихи служебной деятельности зажиточных посадских людей отражались в составленных ими расходных

книгах⁹¹. Отдельные сведения о купцах содержатся и в судебно-следственных делах⁹².

Эпизоды становления регионального купечества в петровский и екатерининский периоды прослеживаются в частно-публичных (просительных) документах и в материалах «Комиссии по составлению Нового уложения 1767–1768 гг.», в частности, в Наказе депутату от купечества г. Хлынова⁹³, позволяющих выяснить уровень притязаний купечества в конкретную историческую эпоху, рассмотреть характер требований по укреплению его экономических позиций и социального статуса. В «ведомости, учиненной в Санкт-Петербургской портовой таможене об отвозных за море российских товарах в прошлом 1764 году» отражены направления внешней торговли вятских и слободских купцов⁹⁴.

Из опубликованных делопроизводственных материалов XIX – начала XX в. нами изучалась группа источников с обобщающей информацией о развитии региона, включающей, прежде всего, сведения о торговле и промышленности; с данными о деятельности общественных организаций, учреждённых при активном участии представителей делового мира, о деятельности органов местного самоуправления⁹⁵. Ценность этой документации заключается в возможности определения роли купечества в процессах социально-экономического становления и общественного развития северо-востока Европейской России.

Самый обширный пласт делопроизводственных материалов сосредоточен в архивных фондах.

В ходе рассмотрения вопросов, связанных с формированием гильдейской корпорации в регионе в конце XVIII в., исследовались рапорты городских магистратов в губернский магистрат с ведомостями о купцах, выписки из журналов губернского магистрата о записи в это сословие (ГАКО. Ф. 1325), ведомости «сколко Вятского наместничества в городах купцов, каких гильдиев и сколко от них объявлено капиталу», рапорты городничих в Вятское наместническое правление о желающих записаться в купцы, именные списки экономических и черносошных крестьян, изъявивших желание перейти в купечество (ГАКО. Ф. 583), ведомости «о состоящих в городах здешней губернии купцах» (ГАКО. Ф. 582), ведомости об объявлении купеческих капиталов, о числе купцов и мещан «и о принадлежащем с них в казну доходе», приходе-расходные книги «собранных с вятского купечества с объявленного ими по совести капитала процентным денгам» (ГАКО. Ф. 12).

При характеристике процессов формирования купеческого сословия, его численности и состава в XIX – начале XX столетия изучались окладные книги Вятской казённой палаты «о купцах и их капиталах

и платимых ими в казну повинностях», книги «о переменах в числе купцов Вятской губернии», ведомости о купцах, «возобновивших и невозобновивших гильдейские свидетельства», «ведомости лиц купеческого звания, подлежащих зачислению в мещане» (ГАКО. Ф. 176), ведомости городских магистратов «о купцах и о капиталах их», ведомости «о купцах в Вятской губернии по всем гильдиям» (ГАКО. Ф. 582), ведомости «Вятской городской управы о купцах и выданных им сословных купеческих свидетельствах» (ГАКО. Ф. 628), объявления о купеческих капиталах (ГАКО. Ф. 630), прошения купцов в департамент герольдии Правительствующего Сената о возведении их в почётное гражданство (РГИА. Ф. 1343). С целью установления общих закономерностей становления купечества рассматривались аналогичные документы и по другим регионам, имевшим экономические связи с Западным Предуральем (ГАЯО. Ф. 501; Ф. 509). Впервые комплексно и в сопоставлении проанализированные за длительный исторический период сведения, отложившиеся во всех этих источниках, позволили не только определить численность и состав гильдейских предпринимателей, размеры их капиталов, но и выявить основные региональные тенденции в развитии изучаемой сословной группы и факторы, обусловившие их.

Одним из аспектов формирования купечества, являвшихся показателем устойчивости гильдейских корпораций, было формирование и функционирование его сословных обществ. Немалый исследовательский интерес представляют описи фонда Вятской городской управы, включающие в себя дела купеческого старосты губернского центра с разнородным составом документов (ГАКО. Ф. 628. Оп. 17; Оп. 17-а). Среди них особо выделим предписания губернатора, губернского правления, городской думы старосте, «объявления от купеческого старосты», списки лиц купеческого сословия, «имеющих право участвовать в собраниях купеческого общества», протоколы собраний общества и его комиссий, «книгу на записку прихода и расхода денежных сумм» купеческого старосты, отчёты «о приходе, расходе и остатке сумм, поступивших на содержание канцелярии купеческого старосты», «книгу на записку исходящих бумаг вятского купеческого старосты», прошения купцов.

Содержащиеся в фондах канцелярии вятского губернатора (ГАКО. Ф. 582) и губернского по земским и городским делам присутствия (ГАКО. Ф. 587) документы о выборах купеческих старост, состоящие из «приговоров купеческого общества», баллотировочных списков, клятвенных обещаний, рапортов, уведомлений об утверждении купцов в должности старост, детально воссоздают процедуру избрания на этот высокий пост в системе сословного самоуправления.

Делопроизводственная документация, содержащаяся в архивных фондах, стала важной источниковой базой для характеристики профессиональных занятий регионального купечества.

В ходе исследования вопросов развития купеческого предпринимательства в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. анализировались: «экстракт, учиненной из записок, поданных от градских голов Вятской губернии, содержащих в себе сведения о купеческих торговлях, их капиталах и кредиторах, равно и просимые ими суммы к размножению торговли» 1786 г. (ГАКО. Ф. 583), письмо коллегии иностранных дел в коммерц-коллегию о ферманах Оттоманской Порты для вручения их поверенному слободского купца 1-й гильдии К. А. Анфилатова от 27 мая 1805 г. (РГАДА. Ф. 276), рапорты городских магистратов губернатору о «купеческой коммерции», ведомости «о торгующих при портах купцах», составлявшиеся в канцелярии губернатора со сведениями о фамилиях гильдейских предпринимателей, суммах объявленных ими капиталов, наличии жилых построек, промышленных заведений и «от общества аттестатов», рапорты городских магистратов губернатору о действующих торговых домах, регистры со сведениями о фабриках и заводах губернии (ГАКО. Ф. 582), журналы заседаний городских магистратов с приказами по торгово-предпринимательским делам купечества (ГАКО. Ф. 11; Ф. 12), ведомости «о лавках, частным лицам принадлежащих в городе Слободском» (ГАКО. Ф. 864) и ряд других документов.

Уведомления департамента торговли и мануфактур Министерства финансов учредителей торгово-промышленных товариществ о разрешении открыть фирму (РГИА. Ф. 20), рапорты податных инспекторов в Вятскую казённую палату со сведениями о кредитных учреждениях, торговых домах, фирмах, товариществах и купцах 1-й гильдии, годовые отчёты торгово-промышленных объединений (ГАКО. Ф. 176), ведомости и сведения о фабриках и заводах, ведомости «о личных землевладельцах и купцах, имеющих дачи собственные или арендные», сведения для Всеподданнейшего отчёта губернатора (ГАКО. Ф. 574), ведомости о числе купеческих контор для закупки хлеба (ГАКО. Ф. 582) способствовали установлению направлений профессиональной деятельности купечества во второй половине XIX – начале XX в.

Выявленный комплекс документального материала по этой теме изобилует фактографическим материалом, ссылками на конкретных представителей регионального делового мира и статистическими данными, поэтому видовая принадлежность части источников этой группы носит пограничный характер.

Делопроизводственная документация стала неотъемлемым звеном при рассмотрении служебной, благотворительной и политической деятельности купцов. Круг занимаемых ими должностей фиксировался в обывательских книгах (ГАКО. Ф. 583; Ф. 1074), в «формулярных списках о службе» (ГАКО. Ф. 616; Ф. 628; Ф. 587; ЦГАУР. Ф. 245), а участие в общественной жизни – в журналах заседаний органов местного самоуправления (ГАКО. Ф. 585; Ф. 587; Ф. 616; Ф. 630; Ф. 864; Ф. 1074; Ф. 1190), в постановлениях и отчётах Вятской губернской земской управы (ГАКО. Ф. 616), в журналах заседаний Попечительного комитета Вятской губернской публичной библиотеки, в регистрах сведений о пожертвованиях, в министерских уведомлениях о награждениях (ГАКО. Ф. 582), в отчётах благотворительных учреждений (ГАКО. Ф. 574; Ф. 582). Часть документов, посвящённых этой стороне деятельности региональной деловой элиты, и, прежде всего, массовый источник – «формулярные списки о службе», воссоздаёт общий портрет купцов, включая такие сведения о них, как «из какого звания происходит», «есть ли имение», «где получил воспитание и окончил ли полный курс наук...», «холост или женат».

Вопросы об участии купечества в политической жизни региона раскрывались на основе губернаторских докладов с грифом «совершенно секретно» в Министерство внутренних дел, Всеподданнейших отчётов губернаторов (РГИА. Ф. 1263; Ф. 1282), годовых политических обзоров Вятской губернии, отправленных начальниками губернского жандармского управления в департамент полиции, со сведениями о настроениях различных слоёв населения, о работе местных учреждений и общественных организаций; переписки губернаторов с министрами внутренних дел (ГАРФ. Ф. 102), рапортов уездных исправников губернаторам (ГАКО. Ф. 582), списков деятелей оппозиционных партий (ГАКО. Ф. 714), сведений уездных исправников для Всеподданнейших отчётов губернаторов (ГАКО. Ф. 574), списков вятских политических ссыльных (ГАСПИ КО. Ф. 45). Эти документы, отражающие, в основном, официальный взгляд на текущие события, дают обширный пласт сведений, необходимых для цельного и объективного восприятия исторической действительности.

Многогранная информация по нашей тематике содержится в группе статистических материалов, широко представленных в дореволюционных и современных общероссийских и местных изданиях, а также в неопубликованных источниках. Количественные данные, извлечённые из материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи⁹⁶, Памятных книжек Вятской губернии и Календарей и других

специальных изданий⁹⁷, а также из архивных документов, прежде всего, хранящихся в фондах Вятской губернской казённой палаты (Ф. 176), Вятского губернского статистического комитета (Ф. 574), канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) Госархива Кировской области, послужили исходной базой для определения численного состава купеческого сословия и при составлении приложений, связанных с демографической статистикой. Эти сведения позволили установить число купеческих семей (и «душ») в разрезе их деления на гильдии по городам в сравнении с общей численностью населения региона и, таким образом, способствовали проведению разноуровневого анализа процессов становления изучаемой группы населения.

В ходе исследования профессиональной деятельности купцов использовалась статистика промышленности, торговли и землевладения, собранная в большинстве случаев губернским статкомитетом, открытым ещё в 1835 г. Важная информация с цифровыми показателями о торгово-предпринимательских занятиях купцов, о размерах их земельных владений, о развитии экономики в целом по региону содержится в таблицах, помещённых в Памятных книжках Вятской губернии и Календарях: «Ведомость о числе торговых и промышленных заведений в Вятской губернии за 1868 год», «Количество отправленного хлеба к Архангельску, Рыбинску и др. городам за 1885 год», «Распределение поземельной собственности Вятской губернии по главным категориям владельцев», «Распределение земель частной собственности в Вятской губернии по сословиям владельцев», «Заготовки хлебных, льняных и кудельных товаров в зиму 1900–1901 года на пристанях р. Вятки к открытию навигации 1901 года»⁹⁸, в приложениях к Всеподданнейшему отчёту вятского губернатора, в «Материалах по статистике Вятской губернии»⁹⁹.

Изученная нами статистика, относящаяся к двум её основным группам – ведомственной и Центрального статистического комитета, обладая высокой степенью достоверности и массовостью, позволила проследить на уровне цифровых данных за изменениями, происходившими в социально-экономическом развитии Вятско-Камского региона в рассматриваемый период.

Информационный потенциал справочных изданий связан с наличием в них сведений по ряду наиболее существенных, определявших «лицо» регионального делового сообщества направлений его жизнедеятельности. Часть материалов характеризует профессиональные занятия купечества¹⁰⁰, и ценно, что имеющаяся в источниках фактография представлена, в том числе, и в общероссийском контексте, в частности,

в сборниках «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи», «Список фабрик и заводов Европейской России», «Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной служебной и экономической деятельности и пр.»¹⁰¹, тем самым позволяя делать широкие обобщения, к примеру, о роли местных гильдейских предпринимателей в развитии экономики страны.

Изучение «Адрес-календарей», или списков лиц, служащих в Вятской губернии, способствует выявлению на уровне персоналий векторов административной и общественной деятельности купечества, установлению степени его вовлечения в работу государственных учреждений и органов местного самоуправления. Данные этих источников использовались при подсчёте общей численности купцов в губернских и уездных земских учреждениях, в городских думах и управах.

Публиковавшиеся в одном издании с «Адрес-календарями» материалы с хроникой текущих событий¹⁰², со сведениями о благотворительности¹⁰³, а также сборники о благотворительных учреждениях России¹⁰⁴ содержат конкретно-историческую информацию, позволяющую выявить приоритеты купечества в сфере общественной жизни, их отношение к действительности, к той или иной ситуации и к современникам.

В связи с тем, что особое внимание в нашей работе обращается на терминологические аспекты темы, большое значение имело изучение различных толковых словарей, энциклопедии Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона¹⁰⁵, с помощью которых нами определялось смысловое содержание понятий на конкретном историческом этапе.

Используемые справочные издания составлялись, главным образом, правительственными и научными учреждениями, что позволяет говорить о высокой степени достоверности сообщаемых в них сведений и, соответственно, свидетельствует о репрезентативности информации этой группы документальных материалов в целом.

Разнообразен и комплекс нарративных источников, в состав которых вошли летописание и письменные исторические памятники, публицистические и литературные произведения, периодическая печать, материалы личного происхождения. В сравнении со многими официальными документами их основные отличительные черты заключаются, во-первых, в возможности исследования проблем развития торгово-промышленного населения в широких хронологических рамках, во-вторых, в отражении наиболее актуальных и значимых вопросов того или иного исторического периода, в-третьих, в уникальном свойстве самих источ-

ников передавать факты через призму личного восприятия их современниками, собственного понимания ими процессов действительности.

Особо выделим материалы периодической печати, опубликованные в ведущих местных изданиях – в «Вятских губернских ведомостях», «Вятских епархиальных ведомостях», «Вятском крае», «Вятской речи», «Прикамском крае», «Прикамской жизни», чьи статьи и репортажи дают богатейший фактический материал для осмысления широкого круга вопросов и профессиональной, и общественно-политической, и благотворительной деятельности регионального купечества.

При изучении его торгово-предпринимательских занятий анализировались газетные публикации с объявлениями об ассортименте продаваемых купцами товаров, с информацией о существовавших в губернии банках, промышленных предприятиях, различных коммерческих учреждениях, о развитии землевладения, о наградах, полученных за участие в выставках.

Содержащиеся на страницах периодических изданий отчёты благотворительных заведений, ведомости о пожертвованиях нуждавшимся, статьи о милосердной деятельности купцов в период войн, сообщения о членах попечительных комитетов образовательных учреждений и библиотек указывают на конкретные направления общественных занятий обладателей гильдейских капиталов.

Большой интерес представляют статьи с оценками событий текущей общественно-политической жизни второй половины XIX – начала XX в., публиковавшиеся в «Вятской незабудке» Ф. Ф. Павленкова¹⁰⁶ и в местной либеральной прессе («Вятский край», «Вятская речь»). Нами изучались материалы о деятельности местных организаций политических партий, о выборных кампаниях, проводившихся в Западном Предуралье в начале XX столетия, о революционных событиях 1905–1907 и 1917 гг.

Ценные биографические сведения о крупных гильдейских предпринимателях содержались в статьях-некрологах. Немало важных фактов, в частности, мы почерпнули из публикаций об А. И. Машковце, Я. А. Прозорове, Я. И. Поскребышеве¹⁰⁷.

Совокупно с местной периодикой нами анализировались статьи, помещённые в «Вестнике Европы», «Трудах Императорского Вольного экономического общества»¹⁰⁸.

Периодическая печать наполнила наше исследование «живой» информацией и явилась, главным образом, дополнительным источником, иллюстрировавшим данные архивов, а также опубликованных источников, лишённых эмоционального накала, с более высокой степенью достоверности в освещении событий.

Специальным изучением были охвачены и материалы личного происхождения – купеческие мемуары, автобиографии, дневники, переписка. У истоков исследования этого корпуса документов, зародившегося ещё в XVIII в., стоял Б. Б. Кафенгауз. Выделив в первую группу записки предпринимателей, повествующих о своей личной жизни и коммерческой деятельности (Крестовников, Сытин и др.), во вторую – мемуары выходцев из купеческого сословия – «лиц интеллигентных профессий» (Полевой, Станиславский, Брюсов), он констатировал, что купеческие мемуары являются ценным историческим памятником, прежде всего, с бытовым содержанием¹⁰⁹.

Роль мемуаристики в изучении различных аспектов истории России, включая и социально-культурные, рассматривалась и в современной историографии¹¹⁰. Важным шагом в изучении купеческих воспоминаний стали их публикации в последний период¹¹¹.

В результате нашей архивной и библиотечной поисковой работы был выявлен круг местных купцов-мемуаристов и авторов – выходцев из слоя гильдейских предпринимателей, оставивших воспоминания, позволивший комплексно и в сопоставлении проанализировать их творческое наследие¹¹². По итогам изучения купеческой мемуаристики были изданы не опубликованные ранее воспоминания¹¹³.

В целях воссоздания объективных портретов представителей делового сообщества анализировались мемуары и переписка и представителей других слоёв населения – ссыльных, видных общественных деятелей, политиков, деятелей культуры¹¹⁴, проводились сравнения данных нарративных источников со сведениями, содержащимися в документах государственных учреждений.

Как видим, в целом по теме нашего исследования отложился значительный комплекс источников с документами, информационный потенциал которых многогранен. Необходимо обратить внимание на общую хорошую сохранность документальных материалов по истории купечества в региональных архивах и библиотеках, их доступность, но, вместе с тем, существуют и определённые сложности в работе как с опубликованными, так и неопубликованными источниками: это пограничная видовая природа некоторых документов, применение в дореволюционный период неоднородных методик и подходов к осуществлению статистических подсчётов, множественность фрагментарных сообщений, разбросанность их по фондам различных учреждений.

Преодоление этих проблем осуществлялось посредством проведения детального анализа всей информации, связанной с документом – от уточнения круга учреждений и лиц, причастных к составлению источ-

ника, их компетентности и адресата до оценки содержания материала в совокупности; поиска новых документальных данных, обладающих высокой степенью достоверности. Ориентированность на системное изучение источниковой базы, критический отбор документального материала, понимание источника как продукта человеческой деятельности и одновременно «произведения» своей эпохи и легли в основу нашей исследовательской практики по избранной теме.

Примечания

¹ Кизеветтер А. А.: 1) Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903; 2) Гильдия московского купечества : ист. очерк. М., 1915.

² Кизеветтер А. А. Посадская община в России. С. 797–798.

³ Там же. С. 798–799.

⁴ Московская биржа, 1839–1889. М., 1889; Тимофеев А. Г. История С.-Петербургской биржи. СПб., 1903; Гушка А. О. (А. Ерманский). Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб., 1912; История Московского купеческого общества, 1863–1913. Т. 2, 4–5. М., 1913–1916; Московское купеческое собрание : ист. очерк. М., 1914.

⁵ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909–1911.

⁶ Королева Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995. С. 8–10; Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 1. М., 2005. С. 9–10.

⁷ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.

⁸ Иоксимович Ч. М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915.

⁹ Шапов Я. Н. Предпринимательская и культурная деятельность Шаповых (конец XVIII – начало XX в.) // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов. Вып. 1. Киров, 2008. С. 128.

¹⁰ См., например: 1000 лет русского предпринимательства : из истории купеческих родов. М., 1995.

¹¹ Спицын А. А. История рода Рязанцевых. Вятка, 1884.

¹² Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов : очерк его жизни и деятельности : к столетию Слободского общественного Анфилова банка, 1810–1910. СПб., 1910; Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913.

¹³ Чулков Н. П. Московское купечество XVIII и XIX веков : (генеалогические заметки) // Русский архив. 1907. Кн. III, вып. 12. С. 489–502.

¹⁴ Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2, ч. 2. СПб., 1910. С. 101–145.

¹⁵ Там же. С. 110, 119.

¹⁶ Пажитнов К. А. Очерк развития буржуазии в России // Образование. 1907. № 2. Отд. II. С. 1–23; № 3. Отд. II. С. 59–88.

- ¹⁷ Гушка А. О. Указ. соч. С. 95, 207–208.
- ¹⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 21. М., 1961. С. 288–305.
- ¹⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 21. М., 1961. С. 394–396; С. 346–347; С. 397–399; С. 419–422 и др.
- ²⁰ Приселков М. Д. Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. // Первая отчетная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Л., 1925. С. 1–47; Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Труды о-ва изучения Московской губернии. Вып. 1 : Московский край в его прошлом : очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. М., 1928. С. 105–128.
- ²¹ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 1–47.
- ²² Кафенгауз Б. Б. Указ. соч. С. 118–119.
- ²³ Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 167.
- ²⁴ Сеф С. Е. Буржуазия в 1905 году по неизданным архивным материалам. М.; Л., 1926.
- ²⁵ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1939. С. 371.
- ²⁶ См.: Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР. 4-е изд. Т. 2 : Капитализм. М., 1956; Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, её развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 57–80; № 3. С. 37–60; Лаверычев В. Я.: 1) По ту сторону баррикад : (из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967; 2) Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.). М., 1974; и др.
- ²⁷ Гиндин И. Ф. Указ. соч. // История СССР. 1963. № 3. С. 59.
- ²⁸ Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.). С. 9–10.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 231.
- ³¹ Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966. С. 178–206.
- ³² Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 314–323.
- ³³ Рындзюнский П. Г.: 1) Гильдейская реформа Канкрин 1824 года // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 110–139; 2) Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- ³⁴ Нифонтов А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. : (по материалам переписей населения г. Москвы в 70–90-х годах XIX в.) // Исторические записки. Т. 54. М., 1955. С. 239–250.
- ³⁵ Там же. С. 250.
- ³⁶ Гавлин М. Л.: 1) Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории : сб. статей аспирантов и соискателей Института истории СССР. Ч. 1. М., 1973. С. 166–188; 2) Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период // Исторические записки. Т. 92. М., 1973. С. 336–355.

³⁷ Гавлин М. Л. Социальный состав крупной московской буржуазии. С. 187–188.

³⁸ Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953; Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.

³⁹ Полянский Ф. Я. Указ. соч. С. 403–413.

⁴⁰ Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969. С. 156–160.

⁴¹ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 17–19.

⁴² Шепелев Л. Е.: 1) Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; 2) Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.

⁴³ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 229–230.

⁴⁴ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; Пирумова Н. М.: 1) Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977; 2) Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. (В дальнейшем В. А. Нардова опубликовала работу: Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994); Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

⁴⁵ Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 27.

⁴⁶ Нардова В. А. Городское самоуправление в России. С. 69–71, 134–151, 249–255 и др.

⁴⁷ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск, 1975; Из истории буржуазии в России : сб. статей / отв. ред. Г. Х. Рабинович. Томск, 1982; Самарина Н. В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1984; Гущина Л. И. Формирование и предпринимательская деятельность крупной буржуазии Кубанской области и Черноморской губернии (1860-е – 1913 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1985.

⁴⁸ Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 32–67; Луппов П. Н. История города Вятки / отв. ред. И. И. Смирнов. Киров, 1958. С. 129–132, 167–177, 205–212; Смирнов Д. Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков / науч. ред. С. А. Орлов. Горький, 1978; и др.

⁴⁹ Боханов А. Н.: 1) Российское купечество в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1985. № 4. С. 106–118; 2) Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX – начало XX в.) // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 276–302; 3) Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; 4) Торговые дома в России в конце XIX – начале XX века (численность, структура, состав владельцев) // История СССР. 1990. № 4. С. 88–101; 5) Савва Мамонтов // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 48–67; В дальнейшем А. Н. Боха-

новым опубликованы работы: Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992; Деловая элита России 1914 г. М., 1994.

⁵⁰ Боханов А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. С. 117–118.

⁵¹ Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. С. 7, 171–172.

⁵² Там же. С. 168.

⁵³ Аксёнов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. : (из истории формирования русской буржуазии). М., 1988; В дальнейшем вышла его книга, которую сам автор назвал «логическим продолжением исследования по генеалогии московского купечества» – Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993.

⁵⁴ Аксёнов А. И. Генеалогия московского купечества. С. 140–143.

⁵⁵ Бурышкин П. А. Москва купеческая : мемуары. М., 1991.

⁵⁶ Ульянова Г. Н., Шацилло М. К. Вступительная статья // Бурышкин П. А. Москва купеческая : мемуары. С. 5–37.

⁵⁷ Думова Н. Г. Московские меценаты. М., 1992; Кузьмичев А. Д., Петров Р. Р. Русские миллионщики : семейные хроники. М., 1993; Гавлин М. Л. Российские Медичи : портреты предпринимателей. М., 1996; Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998; Юденкова Т. В. Павел и Сергей Третьяковы : предпринимательская и благотворительная деятельность // Отечественная история. 2007. № 2. С. 16–33; Краско А. В. Петербургское купечество : страницы семейных историй. М., 2010.

⁵⁸ Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997; Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998; Мезелина Т. Г., Мосин А. Г., Мудрова Н. А., Неклюдов Е. Г. Род Строгановых : культурно-ист. очерки. Екатеринбург, 2007.

⁵⁹ Бойко В. П.: 1) Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. : из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996; 2) Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. : очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007; Кусова И. Г. Рязанское купечество : очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996; Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000; Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана : в 2 т. Казань, 2001; Скубенский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. : монография. Барнаул, 2001; Девятых Л. И. Из истории казанского купечества. Казань, 2002; Баяндина Н. П. Пермь купеческая. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2002; Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). М., 2006; Мушкалов С. М. Грибушины. Пермской губернии династия. Пермь, 2007; Семенов В. Л. Н. В. Мешков: пермский миллионер, либерал и просветитель. Пермь, 2008; Банникова Е. В. Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде : монография. Оренбург, 2009; Свердлов Л. М. Казанское купечество: соц.-экон. портрет (конец XVIII – начало XX в.). Казань, 2011.

⁶⁰ Барышников М. Н. Политика и предпринимательство в России: из истории взаимодействия в начале XX в. СПб., 1997; Козлова Н. В. Российский абсолю-

тизм и купечество в XVIII в., 20-е – начало 60-х годов. М., 1999; Нилова О. Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX в. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М., 2002; Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.

⁶¹ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997; История предпринимательства в России. Кн. 1–2. М., 1999–2000; Перхавко В. Б. История русского купечества. М., 2008.

⁶² Барышников М. Н.: 1) История делового мира России : пособие для студентов вузов. М., 1994; 2) Деловой мир России : ист.-биограф. справочник. СПб., 1998; Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н. Отечественное предпринимательство : очерки истории : учеб. пособие. М., 1995; 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995; Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России : учеб. пособие. М., 1998; Никитина С. К. История российского предпринимательства. М., 2001; Кротова Г. А. Купцы и предприниматели Уральского региона, XVII – начало XX в. Екатеринбург, 2001; Помпеев Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства : учеб. пособие. СПб., 2002; и др.

⁶³ Захаров В. В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1996; Медведев Ю. В. Роль московского купечества в социально-культурном развитии России, середина XIX – начало XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Филиппов Д. Ю. Купечество города Касимова конца XVIII – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998; Рыкина Г. С. Московское купечество в конце XIX – начале XX столетия: образ торговца-предпринимателя и его ментальные особенности : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Щукин И. А. История купечества Восточной Сибири в XIX веке: формирование и социальное положение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Орлов Д. И. Правовое и социально-экономическое положение российского купечества во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии, вторая половина XIX – начало XX века : автореф. дис. ... д-р ист. наук. Ижевск, 2003; Журавлёв А. А. Санкт-петербургское купечество в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; Ермашов М. Н. Купечество г. Воронежа в последней трети XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Сутягина О. А. Деловой и социокультурный облик сибирского купечества в XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010; Лернер Е. Л. Елецкое купечество в XIX веке: сословное развитие и предпринимательская деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011; и др.

⁶⁴ Российское купечество от средних веков к новому времени : тез. докл. науч. конф., Москва, 2–4 ноября 1993 г. М., 1993; Прохоровские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Прохоровской мануфактуры, Москва, 9–10 декабря 1999 г. М., 1999; Меценатство, благотворительность, предпринимательство и социальная политика государства (традиции и современность) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Киров, 4–5 декабря 2006 : в 2 т. Киров, 2006; Третьи Стахеевские чтения : материалы междунар. науч.

конф., Елабуга, 28–29 июня 2007 г. Елабуга, 2008; Грибушинские чтения – 2011: на стыке традиций, эпох, континентов : тез. докл. и сооб. VIII Всерос. науч.-практ. конф., Кунгур, 19–23 апреля 2011 г. Кунгур, 2011; и др.

⁶⁵ Бойко В. П. Купечество Западной Сибири. С. 416.

⁶⁶ История предпринимательства в России. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1999. С. 225.

⁶⁷ Нилова О. Е. Указ. соч. С. 215.

⁶⁸ История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 542.

⁶⁹ Салихов Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. Казань, 2004; Хайрутдинов Р. Р. Участие предпринимателей Казани в работе выборных органов местного самоуправления (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Третьи Стахеевские чтения : материалы междунар. науч. конф., Елабуга, 28–29 июня 2007 г. Елабуга, 2008. С. 98–105; и др.

⁷⁰ Там же. С. 258–259.

⁷¹ Валеев Н. М.: 1) Д. И. Стахеев : [вступ. ст.] // Духа не угашайте : избр. произведения. Казань, 1992; 2) Дмитрий Стахеев. Судьба и творчество. Уфа, 1996; 3) Гармония культур : избр. труды. Казань, 2001. С. 99–236.

⁷² Валеев Н. М. Гармония культур. С. 99–236. Д. И. Стахеев стал автором 12-томного собрания сочинений.

⁷³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 113, 147.

⁷⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004. С. 555–556.

⁷⁵ Там же. С. 4.

⁷⁶ Вест Дж. Л. Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1. С. 192–201; Хеллер К. Отечественное и иностранное предпринимательство в России XIX – начала XX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 55–65.

⁷⁷ Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии / отв. ред. Дж. Уэст, Ю. А. Петров ; пер. с англ. М., 2007. С. 28–34.

⁷⁸ Там же. С. 51–61, 96–105.

⁷⁹ Линднер Р. «Центр культуры и гражданственности...» – коммуникация и гражданская идентичность в Екатеринославе, 1860–1914 гг. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи, вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред.: Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. М., 2007. С. 183–215.

⁸⁰ Петров Ю. А. Московское предпринимательство в контексте экономической и политической истории России, вторая половина XIX – начало XX в. // Там же. С. 168–169.

⁸¹ Там же. С. 169.

⁸² Обухова Г. И. Крестьянство Удмуртии и его роль в формировании купечества края в XVIII в. // История, историография и источниковедение Удмуртии : сб. статей. Ижевск, 1992. С. 20–40; Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии, вторая половина XIX – начало XX в. : монография. Ижевск, 2001; Белик А. А. Культура

повседневности провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX в. : (на материалах Вятского края) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2005; Маслова И. В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX в. : (на материалах уездных городов Вят. губернии) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2010; Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества : (на материалах губерний Урала дореформенного периода) : авторсф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2011; и др.

⁸³ Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности : 625-летию Хлынова – Вятки – Кирова посвящается. Киров, 1999; Кошесва В. И. Яков Алексеевич Прозоров, вятский первой гильдии купец, потомственный почётный гражданин, коммерции советник, меценат вятского просвещения. Т. 1, вып. 1. 2-е изд., испр., доп. Вятка, 2000; Есиева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.). Набережные Челны, 2007; Маслова И. В. Купеческая династия Стахеевых : монография. Елабуга, 2007; Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. Ижевск, 2008; Кошесва В. И. История династии Прозоровых. Меценатство и благотворительность : монография. Киров, 2015; и др.

⁸⁴ Лигенко Н. П. Толерантность – одна из доминант этических норм предпринимательской культуры // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов. Вып. 1. Киров, 2008. С. 99–104.

⁸⁵ Лигенко Н. П. Камско-Вятский регион в условиях модернизации: социально-экономический аспект, вторая половина XIX – начало XX в. // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Рос. государства. Ижевск, 2008. С. 401–409.

⁸⁶ Касанов С. А., Куковякин С. А. Очерки благотворительной и милосердной деятельности в Вятском крае. Киров, 1998; Богатырёва О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург, 2004; Балыбердин Ю. А. Указ. соч. М., 2005; Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. М., 2006; Бердинских В. А. История города Вятки : очерки. 2-е изд. Киров, 2008; и др.

⁸⁷ Свод законов о состояниях. Изд. 1899 г. // Свод законов Российской империи. Кн. II, т. V–IX / под ред. А. А. Добровольского. 2-е изд. СПб., 1913. Т. IX. Ст. 502–560, 581–596, 614–670.

⁸⁸ Царская жалованная грамота торговому человеку суконной сотни Петру Рязанцову – 1682 г. января 14 // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Прил. к 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 213–215; Договорная запись, данная каменщиками строителю Царево-Константиновской церкви в Хлынове Гавриилу Машковцеву, 1697 года апреля 16 / сообщ. А. А. Спицын // Тр. ВУАК, 1906. Вып. V–VI, отд. III. Вятка, 1907. С. 30–32.

⁸⁹ Дозорная книга 1615 года; Писцовая книга 1628 года; Переписная книга 1678 года; Переписная книга 1710 года; Переписная (ландрагская) книга 1717 года // Вятка : материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 1–17, 38–117; Слободской город и посад по книге писма и меры Ивана Бори-

совича Доможирова да подъячего Ивана Кокушкина 7137 (1629) года / предисл. А. С. Верещагина // Тр. ВУАК, 1907. Вып. I, отд. II. Вятка, 1907. С. 1–59; Книга писцовая Орлова города с уездом 137 (1629) году // Книги писцовых городов Котельнича и Орлова с уездами письма и меры Афанасия Толочанова и Андрея Ивлева 137 (1629) года. Вятка, 1910. С. 1–106.

⁹⁰ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. I : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотма в 1633–1636 гг. М. ; Л., 1950. С. 16, 18, 110, 127, 163, 188, 243, 272, 361–362, 368, 397; Т. II : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотма в 1650–1656 гг. М., 1951. С. 13–15, 45–46, 100, 171, 203, 220–221, 246, 323, 333, 353, 370, 385, 433, 470–471; Т. III : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотма в 1675–1680 гг. М.; Л., 1951. С. 12, 15–16, 18–20, 22, 26, 28–29, 32–33, 148–149, 161, 174–175, 228, 233, 289, 293, 368, 410, 412–414, 433–434, 507, 530, 539, 542.

⁹¹ Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина, 1678–80 гг. Вятка, 1906. С. 1–105.

⁹² Отрывок из показания Муромца Илейки, назвавшегося сыном царя Федора Иоанновича царевичем Петром. – Записано 1607 г. октября 10 // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Прил. к 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 58–59.

⁹³ Челобитная Г. П. Машковцева с просьбой об освобождении сго от персезда в Петербург. – Апрель 1716 г. // Столетие Вятской губернии, 1780–1880. Т. I. Вятка, 1880. С. 84–85; Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купчества города Хлынова // Тр. ВУАК, 1907. Вып. II, отд. III. Вятка, 1908. С. 52–60; ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 98–105.

⁹⁴ Внешняя торговля России через Петербургский порт. 1764 год. Ведомость об экспорте российских товаров / отв. ред. А. А. Преображенский ; сост. и автор введения А. В. Демкин. М., 1996. С. 8–126.

⁹⁵ Обзор Вятской губернии за 1877 год. Вятка, 1878; То же за 1905 год : приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1906; То же за 1910 год: приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1911; То же за 1913 год: приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1914; То же за 1914 год: приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1915; То же за 1915 год: приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1916; Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1872 год. Вятка, 1873; То же за 1888 год. Вятка, 1889; То же за 1890 год. Вятка, 1891; То же за 1895 год. Вятка, 1896; То же за 1900 год. Вятка, 1901; Отчет Вятского благотворительного общества за 1875 год. Вятка, 1876; То же за 1877 год. Вятка, 1878; То же за 1895 год. Вятка, 1896; То же за 1896 год. Вятка, 1897; То же за 1903 год. Вятка, 1904; То же за 1910 год. Вятка, 1911; Журналы Вятской городской думы за 1890 год. Вятка, 1891; То же за первую половину 1905 года. Вятка, 1906; Журналы Орловской городской думы Вятской губернии 1890 года с приложениями. Вятка, 1891; Журналы Слободской городской думы 1885 года. Вятка, 1886; То же за 1891 г. Вятка, 1892.

⁹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X : Вятская губерния / Изд. центр. стат. комитета МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого.

СПб., 1904; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905.

⁹⁷ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / сост. Н. А. Спасский. Вятка, 1875; 200 лет Вятской губернии : стат. сб. Киров, 1996; Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность : ист.-стат. сб. Киров, 2002.

⁹⁸ Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. IV. Вятка, 1870. С. 24–25; Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 24, 66–67; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Отд. I. Вятка, 1901. С. 44–46; и др.

⁹⁹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I : Малмыжский уезд. М., 1886; Т. III, ч. 1 : Орловский уезд. Вятка, 1887; Т. IV, ч. 1 : Вятский уезд. Вятка, 1888.

¹⁰⁰ Награды, присужденные экспонентам Вятской губернии на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве // Календарь Вятской губернии на 1883 г. Отд. I. Вятка, 1882. С. 23–27; Перечень заводов и фабрик, годовая сумма производства которых более 1000 руб., за 1885 год // Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 69–125; Список наиболее крупных торгово-промышленных фирм Вятской губернии : (по сведениям городских управ) // Календарь Вятской губернии на 1890 г. Отд. II. Вятка, 1889. С. 52–58; Список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 год. Отд. II. Вятка, 1913. С. 187–196.

¹⁰¹ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 2 / изд. А. С. Суворина. 1897; Список фабрик и заводов Европейской России. СПб, 1903; Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной служебной и экономической деятельности и пр. 1911–1912 гг. Отд. I. Киев, 1911.

¹⁰² Хроника общественной жизни за 1909 и 1910 гг. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1911 г. Отд. II. Вятка, 1910.

¹⁰³ Благотворительные учреждения Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. III. Вятка, 1884. С. 115–148; Благотворительная деятельность населения губернии и расходы городов в 1904 г. по случаю войны с Японией // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Отд. II. Вятка, 1906. С. 99–106; Вятское общество помощи семьям запасных нижних чинов и рагников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 г., а также и семьям нижних чинов, состоящих на действительной военной службе // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1915 г. Отд. III. Вятка, 1915. С. 48–106; О деятельности Вятского местного управления Российского общества Красного Креста за время войны 1914 года // Там же. С. 15–41.

¹⁰⁴ Благотворительные учреждения Российской империи / составлено по Высочайшему повелению собственною Его Императорского Величества канцеляриею по учреждениям императрицы Марии : в 3 т. СПб, 1900. Т. 1–2.

¹⁰⁵ Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / сост. В. И. Даль. М., 1955; Энциклопедический словарь / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXV. СПб., 1898; Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стереотип. М., 1990.

¹⁰⁶ Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. 2-е изд. СПб., 1877.

¹⁰⁷ Вятские губернские ведомости. 1866. 15 нояб. (№ 91); 1881. 11 февр. (№ 12); 25 февр. (№ 16); Вятская речь. 1912. 9 нояб. (№ 248).

¹⁰⁸ Вятское земство : обзор современного положения // Вестник Европы. 1880. Октябрь. Кн. 10. С. 838–877; Кузнецов А. Н. О торговле Вятской губернии с Архангельском // Тр. Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. СПб., 1867. С. 578–585; Прозоров Я. А. О хлебной торговле Архангельского порта // Там же. С. 572–578.

¹⁰⁹ Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Тр. о-ва изучения Московской губернии. Вып. 1. М., 1928. С. 105–128.

¹¹⁰ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991; Любартович В. А., Юхименко Е. М. Московский промышленник Н. А. Варенцов и его мемуары // Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 5–18; Мемуаристика XIX в. в государственных архивах Сибири / Н. П. Матханова, В. В. Моисеев, Е. В. Ильина, Т. Г. Мальцева // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 51–57.

¹¹¹ Бурьшкин П. А. Москва купеческая: мемуары / вступ. ст., коммент. Г. Н. Ульяновой, М. К. Шацкило. М., 1991; Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент.: В. А. Любартович, Е. М. Юхименко. М., 1999; Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007; Из опубликованных ранее, в советский период, нами использовались мемуары книгоиздателя И. Д. Сытина (см.: Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962).

¹¹² Автобиография К. И. Клепикова. Вятка, 1902; Автобиография // Стахеев Д. И. Душа не угашайте : избр. произведения / подгот. текста, сост., вступ. ст. Н. М. Валева. Казань, 1992. С. 414–416; Воспоминания вятского старожила К. И. Клепикова. Вятка, 1899; Жизнь елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году // Краеведы Елабуги. Елабуга, 2007. С. 68–75; Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900; Кувшинский Н. П. Несколько сведений из вятской хроники прошлых времен (со слов вятского купца Александра Егоровича Рязанцева и некоторых других лиц писано в 1863 году) // Тр. ВУАК, 1913 г. Вып. I–II, отд. III / под ред. Н. А. Спасского. Вятка, 1913. С. 1–21; «Ныне к вам прибегаю»: жизнеописание соловецкого инока Афанасия, написанное им самим / подгот. к печати, коммент. В. Н. Матонина. Архангельск ; М., 2008; Сборник статей вятского старожила К. И. Клепикова. Вятка, 1899; Семейный список Константина Игнатьевича Клепикова. Вятка, 1903.

¹¹³ Прозоров Я. А. Город Вятка и его обыватели : мемуары / под ред.: М. С. Судовикова, Е. И. Пакиной. Киров, 2010.

¹¹⁴ Герцен А. И. Письма 1832–1838 годов. Н. А. Захарьиной. Вятка, 6–7 сентября 1835 г. // Герцен А. И. Соч. : в 30 т. Т. 21. М., 1961. С. 50; Герцен А. И.

Письма 1839–1847 годов. А. Л. Витбергу. Владимир, ок. 12 октября 1839 г. // Там же. Т. 22. М., 1961. С. 47–48; Герцен А. И. Тюрма и ссылка (1834–1838) // Соч. : в 9 т. Т. 4, ч. 2 : Былое и думы. М., 1956. С. 171–308; Добролюбов Н. А. Дневники. 25 [января 1856 г.] // Добролюбов Н. А. Соч. : в 9 т. Т. 8. М. ; Л., 1964. С. 492; Дюма А. Путевые впечатления. В России // Соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 148–149; Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Отд. III. Вятка, 1892. С. 354–376; Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М., 1938; Павлов М. А. Воспоминания металлурга / отв. ред. Б. Н. Жеребин. М., 1984; Сергиев Б. Г. Вятские воспоминания (1890–1906 гг.). Ч. 2 : О быте // КОУНБ им. А. И. Герцена, отд. краевед. литературы. Ф. «Д». № 641. С. 184–205; Хохлов И. А. История моей жизни // Герценка: вятские записки. Вып. 6. Киров, 2004; Чарушин Н. А. О далёком прошлом : из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. 2-е изд. М., 1973; Шкляев В. Н. Моя жизнь. Ч. 1 // КОУНБ им. А. И. Герцена, отд. краевед. литературы. Ф. «Д». № 453. С. 88–89, 112–113.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗВИТИЕ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

2.1. Понятие «купец», периодизация истории купечества

Зарождение российского купечества происходило под влиянием процессов разделения труда на территории Восточной Европы, образования городов, дальнейшего социального и имущественного расслоения населения, развития торговли как самостоятельного вида экономической деятельности. Появление первых торговых людей обуславливалось и потребностью в обмене запасов продукции лесных промыслов и сельского хозяйства на предметы роскоши, монетное серебро и другие материальные ценности, в которых была заинтересована стремившаяся к обособлению племенная и военно-дружинная знать¹.

На заре российской цивилизации купцы вели уже обширные торговые операции, участвовали в формировании местных рынков, заседали в княжеских советах, входили в состав посольств². В историографии особое внимание обращается на преобладание в ранний период сферы международной торговли, с которой и связано было зарождение купечества в русских землях³.

Несмотря на древность происхождения предпринимательского слоя населения, понятие «купец» приобрело своё устоявшееся смысловое значение не сразу. В ранний период, в судебныхниках 1497, 1550 и 1589 гг. и позднее — в Соборном Уложении 1649 г., словом «купец» обычно назывались и торговые люди, и покупатели. Так, в Судебнике 1497 г. содержится положение об ответственности за растрату чужих денег или потерю товара: «А которой *купец*, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонет, или згорит, или рать возмет... платити исцеву истину без росту»⁴, а в Соборном Уложении 1649 г. купцом именовался покупатель имущества и товара: «А будет большой брат ту вотчину кому продаст или заложит, с меньшими братьями не поговоря... и они о той отцовской вотчине на того своего большого брата и на *купца*, кто у него ту отца их вотчину купит или в заклад возмет, учнут государю бити челом...», — читаем в главе

XVII «О вотчинах»⁵ или «А будет которые люди учнут на кого говорить в винной продаже, а *продавец* запрется, и учнут в том оба иматься за пытку, а в том пытать напередь *купца*, и будет *купец* с пытки не зговорит, и против того пытать *продавца*, и после пытки указ учинить до чего доведется» (слова выделены нами. – М. С.; то есть в последнем случае субъектами отношений выступали продавец вина и покупатель-купец), – говорится в главе XXV «Указ о корчмах»⁶.

Схожее, двоякое толкование этого понятия отмечалось в средневековой литературе и в устном народном творчестве. Былинный герой Садко именовался «купцом, богатым гостем», который «продавал товары новгородские; получал барыши великие»⁷. «Купцом тверским» был Афанасий Никитин, ходивший за три моря с торговыми целями⁸. О «купующих», то есть покупателях, и «продающих» жителях российских городов упоминал в своих сочинениях писатель и богослов первой половины XVI в. Ермолай-Еразм⁹.

В раннее время наряду с купцами – группой населения, соотносившейся, прежде всего, с посадскими людьми, чей правовой статус закреплялся в Соборном Уложении 1649 г.¹⁰ постепенно сложились и такие категории торговых людей, как гости, гостиная сотня, суконная сотня – привилегированные феодальные корпорации¹¹, создание которых характеризовало процесс профессиональной и имущественной дифференциации средневекового торгового сообщества. В дальнейшем, в XVIII в., эволюция социальной жизни в России, формирование буржуазного уклада способствовали постепенной консолидации торговых людей в одну общую группу и появлению устойчивых формулировок, обозначающих принадлежность к определённой категории населения.

Важным этапом в процессе законодательного закрепления за предпринимателями названия «купец» стал петровский период. В Регламенте Главного магистрата, вышедшем 16 января 1721 г., применительно к ним использовались термины «купецкие люди», «купечество», «купец», «знатные купцы», «всего российского купечества»: «... князя Трубецкого над здешним и прочими магистраты объявить обер-президентом, и чтоб он ведал всех *купецких людей* судом и о их делах доносил Сенату, и сию (*всего российского купечества*) рассыпанную хранину паки собрал...» или «Понеже магистрат, яко глава и начальство есть всему гражданству, то оною должность состоит... учреждать всю экономию (или домостроительство) города, яко *купечество*, всякое ремесло, художество и прочее...» (слова выделены нами. – М. С.) и т. д.¹² Укреплению смыслового значения этих наименований способствовало деление жителей городов на гильдии, в соответствии с тем же документом.

В законах последующего времени обнаруживается стойкое употребление понятия «купец» в значении, связанном с наименованием, прежде всего, привилегированных слоёв предпринимателей – гильдейского купечества. В правовых документах правительства Елизаветы Петровны звучали термины: «купечество», «московское купечество», «гильдия», «купецкие люди»¹³.

Весьма показательным в этом отношении являлось екатерининское законодательство. Согласно «Манифесту о Высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою» от 17 марта 1775 г. и Жалованной грамоте городам 1785 г.¹⁴, купец – это торговец или промышленник, записавшийся в гильдейскую корпорацию и получивший определённые привилегии, в зависимости от гильдии. «По городам всем тем мещанам, кои не имеют капитала выше 500 рублей, впредь не называться купцами... Купцов же, от 500 рублей и выше капитал имеющих, разделить... на три гильдии... а подушное с них не брать; мещане же да останутся при прежних податях», – гласила одна из статей Манифеста от 17 марта 1775 г.¹⁵

Понятие «купец», таким образом, стало соизмеряться с принадлежностью к сословной организации – гильдейскому обществу, и в таком значении оно употреблялось в официальных документах конца XVIII – начала XX столетия. В тот период распространение получили термины «купеческое общество», «купеческое сословие», «сословные купеческие права», «сословные купеческие и общественные надобности», «сословное купеческое свидетельство»: «лица, не принадлежащие к *купеческому сословию*, могут брать *купеческие свидетельства* с сохранением настоящего их звания или с перечислением в купечество» или «начальник семейства, желающий пользоваться *сословными купеческими правами*, обязан одновременно с выборкою промыслового свидетельства, взять на свое имя *сословное купеческое свидетельство*» (слова выделены нами. – М. С.) и т. д.¹⁶

Понятие «купец», первоначально обозначавшее участника торговли – либо продавца, либо покупателя, как видим, постепенно закрепилось за торговыми людьми. Его эволюция отражала процесс развития социальной структуры России в направлении утверждения сословного общества. Начиная с екатерининской эпохи, когда по Жалованной грамоте городам окончательно оформилось купеческое сословие, исследуемое понятие приобрело ярко выраженную сословную окраску.

В то же время, наряду со словом «купец» в период развития капиталистических отношений в России использовались и другие термины: «негоциант», «торговец», «торжник», «торжанин», «предприниматель».

Их смысловое значение зафиксировал В. И. Даль. По его определению, негоциант – торговец, торговый человек, купец, купец иноземный, торговый гость; торговец – человек, «промышляющий торговлей»; торжник – купец, торгаши; торжанин – рыночный торговец; предприниматель – человек, предпринявший что-либо¹⁷. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона предпринимателем называется владелец или хозяин предприятия¹⁸. Эти понятия, на наш взгляд, не носили сословной направленности, а характеризовали, в основном, специфику активности того или иного человека, занимавшегося экономической деятельностью.

Таким образом, устоявшееся смысловое значение понятия «купец» сложилось в связи с завершением оформления правового статуса торговых людей и по своей сути являлось обозначением сословной группы, профессионально занимавшейся предпринимательством¹⁹. Установив это, выделим основные вехи развития купеческого сословия.

В историографии этот вопрос часто соотносится с общими этапами развития предпринимательства в России. История купечества так же, как и история отечественного предпринимательства, делится по эпохам, характерным для страны в целом. Так, в академическом издании «История предпринимательства в России», где авторы особо подчёркивают, что «главной фигурой данного труда является купец»²⁰ и что «становление предпринимательства в нашей стране рассматривается... в контексте исторических условий развития России... в их воздействии на генезис предпринимательства и все его стороны»²¹, выделяются следующие этапы: «Истоки предпринимательской деятельности в средневековой Руси», «Становление российского предпринимательства в XVI в.», «Предпринимательство в России в XVII в.», «Российское предпринимательство в эпоху абсолютной монархии (XVIII в.)», «Предпринимательство в России накануне Великих реформ (первая половина XIX в.)», «Предпринимательская деятельность в пореформенной России»²².

М. Н. Барышников, автор одного из первых учебных пособий по истории делового мира России, отмечал, что предпринимательские отношения в стране формировались под влиянием множества разнообразных как объективных, так и субъективных факторов, в том числе товарного спроса, государственных потребностей, и указал на такой из них, как условия формирования деловых отношений, «во многом определявшиеся общественно-политической атмосферой в стране»²³. Развитие предпринимательства анализируется им через этапы: IX–XVII вв., XVIII – первая половина XIX в., вторая половина XIX – начало XX столетия.

Авторы обобщающего труда «Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века», оговарив, что вопрос

о развитии российского предпринимательства в их книге рассматривается в системе, «включающей в себя как основные исторические этапы, так и характерные черты предпринимательства на каждом из этих этапов»²⁴, выделили три периода в его развитии: «Начальный период становления предпринимательства», «Развитие предпринимательства в XVIII – первой половине XIX в.», «Эволюция хозяйства и развитие капиталистического предпринимательства на путях перехода России к рыночной экономике»²⁵.

Е. П. Хорькова, исследуя историю российского предпринимательства, то есть «самостоятельную деятельность людей, организующих производство или торговлю»²⁶, разделяет её на шесть основных периодов, которые в целом также связаны с важнейшими этапами в становлении Российского государства. В её работе встречаем следующую периодизацию: «Предпринимательская деятельность на территории Древнерусского государства (до XV века)», «Предпринимательская деятельность в средние века (XVI–XVII вв.)», «Предпринимательство в петровскую и послепетровскую эпохи (XVIII в.)», «Предпринимательство в эпоху генезиса капитализма (начало XIX в. – 1861 г.)», «Подъём предпринимательской деятельности во второй половине XIX в. – начале XX в. в России», «Развитие предпринимательства в период нэпа (20-е гг. XX в.)»²⁷.

В работе С. К. Никитиной прослеживается стремление не только выделить основные этапы в развитии российского предпринимательства, но и исторически их обосновать²⁸. «На наш взгляд, – пишет автор, – возраст русского предпринимательства можно исчислять периодом более чем тысячелетним... самообразование государства, его становление и развитие невозможно представить без тесного союза с предпринимателями»²⁹. Согласно концепции С. К. Никитиной, первый этап – период Древней Руси и русских княжеств – «можно назвать периодом стихийного предпринимательства», так как этот вид экономической деятельности не был законодательно оформлен и ещё не испытывал на себе «регулирующего воздействия государства»; второй этап берёт начало со времени образования Московского государства и продолжается до начала XIX в. – это был «период развития предпринимательства под покровительством государства», и его кульминационной точкой явилось правление Петра I, когда стало преобладать «тепличное, искусственное предпринимательство»; следующие этапы отражали развитие России в XIX – начале XX в. и были сначала обусловлены существованием крепостного права, мешавшего естественному развитию предпринимательства, затем отмена крепостного права в 1861 г. «дала толчок бурному

развитию рыночных отношений, укрепила «новые» династии предпринимателей», в начале XX в. развитие свободного рынка стало ограничиваться монополиями; современный же этап – это период «возрождения предпринимательства»³⁰.

В изданиях, посвящённых собственно истории купеческого сословия России, находим обоснование, прежде всего, тех её этапов, которые явились предметом специального исследования авторов. Так, В. Б. Перхавко изучал время формирования и становления российского купечества, начавшееся в IX–X вв., в период зарождения древнерусской государственности, и закончившееся при Екатерине II, в 1775–1785 гг., когда юридически оформляются права и статус гильдейских купцов³¹.

Перу этого же исследователя принадлежит обобщающий труд «История русского купечества», в котором прослеживаются черты развития этой группы населения с IX–X вв. до начала XX в. Через проблемы «От кого пошёл “купеческий чин” на Руси», «По пути “из варяг в греки”», «Дифференциация купеческой среды русского средневековья», «Культурный облик русского купца XV–XVII вв.», «В эпоху петровских реформ», «Мануфактуристы, заводчики, фабриканты», «Образ торгового человека в русском фольклоре» и другие В. Б. Перхавко воссоздаёт разносторонний портрет российского купеческого сообщества³².

Н. Б. Голикова исследовала историю привилегированного купечества России XVI – первой четверти XVIII в.³³ Свой выбор автор обосновала тем, что в начале данного периода стали складываться юридически оформленные сословные группы гостей и гостиный сотни, чья почти 200-летняя история, несмотря на их значение в формировании многих отраслей русской экономики и в жизни русского общества в целом, «последовательному изучению никогда не подвергалась»³⁴.

Н. В. Козлова при изучении проблемы взаимоотношений государственной власти и купечества проанализировала период с 20-х до начала 60-х гг. XVIII в., когда сформировались новые органы центрального управления, ведавшие вопросами коммерции и купечества, и начался процесс выделения из посадских людей гильдейского купечества³⁵. О. Е. Нилова, изучая специальные аспекты мировосприятия и самосознания московского купечества, границами хронологических рамок своего труда назвала: нижней – 1785 г. – время издания Жалованной грамоты городам, законодательно оформившей корпорацию гильдейских купцов, и верхней – 1825 г. – год вступления в силу дополнительных постановлений об устройстве гильдий³⁶. А. Н. Боханов, рассматривая эволюцию купеческого сословия России, особое внимание уделил периоду с конца XIX в. до Первой мировой войны, когда «капитализм

вступил в монополистическую стадию и достиг достаточно высокого уровня развития»³⁷.

Вопросы периодизации истории российского купечества, связанные с выделением отдельных её этапов, рассматривались и в связи с исследованием региональных предпринимательских групп. Так, Е. В. Комлева изучила в истории енисейского купечества время с 1775 по 1863 г., назвав его «особенным периодом в истории всего российского купечества»³⁸. Этот выбор обосновывается, во-первых, значимостью скатерининских преобразований и, во-вторых, тем, что в 1863 г. проводилась новая гильдейская реформа, изменившая правила формирования и деятельности купечества³⁹. В. П. Бойко рассматривал историю западносибирского купечества с середины 1770-х гг., то есть с реформ Екатерины II, до середины 1890-х гг., когда меняются правовые и экономические условия развития предпринимательской деятельности⁴⁰. Н. П. Лигенко исследовала купечество Удмуртии второй половины XIX – начала XX в. – период, который, по словам автора, позволяет «проследить эволюцию купеческого сословия»⁴¹. Этот же этап в истории купечества стал предметом скрупулёзного изучения и других авторов⁴².

Таким образом, в историографии проблема периодизации истории купеческого сословия тесно взаимосвязана, во-первых, с основными этапами развития предпринимательства в целом, во-вторых, с важнейшими эпохами в истории страны, в-третьих, с государственной политикой, проводимой в годы правления Петра I, Екатерины II, Александра II. Являясь определяющими в социально-экономическом развитии государства, все эти факторы, безусловно, не могли не влиять на становление купеческого сословия.

Учитывая огромную роль власти в мобилизации экономических и социальных процессов в стране⁴³, в основе нашей периодизации истории купечества лежит государственная политика, ставшая мощным рычагом в организации в России основных групп населения. С этой точки зрения, с учётом юридических норм и через призму выявления правового статуса торговых людей, закреплённого в законодательстве того или иного периода, попытаемся определить исторические этапы развития делового общества в нашем государстве.

Говоря об эпохе раннего становления купеческого сословия, необходимо отметить, что она растянулась на весьма длительное время и включала в себя деятельность торговых людей Киевской Руси, периода феодальной раздробленности, времени образования единого Российского государства и его укрепления в XVI–XVII вв. На этих этапах шёл процесс выделения верхушки предпринимательских слоёв населения

и оформления их привилегий⁴⁴. Однако правовой статус купечества как корпоративной организации в допетровский период юридически оставался не оформленным. Соборное Уложение 1649 г. – один из важнейших памятников феодального права – определяло лишь особое место торговых людей в социальной иерархии. Так, по Уложению, наиболее жёсткое наказание предусматривалось за бесчестье «имянитых людей Строгановых» (налагался штраф в сумме 100 руб.), за оскорбление гостя платился штраф 50 руб., купца гостиной сотни: большой статьи – 20 руб., средней – 15, меньшей – 10; купца суконной сотни: большой статьи – 15 руб., средней – 10 руб., меньшей – 5 руб.⁴⁵ Вместе с тем, за обиду других категорий городских жителей – от 5 до 7 руб. (в зависимости от категории), а крестьянина – всего 1 руб. В дальнейшем, в связи с изменениями в социальной структуре российского общества, привилегированные слои торгово-промышленного населения средневековой эпохи влились в состав гильдейского купечества.

Начальным этапом его формирования явилось время правления Петра I (1682–1725). По Регламенту Главного магистрата городские жители, или «регулярные граждане», за исключением дворянства, духовенства, иностранцев, «подлых людей», были разделены на две гильдии. В состав первой вошли «банкиры, знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги и которые разными товарами в рядах торгуют», а также городские доктора, аптекари, лекари, «шиперы купеческих кораблей», золотых и серебряных дел мастера, иконники, живописцы; во второй гильдии должны были состоять те, кто «мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют», и ремесленники⁴⁶. Гильдейское население получало некоторые права и привилегии, в частности, верхушка посадского общества – право избираться в городовые магистраты⁴⁷.

Это были ещё довольно аморфные, но весьма важные шаги на пути создания в стране торгово-промышленной корпорации, а с введением всех преобразований петровской эпохи, коснувшихся городов, нельзя не говорить о переменах в то время всего уклада их повседневной жизни. Вместе с тем, тогда же возникло и противоречие между формировавшимся новым государственным и сословным началом, выражавшееся, с одной стороны, в создании в России определённых правовых условий для образования полноценных сословий, а, с другой, – сословия изначально были второстепенным звеном, целиком зависимым от власти, и, соответственно, «менее всего государство было заинтересовано в наделении сословий правами, то есть тем, без чего настоящими сословиями они и не могли стать»⁴⁸, и этот фактор ощутимо влиял на характер дальнейшего развития социальной структуры страны.

Позже, при Елизавете Петровне, в российских городах оформлялась третья гильдия, и устанавливалась система купеческого корпоративного управления⁴⁹. В первой половине XVIII в. с появлением гильдейской системы, таким образом, набирал силу процесс образования нового сословия, связанного преимущественно с экономической деятельностью.

Хотя по петровскому законодательству в гильдии вошли самые широкие предпринимательские слои населения, это не мешало как в тот период, так и в последующее время формированию купеческого корпоративного самосознания. Его оформление сопровождалось длительной борьбой за собственные права и привилегии, которая усилилась в связи с дальнейшим развитием сословного строя, расширением привилегий дворянства и осознанием купечеством своей роли в экономическом развитии России, что прослеживалось, в частности, в записках и «прожектах» представителей этого слоя населения, в купеческих наказах в Уложенную комиссию 1767 г.⁵⁰

По словам Н. В. Козловой, в первой половине XVIII в. и в 1760-е гг. купцы не только выступали с предложениями по защите их от различных притеснений, добивались отмены телесных наказаний, обеспечения неприкосновенности жилищ, повышения суммы платы за бесчестье, предоставления почётных прав купеческой верхушке и т. д., но и «отдельные представители купечества уже были готовы отказать «благородному» сословию в признании за ним права на исключительную роль в государственном управлении»⁵¹. Понятие «исключительный», но применительно к требованиям купцов в наказах в Уложенную комиссию, использовал и Ю. Р. Клокман, писавший, что главным и определяющим в этих наказах являлось желание сохранить и упрочить сословные купеческие привилегии и, «прежде всего, исключительное право ведения торговли и промышленного предпринимательства»⁵². Все эти факты являлись отражением завершающей стадии консолидации купцов в единое сословие.

Следующий период знаменовал собой окончательное оформление купечества как сословной организации. Решающую роль в её утверждении сыграли два документа – Манифест от 17 марта 1775 г. и Жалованная грамота городам, определявшие состав и привилегии новой торгово-промышленной корпорации⁵³. В России учреждались три гильдии с сословными льготами. Самыми престижными являлись первые две гильдии, дававшие право на ведение внутренней оптовой и розничной торговли, на устройство заводов и фабрик. Купцы первой гильдии получали возможность торговать и за границей, иметь морские суда. Кроме того, вместе с купцами второй гильдии они освобождались от телесного наказания, казённых служб, а также купцы первой гильдии могли

«ездить по городу в карете парою», а второй – «в коляске парою»⁵⁴. Купцам третьей гильдии разрешалось вести мелочную торговлю, содержать трактиры, герберги (питейные дома. – М. С.), торговые бани, постоянные дворы, «производить рукоделия и иметь и содержать малые речные суда»⁵⁵. Предпринимателям всех гильдий дозволялось «вступать в казенные подряды и откупа»⁵⁶.

По тем же законам купцы освобождались от натуральной рекрутской повинности (вместо неё для записавшихся в гильдии по статье 99 Жалованной грамоты вводился денежный сбор: «по сколько указом предписано»⁵⁷), от уплаты подушной подати. Они заносились в городскую обывательскую книгу, получали право участвовать в работе общей и шестигласной думы⁵⁸. Таким образом, екатерининская реформа в целом повышала социально-экономический статус предпринимателей и по некоторым позициям (освобождение от телесных наказаний, от уплаты подушной подати и т. д.) приближала его к правовому статусу дворян. В то же время, эти преобразования вызвали сокращение численности купчества: если в 1760-е гг. в российских городах насчитывалось более 200 тыс. купцов, то после выхода Манифеста 17 марта 1775 г. – лишь 24 470 чел.⁵⁹, что явилось естественным результатом сословной реформы, выделившей верхушку городского общества и сохранившей за ней название «купечество». Другая, более многочисленная часть посадских жителей вошла в состав мещан, вновь образованного городского податного сословия.

Одновременно с этим законодательство Екатерины II открывало доступ в купечество «всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла»⁶⁰ – одним словом, в гильдейское сообщество могли войти представители любого сословия. Для получения гильдейского звания необходимо было объявить капитал свыше 500 рублей (по Манифесту от 17 марта 1775 г.)⁶¹, а впоследствии по Жалованной грамоте городам, – «капитал выше 1 000 рублей до 50 000 руб.», в частности, по первой гильдии – «выше 10 000 рублей и до 50 000 руб.», по второй – «выше 5 000 рублей и до 10 000 руб.», по третьей – «выше 1 000 рублей и до 5 000 руб.»⁶² Размер капитала объявлялся «по совести» самим купцом, который должен был ежегодно платить с заявленной денежной суммы государственную пошлину, равную одному проценту. Однако реалии далеко не всегда позволяли записаться в купечество представителям непривилегированных слоёв населения, что было связано, прежде всего, с сохранявшейся в стране крепостнической системой, с существовавшим податным обложением (например,

крестьянин при переходе в новое сословие должен был до следующей ревизии платить двойной оклад).

В целом екатерининские преобразования существенно изменяли социальную структуру городов, укрепляли их юридический и экономический статус, способствовали росту городского населения. Новое купеческое сословие, образованное путём разделения городского общества по принципу финансового и имущественного состояния, становилось привилегированной группой российского общества.

Законы первой половины XIX в. внесли ряд изменений в порядок записи в гильдейское купечество. Первоначально они выразились, главным образом, в увеличении суммы капитала по гильдиям, укреплении правового положения предпринимателей, повышении гильдейского сбора. По Манифесту от 1 января 1807 г.⁶³ купцам разрешалось открывать крупные торговые объединения – товарищества⁶⁴, для оптовых торговцев учреждалось звание – первостатейный купец, имевшее дополнительные привилегии, в частности, право приезжать к царскому двору, быть записанным в «бархатную книгу знатных купеческих родов»; купцам первой гильдии дозволялось ездить «в карете парю и четвернею» и т. д.⁶⁵ В том же году издаётся указ, по которому повышались размеры необходимых для записи в купечество капиталов. По первой гильдии нужно было объявлять капитал от 50 тыс. руб. и выше; по второй – от 20 тыс. руб. и выше; по третьей – от 8 тыс. руб. и выше⁶⁶.

Правительственная политика Александра I, особенно 1810-х гг., способствовала росту недовольства купечества своим правовым положением⁶⁷. Увеличение гильдейских платежей, введение различных дополнительных сборов, обязательных для уплаты гильдейскими предпринимателями, узаконение крестьянской торговли в городах вели к ослаблению сословных прав деловой элиты России. Нестабильность социально-экономического положения купечества стала причиной многочисленных обращений купечества в правительственные учреждения, содержащие, в том числе, и просьбы заниматься промыслами «на крестьянском праве»⁶⁸.

Новые изменения в правовом статусе торгового сословия произошли в 1824 г.⁶⁹ Правительство расширяло личные привилегии крупных предпринимателей и, в основном, тех, кто имел статус купца первой гильдии. «Вообще купечество 1-й гильдии... составляет особый класс почетных людей в Государстве», – отмечалось в положении⁷⁰. Купцы-первогильдейцы, если они состояли в этой гильдии подряд 12 лет, получали право ходатайствовать о принятии своих детей в гражданскую службу наравне с обер-офицерскими детьми, могли просить об определении детей

«в разные училищные заведения и университеты». По закону первогильдейское купечество имело право на награждение орденами «по особенно важным заслугам», право носить губернский мундир и т. д.⁷¹

В положении оговаривались ограничения и на занятие общественных должностей. Купцы первой гильдии в случае выбора в обязательном порядке должны были «принимать на себя одни только должности градских голов и заседателей палат, совестных судов и приказов общественного призрения, также депутатов торговли и директоров банков и их контор и церковных старост», а от иных должностей (например, в магистратах – бургомистров, ратманов) они могли отказываться⁷².

Вводимое положение сохраняло существовавшие ранее суммы капитала по гильдиям. Вместе с тем, для пользования как торговыми, так и личными привилегиями необходимо было выплачивать немалые денежные сборы, определяемые с капитала: гильдейскую подать (она составляла в тот период 4 процента), «на водяные и сухопутные сообщения» (10 % с податного рубля), на земские повинности (1/4 %), на городские повинности (1/4 %)⁷³. Законом регламентировался статус иностранных предпринимателей, занимавшихся торговлей мещан и крестьян. Установив для последних высокие пошлины, правительство тем самым защищало интересы крупных гильдейских предпринимателей и одновременно консервировало сословные порядки. В отечественной историографии реформа 1824 г. рассматривается как одна из важнейших в череде преобразований последних десятилетий феодальной эпохи, вызвавшая критические суждения в общественно-политических кругах (М. М. Сперанский, декабристы) и протестное к себе отношение предпринимателей из крестьян разных категорий, мещан и купцов третьей гильдии⁷⁴.

В соответствии с нормативными документами купеческий статус в России не наследовался⁷⁵. В случае необъявления капитала купец либо зачислялся в мещанское общество, либо переходил в прежнее сословие (например, в крестьянское) и терял гильдейские привилегии. Вместе с тем, законы позволяли купцам и повысить свой социальный статус. Так, Жалованная грамота городам вводила такую категорию населения, как именитые граждане⁷⁶. В неё зачислялись лица, служившие по выборам в городских органах и получившие звание степенных; «всякого звания и состояния капиталисты», объявившие денежное состояние от 50 тыс. руб. и более; банкиры, объявившие капитал от 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб.; «те, кои оптом торгуют и лавок не имеют»; «кораблехозяева, кои собственные корабли за море отправляют», учёные, художники⁷⁷. Именитые граждане записывались в городскую обывательскую книгу, имели

своё представительство в городской думе, освобождались от телесных наказаний. Им разрешалось «ездить по городу в карете парою и четвернею», «иметь загородные дворы и сады», «иметь, заводить и содержать фабрики, заводы и всякие морские и речные суда»⁷⁸. Именитые граждане могли претендовать и на получение дворянства⁷⁹. В 1807 г. это звание было оставлено за учёными и художниками⁸⁰, а в 1832 г. – отменено. Вместо него вводилось новое городское сословие – почётное гражданство⁸¹.

Статус почётного гражданина был потомственным, то есть распространялся на членов семьи и переходил «ко всем законным детям, без всякого изъятия, если только принадлежат они к свободному состоянию» (потомственные почётные граждане), либо персональным (личное почётное гражданство)⁸². Почётные граждане освобождались от подушной подати, рекрутской повинности, телесного наказания, имели право избираться на общественные должности, то есть имели похожие преимущества, что и гильдйские купцы, но в отличие от последних они не должны были ежегодно подтверждать своё звание. Для записи в почётное гражданство от купцов требовалось или десятилетнее непрерывное их пребывание в первой гильдии, или двадцатилетнее – во второй гильдии, или наличие одного «из наших орденов», или званий коммерции советника и мануфактур-советника (введены в 1800 г.)⁸³. Получив это звание, купцы переходили в высшее городское сословие, обеспечивая себе тем самым стабильное правовое положение. Во второй половине XIX – начале XX в. круг почётных граждан заметно расширился за счёт лиц недворянского происхождения (с 13 тыс. чел. в 1850-е гг. до более 300 тыс. чел. в 1910-е гг.), и он являлся, по мнению современных исследователей, «наиболее демократичным из всех привилегированных сословий»⁸⁴.

Таким образом, после екатерининской реформы 1775–1785 гг., в первой половине XIX в. шёл процесс дальнейшего укрепления правового положения купеческого сословия, в особенности его элиты – перво-гильдейцев. Этот процесс был закономерным явлением, учитывая тенденции развития промышленности и торговли, но, вместе с тем, он не выходил за рамки сословного строя и, в сущности, консервировал феодальные отношения.

Началом нового периода в истории купечества явились буржуазные реформы 1860–1870-х гг. Важное значение для этого сословия имели положения о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. и от 9 февраля 1865 г. Данные законы разделяли свидетельства на право торговли на купеческие, или гильдейские, и промысловые⁸⁵.

Получив гильдейское свидетельство, купцы, как и прежде, наделялись особыми торговыми и личными правами, во многом повторявшими те, которые вводились при Екатерине II: освобождение от телесного наказания и от рекрутской повинности, наличие податной льготы и т. д.⁸⁶ Промысловое же свидетельство давало возможность вести незначительные предпринимательские дела (например, заниматься мелочным торгом) без особых преимуществ⁸⁷.

По положениям 1863 и 1865 гг. купеческие свидетельства выдавались только по двум гильдиям: по первой – для оптового торга, по второй – для розничного. Третья гильдия упразднялась. Купцы первой гильдии получали право оптовой торговли и торговли за границей, могли содержать конторы, склады и амбары, вести уездную розничную торговлю русскими и иностранными товарами, владеть фабриками, заводами, ремесленными заведениями, участвовать повсеместно в подрядах, поставках и откупах без денежных ограничений и т. д.⁸⁸ Купцам второй гильдии разрешалось осуществлять уездную розничную торговлю отечественными и иностранными товарами из лавок и магазинов, владеть фабриками, заводами и ремесленными заведениями, участвовать в подрядах, поставках и откупах «на сумму не свыше 15 000 рублей каждый»⁸⁹.

Выдача купеческих свидетельств должна была по-прежнему производиться ежегодно⁹⁰. За свидетельство первой гильдии купцы платили одинаковую сумму – 265 рублей. Пошлина за свидетельство второй гильдии определялась в зависимости от класса местности⁹¹. При распределении городов и уездов на тот или иной класс, по-видимому, учитывались степень их торгово-промышленного развития, географическое расположение относительно торговых путей, возможный уровень доходов купцов. Помимо купеческого свидетельства, предпринимателям на каждое собственное торговое и промышленное заведение необходимо было приобретать ещё и специальные билеты с уплатой пошлин.

Гильдейские свидетельства могли приобретать не только русские подданные «всех состояний» и «обоего пола», но и иностранцы⁹². Последние, таким образом, укрепляли своё правовое положение на внутреннем рынке России, тогда как ранее записываться в гильдии им разрешалось лишь в особых случаях⁹³. По новым законам при записи в купечество ограничения вводились для священно- и церковнослужителей, протестантских проповедников и находящихся на действительной службе нижних воинских чинов⁹⁴.

В итоге в законах 1863 и 1865 гг., с одной стороны, прослеживались ростки несколько иного, буржуазного подхода в организации предпринимательского сообщества и его деятельности, а с другой – новые пра-

вовые документы консервировали сословные черты, что проявилось в сохранении личных привилегий для гильдейских купцов, защите их широких торговых прав. Однако в пореформенное время интенсивное развитие капитализма постепенно разрушало феодальную социальную систему с присущими ей сословными преимуществами и вело к разделению населения по экономическому признаку. Теряя корпоративные привилегии и сохраняя влияние в экономической жизни государства, гильдейское купечество одновременно олицетворяло собой и ядро буржуазии. Общая численность гильдейского купечества к концу XIX в. составляла 281 251 чел.⁹⁵, или 0,2 % всего населения государства.

Завершающий период в истории российского купечества был связан с реформами С. Ю. Витте и выходом после Октябрьской революции Декрета ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов. Экономическая модернизация государства, осуществляемая Витте, вела к дальнейшему распаду сословной системы, являвшейся атрибутом феодального общества. «Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 г. кардинально повлияло на организацию российской деловой элиты. Новым законом купечество «было обречено на несомненное умирание», — писал П. А. Бурышкин⁹⁶. Это происходило по той причине, что приобретение гильдейского свидетельства уже не являлось обязательным условием для занятий торгово-промышленной деятельностью. «По проекту Положения о государственном промысловом налоге предполагается взимать этот налог не с лица, а с предприятия, с выдачею на каждое предприятие вместо прежних двух документов (свидетельства и билета) лишь одного свидетельства», — говорилось в письмах «Высочайше учрежденной комиссии по общему пересмотру узаконений, относящихся до обложения торговли и промышленности», разосланных до издания этого закона в губернии⁹⁷.

Государственный промысловый налог, по новому положению, платился с торговых, кредитных, страховых и промышленных предприятий, за торговое посредничество, «всякого рода подряды и поставки», «личные промысловые занятия», а для тех, кто хотел получить гильдейские документы, нужно было, кроме обязательного промыслового свидетельства, «взять на свое имя сословное купеческое свидетельство» с ежегодной платой в Государственное казначейство: за свидетельство первой гильдии — 50 рублей, второй — 20 руб., причём купцы не освобождались от уплаты и местных сборов «на сословные и общественные надобности»⁹⁸.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что во второй половине XIX в., после введения всеобщей воинской повинности, отмены подушной подати, гильдейские купцы лишались ряда важных сословных привилегий. Последние в конце XIX – начале XX в. носили в большей степени уже церемониальный характер (право ношения шпаги, «при русской одежде сабли», губернского мундира, визита к императорскому двору, получения «за оказанные отечеству особенно важные заслуги» медалей и орденов и т. д.)⁹⁹.

В конечном итоге многие предприниматели, не видя некоторых былых преимуществ и зная об уплате дополнительных денежных сумм за свидетельства, отказывались от приобретения сословных документов. По сведениям А. Н. Боханова, в результате реформы в следующем, 1899 г. российское купеческое сословие сократилось наполовину¹⁰⁰. Безусловно, это был серьёзный удар по купеческой корпорации, которая с развитием капитализма, особенно после буржуазных реформ 1860–1870-х гг., постепенно теряла свои позиции, уступая место более многочисленному и жизнестойкому в новых условиях слою населения – буржуазии.

Тем не менее, купечество как сословная организация продолжало существование, сохраняя влияние в предпринимательских кругах и в начале XX в. Последним аккордом в его истории явился Декрет советской власти от 11 ноября 1917 г., уничтожавший «все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения»¹⁰¹. Этот закон устанавливал одно общее для населения страны наименование – «гражданин Российской Республики»¹⁰². Происходившие в тот период радикальные изменения в социальной политике государства прервали многовековую историю купечества и, таким образом, завершили пятый этап в его деятельности.

Дальнейшие судьбы российских купцов плачевны: одни вынуждены были навсегда покинуть Россию, другие погибли в годы Гражданской войны, третьи умерли в нищете и бедности. Став свидетелем зарождения Советского государства, московский промышленник и общественный деятель Н. А. Варенцов, отмечал в мемуарах: «С каждым днём действия революции усиливались, нагоняя всё более и более страх и трепет, с угнетением души и сердца... Кругом всё бурлило, шумело, митинговало; тёмная, серая масса людей ждала какой-то новой, особой жизни; понятно, всё это строилось за счёт лиц, имеющих состояние; нередко приходилось слышать: “Довольно попили нашей кровушки, теперь мы будем наслаждаться!”»¹⁰³. «Большевики уничтожили все русское купечество...» – с горечью констатировал в воспоминаниях Владимир

Павлович Рябушинский, сохранявший и на чужбине веру в русского «хозяйственного мужика»¹⁰⁴.

Итак, на основании вышесказанного, с учётом, что основными документами, определившими правовой статус российского купечества и направления его профессиональной и общественной деятельности, стали Регламент Главного магистрата, Грамота на права и выгоды городам Российской империи (Жалованная грамота городам), положения о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г., Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г., можно выделить следующие периоды в истории купеческого сословия:

I период – эпоха становления купечества в допетровской России;

II период – начало образования гильдейской купеческой корпорации (петровская эпоха – 1775 г.);

III период – время окончательного оформления гильдейского купечества и укрепления его правового статуса (1775/1785 – 1860-е гг.);

IV период – эпоха развития купечества в условиях утверждения капитализма (1860-е – 1898 гг.);

V период – время угасания сословной купеческой корпорации и укрепления буржуазии (1898–1917 гг.).

Как видим, оформившись в конце XVIII столетия в сословную организацию и законодательно закрепив за собой право на наименование «купечество», российская деловая элита развивалась как привилегированная и влиятельная в экономической жизни государства группа населения. Усиление её значения в различных сферах было связано с постепенным утверждением капиталистических отношений в России, мощной социальной опорой которых и являлось купеческое сословие. Однако не все периоды в его истории были равнозначными. Вытесняемые экономической модернизацией во второй половине XIX – начале XX в. черты феодализма вели к угасанию сословных корпораций, в том числе и купеческой.

Нельзя не сказать, что понятие «купец» в дореволюционной России получило устоявшееся смысловое значение, связанное, прежде всего, с сословной принадлежностью зажиточной части городского торгово-промышленного общества. Периодизация её истории, основанная на изменениях в законодательстве правового статуса купечества, отражает основные этапы эволюции этой социальной группы и зависимость последней от общих тенденций социально-экономического и политического развития страны.

2.2. Купеческое сословие: условия становления, субъективные факторы развития

Характерной чертой социального развития России в XVIII – начале XX столетия являлось наличие сословной системы, разделявшей общество на привилегированные и непривилегированные слои населения. Вопрос об её происхождении и особенностях интересовал исследователей, начиная с дореволюционного периода¹⁰⁵. В дальнейшем проблема образования сословий рассматривалась как часть общей темы, связанной с развитием абсолютизма¹⁰⁶. Современные исследователи (Н. А. Иванова, В. П. Желтова) полагают, что «структурирование российского общества на сословной основе заняло не менее двух столетий» и началось оно в XVIII в.¹⁰⁷ Б. Н. Миронов, обратив внимание на особенности формирования сословий, отметил, что ещё в XVI – первой половине XVII в. Московское государство являлось «бесклассовым и бессословным» и только в XVIII в. процесс образования сословий «пошёл более быстрыми темпами под влиянием сословного строя, существовавшего в XVIII в. в странах Западной Европы»¹⁰⁸. На «более европеизированный вид» социальной структуры русского общества и создание правовых условий «для формирования полноценных сословий» в петровский период указывал А. Б. Каменский¹⁰⁹.

Рассматривая вопрос об условиях развития сословной системы в России, нельзя не учитывать, что в силу продолжительной политической и экономической замкнутости страны, наиболее проявившейся в допетровскую эпоху, специфики её становления в более позднее время, на процесс формирования и последующей эволюции различных слоёв населения, в том числе и купеческого сословия, в значительной степени воздействовали внутренние факторы – природно-климатические и исторические условия, различные субъективные черты и качества.

Природно-климатические условия повлияли, главным образом, на развитие профессиональной деятельности российского купечества. В литературе уже отмечался целый ряд изначально неблагоприятных для становления предпринимательства условий, связанных с природно-географической средой¹¹⁰. Конечно, нельзя не обращать внимания на такую её специфику, как суровый климат на значительной части территории страны, характеризовавшийся холодными и долгими зимами, коротким летом, неравномерными осадками.

Особенно ярко и часто эмоционально о климатических условиях России писали иностранцы, приезжавшие сюда из более тёплых широт. «В зимнее время вообще во всей России сильные холода, так что едва

удается уберечься от них... Никто из нас с открытым лицом не мог пройти даже 50 шагов по улицам, не получив впечатления, что у него отможены нос и уши», – отмечал Адам Олеарий¹¹¹, побывавший в стране в начальный период становления всероссийского рынка, в XVII в. «Вдруг наступила осенняя погода: холодный дождь в один день прогнал “бабье лето”, и, говорят, тепло не вернется до будущего года», «Северное солнце и климат придают могильный оттенок всему окружающему» – слова французского путешественника и литератора маркиза де-Кюстина из книги «Россия в 1839 г.»¹¹²

Климатические условия весьма негативно сказывались на эффективности сельскохозяйственного производства. Из-за холодной погоды в России был короче, чем на Западе, сезон сельскохозяйственных работ, непродолжительным являлся и вегетационный период, то есть время роста и развития растений¹¹³. Северный климат ограничивал возможность выращивания в стране многих фруктовых, овощных, ягодных культур. Отличительной особенностью российского климата была его неустойчивость, выражавшаяся в резких температурных перепадах, чаще в осенне-весенний период, в выпадении большого количества осадков и т. д.¹¹⁴ Крестьянам, особенно северных и восточных регионов, сельским хозяйством приходилось заниматься в условиях малоплодородных почв (например, для Европейского Севера было характерно преобладание подзолистых почв, обладавших высокой кислотностью и нуждавшихся в применении специальных агротехнических средств и приёмов обработки) и бесконечных лесов («лесных пустынь»), что требовало от них колоссальных затрат труда и огромного перенапряжения и, в свою очередь, вовсе не означало, что будут обеспечены высокие урожаи¹¹⁵. Негативное влияние оказывали и засухи, характерные для плодородных чернозёмных губерний. Данные обстоятельства весьма ограничивали возможность извлечения высоких доходов от предпринимательства в сельском хозяйстве.

Более низкий показатель урожайности в России сельскохозяйственных культур, в частности, хлебов, по сравнению с западными государствами прослеживается в статистических материалах: например, урожайность пшеницы (сельскохозяйственной культуры, наиболее распространённой на юге России) в 1913 г. была в два-три раза ниже, чем в Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Швейцарии, Швеции; урожайность ржи, ячменя и овса также значительно уступала этим же государствам¹¹⁶. Влияние климатического фактора в этом, безусловно, сказалось, как и преобладание в крестьянском хозяйстве по-прежнему архаичных орудий труда, примитивной обработки земли, хотя нельзя

не отметить, что после отмены крепостного права в сельском хозяйстве страны произошёл целый ряд изменений, связанных с развитием капиталистических отношений в деревне (росла товарность зернового производства и животноводства, улучшалась сельскохозяйственная техника, наблюдался рост кооперативного движения)¹¹⁷. Вместе с тем, реалии оставались зачастую не в пользу сельского жителя. «Русское крестьянство, осваивая бескрайние земельные просторы Восточно-Европейской равнины, – отмечал Л. В. Милов, – на каждом этапе развития общества получало уровень урожайности основных земледельческих культур, явно несоизмеримый с громадной массой вложенного труда»¹¹⁸.

Неблагоприятные климатические условия способствовали устойчивости общинной организации сельского населения, имевшей повсеместное распространение в Европейской России¹¹⁹. Преодолеть неурожай и несостоятельность при холодной зиме, коротком лете, малоплодородных почвах было эффективнее с помощью совместного производства и коллективизма, проявлявшегося, например, в обычае помочей, которые обеспечивались общиной. В то же время, эта самоуправляющаяся организация с характерным для неё патриархальным бытом и ограничением частной инициативы, экономической свободы крестьянства тормозила развитие капитализма в деревне. Для общины были свойственны такие черты, как коллективная взаимозависимость в отношениях с государством, совместная собственность, приоритет общих, или групповых, интересов перед индивидуальными, и поэтому она так же, как и крепостничество, сдерживала развитие частного предпринимательства. В общине признавалась инициатива крестьянина «настойко и до тех пор, пока она не нарушает обычая, традиций и интересов мира»¹²⁰. Вместе с тем, нормы общинной жизни крестьяне свято хранили, так как они являлись гарантом их социальной стабильности. Хотя по мере развития капиталистических отношений общинный коллективизм и ослабевал, но община как социальная организация не утрачивала своего значения и даже после известной столыпинской реформы.

Особенно сильными общинные традиции оставались на Севере – в Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях. В годы реформы личными собственниками здесь стали 30 048 домохозяев, или только 8,5 % от всех крестьянских дворов (для сравнения: в Европейской России было 22 %), а количество укрепленной земли составило 3,7 % (349 380 дес.) от всей надельной земли (по России в среднем – 12,0 %)¹²¹. Причины этого коренились, конечно, не только в природных условиях, но и в экономических проблемах: смена формы собственности не решала, например, такого важного вопроса, как мало-

земелье. Из общины же выходили, главным образом, малоземельные крестьяне¹²².

К 1917 г. верность общине сохранили 2/3 русских крестьян, а к 1922 г., уже в Советской России, 85 % всей земли находилось в общинной собственности¹²³. Устойчивость сельской общины, игравшей многофункциональную и жизнеобеспечивающую роль, обуславливалась тем, что она, в конечном итоге, соответствовала интересам и крестьянина, и сельского общества, и государства, позволяла преодолевать неблагоприятные последствия природно-климатического фактора и «наилучшим образом вписывалась в социально-экономическую природу страны»¹²⁴.

Климат оказывал влияние и на процесс общественного разделения труда. В России, в зависимости от региона, земледелием можно было заниматься от 4 до 6 месяцев, и, стало быть, от 6 до 8 месяцев в году крестьяне не вели полевые работы (для сравнения: в западноевропейских государствах не работали только в декабре и январе)¹²⁵. В этот период они были вовлечены в различные неземледельческие занятия – в промыслы (охота, рыболовство, изготовление кустарных изделий), торговлю (особенно на севере и востоке страны), отходничество. Эти виды деятельности, так или иначе связанные с рынком, способствовали развитию капиталистических отношений¹²⁶.

Географические условия так же, как и климатические, были значимы в развитии предпринимательства, поскольку они, во-первых, определяли специфику ведения хозяйственной деятельности на той или иной территории, во-вторых, оказывали воздействие на формирование деловой инфраструктуры (наличие удобных путей сообщения, рынков сбыта), в-третьих, способствовали взаимодействию с другими купеческими сообществами и цивилизациями, обмену с ними передовым опытом или, наоборот, осложняли торговые контакты из-за отдалённости города или государства в целом от выгодных деловых партнёров. Роль географических условий особенно была ощутима в XVIII–XIX вв. и в более раннее время в силу отсутствия совершенной системы связи и развитого транспортного сообщения.

Территория России как государственного образования исторически сложилась на Востоке Европейского континента, и дальнейшее расширение её границ происходило как в западном, так и восточном, азиатском направлении. Присоединение к ней в XVIII в. балтийских земель, украинских и белорусских территорий, Северного Причерноморья и Крыма, а впоследствии, в первой четверти XIX в., Финляндии, герцогства Варшавского прочно закрепляло за Россией геополитическое преимущество в Восточной Европе.

В начале XX в. протяжённость территории государства с севера на юг составляла 4 383,2 версты, или 4 675,9 км, с запада на восток – 10 060 вёрст, или 10 732,3 км, причём на долю сухопутных границ с европейскими государствами приходилось 4 220 вёрст, а с азиатскими – 14 410 вёрст¹²⁷. Общая же длина сухопутных и морских границ измерялась в 64 909,5 вёрст, или 69 245 км¹²⁸. Располагаясь на двух континентах, в Европе и Азии, Россия, таким образом, получала возможность активного взаимодействия с разными историческими типами государств, моделями хозяйствования, культурами.

В ранний период, в XVI–XVII вв., важное экономическое значение для страны имели сухоно-двинский водный путь, по которому осуществлялись торговые поставки в Архангельский порт, а оттуда – в Западную Европу, и волжский путь, соединявший Россию через Астрахань с восточными государствами. Традиционными торговыми партнёрами страны в допетровский период были Англия, Голландия, Швеция, Дания, немецкие города, среднеазиатский регион (Бухара, Хива) и Иран¹²⁹. Однако развитие торговых отношений с Западом долгое время сдерживалось ввиду отсутствия выхода России к Балтийскому и южным морям, существования воинственного окружения (Швеция, Речь Посполитая, Османская империя) и наличия экономических ограничений для русских купцов как нежелательных конкурентов.

Ситуация в этом плане меняется лишь в годы петровской модернизации. В Прибалтике у России появляются новые форпосты внешней торговли с Западом – С.-Петербург, Выборг, Нарва, Рига, Ревель, и уже в 1725 г. стоимость товаров, вывезённых из страны через Петербургский, Архангельский и Рижский порты, составила 4,2 млн руб., а импортных – 2,1 млн руб., что свидетельствовало о курсе России на достижение активного внешнеторгового баланса в экономических отношениях с Западом¹³⁰. Дальнейшему расширению контактов с западными государствами и Ближним Востоком способствовал выход России во второй половине XVIII в. к Чёрному морю.

Территориальные приобретения Правобережной Украины, Белоруссии, Финляндии, герцогства Варшавского отодвигали западные границы страны вглубь европейского континента. В итоге пограничными с Россией государствами, помимо Швеции, стали Норвегия, Пруссия, Австрия. Появилась возможность более тесного экономического взаимодействия Русского государства со странами уже не только Северной Европы, но и центральной её части. О многом говорит тот факт, что во второй половине XIX в. свыше 60 % российского импорта поступало из Германии, Великобритании, Франции и Австро-Венгрии¹³¹. Лидиру-

ющее положение во внешней торговле страны в тот период занимали Великобритания и Германская империя, причём наиболее интенсивно развивались торговые отношения с Германией: если в 1891 г. объём торговли с Англией в сравнении с 1856–1860 гг. увеличился в 2,2 раза, то с Германией – в 5 раз¹³². На рубеже XIX–XX вв. Германия прочно занимала первенство в российском импорте, что ярко отражают материалы таблицы (см.: приложение 1).

Несмотря, казалось бы, на выгодное географическое положение Российской империи, государства, соединявшего два континента – Европу и Азию, имелся и целый ряд негативных проявлений, связанных с его местонахождением. Имея обширную территорию и в течение долгого времени успешно расширяя границы в северо-азиатском направлении, Россия отдалялась от южных морей – очагов торговли с богатыми традициями, уходящими корнями в античные цивилизации, и важных европейских экономических центров. Неблагоприятные последствия географического фактора были связаны и с природно-климатическими условиями, что уже отмечалось, и с весьма растянутыми с севера на юг и, особенно, с запада на восток внутренними коммуникациями. При этом многие регионы России из-за обилия лесов, болот, рек являлись вообще недоступными или труднодоступными для рыночного освоения. Огромные пространства страны затрудняли связи и между её регионами, а также увеличивали затраты на транспортные расходы. Географическая растянутость России, зависимость предпринимателей от природных условий (например, невозможность в зимний период полноценно осуществлять торговые операции) вела и к замедлению оборотов их капиталов¹³³.

Акцентируя внимание на неблагоприятных последствиях природно-географического фактора, не следует забывать о природных богатствах страны – полезных ископаемых, уникальных флоре и фауне. Их освоение занимало важное место в хозяйственной жизни россиян. Во все времена ценился русских мех, в повседневной жизни широко использовался лес, во второй половине XIX – начале XX в. интенсивно велась угле- и нефтедобыча. Природа, как видим, давала богатые ресурсы для развития предпринимательства в России, но экстенсивные методы ведения хозяйства, преобладавшие в её экономике, не способствовали эффективному использованию первых.

Таким образом, в целом влияние природно-географических условий на развитие торгово-предпринимательской деятельности российского купечества было неоднозначным. С одной стороны, они существенно сдерживали, особенно из-за климатических условий, рост прибавочного

продукта и оборот капиталов, без которых невозможно поступательное развитие предпринимательства и, соответственно, профессиональной деятельности купечества, а, с другой, – купцы имели реальную возможность расширять свои предпринимательские дела, осуществлять торговые контакты внутри страны и строить деловые отношения с крупнейшими центрами мировой торговли, как в западном, так и в восточном направлении.

На процесс становления купеческого сословия существенное влияние оказывали исторические факторы, включавшие в себя традиции и особенности политического, социально-экономического и духовного развития государства. Прежде всего, сказывалась специфика политического устройства России: сильная государственная власть с её всеобъемлющей экспансией в экономическую, общественную, корпоративную и частную жизнь, окончательно утвердившаяся в стране в ходе петровских преобразований особая идеология абсолютизма с приоритетом государственного интереса и весьма разветвлённый бюрократический аппарат с жёсткой централизацией и системой контроля над общественной жизнью. В результате всего этого в России сложился особый тип отношений между властью и населением, для которого была характерна вполне легитимная тотальная регламентация со стороны государства прав, обязанностей и жизнедеятельности в целом различных слоёв населения, включая купечество.

Государственный механизм фактически определял не только правовой статус изучаемого сословия, но и его профессиональную деятельность. В начальный период формирования всероссийского рынка вводятся Торговый 1653 г. и Новоторговый 1667 г. уставы, затем – Таможенный тариф 1724 г., устанавливавшие протекционистские меры по защите деловых интересов российских купцов. Правительство предоставляло им подряды, то есть право на заготовку и поставку товаров для казны, и различные откупа (на торговлю казёнными товарами, взимание сборов), которые стали важнейшим источником накопления капиталов. Например, в середине XVIII в. винные операции с казной приносили удачливым откупщикам до 110 % торговой прибыли¹³⁴. Купцы-откупщики освобождались от посадских казённых служб, получали другие привилегии. В правление Петра I (1682–1725) и в последующее время государственные предприятия (и необязательно убыточные) передавались в частные руки, владельцы заводов получали беспроцентные ссуды и пошленные льготы, пользовались монопольным правом выпуска определённых видов продукции и т. д.¹³⁵, что тоже являлось весомым стимулом для развития предпринимательской деятельности и мерой её по-

ощрения. Утверждение на внутреннем рынке российского купечества, таким образом, происходило при самом активном участии государства.

Данная ситуация в конечном итоге вела к зависимости торговцев и промышленников от административных властей. Государство практически всецело подчинило себе российского купца. Это прослеживалось и в личностном аспекте, так как статус купца устанавливался законодательно, и купеческое звание включало в себя набор привилегий и льгот (освобождение от подушной подати, от рекрутской повинности, от казённых служб и т. д.)¹³⁶, исходящих от государственного аппарата. Особенность купеческого статуса заключалась и в том, что гильдейские свидетельства выдавались ежегодно, на определённый срок до нового их подтверждения, и потому состав этого сословия был мобильным. Не получив по каким-либо причинам (банкротство, несостоятельность, в случае необъявления капитала) гильдейского документа, российские купцы теряли сословные привилегии, льготы и право на ведение прибыльных торгово-промышленных дел. Все эти обстоятельства сдерживали развитие самосознания купцов и определяли ведущую роль государства в формировании их корпоративной организации.

Важным фактором, влиявшим на становление российского купечества, являлся религиозный. Идеология самодержавной власти, общественное сознание тесно переплетались с православной верой. Каноны Русской православной церкви, не поощряя богатство (в народе говорили: «Богатство перед Богом – большой грех», «Копил, копил, да чёрта и купил», «Деньгами души не выкупишь», «Богатому черти деньги куют», «Пусти душу в ад – будешь богат»¹³⁷) и осуждая стремление к индивидуализму, способствовали, в свою очередь, формированию эгалитарного мировоззрения, опирающегося на уравнительность, идеалы справедливости, добра, нестяжательства¹³⁸. Православная этика во многом противоречила сути предпринимательской деятельности, которая без движения капиталов, получения прибыли, инициативы, риска, решительности существовать не могла. Церковь не поощряла развитие кредитного дела и ростовщичества, что отразилось в Соборном Уложении 1649 г.: «...росту на те заемные денги не править потому, что по правилу святых апостол и святых отец росту на заемные денги имати не велено» (Гл. XX, ст. 255)¹³⁹. Учитывая высокую религиозность населения, в том числе и купечества, было ощутимо сдерживающее влияние религиозного фактора в развитии предпринимательства.

Вместе с тем, в России был выработан особый механизм взаимодействия между православной церковью и купечеством. Его чётко охарактеризовал в своих воспоминаниях известный московский предприниматель

П. А. Бурыйшин, писавший, что «на свою деятельность (купцы. – М. С.) смотрели не только или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом и судьбою»¹⁴⁰. Далее Бурыйшин отмечал, что не случайно в купеческой среде получили развитие благотворительность, коллекционерство, на эти явления смотрели «как на выполнение какого-то свыше назначенного долга»¹⁴¹. Автор указывал и на отсутствие в России культа богатых людей, который наблюдался на Западе. «Даже в купеческих группировках и на бирже богатство не играло решающей роли. Почти все главные руководители отдельных организаций обычно бывали не очень богатые люди», – писал он¹⁴².

Религиозный фактор насыщал профессиональную деятельность российского купечества особой духовно-нравственной основой. Православная этика способствовала развитию таких качеств, как сострадание к окружающим, чем зачастую объяснялась широкая благотворительная деятельность купечества; трудолюбие, терпение, бесплатные работы «в помощь» – черты, важные в предпринимательстве.

Будучи многонациональным государством, Россия сохраняла неоднородный религиозный состав населения. Юг страны, в частности, Кавказ и Поволжье, стали территориями традиционного проживания, как православных, так и мусульман. Менталитет купцов-мусульман также имел конфессиональную окраску. Ислам способствовал развитию деловой активности предпринимателей: «Кто зарабатывает деньги, угоден Аллаху», «Купец равно блажен в сем мире и в будущем», – и характеризовался уважительным отношением к торговле¹⁴³. Купцы-мусульмане обладали коммерческой сноровкой, проницательностью, бережливостью и не забывали исповеди Корана о помощи ближнему. Эти качества проявили, например, предприниматели Казанской губернии Аитовы, Айтугановы, Алаковы, Нугман Абдулкаримов и др.¹⁴⁴ Одновременно с этим ислам так же, как и православие, осуждал ростовщичество: «То, что вы даете с прибылью, чтобы оно прибавлялось в имуществе людей, – не прибавится оно у Аллаха»¹⁴⁵.

Обратим внимание ещё на один аспект. Среди российского купечества особое место занимали старообрядцы, люди зачастую весьма удачливые в предпринимательских делах. Фамилии Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Солдатенковых были хорошо известны в деловых кругах России. Секрет их коммерческого успеха, по всей видимости, заключался и в качествах, присущих старообрядческой этике, формировавшейся в условиях гонений со стороны светских и официальных духовных властей. Купцы-старообрядцы отличались трудолюбием,

считая, что искупление греха возможно каждодневной работой, целеустремлённостью, отказывались от праздной жизни, не оставляли друг друга в беде¹⁴⁶. В предпринимательстве эти качества имели ценность, так как они ориентированы на интересы дела. Старообрядческий аскетизм не способствовал распылению капиталов, трудолюбие, сочетаемое с добросовестностью, взаимопомощью и взаимовыручкой, выступало гарантией успеха в торгово-промышленной деятельности. Следует также иметь в виду, что последняя в старообрядчестве имела духовный подтекст. По мере эволюции этого движения изменялись и его нравственные установки. Со временем предпринимательство, направленное на благо общины, рассматривалось старообрядцами как средство спасения души, и это являлось достаточным основанием для активизации их экономической деятельности¹⁴⁷.

В Европе, где до XV в. сохранялось проповедовавшееся церковью воззрение: «купец может действовать безупречно, но не может быть угодным Богу»¹⁴⁸, идеологической основой накопления капиталов и утверждения буржуазных ценностей стал протестантизм. «"Экономический человек" нового времени, родившийся в гуманизме, своё крещение получает в протестантизме, "в светском христианстве"»¹⁴⁹. «В России, — писал В. П. Бойко, — слабое подобие протестантизма, как это ни парадоксально, проявилось в старообрядчестве»¹⁵⁰. «Протестантская этика с её культом честности и старообрядческая этика очень похожи одна на другую, — считает А. А. Галаган, — поэтому не случайно именно из их среды вышло наибольшее число самых известных предпринимательских фамилий — на Западе и в России»¹⁵¹. Действительно, старообрядчество — целое течение в корпорации российского купечества, отличавшееся не только своим менталитетом. О нём можно говорить как об одной из форм накопления капиталов и «одном из выражений национального пути развития буржуазных отношений»¹⁵².

Кроме того, среди последователей старой веры постепенно выделялась группа купцов-реформаторов, открыто заявившая о себе в начале XX в. Предприниматели из старообрядческих семей А. И. Гучков и П. П. Рябушинский стояли у истоков либеральных партий («Союза 17 октября», умеренно-прогрессивной партии). А. И. Гучков поддерживал реформы, направленные на «успокоение» страны, в частности, одобрил введение военно-полевых судов¹⁵³. П. А. Столыпиным он был приглашён на должность министра торговли и промышленности, но отказался от этого предложения. Однако свою преданность столыпинскому курсу А. И. Гучков подтвердил, став в марте 1910 г. председателем Государственной Думы.

Павел Рябушинский же, чьё мировоззрение впитало в себя религиозные традиции прошлого и патриотические настроения, являлся сторонником синтеза русских исторических традиций допетровской России, в особенности старообрядческих, с институтами западного капитализма. Будущее политическое устройство России он связывал с парламентской формой правления и людьми «дела», то есть предпринимателями¹⁵⁴. По мнению Рябушинского, указывавшего на прямую связь предпринимателей с народом, старообрядчество будет способствовать сохранению в стране народных ценностей. Он полагал, что общество и власть должны разделить права и обязанности, и в отличие от А. И. Гучкова не принял столыпинский курс «успокоения» России, настаивая на мирном обновлении страны¹⁵⁵. Оппозиционный настрой П. П. Рябушинского проявился на страницах издаваемой им с сентября 1907 г. газеты «Утро России», в которой врагами купечества назывались помещики-землевладельцы и чиновники¹⁵⁶. Его взгляды исследователями рассматриваются как пример идеологии «утопического капитализма», в своей сущности более пронизанной старым купеческим мировоззрением, чем современными для Рябушинского реалиями¹⁵⁷. Буржуазия в России не стала цельным общественным организмом с единой идеологией, совместной программой преобразований, о чём и свидетельствовала деятельность двух крупнейших представителей бизнеса и политики начала XX в. А. И. Гучкова и П. П. Рябушинского.

Купеческое сословие в течение долгого периода развивалось в условиях крепостнической системы, утвердившейся в стране по Соборному Уложению 1649 г. и просуществовавшей вплоть до 1861 г. Безусловно, крепостничество являлось неблагоприятным фактором в развитии предпринимательства, поскольку оно ограничивало рынок свободной рабочей силы, лишало зависимых людей заинтересованности в результатах своего труда, сдерживало возможности занятий торгово-промышленными делами самого многочисленного слоя населения – крестьянства. Конечно, крестьянская среда была крайне неоднородна. Большую роль в её дифференциации играли социально-экономические особенности регионов, положение крестьян разнилось в зависимости от форм феодальной ренты: барщинные селения отличались от оброчных или денежно-оброчных¹⁵⁸. Если барщинная система практически полностью поглощала крестьян, то оброчная – побуждала их к поиску источников доходов и, следовательно, давала им определённую свободу. Однако дух крепостничества в отношении непривилегированного населения распространялся повсюду. Он сказывался на положении и лично свободных, государственных крестьян, так как их жизнедеятельность также сковы-

налась феодалной рентой (в пользу казны), различными натуральными повинностями, насильственным переселением, приписками к заводам, переводом на положение военных поселян, сдачей в аренду и т. д.¹⁵⁹

В разрушении крепостнической системы было заинтересовано не только крестьянское население, среди которого к середине XIX в. имелось немалое число зажиточных людей, но и купечество, в особенности та его часть, которая была связана с производственной деятельностью. Купцы-промышленники нуждались в расширении рынка наёмного труда, в увеличении спроса на их товары. В первой половине XIX в. правительство провело ряд реформ (указы: 1803 г. — о вольных хлебопашцах; 1809 г. — об отмене права помещиков ссылать крестьян в Сибирь за мало-важные поступки; 1842 г. — об обязанных крестьянах, 1847 г. — о предоставлении крестьянам права выкупаться на волю с землёй при продаже имения помещика за долги и др.), направленных на некоторое смягчение крепостничества, но кардинальные преобразования произошли только в правление Александра II (1855–1881). Несмотря на незавершённость и отчасти половинчатость буржуазных реформ 1860–1870-х гг., их значение для развития свободного предпринимательства неоспоримо. С ликвидацией крепостнической системы отменялись частная феодальная собственность на работников, крестьяне получали личную свободу, право юридического лица, а это означало, что они могли совершать сделки, приобретать и продавать недвижимость, и, как следствие, крестьяне стали более активно втягиваться в предпринимательскую деятельность¹⁶⁰. Так, в 1870 г. в Москве крестьянам было выдано 488 свидетельств по второй купеческой гильдии, в 1896 г. — 1 432, эта тенденция была характерна и для других городов¹⁶¹.

Купеческое сословие пополнялось за счёт выходцев и из других слоёв населения. В пореформенный период активизировалась предпринимательская деятельность дворянства. Немалое число «окупеченных» дворян появилось в южных регионах России, где темпы развития капиталистических отношений были весьма интенсивными¹⁶². Однако отзвуки крепостничества ещё долгое время накладывали отпечаток на деловые отношения, качества и сознание предпринимателей. Изжить феодальные пережитки в одночасье было невозможно. Тем более что развитие экономической активности крестьян по-прежнему сдерживалось общинной организацией сельскохозяйственного производства, а это также являлось одним из важных исторических условий в формировании предпринимательства.

Как видим, перечисленные условия развития купеческого сословия имели свои как позитивные, так и негативные оттенки, причём влия-

ние последних было весьма существенно. Особенности природно-географической среды, сильная государственная власть, жёсткая сословная политика, долгое существование крепостничества, патриархальность быта основной части населения страны, несомненно, сдерживали развитие профессиональных занятий изучаемого слоя населения, замедляли процесс формирования его самосознания, что, в свою очередь, и определило дальнейшую незрелость российской буржуазии, её зависимость от государства и неспособность целенаправленно и самостоятельно решать политические проблемы. «Всемогущее государство», «слабость народной энергии», «непривычка частных людей к инициативе», уступчивость и т. д. – качества, осознанные представителями демократической идеологии применительно к России ещё в XIX в.¹⁶³ «Главное, что не давало возможности русскому народу вырваться из самодержавной системы (по мнению не только Чернышевского, но и многих других мыслителей), – отсутствие гражданского общества, государственная монополия на любое действие, исключаяющая какую бы то ни было автономию», – отмечал Ю. Н. Афанасьев¹⁶⁴.

Предпринимательская деятельность, лежавшая в основе профессиональных занятий купцов, не могла существовать без активности субъективного фактора, и поэтому важнейшей предпосылкой развития купечества как экономической общности выступали личностные качества представителей данного сословия. Эти качества сочетали в себе природные свойства, наклонности, способности купцов и черты, сформированные под воздействием объективных естественных (природно-географической среды) факторов, исторических условий и семьи.

Для российского купечества были характерны сила воли, стойкость, самообладание, трудолюбие, расчётливость, целеустремлённость, взаимовыручка¹⁶⁵. Многие из этих деловых качеств вытекали из народного характера и менталитета россиян. Близость купцов к народной культуре объяснялась, прежде всего, тем, что весомая часть их представителей являлась выходцами из непривилегированного населения – посадских людей либо крестьян. К их числу относились те же Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Коноваловы, Боткины, Губонины, Найденовы – цвет российского предпринимательства XIX – начала XX в. У них деловые качества, как правило, стояли на первом плане, поскольку именно они позволяли обеспечить высокий социальный статус. В этом отношении показателен пример, связанный с деятельностью основателя рода Рябушинских – Михаила Яковлевича, жившего в первой половине XIX в. Его деловые качества заключались в железной воле, соединённой с мировоззрением «хозяйственного мужика». «Всё для дела – ничего для себя» –

девиз жизни М. Я. Рябушинского¹⁶⁶. Такой подход к профессиональной деятельности вполне себя оправдал. Своим наследникам Михаил Яковлевич передал не только солидное состояние – имущество (в том числе несколько мануфактур, торговых заведений, землю) общей стоимостью свыше 2 млн рублей ассигнациями¹⁶⁷, но и деловой опыт, позволивший Рябушинским в дальнейшем уверенно заниматься предпринимательской деятельностью.

Социально-экономические условия развития купеческого сословия способствовали осторожности в ведении предпринимательских дел. Твёрдость духа и характера русских купцов зачастую сочеталась именно с этим качеством, что отличало их от иностранных предпринимателей. «Англичанин в душе всегда игрок, даже если он серьёзный деловой человек, а наши совсем не игроки, а очень осторожны и медлительны, решение принимают не сразу, но раз оно принято, гнут линию упорно и тягуче, несмотря на неудачи», – вспоминал современник¹⁶⁸.

Деловые качества, присущие российским купцам, контрастировали с иностранными в целом ряде случаев. Создатель картинной галереи в Москве П. М. Третьяков говорил: «Слово моё было всегда крепче документа»¹⁶⁹. Менталитет же купцов-европейцев строился на другом: все сделки и отношения в обязательном порядке скреплялись соответствующим документом, иначе дело не начиналось. Стало быть, есть полные основания говорить о многих деловых чертах российских купцов как особенных, обусловленных социально-экономическими, политическими, историческими предпосылками действительности.

На формирование личностных качеств представителей купеческого сословия большое влияние оказывала семья. Купеческие семьи зачастую отличались патриархальностью, религиозностью, что впитывало в себя и молодое поколение, для которого уважение к старшим, повиновение им, ответственность за порученное дело, терпение являлись основными качествами. Подобный уклад наблюдался, например, в семье выходцев из г. Зарайска Рязанской губернии, московских предпринимателей Бахрушиных. После смерти Алексея Фёдоровича (1792–1848) во главе их семейной фирмы встал старший сын Пётр. «Своим братьям, которые были значительно его моложе, он говорил “ты”, “Саша”, “Вася”, но они обращались к нему: “Вы, батюшка-братец Петр Алексеевич”. До прихода его в столовую никто не мог сесть. Потом младшая дочь читала молитву... и начинался обед, после которого все подходили к его руке и к руке его жены», – вспоминал П. А. Бурыйкин¹⁷⁰.

Картинами патриархального быта наполнен и дневник купеческой девушки из столичного Петербурга. «Папенька наш мало говорит,.. –

пишет она. — За ужином и за обедом приказывает и нам всем молчать; чуть кто засмеялся, сейчас же ударит того ложкою по лбу, а ложка его толстая, деревянная, из монастыря, бьет больно»; «У церковных служб бываем, утром чая до конца часов или обеден не пьем, папенька и маменька строго запретили пить чай раньше» или «Сегодня велели одеться и сойти вниз, жениху показывали. В летах, вдовец, но детей нет. Говорят, очень богат. Не здешний, из Сибири приехал. Хотела ему прямо сказать в глаза, что меня насильно выдают за него, но не посмела, боюсь папеньки — убьет»¹⁷¹.

С ранних лет купеческие дети приобретали деловой опыт, знакомясь с азами торговли и предпринимательства в отцовских лавках и магазинах, заводах, бывая на ярмарках и в крупных торговых городах. Уже в 15 лет сын елабужского купца И. И. Стахеева, Дмитрий, самостоятельно вёл в Кяхте чайное дело, оборот которого достигал больших сумм¹⁷², братья Павел и Василий Рябушинские служили «мальчиками» в лавке отца с 14–15 лет¹⁷³, П. М. Третьяков с малых лет ходил в лавку отца, учился вести торговые книги и выполнял разные поручения¹⁷⁴, и таких примеров было немало. Приобретённый в малолетстве опыт в дальнейшем становился серьёзной основой для приумножения семейных капиталов и сохранения фамильного купеческого звания.

В то же время, хорошо известно, что в русской классической литературе рисовался довольно неприглядный купеческий портрет. В произведениях Н. В. Гоголя, И. А. Крылова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, А. М. Горького чаще всего характеризовались морально-нравственные качества деловых людей¹⁷⁵. У Салтыкова-Щедрина, например, в драматическом этюде «Что такое коммерция?» один из героев после разговора с тремя купцами записал в своей книжке: «мошенничество... обман... взятки... невежество... тупоумие... общее безобразие!...»¹⁷⁶ — это звучит как ответ на вопрос, поставленный в заголовке. Купцы-«надувалы», «протобестии» (слова Н. В. Гоголя), действительно, встречались, но одновременно морально-нравственные качества порой были не на высоте и у представителей других сословий, о чём писали и М. Е. Салтыков-Щедрин, и тот же Н. В. Гоголь¹⁷⁷.

В данном случае, на наш взгляд, необходимо учитывать морально-нравственные устои общества в целом на конкретном историческом этапе. Ещё Н. И. Костомаров обратил внимание на одну важную закономерность. Он выявил взаимосвязь между общим уровнем культуры (или «степени образованности» — слова Н. И. Костомарова) общества и теми формами и методами, которые преобладали в предпринимательстве¹⁷⁸. Таким образом, по Костомарову: чем выше уровень культуры,

тем более совершенные и более цивилизованные формы имеет предпринимательство, и, наоборот, обществу с невысокой культурой соответствуют и подобные формы деловой активности. «Не должно приписывать шутоватость русского торговца какой-нибудь народной порче. Нет, это было необходимое условие той степени образованности, на которой ещё стояла Россия, и обстоятельств, сопровождавших развитие торговли. Торговля, как и всякая другая ветвь человеческой общественной образованности, проходит различные положения. В первобытные времена она была соединена с разбоем и набегами; на низкой степени цивилизованного общества она неразлучна с коварством и обманом, и, чем выше общество становится на пути нравственного и умственного образования, тем более и торговые отношения принимают характер честности», — писал он¹⁷⁹.

Говоря о морально-нравственных качествах, не следует забывать, что купеческий статус в России не являлся наследственным. В силу этого предприниматели, особенно чьи состояния были невелики, в целях сохранения правового положения часто думали не о морали, а о том, как сохранить статус, и, следовательно, были готовы использовать любые методы и формы ведения предпринимательских дел. «...Без барышнов быть невозможно-с, наше дело коммерческое: тем только и живешь, что оборотишься не столько капиталом, сколько изворотцем-с» или «...коммерция, что война, — это сюжет один и тот же. Тут всякий не то чтоб помочь, а пуще норовит как ни на есть тебя погубить, чтоб ему просторнее было» и т. д.¹⁸⁰ — эти фразы салтыковских купцов весьма показательны.

Кроме того, как уже отмечалось, купеческое сословие в России являлось открытым, то есть в него могли записываться практически все желающие при условии объявления гильдейского капитала и уплаты в казну определённых денежных сборов¹⁸¹. Купеческая корпорация ежегодно обновлялась, что вело к нарушению традиций, преемственности между поколениями, и, как результат, снижался общий уровень предпринимательской культуры.

Во второй половине XIX — начале XX в. иным становится статус купечества, и ситуация заметно меняется: упраздняются важные сословные привилегии купцов (освобождение от воинской службы, от уплаты подушной подати); по Положению о государственном промысловом налоге для ведения предпринимательских дел уже не требуется в обязательном порядке приобретать купеческие свидетельства¹⁸², и представители торгово-промышленных кругов начинают осознавать, что гарантией делового успеха являются уже не их сословные привилегии, а собственное доброе имя, деловая репутация, хорошее образование, умение прояв-

лять свои способности. В пореформенное время повышалась активность купечества в общественно-политической, культурной жизни страны, и создавались в целом благоприятные условия для дальнейшего развития его морально-нравственных устоев. Их эволюция позволила современникам говорить о купцах как о «высокочтимых русских деятелях», о людях «неподкупной честности», «доблестных гражданах» и т. д.¹⁸³

Таким образом, факторы развития купеческого сословия можно разделить на две основные группы: первая включает в себя объективные условия становления изучаемой сословной корпорации, вторая – субъективные. Влияние климата, особенностей государственной власти с жёсткой сословной политикой, крепостничества, то есть объективных условий, сдерживало развитие в стране предпринимательства – главного направления профессиональных занятий купцов – и замедляло процесс формирования их самосознания.

Существенную роль в истории российского купечества играли субъективные факторы. Их значимость объяснялась, во-первых, тем, что купеческий статус в России не наследовался, соответственно, от деловой активности предпринимателя зависело правовое положение самого купца, его семьи и их экономическое благополучие, во-вторых, в условиях существования большого числа неблагоприятных для развития купечества факторов роль личности в становлении предпринимательства в России была велика.

В XVIII – начале XX в. изменялись исторические условия развития купечества. Кардинальная модернизация социально-экономической системы, начавшаяся в правление Петра I, привела к оформлению, в соответствии с екатерининской Жалованной грамотой городам, купеческого сословия и укрепляла правовой статус этой группы населения. В то же время, государство брало на себя функцию не только регулятора развития купечества как сословной организации, но и подчиняло его экономически. В дальнейшем, с буржуазными реформами 1860–1870-х гг., зависимость купцов от административного аппарата ослабевает, что свидетельствует о постепенном разрушении в России сословной системы и формировании капиталистической структуры общества, где на первый план выходил новый слой населения – буржуазия, состоявший из выходцев разных сословий. Одновременно с этим шёл процесс трансформации самосознания купечества, который выразился в повышении его деловых качеств, общественно-политической активности. В целом же влияние как объективных, так и субъективных факторов в развитии купеческого сообщества было неоднозначным.

Изучение смыслового значения понятия «купец», разработка вопроса о периодизации купеческого сословия, исследование факторов его развития позволяет определить общие черты эволюции этой корпоративной организации в зависимости от влияния государственной политики, природно-географических условий, социально-экономических факторов и выявить особенности её становления и деятельности на региональном уровне.

Примечания

¹ История предпринимательства в России. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 13; Перхавко В. Б.: 1) Первые купцы российские. М., 2004. С. 30. Автор отмечает, что, «несмотря на обилие литературы по истории Древней Руси, до сих пор вопрос о происхождении и социально-психологическом облике первых русских купцов относится к числу наименее изученных. Внимание учёных уделялось, прежде всего, характеристике торговой деятельности купечества, а не его формированию» (С. 29); 2) Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 46, 377; 3) История русского купечества. М., 2008. С. 31.

² История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 18–26.

³ Там же. С. 13, 24; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 11–12; Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. С. 5–7, 377.

⁴ Судебники XV–XVI веков. М. ; Л., 1952. С. 27.

⁵ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 85.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Архангельск, 1983. С. 237–252; Русский фольклор. М., 1985. С. 239–249.

⁸ Изборник : повести Древней Руси. М., 1986. С. 215–234; Литература Древней Руси : библиогр. словарь. М., 1996. С. 222–223; Перхавко В. Б. История русского купечества. С. 232–245.

⁹ Цит. по: Судебники XV–XVI веков. С. 90. Интересны выводы В. Б. Перхавко, установившего на основе изучения памятников древнерусской литературы, законодательных и делопроизводственных источников, что если в XI – середине XV в. словом «купец» обычно называли тех, кто профессионально занимался товарообменом либо специализировался «в сфере внутренней торговли» (в более узком смысле), то в конце XV – начале XVIII в. этим термином именovali и покупателя «в сочетании с антонимом “продавец”» по одной, как указывает автор, причине: «...в лексике русского языка до XVIII в. отсутствовало существительное “покупатель”...» (Перхавко В. Б. История русского купечества. С. 111–120, 141–143).

¹⁰ Глава XIX : «О посадских людех» // Соборное Уложение 1649 года. С. 99–103. По переписи 1646 г., в России проживало около 7 млн чел., из них посадские люди составляли 1,2 % (Там же. С. 293).

¹¹ По сведениям Н. Б. Голиковой, первые жалованные грамоты гостям и торговым людям гостинной и суконной сотен были даны в годы правления Ивана IV (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 23–24).

¹² ПСЗ. I. Т. 6. № 3708.

¹³ Там же. Т. 11. № 8504.

¹⁴ Там же. Т. 20. № 14275; Т. 22. № 16188.

¹⁵ Там же. Т. 20. № 14275.

¹⁶ ПСЗ. I. Т. 29. № 22418; Там же. II. Т. 38. № 39118; Т. 40. № 41779; Там же. III. Т. 18. № 15601; и др.

¹⁷ Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / сост. В. И. Даль. М., 1955. Т. 2. С. 510; Т. 3. С. 388; Т. 4. С. 419.

¹⁸ Энциклопедический словарь / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXV. СПб., 1898. С. 19.

¹⁹ Термин «предпринимательство», хотя и не имел сугубо сословной окраски (предпринимательством занимались и дворяне, и различные городские слои населения, и крестьяне), тем не менее, точно отражал специфику профессиональных занятий купцов, в основе которых лежало движение капитала, связанное с прибылью. В современной литературе под предпринимательством понимается «экономически свободная новаторская деятельность, связанная с риском, ответственностью и конкурентной борьбой, имеющая целью достижение новых результатов, удовлетворение личных и общественных потребностей» (Галаган А. А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997. С. 10; Никитина С. К. История российского предпринимательства. М., 2001. С. 3). Предпринимательством называется также «совокупность субъектов производительной, коммерческой и финансовой деятельности, осуществляемой с целью получения прибыли на основе автономно принимаемых решений и под свою личную ответственность» (Барышников М. Н. Деловой мир России : ист.-биограф. справочник. СПб., 1998. С. 298–299). В книге Ю. А. Помпеева делается акцент на юридическую сторону значения термина: «Предпринимательская деятельность – это легальная, т. е. протекающая в рамках закона хозяйственная деятельность; процесс создания чего-то нового, обладающего ценностью; процесс, поглощающий время и силы, предполагающий принятие на себя финансовой, моральной и социальной ответственности» (Помпеев Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства. СПб., 2002. С. 18). Отсюда следует, что современное толкование термина «предпринимательство» включает в себя не только экономические аспекты, но и такие понятия, как ответственность, целевые установки, ценностные ориентации.

²⁰ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 7.

²¹ Там же. С. 9.

²² Там же. С. 477–478; Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 574.

²³ Барышников М. Н. История делового мира России. М., 1994. С. 3–4.

²⁴ Предпринимательство и предприниматели России. С. 3.

- ²⁵ Там же. С. 342.
- ²⁶ Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 3.
- ²⁷ Там же. С. 495.
- ²⁸ Никитина С. К. История российского предпринимательства. М., 2001.
- ²⁹ Там же. С. 4.
- ³⁰ Там же. С. 4–5.
- ³¹ Перхавко В. Б. Первые купцы российские. С. 27; Истокам российского купечества посвящена и его монография «Торговый мир средневековой Руси», хронологически охватившая IX–XVI вв.
- ³² Перхавко В. Б. История русского купечества. С. 29–469.
- ³³ Голикова Н. Б. Указ. соч.
- ³⁴ Там же. С. 4.
- ³⁵ Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999. С. 10–11.
- ³⁶ Нилова О. Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX в. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М., 2002. С. 8.
- ³⁷ Боханов А. Н.: 1) Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 5; 2) Российское купечество в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1985. № 4. С. 106–118.
- ³⁸ Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). М., 2006. С. 230.
- ³⁹ Там же. С. 15.
- ⁴⁰ Бойко В. П.: 1) Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. : из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 10; 2) Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. : очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 32–33.
- ⁴¹ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии, вторая половина XIX – начало XX в. : монография. Ижевск, 2001. С. 5.
- ⁴² Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. : монография. Барнаул, 2001; Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.
- ⁴³ Об этом см., например: Предпринимательство и предприниматели России. С. 9–10; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561–572. «...Объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта “всеобщих условий производства”», – писал Л. В. Милов (Указ. соч. С. 572).
- ⁴⁴ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 104–112.
- ⁴⁵ Соборное Уложение 1649 года. С. 37.
- ⁴⁶ ПСЗ. I. Т. 6. № 3708.

⁴⁷ По мнению Ю. Р. Клокмана, «учреждение Главного магистрата и создание местных городских магистратов способствовало укреплению купечества, стимулировало его ещё шире развернуть торговое и промышленное предпринимательство в городах» (Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 55–56).

⁴⁸ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века : (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 157–158.

⁴⁹ ПСЗ. I. Т. 11. № 8504.

⁵⁰ Козлова Н. В. Указ. соч. С. 366–372; Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 77–89.

⁵¹ Там же. С. 370–371; Далее автор несколько поясняет свою мысль: «Во всяком случае, очевидны претензии купеческой верхушки на участие в разработке и осуществлении той области государственной политики, которая прямо затрагивала социально-экономические интересы торгового и промышленного купечества. В то же время и в 60-е годы XVIII в. купечество продолжало признавать высший авторитет власти чиновного дворянства, которому, по его мнению, следовало возглавлять все центральные учреждения в целях сохранения и умножения их авторитета и представительства интересов купцов перед императрицей» (С. 371).

⁵² Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 78.

⁵³ ПСЗ. I. Т. 20 № 14275; Т. 22. № 16188.

⁵⁴ Там же. Т. 22. № 16188.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 91. Данные относятся к лицам м. п.

⁶⁰ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

⁶¹ Там же. Т. 20. № 14275. Для записи в первую гильдию капитал должен был составлять «выше 10000 рублей»; во вторую – от 1 тыс. до 10 тыс. руб.; в третью – от 500 руб. до 1 тыс. руб. (ПСЗ. I. Т. 20. № 14327).

⁶² ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

⁶³ Речь идёт о Манифесте «о дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» (ПСЗ. I. Т. 29. № 22418).

⁶⁴ Это могли быть полные товарищества или товарищества на вере. Полные товарищества создавались купцами одной гильдии на собственный капитал для совместной предпринимательской деятельности с солидарной ответственностью; товарищества на вере объединяли средства учредителей и капиталы вкладчиков, получавших дивиденды в зависимости от размера пая. В законе говорилось и о «товариществах по участкам», создаваемых «из многих лиц, складывающих воедино определённые суммы, коих известное число даёт складочный капитал», то есть, по сути, – акционерных обществах. В то же время, последние рассматривались законодателями «как исключение», «как средство решения лишь некоторых особо важных задач государственного хозяйства» (см. об этом: Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 18–19).

В отличие от полных товариществ и товариществ на вере акционерная форма не имела и четко определённой сословной принадлежности (Там же).

⁶⁵ ПСЗ. I. Т. 29. № 22418.

⁶⁶ Там же. № 22678.

⁶⁷ Рындзюнский П. Г. Гильдейская реформа Канкрин 1824 года // Исторический записки. Т. 40. М., 1952. С. 111–113.

⁶⁸ Там же. С. 113–114.

⁶⁹ Речь идёт о дополнительном постановлении об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний от 14 ноября 1824 г. (ПСЗ. I. Т. 39. № 30115). Автором этой реформы был министр финансов Е. Ф. Канкрин.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ПСЗ. I. Т. 39. № 30115.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Рындзюнский П. Г.: 1) Гильдейская реформа Канкрин 1824 года. С. 110–139; 2) Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 107–172.

⁷⁵ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

⁷⁹ Однако здесь имелись определённые ограничения. Путь к дворянскому званию открывался только у старшего внука и в том случае, если он имел возраст «после 30 лет» и его дед, отец и он сам «именитость беспорочно сохранили» (ПСЗ. I. Т. 22. № 16188).

⁸⁰ ПСЗ. I. Т. 29. № 22418.

⁸¹ Там же. II. Т. 7. № 5284.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004. С. 76–81, 223.

⁸⁵ ПСЗ. II. Т. 38. № 39118; Т. 40. № 41779.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ В соответствии с законом промысловое свидетельство необходимо было получать и торговым приказчикам (ПСЗ. II. Т. 40. № 41779).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Размеры пошлины составляли: в регионах первого класса (С.-Петербург, Москва, Одесса, Рига) – 65 рублей, второго (Архангельск, Астрахань, Казань, Нижний Новгород, Ярославль, Киев, Вильно, Тверь и др.) – 55 руб., третьего (Вологда, Вятка, Оренбург, Минск, Екатеринослав, Иркутск и др. города и уезды) – 45 руб., четвертого (Устюг Великий, Енисейск, Пинск, Гомель, Якутск и др. города и уезды) – 35 руб. и пятого (все не вошедшие в списки по 1–4-м классам местности) – 25 руб.

⁹² ПСЗ. II. Т. 40. № 41779.

⁹³ Например, при получении «вечного подданства Российской империи» (ПСЗ. I. Т. 29. № 22418).

⁹⁴ ПСЗ. II. Т. 40. № 41779.

⁹⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим условиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905. С. 18.

⁹⁶ Бурыйшкин П. А. Москва купеческая : мемуары. М., 1991. С. 103.

⁹⁷ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 20. Л. 64.

⁹⁸ ПСЗ. III. Т. 18. № 15601; В соответствии с законодательством, пользоваться правами купцов первой гильдии мог тот, кто взял промысловые свидетельства «на торговые предприятия первого разряда, или на промышленные предприятия одного из первых трёх разрядов, или на пароходные предприятия, за содержание которых уплачено свыше пятисот руб. в год основного промыслового налога», и купцов второй гильдии – кто приобрел свидетельства «на торговые предприятия второго разряда, или на промышленные предприятия четвертого, либо пятого разрядов, или на пароходные предприятия, за содержание которых уплачено основного промыслового налога свыше пятидесяти до пятисот руб. в год» (Там же; Свод законов о состояниях. Изд. 1899 г. // Свод законов Российской империи. Кн. II, т. V–IX. 2-е изд. СПб., 1913. Т. IX. Ст. 532).

⁹⁹ Свод законов о состояниях. Т. IX. Ст. 548–560.

¹⁰⁰ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 30.

¹⁰¹ Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 72.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 701, 705–706.

¹⁰⁴ Цит. по: Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997. С. 190.

¹⁰⁵ Так, по мнению В. О. Ключевского, в Московском государстве общество сначала «раздробилось на чины по роду государственных повинностей», а «с половины XVII в. дробные чины стали соединяться в крупные сословные группы, различавшиеся правами» (Ключевский В. О. История сословий в России // Соч. : в 9 т. Т. VI : Специальные курсы. М., 1989. С. 390–391).

¹⁰⁶ Белявский М. Т. Сословия и сословный строй // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987. С. 21–43. В частности, автор отмечал: «Главной целью абсолютизма было сохранение и укрепление существующего феодального строя, экономических и политических позиций господствующего класса... Решению этих задач должно было способствовать законодательное оформление сословного строя...» (С. 23).

¹⁰⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004. С. 12.

¹⁰⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 78–80.

¹⁰⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века : (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 157.

¹¹⁰ Барышников М. Н. История делового мира России. М., 1994. С. 21, 198; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 9–11; История предпринимательства в России. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 9.

¹¹¹ Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 343.

¹¹² Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990. С. 208, 222.

¹¹³ Милов Л. В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 554–556.

¹¹⁴ Там же. С. 9–12.

¹¹⁵ Там же. С. 15–17; 555–556; Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С. 37–40.

¹¹⁶ См.: Россия, 1913 год : стат.-док. справочник. СПб., 1995. С. 80–81. В России урожайность пшеницы, ржи, ячменя, овса тогда составляла в среднем 55 пуд. с дес., в Англии – 131, в Бельгии – 167, в Германии – 145, в Голландии – 150, в Швейцарии – 135, в Швеции – 129.

¹¹⁷ Предпринимательство и предприниматели России. С. 48; История северного крестьянства. Т. 2 : Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985. С. 48–103, 193–275.

¹¹⁸ Милов Л. В., Вдовина Л. Н. Культура сельскохозяйственного производства // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. С. 40.

¹¹⁹ Милов Л. В. Великоорусский пахарь. С. 418–434, 556; Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 429–486.

¹²⁰ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 454.

¹²¹ История северного крестьянства. Т. 2. С. 171.

¹²² Там же. С. 174.

¹²³ Там же. С. 483.

¹²⁴ Ибрагимов К. Х. Особенности общинной поземельной собственности в России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 124.

¹²⁵ Милов Л. В. Великоорусский пахарь. С. 485, 554.

¹²⁶ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 261–263.

¹²⁷ Россия, 1913 год. С. 11; Россия : энцикл. словарь. Репр. воспр. изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона 1898 г. Л., 1991. С. 1.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Предпринимательство и предприниматели России. М., 1997. С. 17; Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.). М., 2001. С. 71–74, 83–86, 88–92.

¹³⁰ Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 118.

¹³¹ Там же. С. 224.

¹³² Там же.

¹³³ Барышников М. Н. История делового мира России. М., 1994. С. 21.

¹³⁴ История предпринимательства в России. С. 232; В середине XVIII в. крупнейшим откупщиком в России был Савва Яковлев. Указанная в тексте величина торговой прибыли была связана с его именем.

- ¹³⁵ Там же. С. 258.
- ¹³⁶ Об этом свидетельствует, например, екатерининская Жалованная грамота городам.
- ¹³⁷ Даль В. И. Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 60–62.
- ¹³⁸ 1000 лет русского предпринимательства : из истории купеческих родов. М., 1995. С. 25–26.
- ¹³⁹ Соборное Уложение 1649 года. С. 61.
- ¹⁴⁰ Бурышкин П. А. Москва купеческая : мемуары. С. 113.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ Поликарпов В. С. История нравов России. Восток или Запад. Ростов н/Д., 1995. С. 493–494.
- ¹⁴⁴ Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. Т. 1. Казань, 2001. С. 78, 84–85, 90–91, 116–117.
- ¹⁴⁵ Климович Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М., 1988. С. 165; Пиотровский М. Б. Ислам – вера и образ жизни // Преподавание истории в школе. 1996. № 2. С. 3–4.
- ¹⁴⁶ Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 230; Галаган А. А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997. С. 60; История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 149–150; Мирошниченко Е. А. Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века : (из истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 36–37; Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии. М., 2007. С. 35–41.
- ¹⁴⁷ Мирошниченко Е. А. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁴⁸ Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001. С. 322.
- ¹⁴⁹ Булгаков С. Н. История экономических и социальных учений. М., 2007. С. 212.
- ¹⁵⁰ Бойко В. П. Указ. соч. С. 230.
- ¹⁵¹ Галаган А. А. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁵² История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 150.
- ¹⁵³ Боханов А. Н. Александр Иванович Гучков // Россия на рубеже веков : ист. портреты. М., 1991. С. 93.
- ¹⁵⁴ Барышников М. Н. Деловой мир России : ист.-биограф. справочник. СПб., 1998. С. 325–326; Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии. С. 232.
- ¹⁵⁵ Петров Ю. А. Павел Павлович Рябушинский // Россия на рубеже веков : ист. портреты. С. 127.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁵⁷ Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии. М., 2007. С. 224–237.
- ¹⁵⁸ Буганов В. И., Пресображенский А. А., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 251.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 253–257.

¹⁶⁰ Предпринимательство и предприниматели России. С. 47–49; История северного крестьянства. Т. 2. С. 21, 48–103, 245–275.

¹⁶¹ Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 343.

¹⁶² Там же. С. 342–343.

¹⁶³ Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 150–151.

¹⁶⁴ Там же. С. 150.

¹⁶⁵ Предпринимательство и предприниматели России. С. 10; История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 286; 1000 лет русского предпринимательства. С. 6; Матонин В. Н. Афанасий Булычёв : биограф. очерк // «Ныне к вам прибсгаю»: жизнеописание соловецкого инокa Афанасия, написанное им самим. Архангельск; М., 2008. С. 130.

¹⁶⁶ Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997. С. 13.

¹⁶⁷ Там же. С. 12.

¹⁶⁸ Там же. С. 13.

¹⁶⁹ Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков / предисл. В. С. Кеменова. М., 1986. С. 6.

¹⁷⁰ Бурышкин П. А. Указ. соч. С. 135.

¹⁷¹ Записи от 25 января 1831 г., от 28 февраля 1831 г. и от 2 февраля 1832 г. // Петербургское купечество в XIX в. СПб., 2003. С. 263, 308.

¹⁷² Валеев Н. М. Дмитрий Стахеев. Судьба и творчество. Уфа, 1996. С. 19. В дальнейшем Д. И. Стахеев, как уже нами указывалось, стал известным писателем, автором 12-томного собрания сочинений.

¹⁷³ Петров Ю. А. Династия Рябушинских. С. 13.

¹⁷⁴ Боткина А. П. Указ. соч. С. 17.

¹⁷⁵ Подробнее см.: Бурышкин П. А. Указ. соч. С. 50–63; Поликарпов В. С. Указ. соч. С. 237–238.

¹⁷⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки // Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М., 1988. С. 258.

¹⁷⁷ Например, М. Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках», Н. В. Гоголь в «Ревизоре».

¹⁷⁸ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Земские соборы : ист. монографии и исследования. М., 1995. С. 174–175.

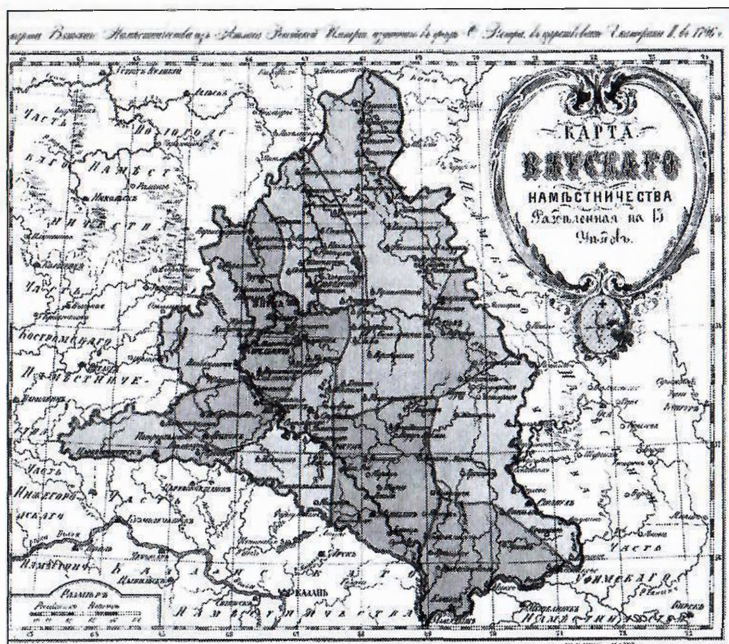
¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки. С. 246, 250–251.

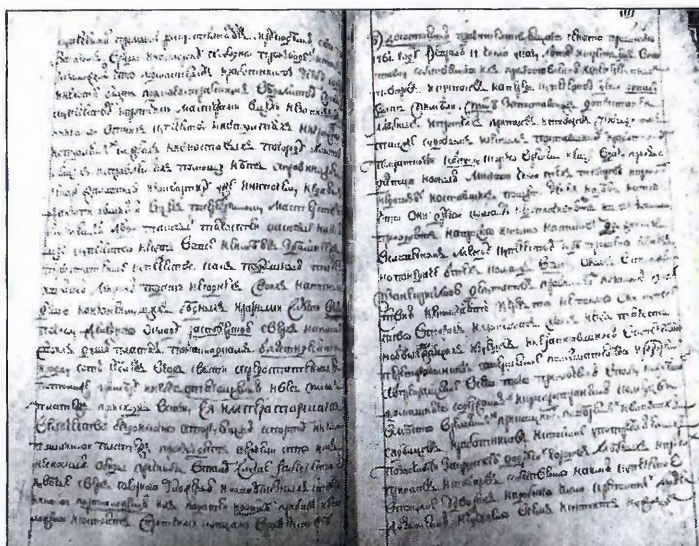
¹⁸¹ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

¹⁸² Там же. III. Т. 18. № 15601.

¹⁸³ Бурышкин П. А. Указ. соч. С. 160; Ратьков-Рожнов В. А. Выдающийся благотворитель г. Вятки Я. А. Прозоров // Вятские епархиальные ведомости. 1896. 1 февр. (№ 3, отд. неофиц.); В г. Ярославле на Леонтьевском кладбище сохранился памятник купцу Н. П. Пастухову (1820–1909) с надписью: «Почетному гражданину города Ярославля, высокочтимому русскому деятелю с благоговением и с сердечной признательностью благодарное потомство».

Карта Вятского наместничества. 1796 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ГИЛЬДЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1. Истоки гильдейского купечества

С древности на территории Восточной Европы, включая её отдалённые земли, получили развитие торгово-обменные связи, влиявшие на становление различных этнических обществ¹. В одном из таких регионов – на северо-востоке современной Европейской России – в период раннего средневековья распространёнными предметами повседневной жизни коренного финно-угорского населения являлись привозимые из Сирии, Египта, Византии, Ирана, Хорезма, болгарских городов украшения, посуда (кувшины, блюда, чаши), шёлковые ткани². Обнаруженные в могильниках и на городищах, расположенных в бассейне рек Вятки и Чепцы, восточные и западноевропейские монеты – сасанидские драхмы, куфические дирхемы, английские пенни, саксонские денарии в конце I – начале II тысячелетия н. э. использовались местными жителями как средство платежа или обмена и в качестве украшений³.

С раннего времени торговые связи этой территории охватывали и земли Древней Руси, Поволжья, Прибалтику, Причерноморье. Немалый поток товаров шёл из Волжской Булгарии, где было развито ремесленное производство, и Нижнего Поволжья, а в XII в. усилился привоз импорта из древнерусских земель, что было связано со славянским освоением региона, сопровождавшимся строительством городов и крепостей в бассейне среднего течения реки Вятки⁴.

О тесных контактах в XII–XIII вв. финно-угорского населения с Русью говорят находки различных украшений на чепецких городищах – височных подвесок, бус, рубчатых перстней; предметов быта древнерусского производства⁵. С XIII в. колонизация преимущественно земледельческого населения из Нижегородской, Суздальской, Устюжской, Новгородской земель приобрела массовый характер из-за монгольских завоеваний русских земель и представлений о Вятке как о богатом промысловом крае, что привлекало сюда и предприимчивых людей.

Хотя главным занятием её жителей было земледелие⁶, потребность населения в орудиях труда, в вооружении, в металле, в продуктах питания,

а также интерес к местным товарам (пушнине, мёду, воску) со стороны купцов других земель стимулировали появление здесь профессиональных торговцев⁷. Одно из ранних письменных упоминаний о купечестве, проживавшем в Западном Предуралье, относится к середине XV в., ко времени правления Василия Тёмного. В послании московского митрополита Ионы (ок. 1452 г.), который призывал вятчан подчиниться великокняжеской власти, назывались и купцы: «От Ионы, митрополита Киевскаго и всея Руси, на Вятку и в всю Вятскую землю, воеводам земьским... и всем ватаманом, и подвойским, и бояром, и купцем, и житьим людем, и всему нарицающемуся именем християнству тамошняа земля»⁸.

В формировании делового сообщества Вятской земли, безусловно, велика была и роль торговых путей. Реки Вятка и Кама обеспечивали региону непрерывный водный путь в Поволжье, торговые связи со славянскими землями осуществлялись по системе северных и расположенных на юго-западе от Вятки рек. Одним из древних являлся сухоно-вычегодский путь, которым пользовались новгородцы, в том числе и ушкуйники, сыгравшие существенную роль в русской колонизации края.

Являясь второй, после боярства, «по значимости реальной силой Вятской земли»⁹, торговые люди имели здесь высокий общественный статус, что позволяет говорить о широком участии этой категории населения в работе вятских вечевых органов. Представители купечества, по-видимому, вступали в переговоры и с воеводами Ивана III, приведшими на Вятку летом 1489 г. многотысячное войско для её покорения¹⁰.

После присоединения в том же году Вятской земли к Московскому государству её деловой мир несколько ослаб, так как часть местного купечества была выслана. В свободолобивом вятском купечестве, как и в новгородском¹¹, московские власти видели оппозиционные себе силы. Согласно летописям, после завоевания Вятской земли «самех вятчан к целованью приведоша... а вятчан болших людей всех и с женами и с детьми изведоша... И князь велики вятчан земских людей в Боровске да в Кременьске посади, да и земли им подавал, а *торговых людей вятчан в Дмитрове посади* (курсив мой. – М. С.)...»¹². На место выехавшей вятской элиты прибыли выходцы из северных и центральных земель, среди которых, можно полагать, были и торговые люди.

Немалое значение для развития предпринимательства в регионе имели политические события второй половины XV–XVI в. После распада Золотой Орды и присоединения к Русскому государству Казанского, Астраханского и Сибирского ханств открылся свободный торговый путь по рекам Вятке, Каме и Волге и стали интенсивно развиваться торговые связи с Поволжьем, Уралом и Сибирью.

Во времена Ивана IV, по Уставной грамоте 1553 г., вятчане, как и устюжане, и вычегжане, пользовались правом исключительной торговли с Пермью Великой¹³. В тот же период вятские предприниматели участвовали в меновой торговле солью, которую вели Строгановы. Крупным владельцем соляных промыслов был Аника Фёдорович Строганов (1497–1570), торговавший вместе с сыновьями, помимо соли, хлебом, пушшиной и имевший дворы в Москве, Рязани, Калуге, Великом Устюге и других городах¹⁴. Торговля солью с вятчанами велась в Кайгороде – прикамской вотчине Строгановых. Доставляемая сюда с мест добычи соль продавалась или обменивалась на пушнину и хлеб.

В XVI–XVII вв. укреплялись торговые контакты региона с северными землями. Сначала по реке Юг, затем волоком, в Вятку направлялись торговые люди из Устюга, являвшегося крупным центром хлебной торговли и меновой торговли мехом. У местных жителей купцы-устюжане покупали бобровый и беличий мех, а также лошадей¹⁵. Пушной товар часто приобретался у татар, занимавшихся охотой¹⁶. С развитием российского внутреннего рынка в XVII в. расширился ассортимент вывозимых из Вятского края товаров. Устюжские купцы вместе с сельскохозяйственной продукцией, пушшиной, мёдом, воском покупали здесь и ремесленные изделия (например, посуду, сукно, кунган, хомутины)¹⁷.

Русский Север стал прибыльным направлением торговли и для вятских купцов. Огромное влияние на развитие внешнеэкономических связей края оказывал Архангельск, ставший главными воротами России в торговле с Западной Европой, прежде всего, с Англией и Голландией¹⁸. По сообщению таможенных книг, в XVII в. в северном направлении (в Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, Архангельск) хлыновцы большими партиями везли хлеб, мёд, воск, меха, сало, кожи, льняное и конопляное семя, ремесленные товары (в частности, деревянную посуду, лапти, рогожи, хомутины), а оттуда, в свою очередь, поставлялись на Вятку ткани, металл, краска крутик, писчая бумага, рыба, фрукты, пряности и разный мелочный товар¹⁹. Из Сольвычегодска привозилась соль, которая обменивалась вятскими торговыми людьми на хлеб²⁰.

В связи с расширением границ страны в восточном направлении города европейского северо-востока России являлись одними из важных центров транзитной торговли. Через них поставлялись товары с Урала и Сибири в центральные уезды, на Север и в обратном направлении²¹.

Несмотря на то, что торговля в тот период была связана с большим риском (опасности подстерегали купцов повсюду: это и частые городские пожары, уничтожавшие их дворы, лавки и товары, и грабежи с убийствами на дорогах, и стихийные бедствия²²), она, формируя единое

экономическое пространство в стране, интенсивно развивалась. В XVII в. на Вятке появились крупные ярмарки – Семёновская в Хлынове и Алексеевская в Котельниче²³, действовавшие и в последующие столетия. Торговля велась и по воскресным дням, когда в городах и сёлах открывались базары.

Ежедневная торговля из лавок, располагавшихся обычно в посадской части городов, в Хлынове велась у западных ворот Кремля, за рвом городских укреплений, где находились торговые амбары, лавки, полки, клетки. Этот город являлся ведущим торговым центром не только в масштабах северо-востока Европейской России. И. М. Кулишер, основываясь на материалах пятинного сбора 1642 г., взимавшегося с торгово-промышленного населения, называл Хлынов в числе городов, игравших значительную роль в русской торговле XVII в.²⁴

Документальные материалы сохранили имена некоторых местных купцов раннего периода. На допросе в Смутное время, 1607 г., самозванец Илейка Муромец назвал имена хлыновских посадских Родиона Котельникова и Фёдора Рязанцева, которые свои товары возили в Астрахань²⁵. В дозорной книге князя Фёдора Звенигородского (1615 г.) перечисляются торговые заведения хлыновских посадских людей, и среди владельцев лавок называются Фёдор Рязанцев, Томилка Бутин, Данила Русских, Ивашка Сидоров, Васка и Оничка Слобожаниновы, Елизарко Хохряков, Тренка Калинин, Савка Зонов²⁶. Как видим, Фёдор Рязанцев продолжал свои торговые операции и в 1615 г., а Родион Котельников, знакомый нам по делу Илейки, умер: «Онбар Родионки Матвеева пуст, Родионко умер во 118 (1610 г.)»²⁷. Всего в дозорной книге упоминается 30 владельцев торговых заведений.

В Хлынове имелись и лавки, предназначенные для приезжих купцов: «Да под новым храмом Живоначальная Троицы 2 лавки, а торговати в тех лавках приезжим людям, а оброк платить к Троице на вино церковное и на свечи»²⁸. Восемь лавочек для иногородних имелись «под Спасом по обе стороны в болшом, да в мясном ряду» и три лавочки «под Вознесенскою церковью»²⁹.

Писцовая книга 1628 г. фиксирует уже свыше 100 лавок, причём некоторым хлыновским купцам – Ивашке Сидорову, братьям Слободиныным, Тренке Рязанцеву, Богдашке Балезину, Гришке Хохрякову, Максимке Сатюкову – принадлежали сразу несколько торговых заведений³⁰. Помимо лавок, посадские люди владели амбарами, «харчевыми шелашами», торговыми клетями, рыбными, калашными и хлебными полками.

В писцовой книге 1628 г. указываются торговые люди, имевшие иногороднее происхождение. В рыбном ряду находились лавки «устежен»

Офонки Команева, Якима Грудцына³¹, Третьяка Печенина, в мясном — «Ивашки суздальца»³².

Широкий размах лавочная торговля получила в г. Слободском. По писцовой книге Ивана Доможирова и Ивана Кокушкина (1629 г.), торговые заведения имели Мишка Лысков, Сенка Шангин, Игнашка Роготнев, Ивашка Балезин, Первушка Пупышев, Фролка Толстеев и другие³³. «Лавка Мишки Лыскова да Сенки Шангина, по мере в длину 3 сажени поперег полпяты сажени, оброку 13 алтын 2 денги; Лавка Игнашки Роготнева, в длину 3 сажени поперег тож, оброку 9 алт.; Лавка Ивашки Балезина, в длину 3 сажени поперег полтрети сажени, оброку 6 алтын 4 денги», — читаем в переписной книге³⁴. Всего в г. Слободском «на посаде» насчитывалось 39 торговых заведений, из них 26 принадлежали частным лицам, а 13 располагались «под церквями» и сдавались при-сэжм торговцам.

В меньшей степени была развита лавочная торговля в г. Орлове. «По писму и мере» Афанасия Толочанова и Андрея Иевлева в 1629 г. здесь имелись: «Да на посаде в остроге лавка Данилки Пасынкова; оброку шесть алтын четыре деньги. Две лавки Шумилка Рылова; оброку тринадцать алтын две деньги. Лавка пуста Лазарка Костюкина; Лазарко сшол безвесно во 134 году. Да четыре лавки у Николы Чюдотворца под трапезою да две лавки под колоколницею, а дают те лавки церковные старосты из найму приезжим людем, а деньги емлют на церковное строение»³⁵. Среди орловских купцов XVII в. известен и Кирилл Сторыхин, торговавший хлебом, мёдом и рыбой и занимавшийся наймом подвод³⁶.

Фамилии местных купцов содержались в устюжских и сольвычегодских таможенных книгах. В них упоминаются Денис Агеев, Балезины, Иван Бальхозин, Гостевы, Сидор Слободин, Андрей Козьмин, Степан Давыдов, Ермолай Моисеев, Денис Ларионов, Григорий Роготнев, Родион Рязанцев, Иван Хохряков, братья Борис и Василий Зыковы, «вятцкие» каринские татары Араслановы, Девятьяровы, Резеп Бекмететов, «каринской вотьяк» Андрей Акхузин, «каринской берсямнин» Баймет Кабешев, «верхочепетцкой бесермянин» Иштерейко Биянов и другие³⁷.

По свидетельству таможенных книг, вятские купцы организовывали крупные торговые экспедиции с использованием труда наёмных работников — ярыжных, поваров, носников, кормщиков, проводников³⁸. В июне 1651 г. на судах Бажена Балезина, плывшего в Архангельск, находились 25 чел., из них «гребцов и с поварами на обоих судах 21 ч. да 2 носника и 2 кормщика»³⁹. В сентябре 1652 г. «вятчанин Бажен Калинин шел от города Архангельского к Вятке в лотке с товаром, работных 5 ч. да кормщик»⁴⁰. У вятчан Бориса и Василия Зыковых, перевозивших в мас

1653 г. на двух барках в Архангельск государев подрядный хлеб, было 48 гребцов, носников и кормщиков⁴¹. Если кормщики и носники управляли купеческими судами, то ярыжные, или гребцы, выполняли самую сложную физическую работу: они грузили и разгружали товары, охраняли их, занимались греблей. Использование в XVII в. наёмного труда в речном судоходстве являлось признаком становления буржуазных отношений, в тот период ещё неотделимых от торгового капитала⁴².

В начальный период формирования всероссийского рынка на Вятке складывался слой привилегированного купечества. В России через корпорацию гостей и гостиную сотню «за время их существования в общей сложности прошло более трёх тысяч человек», — указывает Н. Б. Голикова⁴³. В регионе проживали члены двух элитных торговых групп — купцы гостинной и суконной сотен. Их численность была невелика. В состав этих корпораций входили представители следующих фамилий: Балезиных, Рязанцевых, Гостевых, Лянгусовых, Сунцовых, Вяземских, Вороновых, Куклиных, Шеиных. Питательной средой в формировании гостинной и суконной сотен стало, прежде всего, зажиточное посадское население, связанное с торговлей и ростовщическими операциями.

Ранние упоминания о проживании в Вятском крае торговых людей гостинной и суконной сотен относятся к 1620-м гг. В то время в Хлынове насчитывалось девять дворов представителей этих корпораций⁴⁴. В переписной книге 1678 г. упоминаются дворы купцов гостинной сотни Ильи Андреевича Гостева, Феоктиста Балезина, суконной сотни Петра Родионовича и Василия Ивановича Рязанцевых; в переписной книге 1710 г. — гостинной сотни Афанасия Васильевича Рязанцева, Спиридона Яковлевича Лянгусова; в переписной (ландратской) книге 1717 г. — гостинной сотни Филата и Федота Спиридоновичей Лянгусовых, Романа Ивановича Воронова, Якова и Андрея Афанасьевича Куклиных, Андрея Васильевича, Сидора Васильевича и Василия Петровича Рязанцевых, Александра Сидоровича Шеина, Григория Михайловича Вяземского⁴⁵.

В начале XVIII в. (по данным 1717 г.) в Хлынове насчитывалось восемь дворов, принадлежавших гостинной сотне. В этих дворах проживал 121 чел. — это и члены семей торговых людей, и их работники, и «кушленные» люди⁴⁶. В общей сложности в Хлынове в тот период было «634 двора, да 43 избенки», где проживало более трёх тысяч человек⁴⁷.

Крупной фигурой в местном купеческом сообществе второй половины XVII — начала XVIII в. являлся С. Я. Лянгусов (ок. 1650–1712). Судя по переписной книге 1678 г., он жил с братьями в Хлынове в монастырской слободке: «Во дв. Спирка, да Гришка Яковлевы дети Лянгусовы, у них братья: Петрушка 10 л., Захарко 7 л.»⁴⁸. Во дворе у Лянгусовых в тот

период также жили «купленной калмыцкого рода Ортюшка 5 л., да строчной работник Тимошка Филипов сын Котельников 15 л.»⁴⁹. Со временем купеческое и семейное положение Спиридона Лянгусова меняется. По переписной книге 1710 г., Спиридон Яковлевич, которому исполнилось уже 60 лет, именуется купцом «гостиной сотни» (в эту корпорацию он зачисляется в начале 1680-х гг.)⁵⁰. Лянгусов имел сыновей – Филата и Федота, и на его дворе, помимо детей, невестки и внучек, проживали многочисленные работники, что говорило о состоятельности семейства.

Спиридон Яковлевич торговал вятскими товарами в Архангельске, бывал в Астрахани, откуда привозил работников – калмыков. Их обычно крестили и называли православными именами. Новые возможности для Лянгусова открылись после подписания в 1689 г. Нерчинского договора с Китаем. Успешная торговля с этим государством принесла С. Я. Лянгусову крупные прибыли и известность на царском дворе. В 1692–1694 гг. Спиридон Яковлевич находился в составе возглавляемого датским купцом Избрантом Идесом каравана, направленного русским правительством в Китай, и отвечал за казённые меха и товары⁵¹. Он назначался и руководителем каравана. О возвращении С. Я. Лянгусова из Китая сообщал в 1699 г. в Сибирский приказ Нерчинский воевода С. Ф. Николев: «...Купчина гостиной сотни Спиридон Лянгусов с товарищи из Китайского государства, с твоею, великого государя, меновою китайскою казною, и с торговыми в короване и всяких чинов людьми, в Нерчинск вышел»⁵². Вместе с Лянгусовым в Китае торговали и другие вятские купцы, в том числе его сын Филат, который бывал в Китае и после смерти отца. Внуки С. Я. Лянгусова впоследствии тоже занимались купеческими делами.

Своей торговой деятельностью выделялось и семейство Балезиных, чьё родословие уходило в XVI в. Балезины развернули весьма широкую торгово-предпринимательскую деятельность, охватывавшую Сибирь, Русский Север, Поволжье, владели разными оброчными угодьями, включая деревни и пожни (покосы)⁵³. Кроме того, ещё со второй половины XVI в. они были известны и как общественные деятели: «Дениско да Елизарко Балезины» являлись волостными людьми, Дмитрий Балезин, по некоторым сведениям, – хлыновским земским старостой⁵⁴. Позже Д. И. Балезин постригся в монахи и находился в составе «соборных старцев» Успенского монастыря.

Балезины одними из первых вятчан вошли в корпорацию гостиной сотни. Богдан Ильин сын Балезин, имевший, по данным писцовой книги 1628 г., двор в г. Хлынове⁵⁵, скупал хлеб и пушнину на Вятке и в Сибири, владел лавками, деревнями и рыбными ловлями. Являясь зажиточным

посадским человеком и став членом гостиной сотни, Богдан переехал на жительство в Москву. В состав московской гостиной сотни входили и его братья – Афанасий и Бажен Балезины⁵⁶. Династия Балезиных была большой, торговые дела вели члены гостиной сотни Калина Евдокимов сын Балезин, Феоктист Балезин и другие (Балезины проживали и в Слободском⁵⁷).

Весьма заметной была деятельность ещё одного купеческого семейства – Рязанцевых (или Рязанцовых). Эта династия являлась древнейшей в регионе, её истоки прослеживались с правления Ивана III (1462–1505)⁵⁸. Возможно, Рязанцевы появились на Вятке после покорения её Москвой, будучи высланными сюда из других мест, вошедших в состав Московского государства. Шло время, и в конце XVI в. Рязанцевы прочно закрепились как лучшие, то есть зажиточные хлыновские посадские люди. В царской грамоте 1588 г. в числе шести наиболее знатных жителей посада г. Хлынова третьим назывался Фёдор Артемьевич Рязанцев, ставший позже городовым приказчиком⁵⁹. Его имя неоднократно упоминалось в царских указах, что подчёркивало значимость и должности, и самого Фёдора Артемьевича.

Являясь крупным вятским предпринимателем, Ф. А. Рязанцев вёл торговлю в Астрахани (именно его товары и товары хлыновского посадского Родиона Котельникова перевозил упоминавшийся ранее Илейка Муромец), владел пригородными землями, в частности, находившимися около села Красного, близ Хлынова, имел лавку, мельницу, пожни. Его состоятельность проявлялась и в наличии домовладения: «Да на посаде в острогу», рядом с воеводскими дворами⁶⁰. Впоследствии имущество Фёдора Артемьевича наследовали его сыновья. В 1630-х гг. они были зачислены в московскую суконную сотню и должны были переселиться в столицу. Однако Рязанцевы продолжали жить в Хлынове и одновременно пытались наладить хозяйственные дела в Москве.

Среди сыновей Фёдора Артемьевича интересной личностью был Путила Рязанцев. В Смутное время, в 1609 г., он со стрелецким сотником Захаром Пановым посылался в Котельнич для защиты этого города от недовольных царствованием В. И. Шуйского. Город спасти тогда не удалось: повстанцы его разграбили, а защитников Котельнича убили. Захар Панов принял мученическую смерть – его посадили на кол. Путиле же удалось избежать печальной участи. Спустя три года он избирается местным обществом на Земский собор 1613 г.⁶¹ В числе вятских депутатов на Собор поехали и два высоких духовных лица – архимандрит Успенского Трифонова монастыря Иона Мамин и протопоп старейшей в Хлынове Богоявленской соборной церкви Павел Морозов. Их подписи

стояли в решении об избрании царём Михаила Фёдоровича Романова. «С Вятки посацкой человек Путилко, и в товарищов своих место выборных людей, руку приложил», – значилось в этом документе⁶².

В XVII в. семейство Рязанцевых сильно разветвилось, менялись и занятия представителей этой династии: одни ярко проявили себя в предпринимательстве, другие стали священниками, третьи находились на общественной и царской службе. Внук Фёдора Артемьевича, Степан Родионович, обосновался вместе с семьёй в Соли Камской, приобрёл там варницу и занимался солеварением⁶³. Его сын Фёдор Рязанцев позже стал членом гостиной сотни. Другой внук – тоже Степан Родионович – был в Хлынове «подьячим с приписью», то есть скреплял своей подписью бумаги, исходящие от воеводы. С. Р. Рязанцев являлся весьма состоятельным хлыновцем: помимо земель около села Красного, он имел около двух десятков крепостных и кабальных людей.

Доходы Степана Рязанцева определялись подношениями местного общества. Как «подьячий с приписью», он получал от населения кормление в виде и денег, и продуктов. А. С. Верещагин, изучив «Расходную книгу земского старосты г. Хлынова И. Репина 1678–1679 гг.», писал: «...При Прозоровском и Ржевском (воеводы. – М. С.) он получал деньгами, в конце декабря и в конце июня, каждый раз по двадцати рублей, да, кроме того, “за харчи” по два рубля в месяц. Но доходы его “натурою” были весьма значительны: в дни праздничные, в дни “царские”, в день его собственных именин, вообще – во все дни, в которые обычно бывали от земского старосты подношения воеводе, вслед за воеводою несли непременно “подносы” и Рязанцеву... Конечно, такие подносы размером, сортом и ценностью были немного пониже воеводских, но и на них шли в расход весьма значительные земские деньги»⁶⁴. Впоследствии С. Р. Рязанцев был дьяком при двинском воеводе А. А. Матвееве, а в 1694 г. – дьяком в Хлынове.

Младшие Рязанцевы по-прежнему оставались в корпорации суконной сотни. В январе 1682 г. выдаётся царская жалованная грамота торговому человеку суконной сотни Петру Рязанцеву (внуку Фёдора Артемьевича), по которой определялись его привилегии, касавшиеся налогов, суда, общественных служб. Так, Пётр Рязанцев был неподсуден «по всем городом бояром нашим и воеводам и дьяком и всяким приказным людям», кроме «встрешного суда и душегубных и татиных и разбойных дел с поличным» (он мог судиться только в Москве, в приказе Большой Казны), а за его оскорбление полагался штраф в размере «15 рублей»⁶⁵. «А кто его чрез сию нашу великого государя жалованную грамоту чем изобидит, и тем от нас великого государя

царя и великого князя Феодора Алексеевича... быть в великой опале», – гласила грамота⁶⁶.

Торговым человеком суконной сотни являлся Василий Иванович Рязанцев, тоже один из внуков Фёдора Артемьевича. В. И. Рязанцев приумножал капитал, занимаясь производственной деятельностью (он построил винокурню). Его сын Андрей Васильевич («большой») служил подьячим хлыновской приказной избы, а остальные – Афанасий, Сидор и Андрей («меньшой») – становятся членами гостинной сотни. В 1680-е гг. фактически все Рязанцевы, занимавшиеся предпринимательством, зачисляются в гостиную сотню. С конца XVII в. это семейство приобретало земельные угодья по реке Чепце.

История вятских купеческих фамилий раннего периода свидетельствует, что ещё в допетровскую эпоху в регионе начался процесс перехода частного торгового капитала в промышленность, который был характерен и для страны в целом⁶⁷, наблюдалось также использование труда наёмных работников. По словам М. Я. Волкова, в обрабатывающей промышленности буржуазные отношения первоначально в наибольшей степени охватили винокурение и кожевенное производство, и, если в XVII в. купеческих винокурен в России «было, видимо, несколько десятков», то в первой четверти XVIII в., «по нашим далеко не полным подсчетам, 121 купцу различных городов принадлежали 138 винокуренных заводов, которые обслуживались преимущественно наемными работниками»⁶⁸. В конце XVII – начале XVIII в. в Вятско-Камском регионе основываются и металлургические заводы⁶⁹, но общая численность предприятий мануфактурного типа оставалась минимальной.

Профессиональные занятия местных купцов, связанные с использованием наёмного труда и накоплением средств для организации промышленного производства, свидетельствовали о постепенном втягивании региона в эпоху первоначального накопления капитала. Нельзя не отметить, что развитие промышленности в то время шло ещё весьма медленно, и со стороны местных купцов инициатива по открытию мануфактур, хотя и проявлялась, но крайне незначительно. Оторванность купечества от крупной производственной деятельности сковывала развитие капиталистических отношений, и торговые люди по-прежнему сохраняли за собой черты средневековой феодальной группы. Вместе с тем, общие социально-экономические процессы, происходившие в России в период образования национального рынка, в частности, развитие товарного производства, торговли, выделение из посадского населения привилегированных торговых групп, вели к постепенному формированию и купеческого сословия.

Представители крупных купеческих фамилий, составляя верхушку посадского общества, как мы видели выше, участвовали в работе различных государственных и общественных учреждений: от дьяков и подьячих приказных изб до выборных должностей местного самоуправления. Человеком расчётливым, с хозяйственной сметкой был и земский староста г. Хлынова Иван Репин, оставивший после себя записи в «Расходной книге...», дающие подробную информацию о хозяйственной жизни города Хлынова в конце 70-х гг. XVII в.⁷⁰

В средневековье в Западном Предуралье, таким образом, сложился слой купеческого населения, состоявший в основе своей из посадских людей, среди которых выделялись члены гостинной и суконной сотен. Его становление было следствием развития в России товарного обращения, набиравшего силу в XVII в., и дальнейшего социального расслоения городов. Купечество играло здесь весьма видную роль, как в экономической, так и общественной жизни, что определялось целой группой факторов: и зависимостью местного населения от товаров, поставляемых торговыми людьми в суровый, неплодородный край, и одновременно спросом на вятскую продукцию, прежде всего, промысловую и сельскохозяйственную, на внутреннем российском рынке, и вовлечением представителей купечества в систему приказного управления и местного самоуправления, где они, как «лучшие» и «добрые» посадские, назначались и выбирались на ответственные посты. Развитие в крае предпринимательства и, в частности, торговли, являвшейся основным его видом в допетровскую эпоху, обуславливалось географическим положением региона, слабостью крепостничества ввиду преобладания на Вятке чёрных, то есть государственных земель, жёсткими природно-климатическими условиями, способствовавшими поиску населением дополнительных источников прибыли, и стимулировало процесс дальнейшего становления местного купечества как корпоративной организации.

3.2. Оформление купеческого сословия

Этапом крупных преобразований в истории купечества стало XVIII столетие. Хотя петровские, а затем екатерининские реформы и повышали социальный статус предпринимателей, тем не менее, положение купечества оставалось неоднозначным. При Петре I «всюду в основание социальной политики ставились, прежде всего, интересы “регулярного” государства, грубо подчинявшего, реформировавшего или деформировавшего, ускорявшего или замедлявшего многие естественные соци-

ально-классовые процессы...» – пишет Е. В. Анисимов⁷¹. Новый правительственный курс в полной мере проявился и в отношении торговцев и промышленников.

Несмотря на многие прогрессивные перемены, позволившие России занять передовые позиции в системе европейских государств, петровское время явилось тяжёлым испытанием для купечества. Крайне обременительными для торгового населения в тот период были налоговые сборы и натуральные повинности, которые существенно выросли в годы Северной войны⁷². Развитие предпринимательской активности сдерживалось и такими нововведениями, как расширение казённых монополий на прибыльные товары (соль, табак, сало, смола и др.), запреты на торговлю в традиционных рыночных центрах (например, в Архангельском порту).

Местное население не справлялось с налоговым бременем и возросшими повинностями, причём ряды должников пополняли и люди состоятельные – члены гостинной и суконной сотен. В «Росписи что с Вятки и Вятского уезда денежных всяких доходов взять» читаем: «На 1707 г. полугривенных с гостинной сотни: с Андрея Рязанцева – 5 руб. 8 алт.; Федора Балезина – 3 руб. 3 алт.; Спиридона Лянгусова – 21 руб.; Ильи Гостева – 28 руб.; Тимофея Сунцова – 10 руб.»⁷³. В общей сложности к 1709 г. недоимки с вятчан составляли более 100 тыс. руб., сумму довольно солидную⁷⁴.

Для взыскания долгов правительственные учреждения использовали карательные меры – «правеж», штрафы, закрытие лавок. Ответчиками выступали в первую очередь выборные люди (бурмистры, таможенные головы, целовальники и др.) и «лучшие мирские люди». В 1708 г. в Хлынове было «запечатано» 25 лавок, в том числе лавки Фирсы Прозорова, Степана Зверева, Ивана Домнина, Андрея Рязанцева на срок, «пока вятские пяти городов⁷⁵ посадские и уездные люди не заплатят по развытке (развёрстке) за скудных и маломочных денежные доходы все сполна...»⁷⁶. У бурмистра же Ивана Хохрякова была опечатана «клеть с пожитками». Такая политика вела торговцев к разорению, порой и бегству с целью укрытия от налогов. «...С Вятки, с тяглых мест, – по сведениям воеводы С. Д. Траханиотова, вступившего в свою должность в 1710 г., – многие посадские люди пожиточные, отбывая для военных случаев податей и всяких платежей, покиня свои тягла, пошли к архиерейскому и записались у него в разные чины, такожде и в монастыри, а иные разошлись в уезды и живут по деревням»⁷⁷.

Местные купцы подавали в Сенат челобитные с просьбами об облегчении их налогового положения. Так, в 1727–1728 гг. посадские люди

более чем 20 городов Европейской России, включая вятские – Хлынов, Котельнич, Орлов, Слободской, Шестаков, Кай, просили о снижении размеров подушной подати⁷⁸.

Неоднозначно вятскими купцами был воспринят и указ о присылке в Петербург для заселения новой столицы «лучших и пожиточных людей», поступивший в Хлынов в 1716 г.⁷⁹ В город на Неве уехали выходцы из нескольких семейств (Рязанцевы, Хохряковы). Должен был поехать и Гавриил Петрович Машковцев, служивший ранее таможенным головой и бурмистром⁸⁰. Однако ему удалось избежать переезда. Сохранился текст его челобитной, написанной в апреле 1716 г. на имя Петра I и оказавшейся у сибирского губернатора князя М. П. Гагарина. Свою просьбу об освобождении от переезда Машковцев мотивировал тем, что уже «многие... государевы службы» выполнял и в настоящее время стар, имеет увечье и скудость⁸¹. В литературе высказано предположение, что Гавриил Петрович избавился от переезда в новую столицу за взятку, данную М. П. Гагарину⁸², и это вполне вероятно, так как Матвей Петрович впоследствии именно за взяточничество и казнокрадство пострадал. В 1721 г. по приговору Сената он был повешен. Что же касается Машковцева, то он, по-видимому, предполагал, что переселение в другой город для него – человека, действительно, пожилого – разорительно.

Одновременно с факторами, сдерживавшими развитие частной инициативы, при Петре I принимаются меры и по укреплению экономического и социального положения купечества, выражавшиеся в создании благоприятных условий для становления промышленного производства, в покровительстве развитию внутренней торговли, оформлении гильдейской корпорации. Все эти шаги заложили прочный фундамент для укрепления буржуазного общества в России.

Петровские преобразования вылились в Вятско-Камском регионе в заметное оживление экономической жизни, в частности, в открытие ряда крупных промышленных предприятий, что способствовало дальнейшему развитию товарного производства и росту внутреннего рынка. В этот период набирал силу процесс вовлечения торговых капиталов в промышленность, тесно взаимосвязанный с развитием металлургии на Урале. Хлыновским купцом Григорием Вяземским был построен Кирсинский чугунолитейный завод (1729–1733 гг.), купцами Прозоровым и Дряхловым – Шурминский медеплавильный завод (1732 г.), купцом Иваном Толмачевым на реке Хлыновице – кожевенный завод (1747 г.)⁸³. Эти заводы работали на местном сырье и снабжали своей продукцией территории Русского Севера, Прикамья, Поволжья.

Интенсивное развитие получила как внутренняя, так и вывозная торговля, особенно в Поморье, ставшая к тому времени уже традиционным направлением вывоза вятских товаров. В торговле с Севером наиболее преуспели купцы Хлынова и Слободского, которые в зимний период гужевым способом доставляли свои товары на Ношульскую пристань, располагавшуюся на р. Лузе, затем, погрузив их на суда, отправляли весной в Архангельск по системе северных рек (Лузе, Югу, Северной Двине). Основным местным товаром являлась сельскохозяйственная продукция, главным образом, хлеб, семя льняное и сало. В 1740-е гг. для перевозки товаров в Ношуль купцы ежегодно нанимали от 7,5 до 11 тыс. подвод с извозчиками-крестьянами, а вывоз сельскохозяйственной продукции на Север достигал 60–70 тыс. руб. в год⁸⁴. Торговля с Поморьем в тот период находилась в руках купцов Ивана Толмачёва, Ивана Лянгусова, Филиппа Калинина, Михаила Злыгостева, Хохряковых, Репиных, Дьяконовых и некоторых других (всего ок. 20 чел.; Хлынов), Платуновых, Роготневых, Шмелевых, Балезиных (Слободской)⁸⁵.

После Северной войны новым направлением внешней торговли местных купцов стало балтийское. Оно зарождалось при усиленной поддержке государства, которое пошло на такую меру, как запрет на торговлю в Архангельском порту с целью привлечения купеческих капиталов к освоению балтийского рынка. «Запрещение это касалось и Хлынова и ставило хлыновских купцов в весьма затруднительное положение: везти хлеб в Петербург из Хлынова было далеко и неудобно», — отмечал П. Н. Луппов⁸⁶. После снятия в 1727 г. запрета на торговлю в Архангельске местные купцы, восстановив своё влияние на Беломорье, развивали торговые контакты и в петербургском направлении. Так, в «ведомости, учиненной в Санкт-Петербургской портовой таможе об отвозных за море российских товарах в прошлом 1764 году», упоминаются вятские города Хлынов и Слободской, откуда юфть вывозилась в Лондон, Амстердам, Ливорно, Любек⁸⁷. Юфть, как и пенька, железо, полотно, говяжье сало и другие товары (всего 10 наименований), определяли лицо петербургского экспорта⁸⁸.

В имевших давние традиции торговых связях с Востоком важное место продолжала занимать Астрахань, но по сравнению с архангельской торговлей в этом направлении со стороны вятского купечества не наблюдалось столь оживлённой деятельности. Вероятно, здесь сказывалось влияние географического фактора, проявлявшегося в отдалённости Вятской земли от Астрахани, а также сложившейся к XVIII в. специфики торговли России с восточными странами. Основными посредниками в ней являлись армянские и индийские купцы. Среди же российских

купцов лидирующее положение в торговле с Востоком в тот период занимали крупные предприниматели из Москвы, Тулы, Курска и самой Астрахани⁸⁹.

В XVIII в. на внутренний рынок из Астрахани поступали шёлк, различные ткапы, хлопок, овчинки, медь, рыба, икра, рис, фрукты, драгоценные камни. Эти товары привозились в регион, как местными, так и иногородними предпринимателями. В 1726 г. было отправлено в Хлынов пять партий восточных товаров, в 1735 г. две партии – в Хлынов, одна – в Уржум, одна – в Слободской, в 1745 г. две – в Хлынов⁹⁰. В 1726 г. товар – 203 фунта шёлка, хлопчатобумажных и полушёлковых тканей и изделий – на сумму 305 руб. был направлен в Хлынов симбирским купцом гостиной сотни Фёдором Маленковым с приказчиком. Слободской купец Трифон Рысев привёз в свой город партию текстиля, которая состояла из выбойки кашанской, пестряди и фат тебризских, занавесок бухарских (всего на сумму 133 руб. 50 коп.)⁹¹. Товары из Астрахани доставлялись также казанскими купцами, крестьянами Уржумского уезда и дворцового села Мурашкино Нижегородского уезда. Вместе с тем, значительная часть восточных товаров направлялась в Москву, на Макарьевскую ярмарку и в города Поволжья⁹².

Из Вятской провинции⁹³ в Астрахань, в свою очередь, вывозились сукно, льняные изделия, кожи, меха. А. И. Юхт, отметив, что в 20–60-е гг. XVIII в. русский экспорт в Закавказье и Иран состоял как из промышленных, так и продовольственных товаров, причём удельный вес последних был невелик (10–15 %), относил Вятку к районам промышленного вывоза товаров, в частности, текстиля⁹⁴.

Однако провинция по-прежнему оставалась аграрной, и основным видом вывозимого из неё товара, как и раньше, являлась сельскохозяйственная продукция. В XVIII в. Вятка была одним из крупных хлебных рынков страны⁹⁵. Помимо уже названных городов, солидными партиями местные товары вывозились в Москву, Нижний Новгород, Ярославль, Великий Устюг, Соликамск, Верхотурье, Пермь, Казань, Кунгур, Екатеринбург, Тобольск. На вятские рынки из этих и других городов поступали промышленные товары, в том числе железо, олово, металлические изделия, стекло, бумага⁹⁶.

Постоянные торговые контакты связывали регион с Макарьевской ярмаркой. По сведениям Б. Б. Кафенгауза, изучившего таможенные книги за 1720 г., спросом на ней пользовалась пушнина (зайцы, белки, лисицы, горностаи), привозимая из Хлынова, Слободского, Котельнич⁹⁷. Пушнина отправлялась вятчанами и в Москву⁹⁸. Активность в ярмарочной торговле проявляли татары и бесермяне, поставлявшие товары из

Слободского⁹⁹. Местные купцы участвовали также в сибирском привозе, состоявшем на Макарьевской ярмарке, в частности, из китайских товаров. Для своих городов на этой ярмарке они закупали промышленные изделия, рис, сахар и т. д.¹⁰⁰

Проводимая правительством экономическая политика, дальнейшее становление всероссийского рынка способствовали расширению внутренней торговли. Местные рынки действовали во всех вятских городах, и более оживлённо велась торговля в сельской местности. Основу предпринимательского населения, как и прежде, составляли городские жители, разделённые Петром I на две гильдии. Наиболее крупными торговыми центрами провинции являлись города Хлынов и Слободской, где, согласно подушным переписям, проживали: в 1722 г. в Хлынове – 1 905 посадских, в 1744 г. – 1 514, а в Слободском, соответственно, – 900 и 963 чел.¹⁰¹

Роль этих городов как центров деловой жизни северо-востока Европейской России определялась значительным по местным меркам объёмом товарооборота их рынка (в Хлынове в отдельные годы в совокупности он составлял около 60 тыс. руб.), обширными торговыми контактами (как установил А. И. Комиссаренко, в 1730-е гг. Хлынов имел торговые связи с 16 регионами страны) и наличием слоя зажиточного купечества¹⁰². Перепись 1722 г. в категории «разночинцов» зафиксировала в Хлынове пять человек гостиной сотни¹⁰³. По материалам второй ревизии, завершившейся в крае к 1747 г., здесь проживали не менее 22 крупных торговцев¹⁰⁴.

Рост внутреннего рынка, наблюдаемый в первой половине XVIII в., был связан и с развитием крестьянской торговли. Это было время установления тесных предпринимательских контактов сельского населения с городскими рынками, что отчётливо отражают вятские материалы¹⁰⁵. Так, в 1740 г. в Хлынове осуществлялась продажа товаров крестьянского производства на сумму свыше 11 тыс. руб., из которых самый высокий процент составляли продукты как земледелия и животноводства, так и крестьянской промышленности¹⁰⁶. На городской рынок крестьяне поставляли хлеб, кожи, семя льняное, сукно сермяжное, холст, деревянную и глиняную посуду и т. д. При этом следует учитывать, что значительная часть крестьянских товаров скупалась купцами в уезде и ведущее место в товарообороте внутреннего рынка занимал хлеб. Последний факт свидетельствовал, с одной стороны, о слабом развитии промышленности в регионе, а с другой – об его экономической специализации как центра хлебного производства.

Набиравшая силу в течение XVIII в. тенденция, связанная с укреплением экономического и правового положения купечества, необратимо

обозначилась в период елизаветинского и екатерининского правлений. Если реформы 1750-х¹⁰⁷, проведённые по инициативе сподвижника Елизаветы Петровны П. И. Шувалова, сторонника меркантилизма и идеи единства интересов сословий и государства¹⁰⁸, несколько расширяли экономические возможности купечества¹⁰⁹, то преобразования екатерининского периода завершили растянувшийся процесс оформления гильдейского купечества в России. Определив его правовой статус, правительственные преобразования 1775–1785 гг. уже не столько инициировали, сколько отражали изменения, происходившие в социальном развитии государства.

Рост купеческого самосознания и желание крупных предпринимателей укрепить свои экономические позиции и социальный статус проявились в наказах депутатам Уложенной комиссии, созданной Екатериной II в 1767 г. В наказе «Вятской провинции города Хлынова от купечества», состоявшем из шести пунктов, говорилось о самых насущных его проблемах¹¹⁰. Прежде всего, купцы жаловались на необходимость несения ими выборной службы, особенно в отдалённых местах. В сибирских, поволжских, уральских и вятских городах они должны были исполнять обязанности выборных голов, ларёчных, целовальников, счётчиков, занимаясь казённым приёмом и продажей вина, соли, сбором конских и других пошлин. При этом им приходилось отвечать за убытки и недоимки своим имуществом, что нередко вело к разорению.

Всё это и то, что купцы вынуждены были подолгу отсутствовать в родном городе в ущерб собственным интересам, вызывало открытое недовольство общественными службами, и они просили избавить их от несения тягостных обязанностей.

Далее купцы выступали за ограничения крестьянской торговли. В наказе говорилось, что после отмены таможен крестьянская торговля активизировалась, что сельские жители «вешним и осенним временем, наподобие купцов, отпущают в судах водяным и сухим путем в разные города» хлебные и другие товары¹¹¹. Кроме того, крестьяне прямо в уездах продавали их иногородним купцам и, выручив деньги, сами ездили за товаром в разные города. Хлыновские купцы были обеспокоены и тем, что немалое число крестьян, «оставя прежние свои жилища, где они по ревизии написаны», поселились в городе и «за земляным валом в слободах домами», вели торговлю, занимались ремеслом «и так размножились, что подмастерьев и работников у себя держат и не хотят быть под магистратским ведомством и обще с купечеством и прочими мастерами, в цехи не записываются и никакой от них купечеству ни в податях, ни в гражданских и отдаленных службах, ни в мостовых по

городу Хлынову общих исправлений помощи нет»¹¹². В числе тех, кто незаконно, по мнению купцов, занимался торговлей, были и «Слободского уезда каринские татары, бесермяне и новокрещенные из отяков»¹¹³. Имея серьезных конкурентов в лице крестьян, местные купцы решение вопроса видели в своей монополизации местного рынка.

Они высказывались также за получение права приобретать у дворян крепостных крестьян, которого у них не было, мотивируя желанием иметь собственных, а не вольнонаёмных людей при осуществлении торговых поставок, так как свободные крестьяне, получив деньги в качестве задатка, часто не выполняли возложенные на них обязанности, а нередко и вовсе сбегали.

Хлыновские купцы тяготились и разного рода денежными сборами, и строительными работами, и выполнением повинностей, и притеснениями «здешней полиции», о чём тоже не забыли упомянуть в наказе. Например, им приходилось пускать «без платы» в свои дворы на житьельство воеводского товарища и прокурора или содержать в исправности земские колодцы и мосты, в то время как «протчих градских жителей в складство полиция к тому не принуждает, и купечество несет излишние убытки и отягощения»¹¹⁴, или платить налоги и осуществлять повинности за умерших, беглых и выбывших половников, проживавших в купеческих владениях, и т. д. Вместе с тем, те же половники, «ежели в оных деревнях жить не пожелают, в таком случае волю имеют», могли «по даче общих доношений с позволения тех канцелярий, где они ведомы, выходить во крестьянство и за других владельцев»¹¹⁵.

Будучи владельцами деревень, сенных покосов, мучных и пильных мельниц, купцы были обеспокоены тем, что в силу «инструкции о размежевании земель, состоявшейся прошлого 1766 году мая 25 числа, вышеобъявленные недвижимыя имения до будущего рассмотрения никому как посторонним, так и между собою, продавать и закладывать не дозволено»¹¹⁶. Всеми эти владениями они хотели распоряжаться по своему усмотрению.

Надеясь на защиту со стороны правительства и новых законов, хлыновские купцы в заключение сослались на петровский Регламент Главного магистрата, по которому «купечество, яко разсыпанную храмину, собирать и в наилуччей порядок приводить велено»¹¹⁷. Как справедливо заметил В. П. Юрьев, «в хлыновском наказе городское общество в лице купечества ратовало исключительно только о своих собственных, сословных интересах»¹¹⁸. Похожие указы поступили и от купечества других российских городов¹¹⁹. Так, рязанское купечество тоже высказывало просьбу о запрещении ведения торговли представителям других

сословий, включая дворян, о желании купцов приобретать у помещиков дворовых людей и крестьян¹²⁰. Несколько отличался от других наказ архангельского купечества. В этом объёмном документе, состоявшем из 62 параграфов и являвшемся по своей сути программой развития экономики края, речь шла и о плачевном положении начальных школ, отсутствии учебных заведений для купечества, недостатке учителей¹²¹. Купеческие наказы из разных городов в целом свидетельствовали о формировании в России сословной группы, объединённой не только профессиональными занятиями, но уже и общностью интересов.

В составлении хлыновского наказа, скреплённого впоследствии подписями более ста человек, участвовали шестеро купцов во главе с городским головой Яковом Машковцевым. Среди подписавших документ находим фамилии практически всей деловой элиты г. Хлынова того периода (Толмачёвы, Вяземские, Рязанцевы, Калинины, Репины, Злыгостевы и др.). В Уложенной комиссии интересы местного купечества представлял избранный от них депутат Пётр Романович Злыгостев¹²². Наказы были составлены купечеством и других вятских городов.

Городское население в то время делилось на три «статьи», или гильдии. По сообщению хлыновского городского головы Я. В. Машковцева, в первую гильдию входили те, кто имел наследственный капитал, вёл «здешние лучшие торги» и торговал в других городах, платил казённые подати и городские налоги, причём не только за себя, но и «за неимущих не по малому числу», вторую гильдию составляли посадские люди, занимавшиеся местными незначительными торгами и ремеслом, и третью – оставшееся посадское население, включая неимущих¹²³. Данное распределение городских жителей отражало уровень хозяйственной и имущественной дифференциации местного населения, обусловленной развитием внутреннего рынка, товарно-денежных отношений и ростом городов. По сведениям, собранным к 3-й ревизии (1762 г.), в Хлынове «всего купечества мужеска полу состоит тысяча четыреста четыре души»¹²⁴. Это число, хотя и незначительное, превышало численность купечества крупного на Русском Севере торгового города Архангельска. В 1760-е гг. в нём проживало 993 купца¹²⁵.

Дальнейшими реформами было установлено новое гильдейское деление, обособившее зажиточные торгово-промышленные слои города от менее состоятельного посадского населения, и, соответственно, численность купечества сокращалась. Запись в гильдии стала связываться с особой сословной принадлежностью. Первоначально, до выхода Жалованной грамоты городам, в соответствии с Манифестом от 17 марта 1775 г., местное купечество вошло, главным образом, в состав второй и третьей гильдий.

По сведениям на 1781 г., в г. Хлынове наибольшую сумму капитала (в совокупности 19 600 руб.; размеры капитала колебались от 1 100 руб. до 6 тыс. руб.) объявили девять купеческих фамилий¹²⁶. Самыми состоятельными из них были: многодетная семья Машковцевых (объявила капитал в сумме 6 тыс. руб.), семьи Лаврентия Филипповича Калинина (2 500 руб.) и Филата Михайловича Рязанцева (1 700 руб.), а также Семён Иванович Толмачёв (3 500 руб.). Все они записались в купцы второй гильдии. В третью гильдию вошли 36 фамилий, их общий капитал составлял 20 920 руб. (сумма капитала по этой гильдии объявлялась от 500 руб. до 1 тыс. руб.)¹²⁷. Наибольший капитал по третьей гильдии значился у семьи Ермолая Александровича Репина (1 000 руб.), «бывшего хлыновского купца Дмитрия Репина малолетнего сына Савватая» (1 000 руб.), семьи Самойла Ильича Попова (800 руб.). Всего в гильдейском купеческом сообществе г. Хлынова в 1781 г. насчитывалось 45 семей с общим капиталом 40 550 руб.¹²⁸

Процесс оформления купеческого сословия затронул все вятские города. В 1778 г. слободское купечество делилось на гильдии следующим образом: в первой – 3 чел. с капиталом 25 100 руб., во второй – 28 чел. (28 200 руб.), в третьей – 61 чел. (19 тыс. руб.) и вновь записавшихся – 7 чел. с общим капиталом 1700 руб.¹²⁹ В 1782 г. в г. Слободском объявили капиталы 54 купеческих семьи (общая сумма – 49 300 руб.)¹³⁰. Самые солидные капиталы (более 1000 руб.) оказались у 10 фамилий (Платуновы, Шмелёвы, Косаревы, Макаровы, Поповы и др.). В том же году в г. Яранске проживали 18 купеческих семей (9 525 руб.), в г. Орлове – 17 семейств (11 950 руб.)¹³¹. В числе наиболее крупных орловских купцов были Вукол Егорович Гвоздев (3 тыс. руб.) и Егор Никитич Булычев (900 руб.). В г. Царевосанчурске насчитывалось 13 купеческих семей (9250 руб.), в г. Уржуме – 11 семей (6 080 руб.), в г. Котельнице – 8 семей (4 460 руб.), в г. Кае – две семьи (1 200 руб.), в г. Малмыже – также две семьи (1 050 руб.)¹³².

Помимо потомственного купечества, в новое гильдейское сословие вошли зажиточные крестьяне разных категорий, располагавшие капиталами, накопленными преимущественно благодаря занятиям торгово-предпринимательской деятельностью. В формировании купечества г. Хлынова (с 1780 г. – Вятки) заметным было участие бывших архиерейских и монастырских крестьян¹³³, из которых вышли Григорий и Иуда Колошины, объявившие, по сведениям на 1782 г., капитал по 550 руб. каждый, Максим Рублёв (1000 руб.), Фёдор Кушков (1 000 руб.), Лука Рублёв (600 руб.) и другие (всего – 8 семей)¹³⁴. Доля государственных крестьян, вошедших в то время в купечество г. Вятки, составила четыре

семьи (Агафоновы, Матанцевы, Федосимовы, Брагины)¹³⁵. В ведомости о числе купцов на 1783 г. сообщается, что в купечество этого города вновь записались 21 экономический и 11 чернососных крестьян (32 чел., или 14 семей)¹³⁶. В ведомости на 1785 г. читаем: «Причисленных на законном основании из крестьян в купечество: экономических – 22, чернососных – 7, итого – 29 [чел.]», или 13 семей¹³⁷. В основном, эти крестьяне были выходцами из близлежащих деревень и слободок, располагавшихся в Вятском и Слободском округах.

Весомое место в складывании купеческого сообщества г. Слободского занимали государственные крестьяне. В документах 1782 г. говорится, что в купечестве этого города «значитца ис крестьян» 51 чел. с общим капиталом 10 555 руб.¹³⁸ Среди них наибольшие капиталы были объявлены двумя семьями из «Слободской округи Шестаковского тяглового стана» – Алексея Ивановича и Луки Ивановича Анфилатовых (по 700 руб.)¹³⁹. Причём сначала, уже занимаясь торговлей, они записались в цеховые, а в июле 1773 г. подали прошение о переходе в купечество. В 1775 г. Анфилатовы были купцами второй гильдии и имели собственный дом в Слободском¹⁴⁰.

В формировании уржумского купечества участвовали ясачные (Черновы, Черкасовы, Патрушевы, Матвеевы) крестьяне, проживавшие в той же округе¹⁴¹, царевосанчурского – дворцовые крестьяне (Иван Соломин с братом Алексеем (их общий капитал составлял 1 020 руб.), Афанасий Соломин с капиталом – 550 руб.)¹⁴². В купцы г. Малмыжа записались служилые татары (А. Беккулов с сыном и др.)¹⁴³.

Наряду с зажиточным крестьянством местное купеческое сообщество в последней четверти XVIII в. интенсивно пополнялось и за счёт торгово-промышленного населения городов, или мещанства. В 1775–1782 гг. в Вятке в гильдейское купечество перешли 105 мещан (44 семьи), а с 1782 по 1783 г. в него записались ещё 44 мещанина (12 семей)¹⁴⁴. Эти же категории населения (то есть крестьянство и мещане) вливались в гильдейское купечество и в других регионах¹⁴⁵.

Специфика формирования этого сословия в той или иной губернии, по всей видимости, заключалась в сложившейся в них социально-экономической ситуации, в преобладании тех или иных слоёв населения. В Вятской губернии, как мы видели выше, к ним относились государственные, экономические, дворцовые крестьяне, и данное явление было закономерным, поскольку на Европейском северо-востоке не сложилось крепостное право в его традиционной форме с развитым помещичьим землевладением и частновладельческими крестьянами.

Процесс формирования гильдейского купечества охватил и новые города – Глазов, Сарапул, Нолинск, Елабугу, образованные по указу Екатерины II от 11 сентября 1780 г.¹⁴⁶ В декабре того года, генерал-губернатор А. А. Ступишин отправил Вятскому наместническому правлению предписание о необходимости формирования их гильдейского купечества¹⁴⁷. Сведения о желающих записаться «в купечество в которую гильдию и с каким капиталом» собирались городничими. Основным источником формирования этого сословия в новых городах должны были стать крестьяне, и генерал-губернатор отмечал, что в случае записи в купцы «как они, так и дети их не могут поступить в отдачу в рекруты», но, в то же время, до следующей ревизии им вменялось платить вместе с купеческим процентным сбором налоги в казну по своему прежнему, крестьянскому званию¹⁴⁸.

Хотя жители новых городов в той или иной степени уже были вовлечены в предпринимательскую деятельность¹⁴⁹, их вхождение в купеческую корпорацию не стало скорым мероприятием. В январе 1781 г. из г. Елабуги в наместническое правление был отправлен рапорт с сообщением: «...В реченном городе в купечество никто и ни в какую гильдию записаться желания не имеет»¹⁵⁰. Чуть позже такой же ответ был получен от глазовского городничего¹⁵¹.

Иначе обстояло дело в Нолинске и Сарапуле. В нолинское купечество выразили желание записаться 40 крестьян, из них 17 – жители «города Нолей», остальные – крестьяне пригородных и других деревень¹⁵². Наибольшие суммы капитала (по 1 050 руб.) объявили Иван Кошеев с сыном Самойлом, Фёдор Кошеев с малолетним братом Михаилом, Семён Хлебников с сыном Митрофаном. В формировании сарапульского купечества важную роль сыграли дворцовые крестьяне, давшие письменное обязательство, помимо гильдейских сборов, «подушные денги и тот оброк, которой прежде платили с ревизских душ платить впредь до ревизии»¹⁵³. Среди первых купцов этого города был Дмитрий Ваулин, «бывший служитель» сенатора, графа А. С. Строганова, отпущенный им на волю¹⁵⁴. Поскольку в г. Сарапуле в начальный период ещё не имелось магистрата (или ратуши), то по указу Вятского наместнического правления от 3 июля 1782 г. Ваулину было предписано находиться «под ведомством тамошнего городничего по делам толко полицейским и подати платить собою тамошнему уездному казначею»¹⁵⁵.

С 1782 г. набирал силу процесс формирования купеческого сословия и в городах Елабуге и Глазове. Материалы 4-й ревизии зафиксировали в Елабуге 11 купцов из крестьян, в Глазове – 17, из них 15 – крестьянского происхождения¹⁵⁶. В период с 1783 по 1796 г. в Елабуге число купцов, вышедших из крестьян, увеличилось с 1 до 9 семей¹⁵⁷. В это время

в купеческое сословие вошли братья Вавиловы (из приписных крестьян), братья Ахметевы (из служилых татар), экономические крестьяне братья Мыльниковы, Паташ Палашев («ис черемис»), дворцовые крестьяне Шишкины и др.¹⁵⁸ Источники пополнения слабужского купечества постепенно расширялись. В 1795 г. купцами этого города стали мещане Кирило Стахеев, Иван Сошников, Семён и Тимофей Бусыгины, Шабалины.

В Глазове в 1784 г. насчитывалось 15 крестьян (лиц м. п.), записавшихся в купечество, а в 1795 г. здесь было уже 39 купцов, из которых 13 – бывшие крестьяне¹⁵⁹. Одним из первых глазовских купцов стал чернососный крестьянин из Кайской округи Никита Ляпунов, объявивший вместе с отцом и семью сыновьями капитал в сумме 1 075 руб.¹⁶⁰ В формировании гильдейского купечества как новых, так и существовавших ранее городов участвовали уроженцы разных мест, хотя подавляющее большинство записавшихся в гильдии, как правило, относилось к жителям одного города и округи.

В гильдейское купечество городов Вятского наместничества (с 1796 г. – губернии) записывались выходцы и из других регионов. В период с 1782 по 1787 г. в состав купечества г. Вятки вошли предприниматели из Архангельска, Арзамаса, Галича (по одному человеку)¹⁶¹. В 1778 г. уржумским купцом стал «из казанских цехов» Василий Свешников, в 1779 г. – симбирский купец Данила Плеханов¹⁶². По приговору слободского купечества, утверждённому указом Вятского наместнического правления от 15 октября 1781 г., в купечество г. Слободского был записан житель Двинского уезда Архангелогородской губернии Иван Ананьин. В 1782 г. его капитал вместе с сыновьями Андреем и Борисом составлял 600 руб.¹⁶³

В том же году, по 4-й ревизии, слободским купцом стал выходец из Унского посада Архангелогородской губернии Иван Базаков с четырьмя сыновьями¹⁶⁴. В 1795 г. в купцы г. Елабуги записался Григорий Красильников, «из мастеровых ружейной слободы» г. Тулы¹⁶⁵. Вместе с тем, записи иногородних жителей в купеческое сословие вятских городов не стали массовым явлением и коснулись, в основном, наиболее развитых в торгово-промышленном отношении городов.

В свою очередь, и некоторые местные жители участвовали в формировании купечества, главным образом, тех территорий, с которыми Вятская земля имела традиционные торговые связи. В числе выбывших к 4-й ревизии значился один яранский купец, записавшийся в московское купечество, один царевосанчурский купец, ставший казанским купцом¹⁶⁶.

Результаты екатерининской реформы 1775–1785 гг. в полном масштабе проявились в конце XVIII столетия, когда проводилась 5-я ревизия. По данным на 1796 г., в Вятском наместничестве проживали 322 купе-

ческих семьи, из них в первой гильдии состояли 7 семей, во второй – 32, в третьей – 283 (см.: приложение 2). Купцы всех гильдий жили в городах Вятке, Слободском, Орлове и Малмыже, второй и третьей – в Глазове, Нолинске, Елабуге и Царёвосанчурске, третьей – в Котельниче, Яранске, Уржуме и Сарапуле¹⁶⁷. В г. Кае объявивших гильдейский капитал на 1796 г. не оказалось.

Высоким удельный вес купечества был в Вятке, Глазове, Нолинске, Малмыже, Орлове, Яранске (см.: приложение 3). В общей сложности в губернии насчитывался 23 661 купец (в среднем 9,8 % городского населения)¹⁶⁸. В целом же в конце XVIII в. гильдейское купечество составляло менее одного процента населения региона¹⁶⁹.

Эти цифровые данные в основе своей подтверждают общероссийскую тенденцию, согласно которой жители городов, получившие привилегии гильдейских купцов, составляли меньшинство¹⁷⁰. В то же время, в их руках сосредоточивались значительные капиталы. В Вятской губернии купеческие семьи первой гильдии имели 114 435 руб., второй – 258 435 руб., третьей – 578 947 руб.; средний капитал купеческой семьи достигал по губернии 3 тыс. руб.¹⁷¹ Самые крупные купеческие капиталы были объявлены в губернском городе Вятке (282 350 руб.) и в уездном городе Слободском (149 945 руб.) (см.: приложение 2).

Наши материалы свидетельствуют о преобладании в Вятско-Камском регионе третьегильдейского купечества. Связано это было с несколькими обстоятельствами. Складывание крупных гильдейских капиталов замедлялось ввиду слабого развития здесь промышленного производства, сравнительной отдалённости региона от центров внешней торговли. Кроме того, по справедливому замечанию Ю. Р. Клокмана, большинство новых вятских и ранее существовавших городов (за исключением Вятки и отчасти Слободского) являлись в значительной степени административными, а не хозяйственными центрами¹⁷². Следовательно, дальнейшее увеличение купеческих капиталов зависело от степени экономического развития местных городов.

А. И. Аксёнов, изучавший генеалогию московского уездного купечества, обратил внимание и на тот факт, что с конца XVIII в. шёл процесс «вымывания» первогильдейского купечества, причём особенно интенсивно он протекал именно в уездных городах, в экономике которых преобладала торговля¹⁷³. В условиях отсутствия развитого промышленного производства в вятских городах эта тенденция также не могла не сказываться на формировании купеческих капиталов.

Согласно Жалованной грамоте городам, купцы составляли вторую часть (из шести) обывательской книги¹⁷⁴. В книги за 1787 г. были вклю-

чены: в Орлове – 13 купцов, в Уржуме – 6, в Нолинске – 14, в Сарапуле – 23¹⁷⁵. Записи в обывательской книге выделяли купечество в отдельную сословную группу, тем самым, с учётом полученных от государства привилегий, укреплялось его социальное положение¹⁷⁶.

Фамилии купцов содержались и в пятой части обывательской книги, предусмотренной для именитых граждан. В 1787 г. в Орлове именитым гражданином был один житель этого города – тридцатилетний «купец Яким Семенов сын Гвоздев, старожил», служивший бургомистром в городском магистрате¹⁷⁷.

По обывательским книгам определяется средний возраст гильдейского купечества. В 1787 г. он составлял: в Уржуме – 38,5 лет, в Орлове – 43 года, в Нолинске – 44 года, в Сарапуле – 47 лет¹⁷⁸. Как видим, на начальном этапе в купеческое сословие входили зрелые, имевшие жизненный опыт люди.

Оформившееся в Вятском крае в конце XVIII в. купеческое сословие изначально не было устойчивой по численности социальной группой, что объяснялось возможностью ежегодной записи в него всех желающих на условиях Жалованной грамоты городам и необходимостью опять-таки ежегодного подтверждения гильдейских капиталов¹⁷⁹, иначе, например, по причине разорения, предприниматель терял свой купеческий статус. Нестабильность числа купцов и их капиталов отражают данные нашей таблицы (см.: приложение 4). При общей положительной динамике численности купеческого сословия губернского города прослеживались, в зависимости от года, явные изменения в составе всех гильдий (особенно в третьей гильдии), которые сказывались и на сумме объявленного капитала. В таблице фиксируется и стремительный рост гильдейского капитала с 1786 г. Объяснение этого факта кроется в выходе 21 апреля 1785 г. Жалованной грамоты городам, увеличивавшей необходимые для записи в гильдии размеры капиталов.

В числе разорившихся нередко были выходцы из крестьян, которые в этом случае переходили в мещанское сословие или возвращались в крестьянство. По сведениям Г. И. Обуховой, из 20 семей дворцовых крестьян, записавшихся в сарапульское купечество в 1784 г., к 1793 г. разорились и перешли в мещане шесть, то есть треть семей¹⁸⁰. Нужно учитывать и тот факт, что любые переходы крестьян в купечество сдерживались обстоятельствами, связанными и с правительственной политикой, защищавшей интересы привилегированного населения, и противодействием купечества, видевшего в крестьянах серьезных конкурентов, и юридической неполноправностью самих крестьян, и необходимостью уплаты в случае записи в это сословие двойного оклада¹⁸¹.

Несмотря на все трудности, в конце XVIII в., как мы видели выше, крестьянское население активно участвовало в формировании гильдейской корпорации Вятско-Камского региона.

В целом численность местного гильдейского купечества в ту эпоху имела тенденцию к увеличению: если по материалам 4-й ревизии, в 1782 г., здесь проживало 578 купцов, то в 1796 г., по 5-й ревизии, – 1059¹⁸². Таким образом, за пятнадцатилетний период число купцов губернии удвоилось. Особенно ошутимое возрастание купеческого населения наблюдалось в городах Орлове, Сарапуле, Малмыже, Яранске, Елабуге, Глазове, Нолинске.

Итак, в екатерининский период издавна сложившийся в городах Западного Предуралья слой торгового населения оформляется в гильдейскую корпорацию. Её образование, обусловленное процессами дальнейшего развития хозяйственной жизни государства, его социальной структуры, изменениями в правительственной политике, укрепляло экономическое и общественное положение местной деловой элиты. Более быстрыми темпами шло оформление купеческих гильдий в старинных городах (Вятка, Слободской, Орлов, Яранск и др.), где к моменту начала реформ проживало состоятельное городское население, обладавшее крупными капиталами и устоявшимися предпринимательскими интересами, которые объединяли их в одну социальную группу. Медленнее шёл процесс в новых городах, образованных в ходе екатерининских преобразований.

В последней четверти XVIII в. важную роль в становлении гильдейского купечества, особенно городов Нолинска, Глазова, Сарапула, Елабуги, сыграло зажиточное крестьянство различных категорий (государственные, экономические, дворцовые и др.). Это явление свидетельствовало о дальнейшем проникновении в деревню товарно-денежных отношений, сочетавшихся обычно с использованием наёмного труда и приводивших к расслоению сельского населения.

В создании сословных купеческих обществ губернии одновременно участвовало как русское, так татарское и финно-угорское население, что отражает черты общности социально-экономической модернизации в полиэтническом регионе и указывает на одну из особенностей происхождения местной буржуазии.

Характеризуя процесс оформления купеческих гильдий на северо-востоке Европейской России, можно констатировать, что он был сложным явлением, в котором проявились как общие тенденции развития Российского государства в XVIII в., так и территориальные, связанные с историческими и социально-экономическими особенностями изучаемой местности, и в полной мере завершился только в 1790-е гг.

3.3. Численность, состав, сословная организация в XIX – начале XX в.

Оформление в России в конце XVIII в. купеческого сословия означало формирование особой торгово-промышленной группы населения, которая в силу своего правового статуса не была устойчивой социальной организацией. Вводившаяся по Жалованной грамоте городам практика ежегодной выдачи купеческих свидетельств с самого начала порождала постоянные изменения в его численном и персональном составе. Открытость купеческого сословия качественно отличала его от остальных групп населения, характеризовавшихся замкнутостью и экономической консервативностью, которые были свойственны феодальному обществу. Однако и гильдейское купечество, несмотря на несколько иные способы его формирования, по своему правовому статусу ещё не являлось буржуазным слоем населения, хотя в немалой степени и было связано с развитием в стране капиталистических отношений, которые по мере становления влияли и на образование новых социальных слоёв общества.

С момента устройства купеческое сословие характеризовалось неоднородностью, что прослеживалось в его делении сначала на три, а после реформ 1863–1865 гг. – на две гильдии¹⁸³. Гильдейская дифференциация купечества являлась сложным механизмом, деятельность которого, с одной стороны, определялась государством, устанавливавшим требования для записи в гильдии и регламентируя в законодательном порядке набор прав и привилегий, соответствующих им, а с другой – самим предпринимателем с его уровнем притязаний, включавшим в себя наличие капитала и способность эффективно, с прибылью вести торгово-промышленные дела с целью последующего подтверждения своего делового статуса.

В изучаемый период в Вятской губернии численность купцов первой гильдии была невысокой (см.: приложения 6 и 7). В отдельные годы первой половины XIX в. она едва превышала два процента от общего числа гильдейского купечества (см.: приложение 6). Во второй половине столетия и в начале XX в. положение несколько изменилось, количество купцов первой гильдии было выше: в 1865 г. – 5,1 %; в 1885 г. – 4,1; в 1895 г. – 4,3; в 1900 г. – 2,7; в 1905 г. – 4,4, в 1914 г. – 5,1 (см.: приложение 7).

Во второй гильдии купцов состояло больше: в 1831 г. – 6,7 % от общего числа местного гильдейского купечества, в 1840 г. – 5,4, в 1850 г. – 7,9, а после издания положений 1863–1865 гг., ликвидировавших третью гильдию и укрепивших статус сохранившихся гильдий, основная часть

предпринимательского сообщества записывалась именно во вторую гильдию: в 1865 г. было объявлено 808 капиталов, или 94,9 %; в 1885 г. – 565, или 95,9 %; в 1895 г. – 530, или 95,7 %; в 1900 г. – 465, или 97,3 %; в 1905 г. – 372, или 95,6 %; в 1914 г. – 167 чел., или 94,9 % (см.: приложение 7). В конце же XVIII – первой половине XIX в. большинство купцов Вятской губернии входили в состав третьей гильдии. Если в 1796 г. её численность составляла 283 семьи, или 87,9 % от общего числа местного купечества, то позднее – 246, или 91,1 % (1831 г.); 411, или 92,6 % (1840 г.); 447, или 90,7 % (1850 г.) (см.: приложение 6).

Весьма существенное преобладание в регионе предпринимателей «средней руки» объяснялось, во-первых, неблагоприятными природно-географическими условиями губернии, во-вторых, особенностями её экономического развития, в частности, слабым распространением промышленного производства, приносившим высокие прибыли, в-третьих, проводимой в отношении купцов государственной политикой, связанной с ограничениями при записи в самый привилегированный их слой – первогильдейское купечество¹⁸⁴. Аналогичная ситуация – преобладание купечества среднего достатка – прослеживалась и в центральных, и в северных губерниях Европейской России¹⁸⁵.

На приток и уменьшение купеческих капиталов, как по гильдиям, так и в целом оказывали влияние, главным образом, факторы, связанные с текущими проявлениями социально-экономической ситуации в регионе и в стране. Например, с демографическими изменениями (в период с 1854 по 1913 г. численность населения в губернии выросла с 1 983,6 тыс. чел. до 3 813,3 тыс. чел.¹⁸⁶), конъюнктурой спроса в тот или иной период на местную продукцию, как на внутреннем рынке, так и на российскую за рубежом (складывание купеческих капиталов первой гильдии в Вятской губернии во многом зависело от вывозной торговли через Архангельский и Петербургский порты), с дальнейшим становлением буржуазных отношений, которые активизировали экономическую деятельность населения; с изменениями правового регулирования статуса купцов и их деятельности, налоговой политики (к примеру, снижение численности купечества в 1810-е – начале 1820-х гг. было обусловлено ростом крестьянской торговли, подлежавшей «меньшему налоговому обложению» в сравнении с купеческой торговлей¹⁸⁷), и т. д.

Особенно заметным было увеличение численности купечества в реформенные 1860-е гг.: по сравнению с первой половиной века – в два и в отдельные периоды, если сопоставлять с началом 1830-х гг., в три раза (см.: приложение 6 и 7). Отмена крепостного права и реформы 1863–1865 гг. способствовали вовлечению в предпринимательство более ши-

роких слоёв крестьянского и мещанского населения, что отразилось и на численном составе купеческого сословия. После опубликования Положения 1863 г. в том же году в г. Вятке в купечество вновь записались: в первую гильдию – 5 и во вторую – 81 семей, в г. Елабуге соответственно 9 и 114, в г. Слободском – 1 и 153, в г. Котельниче 3 и 40, в г. Яранске 1 и 38¹⁸⁸.

Большое количество объявленных в 1863 г. капиталов являлось рекордным в регионе за всё время существования здесь купеческого сословия. Текущие изменения в его численном составе обычно не являлись кардинальными в силу того, что свою гильдейскую принадлежность подтверждали прежние купцы. В документах нередко встречались такие записи: «Ведомость о купцах г. Елабуги и об объявленных ими капиталах на 1880 год. ...Всего по 1-й гильдии – 13, по 2-й гильдии – 90. ...Против 1879 г. по 1-й гильдии менее 1 капитал, по 2-й гильдии более 1 капитал» или «перемен в купечестве гор. Малмыжа за исключением вновь причисленного мещанина... в 1908 году не было»¹⁸⁹. Причинами невозобновления купеческих документов могли быть и разорение, и несостоятельность, и смерть главы семейства, и переезд¹⁹⁰. Встречались и такие записи исключения из купеческой корпорации: «за передачей своего капитала сыну», «за получением ученой степени кандидата юридического факультета»¹⁹¹, «за получением... степени лекаря»¹⁹².

Вместе с тем, дальнейшие реформы не способствовали стабильности гильдейского сословия. После «купеческого бума» 1860-х гг. наблюдалось снижение числа капиталов, и это было закономерно: «Как уменьшение числа капиталов, так и увеличение с каждым годом числа лиц, не объявляющих капиталов, объясняется влиянием всесословной воинской повинности, так как ранее этого многие крестьяне и мещане платили гильдейские пошлины из-за того только, чтобы избавить свои семейства от исполнения лично военной службы», – пояснялось в «Обзоре Вятской губернии за 1877 год»¹⁹³.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в самом конце столетия и в начале XX в. число купцов резко сократилось. Связано это было с выходом в 1898 г. закона о Государственном промысловом налоге, разрушавшем сословную принадлежность предпринимательской деятельности¹⁹⁴. Хотя в Вятской губернии до закона 1898 г. число объявленных купеческих капиталов и было неустойчивым, в целом являлось высоким. На исходе XIX в., в начале 1890-х гг., купцов в губернии было меньше, чем в первое пореформенное время, а внутри купеческого сословия произошло уменьшение капиталов первой гильдии. После же опубликования Положения о государственном промысловом налоге процесс сокращения численности местного купечества характеризо-

вался такими показателями: в 1900 г. было объявлено 478 купеческих капиталов, в 1905 г. – 389, в 1906 г. – 366, в 1914 г. – 176, то есть по сравнению, к примеру, с 1865 г. число купцов уменьшилось в среднем в 2 раза, а к 1914 г. – почти в 5 раз (см.: приложение 7). В 1912 г. в губернии купцов и почётных граждан на 1000 жителей приходилось всего 2 человека, тогда как дворян и чиновников – 3, духовенства – 5, мещан – 17¹⁹⁵. Численность купечества в начале XX в. заметно сократилась и во Владимирской, Вологодской, Олонецкой, Казанской, Нижегородской, С.-Петербургской губерниях, в то же время возросла в Московской, Рязанской, Смоленской, Киевской губерниях, что объясняется переходом в сословные общества этих регионов лиц непривилегированных сословий и еврейской национальности, желавших получить право на свободу передвижения¹⁹⁶.

Во многом примечательны и следующие данные, связанные с уездными торговыми корпорациями. В период с 1901 по 1909 г. в Малмыже число купеческих капиталов сократилось с 23 до 18, а средний возраст владельцев капиталов увеличился с 53 до 56 лет¹⁹⁷. В 1915 г. в Яранске из 29 купеческих семей только 13 имели глав семей – мужчин, у остальных вместо них были либо купеческие вдовы, либо купеческие дети¹⁹⁸. Показательно и то, что в этом городе в то время не имелось ни одного купца первой гильдии и молодого, хотя бы 30–39-летнего главы семьи, в основном, последним было уже за 45–50 лет¹⁹⁹. В 1909 г. средний возраст нолинского купечества составлял 49 лет²⁰⁰. Таким образом, применительно к началу XX в. есть основания говорить не только о тенденции сокращения численности купечества, но и о повышении его среднего возраста, что тоже является показателем кризисного состояния.

Факт упадка купеческого сословия проявлялся также в наличии небольшого числа неторгующих купцов. Гильдейские свидетельства последними приобретались или по традиции, как наследственными купцами, или ради звания, которое по-прежнему ценилось как привилегированное. По сведениям Яранской городской управы, в 1915 г. из 29 семей к числу «потомственных почетных граждан и неторгующих купцов» относились 12, или 41,4 %²⁰¹. Тем не менее, несмотря на упадок, купеческая корпорация здесь продолжала существовать. Таким образом, среди факторов, влиявших на численность регионального купечества, государственная политика играла весьма важную роль, о чём свидетельствует ситуация, сложившаяся в Вятской губернии после издания положений 1863–1865 гг. и 1898 г.

Подробные сведения о численности купечества дают материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В тот период в Вятской

губернии проживало 2 889 купцов мужского и женского пола²⁰². Этот показатель был выше численности купечества соседних Архангельской (588 чел.), Вологодской (1 699) губерний и меньше гильдейских сообществ Нижегородской (2 920), Казанской (3 419), Пермской (5 118) губерний, а также столичных обладателей гильдейских свидетельств – в Московской губернии насчитывалось 23 435 купцов, в С.-Петербургской губ. – 19 973²⁰³. Преобладание купечества в этих регионах объяснялось существованием более благоприятных условий для накопления крупных капиталов благодаря высокому уровню развития в них производственной деятельности (тогда как экономика северных губерний имела, в основном, сельскохозяйственную направленность с невысокими темпами становления капитализма), наличию более удобных транспортных коммуникаций, урбанизации, желанию городских жителей повысить свой экономический статус.

В Вятской губернии наибольшее число купцов проживало в Вятке (424 чел.), Елабуге (311), Сарапуле (305), Нолинске (233), Слободском (199) (см.: приложение 9). Купечество составляло в среднем 2,3 % городского населения и 0,1 % жителей региона²⁰⁴. Самыми «купеческими» по составу в конце XIX в. являлись города Нолинск (4,9 %), Яранск (3,3 %), Елабуга (3,2 %), Глазов (3 %), и эти показатели были ниже уровня 1796 г. (см.: приложение 3). Материалы переписи 1897 г. зафиксировали, что немалая часть вятских купцов (24,4 %) проживала в сельской местности (см.: приложение 9). Города Вятско-Камского региона, таким образом, к началу XX столетия уже в полной мере являлись хозяйственными центрами своей округи, а не только административными, как это было на момент проведения преобразований 1775–1785 гг.²⁰⁵ Все эти изменения являлись эпизодом общей социальной и экономической модернизации российского общества, протекавшей наиболее интенсивно в пореформенный период, приводившей к размыванию сословий и формированию как городской, так и сельской буржуазии.

Вместе с тем, данные цифры нельзя считать точными, поскольку лица, имевшие купеческие свидетельства, входили в состав и других сословий. Распространённым явлением было зачисление представителей купчества в потомственное и личное почётное гражданство. Так, в 1878 г. в г. Вятке насчитывалось 47 потомственных почётных граждан и 13 – личных, из них 23 имели гильдейские свидетельства²⁰⁶. Об общей численности почётных граждан и купцов в губернии говорят приведённые в таблице статистические материалы за 1885, 1888 и 1893 гг. (см.: приложение 10). В переписи же 1897 г. почётные граждане учтены отдельно: в разрезе региона они составляли 3 721 чел.²⁰⁷

Состав купеческой корпорации прослеживается по «книгам о переменах в числе купцов Вятской губернии» казённой палаты. Если до 1830-х гг. в формировании этого сословия участвовали, в основном, местные торговцы и промышленники, уже состоявшие в гильдиях (то есть потомственные купцы и те, кто ранее платил гильдейские пошлины, и «иногородние гости»), а также выходцы из других слоёв населения (мещан, крестьян), то в последующее время ситуация меняется: после 1832 г. состав гильдейского купечества стал пополняться и за счёт представителей почётного гражданства. Так, в окладной книге на 1831 г. отмечены по городам: «купцы христиане», «купцы магометане», «иногородние гости, состоящие по 3-й гильдии» и вновь причисленные в купеческое общество – в г. Слободском «из крестьян Слободской округи Скрыбин», в г. Сарапуле «из мещан своего города Пешехонов, Шестов», в г. Орлове «из крестьян той же округи Мошкин»²⁰⁸.

«Книга о переменах в числе купцов Вятской губернии» за 1840 г. воспроизводит несколько иную картину. В состав гильдейского купечества в тот период наряду с «местными купцами» и «иногородними гостями» входили 12 семей почётных граждан, из них 5 – в первой гильдии (две семьи в Вятке и по одной – в Елабуге, Малмыже и Орлове), столько же семей во второй гильдии (две семьи в Вятке и по одной – в Глазове, Орлове и Слободском) и 2 – в третьей гильдии (в Вятке)²⁰⁹. В 1865 г. в первой гильдии насчитывалось 7 семей почётных граждан, во второй – 18, в 1881 г., соответственно, 9 и 23, в 1905 г. – 7 и 11²¹⁰.

Роль мещанского и крестьянского населения в формировании купеческого сословия в регионе была неоднозначной. В первой половине XIX в. текущий состав первой и второй гильдий определялся, главным образом, семьями, которые постоянно приобретали купеческие свидетельства. Судя по «книгам о переменах в числе купцов...», изменения численности этих корпораций происходили преимущественно вследствие перехода купцов из гильдии в гильдию, по причине смерти главы семьи, поэтому состав первой и второй гильдий был более стабилен, чем третьей. Существенные подвижки внутри верхушки купеческого сообщества являлись, как правило, отзвуком опять-таки государственной политики. Так, после выхода Манифеста от 1 января 1807 г., вводившего звание первостатейного купца и укреплявшего социально-экономическое положение первогильдейского купечества²¹¹, в Вятской губернии из второй в первую гильдию сразу перешли девять семей, или 30 чел., естественно, увеличив тем самым численный состав высшей корпорации²¹².

Влияние мещан и крестьян сказывалось в большей степени на образовании третьей гильдии. Показателен пример 1840 г., когда в число

купцов первой и второй гильдий городов губернии не записался ни один представитель податных сословий, и, в то же, время купцами третьей гильдии стали: в Вятке – 5 мещан, в г. Котельниче – 2 мещанина, в Орлове – 2 мещанина (один – с 1841 г.) и 2 крестьянина (один – с 1841 г.), в Слободском и Яранске – по одному мещанину и т. д.²¹³ Похожая ситуация наблюдалась и в пореформенный период, когда вводилась новая гильдейская система. Мещане и крестьяне участвовали тогда в формировании, в основном, второй гильдии.

Изучив динамику численности и социальный состав купечества Глазова, Малмыжа, Елабуги, Сарапула во второй половине XIX века, И. П. Лигенко пришла к выводу, что важное место в формировании купеческих обществ этих городов занимало мещанское сословие²¹⁴. Участие же крестьян в пополнении купеческих рядов было более скромным, так как в пореформенное время губерния характеризовалась ещё слабым развитием буржуазных отношений, что сказывалось и на состоянии крестьянства, которое не затронул процесс расслоения в такой степени, как в других российских регионах, и жизнь которых по-прежнему ещё достаточно сильно сковывалась узами общины²¹⁵. Наши статистические сведения, отражающие процесс формирования купеческого сословия в пореформенный период, также показывают значимость мещанского населения и невысокую долю крестьян в формировании гильдейской корпорации в регионе (см.: приложение 11).

Экономическая модернизация, происходившая в ту эпоху, разрушая феодальные стереотипы и утверждая господство капитала, затронула все слои общества. Состав купеческого сословия губернии расширился и за счёт «отставных чиновников», «потомственных дворян», «отставных военных» и т. д. Однако их участие в формировании купечества не было ощутимым. О пребывании в купечестве представителей дворянства в документах Вятской казённой палаты встречаются лишь эпизодические записи²¹⁶.

В начале XX в. механизм образования купечества претерпел новые изменения. Среди вновь записавшихся в это сословие мещане и крестьяне были представлены единичными семьями (см.: приложение 11). Основным же источником пополнения гильдий являлись выходцы из этого сословия, то есть начальниками капиталов становились купеческие сыновья, вдовы, бравшие сословные документы на своё имя, в первую гильдию переходили купцы второй гильдии и – наоборот²¹⁷. Из этого следует, что по мере становления капитализма региональная купеческая корпорация, численно сокращаясь, превратилась в более однородную

социальную организацию, хотя юридически у неё по-прежнему оставались широкие источники пополнения.

В XIX – начале XX в. наряду с местным населением, составлявшим основную часть гильдейского купечества губернии, в сословие вятских торговцев и промышленников входили и жители других российских территорий. Как правило, это были представители городских слоёв населения и крестьяне. Хотя «география» происхождения записавшихся в купеческие общества вятских городов и была широкой, среди иногородних чаще встречались выходцы из тех мест, с которыми у региона существовали постоянные экономические связи. Это жители преимущественно Архангельской, Вологодской, Казанской, Нижегородской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Тобольской губерний. В документах отмечены записи купцов из С.-Петербургской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Калужской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Рязанской губерний²¹⁸.

Одновременно с этим наблюдался отток и местного купечества в другие регионы, не имевший в сравнении с общей численностью гильдейской корпорации отдельно взятого города или губернии в целом массового характера. В большей степени данный процесс охватывал третью, а впоследствии – вторую гильдию. Так, в 1840 г. из третьей гильдии г. Вятки в ту же гильдию г. Казани перешёл Василий Ляпунов с сыновьями, из Глазова в Тобольскую губернию – Михаил Салтыков, из Елабуги в Пермскую губернию – Лукоян Софронов с сыновьями, в Тобольскую – Яков Ушков с сыновьями, в Пензенскую – Николай Волков, из Котельнича в Уфу – Лаврентий Банников с сыном, в Ирбит – Егор Самсонов с сыном, из Малмыжа в Оренбургскую губернию – Сабит Аптыкаримов и Ишмурат Сагитов (оба с семьями), в Томскую – Фаткулла Аптыкаримов, из Орлова в Москву – Козьма Шамов, в Казанскую губернию – Михаил и Иван Тороповы и т. д.²¹⁹ В 1882 г. из Вятской губернии переселились пять купцов второй гильдии: трое из Вятки (Алексей Ермолин – в Петербург, Василий Киселёв – в Москву, Константин Лаптев с семьёй – в Пермь) и двое из Елабуги (вдова Ольга Досманова с семьёй – в Екатеринбург, вдова Александра Красноперова – в Костромскую губернию)²²⁰. В 1905 г. из губернии в Уфу выехала одна семья – купеческого сына из г. Елабуги Павла Вавилова²²¹.

В состав гильдий того или иного города могли входить и жители других городов губернии. В формировании гильдейского купечества губернского центра участвовали купцы и мещане Глазова, Орлова, Слободского, Нолинска; Глазова – жители Слободского, Вятки, Малмыжа; Елабуги – Нолинска, Орлова; Котельнича – Орлова, Царёвосанчурска;

Малмыжа – Елабуги, Нолинска; Нолинска – Вятки, Уржума, Орлова, Глазова, Котельнича, Царёвосанчурска; Орлова – Котельнича, Царёвосанчурска, Вятки; Сарапула – Елабуги, Слободского; Слободского – Вятки; Уржума – Котельнича, Слободского, Малмыжа, Нолинска; Яранска – Слободского; Царёвосанчурска – Уржума, Яранска²²². Данные факты говорят о социально-экономической взаимосвязи городов губернии и их региональной интеграции.

Состав купечества северо-востока Европейской России характеризовался полиэтничностью. Если первоначально он включал в себя русское, татарское и финно-угорское население, то на рубеже XIX–XX вв. здесь проживало купцов: русских – 2695 чел. (93,3 %), татар – 141 (4,9 %), евреев – 35 (1,2 %), немцев – 5, финно-угров – 3, в т. ч. 2 удмурта, украинцев – 1; 9 – «остальные индоевропейцы»²²³. В тот же период в целом по России русскоязычных купцов было 60,5 % от общей численности сословия, на евреев приходилось 25,5 %, на немцев – 4,2 %, «остальных индоевропейцев» насчитывалось 4,1 %, представителей турецко-татарских народов – 2,5 %²²⁴. Как видим, в Вятской губернии численность различных этнических групп купечества отличалась от общероссийских показателей. Специфика размещения здесь населения, связанная с преобладанием, прежде всего, коренных этносов, отдалённость региона от западных и восточных границ, сдерживавшая миграционные процессы, накладывала отпечаток и на национальный состав местного купечества.

Русские купцы проживали в губернском и во всех уездных городах, являясь самым мощным источником формирования местного купечества. Татары записывались преимущественно в купеческие общества юго-восточной части региона (Малмыж, Елабуга, Глазов, Сарапул), то есть в местах своего традиционного проживания. Особенно выделялся город Малмыж: в 1831 г. здесь насчитывалось 10 купеческих семей татарского происхождения, из них одна – в первой гильдии, остальные – во второй, в 1840 г. – 13 (в первой гильдии – 1, в третьей – 12), в 1860 г. – 16 (в первой гильдии – 2, во второй – 2, остальные – в третьей гильдии), в 1884 г. – 2 (во второй гильдии), в 1905 г. – 3 (во второй гильдии)²²⁵. Причём в отличие от остальных городов губернии в Малмыже татары входили в почётное гражданство. С 1840 г., например, из «местных купцов» первой гильдии в почётные граждане перешёл Ахмет Шах Абдулов Утямышев вместе с сыновьями Ахмет Шакиром и Губайдуллою и одновременно вновь объявил капитал по первой гильдии²²⁶. Татарские семьи проживали и в Вятке, Котельниче, Яранске, Орлове. В состав слободского купечества входили каринские татары.

Купцы-удмурты жили в Глазовском, Сарапульском, Малмыжском, Елабужском уездах, но в окладных книгах и других официальных источниках они часто отдельно не выделялись, поэтому при подсчёте численности последних имеются определённые сложности. Материалы переписи 1897 г. позволяют говорить о весьма малом числе купцов удмуртского происхождения. Ижевские исследователи полагают, что в действительности их было больше, так как удмурты, занимавшиеся предпринимательством, скрывали свою национальность в целях стабильности социального положения²²⁷. Известны факты, когда ими менялись фамилии: Чураевы, Тамышевы, Темеевы становились Блиновыми, Кожевниковыми, Скороходовыми, Лепихиными и т. д.²²⁸ Некоторые сведения о купцах удмуртского происхождения содержатся в списках городских дум. Так, по данным на 1807 г., в купеческом обществе г. Глазова состояли из «вотяков новокрещенных» Федот Поздеев, Григорий Чирков, Спиридон Косаткин (все в третьей гильдии)²²⁹.

Помимо русских, татар, удмуртов, купеческое сословие губернии пополнялось и за счёт еврейского населения, украинцев, немцев, цыган. В пореформенное время купцы-евреи жили, главным образом, в двух городах – Вятке и Глазове, и массового притока представителей этой национальности в купеческое сословие региона в тот период не наблюдалось. Так, если в 1864 г. евреи входили в состав «иногородних гостей» г. Елабуги (объявлен один капитал по первой гильдии), то в 1881 г. они пребывали в купцах первой (один капитал) и второй (два капитала) гильдий г. Вятки и второй гильдии г. Глазова (один капитал), в 1905 г. в Вятке значились, соответственно, 1 и 3 еврейских капитала, в Глазове, как и прежде, – один второгильдейский капитал²³⁰.

В 1905 г. из купцов первой гильдии г. Вятки был исключён Певзнер Израиль Айзиков – «за смертью», вместо него купеческое свидетельство возобновила «Певзнер Ханна Вульфова, купеческая вдова, с сыном Моисеем – 18 л. и дочерью Мариамною»²³¹. В 1906 г. в первую гильдию г. Вятки вновь была записана одна еврейская семья, во вторую – три²³². Заметное увеличение числа купцов-евреев в губернии произошло в годы Первой мировой войны. Если в «ведомости Вятской городской управы о купцах и выданных им сословных купеческих свидетельствах на 1914 год» значились только две еврейских семьи (Певзнер, Блювштейн), то в «ведомости...» на 1917 г. – 10, из них четыре капитала (Певзнер, Шефтель, Насатисин, Кабалкин) – по первой гильдии и шесть (Шер, Волман, Аронсон, Блювштейны объявили три капитала) – по второй²³³. В начале XX в. приток капиталов, объявленных представителями еврейской национальности, прослеживался и в других «внутренних» губерниях,

например в Ярославской²³⁴. Приобретение евреями купеческих свидетельств давало им возможность проживать вне черты оседлости, и они пользовались этим правом, но оформление правового положения евреев в России не завершилось вплоть до 1917 г.²³⁵

В связи с отдалённостью Вятской губернии от границ, суровыми природно-климатическими условиями немцы, украинцы, цыгане и представители других западных и восточных народов записывались в состав местного купечества крайне редко. Об их участии в формировании этого сословия в регионе можно судить лишь по некоторым эпизодам. Так, в 1817 г. по сообщению городского головы Лазаря Матвеева, в г. Уржуме состояло «3-й гильдии купцов вообще с цыганами восемь капиталов»²³⁶. Из «Книги о переменах в числе купцов Вятской губернии на 1870 г.» узнаём, что в Котельниче во вторую гильдию вошли «из цыган Степанида Алексеева Лебедева с сыном Кондратьем Михайловым, его сыновьями Николаем, Афанасьем и Гавриилом с 1869 г.», и записались они из купцов той же гильдии Казанской губернии²³⁷.

В современной историографии отмечается, что среди дворян, купцов и почётных граждан, мещан удельный вес нерусских народов был более высоким, чем их доля в общей численности населения страны, и это свидетельствовало о том, что социальное положение русских было хуже в сравнении с другими народами, проживавшими в России²³⁸. Применительно к северо-востоку Европейской России этот тезис, если говорить о коренных местных народах, не нашёл полного подтверждения. Так, если доля русских в Вятской губернии составляла 77 %, турецко-татарского населения (татары, башкиры, тебтяри) – 4,9 %, финно-угорского (удмурты, марийцы, пермяки) – 17,6 %, то удельный вес купцов, относившихся к этим этническим группам, был, соответственно, 93,3 %; 4,9 %; 0,1 %²³⁹.

Национальный состав купечества обычно определял его конфессиональную принадлежность. Подавляющее большинство купцов региона (свыше 90 %) составляли христиане, в основном, православные²⁴⁰. Среди последних заметное место занимали старообрядцы. Местные жители хорошо знали купцов-старообрядцев Лаптевых, Зоновых, Кальсиных, Пестуховых, Бушковых, Сметаниных и др. Из 96 купеческих семей, проживавших в Вятке в 1878 г., 10 являлись старообрядческими («поморской секты») ²⁴¹. Эти семьи состояли во второй гильдии, и в них насчитывалось 58 человек²⁴². Среди уездных центров выделялся г. Уржум, где в 1862 г. проживали (вместе с уездом) 29 купцов-старообрядцев беспоповского направления²⁴³. Вторая половина XIX в. стала временем усиления экономической активности сторонников старой веры, что объяснялось изменениями в правительственной политике по вопросам

отношения к этой группе населения²⁴⁴. Отдельные купцы, главным образом, польского происхождения (С. О. Якубовский, Р. Д. Шенкаржевский), исповедовали католичество, ислам являлся традиционной религией купцов-татар.

Если говорить о численности и составе купечества отдельно по городам, то здесь отчётливо выявляются общие тенденции формирования и развития этого сословия, о которых говорилось выше. Вместе с тем, обнаруживаются и некоторые особенности. В течение длительного времени, на протяжении XIX – начала XX в., более стабильными (прежде всего, по численности) являлись купеческие общества Вятки и Слободского (см.: приложение 8). Думается, свою роль сыграли в этом несколько факторов – выгодное географическое положение данных городов с наличием сухопутных и водных коммуникаций, позволявших купцам производить прибыльные коммерческие операции, экономическая привлекательность Вятки и Слободского – крупных рыночных центров своих уездов, имевших немалую численность населения. Вятка была и административным центром региона со сложившимся бюрократическим аппаратом, заинтересованным в экономическом благополучии губернского города. В то же время, сравнив материалы переписей 1864 г. и 1897 г., П. Н. Луппов выявил тенденцию сокращения общей численности купечества г. Вятки во второй половине XIX в., что было связано, по его словам, с упадком экспортной хлебной торговли, особенно с Архангельском²⁴⁵.

Обращает на себя внимание весьма бурный рост купеческих капиталов в тот период в городах юго-востока губернии – Елабуги и Сарапула, причём капиталов не только по второй гильдии. В этих городах в сравнении с первой половиной века число купеческих семей первой гильдии возросло в пять и более раз: в г. Елабуге в 1865 г. оно достигло 12, в 1870 г. – 13, в 1881 – 11, в 1890 – 7 (см.: приложение 8.3); в г. Сарапуле в 1865 г. – 5, в 1890 – 6, в 1895 г. – 8 (см.: приложение 8.8). По темпам роста приведённые показатели были самыми высокими в губернии, не уступали цифрам, характеризовавшим купеческий состав Вятки и Слободского, и даже превышали их. Это явление объяснялось интенсивным хозяйственным развитием в капиталистическую эпоху Елабуги и Сарапула с их уездами, также располагавшимися в выгодных географических условиях, на пересечении торговых путей, появлением в регионе новых видов транспортного сообщения, в частности, пароходства, дальнейшим укреплением торговых связей с Поволжьем, Приуральем и Сибирью. Современники отмечали: «Елабуга расположена при судоходной реке Каме, по которой суда и пароходы плавают целые шесть месяцев,

начиная от устья Камы до Перми и даже далее. В климатическом отношении Елабужский уезд превосходит все уезды Вятской губернии; он пользуется климатом, свойственным средней полосе России, и здесь с успехом разводятся пшеница и греча. Местами богатая и черноземная почва в изобилии производит хлеб разных родов, лен и пеньку, составляющие немаловажную отрасль промышленности. Соседство Уфимской губернии и ее степей сделали Елабугу перепутным местом в торговле азиатскими и степными товарами...»²⁴⁶.

Чернозёмные почвы, более благоприятный, чем на севере губернии, климат, Камская речная система характеризовали условия развития сарапульского купечества. Большое значение в торговле имело и то обстоятельство, что по территории Сарапульского уезда проходили Сибирский тракт и местный Сарапульско-Каракулинский, по которому шли грузы из Сибири, Перми, Уфимской и других губерний²⁴⁷. Развитие купечества стимулировало наличие в Сарапульском и Елабужском уездах крупных предприятий (Ижевского оружейного, Воткинского железоделательного и других заводов). Одному только посёлку Ижевского завода ежегодно требовалось 600 тыс. пудов хлеба²⁴⁸.

Положительной динамикой развития купеческого сословия в течение XIX в. характеризовались города Нолинск и Яранск (см.: приложения 8.6 и 8.11). Росло общее число купеческих семей в Глазове, Уржуме и Царёвосанчурске (см.: приложения 8.2, 8.10 и 8.12). В Котельниче во второй половине XIX в. численно укрепилось купечество первой гильдии, хотя и незначительно (см.: приложение 8.4). В Малмыже, наоборот, капиталы первой гильдии сокращались и, вместе с тем, в 1870–1890-е гг. относительно стабилизировался состав второй гильдии (см.: приложение 8.5).

Существенно отличалась ситуация, сложившаяся после реформ Александра II, в Орлове (см.: приложение 8.7). По сравнению с первой половиной века и 1860-ми гг. во второй половине XIX в. здесь наблюдалось сокращение купеческих капиталов, как по первой, так и по второй гильдии. «Торговля этого города, прежде очень значительная, теперь в упадке», «местные купцы вследствие разных случайностей в торговых оборотах заметно беднеют...» – отмечалось в 1860–1870-е гг.²⁴⁹ Происходило это по причине уменьшения во второй половине столетия товарооборота с Архангельским портом, являвшимся долгое время основным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции северных вятских уездов, с усилением конкуренции со стороны иногородних купцов, в частности, контор «некоторых значительных русских негодантов, имеющих торговые дома в Архангельске» и «англичан, имеющих в Орлове свои конторы»²⁵⁰. Нужно учитывать и географическое расположение

Орловского уезда – в северо-восточной части губернии, имевшей весьма суровый климат и песчано-глинистые почвы, не позволявшие получать высокие урожаи. Сказывались и неразвитость промышленности уезда, протяжённость и неудобство сухопутных и водных путей сообщения²⁵¹.

Немаловажен вопрос о степени устойчивости местных купеческих фамилий. Списки купцов за разные годы позволяют определить длительность их нахождения в этом сословии. Рассмотрим «ведомость о количестве нолинского купечества на 1796 г.» и «список гг. купцам 1-й и 2-й гильдии» г. Нолинска на 1870 г.²⁵² Из них следует, что к 1870 г. число нолинских купцов в сравнении с 1796 г. заметно выросло, а, стало быть, намного изменился и состав городского купеческого общества. В раннем списке значится 28 купеческих фамилий (всего 32 главы семьи), в позднем – 43 (55 глав семей). Судя по этим документам, из 28 фамилий (1796 г.) к 1870 г. свой купеческий статус подтвердили 6. Это – купцы Половниковы, Кощеевы, Маландины, Гырдымовы, Шулятевы, Назаровы. Таким образом, за первую половину XIX в. купечество г. Нолинска значительно обновилось и одновременно с этим численно возросло.

Изменения происходили и в дальнейшее время. При сравнении списка 1870 г. с «ведомостью о купцах, объявивших и не объявивших капиталы на 1909 г.»²⁵³, обнаружилось, что в начале XX в. купеческое звание сохраняли 9 фамилий, вовлечённых в торгово-предпринимательскую деятельность в эпоху Александра II. Это – Маландины, Зыкины, Вшивцевы, Гырдымовы, Парамоновы, Стрижевы, Половниковы, Коробковы, Небогатиковы (всего в списке 1909 г. – 15 фамилий, 29 глав семей). Если сравнивать сведения на 1909 г. с ранним списком (1796 г.), то обнаруживается, что купеческий статус в начале XX в. подтвердили всего три фамилии (Половниковы, Маландины, Гырдымовы) из династий, сложившихся в конце XVIII в.

При сопоставлении списков купцов г. Малмыжа за разные годы выяснилось, что в период с 1782 г. по 1870 г. купеческое общество этого города полностью обновилось, а к 1909 г. сохранили купеческое звание четыре фамилии (Батуевы, Худяковы, Родыгины, Кунаевы) из списка 1870 г.²⁵⁴

В г. Вятке свой гильдейский статус к 1917 г. сохранила лишь одна фамилия (Кукины), упоминавшаяся в списке за 1781 г., и 9 фамилий – из списка за 1876 г. (см.: приложение 5). Похожая ситуация, по нашим наблюдениям, складывалась и в других городах губернии. Невысокая степень устойчивости купеческих родов была характерна и для купечества России в целом²⁵⁵. Возраст купеческой династии в стране исчислялся обычно двумя–тремя поколениями²⁵⁶, что было следствием как

субъективных, так и объективных причин, связанных, например, с государственной политикой, в соответствии с которой купеческое звание в России не наследовалось, с изменением условий для занятий торгово-предпринимательской деятельностью в ходе капиталистической модернизации страны. Субъективные же причины могли выражаться и в жёсткой торговой конкуренции между купцами, приводившей к укреплению экономического положения одних и разорению других, в разделе семейного капитала между сыновьями, в смерти главы семьи и отсутствии наследника и т. д.

Несмотря на влияние многих явно негативных для стабильного существования купеческих фамилий факторов, в конце XVIII – начале XX в. в Западном Предуралье сложились династии Машковцевых, Булычёвых, Стахеевых, Прозоровых, Александровых, Кардаковых, Ушковых, Вахрушевых и другие²⁵⁷, насчитывавшие от трёх до шести и более поколений.

К числу наиболее древних относилась династия Машковцевых. Её родоначальником был Гавриил Петрович (ок. 1660 – после 1717), поселившийся «во граде Хлынове вново от вси, нарицаемой Кстинино»²⁵⁸. В дальнейшем успешными в предпринимательстве стали его сын Василий, внук Яков, правнуки Степан, Афанасий, Фёдор, Филипп, сын Степана – Иван (1779–1853), ставший потомственным почётным гражданином, и внук Аркадий (1819–1866). По семейному преданию, Машковцевы были выходцами из Москвы, переселились на Вятку в Смутное время и первоначально назывались «московцами» – прозвищем, которое и преобразовалось, как полагали эти купцы, в их фамилию.

Корни купеческой династии Булычёвых связаны с первой половиной XVIII в., когда в г. Орлове развернулась торгово-предпринимательская деятельность Никиты Семёновича, записавшегося в купечество «из орловского оброчного стана ис починку Рубцовского в 1738 г.»²⁵⁹ Затем семейное дело продолжил его сын Егор Никитич и в XIX – начале XX в. – Тихон Егорович, Филипп Тихонович и переселившийся в Вятку Тихон Филиппович (1847–1926). Рукописное «родословное дерево», хранившееся в семье, называло основателем этой династии Амвросия Булыча, воеводского приказчика в г. Орлове, выходца из Новгорода – «бжеавший ли оттуда во времена Марфы Посадницы или командированный на эту службу в иное время»²⁶⁰. Из династии Булычёвых – Афанасий Васильевич (1827–1902), архангельский купец первой гильдии, хлеботорговец и благотворитель, один из учредителей Северо-Двинского пароходства.

К числу старинных купеческих династий относились Стахеевы. Основателем этого рода был Максим Стахеев (1730 – ок. 1795). Его сын,

Кирилл (Кирило), упоминался в метрических книгах Спасского собора г. Елабуги и в ревизских сказках значился как купец²⁶¹. Семейное предание Стахеевых гласило, что их предки были новгородцами, при Иване III они покинули родные места и осели на вольных землях Камы, став основателями села Трехсвятского, переименованного Екатериной II в Елабугу²⁶². Экономический расцвет династии пришёлся на вторую половину XIX – начало XX в., и её яркими представителями были Иван Иванович (1806–1885), Иван (ок. 1836–1907) и Василий (1842–1896) Григорьевичи, Дмитрий Иванович (1819–1888), старший сын Ивана Григорьевича – Иван (1869 г. р.), член Государственного Совета Фёдор Васильевич (1870 г. р.) и его брат Григорий Васильевич (1875–1924) Стахеевы.

В правление Александра II широкую известность приобрела торговая деятельность купца первой гильдии, потомственного почётного гражданина²⁶³ и дворянина Якова Алексеевича Прозорова (1816–1881). В XVII в. его предки являлись хлыновскими посадскими людьми, и впоследствии дед – Семён Антонович, имевший 17 детей, жил в Якимовагинской волости Вятского уезда²⁶⁴. Отец Я. А. Прозорова, Алексей Семёнович, в Вятке имел дом и состоял во второй гильдии. Сын Якова Алексеевича, Алексей Прозоров (1842–1914), коммерции советник, являлся председателем Петербургского биржевого комитета (с 1897 г.).

Александровы были родом из крестьян, живших в заоградной слободе Слободского Богоявленского монастыря. Их коммерческая деятельность с размахом развернулась в XIX – начале XX в. Семейные капиталы успешно приумножали Василий Васильевич (ок. 1813–1869), коммерции советник Иван Васильевич (1825–1893) и сыновья последнего – Иван и Пётр, учредившие торговый дом «Наследники коммерции советника И. В. Александрова»²⁶⁵.

Из крестьян происходила и династия купцов Кардаковых. У её истоков стоял Иван Максимович (1796 – ок. 1854), родившийся в деревне Кардаковская Игумновской волости Вятской губернии и записавшийся сначала в мещане, а затем, в 1825 г., в купцы г. Котельнича. Среди представителей рода выделялись Михаил Иванович (1819 – ок. 1869), Прокопий Максимович, Андрей Прокопьевич, Иван Прокопьевич, Семён Васильевич (1834–1879) с сыновьями Иваном, переселившимся в начале 1880-х гг. в губернский центр, Ильёй и Петром²⁶⁶.

Родоначальником династии Ушковых был государственный крестьянин Тихогорской волости Елабужского уезда Егор Максимович Ушков (1764–1838), записавшийся в купцы третьей гильдии²⁶⁷. В дальнейшем его торговые дела продолжили сын Яков и внук Капитон (1813–1868),

состоявший сначала во второй, а с 1854 г. – в первой гильдии г. Елабуги, получивший потомственное почётное гражданство²⁶⁸ и звание мануфактур-советника. С размахом купеческие дела вёл Пётр Капитонович (1840–1898). В деловом сообществе хорошо были известны имена Ивана Егоровича, Никиты и Василия Ивановичей, Константина Капитоновича и Ивана Петровича Ушковых²⁶⁹.

У истоков предпринимательского рода Вахрушевых стоял крестьянин Стуловской волости Слободского уезда Тимофей Парфёнович, основавший вместе с сыновьями в 1854 г. кожевенное производство²⁷⁰. Владельцами заводов были Парфён, Фёдор, Иван и Илья Тимофеевичи, торговавшие по купеческому свидетельству второй гильдии. Братья Вахрушевы и их потомки стали учредителями ряда торговых домов: «Ф. Т. Вахрушева Сыновья», «Наследники Парфёна Тимофеевича Вахрушева», «Илья Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями» и др.²⁷¹

Все эти династии имели несколько схожих черт, которые могли способствовать устойчивости их капиталов. Во-первых, они активно вкладывали средства в производственную деятельность: Машковцевы владели бумажными и кожевенными предприятиями, Булычёвы – кожевенными и текстильным, Ушковы – химическими, Александровы – винокуренными, Вахрушевы – кожевенными и клееваренными, что было прибыльней, чем торговля только сельскохозяйственной продукцией, являвшаяся одним из приоритетных направлений деятельности купечества северо-востока Европейской России. Во-вторых, эти семьи были оптовыми поставщиками товаров с ориентацией на общероссийский и иностранный рынки. В-третьих, свой бизнес связывали с созданием необходимой транспортной инфраструктуры (Булычёвы, Александровы, Стахеевы были крупными пароходоладельцами), позволявшей расширять «географию» семейного предпринимательства. В-четвёртых, старались не распылять капиталы путём семейных разделов и, как правило, предпринимательские дела вели совместно, что не могло не способствовать устойчивости этих династий в целом.

Несмотря на характерную для купеческого сословия России неустойчивость численного и социального состава, гильдейские предприниматели объединялись в особую корпоративную организацию с правом самоуправления. Её формирование началось ещё до выхода Жалованной грамоты городам 1785 г. А. А. Кизеветтер отмечал, что, начиная с 20-х гг. XVIII в., гильдейская организация имела административное значение, что купеческое самоуправление развивалось «бок о бок с общепосадским», и в качестве доказательства приводил пример, связанный с Хлыновом,

где в 1760-е гг. управление городскими общественными делами находилось в руках посадского старосты, его товарища и трёх гильдейских старшин²⁷².

Вполне можно согласиться и с выводом этого автора о характере посадской общины до екатерининских преобразований. Община, включая в свой состав «все элементы тяглого торгово-промышленного и рабочего населения города», тогда не была «сословно купеческой»²⁷³. Круговой порукой, проявлявшейся в несении казённой службы, сборе податей, торговые слои населения были связаны с посадским миром вообще, и этот фактор явно не способствовал складыванию сословных организаций. Примечателен ответ вятского городского головы Я. В. Машковцева в «частную о городах комиссию» на вопрос о том, «каким порядком в разные городские и в казенные службы выборы бывают...» Машковцев писал, что на эти службы жители Хлынова «выбираются у земских дел старостами и старшинами с бывшими в собрании купечеством, по общему согласному совету»²⁷⁴.

После же выхода Жалованной грамоты ситуация претерпела изменения. В 1785 г. городское общество разделилось на шесть разрядов, одним из которых являлось гильдейское купечество, получившее сословные привилегии²⁷⁵. Обособление этой группы населения, имевшей особый правовой статус, и дало ей возможность формирования своей сословной организации, образование которой продолжалось и в XIX в. В литературе отмечается, что окончательное оформление городских сословных обществ в России произошло в пореформенное время²⁷⁶.

В ряде крупных городов, прежде всего, столичных (Москве, Петербурге), сложилась особая модель купеческого общественного управления, включавшая в себя, помимо старост, собрания выборных, управы, сословных старшин²⁷⁷. Основным же звеном системы купеческого сословного самоуправления в большинстве губернских и уездных городов страны в конце XVIII – начале XX в. были старосты. «Частные управления купеческого сословия сосредоточиваются в лице купеческих старост и их товарищей», – говорилось в «Своде законов о состояниях» (изд. 1899 г.)²⁷⁸. Выборы на эти должности производились в городах ежегодно на собраниях купеческого общества.

Во время исполнения обязанностей старосты состояли «в четырнадцатом классе государственной службы»; могли получать от общества похвальные листы, а от губернских властей – звание «степенных»²⁷⁹. В Вятской губернии, по нашим наблюдениям, купеческими старостами обычно избирались купцы второй гильдии в возрасте от 25 до 50 лет, как

правило, занимавшиеся торгово-предпринимательской деятельностью в городе своего проживания и редко выезжавшие из него.

Законодательством чётко определялся круг полномочий купеческих старост, среди них на первом месте стояло «попечение о всех делах, относящихся до купеческого сословия, и представление об оных по принадлежности»²⁸⁰. В архивах сохранились документы купеческих старост, связанные со сбором сведений о членах купеческих семей, ведением различных денежных сборов, выдачей удостоверений, перепиской с административными учреждениями, доведением до купцов сведений по торговым и хозяйственным делам и т. д.²⁸¹ Рассмотрим «столп документам купецкого старосты Петра Калинина» (г. Вятка) за 1836 г.

Вначале, после избрания, из Вятской городской думы ему отправили предписание с рекомендацией исполнять свои обязанности «неупустительно на законном основании» и о необходимости принять «дела и книги прежних городских старост до купецкого общества относящиеся... по описи с роспискою», причём последние нужно было представить в думу²⁸². В дальнейшем, получая бумаги с указами Вятского городского магистрата и предписаниями городской думы, Петр Калинин доводил их содержание до купеческого общества. В 1836 г. через старосту купцам предлагалось «явиться в губернское правление для торгов на покупку... каменной лавки», взять в оброчное содержание покосы, «вольной чрез реку Вятку перевоз на пароме и лодках», ознакомиться с «росписанием о ценах для продажи соли», взять «на себя поставку в будущем 1837 году для полицейской и пожарной команды провианта...» и т. п.²⁸³

От Петра Калинина купцы г. Вятки узнали и о том, когда нужно явиться в городскую думу для объявления на следующий год капиталов с последующим получением гильдейских свидетельств. Купеческий староста сообщал им о возможности приобретения «Коммерческой газеты» («с платою за оную по 25 руб. и особо за пересылку подлежащее количество весовых и страховых»), внесения пожертвований на строительство каменной церкви в Черниговской губернии²⁸⁴. Каждое объявление, сделанное Калининым, предполагало сбор подписей купцов, ознакомленных с ним. Затем купеческий староста должен был «рапортовать» о мнении купеческого общества городской думе или магистрату.

В «делах вятского купеческого старосты» Петра Григорьевича Тихонова, избранного на эту должность в феврале 1894 г., находим его объявления о проведении в городской управе собрания купцов, мещан и цеховых «для прочтения призывного списка», о проведении 27 июня 1894 г. собрания «для постановления приговора о увольнении из купеческого общества... Петра Васильевича Сунцова для продолжения курса наук

в Московском Императорском университете», о «глубокопечальном известии», связанном с кончиной Александра III и т. д.²⁸⁵ Тихонов был озабочен и необходимостью составить заключение по проектам «постановлений о правах лиц купеческого сословия» и Положения о государственном промысловом налоге, высланных в Вятку «Высочайше учрежденной комиссией по общему пересмотру узаконений, относящихся до обложения торговли и промышленности»²⁸⁶.

Несмотря на право вести внутрисословные дела, деятельность купеческого самоуправления ограничивалась со стороны государства, особенно со второй половины XIX в., после введения городских положений 1870 и 1892 гг. Как и органы местного самоуправления (городские думы и земские учреждения), купеческое сообщество зависело от губернских властей, что проявлялось, например, в том, что ежегодно избираемый купеческий староста утверждался губернатором. В этом вопросе могли приниматься решения и не в пользу купеческих постановлений. Такой случай произошёл в Котельниче, когда по приговору купеческого общества от 27 января 1897 г. старостой был избран купец второй гильдии Яков Ситников, а его товарищем – купец Александр Казаков, но губернатор в связи с неявкой на собрание большинства его членов эти кандидатуры не утвердил²⁸⁷. Следующие выборы производились в конце марта, и вновь были избраны уже другим, более значительным числом членов собрания те же купцы. На этот раз кандидатуры Я. М. Ситникова и А. П. Казакова губернатор одобрил²⁸⁸. В 1898 г. по той же причине долгое время не утверждался кандидат на должность яранского купеческого старосты²⁸⁹. Зависимость от губернского правления проявлялась и в том, что купеческие старосты в случае ухода в отпуск подавали на утверждение губернатора соответствующее прошение²⁹⁰. Кроме того, купеческие старосты приводились к присяге, если «при сем избрании не состоят в службе ни по выборам, ни по определению от правительства»²⁹¹.

Опека за деятельностью купеческого старосты осуществлялась также городскими думами и порой проявлялась в достаточно жёстких формах. В начале 1864 г. староста Н. Ку克林 (г. Вятка), например, получил уведомление, в котором говорилось: «...Городская дума строго предписывает Вам о скорейшем взыскании городских недоимок, причем предупреждает, что в случае послабления и упущения во взыскании недоимок, таковые будут взысканы лично с Вас...»²⁹². Данное требование основывалось на том, что купеческий староста по закону был обязан производить «взыскание недоимок» с купцов, и указе Вятского губернского правления от 19 декабря 1863 г., касавшегося этого вопроса²⁹³.

Деятельность органов сословного самоуправления, пусть даже и под контролем административных властей, способствовала формированию купеческого корпоративного самосознания. Его проявления ощущались, например, в благотворительных делах обладателей гильдейских свидетельств²⁹⁴, принятых ими коллективных решениях, причём в последних зачастую прослеживался не частный, узкосословный, а общественный настрой. Так, в 1880 г., году 100-летия со времени учреждения Вятского наместничества, купеческое общество поддержало инициативу Вятской городской думы об увеличении числа призываемых в общественной богадельне на десять человек и постановило «для этой надобности увеличить... производимый ныне с купцов ежегодный сбор: с первой гильдии пятью и со второй двумя рублями с каждого купеческого семейства»²⁹⁵. В военные годы в решениях купеческих сословных организаций проявлялся патриотический дух, соединённый с выражением «Его Императорскому Величеству... верноподданнических чувств»²⁹⁶.

Имея, в основном, полномочия исполнительного характера, купеческое самоуправление не в праве было решать вопросы о зачислении в своё сословие²⁹⁷. Функция купеческих собраний, на которых присутствовали «начальники капиталов», заключалась, главным образом, в избрании должностных лиц (кроме старост и их товарищей, проводились выборы, например, в члены сиротских судов) и утверждении годового финансового отчёта купеческого старосты, причём бюджеты местных купеческих обществ были весьма скудными (см.: приложение 12). Всё это определяло специфику купеческого самоуправления как структуры, не обладавшей самостоятельными полномочиями, что негативно влияло как на общий процесс консолидации обладателей гильдейских документов, так и на эффективность текущей деятельности их сословной организации. Нередко к работе своего общества купцы относились сдержанно, не проявляя должной ответственности даже в тех случаях, когда могли реализовать те или иные собственные интересы.

В повседневной жизни сказанное проявлялось в следующем. В «список лиц купеческого сословия, имеющих право участвовать в собраниях купеческого общества» г. Вятки, датированном 1878 г., было внесено 123 купца²⁹⁸. В нём значились сначала «потомственные почетные граждане, 1-й гильдии купцы», затем шли «1-й гильдии купцы», «2-й гильдии почетные потомственные граждане» и купцы второй гильдии. В то же время, в деятельности купеческого самоуправления в том году, если судить по явке купцов на собрания, активно участвовали только от семи до десяти человек (см.: приложение 13). Остальные своё отсут-

ствие на купеческих собраниях объясняли «отлучками», что, впрочем, вполне логично связано с особенностями их профессиональных занятий, болезнями и другими причинами²⁹⁹. Однако немалая часть купцов отстранялась от участия в собраниях без видимых причин, и из-за этого затягивались выборы купеческих старост, решение остальных вопросов, связанных с купеческим самоуправлением. Подобная картина не являлась редкостью³⁰⁰.

Индифферентное отношение многих купцов к деятельности сословного общества объяснялось ещё тем, что интересы предпринимателей выражали городские думы, имевшие широкое гильдейское представительство. Не случайно в конце XIX в. местные власти довольно скептически оценивали перспективу существования сословных организаций, отмечая: «...Все частные сословия, ремесленники, купцы и мещане тяготеют к городскому общественному управлению, которое не различает сословность, предоставляя лицам всех сословий принимать участие в городском управлении, пользоваться городскими угодьями, учреждениями по призрению, народному образованию и т. п.»³⁰¹.

Купцы также знали, что целый ряд вопросов, так или иначе относящихся к их сословию, решается именно городским самоуправлением. В декабре 1887 г. вятский городской голова Я. Н. Жирухин в письме старосте Михаилу Башмакову обратил внимание на выполнение городской управой таких функций, как «выдача всякого рода документов на купеческие промыслы», паспортов, ведение посемейных списков, привлечение для созыва купеческих собраний рассыльных управы, удовлетворение канцелярских потребностей купеческого самоуправления³⁰². Эти основания стали поводом для требования городского головы передать взимаемый с купцов денежный сбор на канцелярию купеческого старосты в управу «на общие расходы»³⁰³. Данный шаг отражал процесс постепенного слияния сословного самоуправления с общегородским.

Вялое участие купечества в работе сословного общества вело к серьёзным нарушениям действующего законодательства, на что губернаторы обращали внимание купеческих старост в своих циркулярных письмах. Так, губернатор Н. А. Тройницкий в марте 1878 г., отметив нарушения, указывал купеческим и мещанским старостам, ремесленным головам, что необходимо «неуклонно следовать установленному порядку при производстве вообще выборов, а именно: выбор производить непременно в начале каждого года, при полном числе избирателей, которых до начала выборов приводить к присяге в беспристрастном выборе ими лиц и присяжные листы представлять мне вместе с баллотировочными списками...»³⁰⁴

Тем не менее, купеческие сословные организации в городах Вятской губернии продолжали свою деятельность. В книгах «на записку исходящих бумаг Вятского купеческого старосты» за 1890–1892 гг. сохранилось в общей сложности 612 записей³⁰⁵, что свидетельствовало об устойчивости этого сословного института в тот период, тогда как в ряде губерний, включая Архангельскую, Олонецкую, Орловскую и другие, они закрылись к концу XIX столетия, а в некоторых регионах сохранялись лишь в губернских городах (Москва, Петербург, Тобольск, Оренбург, Самара и др.)³⁰⁶. В Вятской же губернии на рубеже веков купеческие общества работали в 11 городах, кроме Малмыжа.

В то же время, купеческие общества в регионе были обречены на угасание. Развитие буржуазных отношений в стране, правительственная политика второй половины XIX – начала XX в., в частности, Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г., подрывали основы существования сословного строя и вместе с ним его организаций. В дальнейшем свои коррективы внёс 1917 год, ликвидировавший наряду с сословиями и купеческое самоуправление. По Декрету советской власти от 11 ноября 1917 г., в соответствии со статьёй четвёртой, имущество купеческих обществ передавалось «немедленно... в распоряжение соответствующих городских самоуправлений»³⁰⁷. В документах отдела по управлению губернией Вятского губисполкома сохранилось распоряжение уездным исполкомам от 21 февраля 1918 г. о ликвидации сословий, гражданских чинов и сословных учреждений губернии со ссылкой на декрет³⁰⁸. Весной – летом того же года уездные исполкомы рапортовали о проведении его в жизнь (см.: приложение 23).

Таким образом, в XIX – начале XX в. в городах Западного Предуралья преобладало купечество «средней руки» с неоднородным составом и устойчивой корпоративной организацией, прошедшее путь от расцвета до своего постепенного упадка как сословной группы. Если первый период был связан с увеличением численности гильдейских купцов, стабильностью источников их пополнения, формированием сословного общества, то последний, стремительно проявившийся на рубеже XIX–XX вв. как следствие капиталистических изменений в стране, характеризовался сокращением числа гильдейских предпринимателей, сужением традиционных источников их пополнения, повышением среднего возраста и наличием неторгующих купцов. Обусловленный слабым развитием в Вятской губернии буржуазных отношений процесс угасания рассматриваемого сословия, свойственный для России в целом, в изучаемой местности шёл более медленными темпами, чем в центральной части страны.

Фактором ускорения развития деловой элиты как буржуазного слоя населения служила государственная политика второй половины XIX в. Вовлечённое в этот процесс купечество Вятско-Камского региона постепенно превращалось из верхушки феодального города в элиту буржуазии. Вместе с тем, многие купцы, в их числе наиболее влиятельные, не спешили расставаться со своим сословным званием, хотя, по законодательству, к концу столетия оно во многом стало декоративным.

Наш материал позволяет говорить о высокой степени устойчивости местных корпоративных феодальных обществ даже в конце XIX – начале XX в., что способствовало длительному сохранению сословных начал в системе социальных отношений на северо-востоке Европейской России и, соответственно, существенно замедляло консолидацию в единый класс провинциальной буржуазии, имевшей, как и повсюду, разное происхождение, но отличавшейся в силу социально-экономических особенностей развития территории слабым представительством дворянства. Сам же процесс формирования в регионе гильдейского купечества прошёл все основные этапы, характерные для этой социальной группы.

Примечания

¹ История предпринимательства в России. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 12–13, 18–26; История Удмуртии, конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С. 19.

² Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994. С. 153–163; История Удмуртии. С. 19.

³ Там же; Мокерова Е. Ю. К вопросу об использовании монет финно-угорскими и тюркскими народами Вятского края // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (к 625-летию г. Кирова) : материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 424–426.

⁴ Макаров Л. Д.: 1) Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. С. 5–6, 18–19; 2) Вольный характер (русские поселенцы на реке Вятке) // Родина. 2003. № 12. С. 40; История Удмуртии. С. 22–23.

⁵ Иванова М. Г. Указ. соч. С. 160–161. Автор, например, указывает: «Если в XII в. в погребальных комплексах бусы древнерусского производства идут ещё вместе с ранними, из заглушенного стекла, то в XIII в. они составляли абсолютное большинство... Металлографические исследования представительной серии изделий кузнечного производства чепецких памятников показали, что и в отношении технологии отчётливо прослеживается влияние Новгорода, крупнейшего европейского центра эпохи средневековья».

⁶ Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996. С. 26; История Удмуртии. С. 17–18, 23.

⁷ Торговая деятельность вятчан раннего периода зачастую сопровождалась разбоями и грабежами, наводившими страх на соседние земли: «Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих русских норманнов столько же, как и Болгария: лёгкие вооружённые суда их непрестанно носились по Каме и Волге» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V–VIII. Калуга, 1993. Т. V. С. 15). Соединение торговли с грабежом было характерно для средневекового купечества вообще и получило распространение с эпохи викингов.

⁸ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Прил. к 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 8.

⁹ Макаров Л. Д.: 1) Киров (Вятка): возникновение и первоначальное развитие города // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. [13 кн.]. Киров, 1994. Т. 1 : Города. С. 24; 2) Вольный характер. С. 42.

¹⁰ Московская рать во главе с князем Даниилом Щеней и боярином Григорием Морозовым, состоявшая из тверичей, владимирцев, устюжан, вологжан, двинян, вычегжан, каргопольцев, выходцев из других земель (были здесь и казанские татары), овладела Котельничем и Орловом, а затем подошла к Хлынову. Вятчане сначала пытались подкупить воевод, как они уже делали ранее, но безуспешно. «На утре вышли из града Хлынова первейшии граждане и знатные люди, – сообщает в Великоустюжской летописи, – просити, что бы войско Вятские земли не воевали и не роззоряли» (Сказания русских летописцев о Вятке // Тр. ВУАК, 1905. Вып. I, отд. II. Вятка, 1905. С. 121). Однако переговоры оказались тщетными. Хлыновцы не приняли условия москвичей, которые решительно потребовали «в глазах учинить присягу и крест в верности целовати, изменников же и бунтовщиков выдать» (Там же; Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 159). Воеводы отдали приказ о подготовке к штурму города. В этой ситуации жители Хлынова, не дожидаясь штурма, признали своё поражение и сдались на милость победителя. Трех вятских предводителей – Ивана Мышкина, Пахомия Лазарева, Павла Богодайшикова – отправили в Москву, где их ожидала печальная участь – битьё батогами и казнь через повешение.

¹¹ В 1489 г. из Новгорода было выселено, по некоторым данным, семь–восемь тысяч жителей, в том числе и купцы, обвинённые в заговоре против великокняжеского наместника, а туда, в свою очередь, были переселены купцы из Москвы, из Владимира-на-Клязьме и других городов (История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 66).

¹² Софийская II летопись. Цит. по: Сказания русских летописцев о Вятке. С. 41.

¹³ Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 76; Спасская Л. Н. Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Феодоровича Романова : ист. очерк : в память 300-летия царствования Дома Романовых // Тр. ВУАК, 1913. Вып. I–II, отд. I. Вятка, 1913. С. 91–92; Пермь торговая: Рынок – это целый мир / отв. ред. Л. А. Фадеева. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2002. С. 11.

¹⁴ Гавлин М. Л. Из истории российского предпринимательства: династия Строгановых. Аналитический обзор. М., 2003. С. 13–14.

¹⁵ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях // Земские соборы : ист. монографии и исследования. М., 1995. С. 70.

¹⁶ «Как ни затруднительны, как ни опасны были путешествия в глубине су-рового, негостеприимного, дикого северо-востока, однако польза, какую полу-чали от них торговцы, была столь велика, что заставляла их отважиться на все: в XVI веке в короткое время торговцы могли составить огромный капитал от таких поездок, потому что они выменивали ценные пушные меха на совершен-ную безделицу», – отмечал Н. И. Костомаров (Там же. С. 70).

¹⁷ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. III : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675–1680 гг. М. ; Л., 1951. С. 228, 233, 368.

¹⁸ Европейские государства, как известно, проявляли большой инте-рес к Беломорскому пути, начиная с экспедиции англичанина-мореплавателя Ричарда Ченслера, искавшего восточный путь в богатые Индию и Китай и в конце лета 1553 г. волей судьбы оказавшегося в устье Северной Двины, у Холмогор. Впоследствии англичане, чьим основным предметом торговли яв-лялось сукно, получили торговые привилегии и возможность заводить дворы и лавки в российских городах. В XVII в. в Архангельске проживала уже целая колония иностранцев. «Как говорят, сам по себе город невелик, но он славится из-за многочисленных купцов и заморской торговли. Ежегодно приезжают сюда голландские, английские и гамбургские суда с различными товарами», – писал современник (Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 341). Вятские купцы были для иностранцев одновременно и конкурентами, и партнёрами, так как и те, и другие добивались собственных выгод и были заинтересованы в развитии торговых контактов друг с другом.

¹⁹ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. I : Северный реч-ной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1636 гг. М. ; Л., 1950. С. 16, 163, 188, 272, 361–362, 368 и др.; Т. II : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1650–1656 гг. М., 1951. С. 14–15, 45–46, 171, 323, 333, 353, 370, 385, 470–471 и др.; Т. III. С. 12, 15, 18–19, 22, 26, 32–33, 174–175, 289, 410, 412–414 и др. Содержание таможенных книг XVII в., в частности устюжских и сольвычегодских, было проанализировано А. В. Эммаусским в работе «Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков» (Киров, 1956. С. 57–63) и П. Н. Лупшовым в книге «История города Вятки» (Киров, 1958. С. 100–104).

²⁰ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. II. С. 433; Ку-лишер И. М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. Челябинск, 2004. С. 460.

²¹ Так, в таможенной книге ношульской и обячевской таможен (1651 (7160) сентября 15 – 1652 (7160) г. апреля 29) говорится: «Генваря в 14 день из Си-бири вятчанин Вахромейко Яковлев с товарищем – на 2-х лошадех к Вятке, платили проезжую пошлину с саней по 8-ми д., з 2-х ч. проводников по 4 д. с человека, того 4 ал.» (Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. II. С. 470); в таможенной книге г. Устюга Великого (1652 (7161) г. сентя-бря 1 – 1653 (7161) г. августа 23) – «С Вятки Хлынова города Андрея Гостева племянник Андрей Петров приехал с Ваги на лошаде. Мяжкие рухляди явил

в проезд: томских соболей 35 сороков, 2300 хвостов соболей, 6 сороков 12 пупков соболей. И ту рухлядь оставил на Устюге, а сам поехал на переменной лошаде к себе к Вятке. Майя в 16 день Андрей Гостев повез ту всю рухлядь с собою к Архангельскому городу на чужем судне...» (Там же. С. 203).

²² Подробнее об этом см.: *Временник (Вятский)* // Тр. ВУАК, 1905. Вып. II, отд. II. Вятка, 1905. С. 59, 60, 62, 63.

²³ Эммаусский А. В.: 1) Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. С. 65–66; 2) История Вятского края в XII – середине XIX в. С. 71–72. Наиболее древней была Семёновская ярмарка, возникшая в 1607 г. и приуроченная к Семёнову дню – 1 сентября. Алексеевская ярмарка, появившаяся в середине XVII в., проходила в марте, до Алексеева дня (17 марта). Эти ярмарки сначала действовали несколько дней, но в связи с расширением товарооборота сроки их проведения увеличились до двух недель и более.

²⁴ Кулишер И. М. Указ. соч. С. 468–469.

²⁵ Древние акты. С. 58–59. О себе Илейка рассказывал, что родился он в Муроме, после смерти отца и матери увез его торговый человек в Нижний Новгород, где Илейка жил несколько лет, торгуя в лавках яблоками и горшками. Затем он ходил в кормовых казаках на купеческих судах, плавал по Волге до Астрахани и волей судьбы оказался на Вятке. Илейка пояснял: «А из Казани пошел на Вятку, нанялся на судне, в козаках, у вятчнина у торгового человека у Родиона Матфеева сына Котелникова и жил де на Вятке, в Хлынове у Родиона, полтора года; а с Вятки пошел в судех, Вяткою рекою до Волгою, на низ к Асторохани с товаром, в павозках вятчан торговых людей Родиона Котелникова да Федора Рязанцова» (Там же).

²⁶ Вятка : материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 6.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 13–14.

³¹ Купцы Грудцыны (Грудцыны) были в числе богатых устюжских торговых людей (вместе с Босыми, Ревякиными, Усовыми; Кулишер И. М. Указ. соч. С. 460).

³² Вятка : материалы для истории города. С. 14.

³³ Слободской город и посад по книге писма и меры Ивана Борисовича Дожинова да подьячего Ивана Кокушкина 7137 (1629) года // Тр. ВУАК, 1907. Вып. I, отд. I–II. Вятка, 1907. С. 15–17.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ Книга писцовая Орлова города с уездом 137 (1629) году // Книги писцовые городов Котельнича и Орлова с уездами письма и меры Афанасия Толочанова и Андрея Иевлева 137 (1629) года. Вятка, 1910. С. 4–5.

³⁶ Долгова С. Р., Санин О. Г. Город Орлов в XV–XVIII веках // История и культура Волго-Вятского края : (к 90-летию Вят. ученой арх. комиссии). Киров, 1994. С. 95.

³⁷ Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. I. С. 16, 18, 163, 243, 368, 397 и др.; Т. II. С. 13–14, 100, 171, 221, 246 и др.; Т. III. С. 16, 18–20, 22, 28–29,

32–33, 148–149, 161, 174–175, 289, 293, 410, 412–414, 433–434, 507, 530, 539, 542 и др. Фамилии купцов, содержащиеся в таможенных книгах, приводятся также в работах А. В. Эммаусского и П. Н. Луппова. См.: Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. С. 57–63; Луппов П. Н. Указ. соч. С. 100–104.

³⁸ Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. I. С. 18, 110, 127, 188, 243, 272 и др.; Т. II. С. 100, 246, 470–471 и др.

³⁹ Там же. Т. II. С. 100.

⁴⁰ Там же. С. 220.

⁴¹ Там же. С. 246.

⁴² По мнению М. Я. Волкова, наибольшее распространение капиталистические отношения в России в XVII – начале XVIII в. получили именно в речном судоходстве (Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966. С. 179–180).

⁴³ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. М., 1998. С. 452.

⁴⁴ Спасский Н. А. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения // Столетие Вятской губернии, 1780–1880. Т. I. Вятка, 1880. С. 176.

⁴⁵ Вятка : материалы для истории города. С. 38–117.

⁴⁶ Там же. С. 116–117.

⁴⁷ Вятка : материалы для истории города. С. 117. В петровский период численность привилегированного купечества сокращалась. Уже в 1722 г. в Хлынове проживали только «5 людей гостиной сотни» (Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 176).

⁴⁸ Вятка : материалы для истории города. С. 54.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 92.

⁵¹ Яковлева П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. : (экономика, политика и культура). М., 1966. С. 139.

⁵² Верещагин А. С. Купчина гостиной сотни Спиридон Лянгусов // Тр. ВУАК, 1905. Вып. V–VI, отд. III. Вятка, 1905. С. 233.

⁵³ О некоторых аспектах торгово-предпринимательской и общественной деятельности Балезиных повествуют работы: Низов В. В. «Волостные» и «земские люди» Балезины в середине XVI – начале XVII в.; Вятские торговые люди Балезины в первой половине XVII в. // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы III науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Т. I. Киров, 1995. С. 19–34. В. В. Низов полагает, что фамилия «Балезин» имеет нерусские корни и что эти торговые люди являлись выходцами из народов, населявших регион, – удмуртов, бесермян или арских татар. Христианские имена представителей этого семейства – Андрей, Иван, Дмитрий, Илья и другие – говорили об их русификации (Там же. С. 22–23).

⁵⁴ Там же. С. 19–20.

⁵⁵ Вятка : материалы для истории города. С. 9.

⁵⁶ Низов В. В. Вятские торговые люди Балезины в первой половине XVII в. С. 27–29.

⁵⁷ Там же. С. 31.

⁵⁸ Спицын А. А. История рода Рязанцевых. Вятка, 1884. С. 4–5.

⁵⁹ Там же. С. 7.

⁶⁰ Вятка : материалы для истории города. С. 2.

⁶¹ Верещагин А. С.: 1) Вятские выборы на Земских соборах 1613 и 1648–49 гг. // Тр. ВУАК, 1905. Вып. V–VI, отд. III. Вятка, 1905. С. 223–227; 2) Третий депутат от Вятки на Соборе 1613 года // Тр. ВУАК, 1906. Вып. I–II, отд. III. Вятка, 1906. С. 56–58.

⁶² Древние акты. С. 106.

⁶³ Рязанцев С. И. О потомственных солепромышленниках Рязанцевых // Отечество : общ.-лит. и ист.-красвед. альманах. 2004. № 3. С. 49.

⁶⁴ Верещагин А. С. Предисловие издателя // Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина, 1678–80 гг. Вятка, 1906. С. X.

⁶⁵ Древние акты. С. 213–214. О жалованной грамоте П. Рязанцеву упоминается в работе Н. Б. Голиковой (см.: Привилегированные купеческие корпорации России. С. 365–367). «Январская грамота, полученная П. Рязанцевым в 1682 г., – отмечает Н. Б. Голикова, – интересна тем, что составлялась по двум указам: по пражской корпоративной грамоте царя Алексея Михайловича суконной сотне и по новому указу Федора Алексеевича, вносившему в ее положения некоторые изменения. Насколько можно судить по краткой записи в грамоте П. Рязанцеву, целью указа Федора... являлось сближение верхушки суконной сотни с членами гостиной сотни» (с. 366); На эту же грамоту ссылался и В. Б. Перхавко (см.: История русского купечества. М., 2008. С. 180–181).

⁶⁶ Древние акты. С. 215.

⁶⁷ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 18–20; История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 141–144. В XVII столетии в Вятско-Камском регионе появились первые крупные мельничные и винокуренные производства. Одним из них стал купеческий винокуренный завод Аверкия Трапицына, работавший в Хлынове; были и другие винокурни (купцов Рылова и Злыгостева).

⁶⁸ Волков М. Я. Указ. соч. С. 180.

⁶⁹ Эммаусский А. В.: 1) Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. С. 37–38; 2) История Вятского края в XII – середине XIX в. С. 69–70, 98–99.

⁷⁰ В этой книге фиксировались сведения о расходах местного общества на различные дары светским и духовным властям, на содержание приказных служителей, прибывших из Москвы, на перевозку «государевой вятской денежной казны» и на подводы, например «для сыску церковных раскольников», на покупку дров и лучины «на восводский двор, и к земским избам, и к тюрьмам» и т. д. (Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина. С. 1–105).

⁷¹ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 329.

⁷² К примеру, в 1719–1722 гг. только с жителей Вятской провинции было собрано: на «канальные работы» 17 829 руб. 50 коп.; на «генеральный провиант для войск» – 32 984 руб. 57 коп.; на «морской провиант» – 3328 руб. 75 коп. (Андриевский А. А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нём

наместничества // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 74). Ранее, по правительственному предписанию, присланному бурмистрам в марте 1702 г., было «велено к г. Архангельску к строению новой крепости (на речке Малой Двинке. – М. С.) выслать с Вятки рабочих людей с припасами, с кирками, заступами и лопатами 2141 человек», а чуть позже «велено на Таганрог к строению города, гавани и магазейна нарядить кузнецов 490 человек... в том числе с Вятки 80 человек, дав им с миру помогу...»; в 1709 г. вятчане отправлялись на строительные работы в Петербург; и т. д. (Юрьев В. П. Вятская старина : материалы для истории Вят. края первой четверти XVIII в. Вып. I. Вятка, 1888. С. 44, 47, 114–115).

⁷³ Юрьев В. П. Указ. соч. С. 28.

⁷⁴ Там же. С. 29, 37–38.

⁷⁵ Речь идёт о городах Хлынове, Орлове, Котельниче, Слободском, Шестакове.

⁷⁶ Юрьев В. П. Указ. соч. С. 32–33.

⁷⁷ Там же. С. 122.

⁷⁸ Троицкий С. М. Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х годах XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 431–433. В своих челобитных жители городов указывали, что группа «первостатейных» купцов платит «по поверске и по расположению граждан» по 40, 70, 200 руб. и более с души, а, вместе с тем, значительная часть бедного населения полностью освобождена от тягла в силу своего проживания «за долги» у состоятельных людей (Там же. С. 433).

⁷⁹ Андриевский А. А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 75.

⁸⁰ Таможенным головой Г. П. Машковцев служил ещё в 1684 г., в 1685 г. за «заслуги в сборе государственной казны» он пожалован серебряным ковшом с дарственной надписью от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей, в 1705 г. избирался бурмистром.

⁸¹ Приложения к краткому очерку истории Вятского края до открытия в нем наместничества // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 84–85.

⁸² Там же; Луппов П. Н. Указ. соч. С. 124.

⁸³ Вештомов А. И. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год чрез 600 лет. Казань, 1907. С. 151; Спасский Н. А. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения. С. 171; Эммаусский А. В.: 1) Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. С. 38–41; 2) История Вятского края в XII – середине XIX в. С. 98–100.

⁸⁴ Комиссаренко А. И.: 1) Хлыновский городской рынок в 30–40-х годах XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 448; 2) Промысловые занятия и отход вятского крестьянства в первой половине XVIII в. // Вопросы аграрной истории : материалы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968. С. 394. В 1746 г. для вывоза хлеба в Ношуль было поставлено 7670 подвод, из них крестьянами Хлыновского уезда – 6360 подвод, Слободского – 880, Сольвычегодского – 195, Котельничского – 77, Орловского – 44, Устюжского – 34 (Там же).

⁸⁵ Комиссаренко А. И. Хлыновский городской рынок. С. 449.

⁸⁶ Луппов П. Н. Указ. соч. С. 130.

⁸⁷ Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 год. Ведомость об экспорте российских товаров / отв. ред. А. А. Преображенский ; сост. и автор введения А. В. Демкин. М., 1996. С. 115, 116, 117, 123, 125.

⁸⁸ Там же. С. 6.

⁸⁹ Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века). М., 1994. С. 237–238.

⁹⁰ Там же. С. 186–187.

⁹¹ Там же. С. 187.

⁹² Там же. С. 181–183. По данным таможенных книг, на долю Москвы, Макарьевской ярмарки и городов Поволжья приходилось три четверти и более отпуски товаров из Астрахани (Там же. С. 182–183).

⁹³ Вятская провинция, образованная по петровской реформе 1719 г., входила сначала в состав Сибирской губернии, с 1727 по 1780 г. – Казанской. На территории провинции располагались города Хлынов, Котельнич, Орлов, Слободской, Шестаков, Кайгород.

⁹⁴ Юхт А. И. Указ. соч. С. 37–39.

⁹⁵ Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX в. С. 108.

⁹⁶ Там же. С. 109.

⁹⁷ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. : (по материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 134.

⁹⁸ Там же. С. 209.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 174.

¹⁰¹ Цифровые данные приводятся по книге: Вештомов А. И. Указ. соч. С. 140–141, 163.

¹⁰² Комиссаренко А. И. Хлыновский городской рынок. С. 449–450.

¹⁰³ Вештомов А. И. Указ. соч. С. 140.

¹⁰⁴ Комиссаренко А. И. Хлыновский городской рынок. С. 447.

¹⁰⁵ Там же. С. 446–455; Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX в. С. 108.

¹⁰⁶ Комиссаренко А. И. Хлыновский городской рынок. С. 454.

¹⁰⁷ Например, таможенные реформы и учреждение в 1754 г. Купеческого банка. Важным являлся и тот факт, что в подготовке шуваловских преобразований принимали участие и сами купцы (см.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века : (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 293).

¹⁰⁸ Андрияйнен С. В., Каменский А. Б. Пётр Иванович и Иван Иванович Шуваловы // Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды. М., 2010. С. 28–30.

¹⁰⁹ Вместе с тем, процесс расширения экономических прав и возможностей купчества и в тот период был противоречивым. С одной стороны, правительство, к примеру, по реформе 1753 г. отменило внутренние таможенные пошлины, чем способствовало дальнейшему формированию капиталистического уклада, а, с другой, – приняло ряд указов, ущемлявших интересы купцов, в частности, была введена дворянская монополия на винокурение.

¹¹⁰ ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 98–105; Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова // Тр. ВУАК, 1907. Вып. II, отд. III. Вятка, 1908. С. 52–60.

¹¹¹ Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова. С. 54.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 54.

¹¹⁴ Там же. С. 57–58.

¹¹⁵ Там же. С. 59.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. С. 60.

¹¹⁸ Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II : очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 35.

¹¹⁹ Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 77–89.

¹²⁰ Соколов Н. Г. Наказы рязанского купечества депутатам Уложенной комиссии (1767–1768 гг.) // Российское купечество от средних веков к новому времени : тез. докл. науч. конф. М., 1993. С. 68–71.

¹²¹ Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 50–59.

¹²² ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 88–94, 96–96 об. В Уложенной комиссии он работал с сентября до начала декабря 1767 г., затем его заменил подьячий Яранской восводской канцелярии П. И. Карякин.

¹²³ ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 25 об.; Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. С. 42.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 490. Л. 27 об.

¹²⁵ Овсянкин Е. И. Указ. соч. С. 43.

¹²⁶ ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 21–22. В приложении 5 приводится именной список купеческого общества г. Вятки на 1781 г.

¹²⁷ ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 22–24 об.

¹²⁸ Там же. Л. 21–24 об.

¹²⁹ Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов : очерк его жизни и деятельности. СПб., 1910. С. 12.

¹³⁰ ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 141–146.

¹³¹ Там же. Л. 181–182; 221–222 об.

¹³² Там же. Л. 197–197 об., 215–215 об., 267–269, 317–319, 390.

¹³³ Это – экономические крестьяне бывшей архиерейской Бобинской вотчины Слободской округи, вотчин, деревень и слободок Успенского Трифонова монастыря в Вятском и Нолинском округах.

¹³⁴ ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 338–338 об., 413–414 об.

¹³⁵ Там же. Л. 338–338 об., 414 об.

¹³⁶ Там же. Д. 139. Л. 35 об.–36.

¹³⁷ Там же. Л. 32 об.–33.

¹³⁸ Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 368.

¹³⁹ Там же. Л. 150.

¹⁴⁰ Замятин Г. А. Указ. соч. С. 10–11.

¹⁴¹ ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 318–319.

¹⁴² Там же. Л. 261, 269.

¹⁴³ Там же. Л. 277, 390.

¹⁴⁴ Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 139. Л. 35 об.–36.

¹⁴⁵ Например, в конце XVIII в. крестьяне составляли около половины всех причисленных в рязанское купеческое сословие (Кусова И. Г. Рязанское купечество : очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 32–33).

¹⁴⁶ ПСЗ. I. Т. 20. № 15058. Согласно указу учреждалось Вятское наместничество в составе Вятского, Слободского, Котельничского, Орловского, Кайгородского, Глазовского, Нолинского, Яранского, Царёвосанчурского, Уржумского, Малмыжского, Елабужского и Сарапульского округов (уездов), которое позже, в 1796 г., было преобразовано в губернию. В XIX – начале XX в. в Вятской губернии насчитывалось 11 уездов и 12 городов (Вятка, Слободской, Котельнич, Орлов, Глазов, Нолинск, Яранск, Царевосанчурск, Уржум, Малмыж, Елабуга, Сарапул; г. Царёвосанчурск входил в состав Яранского уезда; с образованием губернии Кай (Кайгород) стал заштатным городом, в 1854 г. он был преобразован в село).

¹⁴⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Так, трудовая деятельность жителей г. Глазова, переименованного из «вотского села», была связана с хлебопашеством и поставками хлеба как в города и на заводы региона, так и за его пределы. В г. Нолинске, образованном из села Нолей, где жили черносошные и экономические крестьяне, основным занятием местного населения являлось земледелие. Жителями Елабуги были дворцовые крестьяне, занимавшиеся наряду с земледелием сплавом хлеба по р. Каме. Занятия населения преобразованного из слободы уездного города Сарапула соприкасались с промышленностью. В этом городе работали кожевенные и мыловаренные заводы, а в уезде – два крупных железоделательных завода (Ижевский, Воткинский).

¹⁵⁰ ГАКО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

¹⁵¹ Там же. Л. 15.

¹⁵² Там же. Л. 7–8.

¹⁵³ Там же. Л. 11–14 об.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 324.

¹⁵⁵ Там же. Л. 310.

¹⁵⁶ Бехтерев Н. П., Андриеский А. А., Спасский Н. А. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества, 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 220–221.

¹⁵⁷ Обухова Г. И. Крестьянство Удмуртии и его роль в формировании купечества края в XVIII в. // История, историография и источниковедение Удмуртии : сб. статей. Ижевск, 1992. С. 30, 37.

¹⁵⁸ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 453. Л. 4–17 об.

¹⁵⁹ Обухова Г. И. Указ. соч. С. 30.

¹⁶⁰ ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 324.

¹⁶¹ Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 484. Л. 37 об.

¹⁶² Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 317 об.

¹⁶³ Там же. Л. 150.

¹⁶⁴ Там же. Л. 151.

¹⁶⁵ Там же. Ф. 583. Оп. 600. Д. 453. Л. 11.

¹⁶⁶ Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 234 об.–235, 261.

¹⁶⁷ Там же. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 204.

¹⁶⁸ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 205–254 об.

¹⁶⁹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 205–254 об.

¹⁷⁰ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 216.

¹⁷¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 204. Этот же факт отметил А. В. Эммуасский: Экономическое развитие Вятской губернии в конце XVIII века : (по генеральным описаниям) // Учёные записки КГПИ им. В. И. Ленина. Вып. 19 : Кафедра отечественной истории. Киров, 1965. С. 23.

¹⁷² Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 196–197.

¹⁷³ Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 8–9.

¹⁷⁴ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

¹⁷⁵ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 2–8; Д. 104. Л. 77–81 об.; Д. 105. Л. 1 об.–3; Д. 107. Л. 13–20.

¹⁷⁶ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

¹⁷⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 9 об.–10.

¹⁷⁸ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 2–8; Д. 104. Л. 77–81 об.; Д. 105. Л. 1 об.–3; Д. 107. Л. 13–20.

¹⁷⁹ Свои капиталы купцы объявляли «по совести», и они не подлежали проверке со стороны государства. Суммы капиталов фиксировались в специальных документах, скрепленных подписью владельцев накоплений. В «столпе об объявлении на будущий 1790 год купеческих капиталов» записано: «Я, Стефан Машковцев, объявляю, что на наступающий 1790-й год с братьями и сыновьями имеем капиталу тринадцать тысяч пятьсот рублей, в том и подписуюсь», или «Иван Меншей Ласкин... объявляет капитала пять тысяч триста пятьдесят рублей, по просьбе его подписал брат его архангелогородской купец Иван Большой Ласкин», или «Я, Прозоров, имею собственного своего капиталу тысячу пятьдесят рублей»; и т. д. (ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 526. Л. 25–25 об., 27). В соответствии с законом, после объявления капиталов купцы платили процентные сборы, что, в конечном счете, и являлось основанием для включения их в ту или иную гильдию.

¹⁸⁰ Обухова Г. И. Указ. соч. С. 34.

¹⁸¹ Там же. С. 35; Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 93–100.

¹⁸² Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А. Указ. соч. С. 220–221; ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 205–254 об.; Здесь приводятся цифры о лицах мужского пола. Дело в том, что в тот период в официальной статистике использовались неоднородные единицы измерения. При подсчёте числа купцов учитывались то главы семей (основатели капитала), то все члены семьи мужского пола, записанные в гильдейское купечество, или все члены семьи (лица обоего пола). В данном случае для проведения сравнительного анализа использовались документы за 1782 г. и 1796 г. со сведениями обо всех лицах мужского пола, записанных в купечество.

¹⁸³ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188; II. Т. 38. № 39118; Т. 40. № 41779.

¹⁸⁴ Так, если по положениям о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. и от 9 февраля 1865 г. за свидетельство первой гильдии купцы платили 265 руб. в год, то за свидетельство второй гильдии ими, к примеру, в г. Вятке, как отнесённом к III классу, вносилось 45 руб., в г. Елабуге, Малмыже, Сарапуле, Слободском, Котельниче – 35 руб. (по IV классу), во всех остальных местных городах – 25 руб. (по V классу) (ПСЗ. II. Т. 38. № 39118; Т. 40. № 41779).

¹⁸⁵ См.: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 168. Л. 3 об.–4; Ф. 509. Оп. 2. Д. 1496. Л. 10–54; Д. 1522. Л. 70–90; Захаров В. В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1996. С. 14; Кусова И. Г. Рязанское купечество : очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 36; Овсянкин Е. Е. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 45–48.

¹⁸⁶ 200 лет Вятской губернии : стат. сб. Киров, 1996. С. 34; Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность : ист.-стат. сб. Киров, 2002. С. 12, 17–18.

¹⁸⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 115–116.

¹⁸⁸ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3820. Л. 1 об.–3, 14 об.–16, 21 об.–23, 44 об.–45, 46 об.–47, 61 об.–63. При подсчёте учитывалась категория «местные купцы».

¹⁸⁹ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4003; Д. 6053.

¹⁹⁰ В «Вятских губернских ведомостях» печатались сообщения о несостоятельности того или иного купца, объявленной по суду. В 1890 г. появились такие сообщения о купцах Ф. Е. Желвакове (Нолинск), Н. И. Куклине (Вятка), А. С. Родигине (Яранск), И. И. Гирбасове (Елабуга) (Вятские губернские ведомости. 1890. 3 янв. (№ 1); 6 янв. (№ 2); 22 дек. (№ 102)).

¹⁹¹ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4058. Л. 28, 44. Запись относилась к купеческому сыну Дмитрию Николаевичу Батусву, окончившему Петербургский университет.

¹⁹² Там же. Ф. 628. Оп. 17. Д. 20. Л. 114–114 об. Запись касалась купеческого сына Петра Михайловича Кулепетова, учившегося в Казанском университете. Из купеческого сословия Вятская казённая палата его исключила в 1894 г.

¹⁹³ Обзор Вятской губернии за 1877 год. Вятка, 1878. С. 34.

¹⁹⁴ ПСЗ. III. Т. 18. № 15601.

¹⁹⁵ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 год. Отд. I. Вятка, 1913. С. 25.

¹⁹⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004. С. 223, 294–299.

¹⁹⁷ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6045. Л. 1–4; Д. 6053. Л. 2–3 об.

¹⁹⁸ Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 336. Л. 22–26 об.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6052. Л. 2–8.

²⁰¹ Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 336. Л. 22–26 об.

²⁰² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905. С. 16–19.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Для сравнения: удельный вес купцов в Европейской России был 0,3 %, в Царстве Польском – 0,1 %, в Сибири – 0,2 % (Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 227–228).

²⁰⁵ Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 196–197.

²⁰⁶ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 12. Л. 156 об.–157.

²⁰⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Краткие общие сведения по империи. С. 16–17.

²⁰⁸ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3737. Л. 1–11.

²⁰⁹ Там же. Д. 3776. Л. 1–41.

²¹⁰ Там же. Д. 3851. Л. 1–97. В 1865 г. почётные граждане – купцы первой гильдии проживали: в Вятке (2 семьи), Елабуге (1), Малмыже (1), Орлове (1), Слободском (2), входившие во вторую гильдию – в Вятке (5 семей), Котельниче (1), Нолинске (2), Орлове (5), Слободском (5); Там же. Д. 4058. Л. 1–74. В 1881 г. почётные граждане – купцы первой гильдии жили в Вятке (2), Елабуге (1), Котельниче (4), Слободском (1), Яранске (1), второй гильдии – в Вятке (1), Глазове (2), Елабуге (3), Малмыже (5), Нолинске (2), Орлове (2), Слободском (8); Там же. Д. 4782. Л. 1–61. В 1905 г. почётные граждане – купцы первой гильдии – в Вятке (1), Елабуге (1), Котельниче (1), Сарапуле (3), Слободском (1), во второй – в Вятке (1), Глазове (3), Малмыже (3), Нолинске (3), Орлове (1).

²¹¹ ПСЗ. I. Т. 29. № 22418.

²¹² ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 149. Л. 6, 11 об. – 12 (это были семьи: в г. Вятке – Василия Рязанцева, в Слободском – Николая и Ильи Платуновых, Луки и Алексея Косаревых, в Орлове – Феофиста Изергина, Ивана Ивановича и Ивана Петровича Синцовых, Егора Булычёва). В разряд же первоначальных купцов, по данным на 1810 г., входил Ксенофонт Анфилов (г. Слободской), объявивший капитал в сумме 50 400 руб. (ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 38. Л. 9).

²¹³ Там же. Д. 3776. Л. 1–41. Речь идёт о главах семей, объявивших капиталы. Влияние податных сословий на формирование, прежде всего, третьегильдейского купечества прослеживалось и в других регионах, в частности, в Ярославской губернии (ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 168. Л. 3 об. – 4).

²¹⁴ Лигенко Н. П.: 1) Торгово-предпринимательская деятельность купечества Удмуртии (60–90-е гг. XIX в.) // Очерки истории Удмуртии XIX века: сб. статей. Вып. 3. Ижевск, 1996. С. 226–232, 243; 2) Купечество Удмуртии, вторая половина XIX – начало XX в. Ижевск, 2001. С. 36–51.

²¹⁵ Лигенко Н. П. Торгово-предпринимательская деятельность купечества Удмуртии. С. 231–232, 243.

²¹⁶ Например, купцом первой гильдии г. Вятки был потомственный дворянин Я. А. Прозоров с сыном Алексеем Яковлевичем. Дворянское звание у них являлось приобретённым. С 1882 г. Прозоров-старший выбыл из купечества «за смертью», а его сын – «за невозобновлением купеческого свидетельства с званием купца» (ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4058. Л. 2, 3 об.–4).

²¹⁷ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4782. Л. 1–118; и др.

²¹⁸ Там же. Д. 3776. Л. 3 об.–4, 20 об.–21; Д. 3789. Л. 54 об.–55; Д. 4058. Л. 44 об.; Д. 4782. Л. 9 об.; Ф. 582. Оп. 6. Д. 60. Л. 12. Например, в 1882 г. в купеческое

общество Вятской губернии записались пятеро иногородних: трое – из Пермской, один – из Ярославской и один – из Вологодской губернии, в 1905 г. – один человек из крестьян Симбирской губ.) (ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4058. Л. 15 об., 38 об., 43 об., 44 об., 62 об.; Д. 4782. Л. 9 об.).

²¹⁹ Там же. Д. 3776. Л. 3 об.–4, 8 об.–9, 11 об.–13, 14 об.–15, 19 об.–20, 23 об.–25.

²²⁰ Там же. Д. 4058. Л. 4–5, 16–17.

²²¹ Там же. Д. 4782. Л. 17.

²²² Там же. Д. 3776. Л. 4 об.–5, 9 об.–10, 15 об.–16, 20 об.–21, 24 об.–25, 27 об.–28; Д. 3789. Л. 3 об.–4; Д. 3890. Л. 1–83; Д. 4058. Л. 5, 16 об., 22, 27 об., 33 об., 43 об., 56 об., 62 об.; Д. 4782. Л. 4 об.; Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 305. Л. 146–146 об.; Оп. 6. Д. 60. Л. 12.

²²³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X : Вятская губерния. СПб., 1904. С. 244.

²²⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 242–244.

²²⁵ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3737. Л. 6 об.–7; Д. 3776. Л. 17 об.–20; Д. 3833. Л. 32 об.–34, 36 об.–37, 40 об.–41, 42 об.–43; Д. 4121. Л. 23 об.–24; Д. 4782. Л. 25 об.–26.

²²⁶ Там же. Д. 3776. Л. 17 об.–18.

²²⁷ Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 191; Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. С. 29.

²²⁸ Там же.

²²⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 60. Л. 17 об.

²³⁰ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3820. Л. 19 об.–20; Д. 4058. Л. 2 об.–3, 12 об.–13; Д. 4782. Л. 3 об.–4, 11 об.–12.

²³¹ Там же. Д. 4782. Л. 3 об.–4. Семья Певзнер записалась в вятское купечество в 1901 г. из московской второй гильдии (ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4641. Л. 75 об.).

²³² Там же. Д. 4782. Л. 64 об.–65.

²³³ Там же. Ф. 628. Оп. 6. Д. 591-а. Л. 30 об.–35; Л. 40 об.–44.

²³⁴ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 2. Д. 1515. Л. 28–55; Д. 1522. Л. 70–90. Например, в 1908 г. из 35 семей, объявивших капитал по первой гильдии, 20 имели еврейское происхождение (Готтлиб, Брайнин, Марголин, Конторович, Гафт, Черняк, Мильман, Шефтель, Райхлин, Левинсон и др.), тогда как в самом начале XX в. их было только два.

²³⁵ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 203–211.

²³⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 44. Д. 286. Л. 1, 6.

²³⁷ Там же. Д. 3890. Л. 23 об.

²³⁸ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 242.

²³⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X. С. 2–3.

²⁴⁰ Подсчитано по материалам «Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г.» (Т. X. СПб., 1904. С. 2–3, 244).

²⁴¹ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 12. Л. 158 об.–159.

²⁴² Как полагают исследователи, официальные сведения о численности старообрядцев не являлись точными, поскольку последние из-за преследований со стороны светских и духовных властей нередко скрывали свою истинную веру. Так, по переписи 1897 г. в России было 2,2 млн старообрядцев и сектантов, а, по

мнению специалистов, их насчитывалось не менее 20 млн чел. (Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 246).

²⁴³ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 130. Л. 43 об.–44.

²⁴⁴ История предпринимательства в России. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 218–219.

²⁴⁵ Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 208.

²⁴⁶ Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. V. Вятка, 1870. С. 118.

²⁴⁷ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. С. 190.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 72. Л. 19 об.; Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии. С. 146.

²⁵⁰ Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии. С. 145–146.

²⁵¹ В 1870 г. сообщалось: «Торговая деятельность орловского купечества с Архангельским [портом] производится чрез Ношульскую и Быковскую пристани, находящиеся на р. Лузе, и Подосиновскую – на реке Юге. На эти пристани товар доставляется зимним путем и сплавляется с открытием навигации к Архангельскому порту. Развитию торговли, однако же, много препятствует: дурное состояние зимних дорог, ведущих к пристаням, высокая провозная цена и мелководье рек Лузы и Юга, которые судоходны на самое короткое время, в полную весеннюю воду, но и тогда много нужно искусства и осторожности, чтобы сохранить судно от крушения» (Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии. С. 145–146).

²⁵² ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 202–202 об.; Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. III. Вятка, 1870. С. 37–40.

²⁵³ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6052. Л. 2–8.

²⁵⁴ Там же. Д. 6053. Л. 2 об.–3 об.; Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 277, 390; Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. III. Вятка, 1870. С. 36–37.

²⁵⁵ Предпринимательство и предприниматели России. С. 39–40.

²⁵⁶ Аксёнов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. : (из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 142; История предпринимательства в России. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 211; Ульянова Г. Н., Шацкило М. К. Вступительная статья // Бурышкин П. А. Москва купеческая : мемуары. М., 1991. С. 18; Барышников М. Н. История делового мира России. М., 1994. С. 50; Краско А. В. Петербургское купечество: страницы семейных историй. М., 2010. С. 6.

²⁵⁷ Подробнее см.: Любимов В. А. Деловой мир старой Вятки : словарь // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 139–158.

²⁵⁸ ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 776–776 об.; [Сказание] о Царевоконстантиновской церкви // Тр. ВУАК, 1905. Вып. II, отд. III. Вятка, 1905. С. 39.

²⁵⁹ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 5–5 об.; 1000 лет русского предпринимательства : из истории купеческих родов. М., 1995. С. 369.

²⁶⁰ «Ныне к вам прибегаю»: жизнеописание соловецкого инок Афанасия, написанное им самим. Архангельск ; М., 2008. С. 9.

- ²⁶¹ Маслова И. В. Купеческая династия Стахесвых. Елабуга, 2007. С. 22.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3937 – «Дело по прошению вятского 1-й гильдии купца Якова Алексеева Прозорова о возведении его с семейством в потомственное почетное гражданство. 1860 г.».
- ²⁶⁴ Кошесова В. И. Яков Алексеевич Прозоров, вятский первой гильдии купец, потомственный почётный гражданин, коммерции советник, меценат вятского просвещения // Тр. областного музея истории народного образования. Т. 1, вып. 1. 2-е изд., испр., доп. Вятка, 2000. С. 5.
- ²⁶⁵ Рева А. В. Верность традициям : (к истории Торгового дома Александровых). Киров, 1998; Любимов В. А. Указ. соч. С. 140; Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. С. 137–144.
- ²⁶⁶ Панькова С. Н. Купцы с Примоломья : из истории рода Кардаковых // Герценка: вятские записки. Вып. 1. Киров, 2000. С. 103–117.
- ²⁶⁷ Есиева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.). Набережные Челны, 2007. С. 12–14. Данный факт подтверждается и тем, что на могиле Егора Ушкова был установлен памятник с надписью «Родоначальнику династии Ушковых» (Там же. С. 14).
- ²⁶⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5008 – «Дело по прошению елабужского 1-й гильдии купца Капитона Ушкова о возведении его с семейством в потомственное почетное гражданство. 1859 г.».
- ²⁶⁹ Есиева И. В. Указ. соч.; Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. : коллективная монография. Ижевск, 2008. С. 26–56, 203–227, 256.
- ²⁷⁰ Рева А. В. Вахрушвы // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Т. 6 : Знаемые люди : (биограф. словарь). Киров, 1996. С. 78.
- ²⁷¹ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3 об., 4 об., 8; Ф. 499. Оп. 1. Д. 17. Л. 53.
- ²⁷² Кизеветтер А. А. Гильдия московского купечества : ист. очерк. М., 1915. С. 19. Эти должности упоминались и в «Инструкции московского купечества первой, второй и третьей гильдии старшинам и старостам с товарищи», получившей силу закона 19 января 1742 г. (ПСЗ. I. Т. 11. № 8504).
- ²⁷³ Там же. С. 1–2.
- ²⁷⁴ ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 26 об.; Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II : очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 50–51. Документ датируется 1771 г.
- ²⁷⁵ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.
- ²⁷⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 87.
- ²⁷⁷ Там же. С. 86–91.
- ²⁷⁸ Свод законов о состояниях. Изд. 1899 г. // Свод законов Российской империи. Кн. II, т. V–IX. 2-е изд. СПб., 1913. Т. IX. Ст. 589.
- ²⁷⁹ Там же. Ст. 592–594.
- ²⁸⁰ Там же. Ст. 595.
- ²⁸¹ См.: ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 1. Л. 1–135 об.; Д. 4. Л. 1–76; Д. 12. Л. 1–174 об.; Д. 20. Л. 1–114 об.; и др.
- ²⁸² Там же. Д. 1. Л. 23.

²⁸³ Там же. Л. 26, 53, 57, 78–79 об., 111.

²⁸⁴ Там же. Л. 130–130 об., 135–135 об.

²⁸⁵ Там же. Д. 20. Л. 34–35, 39, 54.

²⁸⁶ Там же. Л. 63–100 об.

²⁸⁷ Там же. Ф. 582. Оп. 43. Д. 66. Л. 5, 10, 14.

²⁸⁸ Там же. Л. 15.

²⁸⁹ Там же. Ф. 587. Оп. 3. Д. 98. Л. 10–10 об., 12.

²⁹⁰ Так, 2 июля 1894 г. староста П. Г. Тихонов получил на такое прошение ответ следующего содержания: «...Со стороны губернского начальства не встречается препятствий к увольнению Вас в отпуск на один месяц внутри Империи с тем, чтобы на время этого отпуска обязанности купеческого старосты по купеческому управлению были переданы Вами кандидату купеческого старосты, купцу Николаю Ухову» (ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 20. Л. 47).

²⁹¹ Свод законов о состояниях. Т. 9. Ст. 591.

²⁹² ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 4. Л. 3.

²⁹³ Там же; Свод законов о состояниях. Т. 9. Ст. 595.

²⁹⁴ Подробнее об этом см. в параграфе 6.1 «Благотворительные инициативы, меценатство».

²⁹⁵ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 11. Л. 66–67. В документе содержатся подписи 35 купцов.

²⁹⁶ Вятская губерния в годы Русско-японской войны : [хроника событий] // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2005 год : информ.-стат. сб. Киров, 2005. С. 195.

²⁹⁷ Свод законов о состояниях. Т. 9. Ст. 531.

²⁹⁸ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 12. Л. 32–68. В документе значится 122 купца, хотя в списке называется 123 имени (два купца – Н. И. Ухов и И. И. Ермолин – записаны под одним номером. Л. 39 об.–40).

²⁹⁹ Там же. Л. 69–75 об.

³⁰⁰ В 1880 г., например, собрание по выборам вятского купеческого старосты созывалось дважды: 18 и 27 марта. На первое собрание явились только три купца (выборы в тот день не состоялись), на второе – 14 вместо приглашённых 102 купцов (ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 10. Л. 9, 11–15, 16). 21 января 1894 г. на собрание по выбору вятского купеческого старосты явилось три купца, на повторное, состоявшееся 4 февраля, – 17 (ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 20. Л. 6, 11); и таких свидетельств немало.

³⁰¹ История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 220–221.

³⁰² ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 19. Л. 59.

³⁰³ Там же. Л. 59–59 об.

³⁰⁴ Там же. Д. 12. Л. 11–11 об.

³⁰⁵ Там же. Оп. 17-а. Д. 12. Л. 1–32.

³⁰⁶ История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 220. По данным Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, из 289 городских поселений, учтённых на рубеже XIX–XX вв. в ходе обследования МВД купеческого, мещанского и ремесленного сословий, купеческие общества действовали только в 119, или в 41,2 % (Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 90).

³⁰⁷ Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 72.

³⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ МЕСТНОГО КУПЕЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, СПЕЦИФИКА

4.1. Торгово-предпринимательская деятельность в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.

В отечественной историографии представители купеческого сословия называются «душой отечественного предпринимательства», «символами русского предпринимательства» и т. п.¹ Ставшая главным профессиональным занятием купцов торгово-предпринимательская деятельность обычно являлась мерилom и содержанием всей их жизни. После оформления правового статуса гильдейского купечества её основные направления определялись в законодательных документах², и, вместе с тем, в зависимости от региона профессиональные занятия этой группы населения имели свою специфику.

В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. наиболее значительные купеческие капиталы в Вятской губернии складывались преимущественно на основе оптовой торговли. Обычно в осенне-зимний период, когда традиционно устанавливались невысокие цены на сельскохозяйственную продукцию, купцы первой и второй гильдий вели её скупку для дальнейшей отправки за пределы губернии. Являясь посредниками, они обеспечивали себе торговую прибыль на разнице между покупной и продажной ценой, и эта форма накопления капиталов широко практиковалась гильдейскими предпринимателями России в целом³.

Во внешней, отпускной торговле купцов Вятско-Камского региона преобладали хлеб, мука, различные крупы, лён, льняное семя, сало, кожи, поташ. Так, в 1780-е гг. коммерческая деятельность верхушки купечества г. Вятки сопровождалась закупкой у мелких торговцев и крестьян «во оном губернском городе Вятке и уездных по здешнему наместничеству городах в зимнее время» говяжьего сала («топленного и сырцом»), кож («говяжьих сырых и выделанных»), льняного семени, «разных хлебных припасов», а некоторые купцы, по свидетельству документа, «и в других губерниях закуп одного сала имеют»⁴. В те же годы купцы уездных городов скупали для отправки в другие города хлеб, ячную

и овсяную крупы, толокно, льняное семя, сало, кожи, юфть, «пышные товары», холст, мёд, воск (Слободской); хлеб, льняное семя, кожи, сало (Орлов)⁵. В начале XIX в. для «отправления к порту Архангельскому и в низовые города» местная деловая элита производила закупку ржи, пшеницы, овса, ржаной муки, льна, льняного семени, пеньки, сала, ячной и овсяной круп, ржаного солода, толокна, кожи, поташа⁶.

Ассортимент вывозимых купцами товаров отражал, прежде всего, экономические особенности региона. «Главнейший в Вятской губернии торг производится хлебом разных родов», – читал в 1834 г. вновь прибывший сюда губернатор К. Я. Тюфяев, и, вместе с тем, в том же отчёте говорилось, что, помимо хлеба, из региона отправлялись поташ, железо, чугун, медь, сало, мыло, сальные свечи, писчая бумага, лён, льняное семя, пенька, щетина, дёготь, меха, кожи, лес, деревянные изделия⁷. Несмотря на увеличение в течение XIX столетия в вятском экспорте доли промышленных товаров, «главным же товаром отпускной торговли (местных купцов. – М. С.) всегда были – как это и ныне – произведения сельского хозяйства», – отмечалось в 1880 г.⁸ Аграрная специализация губернии, традиционная для северо-востока Европейской России, слабое развитие здесь промышленного производства определяли основные черты и внутренней, и внешней торговли изучаемой территории.

География торговых контактов купцов-оптовиков Вятско-Камского региона была обширной. В документах последней четверти XVIII – первой половины XIX в., кроме названного выше Архангельска, являвшегося одним из основных мест сбыта вятских товаров, упоминаются города: Астрахань, Оренбург, Казань, Саратов, Петербург, Рига, Рыбинск, Кострома, Ярославль, Москва, Екатеринбург, Тобольск, Иркутск, а также Макарьевская, Ростовская и Ирбитская ярмарки⁹. Интересен эпизод, связанный с торговлей в конце XVIII в. слободских купцов: «...А иногда, – отмечается в документе, – также торг производят в Камчатке и на китайской границе, в Кяхте, мелкою рухлядью, соболями камчатскими, бобрами, лисицами, куницами всяких родов»¹⁰.

В тот период, как видим, купечество имело торговые отношения практически со всеми крупными экономическими центрами России, включая столичный и северный регионы, Поволжье, а также Урал и Сибирь, но, в то же время, в формировании наиболее значительных гильдейских капиталов огромной была роль, прежде всего, торговли с Архангельском и Астраханью. В Топографическом описании Вятского наместничества 1784 г. эти города называются основными местами вывоза вятского хлеба¹¹.

Коммерческие связи с Архангельском и Астраханью осуществлялись, как и ранее, «водяною коммуникацией». В торговле региона с Русским Севером первостепенное значение сохраняла Ношульская пристань, располагавшаяся в Вологодской губернии (в 180 верстах от г. Вятки), где сложилась особая купеческая инфраструктура (имелись складские помещения, производилась постройка судов). Основными сухопутными путями, соединявшими Вятский край с другими местностями, являлись Сибирский, Московский, Казанский и Пермский¹². Кроме того, сухопутными торговыми путями были связаны все города Вятской губернии. К середине XIX в. здесь насчитывалось не менее 18 крупных торговых трактов как внутреннего, так и внешнего сообщения¹³. К пристаням на рсках Лузе и Юге, откуда погруженные в барки купеческие товары отправлялись к Архангельскому порту, вели Вятско-Ношульский, Слободско-Ношульский и Орловско-Ношульский тракты.

Доставленная купцами экспортная продукция сбывалась как российским, так и иностранным предпринимателям и отправлялась «за свой счет в чужие края»¹⁴. Традиционными для региона импортёрами были государства Северной Европы – прежде всего, Англия и Голландия. Местная продукция поставлялась также в Норвегию, немецкие города.

Чаще всего вятские купцы становились участниками посреднической торговли, то есть производили продажу своих товаров в порту и одновременно там же покупали иностранные для продажи в России. Самостоятельную за границей торговлю вели лишь некоторые из них, наиболее состоятельные и предприимчивые купцы первой гильдии: слобожане – Ксенофонт Анфилатов, входивший, по данным Б. Н. Миронова, в число русских купцов (всего их насчитывалось около 20), осуществлявших свои коммерческие операции через Петербург, и имевший в конце XVIII – начале XIX в. внешнеторговый оборот в сумме 229 тыс. руб.¹⁵, Платуновы, торговавшие через Архангельский порт, Фёдор

*Слободской купец
Ксенофонт Алексеевич
Анфилатов.
Портрет (холст, масло)*

Попов, привозивший товары (в их числе – сало, постное масло, пеньку, поташ, сальные свечи) в Архангельский, Петербургский и Рижский порты «для заморского отпуска»; купцы г. Вятки – братья Машковцевы во главе с Афанасием и Степаном Яковлевичами (торговали «под фирмою Якова Машковцева сыновья»), отправлявшие свои товары преимущественно через Ношульскую пристань к Архангельску и далее за рубеж, Иуда Колошин, поставлявший сало и поташ в Лондон; малмыжские купцы Утямышевы, вывозившие железо, юфть, медь, «голанские цервонцы», «канцелярское семя» через Оренбургскую и Троицкую таможни в Среднюю Азию (Бухару, Ташкент, Хиву); и некоторые другие¹⁶.

По словам С. Ф. Огородникова, в самом начале века, «к 1804 г. в Архангельске имелись 4 русские коммерческие конторы, ни в чём не уступавшие иностранным: Алексея Попова с сыновьями, Степана Митрополлова, Ксенофонта Анфилатова и Павла Дудина»¹⁷. Более того, с 1802 г. вологодский купец Митрополов и вятский Анфилатов «имели даже... свою торговую контору в Лондоне»¹⁸. Общей тенденцией в развитии внешних экономических связей России в конце XVIII – начале XIX в. являлось усиление в ней роли отечественного купечества, интенсивное освоение среднеазиатского рынка¹⁹, и все эти процессы, как видим, отразились и в истории регионального предпринимательства.

В начале XIX в. вятские купцы одними из первых установили торговые контакты с молодым государством, у которого в России ещё не было дипломатического представительства, – с Северо-Американскими Соединёнными Штатами. В навигацию 1806 г. слободской купец К. А. Анфилатов отправляет в Штаты два корабля: один – «Иоганнес Баптист» выходит из Архангельска в Нью-Йорк, другой – «Эрц-Энгель Михаель» – из Петербурга в Бостон²⁰.

«Мое желание, – писал в декабре 1805 г. Ксенофонт Алексеевич, – стремиться начать торговлю непосредственно в Северо-Американские области и доставить туда наши продукты и товары, а напротив того привозить оттоле тамошние произведения на собственных российских кораблях...»²¹. И этот план, несмотря на множество сложностей, постигших его торговую экспедицию, был успешно реализован: отправив в Америку «разный российский товар», приказчики Анфилатова привезли оттуда сахарный песок, кофе, какао, шоколад, мускатный орех, ром, ликёр и другие колониальные товары. В результате слободской купец получил миллионную прибыль.

Без заинтересованности и мощной поддержки со стороны правительства Анфилатову вряд ли удалось бы в короткий срок организовать и осуществить столь значимую экспедицию²². С позволения Александра I его ко-

рабли были освобождены от уплаты таможенных сборов, и, более того, из государственной казны для осуществления плавания Ксенофонт Алексеевич получил пособие в размере 200 тыс. руб., а впоследствии ему разрешили ввезти в Россию некоторые «запрещенные товары»²³. В 1809 г. Анфилатов отправил в Америку новый торговый караван, но тот бесследно исчез. Континентальная блокада Англии, оккупация Бонапартом Голландии привели к падению внешнеторговых оборотов России и объективно способствовали поиску русскими предпринимателями новых деловых партнёров, что и прослеживалось в деятельности Ксенофонта Алексеевича.

Возможность ведения купцами самостоятельной внешнеторговой деятельности, осуществляемой посредством владения или фрахтования ими судов²⁴, зависела от многих факторов: спроса на сельскохозяйственное сырьё на европейском рынке, развития коммерческого кредита, наличия свободных капиталов у самих предпринимателей и т. д. Временем «цветущего состояния» отпускной торговли Вятской губернии стала первая четверть XIX в., когда, несмотря на континентальную блокаду, к которой присоединилась и Россия, спрос на местные товары в Архангельском порту не уменьшился. В этот отдалённый от Запада порт шли английские корабли под американским флагом. «Тайна и поспешность, с какими действовали англичане, благоприятствовали выгодам вятских торговцев, которые нередко получали рубль на рубль прибыли», – говорилось три десятилетия спустя в «Вятских губернских ведомостях»²⁵.

Выгодно на развитие внешней торговли сказались и неурожаи в Европе 1810-х гг. и последующих лет. Обороты торговли купцов Вятской губернии с Архангельским портом в тот период весьма возросли, превысив сумму пять миллионов рублей ассигнациями: в 1814 г. – 5 815 186 руб., в 1817 г. – 5 073 817 руб., в 1818 г. – 5 213 658 руб., а в 1819 г. они составляли 6 579 780 руб. (для сравнения: в 1801 г. – 805 738 руб., в 1802 г. – 1 500 500 руб., в 1803 г. – 1 428 940 руб., в 1804 г. – 1 189 390 руб., в 1805 г. – 1 344 960 руб.)²⁶. Большие партии сельскохозяйственной продукции отправлялись за рубеж во время неурожая в Европе и Малой Азии середины 1840-х гг. Так, в 1845 г. восьмью торговыми домами г. Вятки (Микулина, Машковцевой, Гусева, Юрасова, Репиной, Митягина, двумя фирмами Прозоровых) на 48 судах в Архангельск было вывезено около 998 тыс. пудов хлеба и льняных товаров²⁷.

Учитывая эти цифры, нужно иметь в виду, что часть товаров, привозимых купцами в портовые города, реализовывалась и «для местного продовольствия». В Архангельске вятским хлебным товаром снабжались находившиеся там военные, делались закупки для жителей города. Купцы продавали свой хлеб и поморам, развозившим его «по берегам

Белого моря для жителей, занимающихся ловлей рыбы и зверей»²⁸. Не случайно получила известность поговорка: «Вятка – хлебу матка, в Вятке недород – в Архангельске голод».

Вывозная вятская торговля в этот город находилась в сильной зависимости и от устройства путей сообщения, особенно дорог на пристани и состояния в весенний период рек Лузы и Юга. Что касается дорог, то они, по свидетельствам очевидцев, не то что оставляли желать лучшего, а характеризовались как находившиеся в «бедственном положении»²⁹. Так, в 1840–1850-е гг. зимняя дорога в Ношуль была покрыта «огромными ухабами и раскатами с обеих сторон... По такой-то дороге тянутся обозы с товарами несчастных наших возчиков на измученных лошадях, поддерживая постоянно воз своими руками, а по сторонам представляются им зрелища павших лошадей, изломанных саней и оглобель, оставленных подобными им тружениками» (слова купца Я. А. Прозорова)³⁰. Такая ситуация повышала цену на товар: например, в 1846 г. «провоз на пристани стоил то же, что и самый товар на месте»³¹.

Коварство рек Лузы и Юга проявлялось в их извилистости, мелководье, быстром спаде весенних вод. «Речонка эта – Луза прозывается – препакозная: дней восемь или десять только и судоходство по ней, а плыть приходится до Устюга целую неделю: пропустил тут час, ну и бедствуй. Да и не пропустишь свое время, так и то плыть по ней наказанье...»³², – читаем у Салтыкова-Щедрина, находившегося в вятской ссылке в середине XIX столетия. «В 1848 г., – вспоминал орловский купец А. Н. Кузнецов, – все товары по мелководью остались на пристанях, а в 1851 году, по высокой воде, употребив много времени на сплав, большая часть ношульских барок замелела на Югу в 20-ти верстах от Устюга, и товар все же нельзя было доставить в Архангельск»³³. Тем не менее, эти неблагоприятные условия не останавливали купцов, хотя и не могли не влиять на ход их профессиональной деятельности.

Среди приоритетных направлений вятской отпускной торговли являлись также Ирбитская и Нижегородская (Макарьевская) ярмарки: на первую отправлялись воск, мёд, сукно, холст, шубный товар, на вторую – различные меха (белка, заяц, лисица, ласка и др.), ткани³⁴. Факты участия в работе крупных ярмарок купечества изучаемого региона не остались незамеченными даже иностранцами: «Как место собрания купцов из главных городов империи, Нижегородская ярмарка имеет большое влияние на торговлю России вообще, и в особенности на Москву, Санкт-Петербург, Казань, Астрахань, Сибирь, Грузию, Вятку, Ярославль, Кострому, Саратов и прочие...» – писал француз Леконт де Лаво, побывавший на этой ярмарке в 1827 г.³⁵

Осуществляя торговые операции за пределами региона, купцы производили закупку товаров для поставки на местные городские и сельские рынки. Представители крупного бизнеса везли в Вятскую губернию, главным образом, отсутствовавшую здесь вследствие слабости промышленного развития, особенностей природно-климатических условий продукцию. Это были мануфактурные изделия, сахар, кофе, чай, рыба, овощи, фрукты, виноградные вина и т. п.³⁶ Большие партии товаров («шелковых, шерстяных и бумажных материй», кубовой краски, галантереи, табака и др.) поставлялись ими из портовых городов, Москвы, Нижегородской ярмарки. С Ирбитской ярмарки и из Екатеринбурга они привозили кожи, овчины, ковры, воск, клей, рыбу, из Казани – чай, сахар, рыбу, муку, крупы, яблоки, виноград.

В. П. Юрьев обратил внимание на тот факт, что в конце XVIII в. «вятское купечество первой и второй гильдий преимущественно занималось отпускной, внешней торговлей... а по городу Вятке только весьма немногие из купечества производили торговлю иностранными товарами...» и что в тот период большой была роль иногородних купцов в доставке сюда различных «иностранных, бакалейных и галантерейных товаров»³⁷. Эта тенденция выявилась и в наших документах, но она не была устойчивой, поскольку в начале XIX в. ситуация существенно меняется. Так, если в 1807 г. о первогильдейском семействе Машковцевых сообщалось, что они «мелочных же и лавочных торгов не имеют»³⁸, то чуть позже, в 1810 г., эти предприниматели владели уже 20 каменными и 16 деревянными лавками³⁹. В тот же период в губернском центре купец первой гильдии Василий Рязанцев (с братом Иваном) имел три деревянных лавки, Пётр Аршаулов, состоявший также в высшей гильдейской корпорации, – 10 каменных и четыре деревянные лавки. В 1810 г. в первой гильдии в Вятке насчитывалось три купеческие семьи, и каждая из них, таким образом, посредством лавочной торговли уже постоянно была связана с местным рынком. Что касается купцов второй гильдии губернского города, то в том же году из шести семей три фирмы (Ивана Хохрякова с братьями, Афанасия Караваева, Иуды Колошина) участвовали в лавочной торговле⁴⁰. Усиление влияния крупного регионального купечества на внутреннем рынке происходило, по-видимому, под воздействием роста городов, дальнейшего развития промышленного производства в губернии, увеличения здесь бюрократического аппарата, порождавшего спрос на промышленные товары⁴¹.

Скупка купцами товаров за пределами губернии велась и с целью транзитной торговли. В Архангельске для последующей доставки в Екатеринбург, Тобольск, Иркутск, пермские города, на Ирбитскую ярмарку они

приобретали сахар, «водку французскую и разные виноградные вина»⁴². В свою очередь, для продажи в Архангельском порту купцы Вятки, Слободского и Орлова закупали хлеб, сало, льняное семя в Казанской, Пермской и Оренбургской губерниях (правда, эти поставки приносили прибыль только тогда, «когда бывают особенные требования подобных товаров к отпуску за море», – отмечалось в 1830-е гг.)⁴³. В соседних с Вятской губерниях ими производилась также скупка сала для отправки в Петербург⁴⁴.

Одно из направлений торговой деятельности купцов первой и второй гильдий было связано с выполнением различных казённых подрядов – традиционной формы профессиональных занятий российского купечества⁴⁵. Подряды, обеспечивая купцов прибылью (они оплачивались по контрактам, заключённым после торгов с теми, кто соглашался на выгодные для казны условия), предполагали поставку товаров для государственных нужд. В конце XVIII – первой половине XIX в. купцы Вятско-Камского региона участвовали в казённых поставках сельскохозяйственной продукции (хлеба, муки, крупы), соли, вина.

Среди участников крупных поставок чаще встречались имена гильдейских предпринимателей северных вятских городов, имевших постоянные торговые контакты с портовыми городами и крупными торговыми центрами страны. В начале XIX в. в их числе были братья Машковцевы и Аршауловы, Николай Лаврентьевич Калинин (Вятка), Иван Иванович Синцов (Орлов), Ксенофонт Алексеевич Анфилов, Фёдор Алексеевич Попов (Слободской)⁴⁶. В январе 1800 г., например, по подряду, связанному с закупкой муки и крупы для архангельских «магазинов», «торг имели» купцы первой гильдии г. Вятки П. Г. Аршаулов и второй – И. И. Синцов, за которыми «и цены остановились»⁴⁷. В октябре того же года купцы первой гильдии Н. Л. Калинин и вновь П. Г. Аршаулов обязались закупить в губернии для петербургских запасных хлебных «магазинов» с доставкой до города Рыбинска «хлеба ржаного: муки пять тысяч и ржи зерном пять тысяч же кулей»⁴⁸. Его «должны мы доставить в Рыбинск непременно в продолжение судоходства будущего 1801 г. к пятому числу июля месяца», – говорилось в их контракте⁴⁹.

В более позднее время, в 1848 г., контракт по доставке из Вятской губернии в архангельские адмиралтейские провиантские «магазины» муки, гречневой, овсяной и ячной крупы, овса (на общую сумму 110 698 руб. 20 коп.) выполняли купцы первой гильдии Пётр Гусев (Слободской) и второй – Иван Суятин (Орлов), Платон Репин, Александр Пыхтеев, Яков Прозоров, Прокофий Микулин (Вятка)⁵⁰. Самую крупную партию товаров (муки 8 800 четвертей и круп 1 220 четвертей) по этому договору поставил Гусев.

В отдельные периоды объёмы купеческих закупок для казённых поставок составляли весомую долю общего товарного оборота городов региона. Так, в декабре 1809 г. в губернском центре была закуплена 31 тыс. пудов ржаной муки, в том числе 10 тыс. пуд. – «Афанасием Машковцевым по подряду в Архангельские казенные адмиралтейские магазины», и для этой же цели тем же купцом – 4 тыс. пуд. ячной и овсяной круп (закупки круп в крупных размерах в том месяце в Вятке больше не было)⁵¹. В январе 1810 г. в Слободском купцами было приобретено ржаной муки 45 783 пуд. 35 фунт., из них 26 тыс. – Ксенофонтом Анфилатовым «по данному из Адмиралтейства наряду к порту Архангельскому»⁵². Кроме того, по тому же «наряду» Анфилатов закупил 5 тыс. пуд. крупы из 5 150 пуд., заготовленных слободскими купцами; 1 500 пуд. – «солоду ржаного» и 3521 ½ вёдер хлебного вина (другими купцами эти товары в том месяце не приобретались). В марте 1810 г. в Орлове купцам было продано 26 тыс. пуд. ржаной муки и из них 15 тыс. – Ивану Ивановичу Синцову, выполнявшему архангельский контракт⁵³.

В отличие от Архангельска, судя по документам, купцы менее охотно поставляли продукцию в петербургские запасные «магазины», главным образом, по причине их отдалённости и неудобства пути из губернии, что вело к немалым финансовым затратам и риску при осуществлении подряда⁵⁴. В этой ситуации гильдейские предприниматели рассчитывали получить за поставки более высокие денежные суммы, которые не всегда совпадали с казёнными. В январе 1803 г. губернатор П. С. Рунич сообщал в контору правления петербургских запасных «магазинов», что, хотя вятские купцы Машковцев, Аршаулов, Хохряков, Калинин, Колошин и заявили о желании взять на себя поставку 25 тыс. кулей ржаной муки, «но по торгам мною с ними произведенным просили за каждой куль муки 9-ти пудового веса с поставкою до Рыбинска по 6 руб.»⁵⁵. Эта цена не устроила организаторов подряда, и поэтому позже были проведены новые торги. Их итог вновь не соответствовал интересам казны: «Вятские купцы менее 5 руб. 90 коп. за поставку муки до города Рыбинска взять не согласились и от торгу отказались»⁵⁶. На следующих торгах «при всех наубедительнейших увещаниях и склонениях» со стороны губернатора только сарапульский купец Николай Ижболдин «сделал в пользу казны уступку и согласился взять за каждой куль муки по 4 руб. 80 коп., а прочие все от торгу отказались»⁵⁷. В конечном итоге, главным исполнителем этого подряда стал купец второй гильдии г. Вятки Иуда Сидорович Колошин, согласившийся по контракту доставить до столицы хлеб за плату 3 руб. 40 коп. «за каждой куль 9-ти пудового весу»⁵⁸.

Огромна была роль купечества в снабжении населения региона солью, торговля которой определялась государством. Роль купцов-подрядчиков заключалась в доставке её в места казённой продажи. В декабре 1782 г. С. Я. Машковцев изъявлял желание привозить в города Вятского наместничества по 200 тыс. пудов этого продукта ежегодно, без денежного задатка из казны⁵⁹. В 1783 г. Ф. Я. Машковцев и Н. Л. Калинин объявили о намерении поставлять соль «с пермских соляных промыслов» в города Вятского и Пермского наместничеств от 400 тыс. до 500 тыс. пудов ежегодно⁶⁰. В осуществление соляных подрядов купцы вовлекали значительное число наёмных крестьян⁶¹.

Строгое и своевременное исполнение купцами условий договоров на различные поставки поощрялось со стороны государства. В январе 1800 г. по именному указу Павла I С. Я. Машковцев «за проявленное усердие к соблюдению казенных интересов» при выполнении подряда по доставке хлеба «с камских и волгских пристаней в Санкт-Петербургские магазейны» и Рыбинск получил чин надворного советника⁶². В 1809 г. купцу второй гильдии Иуде Колошину за поставки «в разные времена» для казны провианта вручается золотая медаль с надписью «за усердие» «для ношения на шее на алой ленте»⁶³.

Купеческие семьи, в основе деятельности которых лежала оптовая торговля в портовых городах, имели высокую степень профессиональной устойчивости. Сравнивая списки купцов первой и второй гильдий, видим, что в период с 1800 по 1810 г. в Вятке из девяти купеческих семей, торговавших в Архангельске, С.-Петербурге и других портовых центрах, своё влияние во внешней торговле сохранили шесть фирм, в Орлове, соответственно, 5 и 4, в Слободском – 8 и 7 (см.: приложение 14). Вместе с этим, наблюдались процессы преемственности капиталов (семьи Рязанцевых, Хохряковых, Платуновых, Песьяковых), увеличения общей численности купцов-оптовиков, особенно в г. Слободском: с 8 фирм в 1800 г. до 14 в 1810 г. Соответственно, вполне по праву именно этот город применительно к началу XIX столетия назывался «по торговле с Архангельском... первым из городов Вятской губернии»⁶⁴.

Нельзя не сказать ещё об одном важном начинании, связанном с деятельностью купцов г. Слободского, ставшем яркой страницей в истории отечественного предпринимательства. Ещё до выхода Манифеста «о дарованных купечеству новых выгодах...» от 1 января 1807 г. они участвовали в создании Беломорской компании, стоявшей у истоков акционерного дела в России (среди её учредителей был К. А. Анфилов, а одним из акционеров – император Александр I). По подсчётам Л. Е. Шпелева, до 1807 г. в стране действовало всего пять акционерных компаний⁶⁵.

«В 1803 г. была учреждена, а в 1804 г. открыла действия первая в XIX в. Беломорская торговая компания», – сообщает он⁶⁶.

Это торгово-промысловое предприятие создавалось для китобойного и рыболовного промыслов на Севере Европы, его правление располагалось в Петербурге, и, несмотря на мощную государственную поддержку – компания получала право беспошлинной торговли, «премию» от правительства, возможность брать на свои корабли от морского министерства офицеров и матросов и т. д., просуществовала только до 1813 г. В историографии её деятельность характеризуется как неудачная «с самого начала»⁶⁷, «гора родила мышь», – писал С. Ф. Огородников⁶⁸, но сам факт открытия компании стал заявкой, причём одной из первых, новой, капиталистической формы организации крупного бизнеса в России.

Профессиональные занятия самого многочисленного слоя деловой элиты региона – третьегильдейского купечества – были связаны с внутренней торговлей, как это и устанавливалось законодательно для данной категории предпринимателей⁶⁹. Ассортимент их товаров составляли, главным образом, «хлебные припасы», мёд, воск, меха, лён, кожи, сало, ткани и «разные мелочные товары»⁷⁰, которые они получали благодаря постоянным экономическим контактам с сельским населением своих уездов и торговым связям с Нижегородской и Ирбитской ярмарками⁷¹, с рынками Москвы, Казани и городов Поволжья.

Немалое значение в деятельности купцов третьей гильдии имели местные базары и ярмарки, формировавшие преимущественно сельскохозяйственный рынок региона. Гильдейские предприниматели вели скупку товаров и торговали на еженедельных городских базарах (в губернском центре, например, существовало «два дня базарных, заведенных с издревле обычаем времени, в четверг и воскресенье каждой недели», в Слободском – «один базарный день... в четверг каждой недели» и «торговый – в каждый воскресный день»⁷²), на ярмарках, проходивших в Котельниче, в Кукарской слободе, в селе Великорецком, длившихся несколько дней (по неделе и более) и привлекавших к себе, в том числе, взоры купцов из Центральной России, Севера и Поволжья⁷³, и других. По сведениям на 1829 г., в Вятке и Слободском ежегодно работали три ярмарки (в каждом городе), в Царёвосанчурске – две, в Котельниче, Яранске, Малмыже, Уржуме, Елабуге – по одной⁷⁴.

Вместе с тем, по наблюдениям исследователей, к середине XIX в. произошло сокращение участия купцов в ярмарочной торговле, становившейся преимущественно местом торга крестьян и мещанского населения⁷⁵. «...Ходишь по самой ярманке, и однообразие скоро вас утомит, – писал в 1845 г. о Котельниче чиновник Я. Н. Алфеевский. –

За исключением небольшого числа чиновников и купцов, все остальное серо, все с бороною, все в лаптях»⁷⁶. «Алексеевская ярмарка в Котельниче – торг по преимуществу простонародный, крестьянский с преобладанием раздробительной продажи товаров, при которой кредит имеет второстепенное значение. С этой точки зрения, она является самую значительною из всех русских ярмарок, на которых в качестве покупателя фигурирует почти исключительно крестьянское население», – заключил П. И. Наумов⁷⁷.

Скупленные у мелких производителей или крестьян-перекупщиков товары третьегильдейцы сбывали как рознично, так и торговцам-оптовикам. Купцы этой гильдии вступали в частные и казённые подряды, оказывая услуги по транспортировке грузов, становились торговыми «агентами», «поверенными» обладателей крупных капиталов. В г. Вятке они продавали хлеб, сало, лён, кожи «на контракты при домах своих архангелогородским, устюжским, здешним вятским и слободским купцам» и на местные винокуренные заводы; в г. Орлове «местные произведения» находили спрос у вятских и слободских купцов, в г. Сарапуле – у чердынских и соликамских купцов⁷⁸.

Купцы-третьегильдейцы самостоятельно или «на счет» более крупных предпринимателей поставляли свои товары и за пределы уездов и губернии. Так, глазовские купцы «зимним временем» везли хлеб «в состоящие в Кайской округе железелаемые заводы и в город Пермь, а сало, кожи и пышной товар – в Слободской и Вятку», уржумские – отправляли летом выделанные на собственных заводах кожи в Оренбург; «а сверх того, отправляют же водяною коммуникациею суда в низовые города до Астрахани с дровами и круглым разным лесом и брусьями», малмыжские купцы, так же, как и уржумцы, везли кожи в Оренбург, а мёд, воск, меха поставляли в Казань, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарку, елабужские – отправляли мёд и воск на Ирбитскую ярмарку, масло, сало и кожи – в Казань, «хлеб, лубье и лыки водяною коммуникациею в низовые города до Ярославля, Рыбинска и Астрахани», котельничские – топлёное масло, сало, кожи, меха, кушаки поставляли в Костромскую губернию (в частности, в документах упоминается г. Макарьев-на-Унже), «сало говяжье сырое» – в Орлов и Вятку «в сдачу на тамошние салотопни»⁷⁹.

Обстоятельно изучив вопрос о частных и казённых подрядах купечества вятского Приуралья, Г. И. Обухова пришла к выводу, что если в начале XIX в. предприниматели «средней руки» по причине большого риска в условиях неблагоустроенных путей сообщения, как правило, сторонились осуществлять поставки грузов на дальнее расстояние, то позже, в 1840–1860-е гг., «география» их поездок расширяется (к при-

меру, глазовские купцы, помимо Вятской губернии, перевозили товары и в Вологодской, Архангельской, Пермской, Казанской, Нижегородской губерниях, торговали на Ирбитской, Казанской и Нижегородской ярмарках), и, таким образом, к концу 1850-х – началу 1870-х гг. здесь «постепенно складывается система коммерческих грузоперевозок частных и казенных грузов купечеством», выделяются торговые династии, специализировавшиеся на транспортировке грузов⁸⁰.

Своей предпринимательской деятельностью, тесно соприкасавшейся с местными городскими и уездными рынками, купцы третьей гильдии способствовали развитию в Вятско-Камском регионе постоянной (магазинной, лавочной) формы торговли. По сведениям на 1829 г., в Вятке масштабную торговлю вели Михайло Чарушин, Николай Рязанцев, Иван Ермолин, Иван Хохряков, Иван Попов, Степан Суятин, Александр Пыхтеев, Фёдор Клячин, Николай Веретенников и другие предприниматели, состоявшие в этой гильдии (годовой оборот их внутригородской торговли составлял от 20 тыс. руб. до 110 тыс. руб.)⁸¹. В 1852 г. стационарные торговые помещения (амбары, магазины, лавки) в губернском центре имели два купца первой гильдии (Прокопий Микулин, Платон Репин), семь купцов второй гильдии (Ефим Головин, Иван Юрасов, Александр Пыхтеев, Егор Митягин, Яков Прозоров, Алексей Прозоров, Аркадий Машковцев) и 74 третьегильдейца, причём если представителям первых двух гильдий принадлежали преимущественно амбары «для складки товаров при доме», то последним – лавки⁸².

Наибольшее число лавок (обычно по три) в середине XIX столетия в Вятке имели купцы третьей гильдии: Александр Коробов, Иван Ухов, Яков Блинов, Фёдор Ухов, Иван Ермолин, Пётр Клабуков, Степан Поскребышев, Владимир Башмаков, торговавшие как продовольственными, так и промышленными товарами (всего более 20 наименований)⁸³. В их лавках осуществлялась продажа фруктов, чая, кофе, табака, золотых и серебряных изделий, фарфоровой и стеклянной посуды, тканей, краски, «железных поделок», «разных крестьянских товаров». Владельцами магазинов являлись Иван Чарушин, торговавший «галантерейными, хрустальными, фарфоровыми, золотыми, серебряными вещами, табаком, сигарами по свидетельству», Ольга Колотова, производившая продажу «бумажных, суконных, шелковых и других панских товаров», Яков Караваев, предлагавший «суровские», «панские», суконные товары, чай, сахар, золотые и серебряные вещи, табак и сигары⁸⁴. Торговлю из лавок и магазинов вели сами купцы и их сыновья (в большинстве случаев), а также приказчики (в 1852 г. услугами приказчиков пользовались только 14 лавочников из 74)⁸⁵.

В «ведомости о лавках, частным лицам принадлежащих в городе Слободском», на 1847 г. называются 15 купцов, из них – один (Прокопий Ворожцов) состоял во второй гильдии, остальные – в третьей⁸⁶. Среди последних владельцами нескольких лавок являлись Шмелёвы, Николай Дьячков, Иван Ончуков. Торговля из этих и других, указанных в ведомости купеческих лавок велась самостоятельно, без участия приказчиков.

В первой половине XIX в. третьегильдейцы активно способствовали развитию в регионе и сферы услуг. Среди них, в частности, встречались владельцы гостиниц, «торговых бань», прачечных, или «портомоев», то есть заведений стационарного типа. По данным на 1840 г., в городах Вятской губернии действовали 11 гостиниц, 10 харчевен и один трактир⁸⁷. В середине века в губернском центре гостиницы содержали купцы третьей гильдии Никифор Альгин, Василий Калинин, Николай Пестов, Михаил Праздников (по свидетельству нашего источника, купцы первой и второй гильдий владельцами гостиниц в тот период не являлись)⁸⁸.

Ввиду ограниченности, по законодательству, сферы деятельности купцов этой гильдии они с целью приумножения семейного капитала занимались и незаконными для своего правового статуса видами предпринимательства. После выхода екатерининской Жалованной грамоты городам казанский генерал-губернатор П. С. Мещерский дал указание Вятскому наместническому правлению «остановить... противозаконные действия» купцов Котельнича, Яранска, Царёвосанчурска, Глазова, Уржума, Елабуги и Сарапула, выразившиеся в том, что третьегильдейцы «вели торговлю несоответственно объявленным капиталам»⁸⁹. Властям было известно: котельничский купец Павел Петров, яранский – Иван Антонов, глазовский – Сидор Макаров, сарапульские – Максим Седов и Михаил Курбатов, елабужский – Андрей Мыльников и другие занимаются оптово-розничной торговлей за пределами наместничества, являются владельцами заводов, что определяло рамки деятельности предпринимателей высших гильдий. Мещерский как представитель власти выразил, таким образом, законное стремление привести круг профессиональных занятий местной третьей гильдии в соответствие с правовыми нормами⁹⁰.

Наряду с торговлей и выполнением подрядов в конце XVIII – первой половине XIX в. купцы интенсивно осваивали различные сферы промышленного производства. Этот процесс являлся следствием покровительственного правительственного курса, проводимого в XVIII столетии (особенно в петровский период и во второй половине века) в отношении развития отечественного производства, изменения правового статуса крупных предпринимателей, повлёкшего за собой желание купцов получать постоянно высокие доходы, усиления конкуренции со стороны

торгующих крестьян, приводившей к снижению прибыли, и т. д. По сведениям И. И. Матвеева, на рубеже XVIII–XIX вв. в Вятско-Камском регионе работало 113 фабрик и заводов, из них весомая часть (42 предприятия, или 37,2 %) принадлежала купцам (для сравнения: дворяне являлись владельцами 24 предприятий, мещане – 23, крестьяне – 7)⁹¹.

Самыми многочисленными купеческими предприятиями того периода были салотопенные заводы (их насчитывалось 20), затем шли кожевенные производства (9), бумажные (3), мыловаренные (3), чугуноплавильные и железоделательные (2), медеплавильные, колокололитейные, стекольные, клеевые и поташные заведения (по 1)⁹². В регионе, таким образом, преобладали, прежде всего, купеческие производства по переработке животноводческой продукции – говяжьего сала и «говяжьей, телячьей, конской, жеребковой, козловой» кожи. Их открытие во многом обуславливалось спросом на внешнем рынке и в большей степени в Архангельском порту. Не случайно, все купцы г. Орлова, торговавшие в то время в этом порту, имели салотопенные заводы, а Егор и Федот Булычёвы ещё и кожевенные⁹³. Показательно и то, что из 22 купеческих фирм губернии, торговавших в 1800 г. в портовых городах, 12 имели кожевенные и салотопенные производства, в 1810 г. – соответственно, 27 и 10⁹⁴.

Вятское кожевенное и салотопенное производство, связанное с зарубежной торговлей, занимало видное место в экономике государства в целом. В конце XVIII в. 60 % сала, вывезенного через Архангельск, составляла продукция салотопен Вятской губернии и около 6 % всей заграничной торговли России данным товаром, относительно выделанной кожи (юфти) эти показатели равнялись 40 и 7 процентам⁹⁵. Вятские кожи реализовывались купцами-промышленниками также в Петербурге и в азиатском направлении (Оренбург, Троицк).

Ориентированность на вывоз промышленных товаров из губернии проявилась в деятельности и других купеческих производств. Бумага с предприятий Машковцевых, располагавшихся в Вятском уезде, и Филата Рязанцева (на р. Косе в Слободском уезде), кроме Архангельска, отправлялась в Астрахань, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, железо с Песковского и Кирсинского заводов устюжского купца первой гильдии Ивана Курочкина – в Архангельский порт⁹⁶. Одновременно с этим осуществлялась торговля товарами купеческого производства и в регионе, но в совокупности по объёму реализованной продукции она уступала вывозной промышленной торговле⁹⁷.

В Вятской губернии прослеживались общие особенности развития российского купеческого предпринимательства в эпоху позднего феодализма. Одна из них – одновременное вложение капиталов одной

семьи в несколько отраслей промышленности. На рубеже XVIII–XIX вв. купец второй гильдии г. Слободского Илья Платунов имел два салотопенных, кожевенный и клеевой заводы, Машковцевы являлись владельцами бумажных и салотопенного предприятий, Рязанцевы – бумажного, стекольного, лесопильных (имели «две лесопильные мельницы»), Утямишевы – кожевенного и кумачного, Калинины – кожевенного и лесопильного, Булычёвы, как уже упоминалось, – кожевенных и салотопенных производств и т. д.⁹⁸

Другая черта была связана с использованием труда и крепостных, и наёмных рабочих. Так, если на Песковском чугуноплавильном и железоделательном заводе работали вольнонаёмные государственные крестьяне, то на Кирсинском железоделательном заводе в начале XIX в. из 175 чел. 49 являлись крепостными⁹⁹. На бумажных мануфактурах супруги Степана Яковлевича Машковцева, купчихи из дворян Екатерины Михайловны, в конце XVIII в. было занято: на Медянской – 56 рабочих, из них 45 вольнонаёмных и 11 – из числа крепостных крестьян, на Никольской – из 64 рабочих было 33 вольнонаёмных и 31 крепостной¹⁰⁰. В дальнейшем эти производства перешли сыну С. Я. и Е. М. Машковцевых, Ивану Степановичу, и в конце 1820-х гг. на Никольской фабрике было 69 крепостных и «вольнонаёмных казенных крестьян... от 5 до 12 чел.», на Медянской – соответственно, 31 чел. и «от 15 до 58 чел.»¹⁰¹. Хотя со временем у Машковцевых росло число крепостных (являясь владельцами таковых, им выгоднее было привлекать к работам, прежде всего, своих «мастеровых людей, покупных с фабриками и после оных»), тем не менее, в использовании на этих и других купеческих предприятиях вольнонаёмного труда проявлялись признаки капиталистического производства.

Со второй четверти XIX в. представители региональной деловой элиты постепенно втягивались в процесс общей модернизации экономики страны, связанный с промышленным переворотом. На их предприятиях проводились реконструкции – закупалось новое оборудование, приглашались иностранные специалисты. Машинная техника купцами использовалась в металлургическом, бумажном, масложировом производствах, о чём свидетельствуют ведомости о фабриках и заводах Вятской губернии, в которых сообщается: «При доменном горне и кричных фабриках имеются воздухоудные машины» (Омутнинский и Пудемский заводы Пастуховых); «При доменном и кричном действиях имеются деревянные машины, каждая о 3-х цилиндрах, приводимые в действие водяными колесами» (Песковский завод А. И. Маликова); «На фабрике имеются машины, действие оных приводится силою воды»

(Медянская и Никольская фабрики И. С. Машковцева); «В заводе имеется заторная машина... сушильная для семян в действие приводится водою» (масляный завод купеческой жены А. В. Ермолиной в Вятском уезде); и др.¹⁰²

В 1835 г. на одном из вятских купеческих бумажных предприятий побывал А. И. Герцен, который был впечатлён увиденным: «Огромные колеса влекутся с бешенством какою-то невидимою силою, обращая бездну других колес с треском и шумом», – писал он¹⁰³. С конца 1840-х гг. устанавливались машины, выводившие технику производства бумаги на купеческих фабриках на европейский уровень¹⁰⁴. На бумажных же предприятиях работали иностранные специалисты. На Медянской фабрике Машковцевых мастером был «баварский подданный Иоаган Христианов Раш»¹⁰⁵, приехавший в Вятку в 1830 г. и ставший владельцем дома (в середине века в его доме жил ссыльный М. Е. Салтыков-Щедрин).

Предприятия, где использовалась машинная техника, имели сравнительно высокую сумму годового производства, на них сосредотачивались немалые по тем временам людские ресурсы (см.: приложение 15.2). Вместе с тем, на купеческих фабриках и заводах продолжал широко использоваться ручной труд, и в целом в первой половине XIX столетия промышленность региона ещё не вышла из мануфактурной стадии¹⁰⁶. В середине века в Вятской губернии преобладали незначительные купеческие производства с вольнонаёмным характером труда¹⁰⁷.

В первой половине столетия шёл процесс укрепления позиций купеческих предприятий в экономике региона. Особенно ощутимым было их влияние в городах. В 1829 г. из пяти заводов, работавших в Елабуге, четыре являлись купеческими¹⁰⁸. О развитии гильдейского предпринимательства в тот период говорят и следующие факты: в 1800–1861 гг. в Вятской губернии было открыто 160 крупных производств, из этого числа 51, или 31,9 %, – купцами¹⁰⁹. В начале 1840-х гг. доля их предприятий в регионе составляла 47,5 %¹¹⁰, в середине века – 55,4 %¹¹¹. По числу действовавших фабрик и заводов купцы лидировали в бумажном, китежном, кумачном, пряничном, стекольном, колоколенном, чугуноплавильном и железоделательном, мыловаренном, салотопенном и свечном производствах (см.: приложение 15.1). Промышленной деятельностью этой группы населения были охвачены преимущественно северные и юго-восточный уезды губернии – Вятский, Слободской, Орловский, Малмыжский, Елабужский, Сарапульский¹¹².

В становлении региональной торговли и производства в конце XVIII – первой половине XIX в. большую роль играл кредит, постепенно проникавший в самые отдалённые уезды губернии и использовавшийся

в тот период в деятельности купечества всех гильдий. Уже в конце XVIII в. в Вятке, Слободском, Орлове, Елабуге, Сарапуле суммы кредита «от иностранных и российских разных городов купцов» в торговых делах местных обладателей гильдейских свидетельств достигали половины и более всего их годового коммерческого оборота¹¹³. О многом говорит, например, и тот факт, что в 1800 г. в уездном Сарапуле, где проживали купцы только третьей гильдии, из 29 существовавших там фирм девять имели торг «на собственной свой капитал», остальные же вели предпринимательские дела, помимо своих средств, и «по кредитам», и «по одолжениям», и «по договорам», и «по обязательствам», и «на вексель»¹¹⁴.

Тем не менее, основная проблема заключалась в отсутствии в течение долгого периода системы организованного кредита через банковские учреждения, что являлось общероссийской тенденцией¹¹⁵. В свою очередь, вести торговую деятельность расчётливо, проявляя инициативу и смекалку, зачастую было недостаточно, так как представители торгового сословия постоянно сталкивались с разного рода риском, например, с угрозой потери своих капиталов или из-за отсутствия спроса на товар, или в силу конкуренции со стороны других, более состоятельных предпринимателей, способных в нужный момент снизить цены, или вследствие непредвиденных обстоятельств – неурожая, пожаров, стихийных бедствий и т. п.

Явно не способствовала экономической устойчивости купцов и сама организация торговой деятельности, связанная с круговой порукой в виде поручительства за должника, с привлечением для обеспечения коммерческих операций обладателей гильдейских свидетельств и их и также ещё незначительного имущества, и существовавшая в период первоначального накопления капитала практика взимания заёмных денег, близкая к ростовщичеству. «...Во всех прочих городах, кроме столиц, нет никаких особенных средств к денежным пособиям за проценты, которые были бы умеренны», – отмечали в начале XIX в. сами купцы¹¹⁶. Все эти обстоятельства и служили причинами частого разорения гильдейских предпринимателей.

Угроза купеческого банкротства в Вятско-Камском регионе была реальной и потому, что ведущим направлением коммерческой деятельности местных предпринимателей являлась хлебная торговля. Именно с ней, по наблюдениям исследователей, и были в наибольшей степени связаны случаи разорения купечества¹¹⁷. Только в Вятке в 1789–1796 гг. объявили себя несостоятельными 43 торговых человека (среди них были и те, кто вёл беспечную, нетрезвую жизнь, проводил время за азартными играми, мыслил «пожить получше на чужой счет», кто не имел «ос-

новательных купецких дел» и т. д.), в 1797 г. за долги «в зажив», то есть в работы к состоятельным горожанам, были отданы 30 человек¹¹⁸. Постоянные изменения в составе гильдейского сословия, обусловленные, в том числе, и переходами в мещанское сословие в связи с потерями капиталов, прослеживались и в уездных городах (см.: приложение 8).

Проект своеобразного антикризисного плана по стабилизации экономики региона был предложен К. А. Анфиловым. Понимая, что «главной отраслью государственного богатства» является промышленность, но её развитие, как и расширение торговли, сдерживалось из-за отсутствия в стране дешёвого кредита, в начале XIX в. он ходатайствует об учреждении в г. Слободском общественного банка. Эта инициатива находит поддержку у правительства¹¹⁹. Устав банка, разработанный купцом-учредителем, предусматривал приём вкладов под проценты и выдачу ссуд «не только под залог недвижимого и движимого имущества, но и под учет векселей»¹²⁰. Процент по вкладам и ссудам равнялся шести, причём банк платил «за внесенные капиталы... пять процентов со став в год, а шестой оставляет в свою пользу...», а с тех, кто брал заём, получал «процентов по 6 на 100 в год при самой выдаче денег»¹²¹. В уставе отдельно оговаривалось, что ссуды выдавались «единственно купцам того города всех трех гильдий, мещанам и цеховым».

На учреждение банка Анфилов пожертвовал 25 тыс. рублей, ещё три тысячи внесли «некоторые из слободского городского общества» (среди них первым был купец третьей гильдии Василий Ончуков, внёсший «500 рублей безвозвратно»)¹²². Открытый 31 декабря 1810 г. Слободской общественный банк (один из первых в России), предоставлявший кредит, который являлся, по словам Ксенофонта Алексеевича, «душой торговли», не только улучшил финансовую ситуацию в регионе, но и оказал влияние на развитие банковской системы в масштабах страны. Его устав, служивший образцом для других общественных банков, вошёл в историю российского законодательства¹²³.

«На протяжении целого столетия общественный банк работал на пользу развития торговли и промышленности в нашем городе... Я не буду утруждать Вашего внимания и лишь кратко сообщу, что деятельность и польза общественного банка выражается не только в доставлении доступного кредита, но, вместе с тем, значительная часть прибылей банка поступает на просветительные и общепользные учреждения в нашем городе. Участие банка в городских расходах ныне достигает свыше 10 тыс. руб. и составляет 20 % годового городского бюджета», – говорил слободской городской голова И. И. Рыбаков 31 декабря 1910 г.¹²⁴ В то же время, от банкротства никто из купцов, даже самые титулованные

предприниматели, не был застрахован в силу специфики их профессиональных занятий. В числе разорившихся оказались и сам Анфилатов, и те же Машковцевы.

Ксенофонт Алексеевич был не в состоянии расплатиться с кредиторами «по причинам разных политических и других непредвиденных перемен и обстоятельств коммерческих»¹²⁵. Учитывая это и установив, что в действиях купца не имелось обмана и умысла, в ноябре 1815 г. специальная конкурсная комиссия, работавшая в Архангельске, признала его не банкротом, а «упавшим». Анфилатов стал мещанином, его слободской дом купил с торгов купец второй гильдии П. Н. Платунов. Долги привели к разорению и другое некогда состоятельное семейство. По сведениям Вятского уездного суда, рассматривавшего дело о долгах Аркадия Ивановича Машковцева, «всех долгов поступило на него более чем на 40 тыс. руб., а имение у него описано и оценено только на 22 298 руб. 2 $\frac{3}{4}$ коп.»¹²⁶ В феврале 1869 г. суд постановил «объявить Машковцева несостоятельным должником», хотя к тому времени этого купца не было уже и в живых.

В условиях экономической конкуренции, неразвитости системы банковского кредитования и всевозможных рисков профессиональная устойчивость купцов обеспечивалась их семейными объединениями, или – торговлей «при совместном капитале», в которую были втянуты представители одной династии, обычно братья и взрослые сыновья. Эта форма ведения купеческих дел получила распространение в Вятской губернии, прежде всего, среди предпринимателей первой и второй гильдий, так как производимые ими коммерческие операции требовали немалых дополнительных денежных затрат и людских ресурсов. Семейные объединения привели к экономическому расцвету династии Калининых, Аршауловых, Колошинных, Хохряковых, Утямышевых, Косаревых, Платуновых, Герасимовых, Синцовых и др.

Совместная торгово-предпринимательская деятельность выходцев из одной династии стала основой для появления в регионе первых торговых домов. Это были семейные предприятия, образованные по типу полных товариществ. Хотя Манифест «о дарованных купечеству новых выгодах...», устанавливавший порядок деятельности торговых домов, был издан в 1807 г.¹²⁷, их открытие произошло далеко не сразу. В журнале заседания Слободского городского магистрата за ноябрь 1821 г. читаем: «...В здешнем городе Слободском торговых домов купцами не открыто и никаких о том сведений по сему магистрату не имеется»¹²⁸.

В 1834 г. ситуация была уже несколько другой: «в образе полного товарищества» торговали в этом городе четыре фирмы – Давыда Васи-

льевича Герасимова (вёл дела вместе с сыном Захаром), Ивана и Петра Михайловичей Пашкиных, Василия и Алексея Николаевичей Платуновых, Зянчуриных¹²⁹. В том же году в Вятке существовал один торговый дом – Ивана и Петра Ефимовичей Шуравиных; в Орлове – 9, из них один был открыт купцами первой гильдии братьями Митрофаном и Алексеем Синцовыми, один – купцом второй гильдии Алексеем Ефимовичем Изергиным (вместе с братом Стефаном (Степаном)), остальные являлись третьегильдейскими¹³⁰. В 1837 г. в Котельниче действовали торговые дома купцов Ивана и Прокопия Максимовичей Кардаковых, Андрея и Никанора Васильевичей Глушковых¹³¹. С 1849 г. в Елабуге работал торговый дом «под фирмою: 2-й гильдии купцы Капитон и Дмитрий Яковлевы Братья Ушковы»¹³². Открытие в первой половине XIX в. торговых домов знаменовало собой начало нового этапа в развитии регионального предпринимательства, расцвет которого пришёл на вторую половину столетия и начало XX столетия.

Вятские и архангельские предприниматели, вслед за Анфиловым и его компаньонами, заявляли о своих намерениях и в открытии акционерных обществ. В 1844 г. Илья Грибанов, Филипп Булычёв, Степан Изергин, Платон и Степан Репины и другие представили в правительство для утверждения проект «Полярной компании», создававшейся с целью производства клея, поташа, смолы, устройства солеваренных заводов, торговли заграничной солью, занятий рыбными промыслами и т. д., причём учредители хотели бы иметь «исключительное на 10 лет право» на производство клея «из оленьих рогов в Кемском, Кольском и Мезенском уездах», налоговые льготы, но вследствие конкурентной борьбы и позиции архангельского военного губернатора, поддержавшего доводы иностранных предпринимателей, «предприятие компании рушилось»¹³³.

Подводя итоги, с очевидностью можно говорить о решающей роли торговли в деле накопления купеческих капиталов в регионе в изучаемый период. Хотя промышленная деятельность обладателей гильдейских свидетельств, их участие в развитии системы организованного кредита и характеризовались несомненным ростом и значимостью для экономического становления северо-востока Европейской России, но всё ещё оставались, по нашим наблюдениям, уделом лишь небольшой части этой группы населения. Вместе с ведением оптовой и розничной торговли, с выполнением различных казённых подрядов при осуществлении хлебных и соляных поставок в производстве купцы использовали наёмный труд, который, в свою очередь, обеспечивался преобладанием здесь лично свободного населения (государственных крестьян, мещан) и свидетельствовал об укоренившейся капиталисти-

ческой направленности профессиональных занятий изучаемого слоя населения.

Несомненно, огромное влияние на направленность купеческой деятельности оказывала аграрная специализация Вятско-Камского региона. Занимая в конце XVIII – первой половине XIX в. одно из ведущих мест на северном хлебном рынке России, местные гильдейские предприниматели способствовали и развитию внешнеэкономических связей страны с Западом. Деятельность некоторых купцов (в первую очередь К. А. Анфилатова), отличаясь новаторством, укрепляла деловую репутацию торговой элиты региона.

Нельзя не обратить внимания и на зависимость развития профессиональных занятий купцов от спроса на сельскохозяйственные товары в портовых городах России, прежде всего, в Архангельске – торговом центре, с которым неразрывно связано складывание наиболее крупных гильдейских капиталов региона. В становлении внутреннего рынка Вятской губернии ощутимо было влияние экономических связей местного купечества с Нижегородской и Ирбитской ярмарками.

Различными сферами предпринимательских занятий, включая ведущие – торговлю и промышленное производство, характеризовалась деятельность и «малых» этнических групп регионального купеческого сословия. Среди них особенно выделялись малмыжские купцы татарского происхождения Утямышевы, входившие в изучаемый период в состав высшего слоя делового мира. Торгово-предпринимательская активность представителей этой семьи способствовала укреплению экономических связей северо-востока Европейской России с азиатскими территориями.

Конец XVIII в. и в большей степени первая половина XIX столетия являли собой переходный период в развитии торгово-предпринимательских занятий гильдейского сообщества региона. Соединив в себе черты, как феодальной экономики, так и рынка, ориентированного на расширение промышленного производства и создание кредитных учреждений, широкое использование вольнонаёмного труда, он отражал процесс продолжавшегося в России первоначального накопления капитала.

4.2. Торгово-предпринимательская деятельность в эпоху капитализма: вторая половина XIX – начало XX в.

Бурное развитие капитализма, наблюдавшееся после реформ 1860–1870-х гг., повлияло, в первую очередь, на социально-экономические процессы в российском обществе. Утверждение буржуазных отноше-

ний в Западном Предуралье, как и в стране в целом, сопровождалось увеличением численности городского населения, ростом промышленного производства (см.: приложения 16 и 17), созданием торгово-промышленных объединений и банковской системы, однако в силу целого ряда естественных и исторических факторов (неблагоприятных природно-климатических условий, сильных общинных традиций, незначительности частного землевладения и залежей полезных ископаемых, отдалённости губернии от развитых экономических центров страны и отсутствия долгое время удобных путей сообщения и т. д.) развитие здесь капитализма характеризовалось неравномерностью и невысокими темпами. Все эти обстоятельства обуславливали и дальнейшее становление профессиональных занятий купеческого сословия изучаемой местности.

Важнейшим источником накопления купеческих капиталов в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в., как и ранее, оставалась коммерческая деятельность, связанная с ведением оптовой и розничной торговли. Спрос на производившуюся в регионе сельскохозяйственную продукцию продолжал определять приоритетные направления торгово-предпринимательской деятельности деловой элиты. Крупные партии ржи, овса, льняного семени, льна, кудели, муки отправлялись, прежде всего, в северном направлении – в Архангельск, С.-Петербург, Рыбинск.

Однако во второй половине XIX в. торговля с Архангельском велась менее интенсивно, чем ранее. «Все прежнее время сношения г. Вятки с Архангельском были в лучшем, нежели ныне, состоянии», – отмечалось в начале 1860-х гг.¹³⁴ В связи с ростом конкуренции в скупке сельскохозяйственной продукции со стороны иногородних торговых домов, открывавших в регионе свои конторы¹³⁵, отсутствием удобного и безопасного торгового пути из Вятского края в Архангельск, с развитием в губернии новых видов транспортного сообщения (первоначально – пароходства, способствовавшего активизации экономических отношений с Урало-Поволжьем и центральной частью России, затем и железных дорог), с увеличением здесь спроса на хлеб по причине роста населения, расширения промышленного производства, в частности, винокурения, и происходил упадок некогда обширной вятско-архангельской торговли.

О её сокращении свидетельствовала и статистика: так, для вывоза в Архангельск «в навигацию 1884 г.» в Вятской губернии было закуплено 609 253 пуда земледельческих товаров, в Рыбинск и другие города – 3 564 434 пуда, или если в 1885 г. в Архангельск из губернии было

отправлено 293 530 пудов сельскохозяйственной продукции, то в Рыбинск и в Петербург – 2 563 484 пуда, то есть значительно больше; в 1888 г. цифры равнялись, соответственно, 478 950 и 3 547 450 пудов¹³⁶.

В этих трёх крупных торговых центрах России вели дела купцы как южных, так и северных вятских городов. В Архангельск товары поступали из Вятки, Глазова, Котельнича, Малмыжа, Слободского, в Рыбинск и в С.-Петербург – из Елабуги, Нолинска, Сарапула, Уржума, Яранска, вновь Котельнича, Малмыжа, Слободского¹³⁷. Тем не менее, в экспортной торговле купцов Вятской губернии прослеживалась и традиционная специализация: более тесные экономические отношения с Архангельском были у купцов северных вятских городов, а обладатели гильдейских свидетельств южных уездов проявляли активность в волжской торговле. «Доставлять же свой хлеб на север они положительно лишены возможности по отсутствию путей сообщения и дороговизны гужевого подвоза», – отмечалось современниками¹³⁸. Однако в торговле с Архангельским портом утрачивалось и бывшее влияние его прежних деловых партнёров¹³⁹. Всё это вело и к переменам в экономической специализации уездов Вятской губернии. Хлебные рынки региона в последней четверти XIX в. «переместились ближе к низовым пристаням реки Вятки», – писал П. И. Наумов¹⁴⁰.

Во второй половине XIX в. оптовая торговля по-прежнему осуществлялась посредством водных путей¹⁴¹. Транспортировка грузов из север-

Вятка. Пароходная пристань. С открытки

ных и поволжских губерний в Архангельск стала основным направлением деятельности Северо-Двинского пароходства, учреждённого в 1858 г. коммерции советником Ильёй Грибановым, потомственным почётным гражданином Филиппом Булычёвым и купеческим сыном Афанасием Булычёвым (двое последних – вятчане). Сначала товары доставлялись этим пароходством от Великого Устюга до Архангельска и обратно, затем – от Вологды. «Расширяя постепенно свои промышленные операции, – писал современник, – Северо-Двинское пароходство обладает ныне десятками паровых судов и барж и служит соединительным нервом промышленности и торговли мест, прилегающих к Двинскому и Волжскому бассейнам, с торговлею и промышленностью северного края»¹⁴².

В губернии насчитывалось 10 почтовых¹⁴³ и 21 коммерческий тракт, общая протяжённость первых, по сведениям на 1870-е гг., составляла 1 745 вёрст, вторых – 2 152 ½ версты, имелось большое число просёлочных дорог, по которым также перевозились купеческие товары, но состояние дорог оставляло желать лучшего¹⁴⁴. Слабая устроенность транспортной инфраструктуры побуждала купечество, причём не только вятское, но и заинтересованное в торговле с регионом – архангельское, земских деятелей обсуждать проекты строительства новых магистралей, в том числе железных дорог.

Предложения по этому поводу звучали, например, на страницах Трудов Императорского Вольного экономического общества, где в 1867 г. купцы Я. А. Прозоров и А. Н. Кузнецов делились своим мнением по вопросу улучшения путей сообщения из Вятской губернии в Архангельский порт¹⁴⁵. Небезынтересно, что, по мнению Прозорова, правильнее будет не строить «от Вятки мимо Быковской пристани до реки Вычегды железную или железнокопную дорогу», как предлагали многие купцы, а привести в хорошее состояние летние дороги, «так как от исправления летней дороги зависит и состояние зимних дорог», в результате, по его предположению, снизится перевозная плата и, следовательно, впоследствии должна уменьшиться отпускная цена на товар, что увеличит привлекательность архангельского рынка в сравнении с петербургским¹⁴⁶.

Точка зрения орловского купца Кузнецова делала приоритетным создание новой транспортной инфраструктуры: «Радикальным уничтожением важных неудобств по извозу, – писал он, – было бы устройство железной дороги или, по крайней мере, хорошо содержимой летней и зимней железнокопной, но уж, во всяком случае, не до пристаней, а далее, до устья реки Вычегды, т. е. прямым путем через Вымско-быков-

скую пристань, примерно, на протяжении трехсот верст»¹⁴⁷. После некоторых размышлений Кузнецов окончательно констатировал: «Остается желать единственно возможного и крайне нужного для развития родных друг другу промышленности, торговли и земледелия, это – устройства железнодорожной дороги... от поминаемых торговых городов Вятки или Орлова чрез Быковскую пристань Устюжского уезда до селения Котласа на устье р. Вычегды, при впадении ее в Двину»¹⁴⁸.

Обсуждались и замыслы, по которым одна железнодорожная ветка должна была соединить губернию с Северной Двиной для торговли с Архангельском, а другая – с Пермью и Костромой, что позволило бы открыть новые торговые пути не только для местных предпринимателей, но и для предпринимателей Поволжья, Урала и Сибири. Однако строительство железных дорог на северо-востоке Европейской России затягивалось, и только в 1899 г. началось движение поездов по Пермь-Котласской дороге, а в 1906 г. – по Северной, на Петербург¹⁴⁹. Уже в 1900 г. по Пермь-Котласской железной дороге из губернии (Вятского, Глазовского, Слободского, Орловского уездов) было вывезено 2 349 091 пуд хлебного груза, тогда как в 1899 г. – всего 832 689 пудов¹⁵⁰. «Хлебная торговля, как только открылось эксплуатационное движение по новому рельсовому пути, сразу же переместилась к станциям железной дороги», – отмечал современник¹⁵¹.

Наибольшее количество вятской сельскохозяйственной продукции, доставлявшейся по железной дороге в самом начале XX в., поступало в Архангельскую губернию, затем шли Вологодская и Пермская губернии¹⁵². Благодаря Пермь-Котласской дороге через Архангельский порт отправлялись вятские товары и за границу (в 1900 г. с этой целью из губернии было вывезено более 700 тыс. пудов хлебного груза)¹⁵³. В Австрии и Англии пользовались спросом и льняные товары, также следовавшие из региона сначала по железной дороге.

В эпоху буржуазных преобразований Александра II оптовую торговлю вели Яков Прозоров, Николай Альгин (Вятка), Семён Зырин, Иван Кардаков (Котельнич), Филипп Булычёв, Александр Кузнецов, Михаил Морозев, Михаил Отрыганьев (Орлов), Гаврил Ончуков, Александр Прозоров (брат Я. А. Прозорова), Лука Платунов (Слободской), Дмитрий Якимов (Яранск), Ушковы (Елабуга) и др.¹⁵⁴ В 1880 г. закупкой хлеба занимались в губернском центре девять купеческих контор, в Елабуге – 17, в Котельниче – 16, в Глазове – 11, в Нолинске – также 11, в Слободском – 10, в Яранске – 10, в Малмыже – 6, в Сарапуле – 4, в Уржуме – 3, в Орлове – 2 (купеческие конторы действовали и в уездах)¹⁵⁵.

Купцы
Яков
Алексеевич
(слева)
и Алексей
Яковлевич
Прозоровы.
ГАКО

Одной из самых крупных фигур в региональном деловом сообществе той эпохи был купец первой гильдии Яков Алексеевич Прозоров. С его именем связан новый подъём в экспортной торговле Вятской губернии. После затишья в прямых, без посредников купеческих поставках местной продукции в государства Западной Европы, обусловленного господством в этой сфере иностранных предпринимателей с их торговыми агентами, в 1860 г. Прозоров «решился сбросить тяготеющее над купечеством здешнего края иго, приискал корреспондентов в Англии и Германии, зафрахтовал корабли, которые погрузил в Архангельском порту своими товарами и отправил их на свой счет за границу»¹⁵⁶. В 1861 г. он укрепил свои позиции в С.-Петербургском порту и в следующем году уже через Архангельск и столичный порт самостоятельно отправил за границу товаров на сумму более 500 тыс. руб. серебром¹⁵⁷.

Яков Алексеевич, успешно приумножая свой капитал, торговал хлебом, льном, куделью, конским волосом, щетиной. Вывозимые из России товары под клеймом Якова Прозорова, в особенности льняные, быстро получили известность в Северной Европе и продавались там «по самой высокой цене»¹⁵⁸. Отличался он и тем, что внимательно следил за качеством экспортной продукции. Выступив новатором в деле усовершенствования обработки конского волоса, Я. А. Прозоров был удостоен похвального листа «от комитета С.-Петербургской выставки». В 1860-е и в 1870-е гг. его ежегодные торговые обороты достигали двух–трёх миллионов рублей¹⁵⁹.

В торговле Якову Алексеевичу помогал сын Алексей, обеспечивая тем самым преемственность семейного капитала. По настоянию отца он окончил Московское коммерческое училище, был в нём одним из успешных учеников и по завершении обучения получил малую золотую медаль. Я. А. Прозоров помог сыну в овладении английским и немецким языками. В 1865 г. Алексей побывал в Англии и Германии, и его поездка укрепила влияние Прозоровых в этих государствах. Их торговыми операциями были охвачены и Бельгия, и Голландия, и Франция¹⁶⁰. Впоследствии Яков Алексеевич переехал на жительство в Петербург, где до своей кончины в 1881 г. вёл торговые дела под фирмой «Яков Прозоров с Сыном»¹⁶¹. «Первый шаг Прозорова, русского купца в отдалённом крае России, начавшего непосредственно торговые сношения с заграницею, – гласили официальные документы, – обратил на себя внимание всего русского купечества, предприимчивость его имела те благодетельные последствия для русской промышленности, что многие из купцов, следуя примеру Прозорова, стали отправлять часть своих товаров за границу»¹⁶².

В начале XX в. крупными купцами-оптовиками в Вятско-Камском регионе были Т. Ф. Булычёв (Вятка), Ончуковы (Слободской), Стахеевы (Елабуга), А. Н. Батуев (Малмыж), И. В. Маландин, С. П. Половников (Нолинск) и др.¹⁶³ В январе 1910 г. податный инспектор 2-го участка Котельничского уезда докладывал в Вятскую казённую палату, что скупку хлебного товара на его участке вели «экспортные фирмы Булычева и наследников Ончукова», «при этом фирма Ончукова имеет дело по преимуществу непосредственно с Лондоном, а Булычев большую часть товара сдает на Петербургской и Рыбинской биржах»¹⁶⁴.

В документах казённой палаты находим сведения о количестве сельскохозяйственной продукции (ржи, ржаной муки, овса, льняного семени, льна, кудели, гречи, гречневой крупы, ячменя), вывезенной из Вятской губернии «в навигацию 1909 г.». Самые большие партии товаров были отправлены из Елабужского (2 485 273 пуда), Сарапульского (1 788 000 пудов), Глазовского (1 266 822 пуда) уездов, затем шли Яранский, Малмыжский, Уржумский, Котельничский, Нолинский, Слободской уезды¹⁶⁵.

Похожая картина наблюдалась и в последующие годы. «Первое место по количеству вывезенных продуктов занимает Елабужский уезд (3 998 тыс. пудов), далее следуют Глазовский, Котельничский, Малмыжский, Сарапульский, Уржумский и Яранский (каждый с отпуском более 1 млн пудов), Слободской (959 тыс. пудов), Нолинский (715 тыс. пуд). Значительно ниже по экспортной деятельности стоит Вятский уезд (200 тыс. пудов), в Орловском же уезде закупок товаров для экспорта, как и в прежние годы, почти не производилось», – говорилось в обзоре

губернии за 1913 год¹⁶⁶. Сельскохозяйственная продукция в этом году отправлялась по железной дороге в Прибалтику (в Петербург, Ригу, Либаву), на север – через Котлас и водным путём – в Рыбинск.

Предметами вывозной торговли купечества Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. являлись и «лесные произведения» (лес, смола, мочало, дёготь и т. п.), «некоторые изделия местной заводской промышленности», в частности, вино, писчая бумага, кожи, меха, спички, железо, чугунное литьё. Статистические данные на 1900 г. зафиксировали 72 наименования различных товаров, «грузившихся... по р. Вятке»¹⁶⁷. Среди товаров, отправлявшихся большими партиями в начале XX в. с камских пристаней губернии, были химические (прежде всего, с заводов купцов Ушковых), сельскохозяйственные (овёс, ячмень, рожь, мука), а также сталь, чугун, железо¹⁶⁸.

Гильдейские предприниматели, как и ранее, выполняли разного рода поставки, в том числе связанные с использованием природных ресурсов региона. В 1890-е гг. слободской купец Р. Д. Шенкаржевский выполнял «подряд по доставке лесных материалов на линию Пермь-Котласской железной дороги», сарапульский купец И. И. Бодалев – «подряды по поставке дров и прочих лесных материалов в Ижевский оружейный завод»¹⁶⁹.

Пореформенная эпоха стала временем расцвета внутренней торговли северо-востока Европейской России. Одна из её форм – постоянная, связанная с торговлей из магазинов, лавок, «шкафиков», являлась неотъемлемой частью занятий весомой доли гильдейских предпринимателей того периода. Если к середине 1870-х гг. в городах Вятской губернии насчитывалось 1 625 торговых заведений, из них 754 – каменных, 871 – деревянное¹⁷⁰, то в конце 1880-х гг. их было две тысячи, а в целом в губернии – шесть тысяч, в том числе 4 297 лавок, магазинов и 1 703 «разного рода мест продажи питей»¹⁷¹. В 1915 г. здесь работало в общей сложности 2 1246 торговых и промышленных заведений¹⁷².

Говоря об этих цифрах, нельзя не учитывать, что росту мелкой торговли способствовало развитие предпринимательства среди сельского населения, которое обуславливалось не только экономическими предпосылками, связанными с процессами капитализации страны. «Характерною чертою отчетного года, – отмечалось в приложении к всеподданнейшему отчёту вятского губернатора за 1900 г., – было развитие мелкой торговли. Увеличение это обнаруживается отчасти в появлении по деревням новых мелких предприятий для скупки сельскохозяйственных продуктов и еще больше в открытии мелочных лавочек с продажей чая, сахара и съестных припасов. В настоящее время такие лавочки существуют почти в каждом более или менее значительном селении,

а во многих селениях – по две, по три и даже более. Собственники этих лавочек – большею частью местные крестьяне...» и далее: «Задатки к такому развитию мелкой торговли замечались и в предыдущие годы, и главная причина этого явления заключалась в новом Положении о государственном промысловом налоге, которое дает много льгот мелкой предприимчивости»¹⁷³.

В становлении внутренней как оптовой, так и розничной торговли активно участвовали купцы самой большой по численности второй гильдии. На рубеже 1860–1870-х гг. с местным продовольственным рынком было связано 40,1 % предпринимателей этой гильдии¹⁷⁴, остальные продавали ремесленно-промышленные и промысловые товары, занимались ювелирными работами, находились «в услужении», владели заводами, мельницами, трактирными, гостиничными, парикмахерскими заведениями¹⁷⁵.

Расширение в губернии магазинной и лавочной торговли особенно изменило экономический облик городов. «Одна из особенностей Слободского – это обилие торговых заведений; кроме двух громадных гостинных дворов, множество лавок устроено еще в частных домах, особенно на Глазовской улице – нашем Невском проспекте, так что в городе и его слободке Демьянке существует до 170 больших магазинов и лавок, не говоря уже о мелочных лавочках, которые встречаются чуть не на каждом перекрестке», – читаем в «Вятской незабудке»¹⁷⁶. Крупные торговые заведения работали в губернском центре. В 1875 г. вновь устроенный на Казанской улице, близ Спасского собора, г. Вятки магазин К. Н. Хлебникова предлагал более 20 наименований разного товара – это и швейные машины, и золотые, серебряные, мельхиоровые вещи, и галстуки, и шляпы, и духи, и помада, и зонтики, и портсигары, и портмоне, и саквояжи, и кофейники, и т. д.¹⁷⁷ В конце XIX в. здесь работали галантерейный магазин купцов Николая и Ивана Коробовых, магазин «с готовою обувью и другими товарами» Василия Поскребышева, магазин «с разными товарами» торгового дома Сунцовых, лавка «с разными товарами» Михаила Казенина, магазины «галантерейных, колониальных и прочих товаров и иностранных виноградных вин» Алексея Клабукова, лавка «с железом всех сортов» и магазины «разных товаров и иностранных виноградных вин» Николая Филиппова, магазины меховых и мануфактурных товаров Якова Клабукова, лавка с бумагой александровского купца первой гильдии Николая Первушина¹⁷⁸.

В начале XX в. владельцами универсальных магазинов, ассортимент товаров которых достигал более тысячи наименований, были Иван Кардаков и Пётр Клобуков. Последний выступил заказчиком специального

здания для своего магазина, строившегося в 1909–1911 гг. по проекту архитектора И. А. Чарушина в стиле модерн на углу Спасской и Казанской улиц, в старой торговой части г. Вятки¹⁷⁹. «Здесь (то есть в магазине. – М. С.), – вспоминал современник, – товары располагались в двух этажах: на первом этаже продавались всевозможные часы... разные безделушки для подарков... ювелирные изделия... шляпы... зонты... Во втором этаже магазина шла торговля тканями и меховыми товарами...»¹⁸⁰. Магазин Клобукова, где товар «с поклоном» вручался покупателю¹⁸¹, отличался и высоким по тем временам уровнем обслуживания.

Стационарная торговля была одним из основных профессиональных занятий татарского купечества Вятской губернии. Деловой активностью отличались елабужские купцы второй гильдии Мухамет-Валей Альмухаметов, братья Зайтовы и некоторые другие¹⁸². Имея несколько лавок и товарных складов, М.-В. Альмухаметов успешно торговал бакалейным товаром, чаем, сахаром, фруктами, посудой. Особой сферой его занятий стала скупка-продажа куриных яиц, имевшая межрегиональное значение. Торговые обороты Альмухаметова достигали высоких сумм (например, в 1905 г. – более 100 тыс. руб.), что позволяет о нём говорить как об одном из крупнейших татарских предпринимателей Вятской губернии начала XX в.¹⁸³ Ахмат-Шакир Зайтов, торговавший с 1880-х гг. тканями, посудой, мылом, продовольствием, лесом, воском, кожами, имел магазин в Сарапуле и многочисленные лавки в Елабужском уезде¹⁸⁴. Как и старший брат Шигабутдин, он вёл также крупную хлеботорговлю. В целом же, говоря о купцах-татарах второй половины XIX – начала XX столетия, составлявших немногочисленную часть вятской деловой элиты, следует отметить, что они специализировались преимущественно на розничной торговле.

Как и в дореформенную эпоху, купцы являлись участниками региональной и межрегиональной ярмарочной торговли, которая во второй половине XIX в. переживала новый подъём: в губернии наблюдался рост как числа ярмарок (с 54 в 1854 г. до 1164 в 1896 г.), так и их товарооборота (например, сумма привоза товаров в 1854 г. составляла 1 357 тыс. руб., в 1896 г. – 12 298 тыс. руб.)¹⁸⁵. Значительная часть ярмарок, где преобладали «крестьянские товары», была ориентирована сугубо на внутригубернский рынок. В 1896 г. 70 % ярмарок работали только один день, остальные были либо двух-трёхдневными (16 %), либо длились до недели (13 %), и только один процент – более недели¹⁸⁶.

Крупнейшей ярмаркой, имевшей межрегиональное значение, оставалась Алексеевская, проходившая в г. Котельниче с 1 по 23 марта, чей товарооборот приближался к миллиону рублей¹⁸⁷. Времем её наивыс-

шего подъёма стал период конца 1830-х – начала 1870-х гг.¹⁸⁸ На этой ярмарке велась торговля как российскими, так и иностранными товарами, в особенности на большие суммы осуществлялась продажа холста, бумаги, краски, железных и стальных изделий, мехов, лошадей, свиной щетины, муки, крупчатки, кудели, рыбы, сахара, табака, бакалеи, чая, фруктов¹⁸⁹. В ней участвовали торговцы из Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Нижегородской, Тульской губерний, «но более купцов, – писал Илья Глушков, – наезжает все-таки из своей губернии: из Нолинска – с пряниками и фруктами; из Слободского – с медною посудою и мехами; из Яранска и Слободского – с красным товаром, привозимым на ярмарку прямо из Москвы; наконец, из г. Вятки и слободы Кукарки – с чаем, сахаром, кубовую краскою и галантерейными вещами»¹⁹⁰.

В числе крупных по товарообороту являлись: в Вятке – Семёновская, Великорецкая, Никольская ярмарки, в Глазове – Никольская, в Елабуге – Спасская, в Малмыже – Екатерининская, в Нолинске – «Всесвятская на Троицкой неделе», в Орлове – Ивановская, в Сарапуле – Казанская, в Слободском – «в 5-е воскресенье Великого поста с четверга», «Десятая, в 10-е воскресенье после Пасхи», «Осенняя, в воскресенье после 14 сентября», Екатерининская, в Яранске – «Троицкая на Троицкой неделе» и «Осенняя, во время прихода из Вятки Св. икон»¹⁹¹. Купцы на них выступали и как скупщики, и как продавцы, и как организаторы торговли (они избирались членами ярмарочных комитетов¹⁹²).

Торговля на Кафедральной площади в г. Вятке. С открытки

В начале XX в. обороты ярмарок в регионе падали, утрачивалось их значение как центров транзитной торговли, что являлось отражением похожей общероссийской тенденции, набравшей силу ещё с 1880-х гг. в связи с развитием стационарной торговли через магазины и лавки и появлением новых видов транспорта¹⁹³. В периодических изданиях сообщалось: «Алексеевская ярмарка в г. Котельниче прошла плохо: покупателей было мало...» или «В Елабуге происходит Спасская ярмарка. На нее привозятся из окрестных деревень хлеб и овощи, из Сарапула – обувь, из Камбарки – телеги, из Казани – кондитерский товар. Ярмарка большого значения не имеет...»¹⁹⁴. Современники обращали внимание и на изменение характера местных ярмарок, в частности, на то, что они всё более приобрели развлекательную направленность – «на ярмарке царит веселье»; на них работали питейные заведения, устанавливались балаганы, карусели. «Характерно, что в балаганах в числе акробатов и фокусников теперь выступает много китайцев. Это – явление новое», – говорилось о елабужской ярмарке¹⁹⁵.

В пореформенное время Россия полным ходом шла по пути индустриального развития, и роль предпринимательского сословия в этом процессе была важной¹⁹⁶. В середине 1880-х гг. в Вятской губернии насчитывалось 347 крупных и средних производств, из них купцам принадлежало 141, или 40,6 % (см.: приложение 18). В начале XX в. купеческие предприятия здесь составляли около 38 %¹⁹⁷.

Промышленность в регионе, традиционно основывавшаяся на обработке сельскохозяйственного сырья, характеризовалась в ту эпоху неравномерными темпами развития¹⁹⁸. Во второй половине века, как и в целом в стране, на местных предприятиях более масштабно внедрялась машинная техника, таким образом, промышленным переворотом охватывались всё новые отрасли – железоделательная, химическая, кожевенная, винокуренная и др. В 1880-е гг. наибольшее количество купеческих предприятий имелось в кожевенном, салотопенном и сально-свечном, винокуренном, пряничном производствах¹⁹⁹, в начале XX в. – в группе предприятий по «обработке животных продуктов» (кожевенные заводы), по «обработке питательных и вкусовых веществ» (винокуренные и пивоваренные, маслобойные, булочно-кондитерские предприятия), и, в основном, это были небольшие, с числом рабочих от 6 до 100 чел., предприятия²⁰⁰.

К числу крупных купеческих производств относились Омутнинский, Пудемский, Песковский, Кирсинский заводы, на которых из местной железной руды выплавлялся чугун и производилось железо. С середины – второй половины XIX в. владельцами этих, тяготевших

к уральской горнозаводской промышленности предприятий являлись ярославские купцы Пастуховы, использовавшие в производстве доменную и мартеновскую выплавку металла. На их предприятиях была сосредоточена значительная часть местных рабочих²⁰¹.

Занимая на металлургическом рынке России видное место (побывавший в стране в 1858–1859 гг. Александр Дюма-отец назвал одного из Пастуховых – Александра Матвеевича – «кажется, дважды или трижды» миллионером и отмечал, что он «торгует железом по всей России»²⁰²), Пастуховы сохраняли своё влияние на нём продолжительный период. В 1882 г. в Москве на Всероссийской промышленно-художественной выставке, где экспонировались «железо Кирсинского и Омутнинского заводов разных сортов и размеров», «руды Омутнинского завода», «чугун разных сортов, шлаки доменной плавки», они получили право использовать изображение государственного герба на своих изделиях²⁰³.

К началу XX в., когда владельцем предприятий²⁰⁴ являлся Николай Петрович Пастухов (1820–1909), его склады и конторы по продаже железа, свинца, олова, меди, цинка и т. д. располагались в С.-Петербурге, Москве, Туле, Ярославле, Вятке, на Нижегородской ярмарке²⁰⁵. На заводах Омутнинского горного округа (главная контора Пастуховых находилась в Ярославле, заводоуправление – в Омутнинске) также производились рельсы, балки, трубы, гвозди, проволока, чугунное литьё. «Вас оглушает страшный шум от удара молотов, бросания железа и т. п... Из

Особняк Вахрушевых в заводском селе

Купцы
Илья
Тимофеевич
(справа)
и Дмитрий
Ильич
Вахрушевы

печей вырывается яркий свет; рабочие бегают с раскаленными кусками железа и торопливо суют их под молот и в станы», – писал современник в «Заметках об Омутнинских горных заводах Н. П. Пастухова»²⁰⁶.

Положительную динамику деятельности заводы Пастуховых имели и в начале XX столетия²⁰⁷. Во многом благодаря осуществлённой в то время реорганизации производства их предприятия вошли в «список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии»²⁰⁸, хотя металлургическая промышленность региона тогда характеризовалась кризисными явлениями (в 1909 г. были закрыты предприятия Холуницкого округа «несостоятельного должника Поклевского-Козелл»²⁰⁹).

Одними из лидеров вятского кожевенного производства во второй половине XIX – начале XX столетия были Вахрушевы. На их заводах, располагавшихся в Слободском уезде, производилась «выделка сырых яловых кож на белую юфту», изготовлялась обувь и амуниционные вещи²¹⁰. Постоянно участвуя в торгах на поставку кожевенных товаров в казну, самые большие партии товаров этих предпринимателей предназначались для военного ведомства, выполнялись ими заказы и различных московских фирм.

В начале XX в., закупив машинную технику российских и зарубежных фирм, Вахрушевы открыли механические фабрики, существовавшие при старых заводах. Так, «на механической фабрике для шитья солдатского сапога» при кожевенном заводе торгового дома «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями» имелось «38 станков для предварительной затяжки на колодку, для накрывки подошв и подметок, одна

машина “Рондэлла” для срезания краев», швейные машины «Зингер», два автоматических штамповочных прессы, один формовочный пресс для подошв, одна подошво-прошивная машина и т. д.²¹¹

Особенно большой спрос на кожевенную продукцию местных производителей был в военные годы. В период Первой мировой войны, в сентябре 1916 г., торговый дом «Ф. Т. Вахрушева Сыновья» просил Главного интендантского управления в Петрограде «о наряде вагонов для внеочередной перевозки на завод... невыделанных кож: 1) со станции “Татарской” Сибирской железной дороги – 10 вагонов; 2) со ст. “Омск” – 15 вагонов; 3) со ст. “Курган” – 5 вагонов и 4) со ст. “Петропавловск” – 5 вагонов»²¹². В то время этим торговым домом выпускалось по 75–100 пар обуви в сутки. «Работы везде идут ускоренным темпом», – говорилось в газетной хронике тех лет с названием «Оживление в местном кожевенном и сапожном производстве»²¹³.

Помимо Вахрушевых, владельцами больших кожевенных производств были купцы Лаптевы, Поскребышевы, Зоновы (Вятка), И. С. Поскребышев, братья Николай, Иван и Александр Ивановичи Половниковы (Нолинск), Фофановы, Ф. А. Рыбакова (Слободской), Ф. П. Барабанщиков, Пешехоновы (Сарапул)²¹⁴. В 1870-е гг. в Вятке на кожевенном заводе купцов 2-й гильдии Михаила Яковлевича и Василия Степановича Поскребышевых, с числом рабочих «от 80 до 90 чел.», производилась «белая юфта в количестве 35 тыс. кож» на сумму 210 тыс. руб. в год, на заводе Ивана Яковлевича Поскребышева «от 70 до 80 рабочих» выделяли кожи (белую юфть и подошвенные) на сумму 240 тыс. руб.²¹⁵ В отличие от некоторых других кожевенных предприятий на заводе М. Я. и В. С. Поскребышевых, размещавшемся в каменном здании, работала «паровая машина в 12 сил высокого давления для растолчки ивовой коры и для подъема из реки Вятки, посредством насоса, воды до 2 500 ведр в час.»²¹⁶

В начале XX в. на кожевенном заводе с шорной мастерской купца первой гильдии Ивана Игнатьевича Лаптева, где трудились «до двухсот» рабочих, годовое производство определялось суммой в 1 890 000 руб.²¹⁷ На заводе Михаила Дмитриевича Лаптева при 150 постоянных рабочих и 50 временных выделялось «белых юфтовых кож» на сумму 1 125 000 руб.²¹⁸ Купеческие семьи Лаптевых, Зоновых и другие в тот период участвовали в торгах на поставку кожевенных изделий в военное и морское ведомства.

Во второй половине XIX в., после отмены дворянской монополии на винокурение и введения с 1863 г. на него акцизной системы широкое развитие в регионе получает купеческая винно-водочная промышленность. Число предприятий этой отрасли с 14 в середине XIX в. возросло

до 40 в 1870 г., из них гильдейские предприниматели владели 25 заводами²¹⁹. Купеческие винокуренные предприятия размещались в десяти уездах губернии. В 1860-е гг. самые высокие объёмы производства имели заводы Александрова в Слободском уезде, Матвеевой – в Уржумском, Ушкова – в Елабужском, Кононова – в Глазовском, Кардаковых – в Котельничском²²⁰. По сведениям на 1885 г., в числе наиболее крупных предприятий этой отрасли были заводы Стахеевых в Елабужском уезде, Ивана Бодалева – в г. Сарапуле, Булыгиных – в Яранском уезде, открытые в 1860-е гг.²²¹ На заводах последних насчитывалось от 50 до более сотни рабочих, и имелись паровые машины.

Лидерство в отрасли купцы обеспечивали созданием сети предприятий, выпускавших разнородную продукцию, но объединённых территориально, в том числе и для тесного взаимодействия в производственной сфере. По данным на 1870-е гг., наследникам Василия Васильевича Александрова в г. Слободском «при слободе Демьянской» принадлежали винокуренный, водочный и пиво-медоваренный заводы, а в имении «Соколовское» в Слободском уезде – винокуренный и водочный заводы²²², и в общем плане их взаимодействие выражалось в следующем: если покупка сырья для винокуренных и пиво-медоваренного предприятий велась специально, то производственный цикл на водочных заводах зависел от наличия спирта, которым они обеспечивались с винокуренных предприятий тех же хозяев. Такое взаимодействие производств наблюдалось и в слободе Кукарке Яранского уезда, где у Александровых также работали винокуренный и водочный заводы²²³.

Несколько иначе обстояли дела у владельца водочного завода купца первой гильдии г. Вятки Петра Савинцева: ему приходилось закупать сырьё в своей губернии и в Москве²²⁴. Купец 2-й гильдии С. Д. Троегузов (Нолинск) для собственного водочного производства приобретал вино и спирт «из складов и заводов купца Александрова в Слободском и Яранском уездах»²²⁵.

В середине 1880-х гг. владельцами одновременно винокуренных, водочных и пиво-медоваренных предприятий, помимо Александровых, являлись И. И. Бодалев, Кардаковы, Стахеевы; винокуренного и водочного – В. Н. Беляев (Яранск); винокуренного и пиво-медоваренного – Булыгины²²⁶.

Продукция вятских винокуренных заводов успешно реализовывалась как за границей, так и внутри страны – более чем в 15 губерниях, прежде всего, в Пермской, Казанской и Вологодской²²⁷. Торговля спиртными напитками с местных купеческих предприятий масштабно осуществлялась и в Вятской губернии.

Кроме оптовой продажи, купцы-винопромышленники открывали свои питейные заведения. На рубеже 1870–1880-х гг. купец первой гильдии Иван Васильевич Александров имел в Слободском шесть питейных заведений, один оптовый склад, пять трактиров и один ренсковый погреб, в Слободском уезде ему принадлежало 45 питейных заведений, трактир, ренсковый погреб и оптовый склад, в Вятском уезде – 15 питейных заведений, в г. Орлове – 4 (для сравнения: всего в тот период в Вятской губернии насчитывалось 1546 питейных заведений)²²⁸. В 1900 г. винокурение в регионе достигало более 30 % суммы производства всех местных фабрик и заводов²²⁹.

Во второй половине XIX в. благодаря купцам Ушковым Вятская губерния становится важным центром химической промышленности России. С именами Капитона Яковлевича Ушкова и его компаньона московского купца первой гильдии П. С. Малютина связано появление в 1850 г. первого в стране хромпикового завода в Кокшанской лесной даче, что стало крупнейшим событием в химической промышленности²³⁰. На Кокшанском и Бондюжском химических заводах этих предпринимателей, располагавшихся в Елабужском уезде, с использованием преимущественно отечественного сырья и различного специального оборудования – калильных и отражательных печей, свинцовых камер, железных паровиков, водоподъемных машин, водяной мельницы и т. д. производились, помимо хромпика, серная кислота, поташ, квасцы, купорос²³¹.

Химические товары Ушковых приобретались «на русские мануфактуры и фабрики в С.-Петербурге, Москве, Иванове, Перми, Казани, Саратове, Астрахани, Елабуге», а также торговля ими велась на Нижегородской, Мензелинской и Ирбитской ярмарках²³². Обращает на себя внимание тот факт, что с раннего времени эти заводовладельцы уделяли внимание обустройству быта своих рабочих. В 1870-е гг. на Бондюжском химическом заводе Петра Капитоновича Ушкова, где трудились 320 чел., имелась больница с постоянным вольнонаёмным фельдшером, семейные рабочие располагались в «особо устроенных домах»²³³. Действовала больница и на Кокшанском заводе с числом рабочих 410 чел. Кроме того, на этом предприятии существовала школа для «детей заводских мастеров и рабочих»²³⁴.

В экономике городов весомо были представлены мелкие купеческие предприятия, связанные с выпуском предметов повседневного спроса – мыла, свечей, спичек. Во второй половине XIX столетия в Вятке работали «мыловаренной, клееваренной и свечной завод» Сунцовых, клееваренный и воскосвечный заводы Алексея Казенина (использовал машинное оборудование), воскосвечный завод Ивана Овечкина, открытый ещё в

1830 г., «спичечные заведения» Андрея Хлебникова, Ивана Куклина и Ипполита Попова; в Сарапуле действовали мыловаренные заводы Алексея Зайцева, Осипа Бородина (занимался также сально-свечным производством), воскосвечный завод братьев Петра и Василия Зылевых; в Елабуге работали свечелитейные заводы Алексея Баутина и Василия Бусыгина, воскосвечный завод Парфёна Зимина; в Глазове действовал мыловаренный завод Михаила Шутова, а в Уржуме – Ивана Сметанина (имел также сально-свечное заведение); в Слободском выпуск спичек осуществляли Константин Шмелев и «купчиха Ворожцова и К^о» (ей принадлежал и клееваренный завод в этом городе), в Орлове – купцы Григорий Силин и Иван Попов; в Яранске производство свечей велось на заводах Василия Беляева, Ивана Семёнова и Дмитрия Жукова²³⁵.

В Слободском на предприятии купца Василия Лалетина строились летние и зимние экипажи, продававшиеся затем в городах губернии²³⁶. В этом же городе существовала сеть купеческих предприятий по обработке мехов и выпуску одежды. По сведениям на 1872 г., владельцами скорняжных заведений были купцы Николай Шмелев, Михаил Плюснин, Распоповы, шубных – Шулаков, купчиха Желвакова, замшевого – Прокопий Агафонов²³⁷. В 1885 г. в числе крупных заводов (с годовой суммой производства – более 1 тыс. руб.) значились пять слободских гильдейских предприятий данного профиля – Ивана Желвакова, Николая Дряхлова, Дмитрия Плюснина, Ивана Трофимовича Распопова, Ивана Ивановича Распопова²³⁸. «Скорняжно-меховая промышленность развита более в г. Слободском и его окрестностях и пользуется известностью не только в России, но за границей, – отмечалось вятским губернатором в отчёте за 1900 год. – Выделанные меха... сбываются во всех главных торговых центрах Европейской России и за границей, преимущественно в Лейпциге»²³⁹.

Купцы вкладывали средства и в открытие предприятий строительной отрасли: в Котельниче работали кирпичные заводы купцов Кардаковых, Михаила Глушкова, Фёдора Ситникова, в Слободском – Рыбакова, купеческого брата Михаила Катаева, в Яранске – Ивана Костромитинова, в Глазове – Михаила Шутова²⁴⁰.

В Нолинске действовали щетино-выделывающие заводы купцов Романа и Якова Петровичей Злобиных, открытые в 1874 г. и поставлявшие свою продукцию в Петербург²⁴¹. Купцы были также владельцами канатного (в Сарапуле – Василий Красильников) и «для обделки льна» (в Котельниче – Семён Зырин) заводов. На предприятии потомственного почётного гражданина и купца Семёна Сергеевича Зырина, работавшем в зимний период, трудилось немалое, по местным меркам, число рабо-

чих – 50 чел. (сумма годового производства этого завода составляла 20 тыс. руб., продукция сбывалась в Петербурге и Архангельске)²⁴².

Пищевая промышленность городов Вятской губернии, помимо винокуренных и водочных производств, была представлена: в Вятке – шоколадной и кондитерской фабрикой и булочно-пряничным заведением Станислава Якубовского, в Котельниче – пряничными заводами Фёдора Ситникова, Матвея Воронцова, Василия Куршакова, в Елабуге – пряничными заведениями Алексея Баутина, Дмитрия Кулакова, Бусыгиных, Ивана Пестерева, Ивана Епанечникова, в Нолинске – заводами этого же профиля Алексея Парамонова, Коробковых, Зыкиных, Ивана Стрижова, в Слободском – солодовенным заведением Михаила Катаева, в Глазове – пряничным заведением Платуновых, в Сарапуле – маслобойными заведениями купцов Курбатовых и пряничным производством Марка Овсянникова²⁴³.

Во второй половине XIX в. в городах губернии расширялось табачно-махорочное производство: в 1882 г. в Вятке была открыта фабрика купца Ивана Кулепетова, в 1883 г. в Нолинске – Якова Небогатикова, в Слободском – Афанасия Громозова, Афанасия Бородина и Дмитрия Бакулева, в 1884 г. в Котельниче – Егора Самоделкина²⁴⁴. По сведениям на 1885 г., всего в регионе в тот период насчитывалось пять табачно-махорочных фабрик (с общей суммой годового производства – 49 302 руб. и числом рабочих – 44 чел.), и все они принадлежали купцам²⁴⁵.

Благодаря купечеству в городах развивалась металлургия и химическое производство. В Вятке работал синекалевый завод купца Фёдора Клячина, в Слободском – чугуно- и меднолитейные заведения Косаревых, химический завод Платуновых, где изготавливались купорос, фосфор, азотная кислота, в Сарапуле – чугунолитейный завод братьев Дедухиных, в Елабуге – чугунолитейный завод братьев Шишкиных²⁴⁶.

В Слободском купец Николай Бакулев с братьями занимался изготовлением медных церковных колоколов, отправлявшихся на Нижегородскую ярмарку; велись работы и по заказам. В 1870-е гг. их завод размещался в пяти деревянных строениях, где трудились 20 рабочих (сумма годового производства этого предприятия достигала 60 тыс. руб.)²⁴⁷. В тот период Бакулевы отливали колокол для Русского скита на Афоне²⁴⁸.

Показателем успешности некоторых купеческих производств служили награды, полученные на российских и международных выставках. Так, «за химические изделия» купец первой гильдии, мануфактур-советник Пётр Капитонович Ушков в 1872 г. «по представлению экспертов Московской политехнической выставки» получил большую золотую медаль и почётный диплом, в 1873 г. от австрийского правительства «за

выставку в Вене» он удостоивается высшей награды – «большой медали преуспевания» и диплома, в 1876 г. от правительства Северо-Американских Соединённых Штатов «за выставку в Филадельфии» – золотой большой медали и диплома, в 1878 г. от французского правительства «за выставку в Париже» – большой золотой медали, а в 1882 г. «за выставку в Москве» ему было «Высочайше даровано право употребления Государственного герба на химических изделиях»²⁴⁹. В «Вятских губернских ведомостях» сообщалось о купцах, получивших награды Казанской выставки. В 1890 г., например, обладателем золотой выставочной медали стал И. В. Александров («за весьма хорошее качество спирта и хорошее вино»); большие серебряные медали получили Игнатий и Михаил Дмитриевичи Лаптевы («за хорошую выделку юфтовых и подошвенных кож»); малые серебряные медали – фирма Распоповых («за хорошую выделку беличьих мехов»), торговый дом братьев В. и А. Сунцовых («за производство хорошего качества мыла и свеч»); бронзовую медаль – И. Д. Лаптев («за производство хорошего качества клея») и т. д.²⁵⁰ В 1907 г. на международной выставке в Париже фирма С. О. Якубовского, занимавшаяся кондитерским производством и торговлей музыкальными инструментами, была премирована «большой золотой медалью и почетным крестом»²⁵¹.

В эпоху капитализма, особенно на рубеже XIX–XX вв., в России интенсивно шёл процесс объединения капиталов в акционерные общества и торговые дома: если в 1892 г., по некоторым свидетельствам, в стране насчитывалось 608 акционерных предприятий и 1463 торговых дома, то в 1905 г., соответственно, 1589 и 3593²⁵². Берущие начало ещё в первой половине XIX в. новые формы организации предпринимательской деятельности, утверждаясь, вытесняли с рынка купцов-одиночек, побуждая их к вступлению или созданию тех или иных предприятий ассоциированного типа.

В наибольшем числе в Вятско-Камском регионе открывались торговые дома – полные товарищества, часто организованные на родственных началах и представлявшие собой первичный уровень объединения капиталов. Здесь работали: в Вятке – торговые дома «Братья В. и А. Сунцовы» (открыт в 1871 г.), «Игнатий Лаптев с С-ми» (1891), «Братья Поскребышевы» (1896), «Наследники Якова Фомича Тырышкина» (1903), в Елабуге – «В. Г. Стахеева Н-ки», в Котельниче – «Товарищество А. и Я. Зубаревы», «Братья Григорий и Иван Селезневые», в Малмыже – «Наследники коммерции советника И. В. Александрова» (с главной конторой в Казани), в Нолинске – «Я. Е. Небогатикова Сыновья», в Сарапуле – «Никифора Дедюхина Сыновья», «Алексей Шитов»,

«Дмитрий Григорьевич Ижболдин с С-ми», «Николай Барабанщиков и племянники», в Слободском – «Захара Андреевича Платунова Н-ки»; и т. д.²⁵³

В основе создававшихся явочным порядком полных товариществ лежал договор, заключённый между их учредителями. Так, в договоре, подписанном в январе 1871 г. родными братьями, купцами второй гильдии г. Вятки Василием и Александром Степановичами Сунцовыми, содержалось 20 условий деятельности их фирмы. Этим учредительным документом определялось, что каждый из братьев «вкладывает наличного капитала по десять тысяч рублей», они «вместе и каждый порознь» имели право «входить во всякие торговые предприятия, могущие дать пользу и выгоду торговому дому», «прибыли и убытки» ими делились пополам, братья отвечали «за все дела торгового дома вообще и порознь всем своим имуществом как движимым, так и недвижимым»²⁵⁴. На похожих условиях, правда, с меньшим основным капиталом (по пять тыс. руб. с каждого учредителя), в марте 1878 г. заключили договор купцы второй гильдии губернского центра Яков и Алексей Васильевичи Башмаковы, организовавшие «полное товарищество под фирмою “Торговый дом Я. и А. братья Башмаковы в городе Вятке”»²⁵⁵. В декабре 1907 г. о своём намерении открыть торговый дом «под фирмою “Денис Зонов с С-ми”» с учредительным капиталом в 200 тыс. руб. «для производства общей торговли кожевенными, лесными и другими всякого рода товарами в городе Вятке и других местностях Российской Империи» заявил купец Д. Ф. Зонов с сыновьями Александром и Максимом²⁵⁶. Двадцать одно условие их договора детально прописывало и систему управления торговым домом, и круг его деятельности, и финансовые вопросы.

Другая форма торговых домов, имевшая более высокую степень объединения предпринимательских средств и интересов и включавшая в себя не только «полных товарищей», но и вкладчиков, – товарищество на вере – была представлена меньшим числом фирм. К этой группе торговых домов, в частности, относились фирмы: в Вятке – «Алексей Клабуков с С-ми и К°» (1892), «Козьма Игнатьевич Лаптев и К°» (1902), «Товарищество Косинской писчебумажной фабрики наследников Феофилакта Михайловича Рязанцева и К°» (1907), «Семен Федорович Лаптев и К° в Вятке» (1908), в Котельниче – «Братья Изергины, Корчагин и К°», в Слободском – «Глафира Ивановна Ворожцова и К°»²⁵⁷.

В договоре о создании товарищества на вере «под фирмою “Торговый дом Алексей Клабуков с С-ми и К°”», организованного с целью «а) торговли винными, фруктовыми, бакалейными и другими разного рода товарами и б) исполнения казенных и частных подрядов на по-

ставку разных товаров», указывалось, что его учредителями являются купец второй гильдии Алексей Анисимович Клабуков и его сыновья – Николай и Василий, при этом глава семьи и Василий Алексеевич «считаются основателями и распорядителями делами товарищества», а Николай Алексеевич – вкладчиком²⁵⁸. Организатором товарищества «Семен Федорович Лаптев и К^о в Вятке» по производству и торговле спичками выступил, соответственно, купец Лаптев, а вкладчиками данного торгового дома стали «жена вятского мещанина» Александра Ильинична Лаптева и крестьяне Слободского уезда «Афанасий и Александр младший Ильичи Вахрушевы»²⁵⁹. Прибыль, полученная в ходе торгово-предпринимательской деятельности этих и других, похожих товариществ, распределялась между товарищами-распорядителями и вкладчиками «сообразно их взносов», а в случае появления долгов первые несли ответственность «основными капиталами своими», «всем своим движимым и недвижимым имуществом», вкладчики же отвечали «только своими вкладами».

Всего, по сведениям городских управ, в самом начале XX в. насчитывалось 26 купеческих торговых домов, или 60,5 % от общего числа этих учреждений (основателями других торговых домов являлись преимущественно зажиточные крестьяне и мещане; среди учредителей были и дворяне, и «штурман дальнего плавания», и «отставной полковник», и т. д.)²⁶⁰. «Традиционный буржуа-купец, хотя и сохранял позиции в верхнем эшелоне класса, но ему всё чаще приходилось соседствовать и сотрудничать с теми, кто не прошёл длительный процесс исторического развития на основе постепенного накопления капитала и последовательного расширения единолично-семейного дела», – отмечал А. Н. Боханов²⁶¹. Эта особенность складывания деловой элиты на этапе монополистического капитализма, как видим, отчётливо обозначилась и на северо-востоке Европейской России.

Нужно обратить внимание и на тот факт, что немалая часть вятских купеческих торговых домов (53,8 %) была непосредственно связана с промышленным производством²⁶², что являлось в начале XX в. характерной тенденцией экономического развития государства в целом, тогда как ранее сферу деятельности подавляющего числа домов составляли, в основном, оптовая и розничная торговля²⁶³. Некоторые из вятских торговых домов, сочетавшие торговую деятельность с промышленностью, являлись крупнейшими в России. По сведениям на 1904 г., среди таковых были, например, две фирмы Александровых, занимавшиеся торговлей хлебом и «пищевкусовыми производствами», чей совокупный товарищеский капитал составлял 1,4 млн руб.²⁶⁴

Торговые дома работали во всех крупных торгово-промышленных центрах региона, а некоторые из них имели конторы и за её пределами – в Казани, Астрахани, Перми, Уфе, Томске, Иркутске и других городах. «Полными товарищами» торговых домов становились купцы обеих гильдий (2–3 и более чел.).

В Вятской губернии действовали и более сложные по организации объединения – акционерные общества, имевшие широкий круг вкладчиков. Л. Е. Шепелев, изучавший механизмы создания и функционирования этих обществ, обращал внимание на их устойчивость («сравнительное долголетие») – в начале XX в. «каждая пятая компания действовала более 20 лет», на охват ими всех основных отраслей экономики, на сосредоточение правлений обществ преимущественно в главных финансовых центрах страны, в особенности в Петербурге и Москве, на процессы акционирования крупных торговых домов и т. д.²⁶⁵ Эти черты в той или иной степени прослеживались и на северо-востоке Европейской России, отражая и местную специфику хозяйственного развития региона, связанную, в частности, с сельскохозяйственной его специализацией.

В Вятской губернии проявилась одна из особенностей российского акционерного учредительства, заключавшаяся в том, что организаторы-родственники обществ стремились сохранить в своих руках основную часть акций, используя для этого форму семейных паевых товариществ. «Высочайше утвержденным товариществом на паях», например, являлась открытая в 1883 г. фирма купцов Ушковых – «Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и Ко» (его соучредителем выступил проживавший в Москве кунгурский купец А. С. Губкин, родственник Ушковых) с правлением в Москве, конторами на Бондюжском и Кокшанском химических заводах и отделением конторы в Елабуге²⁶⁶. Товарищество охватывало своей деятельностью весь Уральский регион и Поволжье, оно являлось владельцем двух химических заводов в Вятской губернии, одного – в Казанской и одного – в Самарской, имело кирпичный, гончарный, стекольный, масловый заводы, земельные угодья, два парохода, многочисленные баржи, склады в Екатеринбурге, Перми, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Москве, Самаре и т. д.²⁶⁷ Позже, в ноябре 1892 г. Александром III также было дано разрешение на открытие товарищества на паях «под наименованием торгово-промышленное т-во под фирмою Ф. П. Гирбасов с сыновьями и К^о»²⁶⁸. Его правление располагалось в г. Елабуге, а основным направлением деятельности была торговля хлебом и чаем.

Создавались объединения и с разносторонним составом владельцев. Паевой компанией в Вятской губернии было товарищество Вятско-

Волжского пароходства, устав которого 21 декабря 1901 г. Николай II «рассматривать и Высочайше утвердить соизволил»²⁶⁹. Учредителями товарищества выступили вятские купцы первой гильдии Тихон Филиппович Булычёв, Яков Фомич Тырышкин и торговый дом «Наследники коммерции советника И. В. Александрова», до этого имевшие свои пароходства. По уставу все принадлежавшие им «пароходы, баржи, баркасы и другого наименования суда, разное судовое имущество, а также пристани с жилыми и нежилыми строениями, находящиеся в разных пунктах по рекам Вятке, Чепце, Каме, Волге и Белой, и вообще в пределах района действий товарищества со всеми при них устройствами, машинами и материалами» переходили в собственность новой фирмы²⁷⁰. Её основной капитал определялся в размере трёх миллионов рублей, «разделенных на три тысячи паев по 1 тыс. руб. каждый»²⁷¹. Т. Ф. Булычёв являлся директором-распорядителем товарищества, а его компаньоны – директорами. Эта фирма, объединив наиболее крупных купцов-судовладельцев, по сути, монополизировала пассажирские и грузовые перевозки в регионе, являвшиеся во второй половине XIX в. прибыльным источником доходов и других предпринимательских семей (А. С. Куклина, Казениных, Якимовых, Небогатиковых). Впоследствии в целях сохранения своего влияния в связи с развитием железнодорожного транспорта, конкурентной борьбой товарищество Вятско-Волжского пароходства вошло в Москворецкий синдикат, образованный в 1910 г.²⁷²

В акционерные объединения вошли также предприятия Пастуховых (в декабре 1912 г. при участии Сибирского торгового банка учреждается акционерное общество «Северных заводов наследников Н. П. Пастухова» с основным капиталом 9 млн руб.) и Вахрушевых (в 1917 г. торговый дом «Ф. Т. Вахрушева Сыновья» преобразуется в «Акционерное общество кожевенных заводов и фабрик Петра Вахрушева с Сыновьями»)²⁷³.

В числе крупнейших торгово-промышленных объединений были торговые дома елабужских купцов Стахеевых («Григория Стахеева Сыновья», «В. Г. Стахеев и наследники», «И. Г. Стахеев»). Эти предприниматели вели крупную хлебную торговлю, как в России, так и на зарубежных рынках, продавали нефть и керосин, мануфактурные товары, чай, вино, являлись владельцами пароходов²⁷⁴. В октябре 1890 г. о фирме «Григория Стахеева Сыновья», объединявшего капиталы Ивана и Василия Стахеевых, елабужский уездный исправник сообщал губернатору: «Торговый дом Ивана Григорьевича Стахеева (был главой товарищества. – М. С.)... производит торговлю в разных городах: Елабуге, Рыбинске, Челябинске, Троицке, Златоусте, Миясе и др. ... Стахеев имеет несколько заводов: винокуренный, водочный, мыловаренный, состоит

в товариществе по пивоваренному заводу и имеет шесть собственных пароходов, отправляет большие партии своего хлеба в Рыбинск (где г. Стахеева называют «хлебным королем»). Расходы по управлению и администрации торгового дома простираются в год до 200 тыс. руб., из чего нужно заключать, что весь торговый оборот простирается до 10 миллионов»²⁷⁵.

Из документов канцелярии вятского губернатора известно также, что ежегодно И. Г. Стахеев заготовлял «хозяйственным способом» хлебных товаров (льняного семени, гречневой крупы, ржи, пшеницы, ржаной муки, овса) на сумму до 3 млн руб., приобретал мануфактурный товар «от российских фабрикантов» на 2 млн руб.²⁷⁶ В историографии обращалось внимание на отсутствие специализации внутренней торговли фирмы Стахеевых, что было характерным явлением «именно российской периферийной экономики, как в домонополистический период, так и в эпоху развитого капитализма»²⁷⁷. В 1891 г. за полезную деятельность и особые труды на поприще промышленности и торговли главе торгового дома «Григория Стахеева сыновья» Александр III «Всемилоостивейше соизволил пожаловать... звание коммерции советника»²⁷⁸.

Широкие масштабы торгово-предпринимательской деятельности Стахеевых позволили им с размахом включиться в усилившийся в начале XX в. процесс монополизации экономики России. В мае 1912 г. старший сын Ивана Григорьевича, Иван Иванович Стахеев, заключил договор с поволжским предпринимателем П. П. Батолиным об объединении капиталов в рамках полного товарищества «И. Стахеев и К^о» (его основной капитал составил 2,5 млн руб., из которых 2/3 принадлежали Стахееву и 1/3 – Батолину). С того же времени к делам фирмы проявляет интерес Русско-Азиатский банк, открывший для неё специальный кредит. В дальнейшем полноправным членом этого торгово-промышленного объединения становится и Алексей Иванович Путилов – председатель правления Русско-Азиатского банка. Таким образом, сложился крупный российский концерн, охватывавший, помимо хлебной (традиционной для Стахеевых) торговли, уральские и подмосковные металлургические заводы, нефтяные предприятия Эмбы, сахалинские каменноугольные копи, среднеазиатские плантации хлопка и заводы по его обработке, железнодорожное строительство и т. д. Расцвет деятельности концерна пришёлся на 1917 г. (в тот период общая сумма оборотов предприятий этой монополистической организации достигла астрономических цифр – исчислялась миллиардами рублей)²⁷⁹. «Мощь концерна Путилова – Стахеева – Батолина, – отмечала Т. М. Китанина, – определялась, прежде

всего, его органической связью с Русско-Азиатским банком, раскинувшим сеть своих отделений по всей стране, патронировавшим 163 торговых и промышленных предприятия, пользовавшимся исключительно широкой поддержкой министерства финансов и имевшим прочные связи в правительственных сферах»²⁸⁰.

Эти примеры показывают, что региональное купечество стало одним из источников образования крупной деловой элиты России на новом этапе в истории российского предпринимательства, связанном с формированием финансовой олигархии. Пройдя путь от первичных форм накопления капиталов на основе индивидуального и семейного бизнеса до создания коллективных торгово-промышленных объединений, его представители оказывали огромное влияние на развитие экономической жизни государства.

Ещё одной сферой вложения купеческих капиталов служили земельные угодья. Местные торговцы и промышленники становились их обладателями с ранних времён²⁸¹. Правительственная политика, проводившаяся в первой половине XIX в., постепенно отменяла сословные ограничения при осуществлении купли-продажи земли, тем самым способствуя росту и купеческого землевладения²⁸². Во второй половине столетия в Вятско-Камском регионе во владении представителей гильдейского сообщества находились чаще всего участки размерами от 5 до 100 десятин²⁸³. Так, в 1869 г. в Слободском уезде имелось 48 частных землевладений, из них 23 – купеческие²⁸⁴. Средний размер «гильдейского» земельного участка в этом уезде составлял 48 дес. Самые значительные из них принадлежали купцам Александровым (320 дес.), Гаврилу Трофимовичу Ончукову (164 дес.), братьям Василию и Александру Васильевичам Рязанцевым (115 дес.)²⁸⁵.

В тот же период в Котельничском уезде средний размер купеческого землевладения равнялся 195 дес.²⁸⁶ Лидером по площади земельного участка здесь был купец 2-й гильдии Матвей Матвеевич Бородин, имевший 593 дес. Всего же в этом уезде из 26 землевладений пять принадлежали купцам.

В Яранском уезде из 63 частных землевладений шесть были купеческими с участками от 12 до 392 дес.²⁸⁷ В Глазовском уезде из 101 землевладения 21 принадлежало купцам²⁸⁸. Размеры их земельных участков были здесь заметно больше (от 11 до 8200 дес.), чем в других уездах. В Нолинском уезде, по данным на 1869 г., «гильдейских» земель не имелось²⁸⁹.

В 1871 г. в Сарапульском уезде было 47 частных земельных участков, среди них 5 – купеческие²⁹⁰, от 40 до 1846 дес. Крупным зем-

левладельцем здесь был слободской купец Яков Петрович Смолин (ему принадлежало 1 846 дес.); Василий Иванович Попов (Елабуга) имел 208 дес., Василий Васильевич Боде – 59 дес. 2 226 саж., Григорий Матвеевич Котков – 47 дес. 600 саж., Захар Никитич Попов – 40 дес. 500 саж.²⁹¹ Средний размер купеческого землевладения в Сарапульском уезде составлял 440 дес.

В 1880-е гг. в Орловском уезде насчитывалось 46 частных землевладельцев, из них 8 – купцы²⁹². Среди последних от 10 до 20 дес. имел 1 купец, от 30 до 40 дес. – 1, от 40 до 50 дес. – 1, от 50 до 100 дес. – 2, от 100 до 150 дес. – 2, от 200 до 300 дес. – 1²⁹³. В те же годы в Вятском уезде из 250 частных владений купеческих было 65, из них 58 – участки до 100 дес.²⁹⁴ Весомая часть местных купцов, таким образом, относилась к категории мелких землевладельцев. Тем не менее, статистики отмечали у гильдейских предпринимателей «стремление к приобретению более крупных участков»²⁹⁵.

Среди же крупных купеческих земельных владений выделялись хозяйства верхушки предпринимательского сообщества, чьи капиталы складывались на основе ведения активной оптовой торговли и обширной производственной деятельности. Вместе с покушкой у казны Кирсинского и Песковского заводов Пастуховы получили «право пожизненного владения огромным количеством десятин земли и лесов (209 468 дес. 401 саж.)», Я. А. Прозоров имел 6 тыс. дес. земли в Глазовском уезде, торговавший хлебом слабужский потомственный почётный гражданин Иван Григорьевич Стахеев был собственником «земли в Елабужском и Мензелинском (Уфимской губернии. – М. С.) уездах до 10 тыс. десятин, Александровым принадлежали имения «Соколовское» в Слободском уезде (283 дес. 832 саж.), «Савали» и «Калинино» близ Малмыжа (ок. 1700 дес.), земля при винокуренном заводе в г. Слободском «при слободе Демьянской» (49 дес. 2374 дес.), Ушковы владели пахотными и луговыми землями при Кокшанском заводе, где сельское хозяйство строилось «на заграничный манер»²⁹⁶. В списке землевладельцев Вятской губернии, владевших в начале XX в. «не менее чем 100 дес. земли», значились представители купеческих семей Булыгиных, Бушковых, Ижболдиных, Матвеевых, Семёновых²⁹⁷.

Свои земли гильдейские предприниматели распределяли под пашню, сенокос, оставляли под лесом, а также сдавали в аренду и в исполу (на половинных началах, пополам с другими). В 1870-е гг. Александровы сдавали в аренду 74 дес. пахотной земли в Слободском уезде, П. М. Воробьёв – 29 дес. земли в том же уезде²⁹⁸. Пётр, Яков и Николай Капитоновичи Ушковы, владельцы «Кокшанской дачи» в Елабужском уезде, где

насчитывалось 92 дес. пахотной земли, также практиковали арендные сделки²⁹⁹. На половину урожая рассчитывал слобожанин Яков Смолин, отдававший «окольным крестьянам» свою землю в исполу³⁰⁰. Для обработки земельных владений купцы (А. И. Рязанцев, И. И. Громозов, И. В. Александров, Ушковы и др.) широко использовали наёмный труд.

В хозяйствах гильдейских предпринимателей преобладали посевы ржи, овса, ячменя, выращивались пшеница, полба, греча, лён, картофель. В отдельные годы урожайность сельскохозяйственных культур на их участках колебалась от сам-3 до сам-5, могла и составлять сам-9 и сам-15³⁰¹, причём усовершенствовать агрокультуру, по некоторым данным, купцы не спешили. «Улучшенной системы хозяйства введено не было», – нередко читаем в документах об их землепользовании³⁰².

Нельзя не сказать и о взаимосвязи купеческого землевладения с производством, проявлявшейся, в частности, в том, что крупные имения нередко принадлежали владельцам винокуренных заводов (Матвеевы, Александровы, Стахеевы, Смолин и др.), где основным сырьём служила сельскохозяйственная продукция. Показательно, что слободской купец Я. П. Смолин, обладавший лесной, пахотной и сенокосной землёй в Сарапульском уезде, здесь же содержал винокуренный завод, паровую мельницу и «несколько... домов с питейным заведением»³⁰³. У Александровых в имении «Соколовское» самые большие участки находились под пашней (70 дес. 575 саж.) и лесом (176 дес. 2 178 саж.)³⁰⁴.

На складывание здесь купеческого землевладения влияли общие особенности экономического развития региона, традиционно проявлявшиеся в незначительности частных земель. Во многом примечательны цифры: в 1880-е гг. земли, находившиеся в частной собственности, составляли в губернии лишь 5,1 % всей площади (в собственности купцов в тот период насчитывалось 25 % частных земель); казённые, удельные и другие – 51,5 %, крестьянских обществ – 43,4 %³⁰⁵.

В 1905 г. на долю частных земельных владений приходилось всего 6,1 %, из них внушительное большинство (92,3 %) – мелкие владения³⁰⁶. Купцам (вместе с почётными гражданами) тогда принадлежало 379 202 дес. (с учётом земель гильдейских предприятий – фирм, фабрик, заводов) – больше, чем представителям других сословий (для сравнения: дворяне имели 326 717 дес., мещане – 12 504 дес., духовенство – 3 016 дес.). Все эти показатели позволяют говорить о гильдейских предпринимателях как категории населения, экономическое влияние которой основывалось и на сравнительно немалом, по меркам региона, землевладении.

П. Ф. Веретенников

*Вятский городской общественный
Фёдора Веретенникова банк*

Во второй половине XIX – начале XX в. купцы всё чаще проявляли инициативу и в сфере финансовой деятельности, осознавая необходимость дальнейшего расширения в регионе ссудо-кредитных операций как одного из условий их профессионального процветания. Открытый в Слободском в 1810 г. общественный банк являлся не единственным в Вятской губернии. В ноябре 1862 г. такое же учреждение (второе здесь по времени основания) появилось в губернском центре. Инициатором открытия нового банка ещё в 1848 г. выступил мануфактур-советник Пётр Фёдорович Веретенников³⁰⁷. В его письме на имя городского головы И. Е. Моралева говорилось: «По чувству привязанности к месту рождения и по всегдашнему уважению к прежним моим согражданам желал бы я способствовать к устройству в городе Вятке учреждения, которое могло принести общую пользу развитием торговли, следовательно, и благосостояния жителей... На сей предмет предназначаю я из собственного капитала серебром 10 тыс. рублей с изъявлением желания, чтобы предлагаемому учреждению присвоено было в память покойного родителя моего следующее наименование: “Вятский Городовой банк Фёдора Веретенникова”»³⁰⁸.

Целых 14 лет Вятское городское общество добивалось открытия банка (сочинялся его устав, велась переписка с правительственными учреждениями). В октябре 1862 г. правление банка во главе с его директором, которым был избран купец Илья Николаевич Веретенников (племянник учредителя), было приведено к присяге, а 1 ноября того же года банк открылся³⁰⁹.

Деятельность Вятского городского общественного Фёдора Веретенникова банка, изначально включавшая в себя операции по приёму вкладов, учёту векселей и выдаче ссуд под залог недвижимости, драгоценностей, товаров, развивалась вполне успешно. За период с 1862 по 1911 г. общий оборот банка превысил 245 млн руб., что, как писал О. М. Жирнов, «несомненно, сыграло огромную роль в развитии торговли и промышленности среди населения города Вятки»³¹⁰. Основной капитал банка с момента его объявления учредителем к 1901 г. увеличился в 31 раз, а к 1912 г. – в 37 раз³¹¹. Прибыли банка распределялись по четырём статьям: «в основной капитал», «в запасный капитал», «на благотворительные надобности», «на городские надобности». «Сравнивая деятельность Вятского банка с другими банками губернских городов, видно, что он, как по величине основного и запасного капиталов, так и по своим оборотам занимает далеко не последнее место, стоя впереди многих из них», – отмечалось в 1913 г.³¹²

Городские банки постепенно открылись во всех уездных центрах губернии: в 1862 г. – в Котельниче, в 1866 г. – в Елабуге, в 1869 г. – в Сарапуле, в 1871 г. – в Яранске, в 1873 г. – в Нолинске, в 1881 г. – в Глазове, в 1882 г. – в Уржуме, в 1902 г. – в Орлове, в 1904 г. – в Малмыже³¹³. Все они появились благодаря активности городских дум и предпринимательского сообщества. В ряде случаев первоначальный капитал банка являлся инициативой отдельного купца: в Котельниче – Михаила Кардакова (пожертвовал 10 тыс. руб. серебром), в Нолинске – Ивана Лихачёва, в Орлове – Якова Шамова. «Имя М. И. Кардакова пользуется большою известностию в промышленной России и за границую...» – сообщали «Вятские губернские ведомости», рассказывая об открытии 6 ноября 1862 г. «общественного Кардакова банка» в г. Котельниче. – «...Михаил Иванович сколько имел в виду удобство промышленных людей, которые будут иметь под руками готовый и нисколько не обременительный кредит, столько же желал положить прочную основу существованию дома призрения, в котором чувствуется здесь настоятельная потребность»³¹⁴. В начале XX в. по суммам основного и запасного капиталов лидерами среди городских банков были Елабужский, Вятский, Сарапульский и Слободской³¹⁵.

Состоятельные купцы занимались и частным кредитованием, ими организовывались ссудные кассы. В феврале 1890 г. по предложению губернатора членами Вятского городского общественного управления производилась ревизия ссудных касс купцов Блювштейна³¹⁶ и Галицкого. Было отмечено, что в кассе Блювштейна «все книги ведутся исправно... гербовый сбор взимается правильно... залого хранятся в по-

рядке, проценты за рост и за хранение взимаются всего в размере 2½ % в месяц; впрочем, есть случаи, когда таковые взимались в размере 2 и даже одного процента в месяц», в кассе Галицкого — «вообще никаких упущений не замечено»³¹⁷.

Кроме городских общественных банков и ссудных касс, в губернии работали Вятское отделение Государственного банка (с 1865 г.), отделения Волжско-Камского банка, Вятское общество взаимного кредита (с 1873 г.), в начале XX в. открылись отделения Русского для внешней торговли банка, Сибирского торгового банка, Русского торгово-промышленного банка. По сведениям на 1909–1910 гг., здесь действовало 10 отделений коммерческих банков, 12 городских общественных банков, два общества взаимного кредита, более 200 учреждений мелкого кредита (ссудо-сберегательных, кредитных товариществ и касс)³¹⁸. Больше всего банков насчитывалось в Вятке (6 учреждений), Сарапуле (4), Котельниче (3).

Временем интенсивного становления банковской системы в Вятско-Камском регионе, таким образом, явились вторая половина XIX — начало XX столетия, и роль купечества в этом процессе очевидна. Нельзя не отметить, что банковские учреждения, несмотря на преобладание в регионе мелкого и среднего предпринимательства с традиционным укладом экономических интересов, характеризовавшихся аграрно-торговой направленностью, становились источником финансирования местных промышленных производств, что говорило о стягивании экономики региона в монополистические процессы.

В эпоху капитализма, когда наблюдался рост городов и оживление общественной жизни, особой статьёй купеческих доходов стала сфера услуг. Являясь владельцами гостиниц, трактиров, парикмахерских, фотоателье, зданий, предназначенных для сдачи в наём, представители торгового сословия способствовали развитию бытовой инфраструктуры российских городов и сёл. В Вятской губернии в рынок услуг постепенно вовлекались широкие круги предпринимателей — как крупные купцы (Я. А. Прозоров, Александровы, Стахеевы, И. И. Бодалев), так и «средней руки». У первых этот вид профессиональных занятий обычно являлся источником дополнительной прибыли и приложением денежных средств и продукции, полученных от уже имевшегося бизнеса. Те же Александровы, владея винокуренным производством, открывали питейные заведения и гостиницы, в которых велась «продажа напитков»³¹⁹. По такому же принципу действовали и купцы Стахеевы (например, произведённое на заводе торгового дома Ивана Григорьевича Стахеева вино впоследствии сбывалось в Елабужском и Мензелинском уездах «при мелочной продаже», а в самой Елабуге Стахеевы имели трактирные за-

ведения), Иван Бодалев, владевший пивоваренным заводом и содержавший винные лавки и трактиры³²⁰.

Рынок услуг по естественным причинам широкое развитие получил в губернском центре. Во второй половине XIX – начале XX в. здесь сложились специализированные, существовавшие на постоянной основе предприятия, связанные с бытовым обслуживанием, как жителей города, так и приезжих. Владельцем одного из них, например, была семья Пуссетов. Ее глава – Аксель Пуссет (1829–1871), имевший шведские корни, открыл в г. Вятке гостиницу «Стокгольм», владел рестораном, кондитерской, булочной, содержал извозчиков с элитными экипажами. Своё дело он пытался поставить на европейский уровень, устроив «номера... в самом лучшем виде»³²¹. После смерти предпринимателя гостиничный бизнес перешёл к его супруге.

Владельцем фотоателье, работавшего в Вятке³²² на рубеже веков, был купец второй гильдии Пётр Григорьевич Тихонов (1852–1918). Во дворе собственного дома по ул. Московской он построил съёмочный павильон со стеклянными крышей и одной стеной и, став одним из самых посещаемых вятских фотографов, делал в среднем по сто снимков-портретов в месяц (по словам специалистов, на своих снимках Тихонов запечатлел «всю Вятку» – чиновников, купцов, священников, гимназистов и т. д.)³²³. Выпускал он и открытки с видами Вятки. П. Г. Тихонов отправлял свои работы на выставки, где они отмечались медалями. Его учеником был С. А. Лобовиков (1870–1941) – известный фотохудожник.

Сеть заведений сферы услуг, связанных с купеческим капиталом, сложилась и в уездных городах. В начале XX в. наибольшее их число работало в Сарапуле, Елабуге, Котельниче и Слободском³²⁴. «Малые» города, таким образом, постепенно осовременивались, становились более привлекательными для реализации новых предпринимательских проектов, в них наблюдалось улучшение качества жизни.

Проследив основные направления профессиональных занятий купеческого сословия городов Западного Предуралья, следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. деятельность гильдейских предпринимателей, сохраняя свою разносторонность, претерпела серьёзную модернизацию. Слияние торгового капитала с промышленным, создание многочисленных торгово-промышленных объединений свидетельствовали об утверждении в российской провинции в тот период капиталистических отношений и значимой роли в этом процессе купеческого сословия.

Вместе с тем, преобладание в регионе и на исходе XIX столетия, и в начале XX в. купеческих торговых домов – полных товариществ говорило о ещё не высоком уровне концентрации здесь гильдейских

капиталов, что не в последнюю очередь было связано со спецификой экономического развития местности, проявлявшейся, как и прежде, в аграрно-торговой её направленности и слабости промышленности. В этом смысле наше заключение созвучно с тезисом: «Уровню развития промышленности и торговли в том или ином районе соответствовала и степень ассоциирования капитала»³²⁵.

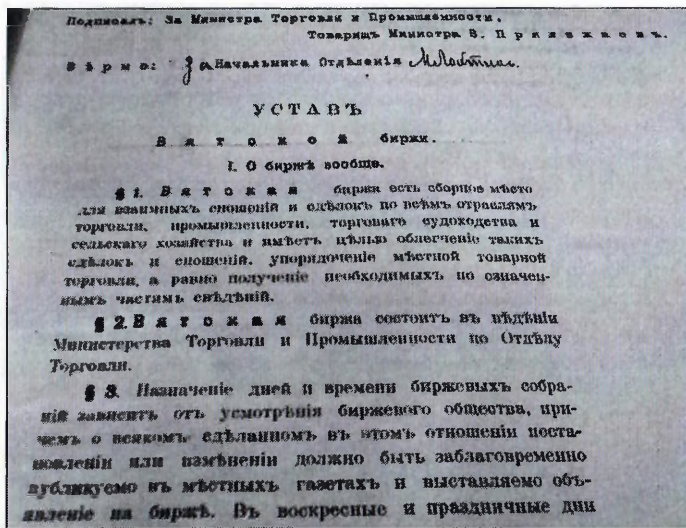
В период капитализма существенно меняются условия деятельности регионального делового сообщества. Создание кредитно-банковской системы, развитие транспортной инфраструктуры, урбанизация, разрушение сословной системы с её корпоративными привилегиями, возрастание конкуренции со стороны крестьянского населения способствовали формированию новых основ предпринимательской деятельности, изменяя и профессиональный облик гильдейцев. Огромное влияние на сферу торгово-предпринимательских занятий купечества Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале XX в. оказали такие факторы, как появление пароходного сообщения и железной дороги.

Формирование наиболее крупных гильдейских капиталов в изучаемой местности происходило на основе внешнеторговой деятельности местного купечества, вложения средств в традиционные (винокурение, кожевенное производство) и новые (химическое производство) отрасли экономики, в создание транспортной инфраструктуры региона. Эпоха капитализма стала временем расцвета купеческих семей юго-восточных вятских городов, прежде всего, Елабуги и Сарапула. Представители ряда гильдейских фамилий как исторического центра территории – Прозоровы, Булычёвы (Вятка), Александровы (Слободской), так и «новых» городов – Стахеевы, Ушковы (Елабуга) – вошли в элиту делового сообщества страны.

Феномен юго-восточных городов региона, связанный с превращением их во второй половине XIX – начале XX в. в крупные уездные центры предпринимательской активности России, не в последнюю очередь объяснялся большей восприимчивостью гильдейского сообщества этих городов, в отличие от старых центров, характеризовавшихся традиционно сложившимися моделями хозяйственной деятельности, к новым, буржуазным условиям, а также их географической близостью к Уралу и Поволжью, интенсивно капитализировавшихся в тот период.

Несмотря на усилившуюся в буржуазную эпоху экономическую конкуренцию, предпринимательское пространство Западного Предуралья, как и прежде, оставалось многонациональным. Фактор преобладания русского купечества не мог не влиять на деятельность гильдейских торговцев и промышленников других народов, проживавших в регионе, но, тем не менее, он не был окрашен какими-либо притеснениями на наци-

Устав Вятской биржи. 1917 г. ГАКО

ональной почве и позволял занять всем представителям других этносов свою нишу в хозяйственном организме изучаемой территории.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что профессиональные занятия купцов Вятско-Камского региона развивались в условиях отсутствия здесь товарной биржи, тогда как в соседних губерниях (Казанской, Пермской, Архангельской, Нижегородской) торгово-промышленная деятельность предпринимателей во многом регулировалась биржей. Вопрос о её открытии в Вятке решился только в июле 1917 г., когда Временным правительством был подписан «Устав Вятской биржи»³²⁶. Отсутствие в губернии биржи и биржевого общества вело к стихийности местного рынка, что увеличивало степень риска ведения купцами коммерческих дел.

В целом наши материалы позволяют проследить эволюцию торгово-предпринимательской деятельности регионального купечества, заключающуюся в переходе от индивидуальных к организованным, коллективным формам профессиональных занятий, от периодической к постоянной (магазинной, лавочной) торговле, в переводе его торговых капиталов в промышленность и в общем расширении сферы вложения капиталов. Особенностью эволюционных процессов в регионе стало сохранение сильного влияния на функционирование хозяйственных механизмов традиционных основ экономической специализации и социальной организации местного сообщества.

Примечания

¹ 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995. С. 3–32; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 4.

² Подробнее об этом см. в параграфе 2.1. «Понятие “купец”, периодизация истории купечества».

³ История предпринимательства в России. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 223; Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. : очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 95–96.

⁴ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 189 об.

⁵ Там же. Л. 189 об., 190 об.–191 об.; Оп. 1-а. Д. 1231. Л. 71–72.

⁶ По данным на 1800–1801, 1803, 1804, 1806, 1809–1810 гг. (ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 37. Л. 23–24, 27 об.–28, 31 об.–32, 34–35, 43–43 об. и др.; Оп. 2-к. Д. 305. Л. 145 об.; Оп. 2-н. Д. 227. Л. 11–12, 55–55 об.; 202–202 об.; Оп. 2-о. Д. 268. Л. 5–7 об., 25–25 об., 163; Оп. 5. Д. 166. Л. 1, 2, 34, 70; и др.).

⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 492. Л. 95 об.–96.

⁸ Спасский Н. А. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения // Столетие Вятской губернии, 1780–1880. Т. I. Вятка, 1880. С. 178.

⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 305. Л. 145 об.; Оп. 2-л. Д. 297. Л. 330–330 об.; Оп. 81. Д. 492. Л. 95 об.–96 об.; Ф. 583. Оп. 1-а. Д. 1231. Л. 71–72 об.; Оп. 600. Д. 84. Л. 189 об., 190 об.–191 об.; и др.; Вятские губернские ведомости. 1840. Прибавление № 7.

¹⁰ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 191.

¹¹ Там же. Оп. 600. Д. 28. Л. 211.

¹² Там же. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 307. Л. 155 об.–156. По Сибирской дороге купцы везли товары на Кяхтинскую, по Московской – на Нижегородскую, по Пермской – на Ирбитскую ярмарки и в обратном направлении.

¹³ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 77. Л. 2 об.–81 об. (Это – Кайский, Глазовско-Кайский, Глазовско-Нолинский, Глазовско-Сарапульский, Елабужско-Ижевский, Орловско-Нолинский, Нолинско-Яранский, Вятско-Яранский, Орловско-Кукарский, Уржумско-Яранский и другие тракты).

¹⁴ Там же. Ф. 582. Оп. 6. Д. 60. Л. 7–7 об.

¹⁵ Миронов Б. Н. К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII – начале XIX в. // История СССР. 1973. № 6. С. 132; О внешнеторговых операциях К. А. Анфилатова говорится также: РГАДА. Ф. 276. Оп. 2. Д. 925. Л. 1–6.

¹⁶ ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 27. Л. 207–213; Ф. 582. Оп. 2-л. Д. 297. Л. 41–44, 55–55 об., 133, 319–319 об., 330–330 об.; Оп. 6. Д. 60. Л. 7–7 об., 36.

¹⁷ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 257.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.). М., 2001. С. 148–152, 182–187.

²⁰ Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов : очерк его жизни и деятельности. СПб., 1910. С. 81–82.

²¹ Там же. С. 227.

²² «Граф Николай Петрович, – говорилось в указе Александра I от 29 декабря 1805 г. министру коммерции Н. П. Румянцеву, – усматривая из поданного вам письма от слободского купца Ксенофонта Анфилова... что сей купец первый предпринял отправить на своих кораблях российские товары в порты Американских Соединенных Штатов, я поручаю вам объявить ему мое благоволение и принять меры, чтобы первые три корабля, в России построенные и ему, Анфилову, принадлежащие и отправленные от него из здешнего или Архангельского порта с российскими товарами в Соединенные Штаты, отпущены были без взимания тарифных пошлин, и, равным образом, коль скоро помянутые три корабля с американскими товарами прибудут в которые-либо порты наши, пошлин с привозимых на тех кораблях товаров не брать...» (Россия и США: становление отношений, 1765–1815. М., 1980. С. 277).

²³ На анфиловском корабле, загруженном в Бостоне, среди других товаров оказался ликёр, ввоз которого в Россию был запрещен, но, учитывая важность развития торговых отношений с Северо-Американскими Соединёнными Штатами, Александр I согласился его «пропустить беспрепятственно» (подробнее об этом см.: Замятин Г. А. Указ. соч. С. 84–85).

²⁴ Так, в декабре 1805 г. К. А. Анфилов сообщал: «...Построил я в Архангельске собственно мне принадлежащих пять кораблей, которые ныне продолжают плавание только в Европейские порты» (Замятин Г. А. Указ. соч. С. 227).

²⁵ Вятские губернские ведомости. 1841. Прибавление № 13.

²⁶ Там же.

²⁷ Наумов П. И. Материалы для истории торговли Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. Отд. II. Вятка, 1902. С. 152–153.

²⁸ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 13. Л. 54.

²⁹ Прозоров Я. А. О хлебной торговле Архангельского порта // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. СПб., 1867. С. 572–578; Кузнецов А. Н. О торговле Вятской губернии с Архангельском // Там же. С. 578–585.

³⁰ Прозоров Я. А. Указ. соч. С. 575.

³¹ Кузнецов А. Н. Указ. соч. С. 582.

³² Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки // Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М., 1988. С. 250.

³³ Кузнецов А. Н. Указ. соч. С. 583.

³⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-л. Д. 297. Л. 55; Ф. 583. Оп. 1-а. Д. 1231. Л. 71 об.–72.

³⁵ Цит. по: Богородицкая Н. А. Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников. Н. Новгород, 2000. С. 35.

³⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 305. Л. 145 об.–146; Очерк города Вятки // Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Отд. IV. Вятка, 1857. С. 287; Эм-

маусский А. В. Экономическое развитие Вятской губернии в конце XVIII века : (по генеральным описаниям) // Учёные записки КГПИ им. В. И. Ленина. Вып. 19. Киров, 1965. С. 23.

³⁷ Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II : очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 103–104.

³⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 60. Л. 7 об.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 84–84 об., 123–123 об. По данным на 1813 г., всего в Вятской губернии насчитывалось 556 лавок, из них 105 каменных, остальные – деревянные. В начале XIX в. в губернском центре был устроен каменный гостиный ряд, состоящий из более чем 100 лавок, и в дальнейшем число стационарных торговых заведений, как в Вятке, так и в городах губернии росло, в том числе и за счёт первогильдейского купечества.

⁴⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 37. Л. 84–84 об., 123–123 об.

⁴¹ В. П. Юрьев отмечал, что с образованием Вятского наместничества чиновники, явившиеся «в довольно большом количестве», «как люди с более широкими потребностями, начинают вносить в круг обыденной жизни много новых разнообразных требований... С этих пор начинает проявляться спрос на такие произведения, например, мануфактурной промышленности, которые до этого не считались предметами необходимыми в потреблении прежнего состава городских обывателей» (Юрьев В. П. Указ. соч. С. 94–96).

⁴² ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 191.

⁴³ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 13. Л. 50; Ф. 582. Оп. 2-л. Д. 297. Л. 41–44; Оп. 81. Д. 492. Л. 96–96 об.

⁴⁴ Юрьев В. П. Указ. соч. С. 110.

⁴⁵ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 230–233.

⁴⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 33–34, 99 об.; Оп. 2-л. Д. 297. Л. 33 об., 41–44.

⁴⁷ Там же. Оп. 2-и. Д. 406. Л. 18.

⁴⁸ Там же. Оп. 2-к. Д. 185. Л. 45–48.

⁴⁹ Там же. Л. 45 об.

⁵⁰ Там же. Оп. 50. Д. 231. Л. 1–3 об.

⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 27 об.

⁵² Там же. Л. 34–35.

⁵³ Там же. Л. 56 об.

⁵⁴ Там же. Оп. 2. Д. 395. Л. 14–15, 17, 23–26; Оп. 2-м. Д. 305. Л. 186–187 об. и др.

⁵⁵ Там же. Оп. 2-м. Д. 305. Л. 186 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 187.

⁵⁸ Там же. Л. 192, 854. По условиям контракта всего по этой цене И. С. Колошин должен был поставить 20 тыс. кулей хлеба, а оставшиеся 5 тыс. до Рыбинска перевозил Ижболдин, а из Рыбинска – Колошин (за плату «за каждой куль по два рубля») вместе с основной партией. Доставить хлеб в Петербург последний не без проблем сумел только в 1804 г.

- ⁵⁹ Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 115. Л. 418.
- ⁶⁰ Там же. Д. 135. Л. 12. Речь шла о поставках соли в 1784–1786 гг.
- ⁶¹ В 1790 г. С. Я. Машковцев для выполнения соляного подряда нанял до восьмисот человек (ГАКО. Ф. 582. Оп. 2. Д. 54. Л. 1).
- ⁶² ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 115–119.
- ⁶³ Там же. Ф. 582. Оп. 6. Д. 559. Л. 1–3.
- ⁶⁴ Вятские губернские ведомости. 1840. Прибавление № 7.
- ⁶⁵ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 23.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Замятин Г. А. Указ. соч. С. 67–72; Марков А. А. Купец Анфилов // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Т. 4 : История. Киров, 1995. С. 135.
- ⁶⁸ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 264.
- ⁶⁹ ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.
- ⁷⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 37. Л. 67, 86; Оп. 2-к. Д. 381. Л. 81; Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 189 об.–190, 191–197.
- ⁷¹ На торговые обороты купцов третьей гильдии Вятской губернии немалое влияние оказывала, прежде всего, Нижегородская ярмарка, с которой экономические контакты имели предприниматели практически всех вятских городов (ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 189–197 об.; Обухова Г. И. Глазовское купечество и Нижегородская ярмарка в первой половине XIX века // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Глазов, 2005. С. 18–20). В описании состояния торговли в г. Сарапуле, составленном городничим Дуровым в феврале 1801 г., сообщалось, что купцы третьей гильдии «торг производят хлебом, салом, кожей, щетиной, воском, медом, некоторые шелковым, бумажным, шерстяным и прочим российским товаром и оной получают с Макарьевской ярмонки и частью из города Казани...» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 305. Л. 185); и т. д.
- ⁷² ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 631. Л. 20–20 об., 74.
- ⁷³ Эммаусский А. В. Экономическое развитие Вятской губернии. С. 22; Аверьянов К. А. Вятские ярмарки в конце XVIII в. // Вятская земля в прошлом и настоящем : (к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова). Т. 1. Киров, 1992. С. 76–77.
- ⁷⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 63. Л. 188, 190 об., 208, 214, 219, 230, 238, 243, 278. Самой крупной из ярмарок, в 1843 г. получившей государственный статус, являлась Алексеевская в Котельниче, где шла торговля лошадьми, «мягкой рухлядью», тканями и «всякими крестьянскими произведениями» (Там же. Л. 210 об.–211).
- ⁷⁵ Белик А. А. Ярмарочная торговля вятских купцов в конце XVIII – первой половине XIX в. // Герценка: вятские записки. Вып. 7. Киров, 2004. С. 75.
- ⁷⁶ Цит. по: Наумов П. И. Указ. соч. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Отд. II. Вятка, 1903. С. 229.
- ⁷⁷ Там же. С. 235.
- ⁷⁸ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 189 об., 191 об., 197; Ф. 582. Оп. 1. Д. 37. Л. 86.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 582. Оп. 2-л. Д. 297. Л. 130–130 об.; Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 194–195, 196 об.

⁸⁰ Обухова Г. И. Частные и казенные подряды купечества Удмуртии на перевозку грузов водным транспортом в начале XIX – 70-х гг. XIX века // Краеведение в развитии провинциальной культуры России : материалы 2-й науч. конф. Киров, 2009. С. 92–102.

⁸¹ ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 182. Л. 16–17.

⁸² Там же. Д. 471. Л. 15 об.–21.

⁸³ Там же. Л. 16–21.

⁸⁴ Там же. Л. 17–18.

⁸⁵ Там же. Л. 16–21.

⁸⁶ Там же. Ф. 864. Оп. 1. Д. 664. Л. 12–15. В документе приводятся сведения «о лавках, находящихся под домами и при домах здешних граждан».

⁸⁷ Вятские губернские ведомости. 1840. Прибавление № 6.

⁸⁸ ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 471. Л. 16–17.

⁸⁹ Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничеств, 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 243–244.

⁹⁰ На факт нарушения купцами третьей гильдии действовавшего законодательства обращал внимание и В. П. Юрьев (см.: Юрьев В. П. Указ. соч. С. 113–115).

⁹¹ Матвеев И. И. Фабрично-заводская промышленность в Вятском крае в конце XVIII в. и начале XIX в. // Вятская жизнь. 1923. Июль–август. (№ 4). С. 70.

⁹² Там же.

⁹³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 5 об.–6, 76 об.–77. Кожевенный завод Егора Никитича Булычёва работал с 1779 г., Федота Егоровича – с 1788 г. (Там же. Д. 305. Л. 69 об.).

⁹⁴ Там же. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 99–101; Оп. 1. Д. 37. Л. 72 об. – 73, 80–80 об., 123–123 об.

⁹⁵ Матвеев И. И. Указ. соч. С. 57, 60.

⁹⁶ Там же. С. 45–46, 64–65; ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 63. Л. 312 об.

⁹⁷ И. И. Матвеев отмечал, что в целом по губернии все «более значительные заводы и фабрики работали преимущественно для вывоза или в другие области России, или за границу. В широкие массы населения, особенно населения крестьянского, продукты вятского фабрично-заводского производства почти не попадали и на жизнь масс не могли оказывать почти никакого влияния» (Указ. соч. С. 70). ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 63. Л. 312 об.

⁹⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 99–99 об., 100 об.; Оп. 2-л. Д. 297. Л. 55; Матвеев И. И. Указ. соч. С. 52–60, 64–68.

⁹⁹ Матвеев И. И. Указ. соч. С. 45–46.

¹⁰⁰ Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII вв. Киров, 1956. С. 51.

¹⁰¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 63. Л. 312.

¹⁰² По данным на 1848 г. ГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 324. Л. 179–180, 185 об.–190, 220–221, 224–227.

¹⁰³ Герцен А. И. Соч. : в 30 т. Т. 21. М., 1961. С. 50.

¹⁰⁴ Два века в пути : к 200-летию фабрики «Красный курсант» (1785–1985). Киров, 1985. С. 15–16.

- ¹⁰⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 324. Л. 220–221.
- ¹⁰⁶ Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX в. Киров, 1996. С. 154–156.
- ¹⁰⁷ См.: приложение 15.2.
- ¹⁰⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 63. Л. 247 об. – 248.
- ¹⁰⁹ Эммаусский А. В. История Вятского края. С. 154.
- ¹¹⁰ Подсчитано по: Вятские губернские ведомости. 1841. Прибавление № 10. Среди купеческих производств 53,6 % принадлежали предпринимателям, состоявшим в первой и второй гильдиях, 46,4 % – третьегильдейцам.
- ¹¹¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 324. Л. 1–264.
- ¹¹² Вятские губернские ведомости. 1841. Прибавление № 10. См. также: приложение 15.2.
- ¹¹³ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 190–192, 196 об.–197.
- ¹¹⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 18–23.
- ¹¹⁵ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 225–230.
- ¹¹⁶ Замятин Г. А. Указ. соч. С. 102.
- ¹¹⁷ Обухова Г. И. Купеческое банкротство: экономические, юридические, социально-психологические аспекты проблемы // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов. Вып. 1. Киров, 2008. С. 66.
- ¹¹⁸ Юрьев В. П. Указ. соч. С. 119–120, 122–137. Автор имел в виду разорившихся и купцов, и мещан.
- ¹¹⁹ ПСЗ. I. Т. 30. № 23942; Замятин Г. А.: 1) Указ. соч. С. 100–136; 2) Исторический очерк возникновения в гор. Слободском Общественного Анфилатова банка : (по поводу столетнего юбилея Банка) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 г. Отд. II. Вятка, 1909. С. 1–30.
- ¹²⁰ Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. С. 111.
- ¹²¹ ПСЗ. I. Т. 30. № 23942.
- ¹²² Там же; Замятин Г. А. Исторический очерк. С. 15.
- ¹²³ Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. С. 113.
- ¹²⁴ ГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1529. Л. 508 об. – 509.
- ¹²⁵ Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. С. 202.
- ¹²⁶ ГАКО. Ф. 628. Оп. 1-а. Д. 39. Л. 127–127 об.
- ¹²⁷ ПСЗ. I. Т. 29. № 22418.
- ¹²⁸ ГАКО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 38. Л. 1209.
- ¹²⁹ Там же. Ф. 582. Оп. 81. Д. 422. Л. 44–46.
- ¹³⁰ Там же. Л. 1, 8–8 об. Позже, 2 августа 1848 г., городская дума сообщала губернатору о существовании в Орлове торгового дома «в образе полного товарищества», принадлежавшего купчихе Екатерине Зубаревой и её сыну Якову (Там же. Оп. 49. Д. 96. Л. 17–17 об.).
- ¹³¹ Там же. Оп. 81. Д. 1292. Л. 6–6 об. О торговом доме Глушковых известно, что он был открыт «по указу Вятской казенной палаты от 30 января 1832 г.» (Там же. Оп. 49. Д. 96. Л. 12–12 об., 55).
- ¹³² Там же. Оп. 49. Д. 96. Л. 65, 69–69 об., 72, 76, 87. В документах сообщается, что этот торговый дом был открыт на «наследственный после родителя их Ушковых» капитал в 6 тыс. руб. серебром.

¹³³ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 303–307.

¹³⁴ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 110. Л. 359 об.

¹³⁵ Так, в 1860-е гг. из семи торговых фирм, закупавших сельскохозяйственные товары для вывоза за пределы губернии, только одна (Я. А. Прозорова) вела самостоятельную торговлю, остальные являлись поставщиками фирм Бранта, Рени, Люрса и др. В 1880-е гг. закупку муки, ржи, овса в Вятской губернии вели конторы архангельских купцов Линдеса, Кларка, «Грибанова, Фентейнеса и К», петербургского – Н. М. Полежалова, никольского купца первой гильдии В. И. Грибанова. В Слободском, например, в тот период из десяти «купеческих контор для закупки хлеба» две принадлежали иногородним предпринимателям («Грибанову, Фентейнесу и Ко», «Линдесу и Ко») (Наумов П. И. Материалы для истории торговли Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. Отд. II. Вятка, 1902. С. 153–154; ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1642. Л. 6 об., 8, 10 об.–11, 31 и др.).

¹³⁶ Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. II. Вятка, 1884. С. 78–79; Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 66–67; Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1888 год. Вятка, 1889. С. 17.

¹³⁷ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 66–67.

¹³⁸ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875. С. 134.

¹³⁹ Например, в 1907 г. слободскими кунцами «к Архангельскому порту никаких товаров и продуктов вывезено не было», что для них вообще не являлось нормой, если сравнивать с ранним периодом (ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 701. Л. 6).

¹⁴⁰ Наумов П. И. Указ. соч. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. С. 155.

¹⁴¹ В Архангельск товары шли через Ношульскую, Подосиновскую, Быковскую и Кайгородскую пристани, в Рыбинск и С.-Петербург – по рекам Вятке и Каме и «затем вверх по Волге» (Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. II. Вятка, 1884. С. 78).

¹⁴² Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 300.

¹⁴³ В начале XX в. в связи со строительством в губернии железных дорог число почтовых трактов сократилось до 8 (Маршруты сообщения по Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. Отд. I. Вятка, 1909. С. 96–100).

¹⁴⁴ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. С. 141–149.

¹⁴⁵ Прозоров Я. А. О хлебной торговле Архангельского порта // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. СПб., 1867. С. 572–578; Кузнецов А. Н. О торговле Вятской губернии с Архангельском // Там же. С. 578–585.

¹⁴⁶ Прозоров Я. А. Указ. соч. С. 575.

¹⁴⁷ Кузнецов А. Н. Указ. соч. С. 582–583.

¹⁴⁸ Там же. С. 584–585.

¹⁴⁹ Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 209–212; Жаравин В. С. Вятское губернское земство и строительство железных дорог в крае // Вятскому земству – 130 лет : материалы науч. конф. Киров, 1997. С. 86–90.

¹⁵⁰ Эргин А. А. Значение Пермь-Котласской железной дороги для Вятского края // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Отд. II. Вятка, 1901. С. 134–137. «Рассмагивая работу Пермь-Котласской линии за 1900 год, приходится констатировать тот факт, что Вятская губерния весьма мало использовала железную дорогу для перевозки продуктов обрабатывающей и добывающей промышленности, скотоводства, птицеводства, вообще для перевозки разного рода товаров, за исключением хлебных грузов, как бы подтверждающим давно установившуюся за ней репутацию житницы северного края», – писал А. А. Эргин (Там же. С. 125).

¹⁵¹ Наумов П. И. Указ. соч. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. С. 146.

¹⁵² Эргин А. А. Указ. С. 136.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Список гг. купцам 1-й и 2-й гильдий Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. III. Вятка, 1870. С. 22–56; Наумов П. И. Указ. соч. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. С. 143, 157–158.

¹⁵⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1642. Л. 6–6 об., 8, 10–11, 13–13 об., 16–17 об., 19, 21–25 об., 27, 29–29 об., 31–31 об.

¹⁵⁶ Там же. Оп. 28. Д. 39. Л. 2 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 3.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. Л. 3 об., 7 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 7 об.

¹⁶¹ Кошечева В. И.: 1) Яков Алексеевич Прозоров, вятский первой гильдии купец, потомственный почётный гражданин, коммерции советник, меценат вятского просвещения // Труды областного музея истории народного образования. Т. 1, вып. 1. 2-е изд., испр., доп. Вятка, 2000. С. 14–15; 2) Прозоровы в Петербурге // Труды областного музея истории народного образования. Т. 1, вып. 2. Вятка, 2001. С. 3–4.

¹⁶² ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 4.

¹⁶³ Всего не менее 10 фамилий (ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3543. Л. 2–4 об., 21 об., 28, 30–30 об., 40 об., 41 об. и др.).

¹⁶⁴ Там же. Л. 2 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 71–72. В документе указывается: «В Вятском и Орловском уездах экспортной торговли сельскохозяйственными продуктами в 1909 г. не производилось, за исключением 1-го податного участка Орловского уезда, откуда весною в навигацию 1909 г. отправлено за пределы участка до 10 тыс. пудов овса и до 2 тыс. пудов льняного семени» (Там же. Л. 72).

¹⁶⁶ Обзор Вятской губернии за 1913 год : приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1914. С. 36–37.

¹⁶⁷ О количестве грузившихся и разгрузившихся товаров по р. Вятке в 1900 году // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Отд. I. Вятка, 1901. С. 48–49.

¹⁶⁸ Обзор Вятской губернии за 1913 год : приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1914. С. 40.

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3356. Л. 10 об., 26.

¹⁷⁰ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. С. 132–133.

¹⁷¹ Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1888 год. Вятка, 1889. С. 16.

¹⁷² Там же за 1915 год. Вятка, 1916. С. 53.

¹⁷³ Там же за 1900 год. Вятка, 1901. С. 31.

¹⁷⁴ Подсчитано по: Список гг. купцам 1-й и 2-й гильдий Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Отд. III. Вятка, 1870. С. 22–56.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. 2-е изд. СПб., 1877. С. 71–72.

¹⁷⁷ Вятские губернские ведомости. 1875. 12 апр. (№ 30).

¹⁷⁸ Список наиболее крупных торгово-промышленных фирм Вятской губернии : (по сведениям городских управ) // Календарь Вятской губернии на 1890 год. Отд. II. Вятка, 1889. С. 52–54.

¹⁷⁹ Малышева Т. В. Меценаты Клобуковы // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 133; Дождевых С. М. Купеческий заказчик в истории вятской архитектуры : (на примере магазина П. П. Клобукова) // Вестник ВятГГУ. 2008. № 2(2). С. 169–173.

¹⁸⁰ Сергиев Б. Г. Вятские воспоминания (1890–1906 гг.). Ч. 2 : О быте // КОУНБ им. А. И. Герцена, отд. краевед. лит. Фонд «Д». № 641. С. 193–195.

¹⁸¹ Там же. С. 195–196.

¹⁸² Рафиков А. М.: 1) Представители купеческого рода Альмухаметовых в Елабуге // Краеведение в развитии провинциальной культуры России : материалы 2-й науч. конф. Киров, 2009. С. 227–235; 2) Вятская купеческая династия Заитовых // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 273–281.

¹⁸³ Рафиков А. М. Представители купеческого рода Альмухаметовых в Елабуге. С. 227–235.

¹⁸⁴ Рафиков А. М. Вятская купеческая династия Заитовых. С. 276–277.

¹⁸⁵ 200 лет Вятской губернии : стат. сб. Киров, 1996. С. 203.

¹⁸⁶ Там же. С. 204.

¹⁸⁷ Ведомость о ярмарках в Вятской губернии и их оборотах и о значительных базарах за 1868 г. // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Отд. IV. Вятка, 1870. С. 29–35; Глушков И. Е. Котельнич, XIX век. : топографо-стат. и этногр. описание г. Котельнича. Котельнич, 1999. С. 34–37; Большаков С. Д. История города Котельнича. Котельнич, 2006. С. 46–50.

¹⁸⁸ Большаков С. Д. Указ. соч. С. 46.

¹⁸⁹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 32. Л. 358–360. Так, в 1866 г. на Алексеевскую ярмарку было привезено товаров на сумму 1 259 495 руб., из них русских – на 1 074 265 руб., иностранных – на 185 230 руб.; продано же было всей продукции на 943 495 руб. (Там же. С. 360).

¹⁹⁰ Глушков И. Е. Указ. соч. С. 34. Далее автор уточняет: «Чай вятские купцы привозят на Котельничскую ярмарку иногда прямо с Ирбитской ярмарки, впрочем, не в большом количестве» (Там же).

¹⁹¹ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. С. 133–134; Ведомость о ярмарках в Вятской губернии и их оборотах. С. 29–35.

¹⁹² Например, в 1868 г. в Вятке членами ярмарочных комитетов городским обществом избирались купеческий брат Н. И. Ухов, купец А. М. Сенилов, купеческие сыновья К. А. Важенин, И. В. Макаров (ГАКО. Ф. 628. Оп. 1-а. Д. 35. Л. 1–5, 33–35, 79–81, 137–139).

¹⁹³ Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 339; Никитина С. К. История российского предпринимательства. М., 2001. С. 235–236.

¹⁹⁴ Хроника общественной жизни за 1909 и 1910 гг. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1911 год. Отд. II. Вятка, 1910. С. 97, 119.

¹⁹⁵ Там же. С. 119.

¹⁹⁶ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 47–116, 126–135, 139–142; и др.

¹⁹⁷ Подсчитано по: Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 40–41, 95, 116, 138, 177, 258–259, 349, 416–418, 506–509, 731.

¹⁹⁸ Во второй половине XIX в., в частности, в период промышленного подъема 1890-х гг., в губернии наблюдалось, с одной стороны, сокращение числа фабрик и заводов (с 750 в 1890 г. до 711 в 1900 г.), а с другой – рост объема производства (более чем в 1,5 раза) и увеличение количества рабочих (с 31 419 до 35 862) (см.: приложение 17). В период экономического кризиса начала XX в. число предприятий по-прежнему сокращалось, сумма производства и численность рабочих оставались сравнительно стабильными. В 1910-е гг. наблюдался рост числа заводов и фабрик, выпуска продукции и уменьшение численности рабочих, что было связано с событиями Первой мировой войны. Сокращение количества промышленных заведений происходило за счёт мелких предприятий, которые, не выдержав конкуренции со стороны более крупных, технически лучше оснащённых производств, закрывались или входили в состав других предприятий.

¹⁹⁹ См.: приложение 18.

²⁰⁰ Список фабрик и заводов Европейской России. С. 416–418, 506–509.

²⁰¹ Так, по данным на 1883–1884 гг., на заводах Пастуховых работали более пяти тысяч человек, в том числе на Омутнинском – 2402 чел., на Песковском – 1600, на Кирсинском – 709, на Пудемском – 500; в 1900 г. на этих предприятиях насчитывалось 6927 чел., или 19,3 % всех рабочих губернии (ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1884. Д. 88. Ч. 23. Л. 14 об.–15; Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1900 год. Вятка, 1901. С. 27).

²⁰² Дюма А. Путевые впечатления. В России // Соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 148–149.

²⁰³ Награды, присужденные экспонентам Вятской губернии на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве // Календарь Вятской губернии на 1883 год. Отд. I. Вятка, 1882. С. 24, 26.

²⁰⁴ Помимо вятских предприятий Пастуховым принадлежал Сулинский металлургический завод, известный тем, что выплавка чугуна на нём производилась на антраците – это был первый опыт его использования в подобном производстве в России.

²⁰⁵ Обнорская Н. В. Николай Петрович Пастухов // Имею честь быть Вашим... : к столетию училища им. Н. П. Пастухова. Рыбинск, 2000. С. 25. Н. П. Пастухов был купцом первой гильдии, потомственным почетным гражданином (ГАЯО. Ф. 509. Оп. 2. Д. 1515. Л. 28 об.).

²⁰⁶ Селивановский М. К. Заметки об Омутнинских горных заводах Н. П. Пастухова // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Отд. II. Вятка, 1894. С. 193–194.

²⁰⁷ Обзор Вятской губернии за 1910 год : приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1911. С. 82.

²⁰⁸ Список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 год. Отд. II. Вятка, 1913. С. 188, 195.

²⁰⁹ Обзор Вятской губернии за 1910 год. С. 82.

²¹⁰ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 902. Л. 180–184 об., 186–187; След в веках: 150 лет кожевенно-обувному производству в Вахрушах. Киров, 2004. С. 17–21.

²¹¹ ГАКО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

²¹² Там же. Ф. 499. Оп. 1. Д. 210. Л. 13.

²¹³ Вятская речь. 1914. 2 сент. (№ 190).

²¹⁴ ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 539. Л. 26–27, 36–36 об., 39–40; Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 119 об.–120; Список наиболее крупных торгово-промышленных фирм Вятской губернии : (по сведениям городских управ). С. 52–57; и др.

²¹⁵ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 367.

²¹⁶ Там же. Л. 746.

²¹⁷ Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 539. Л. 26–27. По сведениям на 1909 г.

²¹⁸ Там же. Л. 39–40.

²¹⁹ О винокурении в Вятской губернии со времени введения акцизной системы // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. IV. С. 82, 87–88.

²²⁰ Там же. С. 87–88.

²²¹ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 98–99, 101.

²²² ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 620–625 об., 656–656 об.

²²³ Там же. Л. 249–252 об.

²²⁴ Там же. Л. 368 об.

²²⁵ Там же. Л. 507–507 об.

²²⁶ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 98–104.

²²⁷ О винокурении в Вятской губернии со времени введения акцизной системы // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. IV. С. 93.

²²⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1501. Л. 5, 8, 49, 52.

²²⁹ В 1900 г. общая сумма производства фабрик и заводов Вятской губернии составляла 31 047 767 руб., из них винокуренными заводами было изготовлено продукции на 9 980 794 руб. (Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1900 год. Вятка, 1901. С. 27, ведомость № 2; О фабриках и заводах в Вятской губернии за 1900 г. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г. Отд. I. Вятка, 1901. С. 43).

- ²³⁰ Есиева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.). Набережные Челны, 2007. С. 65, 68.
- ²³¹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 844–851.
- ²³² Там же.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ Там же. Л. 12 об., 14, 115, 120 об., 367–367 об., 603–604, 616–617, 682–682 об., 825–828 об., 831–832 об.; Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 69–70, 89–93, 122–125.
- ²³⁶ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. С. 125.
- ²³⁷ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 616 об.
- ²³⁸ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. С. 85–87.
- ²³⁹ Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1900 год. Вятка, 1901. С. 26–27.
- ²⁴⁰ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. С. 120–121; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 277 об., 481 об., 616–616 об., 683.
- ²⁴¹ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. С. 93.
- ²⁴² По сведениям на 1885 г. Там же. С. 95.
- ²⁴³ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 12 об., 14, 426 об., 481 об., 616, 819–824 об.; Список фабрик и заводов Европейской России. С. 506–509; Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. С. 106–108.
- ²⁴⁴ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. С. 94–95.
- ²⁴⁵ Там же.
- ²⁴⁶ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 12 об., 14, 120 об., 367, 616, 617.
- ²⁴⁷ Там же. Ф. 582. Оп. 26. Д. 277. Л. 6.
- ²⁴⁸ Там же. Л. 2, 12–12 об., 16.
- ²⁴⁹ Там же. Ф. 582. Оп. 138. Д. 155. Л. 111 об.–112.
- ²⁵⁰ Вятские губернские ведомости. 1890. 12 дек. (№ 99); 19 дек. (№ 101); 22 дек. (№ 102).
- ²⁵¹ Вятский вестник. 1907. 16 дек. (№ 267). По словам современника, С. О. Якубовский «начал свое “дело” с женой вдвоём с небольшой булочной пекарни и постепенно развил его в большое предприятие. Выписал в Вятку из-за границы специальные машины для замешивания и разделки теста для разного рода булочных изделий, а также и для кондитерских товаров. Этот магазин находился на левой стороне Николаевской улицы, против площади Спасского собора» (Сергиев Б. Г. Указ. соч. С. 197).
- ²⁵² ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 10. Подробнее см.: Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 134–144, 223–235, 245 и др.; Боханов А. Н.: 1) Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 92–168; 2) Деловая элита России 1914 г. М., 1994. С. 57–265; Предпринимательство и предприниматели России. С. 77–78; История предпринимательства в России. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999. С. 77–102.
- ²⁵³ По сведениям на 1904 г. (ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8. Даты открытия торговых домов отмечены по документу).
- ²⁵⁴ ГАКО. Ф. 628. Оп. 1-а. Д. 207. Л. 2–3 об.

- ²⁵⁵ Там же. Оп. 2. Д. 709. Л. 2–3 об.
- ²⁵⁶ Там же. Оп. 5. Д. 116. Л. 330–331 об.
- ²⁵⁷ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8; Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 15–20, 30–31 об., 41, 58 об.–59, 280–281 об. и др.
- ²⁵⁸ Там же. Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 280. Учредительный капитал этого товарищества составлял 60 тыс. руб., из них 40 тыс. руб. принадлежали товарищам-распорядителям (по 20 тыс. руб. каждому), 20 тыс. руб. – вкладчику.
- ²⁵⁹ Там же. Л. 30. Основной капитал этого товарищества составлял 60 тыс. руб., из них 30 тыс. руб. принадлежали С. Ф. Лаптеву, остальная сумма – вкладчикам (по 10 тыс. руб. каждому).
- ²⁶⁰ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8.
- ²⁶¹ Боханов А. Н. Деловая элита России. С. 258.
- ²⁶² Подсчитано по: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8.
- ²⁶³ История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 99.
- ²⁶⁴ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России. С. 102.
- ²⁶⁵ Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 22, 232–233, 235, 244–245.
- ²⁶⁶ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3356. Л. 16 об. Её основной капитал составлял 2 400 000 руб.
- ²⁶⁷ Есиева И. В. Указ. соч. С. 51–61.
- ²⁶⁸ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3758. Л. 4.
- ²⁶⁹ ГАКО. Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 293.
- ²⁷⁰ Там же. Л. 293 об.
- ²⁷¹ Там же. Л. 300 об.
- ²⁷² Березин Е. В. Из истории купеческого флота // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 58.
- ²⁷³ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии, вторая половина XIX – начало XX в.: монография. Ижевск, 2001. С. 105; След в веках. С. 21.
- ²⁷⁴ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3356. Л. 15; Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 3–3об., 5–6 и др. См. также: Барышников М. Н. Деловой мир России: ист.-биограф. справочник. СПб., 1998. С. 344; Маслова И. В. Купеческая династия Стахеевых. Елабуга, 2007. С. 43–63.
- ²⁷⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 3–3 об.
- ²⁷⁶ Там же. Л. 5.
- ²⁷⁷ Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969. С. 29, 160.
- ²⁷⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 13.
- ²⁷⁹ Подробнее см.: Китанина Т. М. Указ. соч.; 1000 лет русского предпринимательства. С. 31, 224–229, 440–441; Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. С. 106–115; Маслова И. В. Указ. соч. С. 64–87; Валсеев Н. М., Валсеева Н. Г. Елабуга, Харбин, Сидней. Казань, 2007. С. 98–99.
- ²⁸⁰ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 162.
- ²⁸¹ Об этом см. в параграфе 2.1. «Черты развития и оформление купеческого сословия».
- ²⁸² Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 170–174.

²⁸³ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I : Малмыжский уезд. М., 1886. С. 4–5; Т. III, ч. 1 : Орловский уезд. Вятка, 1887. С. 4–5; Т. IV, ч. 1 : Вятский уезд. Вятка, 1888. С. 3–7.

²⁸⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 316. Л. 262–265.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 316. Л. 272.

²⁸⁷ Там же. Л. 267–270 об.

²⁸⁸ Там же. Л. 292–296 об.

²⁸⁹ Там же. Л. 336.

²⁹⁰ Без учёта земель тех купцов, которые проживали в Воткинском и Ижевском заводе.

²⁹¹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 316. Л. 3–6 об.

²⁹² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. III, ч. 1. Вятка, 1887. С. 5.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же. Т. IV, ч. 1. Вятка, 1888. С. 4.

²⁹⁵ Там же. С. 5.

²⁹⁶ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 620, 656; Д. 316. Л. 295; Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 6; Вятский край. 1896. 12 нояб. (№ 132); Выдающиеся хозяйства России // Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 2 / Изд. А. С. Суворина. 1897. Стб. 497; Есиева И. В. Указ. соч. С. 60–61.

²⁹⁷ Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной служебной и экономической деятельности и пр., 1911–1912 гг. Отд. V. Киев, 1911. Стб. 63–64.

²⁹⁸ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 316. Л. 106 об.–107.

²⁹⁹ Там же. Л. 248 об.–249.

³⁰⁰ Там же. Л. 132 об.–133.

³⁰¹ Там же. Л. 31 об.–32, 107 об.–108, 132 об.–133; и др.

³⁰² Там же. Л. 232 об.–233; и др.

³⁰³ Там же. Л. 132 об.–134.

³⁰⁴ Там же. Д. 241. Л. 656.

³⁰⁵ Подсчитано по: Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 24.

³⁰⁶ Прикамский край. 1907. 3 окт. (№ 60); Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. Отд. II. Вятка, 1909. С. 65.

³⁰⁷ ГАКО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–21 об., 56 и др. П. Ф. Веретенников родился в Вятке в 1801 г. в купеческой семье. С детских лет он торговал вместе с отцом в Москве и впоследствии, повзрослев, перебрался туда на жительство. В Москве П. Ф. Веретенников стал известным предпринимателем и благотворителем, занимался литературной деятельностью. В Вятке же у него оставался жить старший брат, которого Пётр Фёдорович не забывал, и во время своих визитов в родной город почти всегда вносил пожертвования «в пользу граждан». Здесь у Веретенникова и родилась мысль об открытии банка «по примеру Анфилатовского». Однако своё дёше Пётр Фёдорович увидеть не смог, так как скончался в ноябре 1849 г.

³⁰⁸ Цит. по: Жирнов О. М. Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк : обзор деятельности банка за 50 лет (1862–1911 гг.). Вятка, 1913. С. 13–14.

³⁰⁹ ГАКО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 96; Жирнов О. М. Указ. соч. С. 23–24. Первым местом работы банка стала городская управа, а впоследствии он располагался в роскошном здании по ул. Спасской, построенном в 1913 г. по проекту И. А. Чарушина. Сначала банк работал три дня в неделю, с 1875 г. – ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней.

³¹⁰ Жирнов О. М. Указ. соч. С. 144.

³¹¹ ГАКО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 54. Л. 3 об.–4; Жирнов О. М. Указ. соч. С. 65.

³¹² Жирнов О. М. Указ. соч. С. 144.

³¹³ Там же. С. 132.

³¹⁴ Вятские губернские ведомости. 1862. 8 дек. (№ 49, ч. неофиц.).

³¹⁵ Там же. С. 133.

³¹⁶ Из документов известно, что разрешение на открытие ссудной кассы купец второй гильдии г. Вятки Иссер Иосифович Блювштейн получил в феврале 1880 г. (ГАКО. Ф. 628. Оп. 3. Д. 1312. Л. 1).

³¹⁷ Журналы Вятской городской думы за 1890 год. Вятка, 1891. С. 35–36, 42.

³¹⁸ Вся Россия. Справочная книга. Отд. I. Стб. 40–41.

³¹⁹ Вятские губернские ведомости. 1890. 14 нояб. (№ 91).

³²⁰ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3356. Л. 26; Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 5 об.; Вся Россия. Справочная книга. Отд. III. Стб. 680; и др.

³²¹ Ощепков К. П. Шведские предприниматели в городе Вятке (середина XIX – начало XX в.) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи : (к 210-летию А. Л. Витберга) : материалы междунар. науч. симпозиума. Киров, 1997. С. 231–233.

³²² Во второй половине XIX – начале XX в. в губернском центре в общей сложности насчитывалось более 40 фотографов (Дворецкая Т. А. Фотографы до-революционной Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (к 625-летию г. Кирова) : материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 395–402).

³²³ Дворецкая Т. А. Указ. соч. С. 397–398.

³²⁴ Вся Россия. Справочная книга. Отд. III. Стб. 667–726.

³²⁵ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России. С. 97, 99.

³²⁶ ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 52. Л. 14–29; Предложения об учреждении биржевых комитетов обсуждались и в уездных городах. «Нужда в биржевом комитете в Сарапуле действительно назрела и нужно думать, что по этому вопросу будет созвано совещание представителей города, земства, госуд. и частн. банков», – сообщалось в феврале 1917 г. в «Прикамской жизни» (17 февр. (№ 37).

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА

5.1. Купечество в сфере управления

Торгово-промышленные занятия купцов отражали лишь одну, безусловно, основополагающую, главную сторону их деятельности. Являясь состоятельной частью городского общества, гильдейские предприниматели с раннего времени участвовали и в выполнении различных функций управленческого и хозяйственного характера. До екатерининской реформы 1775–1785 гг. купцы избирались бурмистрами, таможенными головами, ларёчными, целовальниками, счётчиками, носильщиками, караульщиками и т. д. и в большинстве случаев тяготились своими служебными и общественными поручениями¹, являвшимися, по сути, феодальными повинностями.

После же освобождения гильдейского купечества от обязательности несения казённых служб² направленность его общественной деятельности несколько изменилась. С конца XVIII в. она приобрела сословно-управленческую окраску, определявшуюся участием купцов в работе городских дум, магистратов, сиротских, словесных и совестных судов³, и с изданием в 1785 г. Жалованной грамоты городам протекала в условиях окончательного закрепления за городом статуса юридического лица и получения им широкого самоуправления⁴, что делало её более престижной, чем прежде.

Преобразования 1775–1785 гг., связанные с внедрением новой системы общественного и сословного управления, вовлекали купцов в служебную деятельность весьма масштабно. Этот процесс обуславливался их экономической состоятельностью (избирательная система, вводившаяся по Жалованной грамоте городам, основывалась на имущественном цензе), привилегированным социальным статусом – факторами, определявшими в рамках утвердившегося тогда сословного общества и степень влияния гильдейских торговцев и промышленников на развитие общественной жизни региона. Судя по обывательской книге г. Орлова за 1787 г., из 13 купеческих семей этого города, записавшихся во вторую

и в третью гильдии, на службе состояли представители 11 фамилий⁵. Так, купец второй гильдии Егор Никитич Булычёв «находился в 1781, 1782 и 1783 годах в магистрате бургомистром⁶ и ныне находится во оном бургомистром же», а его сын Федот в 1785 г. служил в уездном казначействе «щетчиком»; купцы третьей гильдии: Иван Петрович Синцов в 1781–1782 гг. был словесным судьёй, а в 1786 г. – соляным приставом; Зиновий Григорьевич Отрыганьев в 1784–1786 гг. был орловским «градским головою», а сын его Илья – в 1783 г. «при соляной продаже в городе Елабуге головою»; Нестор Семёнович Домрачев в 1784 г. служил городским старостой и т. д.⁷

По сведениям на тот же год, в г. Уржуме из 6 купеческих семей третьей гильдии на службе находились: Терентий Иванович Полстовалов «в служении был с 1770-го в бывшей Уржумской ратуше ратманом, а с 1781 года и поныне в Уржумском городском магистрате находится бургомистром», Семён Иванович Матвеев «ныне находится выбранным от купечества и мещан старостою», Денис Иванович Матвеев «в служении был в Уржумском городском магистрате словесным судьёю», Семён Андреевич Матвеев «был у приему денежной казны по выбору щетчиком», то есть представители четырёх семей⁸. Обывательская книга г. Котельнича за 1826 г. свидетельствует, что из 13 глав купеческих семей, занесённых во вторую её часть, только один не имел отношения к служебной деятельности – «Смердов Арефа Иванов сын в городе родившийся 22-х лет»⁹. В книге содержалась строка: «в службах еще не бывал», косвенно указывавшая на молодость этого купца¹⁰.

С выходом Жалованной грамоты городам одно из ведущих мест в системе местного самоуправления заняли городские думы ввиду широких административно-хозяйственных полномочий, вверяемых им¹¹. Процесс создания городских дум на северо-востоке Европейской России (первые думы открылись: в Котельниче – 6 сентября 1792 г., в Орлове – 30 октября 1792 г., в Слободском – 19 декабря 1792 г., в Вятке – 26 августа 1793 г.¹²) имел некоторую специфику, связанную с особенностями социального развития региона, в частности, с незначительностью дворянства и чиновничества, малочисленностью или отсутствием избирателей по некоторым разрядам (иногородние и иностранные гости, именитые граждане и др.), предусмотренным Жалованной грамотой городам. В результате городские думы вместо шестигласных были здесь с выборными только от купечества, мещан и цеховых, произошло слияние исполнительной с общей думой¹³, и купцы как наиболее экономически сильная группа населения в вятских органах городского самоуправления получали реальную власть.

Их влияние в решении городских дел усиливалось двумя обстоятельствами: первоначальным присутствием в думе в качестве гласных представителей от каждой купеческой гильдии и практикой постоянных выборов на должность городского головы. В Вятской городской думе, например, выборные от всех гильдий заседали с 1793 по 1813 г., а с 1814 по 1870 г. от купеческого общества в неё избирался один гласный¹⁴. Кроме того, с 1793 по 1870 г. фактически все городские головы, служившие в губернском центре, были связаны с купеческим сословием. В те годы «выдающимися по своей деятельности и распорядительности для пользы города и общества... были городские головы, купцы, потомственные почетные граждане В. К. Аршаулов, А. И. Машковцев, Я. А. Прозоров и Н. И. Караваев», — писал старожил К. И. Клепиков¹⁵.

Особого внимания заслуживает деятельность представителей купеческого рода Машковцевых. Один из них, Яков Васильевич Машковцев, стоял у истоков городского самоуправления в регионе: в 1767 г. он был избран первым вятским городским головой и находился на своей должности до 1771 г.¹⁶ Под его руководством прошли выборы депутата в скатерининскую Уложенную комиссию, составлялся, как уже указывалось, наказ от купечества г. Хлынова¹⁷. После учреждения городских дум, в период с конца XVIII в. до 1870 г., ещё пятеро представителей данной династии в разные годы избирались на эту высокую городскую должность: Степан Яковлевич — в 1796–1798 гг. и в 1810 г., Фёдор Яковлевич — в 1808–1810 гг., Афанасий Яковлевич — в 1817–1819 гг., Иван Степанович — в 1823–1825 гг., в 1832–1834 гг., Аркадий Иванович — в 1853–1855 гг. Все они составляли «длинный список видных личностей этой купеческой фамилии, послужившей словом и делом на пользу и развитие здешнего отдаленного края»¹⁸.

В тех уездных центрах, где думы были открыты во второй половине XIX в., должности городских голов в ранний период также обычно занимали купцы. Так, накануне буржуазных реформ Александра II из семи городов Вятской губернии, в которых не было дум, в шести на этом посту работали представители изучаемого сословия: в Царёво-санчурске — И. Н. Шевелев, в Нолинске — Г. А. Гырдымов, в Уржуме — Н. М. Моролев, в Малмыже — Т. А. Чернов, в Елабуге — М. С. Шабалин, в Глазове — Н. Л. Ваненков¹⁹.

По числу занимаемых должностей купцы в сравнении с другими группами горожан — мелкими торговцами, цеховыми ремесленниками — в большинстве случаев лидировали. Показательным примером являются данные об утверждённых в 1807 г. губернским правлением на различные должности жителей г. Вятки. «Градским головою» в тот

период (с 1808 г.) стал купец Фёдор Машковцев, бургомистрами – купцы Василий Рязанцев и Фёдор Злыгостев, ратманами – купцы Ефим Хохряков, Стефан Суютин и двое мещан (Егор Швецов, Пётр Коробов), заседателями «в палаты уголовную» – купцы Ефим Попов, Филарет Шмелев, «гражданскую» – купцы Яков Гусев, Николай Калинин, в совестный суд избраны купцы Иван Пупырев и Спиридон Веретенников, в словесный – купец Иван Рублёв и мещанин Савва Одинцов (Ядинцов), «градским старостою» – купец Яков Блинов²⁰. В 1807 г., таким образом, из 16 выборных должностей в губернском центре 13 являлись купческими²¹.

Похожая ситуация наблюдалась и в уездных городах губернии. В 1840 г. в Слободском «купцы и мещане в общем собрании» на 13 должностей общественного управления избрали 10 купцов: Захар Герасимов стал городским головой, Афанасий Платунов и Николай Кошурников – бургомистрами, Николай Косарев – гласным думы, Илья Катаев – «градским старостой» и т. д.²² Показательны и следующие цифры: в 1857 г. из 63 бургомистров и ратманов, служивших в Вятской губернии, 37 (58,7 %) являлись купцами²³. Наиболее «купческими» в тот период были городовые магистраты и сиротские суды Вятки, Елабуги, Слободского.

Следует учитывать и тот момент, что во время выборов соблюдался принцип очерёдности в исполнении разного рода служебных обязанностей, а поскольку купцов было меньше, чем мещан и цеховых, то в условиях формирования органов местного самоуправления на сословной основе им чаще приходилось становиться должностными лицами²⁴. По этой причине купечество нередко более профессионально, качественно выполняло возлагаемые на них служебные поручения. Сказывался и их деловой опыт, накопленный в ходе ведения собственных торгово-предпринимательских занятий.

Нередкими были случаи и отказов купцов от выборных должностей. Причиной этого, характерного и для других регионов явления²⁵ становились многие обстоятельства: и то, что выполнение служебных обязанностей отвлекало деловых людей от профессиональных занятий, и ещё сравнительно слабо развитое самосознание предпринимательского сообщества, и более конкретные – состояние здоровья избранных лиц, нарушение очерёдности в выборах на общественные должности, изменение социального статуса и т. д., но в сравнении с мещанами отказы от общественной службы со стороны купечества, очевидно, в силу их более прочного экономического положения, встречались реже²⁶. К тому же, порой из-за необоснованности и сравнительной малочисленности купечества они далеко не всегда удовлетворялись. Стимулом же для участия в работе учреждений местного самоуправления жителей горо-

дов, несмотря на обременительность несения службы (она не оплачивалась, требовала немалых затрат времени), являлись установленные в законодательном порядке льготы по должностям, которые не могли игнорироваться и купечеством²⁷.

При избрании и утверждении на должности учитывались экономическая состоятельность²⁸, личные качества горожан (наличие опыта деловой и управленческой деятельности, культурно-образовательный уровень, морально-нравственный облик) и ставился вопрос об ответственном исполнении возлагаемых на них общественных обязанностей. В письме правителю Вятского наместничества Ф. Ф. Желтухину от 14 ноября 1786 г. казанский генерал-губернатор П. С. Мещерский, посетовав на то, что «в бывшем в 1783 году» в числе избранных должностных лиц оказались и «люди, имевшие пороки явные»²⁹, писал о необходимости избрания в органы местного самоуправления «людей из обществ достойнейших», которые бы к службе относились ревностно³⁰. Эта тема отражалась и в других документах. В списках кандидатов «к баллотированию в градскую думу в гласные», например, отмечалось, что те или иные купцы «дома имеют, торги производят, под судом, в штрафах и наказаниях не бывали, грамоте умеют»³¹. В «наставлении, данном от вятского градского головы избранному и утвержденному для сочинения городской обывательской книги на трехлетие с 1823 по 1826 год старосте, купцу Михаилу Чарушину», помимо общего руководства по исполнению возлагаемых на последнего обязанностей, обращалось внимание и на необходимость «приложить к скорейшему оного составлению неусыпное наше старание» и говорилось о несении старостой личной ответственности в случае «нестарания», «неаккуратности» и «неверности»³².

Вместе с тем, служба на выборных должностях, если она исполнялась ревностно, поощрялась со стороны и общества, и властей. Например, купец второй гильдии, городской голова в 1826–1828 гг. Яков Фокевич Гусев (Вятка), имевший многолетний служебный опыт, получил «с отличною похвалою аттестат» и благодарность от общества; купец первой гильдии Андрей Прокопьевич Кардаков в 1860 г. «за трехлетнюю беспорочную службу бургомистром Котельничского городского магистрата получил звание степенного гражданина», позже «за особенную заботливость и похвальную ревность», проявленные им в должности городского головы, он неоднократно удостоивался благодарности «господина начальника губернии»; купец первой гильдии Яков Алексеевич Прозоров в 1862 г. за службу вятским городским головой награждается золотой медалью на Станиславской ленте «для ношения на шее»³³. Эти поощрения, с одной стороны, укрепляли авторитет купечества среди

городского населения, а, с другой, – являлись для него дополнительным стимулом к качественному исполнению служебных поручений.

Основанная на текущем законодательстве управленческая деятельность купечества была изначально многопрофильной. В органах местного самоуправления представители этого сословия занимались городским благоустройством, решали вопросы по обеспечению населения продовольствием, заведовали капиталами и имуществом городов, формировали бюджеты, проявляли заботу о развитии промышленности и торговли, организовывали сборы разного рода пожертвований на общественные нужды, выдавали паспорта, осуществляли судопроизводство. Ввиду социально-экономической значимости этих направлений улучшался облик городов губернии, увеличивалось число промышленных и торговых заведений, наблюдался рост благотворительных и учебных учреждений³⁴. Не случайно в губернаторском всеподданнейшем отчёте за 1840 г. отмечалось, что на Вятке «отношения людей между собою, законы, управление, одним словом – все условия гражданской жизни совершенно изменились», неизменным, по его мнению, оставался только быт крестьян³⁵.

Благодаря службе купцы приобретали правовые знания. В описи имущества Вятской городской думы за 1811 г., подписанной «бывшим градским головой» купцом Степаном Машковцевым, вслед за домом «каменного строения», иконами «Покрова Божией Матери с медным окладом и двумя венцами и привесом медными» и «Божией Матери Казанской с медным окладом» указываются «законные книги», среди них «Уложение», «Регламент Адмиралтейский», «Устав Морской», «Указные книги» за разные годы, «Учреждение о управлении губернии»³⁶.

В журналах городских дум и других органов местного самоуправления содержались необходимые при решении хозяйственных, судебных и иных дел ссылки на различные нормативные положения³⁷. «А что касается до умственной юридической способности, то я с самых молодых лет имел к этому большую способность..., – писал елабужский городской голова в 1832–1835, 1844–1847 и в 1860-е гг. И. В. Шишкин. – Какую бы ни было написанную бумагу видел ясно, как она написана: резонно, здравомысленно или бестолково... А писать мог, и мог поправлять не только к министрам, но и на высочайшее имя»³⁸. В условиях усиления в течение первой половины XIX в. контроля за общественным управлением со стороны губернской администрации правовые знания давали возможность гильдейским предпринимателям уверенно исполнять свои должностные обязанности.

Как видим, екатерининские преобразования 1775–1785 гг. позволили купцам северо-востока Европейской России занять в органах самоуправ-

ления видные позиции, и, соответственно, их влияние на развитие административно-хозяйственной и общественной жизни региона в конце XVIII – первой половине XIX в. было ощутимым. Исполнение купцами должностных обязанностей, связанных с взаимодействием с губернской администрацией, умением приписывать юридически обоснованные решения, с необходимостью вести финансовые документы, вело к расширению их делового кругозора, управленческих знаний, необходимых для осуществления эффективной хозяйственной и судебной деятельности. Вполне очевиден и факт, что служебная деятельность представителей этого сословия способствовала развитию здесь самой системы местного самоуправления, характеризовавшейся в тот период процессами рационализации и специализации, превращения городов в самостоятельную общественную единицу³⁹. Тогда же укрепились династии купцов, чья торгово-предпринимательская деятельность неразрывно переплеталась с общественными занятиями (Машковцевы, Аршауловы, Караваевы, Прозоровы, Ермолины и др.).

В дальнейшем, по реформам 1864 и 1870 гг., городские и вновь создаваемые земские учреждения становились всесословными представительными органами⁴⁰. Некоторые органы местного самоуправления, где купечество традиционно играло важную роль, вообще ликвидировались. 13 апреля 1866 г. Александром II были подписаны «Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш», по которым полномочия последних передавались уездным судам, казённым палатам и городским думам⁴¹.

В результате преобразований весомое представительство, как в земских, так и городских учреждениях России получили дворяне⁴², но, в то же время, по свидетельству и наших материалов, реформы открыли широкие возможности для привлечения к активной общественной деятельности представителей купечества.

Законными основаниями для получения купцами избирательных прав стали наличие гильдейских свидетельств, а также владение недвижимым имуществом, в том числе и земельными участками (последние давали им право до земской контрреформы 1890 г. участвовать в выборах по землевладельческой курии⁴³). В мае 1870 г. вятский городской голова М. Я. Поскребышев докладывал губернатору о цензе лиц, избранных «на будущее трехлетие в земские гласные», отметив, что коммерции советник Яков Алексеевич Прозоров «имеет недвижимую собственность, заключающуюся в домах и лавках, оцененную в 1870 г. для взимания налога в государственный доход в 36 900 руб., с какового имущества исчислено налогу 91 руб. 50 коп.», купец Николай Никифорович Ухов «имеет дом, оцененный в 1870 г. для взимания налога в 3 500 руб.,

с какового имущества исчислено налога 8 руб. 75 коп.» Ефим Александрович Коробов, Илья Никодимович Желудков, Фёдор Иванович Ухов участвовали в выборах «по гильдейскому праву купца», при этом имели и недвижимость, с которой платили налоги⁴⁴.

О степени участия купечества Вятско-Камского региона в работе земств и городских учреждений во второй половине XIX – начале XX в. можно судить по следующим данным: в уездных земских собраниях губернии купцы и почётные граждане в 1870 г. составляли 16,1 % от общего числа гласных, в 1875 г. – 21,3 %, в 1890 г. – 18,9 %, в 1900 г. – 22 %, в 1905 г. – 16,9 %, в 1910 г. – 13,6 %, а в уездных управах на их долю приходилось, соответственно, 25 %, 23,3 %, 15,4 %, 12,5 %, 4,7 %, 7,5 % (см.: приложение 19). В губернском земском собрании численность купечества и почётных граждан была в 1870 г. – 14,7 %, в 1887 г. – 22,9 %, в 1890 г. – 25,7 %, в 1900 г. – 28,6 %, в 1910 г. – 4,7 %, в губернской управе, соответственно, 20 %, 50 %, 50 %; в 1900 и 1910 г. – наблюдалось их отсутствие (см.: приложение 20).

В городских думах и управах⁴⁵ показатели были выше. В 1875 г. в Вятской городской думе купцы и почётные граждане составляли 65 % от общего числа гласных, в 1890 г. – 63,6 %, в 1900 г. – 42,4 %, в 1910 г. – 34 %, в 1915 г. – 29,1 % (см.: приложение 21). Среди членов Вятского городского общественного управления находим фамилии крупнейших представителей регионального делового мира того периода – Петра Фёдоровича Савинцева, Якова Алексеевича Прозорова, Поскребышевых, Лаптевых и др.⁴⁶

Немалой была численность купечества в думах и других вятских городах⁴⁷. В гласные этих учреждений избирались купцы первой гильдии Иван Александров, Пётр Воробьёв, Пётр Ончуков (Слободской), Александр Кузнецов (Орлов), Никандр Дедюхин, Дмитрий Ижболдин, Алексей Шитов (Сарапул), Иван Кардаков (Котельнич), Андрей Кусакин, Фёдор Гирбасов, Иван Иванович, Дмитрий Иванович и Иван Григорьевич Стахеевы, Никита и Пётр Ушковы, Евстафий и Степан Емельяновы (Елабуга).

Что же касается городских управ Вятской губернии, то, по нашим подсчётам, в них в 1875 г. заседали 23 купца и почётных гражданина, или 56,1 %, в 1880 – 24, или 63,2 %, в 1890 г. – 20, или 54,1 %, в 1900 г. – 13, или 36,1 %, в 1910 г. – 8, или 21,1 % (см.: приложение 22). Статистические материалы обнаруживают одинаковую и для земств, и для городских дум тенденцию: в начале XX в. произошло заметное сокращение числа гласных-купцов, что в определённой степени связано с уменьшением общей численности местного купечества, наступившей после

принятия в 1898 г. Положения о государственном промысловом налоге. Сказывалось влияние и контрреформ 1890 и 1892 гг., в результате которых в губернии стало меньше как избирателей, так и членов органов местного самоуправления⁴⁸.

Как и прежде, купцы занимали в общественном управлении высокие должности. В 1870 г. из одиннадцати председателей уездных земских управ купцов и почётных граждан значилось 5, в 1890 г. – 3, в 1910 г. – 1⁴⁹. Представители изучаемой корпорации избирались председателями Вятской губернской земской управы: с 1886 по 1889 г. в этой должности состоял И. А. Коробов, с 1889 по 1891 г. – А. К. Назаров, с 1907 по 1909 г. – И. А. Сухов. С купеческим сословием были связаны и М. М. Синцов (первый председатель управы), и П. И. Колотов, и А. П. Батуев, также в разные годы председательствовавшие в губернской земской управе.

Среди земских председателей особенно выделялись Матвей Матвеевич Синцов (1835–1910), представитель старинной купеческой династии из г. Орлова, врач, и Авксентий Петрович Батуев (1863–1896), сын купца из г. Малмыжа, юрист, – инициаторы масштабных экономических и просветительских преобразований в регионе. При них (М. М. Синцов возглавлял управу с 1867 по 1870 г., А. П. Батуев – с 1891 по 1896 г.) зародились и претворялись в жизнь в Вятской губернии планы железнодорожного строительства, плодотворно решались вопросы агрономического характера, открылись больницы и большое число новых школ, библиотек; с 1894 г. стала выходить земская «Вятская газета», бесплатно рассылавшаяся сельским обществам, работал губернский книжный склад. «В несколько лет заброшенная, полузабытая северная губерния стала центром внимания... Ай да Батуев!» – писал книгоиздатель И. Д. Сыгин⁵⁰.

Весомым, как и ранее, было представительство купечества среди избиравшихся думой городских голов региона. В 1875 г. из двенадцати глав городского самоуправления купцы и почётные граждане составляли 10 человек, в 1895 г. – снова 10, в 1905 г. – 8, в 1910 г. – 7⁵¹. Весьма примечателен факт, связанный с г. Котельничем: в период с 1854 по 1916 г. пятьдесят четыре года должность городского головы занимали купцы⁵². Члены семейства Кардаковых состояли в этой должности в течение 32 лет, из них более двадцать лет, с 1859 по 1861 г. и с 1871 по 1891 г., котельничским городским головой был Иван Прокопьевич Кардаков. В г. Вятке из 11 городских голов, служивших с 1870 по 1917 г., пятеро были выходцами из купечества, это – Н. И. Караваев, Я. Н. Жирухин, И. А. Сухов, Я. И. Поскребышев, Н. А. Пестов⁵³. Значительной была

деятельность купеческого сына, выпускника физико-математического факультета Петербургского университета Якова Ивановича Поскребышева (1866–1912), служившего вятским городским головой в 1897–1907 гг. С его именем связаны устройство в губернском центре водопровода и электростанции, открытие городской бесплатной библиотеки-читальни им. А. С. Пушкина, городского попечительства о бедных и целый ряд других начинаний⁵⁴. Не случайно один из современников назвал Я. И. Поскребышева славным человеком, оказавшим «громадную пользу городу, каковая доселе не удавалась никому»⁵⁵.

Существенное преобладание в Вятско-Камском регионе купцов в городских учреждениях являлось отчасти и общероссийской тенденцией⁵⁶. Учитывая, что купечество оставалось сословием городским и именно с жизнью городов в немалой степени были связаны его интересы, необходимо иметь в виду, что и по причине незначительности в изучаемом регионе дворянства его вакантные места в органах самоуправления занимали купцы. Похожая картина наблюдалась в Вологодской и Пермской губерниях, где социальный состав органов общественного управления в сравнении с городскими и земскими учреждениями центральных и южных губерний России, был наиболее простонародным⁵⁷.

Хотя земскими и городскими гласными становились купцы всех гильдий, но особый интерес к общественной службе проявляло второгильдейское купечество. Нередко его численность в органах местного самоуправления намного превосходила количество купцов первой гильдии не только из-за того, что купцы второй гильдии в Вятской губернии составляли большинство, но и, вероятно, в силу морального аспекта: служба в земстве, в городских учреждениях ставила их в ранг руководителей местной хозяйственной жизни, повышая, таким образом, общественный статус представителей этой группы купечества, в чём они, безусловно, были заинтересованы.

В органах местного самоуправления обычно заседали предприниматели, наделённые жизненным опытом, но далеко не всегда высокообразованные. Так, средний возраст гласных-купцов Вятской городской думы, избранных на четырёхлетие с 1909 по 1912 г., составлял 51 год (самым молодым из них был 34-летний Кузьма (Козьма) Игнатьевич Лаптев, а самый солидный возраст имел Станислав Осипович Якубовский – 66 лет)⁵⁸. В 1875 г. из 23 купцов и почётных граждан, служивших в городских управах Вятской губернии, 1 человек имел незаконченное высшее образование (обучался в Казанском университете), 2 – учились в гимназии (Вятская, Архангельская), 7 – в уездных училищах, 1 – в Архангельской лютеранской школе, 12 – получили домашнее образование⁵⁹. В том

же году из 10 купцов и почётных граждан – членов уездных земских управ в гимназии обучалось 2 человека, в уездном училище – 4, в приходском – 1, дома – 3⁶⁰. В 1885 г. из 18 «гильдейских» членов городских управ один был с высшим образованием, трое – с гимназическим, остальные прошли обучение либо в уездных училищах, либо на дому⁶¹. В 1910 г. из 16 купцов и почётных граждан, заседавших в Вятской городской думе, 3 – имели незаконченное гимназическое образование, 1 – учился в реальном училище, 1 – в уездном училище, 1 – в земледельческом училище, 2 – в начальной школе, 7 – получали домашнее образование (на одного купца сведений нет)⁶².

Многие купцы заседали в органах общественного управления длительное время (например, в г. Вятке – Я. Н. Жирухин, С. О. Якубовский, М. Д. Лаптев, И. И. Лаптев, А. Я. Тырышкин, Д. Ф. Чучалов, С. Н. Коробов, в г. Орлове – А. Н. Кузнецов, в г. Котельниче – братья А. П. и И. П. Кардаковы, в г. Нолинске – Н. И. Половников, К. И. Маландин, в г. Уржуме – И. П. Сметанин, С. И. Стародубцев, в г. Елабуге – А. Д. Кусакин, И. Г. Стахеев, П. К. Ушков)⁶³, причём некоторые из них проявили себя и на земской службе, и в работе органов городского самоуправления. К числу таких купцов относился Александр Назарович Кузнецов (1831–1895). Более двадцати лет (с 1870 г.) он был городским головой в Орлове, избирался также гласным губернского и уездного земских собраний. В январе 1886 г. на сессии Вятского губернского земского собрания Кузнецов был «первым кандидатом» на пост председателя управы, но, «поблагодарив собрание за оказанное ему доверие, которое он считает наградой за свою 15-летнюю службу в звании губернского гласного, отказался от баллотировки, несмотря на настойчивые просьбы нескольких гласных»⁶⁴. Сочетание службы в земстве и городских учреждениях прослеживалось и в биографии купца второй гильдии г. Елабуги Алексея Козьмича Назарова⁶⁵.

Имея солидное представительство и занимая высокие должности в органах местного самоуправления Вятской губернии, купцы, как и в дореформенное время, принимали участие в решении административно-хозяйственных дел, включая вопросы, связанные с устройством школ и благотворительностью (на их средства открывались богадельни, приюты, ночлежные дома, создавались специальные благотворительные капиталы)⁶⁶, которые правительство относило к разряду «необязательных». Особенно большие средства на гуманитарные цели выделяли вятские земства⁶⁷.

Регламент деятельности земских и городских учреждений позволял возлагать на гласных и конкретные служебные обязанности. Так,

во второй половине 1860-х гг. член губернской земской управы, купец Н. И. Караваев «нес обязанности казначея управы и ближайшим образом заведовал ее счетоводством и хозяйственной частью»⁶⁸, занимался также делами Вятского мужского сиротского дома, производил осмотр Московского почтового тракта и т. д. «...Губернская управа, – говорилось в решении Вятской губернской земской управы от 21 октября 1886 г., – признает необходимым сделать распределение в занятиях настоящего ее состава и поэтому постановила возложить: 1. На председателя управы И. А. Коробова (купца г. Вятки. – М. С.), кроме общих обязанностей по охранению внутреннего порядка и по надзору за правильным течением всех дел и исполнением их служащими губернского земства, заведование кассою – приходом и расходом всех сумм управы...»⁶⁹ С 1894 г. купец М. П. Ульянов – член Уржумской уездной земской управы – заведовал земской кассой, городской больницей с аптекой, «арестным помещением», земской станцией и некоторыми другими имуществами и учреждениями, а также на него возлагалось «присутствование в заседаниях уездного по питейным делам присутствия, заведование Нартаасской земской больницей и Старо-казанским коммерческим трактом»⁷⁰.

Гласные-купцы постоянно избирались членами специальных комиссий, создававшихся при управах для разработки вопросов по ведению наиболее важных дел (строительство, медицина, народное образование и др.). Некоторые купцы заседали в двух, трёх и более комиссиях. Так, в начале 1900-х гг. гласные Вятской городской думы Д. Ф. Чучалов и Ив. С. Кардаков были членами хозяйственной и техничеcко-строительной комиссий, А. Я. Тырышкин – членом хозяйственной комиссии и комиссии по народному образованию, И. А. Смольянинов (г. Вятка) заседал в хозяйственной, техничеcко-строительной, санитарной комиссиях⁷¹. Представители деловой элиты могли избираться в состав одной и той же комиссии неоднократно, о чём свидетельствует деятельность гласного елабужского земства А. -Ш. Зайтова, работавшего в начале XX столетия в уездной комиссии по устройству водопроводных сооружений в целях проведения осушительных, оросительных работ⁷². Последний входил также в состав «подготовительной комиссии, касающейся нормального отдыха служащих в торговых и промышленных заведениях», являлся председателем специальной комиссии по распределению и выдаче средств на приобретение учебных пособий и содержание медресе и мектебе, попечителем Граховской больницы, несколько раз избирался представителем от земства в раскладочное по промысловому налогу присутствие⁷³.

Как видим, на гласных-купцов нередко возлагались обязанности по ведению финансовых, разного рода имущественных и строительных дел, что было явлением закономерным, поскольку в общественном сознании принадлежность к купеческому сословию связывалась с умением слаженно, экономно, с пользой решать насущные проблемы.

Управленческая деятельность, деловые качества купцов, проявляемые в повседневной работе органов местного самоуправления, способствовали развитию городов и уездов, обеспечивая их благосостояние и безопасность. В мае 1872 г. на заседании думы г. Орлова по предложению её председателя, городского головы А. Н. Кузнецова рассматривался вопрос о «приобретении для города двух заливных пожарных машин»⁷⁴. Дума поддержала это предложение, разрешив городской управе купить «одну пожарную машину хорошую и преимущественно иностранного завода ценою до 400 руб.»⁷⁵ О приобретении в Москве такой машины «со всеми к ней принадлежностями» и её испытании членами управы и гласными с участием уездного исправника было доложено думе уже на следующем, сентябрьском её заседании и определено «по несложной потребности завести еще другую машину, подобной ныне приобретенной...»⁷⁶

В тот же период при активной поддержке городского головы Кузнецова Орловская городская дума рассматривает вопрос о «воспрещении в местах, представляющих опасность от огня, – курение табака»⁷⁷. В выступлении этого купца отмечалось, что «он в отвращение весьма важной, при небрежном обращении с огнем опасности, а в особенности в летнее ярмарочное время, при деревянных помещениях, полагал бы за лучшее вовсе воспретить курение табака, как в общественных, так и частным лицам принадлежащих лавках... в продолжение всего года»⁷⁸. Предложение это утверждается решением городской думы. Под зорким наблюдением А. Н. Кузнецова осуществлялись и другие мероприятия, направленные на борьбу с пожарами⁷⁹.

Гласные способствовали укреплению ценностей пореформенной, буржуазной эпохи, заключавшихся в разрушении сословных подходов в организации общественной жизни. В январе 1874 г. по предложению купца, городского головы Ивана Прокопьевича Кардакова Котельничская дума сняла недоимку с Общественного клуба и сложила с него акциз в размере 150 руб. за текущий год⁸⁰. Делалось это, как мотивировал Кардаков, «чтобы сблизить сословия... развитием между ими общих интересов... и вообще возвышения нравственного уровня общества»⁸¹.

Экономическому процветанию Котельнича должно было способствовать строительство железной дороги. В формулярном списке о служ-

бе котельничского городского головы, купца второй гильдии Якова Александровича Зубарева (1902 г.) говорилось: «По уполномочию котельничских городского общественного управления и земства ходатайствовал лично пред г. министром финансов и в управлении по сооружению железных дорог, и чрез подачу особых докладных записок пред гг. министрами внутренних дел, путей сообщения и земледелия и государственных имуществ о том, чтоб Высочайше утвержденная к сооружению железная дорога от Петербурга до Вятки прошла в пределах владений города Котельничча»⁸².

Некоторые гласные-купцы, недовольные организацией хозяйственной жизни, в резкой форме выражали своё мнение на те или иные вопросы, связанные с ней. В июле 1907 г. на заседании Вятской городской думы С. О. Якубовским была поднята тема о замощении улиц губернского центра. «Почему не мостится до сих пор дорога, идущая к С.-Петербуржскому вокзалу? Куда девались те 20 тыс. руб., которые с таким трудом мы положительно выклянчили три года тому назад у губернского земства с исключительной целью вымостить эту дорогу?» – спрашивал он у членов управы⁸³.

Своё недоумение Якубовский высказывал настолько эмоционально, что, по словам «Вятского вестника», «если бы Демосфен воскрес и волей злой судьбы перенесся в этот момент в зал Вятской городской думы, то и он пришел бы в восторг от той неистощимой струи сарказмов и злобы, которая выливалась из уст добродушного, но только не в эту минуту, старца»⁸⁴. Вслед за вопросами этот купец подал в думу коллективное письменное заявление, в котором предлагался план решения наболевшей проблемы, вплоть до созыва экстренного заседания думы. Помимо самого Якубовского, в числе подписавших данный документ были купцы Р. Д. Шенкаржевский, И. А. Смольянинов, Ив. С. Кардаков, С. Н. Коробов.

Служебная деятельность представителей делового сообщества высоко оценивалась современниками. Служивший на рубеже 1870–1880-х гг. елабужским городским головой купец первой гильдии и степенный гражданин Дмитрий Иванович Стахеев «постоянно посвящал свою деятельность общественному делу, улучшив много городское благоустройство и благосостояние, употребив для того свои значительные средства» и по ходатайству городского общества «Высочайшим повелением» был удостоен звания почётного гражданина г. Елабуги⁸⁵. В январе 1911 г. «честью 25-летие служения городского головы Капитона Ивановича Маландина в нолинском городском общественном управлении... и находя службу его в период этого 25-летия, безусловно, плодотворной и полез-

ной», дума г. Нолинска решила «возбудить ходатайство пред г. вятским губернатором о представлении городского головы К. И. Маландина... к потомственному почетному гражданству»⁸⁶. «Высочайшее соизволение» на его награждение высоким городским званием последовало «ко дню 1 января 1912 г.»⁸⁷.

В числе прогрессивных земцев-купцов назывался купеческий сын Ф. Ф. Ижболдин (Елабужский уезд), в заслугу ему (вместе с дворянином Н. В. Алашеевым) ставилось улучшение в уезде школьного дела⁸⁸. И ещё один отклик современника: «...Благодаря энергии земских и городских деятелей, в особенности же Кузнецова...» – вспоминал Н. А. Чарушин, – г. Орлов «превращается в один из самых культурных уездных городов России, буквально в город учащихся, с целым рядом учебных заведений – низших и средних, – переполненных крестьянскими детьми, с прекрасной общественной библиотекой, народным домом и пр.»⁸⁹

Конечно, были и случаи, когда купцы без особого усердия относились к своим служебным обязанностям. Ярким примером могут служить факты из павленковской «Вятской незабудки», вышедшей в Санкт-Петербурге и вызвавшей переполох в губернии. В частности, в сборнике рассказывалось о крупных нарушениях в работе Вятской уездной земской управы, руководимой купцом Андреем Германовичем Арбузовым⁹⁰.

При решении городских и земских дел представители делового мира имели возможность учитывать и свои интересы: на самых выгодных условиях получать подряды, земельные участки под строительство торговых помещений, складов, пристаней и т. п., брать в аренду сенокосные и лесные угодья, различные постройки. Всем этим был недоволен помощник начальника Вятского губернского жандармского управления, написавший в 1887 г. в департамент полиции о сарапульских купцах-гласных: «Купечество состоит из нескольких многочисленных фамилий, соединенных, кроме того, между собою родственными связями. Управление городом находится в их руках, но они им пользуются и интересуются только в узких рамках своего интереса, не заботясь об общественных удобствах»⁹¹. Тем не менее, этот эпизод не являлся общим правилом, характеризовавшим служебную деятельность купечества вообще. В том же документе сообщалось о председателе Сарапульской уездной земской управы купце Г. Х. Шиотце. Оценка его деятельности заключалась в следующих словах: «Человек дела и разумный хозяин»⁹².

Примечателен и факт, связанный со службой на выборных должностях Капитона Ивановича Маландина. В августе 1912 г., через два ме-

сяца после смерти этого городского головы, губернатор получил письмо с прошением от его вдовы. Как оказалось, Елизавета Маландина после кончины мужа осталась «с пятью малолетними детьми без всяких средств» и поэтому просила о назначении для её семьи пенсии «за службу... покойного мужа»⁹³. Вместе с другими документами к письму было приложено свидетельство о бедности, выданное полицией г. Нолинска. Губернатор дал неутешительный ответ: «...Назначение пенсии от казны служащим на выборных должностях городских общественных управлений законом не установлено...»⁹⁴ Получая жалование за должность, в большинстве случаев представители торгово-промышленных кругов не превращали служебную деятельность в источник наживы, а, наоборот, думали об улучшении хозяйственной жизни своих городов и уездов, полностью подчиняли себя решению неотложных дел местного самоуправления. По-видимому, в числе таких деятелей был и выходец из старинного купеческого рода К. И. Маландин.

Ввиду того, что гласные-купцы продолжали вести торгово-предпринимательские дела, связанные с поездками в другие губернии, нередко они могли и не являться на то или иное заседание. Отсутствующие отмечались в журналах, выяснялись причины их неявки. В журнале Слободской городской думы от 27 мая 1898 г., например, читаем: «По объявлении заседания открытым, городским головой доложено собранию о неявке в оное гг. гласных: Воробьева М. П., Колотова Ив. Л., Ончукова М. П. и Сапожникова П. И.», но тут же отмечается – «за выездом из Слободского по своим торговым делам: первых двух в Архангельск, третьего в С.-Петербург, четвертого в Астрахань»⁹⁵. В данном случае причины отсутствия были признаны уважительными.

Одна из основных тенденций, проявлявшаяся в купеческой среде, заключалась, прежде всего, в том, что в течение XIX в. служба в органах местного самоуправления постепенно позволяла деловой элите преодолевать узкосословные интересы и становиться на путь заботы о росте благосостояния местного сообщества в целом, и это особенно прослеживалось в деятельности земских и городских гласных второй половины столетия. Изменения наблюдались также и в повышении в тот период и в начале XX в. служебной активности представителей изучаемой группы населения в других управленческих структурах. В «списке лиц купеческого сословия, имеющих право участвовать в собраниях купеческого общества» г. Вятки на 1878 г. названо свыше 20 должностей, на которых в разные годы они несли службу⁹⁶. Купцы заседали в различных судебных учреждениях (сиротском, мировом судах), служили директорами общественных банков⁹⁷, избирались различными депутатами (тор-

говыми, городской оценочной комиссии, «для поверки отчетов» и т. д.). Похожая ситуация прослеживалась и в последующее время, о чём, например, свидетельствуют списки «лиц, служащих в Вятской губернии», публиковавшиеся в «Памятных книжках...»⁹⁸.

Одним из направлений управленческой деятельности купцов было участие в работе губернских и уездных административных учреждений: они заседали в губернском и уездных податных присутствиях, в уездных по крестьянским делам присутствиях, в губернском лесоохранительном комитете, в губернском попечительном о тюрьмах комитете, в уездных тюремных отделениях, в общем присутствии Вятской казённой палаты по промысловому налогу, в губернском по квартирному налогу присутствии, являлись почётными членами Вятского губернского статистического комитета и т. д.⁹⁹ Однако, несмотря на рост служебной активности предпринимателей, их участие в деятельности всех этих учреждений не являлось столь массовым и активным, как это было в органах местного самоуправления¹⁰⁰, поскольку в первых купцам нередко отводилась малозначимая роль и зачастую с выполнением вспомогательных, консультативных функций.

Особого внимания заслуживают факты участия предпринимателей в деятельности высших и центральных государственных учреждений. С 1911 по 1917 г. выборным членом Государственного Совета от торговли состоял потомственный почётный гражданин г. Елабуги Фёдор Васильевич Стахеев (1870–1945). Занимая высокую должность, он оказывал содействие в решении хозяйственных вопросов местного значения, в частности, поддержал инициативу елабужских городской думы и земства по строительству железнодорожной ветки от Елабуги до пересечения с линией Казань – Екатеринбург¹⁰¹. Обосновавшийся в Петербурге Алексей Яковлевич Прозоров был чиновником особых поручений при министре финансов, имел чин тайного советника¹⁰², в сентябре 1911 г. стал членом III Государственной думы (входил во фракцию октябристов).

По содержащимся в «Адрес-календарях Вятской губернии» материалам представляется возможным определить степень вовлечения купцов в служебную деятельность. В 1890 г. среди должностных лиц региона насчитывалось 195 купцов обеих гильдий¹⁰³ при общей численности глав купеческих семей – 539 чел., и, как результат, в служебную деятельность было вовлечено 36,2 % от общего числа купцов. По сведениям на 1906 г., эти показатели, соответственно, равны 130, 366, 35,5 %¹⁰⁴. Таким образом, в начале XX в., несмотря на сокращение численности купечества Вятской губернии, его интерес к службе не ослаб. В то же время масштабы участия купцов в общественных делах уменьшились (195 и 130 чел.), что мы видели и на примере земских

и городских учреждений, где в начале XX в. наблюдалось сокращение численности гласных-купцов.

Как видим, служебная деятельность в конце XVIII – первой половине XIX в. и в следующий – пореформенный период, и в начале XX столетия являлась для купцов Вятско-Камского региона неотъемлемой частью их текущих занятий. Её эволюция, определявшаяся государственной политикой, социально-экономическими изменениями в стране и ростом самосознания самих представителей делового мира, проявилась в расширении круга «купеческих» должностей, как в системе местного самоуправления, так и государственного управления. Особенно масштабным было участие гильдейских предпринимателей в работе органов местного самоуправления, что не в последнюю очередь обуславливалось и особенностями социального развития северо-востока Европейской России.

Сфера управления стала важным звеном на пути выхода регионального купечества из замкнутой, корпоративной жизни, способствовала расширению его делового кругозора, вела к дальнейшему укреплению социального статуса этой группы населения, и благодаря служебной деятельности, занимая высокие должности в управленческих структурах различных уровней, гильдейские предприниматели в полной мере олицетворяли собой местную элиту. Утверждавшиеся в стране буржуазные отношения, законодательство эпохи Александра II и последующих лет неуклонно меняли и экономический, и социальный облик российского населения, наполняя фактором активного его отношения к действительности, о чём и свидетельствовала деятельность полиэтнического регионального купечества в институтах нарождавшегося гражданского общества. Вместе с тем, утверждение капитализма объективно вело к разрушению сословной гильдейской корпорации, что нашло отражение и в сфере управленческих занятий её представителей.

5.2. Политическая деятельность

Параллельно с формированием социально-экономического статуса купеческого сословия шёл процесс и его политического самоопределения. В изучаемый период представители деловой элиты городов Западного Предуралья, включая как тех из них, кто занимал выборные должности, так и не проявлявших особой активности в общественной жизни региона, демонстрировали, прежде всего, свою приверженность монархической власти, что было в условиях самодержавного режима явлением вполне закономерным¹⁰⁵.

Проправительственный настрой местной деловой элиты ярко прослеживался во многих эпизодах, например, в ходе поездки вятской купеческой делегации в Казань в 1798 г. на встречу с императором Павлом I, во время отправки депутаций в Петербург «для представления Государю Императору» и в Москву «ко дню коронования Их Императорских Величеств», визитов в Вятскую губернию Александра I в 1824 г., наследника престола Александра Николаевича (будущего императора Александра II) в 1837 г.¹⁰⁶, неизменно связанных с выражением со стороны гильдейского сообщества верноподданнических чувств, «принесением благодарности» монархам.

«Вятские граждане чрез нас верноподданных Ваших в знак всеподданнейшего их усердия Вашему Императорскому Величеству хлебом и солью кланяются», – говорил вятский городской голова Степан Машковцев, припав на колени перед Павлом I в 1798 г.¹⁰⁷; или же, принимая присягу на верность вступившему на престол в 1894 г. Николаю II, Тихон Булычёв и другие купцы дали клятвенное обещание: «...верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...»¹⁰⁸. С воодушевлением в городских думах зачитывались «царские послания»: «...Государь Император Высочайше повелеть соизволил благодарить жителей города Котельнича за верноподданнические чувства и поздравления по случаю бракосочетания Ее Императорского Высочества Великой княгини Марии Александровны с герцогом Альфредом Эдинбургским, выраженные всеми сословиями г. Котельнича», – прозвучало из уст городского головы купца Ивана Прокопьевича Кардакова 11 апреля 1874 г.¹⁰⁹

Примечателен и факт, связанный с пожертвованием в марте 1873 г. яранским городским головой Иваном Ивановичем Носовым думе «в память введения в городе Яранске Всемилоостивейше дарованного самоуправления по городовому положению 16 июня 1870 г.» портрета Александра II «в изящной вызолоченной раме»¹¹⁰. Такое трепетное отношение и верность самодержавию подкреплялись церковью и целенаправленной государственной политикой, которая, как уже отмечалось выше, ставила купцов в полную зависимость от царской воли.

В то же время, с развитием общественно-политической жизни в регионе и в стране, купечество постепенно втягивалось и в разраставшееся оппозиционное движение. Если в первой половине XIX в. наблюдались лишь единичные случаи участия в нём представителей этого сословия, то в период реформ Александра II и после них интерес купечества к политике усиливался. Поначалу среди вольнодумцев оказались получавшие образование в Москве купеческие дети. Так, в июне 1834 г. после

завершения курса Московского университета Егор Петрович Машковцев устроил вечеринку, где звучали песни, «наполненные гнусными и злоумышленными выражениями против верноподданнической присяги»¹¹¹. Её участником был и Аркадий Машковцев, «вятский 1-й гильдии купеческий сын, почетный гражданин», двоюродный брат Егора, учившийся в Московской практической академии коммерческих наук.

По этому делу началось следствие. За Егора Машковцева похлопотали родственники, «истратив тысяч до восьмидесяти», и в результате он избавился от ссылки, — писал в дневнике Н. А. Добролюбов¹¹². А. И. Машковцев привлекался к допросу, но это не повлияло на его дальнейшую судьбу. Вернувшись в Вятку, он продолжил купеческие дела своего отца, избирался городским головой. Вместе с тем, в ходе следствия были арестованы А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, позже отправленные в ссылку, несмотря на то, что на вечеринке их не было. «Из нас не только не было ни одного на пиру, но никто не был приглашен», — вспоминал Герцен¹¹³. Он отбывал ссылку сначала в Перми, затем в Вятке, Огарёв — в Пензенской губернии.

Впоследствии, в 1860–1870-е гг., когда авангардом оппозиционного движения стала разночинская интеллигенция как либерального, так и революционного толка, политическая деятельность регионального купечества стала приобретать более осязаемые очертания. В 1866 г. полицию весьма заинтересовала деятельность купца второй гильдии г. Слободского Ивана Прокофьевича Ворожцова¹¹⁴. В частности, властям было известно, что этот «спичечный фабрикант» состоял в переписке с неблагонадёжными лицами, включая Н. П. Огарёва, с которым встречался в 1865 г., когда выезжал в Лондон. В доме купца проводились обыски с целью изъятия «запрещенных лондонских изданий или других книг, а также свинцового шрифта», якобы переданного Ворожцову в Петербурге¹¹⁵.

Во время первого обыска в руки полиции попало письмо Огарёва, в котором сообщалось, что всё последнее время он внимательно изучал русскую прессу и у него сложилось мнение о дворянстве как о сословии мало заинтересованном в деятельности земских учреждений, «что за общественные должности должны горячо схватиться разночинцы (купцы, семинаристы, университетцы и т. п.)» и «в этом явится путь: развитие понятия выборности, способов явной оппозиции, сближения со всеми слоями общества для всякой оппозиции»¹¹⁶. «Пора, кроме литературного дела, которое вертится в крошечном кружку и наиболее указывает на идеалы, даже не всегда ясно выработанные, пора приняться за практический труд...» — говорилось в письме; и в заключение

Н. П. Огарёв писал, что остался «страшно рад» встрече – «я почувствовал растущую силу практического направления»¹¹⁷.

Узнав обо всём этом, начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III отделением генерал Н. В. Мезенцов поручил вятскому подразделению корпуса жандармов взять у Ворожцова показания. Во время допроса ему задавались вопросы, касавшиеся поездки за границу, «свидания его с Огаревым, Герценом и Утиным и принятого им поручения – вывоза и продажи запрещенных книг и газет»¹¹⁸. «Ворожцов отвечал уклончиво и бестолково, но по всему видно, что он не чужд хотя слабого участия в каком-то обществе и что его собственные убеждения неблагоприятны», – доносил в октябре 1867 г. в министерство внутренних дел губернатор Компанейщиков¹¹⁹. За «неблагонадёжным» купцом полицией был установлен надзор.

В тот же период революционно-демократический настрой прослеживался в деятельности «временного 2-й гильдии купца» Александра Александровича Красовского (1828–1883). Будучи выходцем из духовенства, он записался в купеческое сословие, поскольку занимался книготорговлей и владел типографией. Окончив Вятскую духовную семинарию и духовную академию в Петербурге, где был «сильно заражен... атеизмом и нигилизмом»¹²⁰, Красовский преподавал в Вятской духовной семинарии. Вокруг него при библиотеке, открытой им в 1859 г. в губернском центре, сложился кружок, ядро которого составляли семинаристы¹²¹. Они изучали сочинения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова (с двумя последними Красовский был знаком лично), обсуждали сложившуюся политическую обстановку в стране и в 1863 г. откликнулись на призыв казанских студентов поднять восстание с целью поддержки национально-освободительного движения в Польше¹²². Заговор был раскрыт, непосредственно причастными к нему оказались 19 вятчан¹²³. По «казанскому делу» арестовали и А. А. Красовского. При задержании в г. Яранске, когда Александр Александрович возвращался из Петербурга, у него нашли «печатный экземпляр возмутительного воззвания от русского центрального народного комитета “Земля и воля”»¹²⁴. Красовский был отдан под суд, а его единомышленников – «до 60-ти человек» – исключили из вятской семинарии¹²⁵. Библиотека и магазин Красовского были закрыты¹²⁶.

С открытием земских учреждений оппозиционное движение в регионе приобрело новые формы и более широкий размах. Дело в том, что земское самоуправление, лишённое правительством реальной власти, находилось под жёсткой опекой губернской администрации, а любые попытки проявления земствами самостоятельности и независимости

пресекались на уровне, как региональной администрации, так и центральной власти. С 1865 по 1890 г. министерством внутренних дел и Сенатом принимаются законы, циркуляры, разъяснения, ещё в большей степени ущемлявшие права земств¹²⁷. Однако и этого было недостаточно. Правительство беспокоило нараставшее влияние в общественной жизни земских и городских органов самоуправления, тревожили его и усиливавшиеся позиции в них буржуазных элементов, и оно пошло на контрмеры. Александром III утверждаются новые Земское (12 июня 1890 г.) и Городовое (11 июня 1892 г.) положения, суть которых заключалась в усилении контроля за деятельностью земских собраний, городских дум, управ, а также в укреплении позиций дворян-землевладельцев¹²⁸. Отныне губернатор становился «полновластным хозяином земств», а роль председателя губернской земской управы и городского головы часто «сводилась к роли виноватых, дающих объяснения»¹²⁹. Эти явления вызывали недовольство со стороны пробуждавшейся общественности.

Судя по докладной записке вятского губернатора В. И. Чарыкова, составленной в ноябре 1870 г. на имя министра внутренних дел А. Е. Тимашева и имевшей гриф «совершенно секретно», главной фигурой земской оппозиции в регионе являлся Матвей Матвеевич Синцов¹³⁰. «До введения в Вятской губернии земских учреждений», — отмечал губернатор, — политическая обстановка была относительно спокойной (кружок лиц с «крайне вредным в политическом отношении направлением... не был значителен и по не имению ни средств, ни влияния на общественные дела, ограничивался лишь семейным бытом»), «с образованием же в Вятке губернской управы, председателем которой был выбран орловский купеческий сын, лекарь Синцов», положение существенно обострилось¹³¹.

По сведениям губернатора, до возвращения в Орлов М. М. Синцов служил врачом в Симбирске, «по акцизу» в Саратове и уже там принадлежал «к партии крайних социалистов»¹³². Чарыкова беспокоил тот факт, что «Синцов приобрел сильное влияние на все земство... делал что хотел», к земской деятельности он привлекал политических ссыльных и ряд других лиц «с вредным направлением» и вместе с ними порицал «все прежние и настоящие правительственные учреждения»¹³³. В своей деятельности председатель управы и его сподвижники руководствовались принципом: «Все, что от правительства и от дворянства, осуждать и гнать, и уничтожать, все, что выборное от духовенства и крестьян, защищать и возвышать»¹³⁴. Оппозиционеры «довели управы до совершенно враждебного со всеми положения и

только благотворительная мера – высылка... в Костромскую губернию секретарей Бушманова и Шулятикова и увольнение из губернской управы Куца (Ананий Куц – политический ссыльный, дворянин. – М. С.), – считал начальник губернии, – немного способствовали уменьшению вредных действий Синцова»¹³⁵.

Губернатор называл первого председателя губернской земской управы «ловким и пронырливым» человеком, считал, что его необходимо уволить с должности. В этом случае «нигилистическое направление» во главе с Синцовым, по мнению Чарыкова, лишится «огромных денежных средств», которые ежегодно получает губернская управа. В итоге на выборах 1870 г. Матвей Матвеевич вновь избирается председателем, но министром внутренних дел его кандидатура не утверждается¹³⁶.

В губернаторском списке неблагонадёжных лиц, помимо Синцова, значилось имя земца уездного города Глазова Петра Ивановича Колотова. Выходец из купеческой семьи, Колотов имел «небольшое, не разделенное с четырьмя братьями состояние», обучался в Казанском университете, до земской службы был почётным смотрителем Глазовского уездного училища¹³⁷. В 1862 г. за ним устанавливается полицейский надзор, так как Пётр Иванович был «замечен в оказательстве вредного влияния на учащихся и в обнаружении идей своеволия и безбожия»¹³⁸. В 1867 г. он избирается членом Глазовской земской управы, а в следующем году – её председателем. Колотов «дружил со всеми, кто только заражен либеральным направлением и вообще сочувствует ему и, напротив, ни с кем не сходил из людей благомыслящих»¹³⁹. Только после репрессивных мер, принятых властями к вольнодумцам, этот земец стал проявлять осторожность. «Уже около года он ведет себя в политическом отношении безукоризненно, с крайней осторожностью и выбран председателем Глазовской управы на второе трехлетие», – отмечал Чарыков¹⁴⁰. В дальнейшем, когда Пётр Иванович стал председателем Вятской губернской земской управы (вторым после Матвея Матвеевича), он вновь привлёк к себе пристальное внимание властей. Его обвиняли в пособничестве революционерам, в его доме проводились обыски. О Колотове вспоминали: «Что он ни делал, все было подозрительно и представлялось на вид начальству как крамола»¹⁴¹.

В Казанском университете учился также Лазарь Матвеев, потомственный почётный гражданин, владелец винокуренного завода. Окончив университет, он служил чиновником особых поручений при казанском губернаторе. В период проведения крестьянской реформы был мировым посредником, затем – первым председателем Уржумской земской управы. Чарыков сообщал, что Л. П. Матвеев являлся

человеком «крайне либерального направления и обнаруживает стремление к пропаганде» и, соответственно, «вполне сочувствовал Синцову»¹⁴².

Неблагонадёжность Матвеева проявилась и в его последующей деятельности. В 1872 г. вместе с купцом Андреем Черновым он открыл в г. Уржуме библиотеку-читальню¹⁴³, постоянными посетителями которой стали земские деятели, учителя, ссыльные. В 1874 г. у земца В. Я. Заволжского блюстители порядка обнаружили запрещённые издания из этой библиотеки. Заволжского подвергли аресту, владельцы библиотеки привлекались к следствию, но эти меры не повлияли на взгляды и поведение уржумских земцев-политиков. В 1880-е гг. осведомители доносили, что в библиотеке Чернова-Матвеева ежедневно собираются политические ссыльные, а Чернов – «человск, не признающий Бога и религии»¹⁴⁴.

О купце второй гильдии, земском деятеле Андрее Андреевиче Чернове следует сказать особо. В отличие от многих земцев он был сторонником радикального переустройства России, открыто выражал своё негативное отношение к самодержавию. Так, во время трёхдневных праздников, отмечавшихся в мае 1883 г. и посвящённых дню коронавания в Москве Александра III и его супруги, А. А. Чернов не пришёл на богослужение и не украсил свой дом флагами и иллюминацией, как требовало постановление Уржумской городской думы¹⁴⁵. Поведение купца вызвало недовольство местных жителей, и 16 мая, вечером, у его дома собралась большая толпа мещан, которая потребовала незамедлительно исполнить все указания думы, «угрожая в противном случае разнести дом»¹⁴⁶. Чернов был вынужден подчиниться воле горожан, а толпа не расходилась до тех пор, пока он не выполнил своё обещание.

В том же году Чернов предлагал уездному земскому собранию принять ходатайство об изменении выборной системы в органы местного самоуправления, в частности, по его мнению, при выборах в земство нужно отменить имущественный ценз и ликвидировать землевладельческие съезды¹⁴⁷. Более того, он говорил в земстве о необходимости разрешить крестьянам вести хозяйственную и промысловую деятельность в помещичьих и казённых лесах (заниматься охотой, собирать грибы и ягоды, пасти скот и т. д.), поскольку считал последние общественной собственностью¹⁴⁸.

Реакция властей на деятельность Чернова была жёсткой, особенно после убийства 1 марта 1881 г. Александра II. Уржумскую библиотеку власти закрыли, а Чернов подвергся аресту как один из руководителей «преступного сообщества», занимавшегося пропагандой среди крестьян,

и пробыл в заключении до смерти в феврале 1888 г. Примечательно, что из 1610 изданий, купленных Уржумской публичной библиотекой у наследников Чернова, 509 оказались «запрещенными к обращению в публичных библиотеках», среди них – труды Конта, Спенсера, Милля, Лассаля, Сеченова, Писарева, Помяловского, журналы «Русская мысль», «Отечественные записки», «Слово» и другие¹⁴⁹. Все эти издания были «сложены в городской управе в особый шкаф», о чём в специальном рапорте докладывалось вятскому губернатору¹⁵⁰.

В число первых земских либералов входил председатель земской управы Орловского уезда, потомственный почётный гражданин Михаил Акимович Булычёв. По сведениям Чарыкова, этот молодой человек занял в земстве высокую должность во многом благодаря своему земляку Синцову, и, находясь с последним в близких отношениях, регулярно ездил в Вятку для советов с ним¹⁵¹. Губернатор называл Михаила Булычёва «недалновидным»¹⁵². В списке неблагонадёжных лиц значились и земские агрономы, фельдшеры, секретари, также находившиеся, по мнению Чарыкова, под влиянием Матвея Матвеевича. По словам Б. Б. Веселовского, вятское земство в то время «охраняло свою самостоятельность», а его деятели (М. М. Синцов с единомышленниками) являлись «интеллигенцией с народническим оттенком»¹⁵³.

Несмотря на гонения властей, деятельность Синцова, основанная на свободомыслии, получила развитие в дальнейшие периоды истории земства, и это подтверждает мнение о том, что земская оппозиция формировалась в течение многих лет¹⁵⁴. По сведениям Н. М. Пирумовой, в конце XIX – начале XX в. участниками земского либерального движения в Вятской губернии были десять губернских и уездных гласных, из них дворян – 5 чел., потомственных почётных граждан (вместе с купцами. – М. С.) – 3, крестьян – 2¹⁵⁵. Зачастую шедший вразрез с официальной идеологией настрой в то время ощутимо проявлялся в деятельности председателя губернской земской управы Авксентия Петровича Батуева. Во всеподданнейшем отчёте за 1896 г. губернатор Н. М. Клингенберг отмечал, что А. П. Батуев – человек «весьма развитой, хорошо образованный, с крайне либеральным направлением»¹⁵⁶. При нём в связи с открытием многочисленных сельских школ и библиотек росло число земских служащих, в рядах которых господствовали «идеи общественного блага» и часто резко негативное отношение к самодержавной власти, что, естественно, не могло не тревожить правительственные учреждения. Героями литературных произведений Батуева выступали люди, недовольные

окружавшей жизнью, казавшейся им «с каждым днем... все ужаснее и ужаснее»¹⁵⁷.

В целом в стране на исходе XIX и в начале XX столетия из 241 земского оппозиционера, проживавших в 33 губерниях, насчитывалось девять потомственных почётных граждан и четыре купца¹⁵⁸. Самую же значительную часть – 207 чел., или 86 %, составляли потомственные дворяне¹⁵⁹. Пирумова указывает на особенности работы земств Вятской губернии, отмечая, что «образованных и либеральных дворян в этих краях было весьма немного», «крупной культурной и общественной силой» здесь были земские служащие, а выборные земские деятели в большинстве своём являлись «малообразованными», «консервативными и политически благонадежными» людьми¹⁶⁰. Вероятно, одной из отличительных черт было и раннее вовлечение вятских земцев-разночинцев в либеральное движение – в конце 1860-х – 1870-е гг., процесс, в котором, как мы видели выше, участвовали и выходцы из купеческого сословия, тогда как, если говорить в масштабах государства, «политический путь вообще был уделом далеко не всех земств», а его начало «в отдельных земских учреждениях можно отнести лишь к концу 70-х – началу 80-х годов XIX в.»¹⁶¹

Власти использовали различные методы борьбы с оппозицией, среди них широко практиковалась ссылка. С николаевской эпохи (1825–1855) северо-восток Европейской России с его морозными зимами, бездорожьём, глухими лесами стал одним из традиционных её мест. В течение XIX в. менялся социальный состав ссыльных. Если в первой половине столетия – 1870-е гг. в их числе были, главным образом, дворяне, то с конца 70-х гг. XIX в. росла численность ссыльных из городских сословий и крестьян¹⁶². В Вятской губернии отбывали ссылку купеческие сыновья и дочери (Василий Хохряков, Леонид Радин, Николай Вашков, Анатолий Немвицкий, Елизавета Зайцева, Екатерина Туликова, Григорий Яринский и др.), купец Северин Юнг¹⁶³. Так, сторонник учреждения выборного правительства с президентом от народа Хохряков обвинялся в антиправительственной пропаганде и после суда, в 1863 г. был сослан на каторжные работы в Сибирь. О помиловании сына просила его мать, проживавшая в Вятке, и «вследствие одобрительного отзыва о его поведении Всемилоштивейше разрешено возвратить Хохрякова из Сибири и водворить на жительство в одной из отдалённых губерний»¹⁶⁴. В мае 1868 г. он прибыл в Вятку под надзор полиции. Здесь Василий после знакомства с М. М. Синцовым был назначен старшим фельдшером в губернскую земскую больницу, так как до ссылки обучался в Императорской медико-хирургической

академии, и «пока ничего предосудительного, – отмечал в 1870 г. вятский губернатор, – за Хохряковым замечено не было»¹⁶⁵.

Л. П. Радин после окончания в 1890 г. Петербургского университета жил за границей, затем приехал в Москву, где участвовал в рабочем движении, написал текст песни «Смело, товарищи, в ногу». После ареста более года находился в тюрьме, и в марте 1898 г. прибыл в ссылку в г. Яранск. Здесь Радин занимался, по сведениям губернского жандармского управления, «научно-литературными трудами»¹⁶⁶; стал одним из руководителей группы социал-демократов¹⁶⁷.

В целом же ссыльных-купцов в Вятской губернии было немного: в период с 1879 по 1897 г. в совокупности они составляли 9 чел., или 2,9 % от общего числа ссыльных, потомственные почётные граждане – 4 чел., или 1,3 %. Для сравнения: ссыльных крестьян было 65 чел. (20,8 %), мещан – 53 чел. (17 %), дворян – 42 чел. (13,5 %), чиновников – 19 чел. (6,1 %), «духовного звания» – 14 чел. (4,5 %), рабочих – 5 чел. (1,6 %) ¹⁶⁸.

По сведениям П. Н. Луппова, в 1897–1905 г. из 321 ссыльного, находившегося здесь, купцов насчитывалось 4 чел., или 1,2 %, потомственных почётных граждан уже 20, или 6,3 % ¹⁶⁹.

Хотя местные купцы, а в большей степени их дети, напрямую не связанные с предпринимательскими занятиями, и участвовали в оппозиционном движении, это направление деятельности не носило с их стороны массового характера. Для владельцев гильдейских свидетельств были характерны преимущественно консервативные взгляды на политическое устройство страны и негативное отношение к инакомыслящим. В изданной в 1877 г. Ф. Ф. Павленковым «Вятской незабудке» отмечалось, что жители г. Слободского и «даже купцы, люди независимые... всего больше, конечно, боятся прослыть или показаться неблагонадежными и потому тщательно избегают компрометирующих знакомств, например, со ссыльными, разумеется, из административных...», а если родители узнавали, что их дети общаются с «политическими», то преследовали чад своих «бранью и укорами... не успокоятся до тех пор, пока или сами ссыльные не прекратят всякое знакомство, или заблудшие овцы не обратятся снова на путь истинный» ¹⁷⁰. Весьма неприязненно о всякого рода возмутителях общественного спокойствия отзывался вятский купец К. И. Клепиков, советовавший своим детям «отдаляться от них». «Нахватавшись глупых слов от людей нечестивых, нигилистов, коммунистов, анархистов, эти люди... стадо портят», – не без эмоций писал он ¹⁷¹. Во многом монархическими убеждениями диктовалось и поведение купца Николая Огородникова, выдавшего полиции в августе 1894 г. находившегося

*Купец К. И. Лантев**Купец С. О. Якубовский*

на каникулах двоюродного брата, студента Казанского университета Н. А. Флерова, «отрицавшего Бога и бессмертие души», общавшегося с подозрительными людьми и читавшего сомнительную брошюру об Александре III¹⁷². Подобных примеров было немало.

Нужно иметь в виду и тот факт, что значительная часть местных предпринимателей зачастую публично не проявляла своего отношения к политическим проблемам. Среди же активной части купечества — той, которая энергично реагировала на общественные изменения в стране, идейный раскол продолжал усиливаться. Своеобразным индикатором уровня политизации предпринимательского сообщества явились революционные события 1905–1907 гг. Тот период был отмечен в Вятской губернии вооружённым выступлением дружины Крестьянского союза, многочисленными митингами и забастовками, черносотенными погромами в губернском центре, Нолинске, Уржуме, покушением на жизнь губернатора С. Д. Горчакова¹⁷³.

В мае 1905 г. купцы г. Вятки участвовали в разработке и утверждении «Проекта записки, выработанного особой комиссией Вятской городской думы для представления чрез Совет Министров на Высочайшее имя» — документа, по которому предлагалось незамедлительно провести в стране коренную политическую реформу¹⁷⁴. В частности, в нём говорилось

о необходимости созыва всесословного представительного собрания, введения избирательного закона, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании, о необходимости объявления демократических свобод и отмене всех сословных привилегий¹⁷⁵.

В члены комиссии по разработке проекта входили городской голова Я. И. Поскребышев, С. О. Якубовский. Из гласных-купцов в думе в день утверждения документа, 18 мая 1905 г., присутствовали Н. И. Клубуков, Д. Ф. Чучалов, Ив. С. Кардаков, Д. Ф. Зонов, С. О. Якубовский (проект был принят единогласно), в то же время часть купцов (А. Я. Тырышкин, П. П. Клубуков, И. И. и К. И. Лаптевы, С. Н. Коробов) по разным причинам на заседание не явилась¹⁷⁶.

Местные купцы участвовали в движении за созыв общероссийского съезда городских голов, которое в историографии рассматривается как одно из проявлений думского либерализма¹⁷⁷. В июне 1905 г. Я. И. Поскребышев вместе с гласными П. А. Шуравиным и Н. П. Ложкиным делегировался на первое частное совещание представителей городских общественных управлений¹⁷⁸. Его делегаты, недовольные разработанным «без согласия народа и его представителей» булыгинским проектом по созданию совещательной Государственной думы, высказались за «неотложность введения в России представительства на конституционных началах» с решающим голосом по вопросам законодательства, за скорейшее введение в стране демократических свобод, таких, как «неприкосновенность личности и жилищ, свобода слова и печати, право собраний и союзов и восстановление в правах всех лиц, пострадавших за свои политические и религиозные убеждения», за повышение роли местного самоуправления в управлении государственными делами, заявили свой протест по поводу подавления «так называемых беспорядков» с помощью «военной и политической силы», и эти решения были поддержаны Вятской городской думой¹⁷⁹. По словам участников совещания Поскребышева и Шуравина, они «ни в чем не противоречат взглядам думы, принятым в заседании 18 мая сего года»¹⁸⁰.

В тот же период (3 июня) Вятская городская дума одобрила требования совещания земских и городских деятелей, проходившего в Москве 24–26 мая 1905 г., во-первых, о «безотлагательном созыве свободно избранного всенародного представительства для совместного с Монархом решения вопроса о войне и мире и установления государственного правопорядка», во-вторых, о «немедленной отмене законов, учреждений, постановлений и распоряжений, противных началам свободы личности, слова, печати, союзов и собраний, и объявление политической амнис-

тии», в-третьих, о «немедленном обновлении состава администрации путем призвания к руководству центральным управлением лиц, искренно преданных делу государственного преобразования и внушающих доверие обществу»¹⁸¹. В своём постановлении члены думы особо отметили, что они, в свою очередь, «считают долгом обратить внимание правительства на неотложную необходимость скорейшего созыва народных представителей, как единственную меру, способную вывести нашу родину из настоящего трудного положения»¹⁸².

Политическая ситуация в регионе заметно обострилась после выхода Манифеста 17 октября 1905 г., когда, по словам губернатора, «земские и отчасти городские учреждения открыто примкнули к революционному движению»¹⁸³. В конечном итоге, в декабре 1905 г. губерния была объявлена на положении усиленной охраны, которое впоследствии неоднократно продолжалось¹⁸⁴.

Во время черносотенного погрома в г. Вятке, произошедшего 22 октября 1905 г., толпа разъярённых, недовольных нарастанием революционного движения обывателей искала Я. И. Поскребышева для расправы над ним. В губернском центре в тот день было убито шесть человек и ранено около 30¹⁸⁵. Яков Иванович скрывался в доме гласного думы А. А. Прозорова и, когда стемнело, спешно на поезде выехал из города. «Оставшись невредимым снаружи, он, тем не менее, пострадал душевно...» – писал Прозоров¹⁸⁶. В г. Уржуме черносотенцы выбили окна в доме купца Стародубцева, участвовавшего 18 октября в собрании, где произносились речи «против самодержавия»¹⁸⁷. С другой стороны, среди «погромщиков» как в Вятке, так и в других уездных городах были купцы. Земцы г. Нолинска знали, что погромы в их городе организуются «двумя-тремя торговцами», которые действовали через своих приказчиков. Председатель Нолинской уездной земской управы И. А. Шубин писал губернатору, что наибольшую активность в «движении против интеллигенции» проявляют приказчики купца Кокорина¹⁸⁸.

Фактор политизации местного купеческого общества, ярко обозначившийся в 1905 г., отразился и в их участии в деятельности политических партий. Однако ещё до этого события ряд представителей торгового сословия проявили себя в работе организаций левого лагеря – социал-демократов и эсеров, возникших в Вятской губернии в конце XIX – самом начале XX в.¹⁸⁹ Политические взгляды левых разделяла, в основном, весьма небольшая часть молодого купеческого поколения, тесно общавшаяся с прогрессивными земскими деятелями и ссыльными, например, Августа Кузнецова – дочь видного земского

десятеля, городского головы, купца А. Н. Кузнецова; сёстры Громозовы – дочери земца, купца К. И. Громозова; Клавдия Ухова – выходец из старинной купеческой семьи; купцы Владимир и Сергей Макушины¹⁹⁰.

В революционную деятельность активно включались дети земцев, которые в своих общественно-политических делах шли по более радикальному пути. Так, если орловский купец Александр Назарович Кузнецов был крупнейшим деятелем местного самоуправления и, по словам начальника Вятского губернского жандармского управления, являлся человеком «крайне либерального образа мыслей», водил знакомство с политическими ссыльными¹⁹¹, то его дочь связала свою жизнь уже непосредственно с революционным движением. После окончания Вятской Мариинской женской гимназии А. А. Кузнецова поступила в 1895 г. на Высшие женские курсы в Петербурге, участвовала в работе социал-демократических кружков, и в дальнейшем на неё неоднократно обрушивались репрессии властей: аресты, ссылки¹⁹².

Похожая ситуация наблюдалась в семье Громозовых, в которой родительская сторона была представлена земским деятелем и почётным мировым судьёй, сподвижником А. П. Батусева, Константином Ивановичем Громозовым, а молодое поколение – его дочерьми, социал-демократами Людмилой, Ией и Ольгой. В апреле 1903 г. Людмила Константиновна была арестована в Петербурге, где училась в медицинском институте, как сотрудник нелегальной типографии и на суде выступила с речью, оказавшей влияние на революционные круги¹⁹³. «Я жить хочу, хочу, чтобы вся Россия жила, а не умирала, медленно задыхаясь в атмосфере социального и политического гнета, и я борюсь за свою жизнь и за жизнь всей России, и зову бороться за нее всех, кто хочет жить», – говорила она¹⁹⁴. В одном из стихотворений, написанных в тюрьме, содержались строки, также раскрывавшие её мировоззрение: «Я бы звенья разбила цепей; / Я б замки у дверей сокрушила; / И могучею песней своей; / К новой жизни людей пробудила». Громозова мечтала об обществе «без религии и классов» и верила в победу «трудового народа над всеми враждебными силами» под руководством социал-демократов¹⁹⁵.

С именами представителей купеческих семей были связаны многие направления антиправительственной деятельности – организация и проведение митингов, печатание и распространение нелегальной литературы, выполнение заданий редакции «Искра», пропаганда марксизма среди рабочих и учащихся¹⁹⁶. С революционными заданиями или, скрываясь от полиции, они выезжали за границу: А. Кузнецова – в Берлин, где работала с искровцами, Л. Громозова – в Женеву (там познакомилась с Лениным), В. Макушин – в Брюссель. В 1902 г. при

таможенном досмотре в Польше у Николая Морозова, сына купца г. Орлова, который возвращался из-за границы, были обнаружены в двух чемоданах «скрытыми за двойным дном» революционные газеты и брошюры¹⁹⁷. Впоследствии Морозов, обвинявшийся в государственном преступлении, был отпущен под крупный залог, с обязательством проживания в г. Орлове Вятской губернии. Здесь он находился под наблюдением полиции.

Представители одной купеческой семьи могли по-разному определять для себя политические ориентиры. Членом боевой организации партии эсеров был Е. С. Созонов, сын купца-старообрядца из села Петровского Уржумского уезда, в июле 1904 г. бросивший бомбу и убивший В. К. Плеве¹⁹⁸. В свою очередь, отец Созонова был монархистом и глубоко религиозным человеком¹⁹⁹. Дочь купца-пароходчика Анисья Тырышкина сотрудничала с местным комитетом РСДРП, а её брат, Александр Яковлевич, был сторонником иных политических взглядов – монархических – и состоял в партии правового порядка²⁰⁰.

Деятельность левых партий вызывала у многих купцов гнев и раздражение не только по политическим соображениям. Дело в том, что жертвами кипучей революционной деятельности зачастую становились именно купцы. В Вятской губернии торговцам и промышленникам пришлось столкнуться, например, с угрозами со стороны партии анархистов-коммунистов, которая основными методами борьбы за уничтожение капитализма и упразднение государства провозглашала «восстание и прямое нападение как массовое, так и личное на угнетателей и эксплуататоров»²⁰¹ и «Российского тайного общества, содействующего как государственным, так и другим преступникам укрыться от преследования правительства»²⁰².

Более того, в местных газетах публиковались сообщения о покушениях на жизнь некоторых предпринимателей. В «Вятском вестнике» за 17 августа 1907 г. говорилось о том, что в Сарапуле в дом купца Бодалева злоумышленниками была брошена граната, которая взорвалась, не причинив никому вреда²⁰³. В номере этой же газеты за 28 августа 1907 г. сообщалось о брошенной ночью в квартиру проживавшей в Ижевском заводе «состоятельной обывательницы» Степановой бомбе, повредившей квартирную обстановку²⁰⁴. В газете указывалось, что Степанова «неоднократно получала письма от революционных организаций с требованием денег» и что «подброшенная бомба, по всей вероятности, ничто (не что) иное, как месть со стороны революционеров за не присылку требуемых денег»²⁰⁵.

Нападению Степанова подвергалась уже не первый раз. «По слухам... вымогательство в виде угрожающего письма с требованием 1000 руб. было сделано и в отношении сарапульского купца Барабанщикова», – читаем в газете «Прикамский край»²⁰⁶.

Говоря об этих событиях, нужно иметь в виду, что наряду с боевыми группами в губернии действовали и вымогатели, выдававшие себя за революционеров. С такими шантажистами жестоко расправлялись анархисты-коммунисты. В июле 1907 г. в Сарапуле они расстреляли одного из них, о чём сообщали в листовках, разбросанных по городу²⁰⁷. Убитым оказался 20-летний А. Е. Кузнецов, ранее служивший приказчиком у купца Пешехонова.

Период первой русской революции стал временем оформления в Вятской губернии отделений либеральных организаций – конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября»²⁰⁸. Представители местного купечества участвовали в их работе с первых дней. В рядах кадетской партии были купцы В. И. Семёнов (Яранск), Стародубцев (Уржум), Н. А. Пестов (Вятка), купеческие сыновья Н. З. Платунов (Слободской), Я. И. Поскребышев (Вятка)²⁰⁹, но в целом их численность была небольшой: если учитывать, что в 1907 г. в губернии насчитывалось 400 кадетов²¹⁰, то из этого числа купечество составляло не более 3–4 %. В это время кадетов зачастую причисляли к революционным, левым партиям, поэтому значительная часть крупной буржуазии их сторонилась. Во многом примечателен факт, когда в феврале 1906 г. губернатор А. Г. Левченко в телеграмме яранскому уездному исправнику организацию кадетов назвал социал-демократической партией²¹¹. Исправник Золотухин поначалу был удивлен, поскольку он просил дать разрешение на проведение собрания партии кадетов, а от губернатора получил ответ: «Разрешите собрание социал-демократической партии...»²¹². Вслед за этим на имя Левченко была отправлена телеграмма о том, что «социал-демократической партии в Яранске нет»²¹³.

Вятские купцы-кадеты участвовали в организации уездных партийных отделений. Купец второй гильдии Владимир Иванович Семёнов стал одним из основателей Яранской уездной кадетской организации²¹⁴. Принимали они участие и в текущей партийной работе, например, в выборных кампаниях. Осенью 1912 г. купец г. Вятки, директор Вятского городского общественного Фёдора Веретенникова банка Николай Арсеньевич Пестов на выборах в IV Государственную думу избирался выборщиком по первой курии²¹⁵. В губернском центре выборщики-кадеты тогда лидировали. В целом наши материалы

подтверждают тезис о «довольно скромном» участии предпринимателей в провинциальных кадетских организациях²¹⁶.

В отличие от конституционно-демократической партии организация октябристов в губернии была менее заметной. По ряду свидетельств, здесь существовало только одно отделение этой партии – в г. Вятке²¹⁷. Его первым председателем стал купец-заводчик, старообрядец и благотворитель Иван Игнатьевич Лаптев. 1 января 1907 г. вышла газета местных октябристов, но их деятельность не отличалась многогранностью. Сотрудничая с монархистами, немало сил они отдавали выборным делам. В сентябре 1907 г. И. И. Лаптев избирается выборщиком в губернское собрание, за него проголосовало 98 избирателей из 176²¹⁸. Однако же провести кандидата в члены III Государственной думы местным октябристам не удалось. В отличие от Москвы и Нижнего Новгорода²¹⁹ сохранившиеся источники не позволяют говорить о какой-либо широкой поддержке купечеством Вятской губернии деятельности «Союза 17 октября», хотя эта партия была более лояльной к власти, чем кадеты. По всей видимости, данная позиция объяснялась преобладанием в изучаемом регионе купечества «средней руки» и слабостью местного крупного капитала. Центральный промышленный район характеризовался развитием несколько иных тенденций, связанных с наличием мощного крупного купечества, если же говорить о Нижнем Новгороде, то его буржуазия в политическом плане была более консервативной, чем в Москве²²⁰. Свою роль в слабой поддержке региональным предпринимательством этой партии сыграло и то обстоятельство, что в «Союзе 17 октября», который, хотя и возглавлял А. И. Гучков, сильные позиции имела группа крупных аграриев-латифундистов, а также тот фактор, что его руководство было слишком лояльно к правительственному курсу после подавления революции 1905–1907 гг., и такое положение дел не устраивало часть представителей торгово-промышленного сообщества²²¹.

Близость к идеям Манифеста 17 октября 1905 г. позволила части местной деловой элиты (в частности, представителям семей Стахеевых, Ушковых) примкнуть к прогрессистам и стать выборщиками в ходе избирательной кампании в III Государственную Думу²²². В дальнейшем к прогрессистам, выступавшим за продолжение демократических реформ и пытавшимся в условиях падения популярности октябристов встать в авангарде российского делового мира, по документам Вятского губернского жандармского управления, относился купец Пётр Клобуков, который в 1912 г. «прошел по первому съезду г. Вятки в выборщики для избрания членов в Государственную думу» и позже от этого

(выборщика. — М. С.) звания отказался²²³. В одном из следующих посланий жандармского управления в департамент полиции сообщалось, что в Вятке в ходе выборов по первой курии перевес, прошедших в выборщики был за кандидатами прогрессивной партии, а «в выборщики по уездным городам правые прошли в большинстве»²²⁴.

Партиям названных выше направлений активно противодействовали организации другого политического течения — партии правительственного лагеря. Данные организации имели не только свои отделения в Вятской губернии, но и возникали как самостоятельные партии²²⁵. К последним относилась Вятская народная монархическая партия (ВНМП), объединявшая людей разных чинов и званий — от губернатора и епископа до крестьян²²⁶. Представители местного купечества принимали деятельное участие, как в открытии правых партий, так и в их непосредственной работе²²⁷. Заметной была деятельность купца второй гильдии Петра Григорьевича Тихонова. В 1906 г. он — член-учредитель Вятской народной монархической партии: производил запись в члены партии, председательствовал на её общих собраниях, участвовал в выборных кампаниях²²⁸. С именем купца второй гильдии Ивана Сметанина, «заступающего место городского головы», связано открытие Уржумского отделения ВНМП 30 июля 1907 г.²²⁹ Его учредительное собрание прошло в городской управе в день рождения наследника престола Алексея Николаевича.

В работе партии «Союз русского народа» были активны купцы И. А. Кудрявцев (Царевосанчурск), В. Н. Куршаков, Д. В. Шильников, Ф. Н. Изергин (Котельнич) и другие²³⁰. Купеческий сын Иван Александрович Кудрявцев стал председателем Царевосанчурского отдела «Союза русского народа» — организации, которая, по воспоминаниям современников, имела помещение и знамя, а её члены «устраивали манифестации с крестными ходами, расклеивали объявления, воззвания, призывали граждан на защиту царя-батюшки и на борьбу с крамолой»²³¹. И. А. Кудрявцев вёл переписку с председателем главного совета этой партии Александром Дубровиным. Куршаков и Шильников, являясь выборщиками, участвовали в избирательной кампании во II Государственную Думу, но не добились желаемого результата.

В. Н. Куршаков, «ярый правый», избирался выборщиком в Котельнич и в кампанию выборов в III Думу²³². Осенью 1911 г. от Котельничского отдела для поездки в Москву на заседание Союза выдвигался Изергин²³³.

Представители купечества губернии участвовали в деятельности и партии правового порядка. Губернатору С. Д. Горчакову, например, было известно, что в 1907 г. в г. Яранске эта партия существовала «в лице

купцов, мещан, торговцев и пожилых крестьян, придерживающихся программы монархических партий»²³⁴. Отделения партии работали также в губернском центре, Слободском, Царевосанчурске, их деятельность была направлена преимущественно на участие в выборных кампаниях и проведение культурных, либо благотворительных мероприятий²³⁵.

Как видим, представители купеческого сословия стали участниками народнического и земского либерального движения, членами партий практических всех существовавших в начале века направлений, но степень вовлечения их в работу политических организаций была различной. Если в партиях левого лагеря прослеживалось участие преимущественно молодого купеческого поколения, то членами организаций либерального и монархического толка становилась более весомая часть этого сословия, состоявшая как из глав купеческих семей, так и их детей. В последних они занимали и видное положение — избирались руководителями отделений партий, председательствовали на общих собраниях. Хотя характерной чертой политических взглядов многих купцов по-прежнему оставался консерватизм, участие представителей изучаемого сословия в деятельности партий разных направлений говорило об их политической неоднородности и формировании в среде региональной деловой элиты нескольких моделей политической самоидентификации. В то же время ни земская оппозиция, ни одна из партий, действовавших в Вятской губернии, не стали для купечества массовой организацией, что свидетельствовало, в свою очередь, и о политической индифферентности немалой его части.

Политическая неопределённость последней нередко порождала иронию со стороны интеллигентских кругов, которая выплёскивалась на страницах газет в фельетонах. Так, в октябре 1907 г. в «Прикамском крае» появился «маленький фельетон» с названием «После выборов», главными действующими лицами которого являлись «два субъекта купеческого вида», беседовавшие в трактире²³⁶. Один из них баллотировался в выборщики во время избирательной кампании в III Государственную Думу, но не прошёл. Примечателен следующий эпизод их разговора после сожаления «кандидата» о том, что с ним произошла «такая оказия»:

- « — Тут, брат, не тятенька с папенькой... Тут другое.
- “Чего такое?” — спрашивал проигравший.
- Такое: объявиться надо.
- Чего объявляться-то: али меня не знают здесь?
- Э, дура! Не в этом фунте... не с того конца меряешь.
- Да ты говори толком.

– Говорю – объявись. Ты, вот, три раза баллотировался, а кто ты, скажи?

– Чего гудить-то?

– Нет, ты скажи: кто ты таков?

– Тыфу, черт! Ну, купец я... лабаз у меня.

– Лаба-аз! Сам ты лабаз, гиря ты чугунная! Рази в таких делах лабазы требуются? Тут, брат, политика; партия, примерно, такая. Слыхал, чай: социал-демократы, левооционеры, кадеты... Али, вот, Миколай Антоныч, знашь, который с толстою палкой завсегда ходит? Ну, это будет Союз русского народа. А ты кто?

– Я-то?

– Ну?

– Я, значит, кандидат.

– Да партии-то какой?

– Какое возьмет верх на выборах, то, значит, и моя партия.

– Ну, кум, поедешь ты на вороных и в четвертый раз»²³⁷.

Новые штрихи политическая деятельность купечества приобрела в годы Первой мировой войны. Известие об объявлении Германией войны России вызвало патриотические манифестации, об одной из которых, произошедшей в губернском центре 20 июля 1914 г., современник писал: «Такого воодушевления и энтузиазма вятская публика не видала давно. Люди различных сословий, партий и состояний слились в дружном единении, готовые кровью своей защищать дорогую Родину...»²³⁸ Почти через год, 28 июня 1915 г., о схожих настроениях сообщалось губернатору в рапорте нолинского уездного исправника: «Среди всех слоев населения замечается патриотический подъем чувств»²³⁹.

Региональная деловая элита (Лаптевы, Зоновы, Клобуковы, Т. Ф. Булычёв и др.) в стала инициатором масштабных благотворительных инициатив, её представители поступали в ряды армии как по призыву, так и в качестве добровольцев²⁴⁰. Потомственный почётный гражданин А. О. Гирбасов пожертвовал «в неприкосновенный капитал» Елабужского братства трезвости «облигации Государственного военного займа 1915 г.», и этот шаг оценивался с патриотических позиций: «Все здравомыслящие русские люди в трезвости видят теперь спасение России, – писала «Прикамская жизнь», – в трезвости видят и верный залог ее победы над врагом и вообще залог ее будущего благоденствия как духовного, так и материального»²⁴¹.

Вместе с тем, наблюдавшиеся тогда рост общественного недовольства властью, ухудшение экономического положения в стране, усталость от войны повлияли и на деятельность купцов. Пользуясь моментом, некоторые из них не упускали возможность и получить

высокие прибыли. Были случаи наложения губернатором штрафов на предпринимателей, завышавших цены на продовольствие или самовольно торговавших кожевенной продукцией из разряда «военной», производились реквизиции их товаров, заключения купцов в тюрьму и т. д.²⁴² «Вятский губернатор постановил вятского купца Ивана Васильевича Поскребышева за недобросовестное поднятие им цен на обувь подвергнуть заключению в тюрьме, без замены штрафа, на один месяц», – сообщалось в «Вятской речи» в июне 1916 г.²⁴³ В местной прессе порой звучали резкие обвинения в адрес купцов: «Гласный городской думы в Чистополе Маланьичев пожертвовал городу 20 тыс. руб. на постройку городских продовольственных лавок. Везде богачи крупно жертвуют. У нас в Сарапуле пока только наживают»²⁴⁴.

Общие настроения представителей делового мира в ту переломную эпоху прослеживались в решениях органов местного самоуправления. Особый интерес вызывают документы 1917 г. Так, журналы собраний Котельничской городской думы выявляют отношение гласных к Февральской революции и к событиям последующих месяцев. Работавшая под председательством купца И. И. Шевелева дума уездного Котельничича 4 марта одобрила приветственные телеграммы в адрес Верховного главнокомандующего, председателя Совета Министров и председателя Государственной Думы, утверждённые «частным совещанием гласных Котельничской городской думы, начальников правительственных учреждений и представителей ведомств и жителей города», воспринявшего сообщение «об обновлении государственного строя» с восторгом и криком «ура», поддержала его решение об учреждении городской милиции с целью охраны порядка, в связи с политическими изменениями в стране приняла предложение «приветствовать Государственную Думу от лица городской думы»²⁴⁵. Тогда же начальником одной из дружин милиционеров назначается думский гласный, купец второй гильдии Алексей Васильевич Куршаков. 9 марта на заседании думы он избирается представителем от городского общественного управления в Котельничский временный исполнительный комитет, образованный «собранием граждан» днём раньше²⁴⁶.

Затем на летних выборах в Котельничскую городскую думу, проводившихся на основе всеобщего избирательного права, провозглашённого Временным правительством, победу одержал внепартийный список «плательщиков мещанской повинности и городских налогов», и представители купечества сохранили своё влияние в городском самоуправлении (председателем думы стал А. В. Куршаков, городским головой избирается купец, «беспартийный демократ» Александр Алек-

сеевич Бабинцев)²⁴⁷. В октябре последний и член управы А. И. Шишкин как представители городского управления направляются думой в комитет общественной безопасности при Котельничском уездном комиссаре²⁴⁸. На заседании 2 декабря дума единогласно принимает постановление с лозунгами: «Вся власть Учредительному собранию! Да здравствует Учредительное собрание!» – и в ответ на просьбу главного комитета Всероссийского городского союза избирает своего председателя А. В. Куршакова делегатом «для организации поддержки охраны неприкосновенности Учредительного собрания» в случае посягательства на его права²⁴⁹.

Политическая ориентация Котельничской городской думы с купеческим руководством определённо выявилась и на её заседании 17 декабря 1917 г. В этот день в думе рассматривалось письмо Котельничского военно-революционного комитета, в котором ставился вопрос о признании городским самоуправлением «власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и правительства народных комиссаров», а «если признает, – говорилось в нём, – то почему она (дума. – М. С.) не обратилась в военно-революционный комитет о присылке в думу делегата от комитета и народного комиссара товарища Останкова для участия в заседании» – и далее – «если Дума выскажется против власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, военно-революционного комитета, то таковая будет немедленно распущена»²⁵⁰. Ответом на этот ультиматум, после полемики, стало единогласное «при одном воздержавшемся» постановление с указанием на незаконность требований комитета и с пояснением, что дума, «представляющая все население города, избранная для хозяйственной деятельности не вмешивается в политическую борьбу и не защищает интересы партий в их борьбе за власть», что она «приветствует переход власти в руки народа в лице его законного представителя – Учредительного собрания, которое является единственным хозяином земли русской» и что «в отношении административного надзора признает власть губернского комиссара Временного правительства»²⁵¹.

В Сарапуле «первые известия о государственном перевороте» (в ходе Февральской революции) были получены 1 марта 1917 г., и они произвели «ошеломляющее впечатление на сарапульцев, – сообщалось в газетах, – население замечательно единодушно, с полным сочувствием отнеслось к решению Государственной Думы взять управление страной в свои руки»²⁵². 2 марта на заседании городской думы, на которое «пришли рабочие, чиновники, купцы, интеллигенция, дамы, были видны военные мундиры и священнические рясы», заступающий место

головы, купец П. Л. Смагин, зачитав телеграммы из Петрограда, сказал: «Выражает ли городская дума полное доверие новому правительству?» – и попросил встать согласных. «Дума, как один человек, поднялась на ноги. Раздались бурные аплодисменты собравшейся в зале публики», – засвидетельствовал хроникёр²⁵³. Это заседание Сарапульской городской думы современники называли историческим. 3 марта 1917 г. совещание гласных «с представителями разных групп населения постановило – пополнить состав городской думы теми элементами, которые были обойдены при старых выборах»²⁵⁴.

Деятельность Вяткой городской думы в то время была не менее политизирована, что обуславливалось сначала демократизацией её состава после Февральской революции за счёт пополнения представителями общественных и культурных организаций, Вятского совета рабочих и солдатских депутатов и затем – победой на июльских выборах умеренных социалистов (городским головой стал меньшевик Н. П. Алеев)²⁵⁵, лишившей, таким образом, купечество бывшего влияния в городском самоуправлении. Признавая Временное правительство, дума губернского центра негативно отнеслась к октябрьским революционным изменениям в стране и в дальнейшем, как и другие органы местного самоуправления региона, была распущена²⁵⁶.

При смене власти, в ноябре – декабре 1917 г., обострение внутривластной ситуации в Вятской губернии сочеталось с погромами, грабежами и другими криминальными проявлениями, жертвами которых часто становились купцы. Так, в ходе солдатского бунта в Сарапуле, произошедшего 10 ноября, были разгромлены все магазины на торговой площади, пивной склад Александрова, пострадали от огня дом купца Нырова, завод Бодалева, сгорели рыбные ряды²⁵⁷. В ночь на 22 ноября в Царевосанчурске группа вооружённых «замаскированных» людей ограбила заводоладельца Булыгина²⁵⁸. Крестьяне Котельничского уезда в тот же период «расхитили и подожгли имение Зырина»²⁵⁹. У китайского предпринимателя Сюль-Мин-Ху, торговавшего в Вятке, неизвестные похитили «мануфактурный товар и деньги»²⁶⁰ и т. д. В этой обстановке представители купеческих фамилий (среди них был, например, гласный Вятского уездного земства П. И. Александров) участвовали в работе «комитетов Спасения Родины», организованных с целью «установления на местах порядка и содействия своевременному созыву Учредительного собрания, борьбы с захватчиками власти»²⁶¹.

В дальнейшем местная деловая элита разделила судьбу российского купечества, лишившегося не только своего сословного звания, но и всех прав. Создававшаяся в России новая политическая система

исключала всякое представительство в ней элементов «отжившей» эпохи.

Подводя общие итоги, отметим, что в своём политическом развитии региональное купечество прошло путь от приверженности монархической власти, как приоритетной модели его политической самоидентификации, до участия в либеральном движении и в незначительном числе – в деятельности партий левого лагеря, а затем и признания на коллективном уровне правовых основ буржуазной демократии. Наши материалы показывают, что если служба купечества в управленческих органах оставалась неотъемлемой частью его деятельности в течение всего изучаемого периода, имея определенную специфику сначала в дореформенное, затем – пореформенное время, то активное участие купцов в политической жизни обуславливалось подъёмом общественно-политического движения в стране, наблюдавшегося во второй половине XIX в. и в начале XX столетия, реакцией властей на этот процесс, ростом самосознания деловой элиты. Сфера управления и процессы политизации верхушки делового сообщества, таким образом, отражали как изменения, происходившие внутри самой купеческой корпорации, так и общие тенденции становления России в рассматриваемое время.

С очевидностью можно говорить и о том, что в силу особенностей социально-экономического развития губернии, специфики становления органов местного самоуправления представители этого сословия занимали видное место в общественно-политической жизни региона, оказывая существенное влияние на организацию и функционирование его хозяйственного механизма. Ощутим был вклад купечества в становление самой системы местного самоуправления, в формирование идеологии её деятельности, в развитие здесь элементов гражданского общества. Служебная и политическая деятельность купцов вела к постепенному преодолению сословного мышления, особенно характерного для эпохи до реформ Александра II.

В то же время, в конце XIX – начале XX в. региональное купечество, хотя и проявляло активность в общественно-политической жизни, постепенно теряло свои позиции в органах местного самоуправления, выявилась и его слабая общая организованность, неоднородность и зачастую индифферентность в сфере политики. Все эти факторы, с одной стороны, указывали на обречённость местных сословных обществ как групп влияния в общественно-политической жизни, а, с другой, – на незавершённость процесса классовобразования в регионе, и, в конечном итоге, повлияли на развитие событий в Западном Предуралье в революционном 1917 г.

Примечания

¹ Об этом весьма красноречиво свидетельствовали, например, купеческие наказы в Уложенную комиссию (подробнее см. в параграфе 3.2. «Оформление купеческого сословия»).

² В статье 101 Жалованной грамоты городам, в частности, говорилось: «Записавшихся в гильдии не избирать к следующим казенным службам...: 1. К продаже соли или вина, или иного чего, казне принадлежащего; 2. К смотрению казне принадлежащего; 3. В разные должности, известны под названием ларечных, ценовальников, носильщиков, дрягилей, счетчиков и караульщиков, казне принадлежащего...» (ПСЗ. I. Т. 22. № 16188).

³ ПСЗ. I. Т. 20. № 14392; Т. 22. № 16188.

⁴ Там же. Т. 22. № 16188.

⁵ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 3–8.

⁶ В магистраты, ставшие с екатерининского времени органами административного и судебного контроля за городами, купцы регулярно, в соответствии с законодательством «чрез всякие три года по балам», избирались на должности заседателей, бургомистров и ратманов (ПСЗ. I. Т. 20. № 14392; Т. 22. № 16188).

⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 3 об.–7.

⁸ Там же. Д. 105. Л. 1 об.–3.

⁹ Там же. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 4. Л. 42–48 об.

¹⁰ Там же. Л. 48.

¹¹ В соответствии с законодательством, городское самоуправление ведало вопросами благоустройства, развития торговли и промыслов, продовольственным делом, заботилось «о приращении городских доходов на пользу города» и т. д. (ПСЗ. I. Т. 22. № 16188).

¹² Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии, 1780–1880 : сб. материалов к истории Вят. края. Т. I. Вятка, 1880. С. 254. В дальнейшем, по данным на 1855 г., помимо названных выше городов, дума работала в Сарапуле, а в Глазове, Елабуге, Малмыже, Нолинске, Уржуме, Яранске, Царевосанчурске избирался «городской голова с канцелярией» (ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 33. Л. 10–23).

¹³ Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 190–192; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003. С. 211–212; Кустова Е. В. Вятская городская дума, 1793–1870. Киров, 2008. С. 33–37.

¹⁴ Кустова Е. В. Указ. соч. С. 205–207.

¹⁵ Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 6.

¹⁶ ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 5–7 об., 80; Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II : очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 11, 59, 174.

¹⁷ См.: параграф 3.2. «Оформление купеческого сословия».

¹⁸ Вятские губернские ведомости. 1866. 15 нояб. (№ 91).

¹⁹ Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Отд. I. Вятка, 1857. С. 55, 57, 61, 66, 70, 81. В г. Яранске должность городского головы исполнял мещанин Я. И. Халтурин (Там же. С. 50).

²⁰ ГАКО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

²¹ Ещё на одну должность – заседателя в совестный суд – не был утверждён купец Илья Блинов «по разным изъясненным в прошении от него... причинам, по коим не почитает он за собою очереди к сей службе» (Там же).

²² ГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 461. Л. 7–7 об.

²³ Подсчитано по: Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. С. 38, 43, 48, 52, 56, 58–59, 63, 67–68, 72, 78, 88.

²⁴ На эту деталь применительно к истории Вятской городской думы обратила внимание и Е. В. Кустова (Кустова Е. В. Указ. соч. С. 54–55).

²⁵ Например, о случаях отказа и уклонения купцов от должностей упоминается в книгах И. Г. Кусовой (Рязанское купечество: очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 85), Е. В. Комлевой (Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М., 2006. С. 202–205, 208), В. П. Бойко (Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 352) и др. авторов.

²⁶ Так, в период с 1793 по 1870 г. от должности гласного Вятской городской думы отказался по разным причинам 41 чел., из них 11 – купцов (26,8 %), 22 мещанина (53,7 %), 8 ремесленников (19,5 %) (Кустова Е. В. Указ. соч. С. 58–59).

²⁷ Выборные лица (бургомистры, ратманы, городские головы), например, освобождались от телесных наказаний и постоянной повинности, на период службы получали чин; и т. д. (ПСЗ. I. Т. 20. № 14392; Т. 22. № 16188).

²⁸ Поскольку до реформ Александра II общественная служба не оплачивалась, успешно вести её без личного ущерба могли, в основном, состоятельные люди.

²⁹ Это обстоятельство противоречило букве закона. Так, согласно ст. 73 «Учреждения для управления губерний...» губернатор позволял приступить к работе избранным из купцов и мещан заседателям губернского магистрата и совестного суда, если «за ними нет явного порока» (ПСЗ. I. Т. 20. № 14392). Данная норма повторялась и в ст. 32 «Жалованной грамоты городам» (Там же. Т. 22. № 16188).

³⁰ ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 75. Л. 1–1 об.

³¹ Там же. Ф. 628. Оп. 1. Д. 5. Л. 43, 45–45 об.

³² Там же. Д. 9. Л. 53–54. Городским головой в губернском центре в тот период был Иван Степанович Машковцев; «Наставление» датировано 11 августа 1825 г.

³³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 36. Л. 217 об.–219; Д. 39. Л. 11 об.; Кустова Е. В. Указ. соч. С. 55.

³⁴ Так, вятский городской голова Я. А. Караваев (годы службы: 1829–1831) способствовал открытию богадельни, М. И. Рязанцев (1835–1837) – устройству в губернском центре тротуаров, И. Е. Моралев (1847–1849) – спиртово-

скипидарного освещения улиц и т. д. (С почтением и благодарностью. Киров, 1999. С. 16–17, 19); число торговых и промышленных заведений в городах губернии возросло с 681 в 1813 г. до 2543 в 1868 г., учебных учреждений – с 10 в 1813 г. до 55 в 1869 г. (Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 351–352; Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. IV. Вятка, 1870. С. 12–13, 24–25).

³⁵ Бехтерев Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. Т. II. С. 459.

³⁶ ГАКО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

³⁷ Например, в протоколе заседания Вятского городского магистрата от 20 января 1805 г. читаем решение, вынесенное бургомистрами Козьмой Аршауловым, Михаилом Маслениковым, ратманами Ильёй Рязанцевым и Петром Хохряковым: «...Рожденного девкою Желутковою младенца к воспитанию и научению по силе Высочайшего о губерниях учреждения 298-й статьи (курсив мой. – М. С.) отослать в сиротский суд...», или решение этого же магистрата от 30 марта 1805 г. по делу о грубости и неповиновении мещанина Якова Рукавишника в Вятской городской думе: «...Дело сие на основании воинских процессов 2-й части 5-й главы 10-го пункта предать воле Божией и его (Рукавишника. – М. С.) от следствия освободить...» и т. д. (ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 19. Л. 23 об., 129 об.).

³⁸ Жизнь елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году // Красевды Елабуги. Елабуга, 2007. С. 75.

³⁹ Сельское и городское самоуправление на Урале. С. 235.

⁴⁰ Речь идёт о «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. и о Городовом положении 16 июня 1870 г. (ПСЗ. II. Т. 39. № 40457; Т. 45. № 48498).

⁴¹ ГАКО. Ф. 628. Оп. 1-а. Д. 23. Л. 2–2 об.

⁴² Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. С. 69–70; Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 10; Королёва Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995. С. 20.

⁴³ ПСЗ. II. Т. 39. № 40457.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 12. Л. 28–31 об.

⁴⁵ Новые органы городского самоуправления в Вятской губернии были открыты преимущественно в 1871 г. (Вятка, Глазов, Елабуга, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Слободской, Уржум, Яранск), в некоторых городах в 1872 г. (Сарапул) и в 1873 г. (Царевосанчурск).

⁴⁶ Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 146–147.

⁴⁷ Так, в 1875 г. в Елабужской городской думе купцы и почётные граждане составляли 77,8 %, в Малмыжской – 70 %, Сарапульской – 59,4 %, Глазовской – 70,8 %, Слободской – 69,4 %, Нолинской – 92,3 %, Яранской – 53,3 %, Царевосанчурской – 46,2 %, Уржумской – 45,8 % (Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 183–187, 207, 223–224, 259, 274–275, 291–192, 306–309, 325–326).

⁴⁸ Сельское и городское самоуправление на Урале. С. 262–268.

⁴⁹ Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Отд. II. Вятка, 1870. С. 99–224; Календарь Вятской губернии на 1890 г. Отд. VI. Вятка, 1889. С. 224–231; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 г. Отд. III. Вятка, 1909. С. 64–133.

⁵⁰ Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 177–178.

⁵¹ Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 144–354; Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Отд. VI. Вятка, 1894. С. 42–47; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Отд. III. Вятка, 1904. С. 69–161; То же на 1910 г. Отд. III. Вятка, 1909. С. 64–133.

⁵² Большаков С. Д. История города Котельнича. Котельнич, 2006. С. 54.

⁵³ С почтением и благодарностью. С. 24–32.

⁵⁴ Вятская речь. 1912. 9 нояб. (№ 248).

⁵⁵ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 90.

⁵⁶ Нардова В. А.: 1) Указ. соч. С. 69–71, 135–138 и др.; 2) Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994. С. 35–37.

⁵⁷ Вятское земство. Обзор современного положения // Вестник Европы. 1880. Октябрь. Кн. 10, С. 838–839; См. также: Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. IV. СПб., 1911. С. 645.

⁵⁸ ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 320. Л. 3 об.–10.

⁵⁹ Подсчитано по: «Адрес-календарю лиц, служащих в Вятской губернии». Вятка, 1875. С. 145–354.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. V. Вятка, 1884. С. 285–287.

⁶² ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 320. Л. 3 об.–10.

⁶³ Так, в «формулярном списке о службе» Станислава Осиповича Якубовского на 1910 г. указывалось: «Состоит, согласно избраний, гласным Вятской городской думы с 1887 г. непрерывно по настоящее время» (ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 320. Л. 39 об.–40). Уржумский купец второй гильдии Иван Панфилович Сметанин отдал общественной службе более 35 лет. Из его формулярного списка следует, что с 1872 по 1898 г. он являлся гласным городской думы, с 1892 по 1894 г. – городским головой, с 1898 по 1902 г. служил директором местного городского общественного банка, с 1906 г. – избран членом городской управы и заступающим место городского головы. В 1908 г. «за тяжкую болезнь городского головы Царегородцева» И. П. Сметанин стал исполнять его обязанности (ГАКО. Ф. 587. Оп. 9. Д. 272. Л. 7 об.–8, 14).

⁶⁴ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 88. Л. 1. Тем не менее 12 января 1886 г. А. Н. Кузнецов был избран председателем Вятской губернской земской управы, но от должности вновь отказался по причине плохого состояния здоровья (Там же. Л. 6).

⁶⁵ Там же. Ф. 587. Оп. 3. Д. 343. Л. 2–11.

⁶⁶ Подробнее о благотворительных инициативах гласных-купцов рассказывается в параграфе 6.1 «Благотворительные инициативы, меценатство».

⁶⁷ Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 6, 16–17, 122. Примечательно, что с первых лет на повестке дня земских собраний Вятской губернии стояли вопросы о введении всеобщего начального

обучения. Так, в 1873 г. А. Н. Кузнецов подал в Орловское уездное земство записку с программой всеобщего обучения населения, в основе которой лежал метод самообучения. Этот купец высказывался и за открытие профессиональных школ, где крестьянские дети могли бы обучаться ремёслам, получали бы знания по ведению сельского хозяйства и работе с техникой. Его программа вполне могла найти применение не только в Орловском уезде, но в связи с недостатком средств вопрос о введении всеобщего обучения оставался открытым (Колеватов Н. А. А. Н. Кузнецов – земский просветитель // Вятская земля в прошлом и настоящем : (к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова) : тез. докл. и сообщ. II науч. конф. Т. 2. Киров, 1992. С. 128).

⁶⁸ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 285. Л. 1-а, 7 об., 16, 19–19 об.

⁶⁹ Там же. Д. 88. Л. 29–29 об.

⁷⁰ Там же. Ф. 587. Оп. 2. Д. 5. Л. 24–24 об.

⁷¹ Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 338.

⁷² Валеев Н. М., Валеева Н. Г. Елабуга, Харбин, Сидней. Казань, 2007. С. 61.

⁷³ Рафиков А. М. Вятская купеческая династия Зайтовых // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 279.

⁷⁴ ГАКО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 94. Л. 70 об.–72.

⁷⁵ Там же. Л. 71 об.

⁷⁶ Там же. Л. 78–83 об.

⁷⁷ Там же. Л. 69 об.–70 об.

⁷⁸ Там же. Л. 69 об.–70.

⁷⁹ Так, по «росписи о расходах города Орлова Вятской губернии на 1872 г.» производилась оплата труда наёмных пожарников вместе с брандмейстером, ассигновывались суммы и «на наем двух вольнонаемных лиц для отбивания на каланче часов и смотрения за пожарными случаями», на содержание «пожарных лошадей», на ремонт пожарных инструментов и обоза; и т. д. (Там же. Л. 121–121 об.).

⁸⁰ ГАКО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 106. Л. 8 об.–9.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Ф. 587. Оп. 7. Д. 327. Л. 3 об.–5.

⁸³ Вятский вестник. 1907. 8 июля (№ 143).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 32. Д. 39. Л. 1–4 об.

⁸⁶ Там же. Ф. 587. Оп. 2. Д. 334. Л. 39.

⁸⁷ Там же. Л. 57.

⁸⁸ Веселовский Б. Б. Указ. соч. Т. IV. С. 660.

⁸⁹ Чарушин Н. А. О далёком прошлом : из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX в. 2-е изд. М., 1973. С. 25.

⁹⁰ Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губ. на 1877 г. 2-е изд. СПб., 1877. С. 40–43; Судя по «Вятской незабудке», земские дела А. Г. Арбузова интересовали мало, так как было «и своего-то дела по горло». Вместе с ним в управе заседали три крестьянина, в земской работе неопытных и «без всякого образования, из которых один в настоящее время по обвинению в заведомом распространении фальшивой монеты находится в тюрьме». Не соответствовал

своей должности и секретарь управы Ливанов. При такой команде работа земского учреждения была, естественно, не на высоте. Произошли «растраты имущества в самой управе и дел ее: так, куда-то исчезли чуть ли не все тома свода законов, ведомости, составленные раскладочной комиссией и проч.» Вятское уездное земское собрание вынесло «резкое порицание» управе и за ошибочное производство дел, ее нераспорядительность, необдуманные денежные затраты, а автор корреспонденции пришел к выводу, что управа в какой-то степени «представляет как бы отражение самого собрания» (Там же. С. 40–41).

⁹¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1887. Д. 9. Ч. 42. Л. 25 об.–26.

⁹² Там же. Л. 27.

⁹³ ГАКО. Ф. 587. Оп. 2. Д. 334. Л. 65–65 об.

⁹⁴ Там же. Л. 66.

⁹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 13. Л. 76.

⁹⁶ Там же. Ф. 628. Оп. 17. Д. 12. Л. 32–68.

⁹⁷ Например, с деятельностью Вятского городского общественного Фёдора Веретенникова банка связана жизнь целой плеяды местного купечества – Ильи Николаевича Веретенникова, Ефима Александровича Коробова, Фёдора Михайловича Клячина, Ильи Никодимовича Желудкова (в банке он служил 32 года, из них 26 лет – директором; известно, что «он проявлял особую осторожность в деле кредитования. Он знал лично почти каждого заемщика банка и знал положение его дел. Знание кредитного дела, осторожность в кредитовании ценились городским обществом, выбиравшим его постоянным директором банка»), Николая Арсеньевича Пестова, представителей династий Рязанцевых, Машковцевых, Уховых, Сунцовых, Хохряковых, Кулепетовых, Кававаевых и других (подробнее см.: Жирнов О. М. Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк : обзор деятельности банка за 50 лет (1862–1911 гг.). Вятка, 1913. С. 149–158).

⁹⁸ См.: Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Отд. VI. Вятка, 1894. С. 1–115; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1900 год. Отд. III. Вятка, 1899. С. 14–169; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г. Отд. III. Вятка, 1901. С. 1–175; и др.

⁹⁹ Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. V. Вятка, 1886. С. 237–238, 251–254; Календарь Вятской губернии на 1890 год. Отд. VI. Вятка, 1889. С. 141–253; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 год. Отд. III. Вятка, 1908. С. 6, 13–14, 23 и др.

¹⁰⁰ Символично, что по «списку лиц купеческого сословия, имеющих право участвовать в собраниях купеческого общества» г. Вятки на 1878 г. наибольшее число купцов (24 записи) состояли в должности гласного городской думы.

¹⁰¹ Валеев Н. М., Валеева Н. Г. Указ. соч. С. 111.

¹⁰² Любимов В. А. Из словаря вятских родословных. Прозоровы // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов. Вып. 1. Киров, 2008. С. 20–21.

¹⁰³ Календарь Вятской губернии на 1890 год. С. 141–253.

¹⁰⁴ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Отд. III. Вятка, 1906. С. 1–181.

¹⁰⁵ Вопрос о политическом портрете регионального купечества во многом является новым, хотя в общероссийском аспекте он и ставился, но, в основном, применительно к слою буржуазии вообще (см.: Дякин В. С.: 1) Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; 2) Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; 3) Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988; Лаврычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.). М., 1974; История предпринимательства в России. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 228–264; Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; и др.); Особое внимание на роль гильдейских предпринимателей в политической жизни страны акцентируется в работах М. Н. Барышников (Барышников М. Н.: 1) История делового мира России. М., 1994; 2) Политика и предпринимательство в России: из истории взаимодействия в начале XX в. СПб., 1997).

¹⁰⁶ Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии, 1780–1880. Т. I. Вятка, 1880. С. 281–290, 313–314, 355–357; Бехтерев Н. П. Высочайшие посещения Вятской губернии // Там же. Т. II. С. 819–852.

¹⁰⁷ Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А. Указ. соч. С. 288.

¹⁰⁸ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 20. Л. 55–62.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 585. Оп. 1. Д. 106. Л. 81 об.–82.

¹¹⁰ Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹¹¹ Прокофьев В. А. Герцен. М., 1987. С. 67.

¹¹² Добролюбов Н. А. Соч. : в 9 т. Т. 8. М.; Л., 1964. С. 492.

¹¹³ Герцен А. И. Соч. : в 9 т. Т. 4, ч. 2. М., 1956. С. 203.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 265. Л. 1–1 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 7–7 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 2–2 об.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. Л. 15 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 15 об.–16.

¹²⁰ Там же. Д. 303. Л. 5 об.

¹²¹ Сергеев В. Д. Вятские «нигилисты» : из истории разночинной интеллигенции Вятки. Петропавловск-Камчатский, 1994. С. 47–58.

¹²² Там же; РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 6 об.

¹²³ Сергеев В. Д. Вятские «нигилисты». С. 58.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 160. Л. 36 об.

¹²⁵ Там же. Д. 303. Л. 7.

¹²⁶ Подробнее об этом деятеле сообщается в книге В. Д. Сергеева «А. А. Красовский» (Киров, 1977).

¹²⁷ Королева Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995. С. 21.

¹²⁸ ПСЗ. III. Т. 10. № 6927; Т. 12. № 8708.

¹²⁹ Королёва Н. Г. Указ. соч. С. 21.

- ¹³⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 5–46.
- ¹³¹ Там же. Л. 7–7 об.
- ¹³² Там же. Л. 1 об., 7 об.
- ¹³³ Там же. Л. 7 об.–8.
- ¹³⁴ Там же. Л. 23 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 8.
- ¹³⁶ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ¹³⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 34 об.
- ¹³⁸ Там же. Л. 34 об.–35.
- ¹³⁹ Там же. Л. 35.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 35 об.
- ¹⁴¹ Вятская речь. 1914. 20 мая (№ 105).
- ¹⁴² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 43–43 об.
- ¹⁴³ ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1884. Д. 330. Л. 1.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 88. Ч. 23. Л. 2 об.–9.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 2 об.–3; Д. 330. Л. 1 об.–2.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 88. Ч. 23. Л. 3.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 330. Л. 2–2 об.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 37. Д. 9. Л. 9–15 об.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 9.
- ¹⁵¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 18–18 об.
- ¹⁵² Там же. Л. 18.
- ¹⁵³ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. IV. СПб., 1911. С. 646–647.
- ¹⁵⁴ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 74.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 236–237. В числе потомственных почётных граждан-либералов автор называет И. И. Александрова, А. П. Батуева, В. А. Батуева.
- ¹⁵⁶ РГИА. Читальный зал. Оп. 1. Д. 20. Л. 13–6.
- ¹⁵⁷ Подробнее см.: Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870–1917 гг.): лит.-краевед. очерки. Киров, 1990. С. 69–73.
- ¹⁵⁸ По подсчётам Н. М. Пирумовой.
- ¹⁵⁹ Пирумова Н. М. Указ. соч. С. 87–88. Личных дворян было 10, крестьян – 8, мещан – 2, представителей «духовного звания» – 1.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 124.
- ¹⁶¹ Там же. С. 71.
- ¹⁶² Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 33.
- ¹⁶³ ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 72. Л. 25–29.
- ¹⁶⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 31.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 31 об.
- ¹⁶⁶ ГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.
- ¹⁶⁷ Подробнее о нём повествуется в кн.: Изергина Н. П. Указ. соч. С. 96–101.
- ¹⁶⁸ ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 72. Л. 32. Эти цифры близки к данным, приводимым П. Н. Лупповым, за 1879–1896 гг. (Луппов П. Н. Указ. соч. С. 33).
- ¹⁶⁹ Луппов П. Н. Указ. соч. С. 80.

¹⁷⁰ Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г. 2-е изд. СПб., 1877. С. 75.

¹⁷¹ Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 9.

¹⁷² ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1894. Д. 104. Ч. 39. Л. 7–8 об.

¹⁷³ Папырина А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905–1907 гг. Киров, 1975; Балыбердин Ю. А. Возникновение и деятельность политических партий в Вятской губернии в период первой русской революции (1905–1907 гг.). М., 1994.

¹⁷⁴ ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 273–274 об.

¹⁷⁵ Там же. В документе шла речь и об отмене смертной казни, о введении всеобщего и бесплатного обучения, о полной самостоятельности органов местного самоуправления и расширении сферы их деятельности, говорилось об отмене выкупных платежей и наделении землёй безземельных и малоземельных крестьян, об улучшении положения рабочих, об изменении налоговой системы.

¹⁷⁶ Журналы Вятской городской думы за первую половину 1905 года. Вятка, 1906. С. 220. И. И. Лаптев не пришёл на заседание думы – «за выездом из города», А. Я. Тырышкин, П. П. Клобуков, С. Н. Коробов, К. И. Лаптев – «по домашним обстоятельствам» (Там же. С. 220).

¹⁷⁷ Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994. С. 137. Так, в ноябре-декабре 1904 г. ходатайства о созыве общероссийского съезда городских голов возбудили думы 20 городов России, включая г. Вятку (Там же. С. 152–153).

¹⁷⁸ ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 387–387 об., 391–396 об. Совещание проходило в Москве 15–16 июня 1905 г.

¹⁷⁹ Там же. Л. 387 об., 391–396 об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 396 об.

¹⁸¹ Там же. Л. 324–324 об., 328–329.

¹⁸² Там же. Л. 324–324 об.

¹⁸³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 49. Л. 20–20 об.

¹⁸⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 278. Л. 13, 23, 25, 34–35.

¹⁸⁵ Там же. Д. 221. Л. 17–18 об.; Ф. 714. Оп. 1. Д. 118. Л. 39; ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 67. Л. 1; Д. 72. Л. 38–39.

¹⁸⁶ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 100 об. В скором времени после этого события Поскребышев попал в клинику душевных и нервных болезней при Императорской Военно-медицинской академии, где лечился у В. М. Бехтерева, и в ноябре 1907 г. вынужден был уйти со службы по болезни.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 582. Оп. 146. Д. 224. Л. 5–6.

¹⁸⁸ Там же. Д. 232. Л. 5.

¹⁸⁹ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 193–210; Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 гг.). М., 2005. С. 65–107.

¹⁹⁰ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 69. Л. 38–38 об.; 1905 год в Вятской губернии. Вятка, 1925. С. 149, 153–154, 157, 170–177, 231–236, 258–259; Соболев В. А. Сёстры Громозовы. Киров, 1960; и др.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1885. Д. 59. Ч. 19. Л. 15 об.

¹⁹² Колеватов Н. А. Кузнецова Августа Александровна // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Т. 6 : Знатные люди : (биогр. словарь). Киров, 1996. С. 236–237.

¹⁹³ Соболев В. А. Указ. соч. С. 6–12.

¹⁹⁴ Цит. по: Соболев В. А. Указ. соч. С. 11.

¹⁹⁵ Там же. С. 8–14.

¹⁹⁶ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 69. Л. 38–38 об.; 1905 год в Вятской губернии. С. 149, 153–154, 157, 170–177, 231–236, 258–259; Соболев В. А. Указ. соч.; и др.

¹⁹⁷ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 69. Л. 38–38 об.

¹⁹⁸ Городницкий Р. А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. 1995. № 5. С. 168–169.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ 1905 год в Вятской губернии. С. 153–154; Первая русская революция 1905–1907 гг. в Вятской губернии : [хроника событий] // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2006 год : информ.-стат. сб. Киров, 2006. С. 277; Ощепков К. П. Я. Ф. Тырышкин – «духовный наследник» П. В. Алабина // П. В. Алабин, Вятка, музей. Киров, 1998. С. 74.

²⁰¹ История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М., 1994. С. 200. 26 сентября 1907 г. елабужский купец Григорий Васильевич Стахеев по городской почте получил письмо следующего содержания: «Милостивый Государь! Обращаемся к вам с просьбой дать нам на дело освободительного движения 150 рублей. Место, куда вы должны положить деньги – у часовни собора, с восточной стороны на столбик загородки (на столбик будет положен камень, под который и положите деньги). Дни: 25, 26 и 27 сентября, в один из этих дней. Часы: между 6 ч. вечера и 8 ч. вечера. Напоминаем вам, что мы, как анархисты, шутить не любим! Знайте, что в случае отказа с Вашей стороны исполнить нашу просьбу, а также в случае доноса на нас в какой бы то ни было форме – вам будет вынесен смертный приговор. Из двух зол – выбирайте лучшее. P. S. Это письмо положите вместе с деньгами». Его текст был написан печатными, выведенными чёрными чернилами буквами. На письме имелся штамп с рисунком и с надписью «анархисты-коммунисты». Стахеев не испугался вымогателей. В этот же день он передал письмо елабужскому уездному исправнику, который распорядился устроить у собора засаду, но задержать никого не удалось. Пришедшему за деньгами «за темнотою ночи и осечками револьвера у стрелявшего в него городского» удалось скрыться (ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 570. Л. 2–2 об., 11). Ранее, в марте 1906 г., письмо с подписью «Вятский комитет анархической партии», с требованием передачи 1000 руб. и с подобными же угрозами получил купец С. О. Якубовский (ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 180. Л. 83–84 об.). В 1907 г. неизвестные вымогатели требовали от этого купца выплачивать им «ежемесячно по 30 руб.». «Ввиду неисполненной вами просьбы... – говорилось в одном из писем, полученных Якубовским, – берегитесь» (Прикамский край. 1907. 30 окт. (№ 81).

²⁰² ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1293. Л. 1–2. В феврале 1912 г. письмо от этой организации с подписью «члены-исполнители общества в гор.

Слободском», с требованием 2 тыс. руб. получил по городской почте слободской купец Н. Н. Платунов. Через доверенное лицо он сообщил о данном факте уездному исправнику, которым была устроена засада, но за деньгами никто не пришёл.

²⁰³ Вятский вестник. 1907. 17 авг. (№ 174).

²⁰⁴ Там же. 28 авг. (№ 183).

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Прикамский край. 1907. 11 сент. (№ 44).

²⁰⁷ Вятский вестник. 1907. 1 авг. (№ 162); 4 авг. (№ 165); Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь. С. 242.

²⁰⁸ Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь. С. 243–252, 264–267.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 ДП. 1912. Д. 130. Ч. 15. Л. 4–4 об.; ГАКО. Ф. 582. Оп. 149. Д. 89. Л. 23–23 об.; Ф. 714. Оп. 1. Д. 431. Л. 5–5 об., 6–6 об.

²¹⁰ Андреева Л. М. Социальный состав кадетов Вятской губернии в 1907–1917 гг. // Вятская земля в прошлом и настоящем : тез. докл. и сообщ. II науч. конф. Т. 1. Киров, 1992. С. 117.

²¹¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 242. Л. 94.

²¹² Там же.

²¹³ Там же. Л. 99.

²¹⁴ Там же. Д. 242. Л. 67–67 об., 69.

²¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. 4 ДП. 1912. Д. 130. Ч. 15. Л. 4.

²¹⁶ Гайда Ф. А. Рец. на кн.: Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006. 227 с. // Отечественная история. 2008. № 2. С. 198–199.

²¹⁷ Киселёв И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В. Политическис партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 77; Вятский вестник. 1906. 20 дек. (№ 275).

²¹⁸ Вятский вестник. 1907. 28 сент. (№ 205).

²¹⁹ Селезнев Ф. А. Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах // Отечественная история. 2006. № 1. С. 42–53.

²²⁰ Подробнее см.: Селезнев Ф. А. Указ. соч.

²²¹ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 122–123.

²²² Прикамский край. 1907. 3 окт. (№ 60).

²²³ ГАРФ. Ф. 102. 4 ДП. Д. 130. Ч. 15. Л. 9–9 об.

²²⁴ Там же. Л. 12 об.

²²⁵ Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 77; Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь. С. 268–277.

²²⁶ Это была массовая политическая организация с отделениями в уездных городах. По данным полиции, осенью 1907 г., например, в Вятке насчитывалось 983 члена этой партии, в г. Уржуме, в ее отделе – 96 чел., причем в десяти селах Уржумского уезда существовали еще и подотделы партии (ГАКО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 287. Л. 9–9 об., 15, 18).

²²⁷ Вятский вестник. 1907. 11 июля (№ 145); 25 июля (№ 157); 1 авг. (№ 162); Лоскутов С. А. Монархические партии Вятской губернии в годы первой российской

революции // Вятская земля в прошлом и настоящем. Т. 1. С. 112–113; Балыбердин Ю. А. Монархические организации Вятско-Камского региона в период первой российской революции // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 139–144; и др.

²²⁸ Вятский вестник. 1907. 11 июля (№ 145); 25 июля (№ 157); 18 сент. (№ 197); и др.

²²⁹ Там же. 1907. 1 авг. (№ 162); ГАКО. Ф. 587. Оп. 9. Д. 272. Л. 7 об.–8, 13–14.

²³⁰ ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 44. Л. 2; Вятский вестник. 1907. 28 сент. (№ 205).

²³¹ ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, 141.

²³² Прикамский край. 1907. 3 окт. (№ 60).

²³³ Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь. С. 373. Несмотря на то, что монархические партии имели в Вятской губернии много сторонников и поддерживались светскими и духовными властями, на губернских выборах депутатов в I, II, III Государственные думы они потерпели поражение, и только выборы в 1912 г. принесли правым победу: из восьми депутатов IV Государственной думы от Вятской губернии только один являлся членом фракции прогрессистов, остальные принадлежали к монархическому лагерю, и купцов среди них не было.

²³⁴ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 701. Л. 197 об.

²³⁵ Первая русская революция 1905–1907 гг. в Вятской губернии : [хроника событий] // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2006 год : информ.-стат. сб. Киров, 2006. С. 277; Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь. С. 254–264.

²³⁶ Прикамский край. 1907. 19 окт. (№ 73).

²³⁷ Там же.

²³⁸ ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Л. 15 об.

²³⁹ Там же. Ф. 582. Оп. 155. Д. 31. Л. 283.

²⁴⁰ Подробнее об этом говорится в параграфе 5.1 «Благотворительные инициативы, меценатство»; ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Л. 19–23 об.; Прикамская жизнь. 1916. 28 мая (№ 115).

²⁴¹ Прикамская жизнь. 1916. 29 марта (№ 70).

²⁴² Там же. 2 апр. (№ 74); 8 мая (№ 101); и др.

²⁴³ Вятская речь. 1916. 11 июня (№ 120.).

²⁴⁴ Прикамская жизнь. 1916. 15 апр. (№ 81).

²⁴⁵ ГАКО. Ф. 1074. Оп. 1 Д. 1. Л. 23–27.

²⁴⁶ Там же. Л. 28–28 об.

²⁴⁷ Там же. Л. 151–152 об., 156–157; Вятская речь. 1917. 20 авг. (№ 179).

²⁴⁸ ГАКО. Ф. 1074. Оп. 1 Д. 1. Л. 315–315 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 376–376 об.

²⁵⁰ Там же. Л. 427.

²⁵¹ Там же. Л. 428–429.

²⁵² Прикамская жизнь. 1917. 3 марта (№ 49).

²⁵³ Там же. 4 марта (№ 50).

²⁵⁴ Там же. 5 марта (№ 51).

²⁵⁵ Мамаев А. В. Вятская городская дума в 1917–1918 гг. // Развитие местного самоуправления в г. Кирове : сб. статей науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Киров. гор. думы. Киров, 2005. С. 83–87.

²⁵⁶ Юшина Е. А., Завалина Л. В. Организация местной власти в г. Вятке (Кирове) в советский период // Развитие местного самоуправления в г. Кирове. С. 102–103. По постановлению Вятского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов от 20 февраля 1918 г. функции Вятской городской думы перешли в руки коллегии по самоуправлению – исполнительного органа Совета (ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 47–48 об.). Органы местного самоуправления в Вятской губернии были ликвидированы в основном зимой-весной 1918 г. (Садырина Е. С. Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 133–135).

²⁵⁷ Вятская речь. 1917. 14 нояб. (№ 244).

²⁵⁸ Там же. 26 нояб. (№ 254).

²⁵⁹ Там же. 1 дек. (№ 257).

²⁶⁰ Там же. 26 нояб. (№ 254); 1 дек. (№ 257).

²⁶¹ Там же. 18 нояб. (№ 248).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, УКЛАД ЖИЗНИ ВЯТСКО-КАМСКОГО КУПЕЧЕСТВА

6.1. Благотворительные инициативы, меценатство

Благотворительная деятельность и меценатство в истории купеческого сословия России занимали особое место. Сущность понятия «благотворительный» В. И. Даль связывал со склонностью того или иного человека «к благотворению», с готовностью «делать добро, помогать бедным», и такое определение крайне важно для общего понимания не только содержания благотворительной деятельности, но и личностных качеств её инициатора, то есть, по Далю, «благотворца», или «благотворителя»¹.

Благотворительность включала в себя заботу о бедных, проявлявшуюся в устройстве приютов, богаделен, больниц, в выдаче денежных пособий и продовольствия, вообще любую помощь населению и попечительство о нём. В современной литературе она рассматривается как одна из древних российских традиций, появившихся с принятием христианства, как норма, характерная и для других культур².

Со временем благотворительность сложилась в определённую систему деятельности государства и общества, которая основывалась на оказании помощи «нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц»³. Вместе с тем, их роль в истории благотворительности была неоднозначной: в начале XX в. в бюджете общественного призрения добровольные пожертвования составляли 75 процентов, а вклады казны, органов местного самоуправления, других структур – только 25 процентов⁴.

Среди частных жертвователей весомой была доля купечества, о чём свидетельствовали сами современники: «...Наши купцы не охотники еще до истории: они не считают своих пожертвований и лишают народную летопись прекрасных страниц. Если бы счесть все их пожертвования за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, которой должна бы поклониться Европа», – говорил в 1856 г. М. П. Погодин⁵. П. А. Бурышкин, вспоминая Третьяковых, Морозовых, Щукиных, Рябушинских, писал, что «широкая благотворительность, коллекционерство и поддержка всякого рода культурных начинаний были особенностью русской торгово-промышленной среды»⁶.

Одним из ранних видов купеческого благотворения в России являлось попечение о церкви, выражавшееся в выделении крупных средств на строительство храмов, их ремонт, приобретение необходимых для службы принадлежностей⁷. Рассматривая этот вопрос, исследователи склонны связывать его со спецификой менталитета российского купечества, отличавшегося глубокой религиозностью⁸. Эта черта не могла не проявиться и в условиях изучаемого нами региона, жители которого издавна характеризовались «набожностью и благочестием».

В ранний период в церковном строительстве на Вятке участвовали: торговый человек гостиной сотни И. А. Гостев, чьим иждивением в 1696 г. сооружается каменная церковь Хлыновского Преображенского женского монастыря⁹; Г. П. Машковцев, на средства которого в 1697 г. началось строительство в Хлынове Царево-Константиновской церкви, вместо сгоревшей деревянной, и уже в 1698 г. постройка храма была завершена¹⁰; торговый человек гостиной сотни Г. М. Вяземский, вкладывавший в первой четверти XVIII в. капиталы в возведение Владимирской церкви¹¹. С. И. Злыгостев, являясь старостой Донской (Стефановской) церкви г. Хлынова, в 1772 г. построил на собственные средства придел в честь преподобного Сергия Радонежского, и об этом купце писали: «Все жертвы Сергея Ивановича, взятые вместе, составляют нерукотворный памятник, который он создал самому себе и который должен служить и служит, конечно, к постоянному молитвенному воспоминанию об этом щедром благодетеле»¹².

Впоследствии при самом активном участии купцов Я. А. Прозорова и К. Я. Блинова (был городским головой в 1862–1864 гг.) завершилась постройка Александро-Невского собора в г. Вятке¹³. Строительство этого грандиозного сооружения, осуществлявшееся по инициативе купца и городского головы И. С. Машковцева, по проекту ссыльного архитектора А. Л. Витберга в память о приезде в губернский город Александра I в 1824 г., велось с перерывами и затягивалось из-за недостатка средств. Войдя в комитет по постройке собора и возглавляя его, будучи городским головой в 1859–1862 гг., Прозоров брал на себя затраты, связанные с его наружной и внутренней отделкой, и «деятельность комитета оживилась настолько, что в 1862 г. наружная отделка собора была окончена совершенно, была куплена церковная утварь, устроен иконостас и заказаны иконы известнейшим С.-Петербургским академиком»¹⁴.

Я. А. Прозоров жертвовал также на строительство каменных тёплого храма и колокольни при Владимирской церкви, на их дальнейшее обустройство, содержал хор певчих при этом храме, покровительствовал Кафедральному собору, мужскому Успенскому и женскому Преображенскому монастырям, другим вятским церквям¹⁵. Кроме того, он был

почётным блюстителем Вятского духовного училища, помогал добрым советом и различными средствами, как этому учебному заведению, так и епархиальному женскому училищу. Яков Алексеевич и его супруга Пелагея Семёновна выделяли денежные суммы на пособия его воспитанницам, а впоследствии по завещанию купца Вятскому епархиальному женскому училищу перешёл большой особняк (жилой дом Я. А. Прозорова) на Александровской площади.

Благотворительную помощь церкви оказывали и другие купцы губернского центра, назовём лишь некоторые имена: И. В. Ермолин, Я. А. Караваяев (Короваев), С. Д. Суятин, П. Я. Гусев, Я. Ф. и А. Я. Тырышкины, Н. И. Клабуков. Все эти купцы были церковными старостами и часто не останавливались перед оплатой из собственных накоплений самых дорогих приобретений для храмов. «В храме куда ни взглянем, везде заметны следы забот и жертв Якова Фомича и Александра Яковлевича», – писал о Тырышкиных, прослуживших в Вятской Донской церкви церковными старостами в общей сложности 30 лет, протоиерей И. Сырцов¹⁶.

В таких же значительных масштабах купеческой церковной благотворительностью были охвачены и уездные города. В Слободском купец-откупщик Иаков Дряхлов, избранный старостой Сретенской церкви в середине XVIII в. и остававшийся в этой должности более 20 лет, содействовал постройке колокольни, тёплого придела в честь Сретения Господня, устройству иконостаса. В 1770-е гг. на средства купца первой гильдии Ивана Платунова строится Троицкая церковь. Сооружением нового каменного здания Вознесенского собора в середине XIX в. занимались купцы Герасимовы. В 1860-е гг. возведение Свято-Духовской церкви в слободе Демьянке, близ Слободского, производилось на счет купца-первогильдейца В. В. Александрова. В 1894–1896 гг. перестройку Никольской церкви по завещанию своего отца осуществлял купец М. П. Ончуков¹⁷.

Содействие в возведении и обустройстве величественного Яранского Троицкого собора, строившегося в середине XIX в. по проекту К. А. Тона, оказали Беляев, Мясников и др.¹⁸ Купец К. В. Мясников пожертвовал на строительство этой церкви 15 тыс. руб. ассигнациями, «чем и дал, – по словам современника, – возможность воздвигнуться этому храму», а затем прислал для него «св. Евангелие, замечательное как по ценности, так и по изящной своей отделке» (стоимостью 1700 руб.)¹⁹.

Особую заботу о котельничских храмах проявляли купцы Кардаковы и Зырины. В 1857 г. М. И. Кардаков перестроил на полукаменную и тёплую кладбищенскую церковь, которая была деревянной и холодной;

для иконостаса Николаевской церкви г. Котельнича заказал сорок икон дивеевского письма²⁰. В конце XIX столетия в г. Уржуме строительство Троицкого собора оплачивал купец С. И. Стародубцев²¹.

О елабужских храмах в начале XX в. сообщалось, что все они благоустроены, «монастырь устроен исключительно на средства потомственного почетного гражданина И. И. Стахеева... кладбищенская и приютская церкви устроены на средства Ф. Г. Чернова...», и говорилось, что елабужские купцы строили храмы и «в других местах нашего Отечества»²². И. Д. Сыгин в своих воспоминаниях описывал визит купца г. Яранска Фёдора Рощина к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву²³. Вятскому купцу необходимо было решить вопрос о постройке на казённой земле женского монастыря в Казанской губернии. Вопрос Рощина, удивившего столичных сановников своей простотой и непосредственностью, благодаря его настойчивости, был полностью решён уже на следующий день. По словам Сыгина, купец возвращался домой счастливым и довольный²⁴.

Пожертвования купцов нередко становились главным источником существования старообрядческой церкви. В 1909 г. в Вятке на средства купцов-старообрядцев была построена молельня для беспоповцев поморского толка. Денис Фадеевич Зонов оплачивал счета работавшего в поволжском Балаково палехского мастера за написание икон для этой церкви²⁵.

Поскольку в основе предпринимательства лежит движение капитала, связанное с получением прибыли, ведущей к обладанию солидными капиталами, к богатству, соотносившихся в православной этике с грехом, у купцов возникало естественное желание искупить его, спасти свою душу. Этот мотив, безусловно, стимулировал купеческую благотворительность в храмосозидании, не случайно, что многие из них не забывали почитать своего небесного покровителя: уже упоминавшийся Сергей Злыгостев строит придел в честь Сергия Радонежского, Я. А. Прозоров с супругой Пелагеей Семёновной устраивают во Владимирской церкви престол – «правый во имя святого апостола Иакова Алфеева и святой мученицы Пелагии»²⁶ или после перестройки Михаилом Ончуковым в конце XIX в. Никольской церкви г. Слободского в ней был освящён третий престол в память Архистратига Михаила и святого благоверного князя Александра Невского.

История северо-востока Европейской России, связанная с церковным строительством, отражает и факты крупной благотворительности со стороны купцов-мусульман. Ярким примером служит деятельность малмыжского купца первой гильдии Габдуллы Габдулсаламовича Утамы-

шева, автора ряда книг по богословию, владельца текстильной мануфактуры, построившего десятки мечетей, включая «Иске Таш» в Казани²⁷.

Религиозные мотивы влияли на развитие благотворительности в социальной сфере. Следуя заповеди о любви к ближнему и желанию через добродетели в земной жизни обрести благодать в жизни вечной, купцы придавали своей благотворительной деятельности милосердную направленность. Они стали инициаторами открытия богаделен, приютов, лечебных учреждений для бедного населения. Корни же этой традиции уходили в глубь веков. Ещё в Древней Руси призрение нищих, убогих, престарелых осуществлялось с помощью различных подаяний, через которые искали искупление грехов, духовного очищения, помня, что «в рай входят святой милостыней»²⁸. Неимущие и инвалиды долгое время находили защиту от жизненных невзгод, прежде всего, в церкви²⁹. В более поздний период помощь им приобрела новые черты, связанные с появлением гражданских больниц и специальных благотворительных заведений.

На развитии социальной благотворительности сказывалось влияние и постепенной капитализации страны, вызвавшей крупные изменения не только в экономике, но и в системе общественных отношений. Вместе с утверждением промышленной и торговой элиты шло формирование и рынка наёмного труда, нуждавшегося в постоянной материальной поддержке с её стороны, в том числе и в форме социальной помощи.

В Западном Предуралье при активном участии купечества первоначально открывались богадельни, то есть, по Далю, заведения «для призора дряхлых, увечных и неисцелимых нищих»³⁰. О существовавшей в 1770-е гг. в Хлынове мужской богадельне сообщал городской голова Яков Машковцев, указывавший, что нищие в ней «содержатся на одном купеческом пропитании»³¹. В другом документе говорится, что располагавшаяся здесь в доме «на нижнем рынке» богадельня до 1782 г. существовала за счёт городского общества, затем перешла в ведение приказа общественного призрения, а в сентябре 1809 г. купцы (Фёдор Машковцев, Иван Хохряков, Василий Калинин, Андрей Пыхтеев и др.) и мещане «в собрании» решили «означенной дом в ведение свое наивсегда принять» и «до выстройки от приказа оного новой богадельни содержать в том доме от себя богадельню»³². В 1780-е гг. в Слободском в богадельне призревались «престарелые и слепые», которые получали «от купечества и мещанства жалованье каждой по пяти рублей в год»³³.

В 1809 г. с инициативой о постройке богадельни в Орлове выступил купец первой гильдии Иван Петрович Синцов³⁴. Через несколько лет в рапорте орловского городничего и городской думы от 9 мая 1813 г. со-

общалось, «что она выстроена в двух отделениях, в каждом по два покая; из оных одно для мужеского, а второе отделение для женского полу, в каждом поместиться может нищих по 20, всего сорок человек»³⁵. На содержание этой богадельни И. П. Синцов дополнительно пожертвовал 5 тыс. руб. Мотивом для её устройства, по словам самого купца, явилась «несуемая слава и не искательство наград, но благодарность ко Всевышнему за изливаемые от него на меня щедроты и сострадание к ближнему, обремененному бедностию, летами и болезнями...»³⁶ В то время в губернии насчитывалось 19 богаделен «в шести городах, кроме Глазова, Сарапула, Елабуги, Нолинска и Уржума»³⁷.

В 1831 г. учреждается Вятская городская богадельня в каменном доме, пожертвованном купцом третьей гильдии Иваном Васильевичем Ермолиным. В ней обеспечивались бесплатным проживанием, пищей, одеждой престарелые и больные мужчины и женщины бедного состояния – выходцы из разных сословий, не имевшие родственников, «христианского вероисповедания»³⁸, ранее содержавшиеся «на счет города» в разных домах. Управление богадельней осуществляло городское самоуправление, а её текущими делами занимались смотритель и прислуга, состоящая из двух человек. Деятельное участие в открытии этого заведения принял городской голова купец Яков Караваев, снабдивший «на свой счет богадельню постелями, посудой, платьем, обувью и бельем», а купеческое общество «порешило единовременно собрать с купцов первой гильдии по 25 руб., второй – по 15 руб. и третьей – по 5 руб.»³⁹

Более массово и значительно, чем ранее, благотворительные инициативы в милосердной деятельности проявлялись во второй половине столетия. В 1864 г. в Вятке открывается новая богадельня. Здание для неё пожертвовал Я. А. Прозоров, а средства на содержание обеспечивались из прибылей городского общественного банка и купечеством, «с которых взимается с первой гильдии по 20 руб. и со второй по 9 руб.»⁴⁰ Яковом Прозоровым для этой богадельни был пожертвован и особый капитал в сумме 500 руб. В феврале 1872 г. на заседании Слободской городской думы под председательством головы А. В. Платунова рассматривался проект устава общественной богадельни⁴¹. «Богадельня, помещаясь в общественном доме, приобретённом на счёт сумм существующего в г. Слободском Анфилатова банка», обеспечивалась всем необходимым, в том числе и на проценты с купеческих капиталов⁴².

Женская богадельня в Елабуге, работавшая с 1876 г., содержалась на проценты с капитала в размере 100 тыс. руб., пожертвованного И. И. Стахеевым. Иван Иванович построил для неё и дом с церковью. В 1883 г. в богадельне призревало 39 мужчин и 19 женщин,

в неё принимались лица, «неспособные к труду, всех без различия сословий православного вероисповедания, известные по нравственности попечителю богадельни»⁴³. Богадельня в Сарапуле действовала с 1879 г., её финансовую часть составляли капиталы, пожертвованные купцами первой гильдии И. С. Колчиным и У. С. Курбатовым (общей суммой 50 тыс. руб.)⁴⁴. Яранская богадельня, открытая в 1883 г., помещалась в доме и содержалась на капитал купца Василия Бебенина⁴⁵.

Немалые капиталы направлялись купцами для учреждения и обустройства детских приютов. «В Вятской губернии никакого особенного для воспитательного дома заведения учреждено не было, и младенцы за неимением оного принимались в дом больничной...» – писал в начале 1804 г. в министерство внутренних дел губернатор П. С. Рунич, поясняя, что в больнице дети жили до трёх-четырёх лет, затем «для воспитания и обучения мастерствам отдавались разного состояния людям; по достижении же совершенных лет отсылались в казенную палату для причисления их в такой род жизни, в какой сами они пожелают»⁴⁶. Благодаря частным пожертвованиям ситуация постепенно менялась. В числе первых был открыт Вятский детский приют, работавший с 1857 г. и состоявший в ведомстве учреждений Императрицы Марии. Факт его появления определялся как «выдающееся событие» в истории Вятской губернии XIX в.⁴⁷ Покровителем приюта сначала был купец первой гильдии Константин Яковлевич Блинов, принявший на себя звание его почётного старшины⁴⁸. Приют располагался в собственном каменном здании с церковью, построенной на пожертвования И. И. Стахеева⁴⁹. Призревавшиеся в нём девочки, в основном, сироты, обучались грамоте, арифметике, Закону Божию, осваивали шитье, вышивание и вязанье.

Чуть позже, в 1859 г., на средства купца Фёдора Григорьевича Чернова учреждается детский приют в Елабуге, называвшийся Александринским в честь императрицы Александры Фёдоровны. В 1874 г. здесь призревались 62 девочки, обучавшиеся грамоте и рукоделиям⁵⁰. В 1870 г. был открыт Дом призрения детей бедных граждан г. Вятки. Его учредителем выступил Яков Алексеевич Прозоров, пожертвовавший приюту 12 тыс. руб., здание на улице Владимирской и получивший звание почётного попечителя этого заведения⁵¹. В доме содержались мальчики, ежегодно в среднем 30–40 чел., из бедных мещанских семей либо сироты. В приходском или городском училище они получали начальное образование, а в мастерских при приюте обучались ремеслу.

На средства этого же купца в 1876 г. в губернском городе был устроен ещё один приют – ремесленный для девочек, называвшийся «Прозоровским»⁵². В нём обучали грамоте, Закону Божию и основам ведения

домашнего хозяйства. Тогда же приют для девочек появился в г. Елабуге. Он содержался на средства И. И. Стахеева⁵³. В 1885 г. в Яранске благотворительные вклады купца Бебенина способствовали открытию Мариинского детского приюта⁵⁴. В 1889 г. купец Т. Ф. Булычёв вместе с супругой Екатериной Александровной пожертвовал капитал в сумме 20 тыс. руб. на устройство в Вятке Дома призрения малолетних с целью «дать средства к нравственной и материальной жизни малолетним детям обоего пола бедных граждан и других жителей г. Вятки всех сословий»⁵⁵. В 1890 г. состоялось открытие ремесленной школы-приюта в Слободском на средства, оставленные по завещанию коммерции советника Пистра Петровича Гусева. В «Вятских губернских ведомостях» сообщалось, что это заведение предназначено «преимущественно для обучения мальчиков, детей бедных местных граждан, без различия звания, чтобы приготовить из них умственно и нравственно развитых ремесленников»⁵⁶.

Купцы способствовали развитию медицинских учреждений губернии. В числе тех, кто проявлял заботу о них, был Никита Иванович Ушков. Вступив в 1858 г. в должность елабужского городского головы, он посетил местную больницу и убедился в необходимости постройки для неё нового здания, так как старое, деревянное, было ветхим, имело тёмные, тесные и неудобные палаты. Средств в городской казне на постройку новой больницы не нашлось, и тогда городской голова, «этот добрый человек, движимый чувством человеколюбия», выстроил её на свой счёт⁵⁷. Помимо просторного каменного здания с широким коридором, каминами и даже вентиляторами, а также с аптекой, лабораторией и кухней, на капиталы Ушкова были сооружены флигель для врача, баня и ряд других помещений для этой больницы. В 1863 г. новую больницу осматривал губернатор⁵⁸. В дальнейшем крупные капиталы на её содержание выделялись Стахеевыми.

Пётр Капитонович Ушков построил лечебницу на серном ключе в селе Варзи-Ятчи Елабужского уезда, торжественное открытие которой и передача земству состоялось в июне 1889 г.⁵⁹ Это место, издавна считавшееся святым у удмуртов, превратилось в настоящий санаторно-курортный комплекс, где проходили лечение представители разных слоёв населения (варзи-ятчинские минеральные воды по своим целебным свойствам не уступали кавказским⁶⁰).

Денежные пожертвования этого же купца, а также супругов Я. А. и П. С. Прозоровых и других предпринимателей являлись важным источником работы бесплатной лечебницы для приходящих больных при обществе врачей г. Вятки, открытой в 1875 г.⁶¹ В то время

в губернии вспыхнула эпидемия натуральной оспы и население остро нуждалось в медицинской помощи. Появление лечебницы, получившей название «Михайловская» в честь главного вдохновителя её учреждения, благотворителя, помощника врачебного инспектора Ионы Ивановича Михайлова, спасло многих от тяжёлых недугов. В первые месяцы существования сюда ежемесячно обращались более ста человек, причём это были лица, как привилегированных сословий, так и мещане и крестьяне, а за период с 1875 по 1897 г. лечебницу посетило около 50 тыс. чел.⁶² Необходимая и бесплатная медицинская помощь оказывалась всем. Помимо частных пожертвований, денежные суммы на содержание лечебницы поступали от земства и от Вятского городского общественного Фёдора Веретенникова банка.

В г. Сарапуле на средства купца и потомственного почётного гражданина Николая Дедюхина для Благовещенского женского монастыря был построен дом, в котором разместилась больница с церковью. В 1899 г. сарапульский епископ, викарий Вятской епархии Никодим, сообщая епископу Вятскому и Слободскому Алексию, что «означенная церковь оказалась устроенною во всех отношениях хорошо», просил разрешение о её освящении 31 октября⁶³.

Ещё одним направлением купеческого милосердия было оказание помощи населению после стихийных бедствий и в неурожайные годы. В 1825 г. купцы г. Вятки «на вспоможение жителей столичного города С.-Петербурга, потерпевшего бедствие от случившегося в 7-й день ноября 1824 г. наводнения» пожертвовали 468 руб.⁶⁴ В 1867 г. Я. А. Прозоров отправил жителям Архангельской губернии, пострадавшим от неурожая, 5 тыс. пудов муки⁶⁵. После неурожая 1883 г. в пользу «беднейших семейств из крестьянского сословия» Елабужского уезда пожертвования деньгами (общей суммой 570 руб. 96½ коп.) и хлебом внесли Я. К. Ушков, Ф. П. и А. П. Гирбасовы, Д. И. Стахеев, А. Д. Мыльников, А. Д. Кусакин, семья Григория Стахеева и др.⁶⁶ В начале 1890-х гг. Т. Ф. Булычёв закупал для пострадавшего от неурожая населения хлеб, причём земству он обошёлся дешевле, чем хлеб остальных комиссионеров⁶⁷. Денежные суммы тогда поступили также из Петербурга от Пелагеи Семёновны и Алексея Яковлевича Прозоровых (общая сумма пожертвования составила 5 тыс. руб.), не забывавших родные места; от яранских купцов⁶⁸. Откликом на голод в стране 1891 г. стало и пожертвование купца, гласного Слободской городской думы Петра Гавриловича Ончукова, который передал «в пользу голодающих» 1000 рублей, причём 300 руб. было предназначено «на покупку хлеба для бесплатной раздачи беднейшим жителям города», а 700 руб. – «на общие нужды по Империи»⁶⁹.

В тот же период, помимо неурожая, в Вятской губернии была вспышка холерной эпидемии. Владелец химических заводов, мануфактур-советник, купец первой гильдии Пётр Капитонович Ушков в те годы устраивал бесплатные столовые и пекарни, выдавал дезинфекционные средства, за что был представлен губернатором к «Высочайшей награде»⁷⁰.

Купцы проявляли сочувственное отношение и к погорельцам. В мае 1890 г. в г. Малмыже вспыхнул сильный пожар, продолжавшийся при сильном ветре несколько часов и превративший в пепел около 100 домов в городе и более 60 в слободе. «От лучших зданий теперь видны только обгорелые стены, да печные трубы...» – сообщалось в «Вятских губернских ведомостях»⁷¹. В огне пострадали тогда и общественные здания, и жилые постройки вместе с имуществом. Среди первых откликнувшихся на призыв о помощи купцов были: Стахеевы, пожертвовавшие 200 рублей, Ф. П. Гирбасов – 100 руб., П. К. Ушков – 100 руб. В том же месяце сильный пожар, уничтоживший 93 крестьянских дома со всеми постройками, вспыхнул в деревне Гришкинской Елабужского уезда. Купец первой гильдии Иван Григорьевич Стахеев, узнав о бедствии, «по присущим ему братолюбию и христианской помощи» направил в деревню своего приказчика, который выдал на каждый сгоревший дом по три рубля⁷². Этот купец вносил также денежные суммы на улучшение содержания заключённых, не забывая и о «политических арестантах»⁷³. С учётом особенностей купеческого мировоззрения для самого И. Г. Стахеева подобные поступки, по-видимому, являлись воплощением евангельской заповеди: «Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключённого, тот Меня одел, Меня накормил, Меня посетил».

Благотворительная деятельность местных купцов активизировалась в период военных действий и проявлялась в таких формах, как денежные сборы на нужды армии, лечение и содержание раненых, предоставление помещений под лазареты, сбор и отправка на фронт продуктов и вещей, пожертвования семьям воинов. Одним из мотивов купеческой благотворительности в военные годы являлись патриотические чувства, желание лично помочь в разгроме неприятеля.

Во время Отечественной войны 1812 г. купцы Вятской губернии первыми среди местного населения откликнулись на призыв властей о сборе пожертвований на нужды армии. 27 мая собрание Вятского купеческого общества, выслушав обращение губернатора фон-Брадке, вынесло приговор о сборе для снабжения русских полков «с объявленного купечеством капитала по полупроценту с рубля, на каковой сумме выходит 3374 руб.»⁷⁴ Тогда же поступили и первые добровольные пожертвования

ния⁷⁵. В последующие месяцы производились новые сборы⁷⁶. Самые крупные пожертвования в период борьбы с Наполеоном были внесены купцами городов Вятки (Василием Рязанцевым – 2 500 руб., братьями Машковцевыми – 2 000 руб., Петром Аршауловым – 1 850 руб., Иваном Хохряковым – 900 руб., Иваном Репиным – 740 руб.), Орлова (Иваном Синцовым – 2 000 руб., Феоктистом Изергиным – 700 руб.), Нолинска (Иваном Севрюгиным – 1 073 руб. 75 коп.)⁷⁷. О подъёме патриотических чувств говорил и тот факт, что пожертвования вносились не только состоятельными торговцами, но и «не торгующими» купческими вдовами, и даже разорившимися купцами.

Местные купцы участвовали также в формировании ополчения. Иван Степанович Машковцев отправил в ополчение шестерых крепостных людей с собственных бумажных мануфактур, снабдив их обмундированием, трёхмесячным провиантом и деньгами⁷⁸. В 1812 г. в армию были снаряжены 50 ополченцев из мещан г. Вятки. Снабжение их одеждой, провиантом и деньгами обеспечивалось местным купечеством. Вместе с тем, произошёл такой случай: на собрании купеческого общества г. Вятки, проходившем 23 июля 1812 г., никто из купцов не выразил желания записаться в ополчение⁷⁹. Тем не менее, весьма важен факт, что постепенно здесь, как и в целом по России, «в традиционной купеческой благотворительности формировалось и укреплялось особое направление – гражданско-патриотическое»⁸⁰.

Крупная благотворительная помощь оказывалась купечеством и в годы последующих войн. В период Крымской войны в Вятской губернии формируется ополчение, состоявшее из 18 дружин, и повсеместно собираются пожертвования на военные нужды⁸¹. В числе отличившихся были елабужские купцы, собравшие «в пользу русских воинов» 22 345 руб. (общая сумма пожертвований от вятских городов составляла 34 783 руб. 17 коп.)⁸². «Город наш и в патриотизме не отстает от других городов России», – писал о Елабуге И. В. Шишкин⁸³. Пожертвовавшие на военные нужды жители этого уездного города «получили двенадцать бронзовых медалей с особенною Высочайшею благодарностию»⁸⁴. Купец А. И. Машковцев – вятский городской голова, являвшийся членом губернского комитета по организации ополчения, получил золотую медаль «на Аннинской ленте для ношения на шее» с надписью «за усердие» и бронзовую медаль «в память минувшей войны 1853–56 гг. за приношение на издержки войны или пособие раненых и семейств убитых»⁸⁵.

Русско-турецкая война 1877–1878 г., вызвав новый подъём патриотических чувств в российском обществе, также не оставила равнодушными местных купцов. В мае первого года войны на булычёвском пароходе

«Гражданин» под флагом «Красного Креста» бесплатно, по желанию владельца, до Казани следовал санитарный отряд Вятского лазарета вместе со снаряжением для дальнейшей отправки в действующую армию⁸⁶. «С восторгом и оживлением собравшийся народ смотрел на санитарный отряд – помощь раненым и больным, посылаемую в первый раз из Вятского края во время военных действий России, и этот отъезд, естественно, был всеобщим народным праздником», – писал свидетель тех событий⁸⁷. Среди откликнувшихся на призыв Вятского местного управления общества попечения о раненых и больных воинах с просьбой о помощи «братьям-воинам» был потомственный почётный гражданин И. В. Александров, чей благотворительный взнос составил 2 тыс. руб.⁸⁸ После войны такую же сумму пожертвовал коммерции советник Я. А. Прозоров «для выдачи пособий раненым и семействам убитых нижних воинских чинов»⁸⁹.

В 1904–1905 гг., когда шла Русско-японская война, «жертвовали, – по словам современника, – все, не исключая инородцев, старообрядцев, без различия сословий, национальности и вероисповеданий»⁹⁰. В Вятской губернии в то время производились сборы «на Красный Крест, на усиление флота, в пользу раненых и их семейств», формировались санитарные отряды для отправки на Дальний Восток⁹¹. Весомой была помощь купца П. К. Клепикова, который на время войны предоставил для раненых свой дом в Вятке, израсходовал 3 тыс. руб. на его ремонт и оборудование. В этом проявились и патриотические чувства купца, и родительское наставление: «Братья и сестры, любите друг друга, помогайте друг другу, веруйте в Бога, исполняйте его заповеди, трудитесь и молитесь», – говорил его отец Константин Игнатьевич Клепиков⁹². В целом на благотворительные цели в тот период от жителей и различных учреждений губернии поступило более 100 тыс. руб.⁹³

В годы Первой мировой войны местное купечество с ещё большим размахом оказывало благотворительную помощь пострадавшим, и, конечно, прежде всего, раненым воинам и их семьям. В самом начале войны находившиеся на Нижегородской ярмарке купцы Иван Игнатьевич Лаптев, Пётр Павлович Клобуков и Пётр Александрович Вахрушев инициировали подписку «между вятским купечеством в пользу семей запасных и ратников ополчения и часть в пользу раненых», по которой собрали 3600 руб.⁹⁴ Деловое сообщество проявило активность в работе открытого под председательством губернатора А. Г. Чернявского «Общества помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 г.». Солидные пожертвования в его фонд вносились купцами Лаптевыми, Зоновым, Кло-

буковым, Александровыми и др.⁹⁵ Посильную помощь воинам и раненым оказывали и купеческие жёны, участвуя в деятельности дамских кружков, работая в лазаретах.

Купцы вновь занимались устройством госпиталей и делали крупные пожертвования. Т. Ф. Булычёв ежемесячно вносил по 1000 руб. на нужды Красного Креста и семей фронтовиков⁹⁶. В его доме и в доме Д. Ф. Зонова размещались лазареты для легкораненых воинов. Для «Дома инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 гг.», первого в России по времени открытия⁹⁷, Булычёв продал свой роскошный особняк на Николаевской улице губернского центра за сумму, значительно меньшую от реальной стоимости постройки⁹⁸. На устройство этого учреждения от потомственного почётного гражданина Т. М. Лаптева и купца М. Ф. Долгушина поступило по 5 тыс. руб., потомственный почётный гражданин П. П. Клобуков и купец Д. Ф. Зонов пожертвовали по 3 тыс. руб. каждый. «Отзывчивые к горю, чуткие к нуждам армии вятичи не пожалели больших денег и подарили своим увечным героям, своим обездоленным войною сиротам самое лучшее свое здание. В этом красивом дворце прекрасно, с роскошью оборудованы все покои, кухня, прачечная, баня и проч.», — говорилось в день открытия Дома инвалидов и сирот⁹⁹.

Купцами содержались также отдельные кровати в госпиталях, а некоторые (например, Тихон Булычёв, семья Долгушиных, Лаптевы) брали на себя обеспечение всем необходимым целой палаты¹⁰⁰. Об одной из них, находившейся в Вятском городском госпитале, открытом в начале сентября 1914 г., местные газеты сообщали: «Лучше всех оборудована палата с кроватями Лаптевых: вместо одной подушки две, хорошие одеяла, матрацы, у каждой кровати вместо табуреток кресла, на столах портсигары с набитыми папиросами и спички. В шкафу для больных чайный и обеденный сервизы. Теплые мягкие халаты»¹⁰¹. Всего в этом госпитале было 10 палат.

Необходимую материальную поддержку получали и новобранцы. «Не откажите напечатать в вашей уважаемой газете, — читаем в «Вятской речи» — мою искреннюю благодарность фирме А. А. Хлебникова и ссудо-сберегательной кассе служащих при фирме за назначенное мне пособие по случаю призыва меня на действительную военную службу по мобилизации. В. А. Мохов. 26 августа 1914 г. Вятка»¹⁰².

Купцы предоставляли свои дома для расквартирования военных. Так, осенью 1914 г. в Слободском пребывали ратники пеших вятских дружин. Ополченцы 305 дружины были размещены в домах Александровых, Вахрушевых, Фофановых «на Демьянке»¹⁰³. Существенная помощь оказывалась и фронту. Денис Фадеевич Зонов отправлял на

фронт большие партии табака, спичек, почтовой бумаги, конвертов, ниток, иголок, пуговиц, ложек, мыла, сапожной мази¹⁰⁴. В сентябре 1917 г. А. П. Долгушин для 84-й пехотной дивизии выделил «150 пар готовых солдатских ботинок», торговым домом «Н. А. и Д. Вахрушевы» для этой же дивизии было пожертвовано 300 пар обуви¹⁰⁵.

Выходцы из купеческого сословия сами стали непосредственными участниками боевых действий. На службу в армию, к примеру, был призван купеческий сын Николай Александрович Тырышкин, окончивший Петербургский университет и до войны служивший в столице помощником присяжного поверенного. Прапорщик Тырышкин участвовал в двух боях и был «убит разрывной пулей при контратаке на батарею, которую он сам ранее взял»¹⁰⁶. За геройский поступок – взятие батареи – его наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. 12 сентября 1914 г. во Владимирской церкви г. Вятки в присутствии губернатора и родных была отслужена по нему панихида¹⁰⁷. Активная гражданская позиция купечества во время этой и других войн явилась важным фактором в деле помощи Русской армии, преодоления гуманитарных катастроф и свидетельствовала о преданности Отечеству.

Развиваясь в течение длительного времени, купеческая благотворительность постепенно приобрела более организованный и целенаправленный характер. Приметой эпохи капитализма в России стала деятельность значительного числа благотворительных обществ, которые объединяли усилия различных слоёв населения для помощи бедным¹⁰⁸. В Вятской губернии первое благотворительное общество открылось в губернском центре 29 мая 1873 г., хотя была попытка его организации в 1830-е гг., оказавшаяся безуспешной¹⁰⁹. Начальный параграф устава общества, учреждённого в эпоху реформ Александра II, гласил: «Вятское благотворительное общество имеет целью доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных города Вятки»¹¹⁰.

Руководящим органом общества, по уставу, являлся Совет, состоящий из председателя и членов (числом не менее 9 чел.), избранных на общем собрании¹¹¹. В общество могли вступать «лица обоего пола, всех сословий и состояний», и их численность не ограничивалась. С августа 1896 г. оно находилось под покровительством Императрицы Александры Фёдоровны¹¹².

Представители купечества являлись членами Вятского благотворительного общества с момента его открытия. В работе общества участвовали крупные купцы-благотворители – Клобуковы, Лаптевы, Прозоровы, Савинцевы, Булычёвы и др. В 1875 г. в нём насчитывалось 116 действительных членов, в 1895 г. – 139, в 1903 г. – 47, в 1910 г. – 48¹¹³. Судя по от-

чѣтам общества, купцы составляли примерно третью часть его состава, остальные члены – это чиновники, врачи, учителя, духовенство.

Средства Вятского благотворительного общества складывались из ежегодных членских взносов и различных пожертвований. Одно из первых значительных пожертвований (1200 руб.) было сделано Я. А. Прозоровым «для ежемесячных выдач бедным»¹¹⁴, впоследствии заметные благотворительные вклады были связаны с именами Т. Ф. Булычёва, П. П. Клобукова (г. Вятка), И. В. Александрова (г. Слободской), А. Д. Кусакина (г. Елабуга). Деятельность благотворителей, пожертвовавших значительные капиталы, отмечалась зачислением их в почётные члены общества. Таковыми стали Яков Алексеевич Прозоров с сыном Алексеем Яковлевичем и его супругой Антониной Николаевной, Иван Васильевич Александров, Александр Яковлевич Александров, Тихон Филиппович Булычёв, Павел Петрович Клобуков, купеческие жёны Надежда Эдвиновна Савинцева (долгий период бывшая председателем общества), Ольга Ильинична Сунцова¹¹⁵.

Помимо обеспечения пособиями бедных жителей г. Вятки, благотворительные капиталы шли и на внесение платы за обучение их детей, и на содержание детей-сирот, людей пожилого возраста, и на лечение больных. Желание помочь как можно большему числу нуждавшихся привело членов общества к мысли о разделении губернского города на 14 участков во главе с попечителями¹¹⁶ – членами Совета, в том числе и представителями купечества (часто купеческими жёнами). Участковый принцип организации благотворительной помощи позволял оказывать её более планомерно и своевременно.

Важным направлением деятельности общества являлось заведение благотворительными заведениями. Под надзором общества находились Ночлежный приют, Убежище для вдов и девиц, Прозоровский ремесленный приют, Дом призрения малолетних детей, Дешёвая столовая и т. д.¹¹⁷, то есть заведения, которые учреждались в разные годы и частными лицами, в основном, купцами (теми же Я. А. Прозоровым, Т. Ф. Булычёвым). Большое значение для бедных имело устройство обществом Дома трудолюбия, который открылся 1 сентября 1893 г.¹¹⁸ В нём нуждавшиеся получали работу, причём учредители Дома ставили задачу не только в предоставлении возможности обеспечивать бедных ежедневным пропитанием, но и способствовать развитию их трудовых умений и навыков, оказывать нравственное влияние на пришедших трудиться, заключавшееся в уважительном отношении друг к другу, к старшим, к труду, к знаниям и т. д. Председателем Дома трудолюбия стал Александр Александрович Прозоров. Духовным же наставником и первым

благотворителем этого учреждения являлся о. Иоанн Кронштадтский, пожертвовавший Дому 200 руб., а затем ещё 300 руб.¹¹⁹ Благотворительные взносы в его фонд сделали уржумский купец Шамов, слободские – Александровы, Фофановы и ряд других. Дома трудолюбия работали также в уездных городах. В начале XX столетия в Елабуге, например, среди членов правления такого Дома был купец Альмухаметов¹²⁰.

Все эти факты говорят о том, что Вятское благотворительное общество стало крупнейшим на северо-востоке Европейской России центром социальной помощи и защиты бедных. По оценке исследователей, «ни одно существовавшее в России благотворительное общество не ставило перед собой такой практичной и полезной задачи, как Вятское, а именно – искоренение нищенства»¹²¹. Заслуги местного купечества в этом деле были весомыми.

Благотворительные общества действовали и в других городах губернии: с 1875 г. – в Яранске, с 1876 г. – Сарапуле и Слободском, с 1881 г. – Уржуме, с 1895 г. – Орлове, с 1898 г. – Котельниче¹²². Работали они и в заводских сёлах – в Воткинском заводе, например, с 1877 г.¹²³

Процесс открытия благотворительных обществ в губернии являлся не скоротечным, обдуманым в деталях со стороны местных самоуправлений и представителей делового мира. Так, в январе 1874 г. на заседании Котельничской городской думы под председательством купца Ивана Прокопьевича Кардакова рассматривалось предложение губернатора «с уставом Вятского благотворительного общества, присланным на предмет составления такового же общества в городе Котельниче, если это признается возможным»¹²⁴. Городской управе было поручено сформулировать мнение относительно применения устава к г. Котельничу. Через месяц, в феврале 1874 г., дума с учётом того, что «довольно значительная» благотворительная помощь в городе оказывается «из сумм... общественного Кардакова банка» и, кроме того, «истинно неимеющие призреваются в богадельне... и Комиссаровская ремесленная школа дает приют и занятие бедным детям», постановила: «впредь до увеличения средств города открытие особого благотворительного общества отклонить»¹²⁵.

Некоторые купцы учреждали свои благотворительные организации. В 1879 г. в городе Елабуге был открыт «Благотворительный И. и Д. Стахеевых комитет», занимавшийся призрением бедных и больных людей, детей-сирот, оказанием помощи церквям и монастырям¹²⁶. Основные средства комитета, возглавляемого председателем, обычно елабужским городским головой, складывались из капиталов его учредителей, вложенных в банк и приносивших ежегодные прибыли в виде процентов. В разные годы Иваном Ивановичем Стахеевым на благотворительные цели были пожерт-

вованы немалые капиталы: 100 тыс. руб. – на раздачу бедным людям, такие же суммы – на постройку и поддержку церквей¹²⁷. Общая же сумма его благотворения за весь жизненный период превысила миллион рублей¹²⁸. За семь лет, с 1879 по 1885 г., комитетом были выданы пособия бедным жителям города и Елабужского уезда на сумму более 30 тыс. руб.¹²⁹

Проявление организованности в оказании благотворительной помощи населению обнаруживалось и в создании некоторыми купцами индивидуальной системы накопления средств для выдачи пособий и других пожертвований. Так, Яков Прозоров имел в своих конторских книгах особую статью – «счет благотворительности» и отчислял для неё ежегодно 10 процентов с каждого рубля прибыли, причём эти деньги он вновь пускал в оборот, чтобы приумножить общий благотворительный капитал¹³⁰. Традицией стало и регулярное получение бедными из его конторы муки и денег (обычно по пятницам и в праздничные дни). Уезжая из Вятки на жительство в Петербург, Яков Алексеевич передал Вятскому благотворительному обществу и городу почти целый квартал своих домов по улицам Вознесенской-Спасской г. Вятки и впоследствии в своём завещании остался верен себе, сделав ряд новых пожертвований¹³¹. Крупным благотворителем стал и его сын Алексей Яковлевич, продолжавший дело отца. Таким образом, формировались в регионе династии купцов-благотворителей.

Помощь бедным местными купцами оказывалась и через существовавшую систему местного самоуправления – городские думы, земства; общественные и коммерческие учреждения – приюты ведомства Императрицы Марии, городские общественные банки. В 1880–1890-е гг. городские думы заведовали пожертвованными на благотворительные цели капиталами купцов Я. А. Прозорова (г. Вятка), С. А. Кайгородцева и его наследников (г. Глазов), Бебенина (г. Яранск), Д. Е. Плюснина (г. Слободской), Изергина (г. Орлов)¹³².

Представители купечества участвовали в работе Вятского городского попечительства о бедных, учреждённого думой в 1899 г. с целью организации и оказания помощи бедным жителям города Вятки. Его первым председателем стал купец Павел Петрович Клобуков¹³³, известный своей благотворительной деятельностью.

В мае 1899 г. он передал вятскому городскому обществу «выстроенный им большой каменный в три этажа дом с церковью и электрической станцией при нем – для помещения в нем призреваемых в городских благотворительных заведениях, обеспечив этот дар капиталом в 30 тыс. руб.»¹³⁴ Заявление об этом купец-благотворитель подал в тот день, когда в городской думе обсуждался вопрос об открытии попечительства. Свой дар Клобуков подкрепил условием, по которому в пожертвованном им

доме должны всегда размещаться одни только благотворительные учреждения. В знак признательности гласные думы, встав с мест, стоя благодарили этого купца и вынесли постановление об избрании П. П. Клобукова почётным гражданином г. Вятки¹³⁵.

Благотворительная помощь оказывалась новым учреждением посредством разделения города на участки: сначала на 10, а затем – 11 во главе с избираемыми на четыре года попечителями, среди которых были и купцы, которые собирали членские взносы и пожертвования, выявляли на своих участках нуждавшихся и рассматривали вопрос об оказании им помощи¹³⁶. Решением думы от 10 июля 1900 г. попечительству были переданы городские благотворительные заведения и капиталы¹³⁷. В частности, оно заведовало городской богадельней и вновь открытым детским приютом, размещавшимися в доме, пожертвованном П. П. Клобуковым. Благодаря попечительству проблемам малообеспеченных жителей Вятки уделялось внимания намного больше, чем ранее, и купцы не остались в стороне от этой гуманной и милосердной деятельности. В числе почётных членов попечительства были П. П. Клобуков и Т. Ф. Булычёв¹³⁸.

Подобные попечительства работали и в уездных городах. В Елабуге помощь бедным осуществлялась через городское попечительство для сбора пожертвований, оказания помощи нуждающимся и постоянных наблюдений за ними, где заседали представители купеческих домов Гирбасовых, Стахеевых, Альмухаметовых и некоторые другие¹³⁹.

Как видим, купеческая благотворительность в социальной сфере приобрела в Вятской губернии широкие масштабы. Об этом можно судить и по данным общероссийской статистики: в самом конце XIX в. в регионе насчитывалось 228 благотворительных учреждений (для сравнения: в Архангельской губернии в этот период действовало 50 благотворительных обществ и заведений, в Вологодской губернии – 220, в Нижегородской губернии – 155)¹⁴⁰. Временем расцвета социальной благотворительности, как видно из наших материалов, стали вторая половина XIX – начало XX столетия.

Одно из направлений благотворительности было нацелено на развитие образовательных учреждений губернии. Вятские купцы безвозмездно передавали учебным заведениям свои дома, жертвовали на образовательные нужды капиталы, учреждали стипендии для несостоятельных учеников, ревностно служили попечителями и т. п.

С купечеством связано открытие губернских гимназий. На учреждение в 1811 г. Вятской мужской гимназии по подписке было собрано 13624 руб., из них 5000 руб. пожертвовано купцом г. Уржума Матвеевым¹⁴¹. Благотворительные деньги пошли на приобретение и оборудова-

ние здания для гимназии. На содержание женского училища 1-го разряда, действовавшего с 1859 г. и впоследствии преобразованного в Вятскую Мариинскую женскую гимназию, купеческое общество губернского города решило «производить в течение 12 лет ежегодно денежный сбор с купцов по одному проценту с объявленных капиталов; сбор этот, как объявлено в приговоре, должен был доставлять до 2700 руб.»¹⁴²

Немалые купеческие пожертвования шли на содержание училищ губернии. В 1835 г. купец Павел Матвеев передаёт свой дом для размещения в нём Уржумского уездного училища. В 1859 г. в доме М. И. Кардакова в Котельничке открывается женское училище, все расходы по содержанию которого в первый год взял на себя тот же купец¹⁴³. Котельничские купцы решили вносить на нужды этого учебного заведения «ежегодно при объявлении гильдейских капиталов: первой гильдии – по 20 руб., второй гильдии – по 10 руб. и третьей гильдии – по 1 руб.; сверх того при совершении браков, с жениха и невесты, с купцов первой гильдии – 36 руб., второй гильдии – 19 руб. и третьей гильдии – 5 руб. ... и при крещении новорожденных – сына или дочери – взыскивать с купцов первой гильдии – 5 руб., второй гильдии – 3 руб., третьей гильдии – 1 руб.»¹⁴⁴

В конце 1850-х гг. купечество инициирует сбор средств на открытие мужских и женских училищ в Вятке, Слободском, Сарапуле, Елабуге, Орлове. В 1878 г. купцом Я. А. Прозоровым в память о визите в Вятку министра просвещения Д. А. Толстого был пожертвован каменный дом с пристройками на Московской улице «общей стоимостью 34 тыс. 300 руб.» для городского училища¹⁴⁵.

Дом Я. А. Прозорова (справа) на ул. Московской в г. Вятке

Купец Т. Ф. Булычёв проявлял заботу об учебных заведениях как своего родного города – г. Орлова, где родился и вырос, так и губернского, в котором жил в зрелые годы. В 1906 г. Булычёв пожертвовал 25 тыс. руб. на устройство в Орлове здания для реального училища, а в мае следующего, 1907 г., являясь почётным попечителем Вятской мужской гимназии, передал этому учебному заведению построенное на личные средства каменное здание, в котором разместился второй, «малый» корпус гимназии¹⁴⁶.

На купеческие средства открывались частные пансионы. Один из них – «пансион благородных девиц» – появился в г. Вятке в 1842 г., учреждённый купеческой женой Луизой Диттель¹⁴⁷. В его уставе отмечалось, что пансион «будет принадлежать к разряду уездных училищ» и что в него «принимаются дети не только благородных родителей, но и из почётного купечества»¹⁴⁸. Девочки изучали там Закон Божий, грамматику, арифметику, географию, историю, чистописание, французский и немецкий языки, учились рисовать, обучались музыке и танцам, желающие занимались рукоделием.

Размах купеческой благотворительности в области образования нередко был впечатляющим. В начале XX столетия в «Вятских епархиальных ведомостях» сообщалось: «Все почти училища, существующие в Елабуге, выстроены на средства благотворителей»¹⁴⁹. Далее указывалось, что благодаря усердию потомственного почётного гражданина Ф. П. Гирбасова в этом уездном городе открылось три училища – ремесленное, городское и училище для слепых, три земские школы, церковно-приходская школа (на его средства было построено и несколько школ в уезде), Стахеевы способствовали открытию двух богадельных школ, церковно-приходской школы, епархиального женского училища¹⁵⁰, Ф. Г. Чернов – приютской школы, Ушковы вместе со Стахеевыми обустроивали гимназию и реальное училище.

Деятельность купцов-благотворителей характеризовала их отношение к образованию. Так, известный елабужский купец Капитон Яковлевич Ушков, не получив хорошего образования и понимая его значение, неоднократно сожалел о том, что «в молодости он не имел возможности поучиться чему-нибудь большему, кроме умения читать и писать. Зная цену религиозно-нравственного воспитания народа, он пожертвовал в 1860 г. прекрасный двухэтажный каменный дом, с домовою церковью, с каменным же флигелем для помещения уездного и женского 2-го разряда училищ»¹⁵¹. Потомственный почётный гражданин Сергей Васильевич Лебедев, который «всегда первый откликался на все общественные нужды и немало потратил на это своих богатых духовных сил и личных материальных средств», стал членом-учредителем Кукарского

образовательного общества¹⁵². Являясь, по словам современников, «ревностным и убежденным борцом за народное просвещение», он не только аккуратно посещал заседания правления общества, но и заботился о его нуждах: несколько лет общество «бесплатно пользовалось его помещением для своих учреждений, с готовым отоплением и освещением», осуществлялись и другие пожертвования с его стороны¹⁵³. Долгие годы он был и попечителем женской гимназии в Кукарке.

Интерес к деятельности учебных заведений, проявляемый купцами, имел и определённую практическую направленность. Финансируя образовательные учреждения, предприниматели заботились о подготовке грамотных и квалифицированных кадров для своих торговых заведений и промышленных предприятий. Примечательно, что Яков Алексеевич Прозоров, когда жертвовал в 1878 г. для городского училища свой дом, пояснил, «что было бы желательно учредить при городском училище класс бухгалтерии, польза которой для всякого несомненна»¹⁵⁴.

Практическими же соображениями было продиктовано открытие в Вятке в начале XX в. коммерческого училища, где проводились лабораторные занятия, устраивались посещения фабрик, заводов, кустарных мастерских. Инициаторы его учреждения рассчитывали, прежде всего, на помощь со стороны местных предпринимателей и не ошиблись. «Некоторые из них уже изъявили желание поддерживать материально это симпатичное предприятие», – сообщала в 1907 г. одна из вятских газет¹⁵⁵. Без внимания купцов не осталась работа и торговых классов, устроенных также в губернском центре. В 1917 г. они «получили субсидию от Вятско-Волжского пароходства в сумме 3 тыс. руб.»¹⁵⁶ «Торговые классы, – говорилось в газете «Вятская речь», – ...существуют уже пятый год и встречают живое сочувствие и поддержку со стороны общественных организаций»¹⁵⁷.

Немалым был вклад купечества в дело создания в регионе национальных школ. В Елабужском уезде, при Бондюжском химическом заводе, товариществом «П. К. Ушков и К^о» было открыто четырёхклассное мектебе¹⁵⁸. В 1910 г. Шакиром Зайтовым при содействии уездного земства в имении «Чучкан» организуется русско-татарская школа¹⁵⁹.

Осознавая необходимость обустройства городов, в частности, для создания удобных транспортных коммуникаций, без которых невозможно развитие торговли на совершенном уровне, и заботясь о внешней привлекательности мест своего проживания, купцы вкладывали средства и на их благоустройство. В марте 1871 г. купец первой гильдии Иван Иванович Стахеев пожертвовал 15 тыс. руб. на постройку нового каменного моста через овраг Буг в г. Елабуге¹⁶⁰. «С помощью

Бога имея возможность быть полезным моему родному городу, радуясь его процветанию...» – писал он губернатору В. И. Чарыкову¹⁶¹. По желанию елабужского городского общества этот мост получил название «Стахеевский». Ощутимо было влияние купечества на развитие коммунального хозяйства и быта городов. С именами предпринимателей связано устройство в них водопровода, электрического освещения, телефона¹⁶².

Купеческие пожертвования не оставались без внимания государственной власти. При рассмотрении этого вопроса в современной историографии делаются акценты на том, что «государство всегда высоко ценило усилия благотворителей не только как дополнительный источник финансирования для решения государственных задач, но и как своего рода социальное изобретательство...», и, в то же время, оно пыталось поставить благотворительность «под собственный контроль, навязать ей собственные стандарты, использовать ее средства для реализации собственных целей»¹⁶³. Судя по нашим материалам, почти все крупные благодеяния отмечались благодарностью со стороны губернатора и в особых случаях – государственными наградами и почётными званиями. Среди купцов-благотворителей Я. А. Прозоров и И. Г. Стахеев имели звание коммерции советника; П. К. Ушков – мануфактур-советника; Прозоров был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с правами, позволившими ему стать потомственным дворянином; Т. Ф. Булычёв получил чин статского советника, имел он и благодарность от Николая II «за щедрый дар» в пользу «Дома инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 гг.» За благотворительную деятельность купцы награждались орденами Святого Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степеней, золотыми медалями и т. д.¹⁶⁴ Нельзя не констатировать, что одобрительное отношение государства к купеческим инициативам являлось одним из важных стимулов в развитии благотворительности и её укоренении в российском обществе.

Не менее существенным для купечества было и общественное внимание, позволявшее повысить его социальную значимость, недооцененную в ранний период. Во второй половине XIX – начале XX в. портреты купцов-благотворителей выставлялись в земствах, городских думах, благотворительных учреждениях, в честь них устраивались торжественные обеды, открывались мемориальные доски, им присваивались звания почётных граждан городов, их «благодарили вставанием» на заседаниях городских дум и т. п.¹⁶⁵ Всё это укрепляло общественный статус купцов, в чём они не могли не быть заинтересованы.

Вятские купцы, оказывая поддержку некоторым культурным начинаниям, проявляли себя и в меценатстве. Это явление характеризовало

уже несколько иной уровень благотворения, поскольку меценатство тесно связано с духовным и эстетическим восприятием действительности и основывалось на развитии культурного уровня самих предпринимателей, увеличении числа образованных людей в их среде. Многогое зависело и от экономических условий, от формировавшейся культурной среды капиталистической России. «Именно при соприкосновении с культурой, в общении с творческими людьми зародились и впервые широко заявили о себе среди предпринимателей черты цивилизованного сознания...» – писал М. Л. Гавлин, изучавший деятельность крупнейших предпринимателей и меценатов – Василия Кокорева, Козьмы Солдатенкова, Морозовых, Рябушинских, Гучковых и др.¹⁶⁶

Действительно, в пореформенный период и в начале XX в. в культурной жизни Вятки наблюдались многие позитивные изменения: появилось большое число библиотек, школ, выпускались новые периодические издания, в 1866 г. в губернском центре был открыт «Музеум», в 1877 г. – постоянное здание театра, в 1910 г. основан Вятский художественно-исторический музей и т. д. Все эти новшества вели к повышению культурного уровня населения, росту его самосознания и способствовали развитию меценатства со стороны местного купечества как наиболее состоятельного слоя городского общества, стремившегося в период буржуазной модернизации страны в лице целого ряда представителей выйти за рамки профессиональных занятий и приобщиться к интеллектуальным и духовным достижениям и ценностям своего времени.

Ощутимый вклад купцы внесли в развитие театрального искусства в Вятской губернии. Местные предприниматели жертвовали свои капиталы на театральные постановки, размещали театры в собственных домах. Крупнейшим меценатом был Яков Алексеевич Прозоров, устроивший в середине XIX в. в Вятке в одном из своих домов театр¹⁶⁷. В его зрительном зале с партером и ложами шли любительские спектакли, выступали приезжие труппы и организовывались концерты. В числе гастролёров была, например, труппа казанских артистов, запомнившаяся спектаклями «Свадьба Кречинского» и «Ревизор», показанными в 1856 г. Выступали также актёры Симбирского театра. Местные актёры-любители ставили, в основном, одноактные пьесы и в один вечер могли сыграть три водевиля. Жители Вятки, по словам Р. М. Преснецова, «полюбили этот небольшой, уютный театр»¹⁶⁸.

Впоследствии спектакли в губернском центре устраивались в новом, деревянном здании «красивой архитектуры», построенном за короткое время на частные пожертвования и на средства, полученные от любительских спектаклей и концертов¹⁶⁹. Его открытие состоялось в октябре

1877 г. Театр имел большой зрительный зал с приподнимающимся на винтах полом и красивой мебелью «на русский манер»¹⁷⁰. В разные годы членами общества владельцев Вятского концертного зала (так именовался театр) были хорошо известные в регионе купцы Т. Ф. Булычёв, Лаптевы, Поскребышевы, П. Ф. Савинцев, А. М. Сенилов, Я. Ф. Тырышкин и др.¹⁷¹ В купеческих домах шли спектакли и в уездных городах Нолинске, Орлове, Глазове.

Известным меценатом стал Константин Капитонович Ушков, проживавший в Москве представитель елабужской купеческой семьи. «Он был очень богат, интересовался театром и вообще искусством и считался большим меценатом», – писал П. А. Бурышкин в «Москве купеческой»¹⁷². К. К. Ушков стал одним из учредителей Московского общедоступного театра, будущего МХАТа, пожертвовав на его устройство четыре тысячи рублей (общая сумма пожертвований составила 28 тыс. руб.)¹⁷³. Ушковым наряду с К. С. Станиславским, братьями Саввой и Сергеем Тимофеевичами Морозовыми был сделан наиболее крупный взнос. Константин Капитонович являлся и почётным директором Московского Филармонического общества, попечителем Совета музыкально-драматического училища. Он поддержал идею об открытии Российского музыкального издательства, опубликовавшего многие сочинения Стравинского, Скрябина, Прокофьева и других музыкантов¹⁷⁴. Его вклад как мецената в развитие русского искусства огромен.

Представители купечества оставили след в истории Вятского художественного кружка, положившего начало художественно-историческому музею. Среди членов кружка была Зинаида Дмитриевна Клобукова, увлечённая искусством с юных лет, ставшая скульптором, супруга купца-благотворителя Петра Клобукова. Она надолго уезжала в Москву, общалась с художниками В. М. и А. М. Васнецовыми, познакомилась с А. С. Голубкиной, посещала выставки. Будучи состоятельными купцами, горячо любящими искусство, Клобуковы покровительствовали местным художникам, часто нуждавшимся в поддержке, помогли решить вопрос с музейным помещением. «Вот доброта где!» – писал о них вятский художник Н. Н. Хохряков¹⁷⁵. Почётным членом кружка являлась московская благотворительница и меценатка Маргарита Кирилловна Морозова, вдова известного предпринимателя и коллекционера М. А. Морозова, ставшая одним из первых жертвователей произведений искусства Вятскому художественно-историческому музею, передав ему 12 работ – картины В. И. Сурикова, М. В. Нестерова, К. А. Коровина, братьев Васнецовых и другие¹⁷⁶.

Губернская публичная библиотека в Вятке

Вниманием провинциального купечества было охвачено и библиотечное дело. С 1837 г. в Вятке работала губернская публичная библиотека, основным источником существования которой являлись пожертвования благотворителей¹⁷⁷. Начальный период её деятельности был связан с именами купцов Козьмы Беляева, Абдулы Утямышева, Фёдора Чернова, Василия Аршаулова, Петра Гусева, Ивана и Якова Машковцевых, Ивана Рязанцева, Павла Воронова, Фёдора Фирстова, представлявших, кроме Вятки, города Слободской, Малмыж, Елабугу, Фридрихсгам (Выборгской губернии) и отличившихся «значительными пожертвованиями»¹⁷⁸. Причём помощь библиотеке оказывалась не только финансовая. Так, в 1837–1838 гг. чиновниками, духовенством и купечеством для неё было собрано «книг до 683 названий в числе 1516 томов»¹⁷⁹. Приятель ссыльного Герцена, К. В. Беляев, передал библиотеке 70 книг, среди которых были сочинения Пушкина, и тысячу рублей¹⁸⁰. В 1848 г. от купца Николая Веретенникова поступило 20 книг¹⁸¹.

Делами библиотеки управлял попечительный комитет, в который входили почётные, непреременные и действительные члены. В начале XX в. среди шести почётных членов трое были купцами – Т. Ф. Булычёв, К. И. Лаптев, Н. В. Мешков¹⁸². По сообщению местных газет, Булычёв и Лаптев проявляли к библиотеке «живое и отзывчивое отношение»¹⁸³. Сочувственно к ней относился и купец П. П. Клобуков, пожертвовавший в 1915 г. на нужды библиотеки 300 руб.¹⁸⁴ В состав ко-

митета включались не только жители губернии. В 1908 г. пермский купец Н. В. Мешков из направленных для вятских библиотек 1 000 руб. передал на приобретение книг для Вятской публичной библиотеки 800 руб., а 200 руб. – городской Пушкинской библиотеке. Столь значительное для губернской библиотеки пожертвование позволило пополнить её фонды новыми книгами исторического и общественного содержания и belle-тристикой¹⁸⁵.

Некоторые предприниматели покровительствовали библиотеке благодаря заботам губернатора, принимавшего участие в сборе необходимых для неё средств. В октябре 1907 г. губернатор С. Д. Горчаков, являвшийся председателем её попечительного комитета, подписал письмо, адресованное предпринимателю Н. И. Вахрушеву. «Обращаюсь к Вашей, Милостивый Государь, Николай Ильич, столь известной отзывчивости на все полезное и доброе: не найдете ли Вы возможным оказать поддержку Вятской публичной библиотеке вступлением в число почетных ее членов или другим возможным для Вас способом», – говорилось в нём¹⁸⁶. В ответ на это обращение Н. И. Вахрушевым незамедлительно было сделано пожертвование.

Среди библиотек уездных городов выделялась Орловская, открытая при активном участии купечества в 1878 г. У её истоков стоял А. Н. Кузнецов, имевший и свою большую домашнюю библиотеку¹⁸⁷. С открытия публичной библиотеки, размещавшейся в здании городской думы, он был председателем её «управления», оставаясь на этой должности до своей кончины в 1895 г. и работая на общественных началах. Более того, на свои средства Кузнецов пополнял её фонды, выписывая газеты «Голос», «Русский курьер». «Истинный друг просвещения» (так называли А. Н. Кузнецова современники) участвовал в разработке «Правил пользования библиотекой», дававшим возможность пользоваться книгами политическим ссыльным и низшим слоям города и окрестных сёл¹⁸⁸.

Некоторые купцы учреждали заводские библиотеки. В 1902 г. вятский губернатор П. Ф. Хомутов подписал разрешение об открытии «Вятской заводской бесплатной народной библиотеки, учреждаемой вятским купцом И. И. Лаптевым»¹⁸⁹. Целью её работы являлось бесплатное предоставление книг рабочим заводов Лаптевых, Сунцовых, Поскребышевых и населению, проживавшему близ этих предприятий. Для библиотеки Иван Игнатьевич Лаптев выделял 100 руб. единовременного взноса и по 25 руб. предполагал выплачивать ежегодно «на пополнение библиотеки книгами»¹⁹⁰. Пособие на её нужды выделялось и земством.

В 1904 г. в Вятке открылась учёная архивная комиссия, сыгравшая весомую роль в изучении прошлого региона. Комиссия собирала старин-

ные документы и книги, издавала «Труды» (вышло 46 выпусков), занималась организацией церковно-археологических экспедиций, открыла Трифоновский церковно-археологический музей. В числе её почётных членов были академики, профессора столичных университетов, вятские губернаторы, епископы. «Буду искренно рад, если мне представится возможность быть чем-либо полезным комиссии или оказать содействие ее целям», – писал в феврале 1905 г. её почётный член В. О. Ключевский¹⁹¹. В то же время, с самого начала комиссия столкнулась с финансовыми проблемами, решить которые без частных пожертвований не представлялось возможным. Благотворительная помощь ей оказывалась купцами К. И. Лаптевым, Д. И. Первушиным, А. Я. Тырышкиным, потомственным почётным гражданином А. П. Суслопаровым, также ставшими почётными членами комиссии¹⁹². Действительным членом избирался слободский купец В. П. Куршаков, членом-соревнователем был Н. З. Платунов (купец г. Слободского). Обращаясь в ноябре 1906 г. с просьбой о помощи Вятской учёной архивной комиссии к Илье Тимофеевичу Вахрушеву, губернатор Горчаков назвал его «известным всем местным меценатом»¹⁹³.

Благодаря купечеству менялся культурный облик городов, в них появлялись новые достопримечательности. В губернском центре привлекала к себе внимание чугунная решётка Александровского сада, отлитая по составленному в 1836 г. чертежу архитектора А. Л. Витберга. В реализации этого проекта, получившего «Высочайшее одобрение», участвовали купец первой гильдии Пётр Гусев, взявший на свой счёт устройство решётки с лицевой стороны; купец Захар Герасимов, пожертвовавший 2 500 руб.¹⁹⁴ Достопримечательностью г. Слободского был сад Александровых, имевший беседки, открытые веранды и павильоны. В начале XX в. городским попечительством о бедных в нём устраивались народные гулянья с оркестром, иллюминацией, фейерверком, запуском воздушного шара и другими развлекательными мероприятиями¹⁹⁵.

Несмотря на проявление купечеством интереса к учреждениям культуры, к искусству, всё же меценатство не получило в регионе столь масштабного развития как благотворительная деятельность в целом. Особенностью меценатства в Вятской губернии являлось и то, что оно не выросло из собирательства и коллекционерства, как это было в Москве¹⁹⁶. Открытие театров и участие регионального купечества в устройстве музеев и библиотек явились одним из путей его приобщения к культуре. Необходимо также учитывать, что в основе профессиональных занятий купцов лежали материальные интересы, что, конечно, накладывало отпечаток на всю деятельность предпринимателей, и поэтому образ купца-благотворителя нередко был весьма противоречивым,

сочетавшим в себе различные качества, порой и далёкие от высокой нравственности. Не случайно о том же меценате К. К. Ушкове В. И. Немирович-Данченко писал как о человеке, представлявшем «великолепное соединение простодушия, хитрости и тщеславия»¹⁹⁷. Мемуарист А. А. Прозоров вспоминал ситуации, когда купцы-благотворители и меценаты в повседневной жизни проявляли невежливость и неуважение к окружающим, любили «покутить»¹⁹⁸. Тем не менее, ни в коей мере нельзя недооценивать того громадного вклада, который внесли представители делового мира в развитие культурной жизни региона, в оказание социальной помощи населению.

Купеческая благотворительность, получившая наибольшее развитие во второй половине XIX – начале XX столетия, прошла путь от индивидуальных, разовых, нередко стихийных пожертвований до целенаправленных, постоянных, масштабных акций, носивших организованный характер. Традиционными её видами стали пожертвования на нужды церкви, образовательных учреждений, на открытие и содержание приютов и богаделен. Социальная значимость благотворительности заключалась как в проявлении, особенно в условиях свободного рынка, заботы о нуждающихся людях, так и в том, что она являлась преимущественно выражением общественной инициативы. Благодаря купечеству в Западном Предуралье в тот период сложилась разветвлённая сеть учреждений социальной помощи, позволявшая эффективно бороться с бедностью. В этом смысле здесь, как и в масштабах России, где к 1915 г. при 170-миллионном населении имелось более 8 млн нуждающихся в помощи, благотворительность «стала одним из важнейших компонентов саморегуляции общественного организма в ситуации нарастающей социальной напряжённости»¹⁹⁹.

Сыграв значимую роль в истории благотворительности и меценатства Вятско-Камского региона, изучаемое сословие занималось этими видами общественной деятельности вполне целенаправленно. С помощью различных пожертвований некоторые купцы, безусловно, стремились повысить свой социальный статус, так как благотворительность вела к получению почётных званий, наград, чинов, общественного признания, другие, жертвуя, к примеру, на нужды образования, руководствовались практическими соображениями. Мощным стимулом для развития благотворительности являлись религиозные чувства купцов. Вместе с тем, эта мотивация не была целиком и полностью проявлением одного только честолюбия. Изучение истории благотворительности и меценатства отражает и тот факт, что купцы, особенно в пореформенный период, начинали заботиться уже и об общественном благе, и свои благотворительные инициативы они афишировали не всегда. Когда умер вятский купец Яков

Алексеевич Прозоров, о нём писали: «Владея огромным состоянием, он резко отделялся от того круга людей, которые имеют одну цель – наживу... Его щедрая рука не оскудевала жертвовать значительные суммы на самые разнообразные предметы... Но сколько было с его стороны благодеяний, которые он совершил тайно? Редкий бедняк не рассчитывал на его добрую помощь...»²⁰⁰. Если же говорить о войнах, то в эти годы купеческая благотворительность приобретала одновременно и милосердную, и патриотическую окраску, способствуя формированию в деловых кругах национального самосознания. «В купеческой благотворительности своеобразно переплетались религиозные и светские, патриотические мотивы», – вполне справедливо отмечают современные авторы²⁰¹.

В благотворительную деятельность, хотя она и не являлась основным профессиональным занятием купцов, в той или иной степени была втянута значительная часть регионального гильдейского сообщества. С размахом её осуществляли представители разных национальных культур, проживавшие в Вятской губернии. Их филантропия была направлена на поддержание условий жизни и культуры своего этноса и помощь бедным в целом. Одновременно всё это сближало представителей деловой элиты разных национальностей и конфессий, формируя тем самым общность интересов полиэтнической российской буржуазии.

С помощью благотворительности менялся традиционный социальный облик деловой элиты, связанный с негативными проявлениями первоначального накопления капитала в ранний период. Во второй половине XIX – начале XX в., усиливая своё экономическое влияние, купечество стало носителем и гуманистических тенденций в развитии общественной жизни северо-востока Европейской России. Влияние на этот процесс оказывали общие социально-экономические изменения в стране, становление буржуазных отношений, приводившее к формированию новых духовных ценностей и модернизации мировоззрения купцов. Благотворительная деятельность вела к преодолению их сословной замкнутости и демократизации общественной жизни, как в регионе, так и в государстве в целом.

6.2. Повседневная жизнь купечества в интерпретации мемуаристов

Реконструкция истории повседневности, включающая в себя изучение деятельности человека «во всех ее проявлениях», в настоящий период является одной из актуальных историографических проблем. Для её изучения неопределима роль мемуарной литературы, позволяющей в деталях

воссоздавать облик человека в историческом пространстве, раскрывать мотивы поступков, поведенческие линии индивида, отношение его к окружающему материальному и духовному миру. В XIX – начале XX в. сложился комплекс воспоминаний, связанный с описаниями повседневной жизни регионального купечества, который на примере городов Западного Предуралья представлен как мемуарами самой деловой элиты и выходцев из нее²⁰², так и современников – общественных деятелей, чиновников, ссыльных²⁰³. До последнего времени он не рассматривался в совокупности, а лишь эпизодично отражался в отдельных изданиях как иллюстрация купеческой жизни или быта населения той или иной эпохи²⁰⁴.

Необходимо учитывать и тот момент, что, будучи «глубоко автобиографичными», именно купеческие мемуары являются «подчас единственным источником, объясняющим положение и деловую активность той или иной семьи», они зафиксировали черты формировавшегося длительный период самосознания торгового сословия, специфику менталитета²⁰⁵. Всё это и определило наш интерес к этим письменным историческим памятникам, причём сопоставление воспоминаний группы авторов – людей разного социального положения, уровня образования и культуры – друг с другом и со свидетельствами очевидцев, отложившихся в материалах периодики, в «Вятской незабудке», позволяет с высокой степенью достоверности воссоздать картину и говорить об особенностях повседневной жизни купечества.

Ранними по времени повествования являются воспоминания Александра Егоровича Рязанцева (1786–1867) о городе Хлынове (Вятке) и его жителях XVIII – начала XIX в., то есть весьма важного периода в истории купечества, связанного с его оформлением в гильдейскую корпорацию по Жалованной грамоте городам. В этот процесс были втянуты, прежде всего, представители деловой элиты региона. В числе «прежних богатых купцов» автор называет своих предков (Рязанцевых), Антона Хохрякова, Репиных, Ивана Григорьевича Толмачева; упоминает о деятельности Степана Яковлевича Машковцева, Василия Лаврентьевича Калинина, Петра Григорьевича Аршаулова и других предпринимателей²⁰⁶.

По словам мемуариста, состоятельные купцы имели обширные городские усадьбы, в которых «было много разных строений»²⁰⁷. Так, у его предков двор занимал «целый нынешний квартал», и здесь располагались как жилые постройки, так и хозяйственно-производственные – кузница, салотопня.

Купеческие дома в Хлынове, в основном, были деревянные. До перепланировки улиц в конце XVIII в. «каменных домов – палат, как говори-

ли в старину», имелось всего четыре²⁰⁸. Среди их обладателей был купец Толмачев²⁰⁹, который «всегда счастливо закупал в Вятке рожь, семя льняное, пеньку и счастливо продавал этот товар в Архангельске», на чём и разбогател²¹⁰. «В старые времена было так: десять рублей были деньги, сто рублей составляли богатство, о тысяче рублей страшно было и подумать. А купец Толмачев имел пять тысяч рублей, по тем временам – несметная сумма!» – рассказывал мемуарист²¹¹.

А. Е. Рязанцев даёт описание его каменного купеческого дома, стоявшего и в XIX столетии, когда жил автор воспоминаний: «Несмотря на то, что этот дом довольно высок, прежде он имел только один жилой этаж – вверх. Внизу были подвалы, без окон, с двойными железными дверями. Верх разделялся сенями, подобно крестьянским домам, на две половины: в одной из них – к северо-западу – были кухня и кладовая, в другой – две чистые комнаты. Пол во всем доме был каменный»²¹². После кончины И. Г. Толмачева его домашним хозяйством ведала сноха Евдокия Ермолаевна²¹³. Рязанцев обращает внимание на бережливость этой купеческой семьи: «...У Толмачевой всякой развалившийся горшок, всякое разбитое блюдо или чашка, всякой обломок от домашней посуды сберегался и лежал за двойными железными дверями»²¹⁴.

Местные жители проявляли к этим купцам уважение: «...Никто, даже самые почтенные в городе люди, не проходили мимо толмачевского дома в шапке: и зимой, и летом каждый день, даже покрытый треугольной шляпою, обнажал свою голову перед этими палатами (то есть их домом. – М. С.)»²¹⁵. Дом Толмачевых по праздникам посещало «все вятское чиновначалие», что также свидетельствовало о высоком их статусе в городе.

Особое место в жизни Толмачевых занимала церковь. Судя по воспоминаниям, они являлись прихожанами хлыновского Предтеченского храма, и именно здесь, «внутри ограды... церкви, около алтаря», и нашёл последний приют Иван Григорьевич²¹⁶. Над его могилой родственники соорудили «сень, или палатку, в которой сорок дней читали по покойнике псалтырь»²¹⁷. Евдокия же Ермолаевна выполняла обязанности старосты этой церкви. «Во время богослужения она в синем сарафане, под красной ширинкой, в башмаках с высокими каблуками и с подушкой под пятой, производивших шум и обращавших на нее общее внимание, становилась у комода с церковными свечами и продавала их. Держала у себя ключи от церковной казны и всем по церкви распоряжалась, как староста», – рассказывал Рязанцев²¹⁸.

Воспоминания о снохе Ивана Григорьевича во многом колоритны. По словам мемуариста, она была «мужественная... вроде мужчины,

женщина», «замуж вышла она в летах», «по городу ездила одна, без кучера, на серой лошади», «для одной пышности она держала лошадей пятнадцать или двадцать, которые не употреблялись на работу, а так табуном и ходили по городу» и т. д.²¹⁹

Весьма ценно, что в воспоминаниях называются имена некоторых предков Александра Егоровича. Среди них был, например, Корнилий Рязанцев, являвшийся, по словам автора, зятем патриарха Гермогена (ок. 1530–1612), деятеля Смутного времени, канонизированного Русской православной церковью²²⁰. В Богоявленском соборе г. Хлынова находилась икона Феодоровской Божьей Матери, которой Гермоген благословлял Корнилия. Однако в начале XVIII в. во время пожара она сгорела и позднее была восстановлена по памяти. Список с иконы в период жизни А. Е. Рязанцева оставался в Богоявленском соборе г. Вятки.

Памятной для автора воспоминаний была и фигура деда – Феофилакты Михайловича Рязанцева, у которого он переписывал «крепостные акты, узкие и длинные, шириной четверти в три аршина, а длиной в целую комнату» и который вместе со С. Я. Машковцевым, В. Л. Калининским ездил в мае 1798 г. на встречу с императором Павлом I в Казань²²¹. У Ф. М. Рязанцева часто гостили воеводы, был в его деревянных хоромах и казанский наместник П. С. Мещерский. Последний заметил: «Достаточный хозяин, ты потчешь меня шампанским, а у тебя в доме и мебели хорошей нет!» – и, действительно, в доме Рязанцева не было ни кресел, ни стульев, а стояли обыкновенные деревянные лавки²²². Мещерскому же, по-видимому, непривычно было видеть такую обстановку в доме состоятельного человека.

Немалое влияние на бытовую жизнь провинциального купечества оказали екатерининские преобразования, в частности утверждённый императрицей 13 августа 1784 г. план регулярной застройки г. Вятки. «На новых, правильных улицах» появились тогда каменные купеческие дома²²³. Среди тех, кто построил их первыми, Рязанцев называет купцов Колошина и Ласкина. В 1791 г. был заложен «на недавно напланированной Московской улице» и дом Рязанцевых. Впоследствии, в 1802 г., купцами Петром Григорьевичем Аршауловым и Иваном Степановичем Репиным «на собственный счет» у Спасского собора строятся и первые каменные лавки²²⁴.

Отзвуком реформ Екатерины II стало открытие в губерниях главных и малых народных училищ. В 1794 г. в восьмилетнем возрасте А. Е. Рязанцев был отдан в училище, куда пошёл охотно, потому что его дед, который был грамотным, внушил, что учение не таит в себе ничего «страшного», а у отца, служившего казначеем в приказе обще-

ственного призрения, Александр уже видел директора и учителей – людей «смирных и обходительных»²²⁵. У других же мальчиков были страхи и капризы: «охотнее, говорят, нынче идут в солдаты, чем шли тогда в народное училище»²²⁶. В рассказе об экзаменах, которые начинались с музыки, приветственных и благодарственных речей, упоминается, что после них в награду за успехи и хорошее поведение учащимся вручались книги. На экзаменах 1799 г. книгу получил и Александр Егорович.

В екатерининский период, когда было учреждено Вятское наместничество, «все общество до последнего чиновного человека и до последнего купца из наиболее достаточных», по словам Рязанцева, участвовало во встрече генерал-губернатора, приезжавшего для ревизии дел из Казани (с 1783 г. Вятское наместничество входило в состав Казанского генерал-губернаторства, в 1796 г. была образована Вятская губерния)²²⁷. Делегация выезжала в пригородное село Кстинино, где и происходили торжественные встречи «вельможного посетителя». Купечество Вятки выезжало и на его проводы, проводившиеся в том же селе²²⁸.

Как видим, воспоминания А. Е. Рязанцева зафиксировали факт немалого влияния «старого купечества» (Толмачевы, Машковцевы, Рязанцевы и др.), то есть сформировавшегося ещё до екатерининских преобразований слоя торговых людей, на формирование уклада социально-экономической жизни новой гильдейской корпорации. Сохраняя характерные для деловой элиты черты (например, глубокую религиозность, консервативный быт), провинциальное купечество конца XVIII – начала XIX в. активно участвовало и в каменном строительстве, осуществлявшемся по «регулярному» плану – с прямыми улицами, меняло отношение к образованию, укрепляло свой общественный статус. Впитывая дух времени, таким образом, оно постепенно приобщалось к плодам новой, «петровской» эпохи, культивировавшей европейский образ жизни.

Современники видели в купечестве людей незаурядных, со знанием дела, целенаправленно организующих свою повседневную жизнь. Доктор медицины Иоганн Фридрих Эрдман, работавший в Казанском университете и посетивший Вятскую губернию в 1816 г., писал о знакомстве с вятским купцом Аршауловым. «...Я снял у него в Казани катаракты на обоих глазах», – читаем в его книге. Затем вместе с Аршауловым и его семьёй Эрдман прибыл в Вятку²²⁹. Целью визита последнего в губернию являлась ревизия учебных заведений. Аршаулов «чрезвычайно радушно принял в свой дом меня и моего помощника на все время нашего там пребывания... он ничего не жалел, чтобы сделать наше пребывание как можно приятнее и поучительнее; ему обязаны мы тем, что в весьма короткое время сделали там много хороших знакомств...»²³⁰.

Эрдман, в частности, познакомился с Иваном Степановичем Машковцевым, побывал на бумажной фабрике и винокуренном заводе его семьи. Гость обратил внимание на желание купца «улучшить и расширить» своё производство, на грамотную организацию винокурения²³¹. «Кроме того, мы были приведены в изумление богатой обстановкой, по которой можно было судить о состоянии и вкусах домохозяина, слышущего за богатейшего человека во всей Вятке», – писал Эрдман²³².

Вслед за Вяткой казанский ревизор побывал в Слободском, где имелось, по его наблюдениям, «много приличных каменных» домов, принадлежавших состоятельным купцам²³³. В доме одного из них, родственника Аршаулова, он и был радушно принят.

А. И. Герцен (1812–1870) в Вятке «перезнакомился со всем светом, особенно с молодым купечеством», и считал его «гораздо образованнее купечества внутренних губерний», правда, при этом добавлял, что оно «кутить любит не меньше»²³⁴. Среди вятских знакомых Герцена были купцы Машковцевы, П. И. и С. И. Репины, В. К. Аршаулов, К. В. Беляев – неравнодушные к чтению, музыке, театру люди, что, конечно же, сближало их с образованным молодым ссыльным²³⁵.

Родители елабужского купца и общественного деятеля Ивана Васильевича Шишкина (1792–1872) с детства стремились приобщить его к грамоте, покупали книги, географические карты, но, помимо домашнего обучения, никакого другого он не прошёл. «...Я в таком, можно сказать, глухом местечке родился, что моим способностям не было случая развиваться... Если бы я был употреблен по какой-нибудь искусственной части – по механике, химии и прочее, я бы мог быть хорошим знатоком, потому что в жизни встречались случаи и опыты, где я постигал себя и видел свои способности», – писал в зрелые годы Шишкин²³⁶. Он осознал, что без надлежащего образования не смог реализоваться в полной мере и печалился, что в жизни делает «в половину или еще менее того, что бы... мог делать»²³⁷.

Воспроизводя внешний облик и черты характера, Иван Васильевич упоминал о своём скромном нраве, желании помочь ближнему, отмечал, что имел средний рост, короткую стрижку, «бороду постоянно всегда брил, голос и речь имел средним тоном»²³⁸. В его поступках, внешнем виде явно проступал интеллигент. Об этом свидетельствовали и увлечения этого провинциального купца.

И. В. Шишкин был собирателем преданий и исторических документов, стал автором «Истории города Елабуги» (М., 1871). «...Я начал писать историю Елабуги. Собрал все факты, какие имел под рукой, и собирал их для этого, и написана история очень-очень дельная и многими

одобрена», – сообщал он²³⁹. Вместе с чиновником удельного ведомства, общественным деятелем, литератором П. В. Алабиным и членом-корреспондентом Императорской академии наук К. И. Невоструевым он являлся одним из первых исследователей ананьинского могильника, располагавшегося близ Елабуги. Шишкин восстановил башню «Чёртова городища» – памятник булгарского зодчества. В 1872 г. за свои труды он избирается членом-корреспондентом Московского археологического общества.

Стремление получить знания, любовь к книге отличали выходца из богатейшей купеческой семьи Дмитрия Ивановича Стахеева (1840–1918), получившего в детстве домашнее образование, «ограничившееся, – по его словам, – знанием русского языка, первых четырех правил арифметики»²⁴⁰. Не имея склонности к торговым делам, он «с юных лет любил чтение и читал все, что попадалось под руку, и астрономические сочинения, и акафисты святым», а с десяти лет начал писать стихи²⁴¹. В дальнейшем это переросло в серьёзное занятие литературной деятельностью.

Интерес купцов к явлениям культуры развивался параллельно со складыванием их состояний. В середине XIX в. современники отмечали, что в Вятке «немало есть и частных каменных домов, которые украсили бы собою любой губернский город. Эти дома носят на себе отпечаток магнатства» и что с помощью торговых капиталов «так хорошо» она отстроена²⁴². Ещё одна черта местной городской жизни, сохранявшаяся и в тот период, была связана с возможностью иметь большие усадьбы – «...в Вятке живут не домами, а дачами»²⁴³. Дома располагались друг от друга «на значительном пространстве» и отделялись садами «или садиком, или палисадником или же огородною зеленью», и поэтому городские владения зачастую напоминали «богатые дачи»²⁴⁴.

Одной из линий воспоминаний Николая Аполлоновича Чарушина (1851–1937), народника, издателя, стал образ матери, Екатерины Львовны, которая была дочерью разорившегося купца, и, хотя её муж являлся чиновником, в своей семье она сохраняла черты купеческого быта. «...Наша мать, знавшая когда-то более обильную и широкую купеческую жизнь, – писал Чарушин, – не могла не стремиться к поддержанию внешнего благообразия нашей жизни и старых связей и знакомств с купеческими домами. Поэтому в торжественные дни, как именины, дни рождений, у нас собиралось довольно многочисленное общество; для мужчин тогда ставили закуски и, конечно, с выпивкой, раздвигались карточные столы, а для дам – сласти. Вечер, случалось, заканчивался ужином, а иногда и танцами...»²⁴⁵. Вместе с тем, Екатерина Львовна отличалась особой религиозностью: «...исправно посещала все цер-

ковные службы, соблюдала посты и старалась и нас, детей, побудить следовать ее примеру»²⁴⁶. Автор указывает и на тот факт, что в середине XIX столетия «все жили по дедовским традициям, и всякие новшества строго осуждались»²⁴⁷.

Черты консерватизма купеческого быта отмечались также в «Вятской незабудке». В «Общем очерке Слободского за 1876-й год», в частности, говорилось о патриархальности нравов местных жителей, «поэтому отдельные лица – как бы ни была обширна их торговля и значительны капиталы – мало выдаются над общим уровнем... Богачи сидят замкнувшись в своих каменных палатах: более или менее “именитое” купечество держится особняком... Каждый дом значительных размеров – это своего рода неприступная крепость...»²⁴⁸. Акцентируется внимание и на том, что «купцы, люди независимые, богатые, находятся в вечном страхе какой-то неизбывной кары Божией, каждую минуту готовой разразиться над ними»²⁴⁹.

Между тем, воссоздавая портреты купеческих детей второй половины XIX в., современники давали им несколько иные характеристики. Н. А. Чарушин, когда жил в Вятке, обучаясь в гимназии, посещал дом семьи Аркадия Ивановича Машковцева, сыновья и дочери которого были образованными людьми: старшая дочь – «энергичная и могучего сложения девица» – готовилась к поступлению на медицинские курсы, сын – «такого же типа, как и его сестра» – окончил Вятскую гимназию²⁵⁰. В их большом доме на рубеже 1860–1870-х гг. собиралась «молодежь разных учебных заведений», включая студентов, приезжавших в Вятку на каникулы из университетских городов, ссыльных, и на этих встречах «время от времени читались рефераты по различным вопросам». Столичное студенчество в тот период «начинало уже жить интенсивной жизнью», и «это повышенное настроение передавалось и нам», – писал Чарушин²⁵¹.

Явно неконсервативным поведением отличались и некоторые представители молодого купечества г. Слободского. В той же «Вятской незабудке» рассказывалось о клубных вечерах, на которых «молоденькие купчихи» проигрывали в карты «тятенькины капиталы» и не отказывали себе в шумных развлечениях²⁵².

Подобные эпизоды находим и в сочинениях Д. И. Стахеева, реалистично изображавших картины повседневной купеческой жизни, на что, в частности, обращали внимание его современники²⁵³. «Уедет тятинька на ярмарку или в Москву, – читаем в рассказе «Уездный город», – и развернут детушки по отъезде его все свои силы, тешутся, как умеют, на свободе. Один покупает рысака и тешится им в отсутствие тятиньки,

другой гуляет с утра до вечера где-нибудь на слободке... третий изощряет все свои способности в кулачном бою и в таскании двухпудовых гирь на ногах к вящему изумлению товарищей или орет во все горло многолетие, подражая соборному дьякону»²⁵⁴.

Михаил Александрович Павлов (1863–1958), вспоминая о своей работе на металлургических заводах Вятской губернии после окончания в 1885 г. Петербургского горного института (был инженером), обратил внимание на деловые качества купцов. Владелец омутнинских предприятий являлся Николай Петрович Пастуховых – «без всякого образования, но энергичный человек с русской сметкой», который «правдами и неправдами... нажил большое состояние»²⁵⁵. В бытность Павлова «он делами уже не занимался» из-за возраста, а семейной фирмой руководил его старший сын Леонид, обучавшийся ранее в Англии. «Старик догадался дать ему приличное образование... – отмечал автор, – ибо настоящими деловыми людьми признавал только англичан и для приобретения деловых качеств считал необходимым поработать в какой-либо английской конторе»²⁵⁶. Другие же сыновья Н. П. Пастухова «вышли менее удачными». Один из них, Николай, «не сумел окончить даже средней школы»²⁵⁷.

В Омутнинском горном округе Павлов проработал недолго. Затем, в 1896 г., находясь на службе в Холуницком округе, он получил письмо «от своего бывшего хозяина Пастухова» с предложением занять «место управляющего доменным производством на Сулинском заводе... для того, чтобы поставить по-современному плавку чугуна на антраците»²⁵⁸. Михаил Александрович смутился, так как «антрацитовую плавку, – писал он, – не только я, но и никто в Европе не знал»²⁵⁹. В конечном итоге Павлов решился на переезд, но с условием, что его обеспечат средствами «для поездки в Америку в целях предварительного ознакомления с делом», и «Пастухов ответил согласием»²⁶⁰.

Перед командировкой за океан Павлов побывал в Ярославле – «в резиденции Пастуховых». Для поездки в Америку он получил «довольно солидную сумму, большую, чем полагалось бы по предварительному подсчету, ибо срок поездки не мог быть определен точно»²⁶¹. «Имея право расходовать пять долларов в день и сверх того мое жалование, я решил, что этих денег хватит, чтобы поехать вдвоем с женой», и в дальнейшем автор констатирует: «Поездка в Америку дала мне очень много»²⁶².

В Америке в своё время побывал и Дмитрий Александрович Пастухов (двоюродный брат Николая Петровича) – «умный и предприимчивый человек», который вернулся оттуда «с убеждением, что плавку чугуна можно вести и на донецком антраците»²⁶³. По его решению,

в одном из помещений Сулинского завода находился бюст Петра I с надписью, указывавшей на значимость антрацита: «Сей минерал не нам, а потомкам нашим полезен будет»²⁶⁴. Первая доменная печь в Сулине строилась горным инженером Мещериным, посетившим Англию. В дальнейшем Дмитрий Пастухов продал этот завод двоюродному брату, так как «понял, что металлургический завод, особенно с плавкой на антраците, – сложное и хлопотливое дело...»²⁶⁵

Генеалогические и автобиографические сюжеты стали одной из центральных тем воспоминаний Александра Александровича Прозорова (1854–1927). Он отмечал, что фамилия Прозоровых распространена среди крестьян Вятского уезда, но «корень этой фамилии, вероятно, затерян во времени»²⁶⁶. Среди предков-крестьян Александра Александровича были владельцы мельницы, а в последующее время род становится и купеческим. Повествуя о ранних страницах истории династии, автор ссылается на факты из записной книжки Семёна Антоновича Прозорова, «собственноручно им ведомой и помеченной 1771 годом»²⁶⁷.

«В 1769 г. Семен Антонов женился на девице 19-ти лет Фекле Андреевне», и «в течение брачной жизни у них родилось 17 детей»²⁶⁸, из которых в совершеннолетний возраст вступили только трое, в их числе сын Алексей. Последний торговал хлебом, имел дом в Вятке и стоял у истоков нескольких купеческих ветвей рода Прозоровых: одну из них представлял Яков Алексеевич, а другую – Александр Алексеевич, отец мемуариста.

Прозоров детально описывает дом своей семьи, воспроизводит портреты отца и матери, дяди и его семейства, характеризует занятия своих родственников. «Каждый год в начале марта месяца отец уезжал в Ношуль, а оттуда на баржах плыл в Архангельск, возвращаясь домой в конце сентября. Мы же с матушкой все это время проводили, живя в Слободском», – вспоминал он²⁶⁹. Отец Александра Александровича – купец, получивший звание потомственного почётного гражданина, был «ха-

Мемуарист А. А. Прозоров

рактера... живого, экспансивного, вспыхивающий, но быстро отходящий», «отличался значительной силой»²⁷⁰. Мать – Августа Ильинична, родившаяся в многодетной купеческой семье Шмелёвых, – добрейшей души, кроткая, немного застенчивая, уравновешенная женщина. Семья жила в большом, двухэтажном каменном доме на Глазовской улице. «Отличительный наружный признак его, – отмечал мемуарист, – каменные львы на каменных воротах... Дом крайне благоустроенный, каких домов немного в Вятской губернии» (ранее он принадлежал купцу Н. З. Герасимову)²⁷¹. В доме имелись зал, гостиная, диванная, спальня, кабинет, две детские, столовая, бассейн. В его нижнем этаже располагалась контора «в четырех комнатах», «а в надворной стороне подвалы». Дом отличался роскошным интерьером – паркетные пол, «двери в вершок толщины, оклеены темным орехом», «в зале и гостиной с потолка спускались бронзовые люстры», массивная, резная мебель, чугунная лестница и т. д.²⁷²

Семьи Прозоровых и их ближайших родственников Шмелёвых, живших на одной улице, спешили «к молебну, всенощной, обедне», «делая из этого отчасти места общественного собрания»²⁷³. По воскресеньям и большим праздникам все родственники «после обедни» собирались у бабушки Екатерины Дмитриевны Шмелёвой – «чтобы ее поздравить». Своих детей Августа Ильинична воспитывала так, как было принято в её родительском доме. Детям она говорила, что «у них никаких ссор не было, а если возникали ссоры, то родители прутом наказывали как обидчика, так и жалобщика, говоря: “Вы родные, и ссор между вами быть не должно”»²⁷⁴. Из развлечений семьи Александр Александрович назвал устройство «елки»; «вечера... в именины отца, в октябре месяце», на которых «приглашенных бывало много, лакеи во фраках, посуды заготовлялось масса, чай разносили на громадных подносах, однажды даже играл оркестр музыки и танцевали»; игру в карты – «матушка моя любила поиграть в преферанс и в ненастную погоду сама ехала или приглашала к себе партнеров»; ловлю рыбы – «раз в неделю, а иногда и чаще ездили на свою мельницу за полторы версты от города, где был хорошенький домик, пруд и тенистый бор», «в пруде мы ловили удочками рыбу...»; иногда организовывались пикники с родственниками с выездом за город²⁷⁵. «В обычные дни жизнь шла тихо», – вспоминал Прозоров²⁷⁶.

В этой купеческой семье прослеживалось явно равнодушное отношение к образованию. Старшая сестра мемуариста, Екатерина, училась в Вятке в женской гимназии, а Александр Александрович – сначала «дома, у матери», затем – у бывшего смотрителя уездного училища,

который готовил его к поступлению во второй класс гимназии²⁷⁷. В 11 лет А. А. Прозоров стал гимназистом, жил в Вятке, потом – в Казани, где сдал экзамены экстерном за гимназию и учился на юридическом факультете университета. Его младший брат, Алексей, также поступил в гимназию, младшая сестра Раиса училась в пансионе Дубровиной в Казани.

Мемуарист в деталях рассказал об Я. А. Прозорове, своём дяде: «Когда мне пришлось познакомиться с Яковом Алексеевичем, ему было уже лет 60. Росту он был немного выше среднего, волосы имел тёмно-русые, твёрдые, носил их всегда гладко остриженными с косым рядом. Отличительной его привычкой было чесать затылок во всех случаях, когда ему приходилось задумываться или сосредоточиваться. Оставаясь один или играя в карты, он почти никогда не выпускал изо рта трубку табаку с длинным мундштуком. Черты лица его были правильные, но маловыразительные, а взгляд строго сосредоточенный»²⁷⁸.

Помимо сведений о широкой торгово-предпринимательской и благотворительной деятельности Я. А. Прозорова, в воспоминаниях содержатся интересные зарисовки его повседневной жизни. Сначала Яков Алексеевич жил с семьёй в Вятке, «в деревянном на каменном фундаменте доме», который «был для них мал и тесен»²⁷⁹. В начале 1870-х он построил на старом родовом месте, на углу улицы Николаевской и Александровской площади, роскошный особняк с парадным подъездом, получивший название «красный замок». Дом Прозоровых считали за честь посещать «все лица выдающиеся в городе или приезжие и принадлежащие к высшему служебному миру», в нём устраивались парадные завтраки, обеды и ужины²⁸⁰. Этими банкетами руководила семья купца. Сам же Яков Алексеевич выходил только к началу застолья, находясь до этого в своём кабинете. Будучи гимназистом, Саша, впоследствии автор мемуаров, как-то зашёл в кабинет дяди, где застал Якова Алексеевича сидящим в широком кресле перед письменным столом с трубкою в руках.

«Вот, ты видел, – сказал Прозоров, – от меня сейчас вышли рабочие и мой служащий – торговый приказчик. Вот этих людей я ценю, они труженики, и результат их работы – реальная польза. А те, в тех комнатах, что гудят и веселятся, – это одна вывеска. Вот посмотри: у меня лакей Михайло – франт, в течение дня раз пять переменяет одежду, видный собой, прекрасный выездной с каретой и докладом, а цена ему грош. Так научись, глядя на них, следовать примеру первых, а не гнаться за вторым»²⁸¹. Эти слова явились хорошим поучением для молодого родственника, и о них он не забывал всю жизнь.

Красный замок Я. А. Прозорова. С открытки

Запомнился мемуаристу и следующий урок: «Отец как-то меня, в возрасте лет 12-ти, когда я был на зимнем вакате, — пишет он, — послал в Вятку к дяде за деньгами. Я должен был получить несколько тысяч. Получив от Алексея Яковлевича (сына Я. А. Прозорова. — М. С.) пачки денег, я их сложил в саквояж и продолжал разговор. Минут 10 спустя он просит меня деньги ему возвратить, я вынул и отдал. Считает деньги — недостача, явление для меня непонятное. Доведя меня до слез, говорит, что, получая деньги, надо считать, что он с целью дать мне же урок нарочно вынул несколько кредиток, которые тотчас и вложил. Это был мой первый урок коммерческой грамоты. Позднее мой отец то же проделывал, посылая со мной деньги в контору из верхнего этажа в нижний, но я был уже осмотрительнее и не попадался впросак»²⁸².

Супруга Якова Алексеевича — Пелагея Семёновна, уроженка г. Лальска Вологодской губернии (из рода Угрюмовых), красивая в молодости женщина, в почтенном возрасте — седая, с редкими волосами до плеч — была выдержанной, всегда корректной, обходительной и располагающей к себе. «...Она внушала к себе общее уважение», — вспоминал Прозоров²⁸³. Являясь любителем театрального искусства, Пелагея Семёновна помогала местным артистам. В театре у неё была своя ложа.

Рассказывая о детях Я. А. и П. С. Прозоровых, Александр Александрович особо выделял Алексея – предпринимателя, служившего впоследствии председателем Петербургского биржевого комитета. А. Я. Прозоров был женат на потомственной дворянке А. Н. Мосоловой, «красивой брюнетке», которая, «выйдя замуж за коммерсанта, брак свой считала несколько низким для себя. Дом свой старалась поставить на возможную высоту, привлекая к себе все высшее, выдающееся, что имело влияние на всю ее дальнейшую жизнь... Супруг же ее старался возможно возвыситься»²⁸⁴. У Антонины Николаевны была ещё одна черта – она «обладала, кажется, всем, что требуется для светской жизни: играла хорошо на рояле, при слабом, но приятном голосе пела и отличалась особенной, ей свойственной манерой оказывать внимание окружающим и располагать к себе»²⁸⁵.

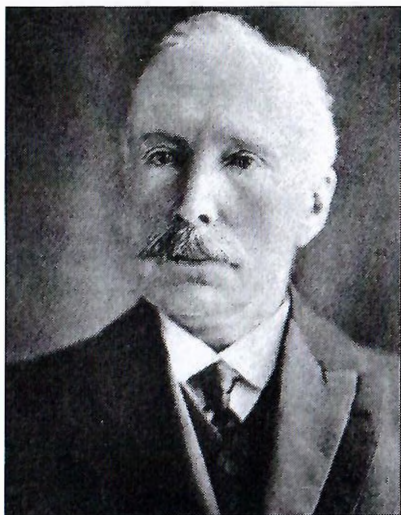
В конце 1870-х гг. «вся семья дяди переехала на житье в Петербург к великому удовольствию Антонины Николаевны»²⁸⁶. В столице контора их фирмы располагалась сначала на Михайловской площади, а спустя некоторое время – в собственном доме на Английской набережной. «...Уехав из Вятки, имея звание коммерции советника, затем, последовательно получая ордена Анны и Владимира, он в конце жизни был возведен в потомственное дворянское сословие...» – писал о своём дяде мемуарист²⁸⁷.

Жизнь этой семьи изменилась после смерти Якова Алексеевича. По завещанию общий капитал был разделён, и торговый оборот фирмы Прозоровых сократился. «Спустя несколько лет после смерти дяди, – вспоминал Александр Александрович, – мне с женой пришлось быть в Петербурге... Алексей Яковлевич тогда был уже председателем Биржевого комитета и имел чин действительного статского советника. Обширный кабинет его, весь отделанный узорчатыми темно-ореховыми фанерками, производил внушительное впечатление. Антонина Николаевна приобрела более важный, церемонный и официальный вид и добивалась представительства во дворец, чего, кажется, и добилась при посредстве министра Волконского, очарованного ею»²⁸⁸.

Колоритными являлись и портреты других представителей деловой элиты. А. А. Прозорова интересовало буквально всё, что связано с его героями, – внешность, одежда, общественная, торгово-предпринимательская деятельность, развлечения, собственность, личная жизнь. Одним из персонажей воспоминаний стал Т. Ф. Булычёв, с кем автора также связывали родственные отношения (старшая сестра А. А. Прозорова, Екатерина, вышла замуж за этого купца). Образование Тихон Филиппович

получил в немецкой школе в Архангельске, в молодые годы был человеком выдержанным, корректным, вежливым — «словом, завидный жених»²⁸⁹. Его свадьба проходила в родовом гнезде Булычёвых — в г. Орлове, и на бал в честь этого события «было приглашено все орловское общество»²⁹⁰. На свадьбе А. А. Прозорову запомнился «брат отца молодого, немой старик, ко всем пристававший, чтобы с ним говорили», он «подводил к столу и на нем писал мелом жалобу на брата, обидевшего его по каким-то расчетам, причем свистел и жестикулировал. А брат его, хозяин дома, Филипп Тихонович, крайне круп-

Купец Т. Ф. Булычёв

ный седой старик в это время, проходя, спрашивал: “Что, жалуется? Ну, пусть отводит душу, я ему не мешаю”»²⁹¹. На следующее утро был обед «исключительно для родственников и поезжан. За столом было не менее 30 человек... Старик-хозяин сидел в начале стола один...»²⁹².

Интересны обстоятельства, побудившие Т. Ф. Булычёва переехать на жительство в Вятку. В 1876 г. он был избран орловским городским головой и, «вступив в должность, задумал обновить состав канцелярии управы»²⁹³. Булычёвым был уволен с должности секретаря управы Ипатьев, которому Тихон Филиппович «дал... 25 руб. на поездку в Вятку для приискания места»²⁹⁴. Недовольный увольнением, Ипатьев на эти деньги купил револьвер и, присутствуя на вечернем заседании думы (он оставался секретарем городской думы), «вышел в другую комнату, а затем, обойдя сзади Булычева, выстрелил в него»²⁹⁵. Пуля вошла в спинку венского кресла, на котором сидел городской голова. После этого случая Тихон Филиппович «от службы отказался и переехал в Вятку»²⁹⁶.

В губернском центре Т. Ф. Булычёв купил дом, приобрёл дачу на берегу р. Вятки, позднее построил ткацкую фабрику и «большой дом в виде замка». Являясь купцом-пароходовладельцем и «будучи богатым человеком», — отмечает мемуарист, — он «отличался оригинальностью» — «никогда не имел при себе денег, а все капиталы хранил в конторе пароходства, чем и объясняется, что во время революционного перево-

Интерьер вестибюля особняка Т. Ф. Булычёва

Число, имя, отчество и фамилия, почтовый адрес, образование, звание, награды	Имя	Путь ли имени	Уд. получена	Место	№	Год
Отец, Александр Иванович, купец 1-й гильдии, почтовый помощник Вятской городской гильдии, с 1871 года в отставке.	Александр Иванович	Вятский	1871	Вятский	1871	1871
Мать, Мария Ивановна, купец 1-й гильдии, почтовый помощник Вятской городской гильдии, с 1871 года в отставке.	Мария Ивановна	Вятский	1871	Вятский	1871	1871
Дети: Александр Иванович, купец 1-й гильдии, почтовый помощник Вятской городской гильдии, с 1871 года в отставке; Мария Ивановна, купец 1-й гильдии, почтовый помощник Вятской городской гильдии, с 1871 года в отставке.	Александр Иванович, Мария Ивановна	Вятский	1871	Вятский	1871	1871
Воспитание получило домашнее.						
Избран и утвержден Орловским городским головой.						
Отказался от этой должности.						
Общество помощи помощи при наводнении Вятского уезда, учрежденное в 1871 году, состоящее под председательством И. И. Булычева, выдало ему, Булычеву, диплом за № 112 за право носить присвоенного чина Общества сорочичного знака.						
В 1879 году состоял классиком Вятской городской думы одно-трехлетия.						
Состоял старостой церкви Вятского городского прихода Владимирского Уездного Императора Марии Св.						
Главное Управление Общества помощи о раненых и больных воинах до войны против турок в 1877-1878 г.г., выдало ему, Булычеву, диплом установивший 10 августа 1879 г. ему Красного Креста для ношения на груди.						
Вятское Евангелие Святителя и Чудотворца Николая из общества собраний членом единогласно избрано его, Булычева, своим почетным членом.						
Состоял членом Попечительного Совета Вятского Мариинского женского училища.						
ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦА МАРИА СЕОРОГОВИЧЕВИЧЕВНА ЕДИНОГЛАСНО Утверждает его, Булычева, за звание почетного члена Вятского Губернского общества помощи раненым воинам, от правды ношения знака, должности присвоенного.						
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, согласно Указу Императора Александра II, в 1888 году ВОИНСКОМУ обществу, за усердием своим по уходу за ранеными воинами, удостоил его, Булычева, званием почетного члена Вятского Губернского общества помощи раненым воинам, от правды ношения знака, должности присвоенного.						

Из формулярного
списка
Т. Ф. Булычёва.
1915 г. ГАКО

рота, получив разрешение на выезд из города, он уехал с сотней рублей, а затем остался совсем без средств за реквизицией всего его имущества»²⁹⁷.

О конкуренте Т. Ф. Булычёва по пароходству, Якове Фомиче Тырышкине, в мемуарах говорится, что тот вначале был крестьянином и возил купеческие товары из Вятки в Нижний Новгород – «ходил за возами с кнутом в руках»²⁹⁸. Накопив капитал, он записался в купеческое сословие и обзавёлся пароходом, а затем, «женив сына на дочери вятского купца Василия Степановича Поскребышева, владел уже несколькими пароходами, после чего началась конкуренция пароходовладельцев»²⁹⁹. «Цены на проезд были сбиты до того,

Купец А. Я. Тырышкин

что... до Казани цена билета третьего класса спала до 1 руб. 50 коп. Про Тырышкина говорили, что у него в придачу дают еще булку и стакан водки», – вспоминал Александр Александрович³⁰⁰.

После смерти Якова Фомича, по завещанию, капитал «разделился между наследниками, и его сыну, Александру Яковлевичу, пришлось трудно оборачиваться в таком крупном деле, как товарищество пароходства. Пришлось принадлежащие ему акции распродавать и убавлять свою долю участия, притом же его чрезвычайная доброта и гостеприимство высоких особ оказали свою долю влияния»³⁰¹. А. Я. Тырышкин умер без средств в первые годы советской власти, «испытыв горю утраты на фронте сына». «Вспоминая его, – констатирует мемуарист, – скажешь: да, жизнь прожить – не поле перейти, и одной сердечности и доброты для жизни мало»³⁰².

Купцов-старообрядцев Лаптевых, также имевших крестьянские корни, А. А. Прозоров относил к числу «самых коренных жителей» Вятки³⁰³. Братья Михаил и Игнатий Лаптевы «ходили всегда в чуйках и высоких сапогах, причем Михаил всегда в синей, а Игнатий в черной. Михаил Дмитриевич, – продолжал мемуарист, – был немного выше среднего роста, крайне коренастый, с выдающимся брюшком, седой и с седой круглой бородой, с золотой медалью на груди... Игнатий Дмитриевич был выше ростом и не казался таким полным, имел рыжие волосы и очень длинную рыжую бороду»³⁰⁴. Лаптевы занимались кожевенным

производством и торговали лесом: «Бывало, едет Михаил Дмитриевич на пароходе, увидит плывущие плоты и выйдет на палубу, и громким голосом кричит: “Чьи плоты-то?”. “Лаптева”, – отвечают с плотов. Тогда он довольный, оборачиваясь к окружающим и поглаживая свою бороду и брюшко, говорит: “Мои плоты-то”»³⁰⁵.

Сын Михаила Дмитриевича, Трифон, продолжавший дела своего отца, по внешности был «европеец, а не старовер»³⁰⁶. Он жил в богато отделанной квартире, располагавшейся на собственном кожевенном заводе, и, хотя в общественной жизни города Трифон Михайлович «не играл никакой роли», но заставлял о себе говорить благодаря «роскошному выезду и его сменным компаньонкам»³⁰⁷. Этот купец «радушно угощал своих гостей, душил их шампанским, без которого он не обходился»³⁰⁸. Женат Т. М. Лаптев был на «староверке», рано умершей и не оставившей детей.

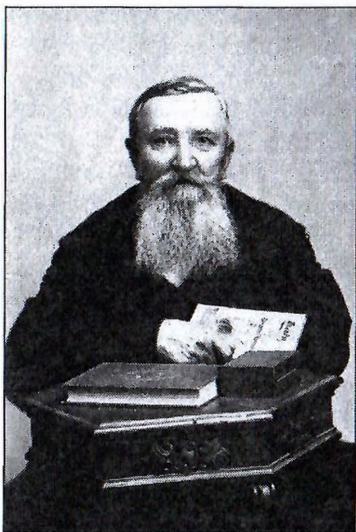
Наследниками Игнатия Дмитриевича, по словам Прозорова, стали трое сыновей – Иван, Порфирий и Кузьма. Самым состоятельным из них являлся Иван, имевший «вид общегражданский»³⁰⁹. Он «сочувствовал образованию», «появлялся в обществе», но «по скромности своей не желал выделяться»³¹⁰. Порфирий Игнатьевич «ничем не выдавался», «был в тени», зато другим по характеру человеком являлся Кузьма Игнатьевич. Последний «был немного выше среднего роста, грудь широкая, сам полный, щеки румяные, одевался всегда дома в чуйки и высокие сапоги, а в общество являлся франтом»³¹¹. Этот купец «знакомства... имел ограниченные со своей родней, людьми богатыми и с высшим начальством, любил покутить... шампанское у него лилось рекой...», «бывал он в клубе и в театре, и вообще, где было можно показать себя», играл в карты и «не любил проигрывать»³¹².

Дом Кузьмы Игнатьевича Лаптева был обставлен не только роскошно, но и «крикливо». У него стоял «хороший рояль, на котором никто не играл», имелся граммофон, перед камином лежала шкура белого медведя. На ней отдыхала и могла лёжа принимать посетителей его жена Парасковья Антоновна – родом из старообрядческой семьи, дочь сибирского пароходовладельца, худенькая блондинка, выписывавшая туалеты и блиставшая бриллиантами, любившая «лошадей и крепкие напитки». «После ужина, бывало, велит заложить тройку в розвальни и катается по городу или на свою дачу близ вокзала. Причем изредка забавляется, выталкивая своего соседа локтем в снег, что доставляло удовольствие всей компании», – вспоминал А. А. Прозоров и дополнял: «Выезд у них был парадный, лошади хорошие, словом, все делалось на показ и на прожигание жизни»³¹³.

Старообрядец Денис Фадеевич Зонов запомнился мемуаристу как «низенький старичок... ходивший всегда в русском кафтане, высоких сапогах... и сочувственно ко всему относящийся»³¹⁴. Вместе с тем, его сын, Александр Денисович, имел вид «европейского коммерсанта»³¹⁵. Купец Дмитрий Филимонович Чучалов, «из подмастерьев портных», открывший свою мастерскую и выписывавший материи из Варшавы, остался в памяти А. А. Прозорова «как ежедневный посетитель общественного собрания, страстно любивший игру в винт...»³¹⁶. Павел Петрович Клобуков «считался среди купцов самым аккуратным и степенным»³¹⁷. Станислав Осипович Якубовский «был человек добрый, незлобивый, оказывал материальную поддержку бедноте... Был женат на горничной... Благодаря умению вести дело он лично работал в кондитерской..., приобрел несколько каменных домов, был уважаем в обществе...»³¹⁸. Словом, воспоминания А. А. Прозорова дают обилие материала, связанного с повседневной жизнью прежде всего деловой элиты, выходцем из которой и был сам автор. Не понаслышке знавший особенности купеческого быта и порой до мелочей воссоздавая его, он стал, своего рода, летописцем общественно-культурной жизни Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Купеческие мемуары позволяют проследить некоторые мировоззренческие черты представителей этого сословия. Автор воспоминаний, Константин Игнатьевич Клепиков (1821–1907), предстаёт перед читателями глубоко религиозным и консервативным человеком. Наиболее ярко это прослеживается в его «Письме отца сыновьям и дочерям», являвшемся, по сути, завещанием Клепикова³¹⁹. Он советовал учить «детей своих, чтоб они жили по заповедям Божиим», воспитывать их в труде и «располагать ко всему хорошему, такому, что достойно было бы разумного человека. А чтобы быть хорошим человеком, надо быть истинным христианином»³²⁰. «Не так живи, как хочется, а как Бог велит», «Верующему в Бога и помнящему Его легко жить на свете», – напоминал автор³²¹. Клепиков, негативно относившийся к тем, кто поддерживал идеологию

Купец и мемуарист
К. И. Клепиков

левых, идущую, по его мнению, от неправильной жизни, полагал, что «трудно искушать человека, который верует в Бога». Предостерегал он и от увлечения «желанием добиться славы мирской», ибо и этот путь является грешным³²². Такими же мыслями навеяно родительское наставление, помещённое в «семейном списке Константина Игнатьевича Клепикова»³²³. Клепиков с большим почтением относился к людям, побывавшим на поклонении святым в Соловецком монастыре³²⁴. Многие родители, в том числе – купцы, посылали туда своих сыновей перед женитьбой и, конечно, бывали в монастыре сами.

Не осталась без внимания Константина Игнатьевича и проблема упадка, с его точки зрения, нравов. «Прежде была простота, доброта, послушание и повиновение старшим, был порядок, как в общественной, так и в семейной жизни, чего ныне не увидишь и не услышишь», – писал он³²⁵.

Небезынтересной была жизнь самого автора, штрихи которой известны по его воспоминаниям. Как и многие местные купцы, Константин Игнатьевич являлся выходцем из крестьянской семьи³²⁶. Его отец был «неграмотным, но очень религиозным», и именно он, послушав доброго купеческого совета, повёз младшего из трех своих сыновей, Константина, учиться. Премудрости грамоты К. И. Клепиков постигал сначала у пожилой мещанки в г. Орлове, а впоследствии – в Котельничском приходском и уездном училищах. Он не скрывал своего желания учиться дальше, и после получения аттестата в уездном училище через год, в 1834 г., его приняли на учёбу в Вятскую мужскую гимназию, причём «во время учения моего в гимназии, – указывает К. И. Клепиков, – не было ни одного гимназиста из крестьян». Однако и Константину окончить это учебное заведение не удалось. Он выбыл из гимназии из пятого класса «по неимению средств и слабости здоровья». На этом его обучение завершилось. Дальнейшим учителем для Константина Игнатьевича стала самостоятельная жизнь.

После учёбы он остался в губернском центре и почти 20 лет служил у вятских купцов первой гильдии и почётных граждан Репиных, являясь их главным доверенным лицом. Репины вели торговлю в российских городах и за границей, занимались общественной деятельностью. По торговым делам К. И. Клепиков побывал во многих крупных торговых центрах, особенно часто выезжал в Архангельскую, Казанскую, Нижегородскую, Вологодскую, Ярославскую губернии, в столичные города – Москву и Петербург. Постепенно он скопил и свои капиталы, позволившие ему записаться во вторую купеческую гильдию. Своеобразным показателем предпринимательской деятельности Клепикова являются сле-

дующие строки, написанные им в конце жизни: «За все время моей жизни по торговле и промышленности должным никому не состою, в штрафах и под судом не бывал».

Примечательным фактом в жизни К. И. Клепикова явился разработанный им проект налоговой реформы. Его рассудительная и деятельная натура побудила составить предложение об обложении акцизом «фосфорных зажигательных спичек», которое в 1862 г. было отправлено на рассмотрение в министерство финансов, но проект К. И. Клепикова, несмотря на явную государственную выгоду, поддержки в столице не нашёл, так как, по сообщению департамента податей и сборов, «сбор по сему предмету признан неудобным». Однако позже, в конце века, по реформам С. Ю. Витте вводятся налоги на товары массового спроса, в том числе и на спички. «В настоящее время, – писал в 1902 г. Клепиков, – акциз со спичек дает казне, никому не в отягощение, большой доход». Таким образом, проект К. И. Клепикова, возможно, уже забытый, в конечном итоге государством был реализован.

Как человек деловой, Клепиков сожалел об упадке во второй половине XIX в. торговли Вятки с Архангельским портом и в то же время высоко оценивал новшества – расширение пароходного сообщения, постройку Пермь-Котласской железной дороги, благоустройство губернского центра. «Благодаря Пермь-Котласской железной дороге граждане города Вятки, имея в виду расширение торговых дел, построили вновь дома, для приезжающих номера, магазины и лавки для торговцев», – сообщал мемуарист³²⁷. В целом же на перспективу развития Вятки Клепиков смотрел оптимистично. В его мемуарах неоднократно повторяются слова: «Вообще будущность Вятки обещает много хорошего»³²⁸.

С молодых лет Константин Игнатьевич проявлял активность не только в экономической жизни региона, но и в общественных делах. Он служил в словесном суде, избирался заседателем в Вятский городской магистрат. В годы Крымской войны Клепиков помогал в работе комитету по обмундированию ратников. «Для заготовки материалов были приглашены почетные купцы, а я для приёма материалов и разных поручений... Трудился я безвозмездно и не просил никакой награды», – отмечал он. В 1880-е гг. К. И. Клепиков служил старостой в Предтеченской церкви Вятки. Проявив усердие и ревностную заботу о храме, он был награждён грамотой от Синода.

На склоне лет Константин Игнатьевич всё чаще стал задумываться над тем, что останется после него потомкам. Свои наблюдения и жизненный опыт он постарался обобщить в мемуарах, которые были опубликованы при жизни автора. Вятский старожил, как себя называл Кле-

пиков, писал о темах, прежде всего, близких ему самому, – о торговле, о купцах (он характеризует коммерческую деятельность купцов Т. Ф. Булычёва, Я. Ф. Тырышкина, Александровых, Я. А. Прозорова и других³²⁹), о развитии пароходства и т. д.

Некоторые черты биографии К. И. Клепикова роднили его с автором воспоминаний, купцом, уроженцем г. Орлова Афанасием Васильевичем Булычёвым (1827–1902). Те же крестьянские корни, учёба на дому, а затем – в приходском и уездном училище, невозможность обучения в гимназии (он поступил в немецкую школу мадам Дрезден, «очень почтенной и доброй старушки», в Архангельске, но её не окончил), служба приказчиком. Черты характера А. В. Булычёва определились с детства религиозным воспитанием: «Отец мой, – вспоминал он, – любил молиться дома. Не пропускал воскресных и праздничных служб, иногда за всюнощной читал шестопсалмие, также и меня почти каждую службу таскал с собою.; говеть приучили нас ежегодно с восьмилетнего возраста»³³⁰, а после отъезда в Архангельск место его «родителей и защитников на всю жизнь» занял «маленький карманный образ преподобных Зосимы и Савватия», данный отцом в благословение³³¹, и, наверное, не случайно, что свой земной путь Афанасий Васильевич, успешный предприниматель, учредитель пароходства, благотворитель, закончил иноком в Соловецком монастыре.

Соглашаясь с мнением Б. Б. Кафенгауза, что в купеческих мемуарах большой акцент делается, прежде всего, на бытовые зарисовки³³², стоит отметить, что эти воспоминания обширны по тематике. С налётом субъективизма, присущего данному виду исторического источника в целом, в них освещались, как мы видели выше, вопросы экономической, общественной, культурной жизни, раскрывались некоторые мировоззренческие черты предпринимательского слоя населения.

Подводя итоги, отметим, что повседневная жизнь купечества теснейшим образом переплеталась с его профессиональными занятиями, являвшимися основой благополучия любого представителя делового сообщества и характеризовавшими уклад жизни таких видных предпринимателей, как Рязанцевы, Прозоровы, Булычёвы, – главных действующих лиц мемуарных повествований. Особое место в них занимает тема торговли с Архангельском, что ещё раз подчёркивает значимость этого портового города в экономическом развитии северо-востока Европейской России.

Успешность текущих торгово-предпринимательских занятий, преемственность гильдейских капиталов, проведение досуга обеспечивала семья – стержень деловой и бытовой жизни регионального купечества.

Часто сохраняя патриархальные устои, многодетные купеческие семьи характеризовались длительным совместным проживанием и тесным социальным взаимодействием в профессиональной сфере родителей и детей.

Наши материалы позволяют говорить и о брачных союзах представителей различных купеческих фамилий, причём в масштабах не только одного города и региона, но и территорий, имевших с Вятской землёй постоянные экономические связи. Объединяя выходцев из широких слоёв населения – дворян, мещан, крестьян, купеческие семейные кланы обеспечивали свою экономическую и социальную устойчивость и, тем самым, не теряли не передававшийся по наследству гильдейский статус.

Интересны дошедшие до нас мемуары и с точки зрения характеристики гендерных аспектов. Одними из действующих лиц воспоминаний являются купеческие жёны, образ которых сочетал в себе религиозное начало, благочестие, кротость и одновременно твёрдость характера, самостоятельность, умение постоять за себя и взять ответственность за свою семью. Женщины из гильдейских семей предстают в мемуарах хранительницами, прежде всего, семейных традиций, связанных со старым укладом русской жизни. Вместе с тем, эпоха капиталистической модернизации несколько меняет их, казалось, средневековое сознание. Жёны состоятельных купцов, как, например, Пелагея Семёновна Прозорова, – это и светская дама, яркий общественный деятель, благотворитель и меценат.

Судя по воспоминаниям, долго сохраняя элементы традиционного уклада (глубокую религиозность, патриархальность семейной жизни, внешнего вида), повседневная жизнь регионального купечества, постепенно, год от года неуклонно вбирала в себя и тягу к знаниям, и более серьёзное отношение к образованию. Со временем в большинстве своём гильдейские предприниматели осознавали необходимость получения не только домашнего, но и среднего, и высшего образования.

Другой чертой, характеризовавшей быт деловой элиты региона, – стало сближение во многих проявлениях с образом жизни дворянства, стремление к роскоши, особенно ярко проявившиеся во второй половине XIX – начале XX в. Местные купцы покупали и строили большие каменные с богатыми интерьерами дома, имели загородные усадьбы, окружали себя прислугой, разъезжали по торжественным и праздничным дням «в каретах на четверках с форейтором и лакеем»³³³. Расширялся также круг их развлечений. Во второй половине XIX столетия купцы посещали общественные собрания, театры, устраивали у себя приёмы и балы, любили карточную игру.

Повседневная жизнь купечества была неотделима от общественно-культурной жизни региона в целом. Проявляя себя в благотворительности, в деятельности органов местного самоуправления, развитии культуры, представители деловой элиты стали носителями основ буржуазного уклада с его демократизацией социально-экономического и политического устройства страны, наблюдавшейся в пореформенный период и в начале XX в. В мировоззренческом плане гильдейские предприниматели прошли путь от осознания своих, узкосословных интересов до понимания и нередко отождествления себя с такими явлениями, как «общественное дело», «общественная польза», «общественное благо», а некоторые из них проявили склонность к мышлению в масштабах государства (тот же К. И. Клепиков, разработавший в эпоху великих реформ проект налоговой реформы). Происходившие изменения в повседневной жизни купечества неразрывно были связаны и с развитием общего культурного процесса в стране, отражали черты модернизации менталитета россиян в целом, но в отличие, например, от дворянства торговое сословие в силу своей открытости и неустойчивости являло собой нередко противоречивый образ. Источники зачастую рисуют неоднозначный, сочетававший различные качества социокультурный портрет гильдейского предпринимателя. Консерватизм и одновременно интерес ко всему новому, передовому; бережливость, часто граничащая со скупостью, и, вместе с тем, желание участвовать в широкой общественной жизни; слабая образованность одних и гимназическое или университетское образование других; типично крестьянский внешний вид одной части и европейский – другой – вот некоторые черты, характеризовавшие облик регионального купечества.

Противоречивость его портрета выражалась и в том, что, с одной стороны, этот слой населения ярко высвечивал процессы сближения сословий в рамках формирования буржуазного общества на основе традиций европейской культуры, а, с другой, он в своей повседневной жизни прочно сохранял и элементы собственной культуры, основанной на глубокой религиозности и патриархальности семейных отношений. Проявления последних в условиях невысоких темпов развития капиталистических отношений на северо-востоке Европейской России были весьма ощутимы.

Конец XVIII – начало XX века – это время исканий деловой элитой своего места в общественно-культурном и политическом пространстве России и одновременно формирования у купечества особой системы культурных ценностей, стереотипов поведения, моделей восприятия действительности.

Примечания

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 94. По Далю, «благотворец», «благотворитель», или «благотетель», «благотопатель» – это человек «творящий, делающий добро другим» (Там же). По мнению современных исследователей, благотворительность – это «добровольная социальная деятельность, связанная с безвозмездной передачей материальных ценностей, в том числе и созданных трудом в процессе самой благотворительной деятельности, и направленная на достижение большего социального благополучия» (Соколов А. Р. Российская благотворительность в XVIII–XIX веках : (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 153). Г. Н. Ульянова полагает, что «до сих пор чётких границ понятия благотворительность в русском языке не существует... Строго говоря, только оказание бескорыстной помощи частными лицами частным же лицам можно называть благотворительностью в полном смысле слова» (Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005. С. 19). Термин «благотворительность» соотносится с понятием «филантропия» (см.: Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. С. 534; Ожергов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов. М., 1990. С. 849).

² Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 439; Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 11–15; Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. Т. 1. Казань, 2001. С. 78, 84–85, 90–91, 122–128, 178–180 и др.; Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 20–24.

³ Отечественная история : энциклопедия : в 5 т. Т. 1. М., 1994. С. 240.

⁴ Россия, 1913 год : стат.-док. справочник. СПб., 1995. С. 381

⁵ Цит. по: Бурышкин П. А. Москва купеческая : мемуары. М., 1991. С. 117.

⁶ Там же. С. 116.

⁷ История предпринимательства в России. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 437; Перхавко В. Б.: 1) Купечество и каменное строительство в Москве во второй половине XV–XVI веке // Российское купечество от средних веков к новому времени : тез. докл. науч. конф. М., 1993. С. 15–17; 2) Первые купцы российские. М., 2004. С. 101–103, 174–185.

⁸ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 433–437; 1000 лет русского предпринимательства : из истории купеческих родов. М., 1995. С. 25–27.

⁹ Рязанцев Д., протоиерей. Вятский Преображенский девический монастырь : история и современное его состояние. М., 2005. С. 11–12.

¹⁰ Сохранился текст договорной записи, данной Машковцеву местными каменщиками, в которой наряду с техникой работ по сооружению нового церковного здания оговаривался и размер денежной суммы за постройку: каменщики «рядили к него, Гаврила, за ту работу 65 рублей денег, а задатку взяли 30 рублей» (Тр. ВУАК, 1906. Вып. V–VI, отд. III. Вятка, 1907. С. 30–32).

¹¹ Историческое описание церквей г. Вятки // Столетие Вятской губернии, 1780–1880 : сб. материалов к истории Вят. края. Т. I. Вятка, 1880. С. 197.

¹² Сырцов И., протоиерей. История Донской-Стефановской церкви города Вятки (1721–1914) // Тр. ВУАК, 1915. Вып. I, отд. III. Вятка, 1915. С. 16–19. Среди его пожертвований также были: пять колоколов, два креста на престольных, один – «серебряный вызолоченный с финифтяными штуками», другой – «поменьше, серебряный же вызолоченный с черными с обеих сторон штуками и с пятью по надписям мощами святых», «полное священническое и диаконское облачение желтой материи», большие серебряные сосуды, серебряное кадило (Там же. С. 17–18).

¹³ Торжественное освящение собора состоялось в октябре 1864 г. Крупные пожертвования на строительство этого храма вносились и купцами (Вятки): Машковцевым, Рязанцевым, Коровасевым, Падериным, Митягиным, а также уездных городов – Александровым (Слободской), Стахеевым, Черновым (Елабуга). Об этом сообщается в книгах: Историческое описание церквей г. Вятки // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 191–194; Александро-Невский собор в городе Вятке. 2-е изд. Вятка, 1903. С. 16–18; ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 36. Л. 142–143.

¹⁴ Вятские губернские ведомости. 1881. 25 февр. (№ 16).

¹⁵ Там же; Ратьков-Рожнов В. А. Выдающийся благотворитель г. Вятки Я. А. Прозоров // Вятские епархиальные ведомости. 1896. 1 февр. (№ 3, отд. неофиц.).

¹⁶ Сырцов И., протоиерей. Указ. соч. С. 63.

¹⁷ Чураков Д., диакон. Слободские храмы и монастыри // Город Слободской. Пять столетий истории : ист.-стат. сборник. Киров, 2005. С. 533–538; Рогожников О. В. Церкви города Слободского // Там же. С. 539–542.

¹⁸ Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880) : по «Вят. губ. ведомостям» // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 8; Семибратов В. К. В величии любви и правды // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 11.

¹⁹ Там же.

²⁰ Панькова С. Н.: 1) Купцы Кардаковы: годы и судьбы // Купечество вятское. С. 124; 2) Купцы с Примоломья // Герценка: вятские записки. Вып. 1. Киров, 2000. С. 106, 114; Большаков С. Д. История города Котельнича. Котельнич, 2006. С. 44–45.

²¹ Карпов В. Б. Уржум // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Киров, 1994. Т. 1 : Города. С. 222.

²² Вятские епархиальные ведомости. 1904. 1 июля (№ 13, отд. неофиц.).

²³ Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 181–182.

²⁴ Там же. С. 182.

²⁵ Быкова Е. В. Иконы из иконостаса старообрядческой молельни города Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (к 625-летию г. Кирова) : материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 340–342.

²⁶ Ратьков-Рожнов В. А. Указ. соч. С. 8.

²⁷ Золотые страницы купечества. Т. 2. Казань, 2001. С. 186.

²⁸ Власов П. В. Указ. соч. С. 11–13.

²⁹ Там же. С. 16. В XVIII в. в Вятском Успенском Трифоновом монастыре существовала больница, располагавшаяся в двух каменных кельях, в которой, по предположению П. Н. Луппова, проходили лечение и инвалиды, отставные во-

инские чины, находившиеся на монастырском содержании (Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 150).

³⁰ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 1. С. 101.

³¹ ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 27 об.

³² Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 33.

³³ Там же. Ф. 583. Оп. 600. Д. 82. Л. 66.

³⁴ Там же. Ф. 582. Оп. 44. Д. 17. Л. 1.

³⁵ Там же. Л. 43 об.

³⁶ Там же. Л. 47.

³⁷ Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 351.

³⁸ Благотворительные учреждения Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. III. Вятка, 1884. С. 128–129.

³⁹ Бехтерев Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. Т. II. Вятка, 1880. С. 407–408.

⁴⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 8; Благотворительные учреждения Вятской губернии. С. 129.

⁴¹ ГАКО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 99. Л. 60–81 об.

⁴² Там же. Л. 77.

⁴³ Благотворительные учреждения Вятской губернии. С. 131–132.

⁴⁴ Там же. С. 131.

⁴⁵ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 701. Л. 176–176 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 582. Оп. 2-н. Д. 211. Л. 4.

⁴⁷ Вятские губернские ведомости. 1900. 1 янв. (№ 1, прил.).

⁴⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 36. Л. 141–143.

⁴⁹ Благотворительные учреждения Вятской губернии. С. 135.

⁵⁰ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875. С. 275–276.

⁵¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1066. Л. 3; Оп. 28. Д. 39. Л. 9–9 об.; Благотворительные учреждения Вятской губернии. С. 138–140.

⁵² Благотворительные учреждения Вятской губернии. С. 140–141.

⁵³ Там же. С. 140.

⁵⁴ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 701. Л. 176–176 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 582. Оп. 97. Д. 103. Л. 1–1 об.

⁵⁶ Вятские губернские ведомости. 1891. 26 окт. (№ 86).

⁵⁷ Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880) : по «Вят. губ. ведомостям» // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 37–38.

⁵⁸ Там же. С. 38.

⁵⁹ Есиева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.). Набережные Челны, 2007. С. 133–136.

⁶⁰ Там же; Котлова Л. А., Крапоткина И. Е., Маслова И. В. Очерки истории здравоохранения города Елабуги (XIX–XX вв.). Елабуга, 2007. С. 25–26.

⁶¹ Касанов С. А., Куковякин С. А. Очерки благотворительной и милосердной деятельности в Вятском крае. Киров, 1998. С. 38–68.

⁶² Там же. С. 49–50, 52.

⁶³ ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 828. Л. 6.

⁶⁴ ГАКО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 9. Л. 12–12 об., 14. Наибольшие суммы выделили: Александр Машковцев (100 руб.), Иван Рязанцев (50 руб.), Яков Караваев (50 руб.).

⁶⁵ Там же. Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 8 об.; Вятские губернские ведомости. 1881. 25 февр. (№ 16).

⁶⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 32. Д. 45. Л. 5–6. Всего в списке – 44 благотворителя, из них купцов – 21, остальные – духовные лица православного вероисповедания и мусульмане, чиновники, крестьяне, врачи, учителя, мещане.

⁶⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 34. Д. 10. Л. 7 об.–8; Булычёвы // 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995. С. 373–374.

⁶⁸ Вятские губернские ведомости. 1891. 26 окт. (№ 86); 9 нояб. (№ 90).

⁶⁹ Журналы Слободской городской думы 1891 года. Вятка, 1892. С. 47.

⁷⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 155. Л. 112–112 об.

⁷¹ Вятские губернские ведомости. 1890. 9 июня (№ 46).

⁷² Там же.

⁷³ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 180. Л. 109.

⁷⁴ Вятская речь. 1912. 26 авг. (№ 188).

⁷⁵ В списке благотворителей значится около 30 купеческих фамилий. Крупные суммы внесли Афанасий Машковцев с братьями – 1000 руб., семья Рязанцевых – 1000 руб., Пётр Аршаулов – 500 руб., остальные пожертвовали от 10 до 200 руб. (Вятская речь. 1912. 26 авг. (№ 188)).

⁷⁶ В частности, благотворительная помощь собиралась на призрение семей, пострадавших от нашествия врага. Купцы г. Слободского пожертвовали 330 руб. «при торжестве на вступление российских войск за Рейн... на инвалидов, раненых в 1814 году» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 4. Л. 135 об.).

⁷⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 4. Л. 167–167 об.

⁷⁸ Там же. Л. 81.

⁷⁹ Вятская речь. 1912. 1 сент. (№ 191).

⁸⁰ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 358.

⁸¹ Бехтерев Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. Т. II. Вятка, 1880. С. 485–489.

⁸² Там же. С. 485. Отдельно производились также сборы на ополчение, «в пользу морских чинов, защитников Севастополя».

⁸³ Шишкин И. В. История города Елабуги. Репр. воспр. изд. 1871 г. Елабуга, 1991. С. 46.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Вятские губернские ведомости. 1866. 15 нояб. (№ 91); ГАКО. Ф. 630. Оп. 3. Д. 17. Л. 101–102.

⁸⁶ Касанов С. А. Дорогой милосердия: от Вятки до Балкан (1867–1914). Киров, 1992. С. 36. В июле 1879 г. Т. Ф. Булычёв получил «Высочайше установленный... знак Красного Креста для ношения на левой стороне груди (Васильев М. Г. История вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С. 292).

⁸⁷ Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880) // Столетие Вятской губернии. Т. II. С. 151.

⁸⁸ Касанов С. А. Дорогой милосердия. С. 37.

⁸⁹ Касанов С. А. Из истории Вятского благотворительного общества. Киров, 2004. С. 37.

⁹⁰ Благотворительная деятельность населения губернии и расходы городов в 1904 г. по случаю войны с Японией // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Отд. II. Вятка, 1906. С. 102.

⁹¹ Там же. С. 99–102.

⁹² Семейный список Константина Игнатьевича Клепикова. Вятка, 1903.

⁹³ Благотворительная деятельность населения губернии и расходы городов в 1904 г. С. 101.

⁹⁴ Вятская речь. 1914. 29 авг. (№ 188).

⁹⁵ Вятское общество помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 г., а также и семьям нижних чинов, состоящих на действительной военной службе // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1915 год. Отд. III. Вятка, 1915. С. 56; Вятская речь. 1914. 19 авг. (№ 179).

⁹⁶ Вятское общество помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения. С. 55.

⁹⁷ Торжественное открытие дома состоялось 20 мая 1915 г. (Дом инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 годов, устроенный Вятским Обществом помощи семьям запасных. Вятка, 1915. С. 5–6).

⁹⁸ Строительство особняка обошлось Булычёву в 300 тыс. руб., продан же он был за 100 тыс. руб. с условием, «чтобы все благотворительные учреждения, которые когда-либо будут находиться в этом доме, носили его, Т. Ф. Булычева, имя»; находился «под Высочайшим покровительством Государя Императора Николая Александровича» (Дом инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 годов. С. 5–7, 10–11; Касанов С. А., Куковякин С. А. Указ. соч. С. 69–91).

⁹⁹ Дом инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 годов. С. 25 (Прил.).

¹⁰⁰ О деятельности Вятского местного управления Российского общества Красного Креста за время войны 1914 года // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1915 год. Отд. III. С. 18.

¹⁰¹ Вятская речь. 1914. 3 сент. (№ 191).

¹⁰² Там же. 27 авг. (№ 186).

¹⁰³ ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Л. 7.

¹⁰⁴ О деятельности Вятского местного управления Российского общества Красного Креста. С. 27.

¹⁰⁵ Вятская речь. 1917. 26 сент. (№ 206); 28 сент. (№ 207). Деятельность местного купечества в этот период характеризуется также в статье С. В. Казаковцева «Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны» (Вопросы истории. 2008. № 7. С. 136–142).

¹⁰⁶ Вятская речь. 1914. 12 сент. (№ 198); 16 сент. (№ 201).

¹⁰⁷ Там же. 13 сент. (№ 199).

¹⁰⁸ По данным на 1 января 1899 г., в Российской империи насчитывалось 7349 благотворительных обществ (Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 1. СПб., 1900. С. 1).

¹⁰⁹ Бехтерев Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. Т. II. С. 409–410.

¹¹⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 461. Л. 4.

¹¹¹ Там же. Л. 6.

¹¹² Отчет Вятского благотворительного общества, состоящего под высочайшим ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны покровительством за 1896 год. Вятка, 1897. С. 3.

¹¹³ Отчет Вятского благотворительного общества за 1875 год. Вятка, 1876. С. 1–2; Отчет ... за 1895 год. Вятка, 1896. С. 3–8, 11; Отчет ... за 1903 год. Вятка, 1904. С. 3–6; Отчет ... за 1910 год. Вятка, 1911 год. С. 3–6.

¹¹⁴ Отчет Вятского благотворительного общества за 1875 год. С. 2.

¹¹⁵ Отчет ... за 1875 год. С. 1; Отчет ... за 1895 год. С. 4; и др.

¹¹⁶ Отчет ... за 1877 год. Вятка, 1878. С. 27–28.

¹¹⁷ Отчет ... за 1895 год. С. 9–10; ГАКО. Ф. 582. Оп. 143. Д. 293. Л. 14 об.

¹¹⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 143. Д. 293. Л. 15 об.; Касанов С. А. Из истории Вятского благотворительного общества. С. 49, 53.

¹¹⁹ Касанов С. А. Из истории Вятского благотворительного общества. С. 49–52, 61.

¹²⁰ Рафиков А. М. Представители купеческого рода Альмухаметовых в Елабуге // Краеведение в развитии провинциальной культуры России : материалы 2-й науч. конф. Киров, 2009. С. 233.

¹²¹ Касанов С. А. Из истории Вятского благотворительного общества. С. 20.

¹²² ГАКО. Ф. 582. Оп. 143. Д. 293. Л. 6, 18, 23; Благотворительные учреждения Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. III. Вятка, 1884. С. 145; Прикамский край. 1907. 8 дек. (№ 112); и др.

¹²³ Благотворительные учреждения Вятской губернии. С. 145.

¹²⁴ ГАКО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 106. Л. 6 об.–7.

¹²⁵ Там же. Л. 66–66 об.

¹²⁶ Там же. Ф. 582. Оп. 143. Д. 293. Л. 38; Маслова И. В. Купеческая династия Стахеевых. Елабуга, 2007. С. 90–104; В г. Елабуге действовал также Черновский благотворительный комитет, имевший значительные капиталы (Валеев Н. М. Елабужские благотворители // Вятский епархиальный вестник. 1993. № 3).

¹²⁷ Маслова И. В. Указ. соч. С. 91.

¹²⁸ Н. М. Валеев сообщает, что в 1904 г. на счетах Стахеевского благотворительного комитета было свыше 2 млн руб. (Валеев Н. М. Елабужские благотворители).

¹²⁹ Маслова И. В. Указ. соч. С. 95.

¹³⁰ Кошесова В. И. Время собирать камни : (купцы Прозоровы и благотворительность). Вятка, 2001. С. 22.

¹³¹ Там же. С. 22–28; Сборник статей вятского старожила К. И. Клепикова. Вятка, 1899. С. 16.

¹³² Прозоров пожертвовал 6000 руб. с условием «чтобы 1/5 часть % присоединялась к основному капиталу, а 4/5 % выдавалось в пособие бедным девицам г. Вятки всех сословий при выходе их в замужество, по 10 руб. каждой», Кайгородцев выёс 1000 руб., а его наследники – 500 руб. для «выдачи процентов с означенного капитала бедным гражданам, по усмотрению думы», Плюсин пожертвовал 400 руб. «в пользу Слободской городской богадельни с условием, чтобы жертвуемый капитал оставался неприкосновенным, а в расход употреблялись одни только проценты с него»; и т. д. (Благотворительные учреждения Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. III. Вятка, 1884. С. 146–147; Журналы Слободской городской думы 1885 года. Вятка, 1886. С. 44; Журналы Орловской городской думы Вятской губернии 1890 года с приложениями. Вятка, 1891. С. 32).

¹³³ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 412. Л. 8-а.

¹³⁴ Там же. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 153.

¹³⁵ Там же. Ф. 574. Оп. 2. Д. 412. Л. 8-а. Кроме того, было решено «заказать и поставить в пожертвованном Павлом Петровичем доме его портрет, писанный масляными красками», «возбудить ходатайство... о присвоении пожертвованному дому для бедных имени П. П. Клобукова» (Там же).

¹³⁶ В 1899–1900-е гг. попечителем 3-го участка являлся купец С. О. Якубовский, 7-го – купец Я. Ф. Тырышкин, 8-го – потомственный почётный гражданин И. В. Рязанцев, 10-го – купец И. И. Лаптев, 11-го – купец, директор Общественного Ф. Веретенникова банка И. Н. Желудков (ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 412. Л. 8-а).

¹³⁷ Там же; ГАКО. Ф. 582. Оп. 143. Д. 293. Л. 15.

¹³⁸ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 412. Л. 8-а.

¹³⁹ Рафиков А. М. Указ. соч. С. 232.

¹⁴⁰ Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 1. СПб., 1900. Табл. II.

¹⁴¹ ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 13. Л. 6–13; Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. Т. II. С. 622–623. Денежные суммы на открытие этой гимназии внесли также купцы городов Вятки, Нолинска, Котельнича, Елабуги, Сарапула, Слободского, Орлова, Глазова, Малмыжа, Кая, Яранска.

¹⁴² Там же. С. 651.

¹⁴³ Большаков С. Д. Указ. соч. С. 44.

¹⁴⁴ Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880) // Столетие Вятской губернии. Т. I. С. 7.

¹⁴⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1066. Л. 2–2 об.

¹⁴⁶ Вятский вестник. 1906. 26 окт. (№ 231); Васильев М. Г. Указ. соч. С. 365.

¹⁴⁷ Бехтерев Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. Т. II. С. 460–461.

¹⁴⁸ ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 1265. Л. 45–49.

¹⁴⁹ Вятские спархияльные ведомости. 1904. 1 июля (№ 13).

¹⁵⁰ Здание Елабужского епархиального женского училища было построено Глафирой Фёдоровной Стахеевой в память о муже, умершем в 1896 г., и стоило ей свыше 400 тыс. руб. серебром (Валеев Н. М. Елабужские благотворители).

¹⁵¹ Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880) // Столетие Вятской губернии. Т. 1. С. 96.

¹⁵² Вятская речь. 1914. 5 июля (№ 144).

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1066. Л. 2 об.

¹⁵⁵ Вятский вестник. 1907. 26 июля. (№ 158). Существенная помощь в организации коммерческого образования в тот период оказывалась Т. Ф. Булычёвым и сыном Д. Ф. Зоновым – Александром Денисовичем.

¹⁵⁶ Вятская речь. 1917. 7 окт. (№ 215).

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Валеев Н. М., Валеева Н. Г. Елабуга, Харбин, Сидней. Казань, 2007. С. 41.

¹⁵⁹ Там же. С. 61.

¹⁶⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 220. Л. 1.

¹⁶¹ Там же. Л. 17.

¹⁶² Хохлов А. А. Роль вятских купцов в благоустройстве губернского центра // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов. Вып. 2. Киров, 2009. С. 78–80; ГАКО. Ф. 587. Оп. 19. Д. 21. Л. 86–86 об.

¹⁶³ Соколов А. Р. Указ. соч. С. 155.

¹⁶⁴ ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 4938. Л. 8; ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 39; Васильев М. Г. Указ. соч. С. 292–295.

¹⁶⁵ Так, портреты купцов-благотворителей (Т. Ф. Булычёва, Т. М. Лаптева и др.) были установлены в аванзале Дома инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 гг. (Дом инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 годов. С. 16, 21–22). Один из обедов, устроенных общественностью, состоялся в г. Елабуге 10 ноября 1874 г. в честь купца-благотворителя Дмитрия Ивановича Стахеева. В его адрес высказывались слова благодарности, а после выступления виновника торжества, говорившего о необходимости «озаботиться об образовании юношества», присутствующими купцами были сделаны пожертвования (Столетие Вятской губернии. Т. 2. С. 133–134); В здании елабужских уездного и женского училищ имелась доска: «Дом этот пожертвован уездному и женскому училищам Елабужским потомственным почетным гражданином первой гильдии купцом Капитоном Яковлевичем Ушковым. 8 сентября 1860 г.» (Есиева И. В. Указ. соч. С. 129); Звание почётный гражданин г. Елабуги имел И. И. Стахеев (ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 220. Л. 11). Вставанием 8 января 1898 г. благодарили гласные Слободской городской думы купца В. А. Лихачёва (тоже гласного) за пожертвование «в пользу Слободской городской богадельни 500 руб., заключающихся в билете Анфилатовского банка, на котором им сделана следующая надпись “передаю в полную собственность в Слободское городское общество на городскую богадельню. Проценты с капитала выдавать на трапезу вечно”» (ГАКО. Ф. 587. Оп. 3. Д. 13. Л. 3).

¹⁶⁶ Гавлин М. Л. Российские Медики. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 8.

¹⁶⁷ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 171. Л. 3–3 об.; Кощеева В. И. Яков Алексеевич Прозоров, вятский первой гильдии купец, потомственный почётный гражданин, коммерции-советник, меценат вятского просвещения. Вятка, 2000. С. 10; Пре-

снецов Р. М. Музыка и театр // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Киров, 1999. Т. 9 : Культура. Искусство. С. 418–421.

¹⁶⁸ Преснецов Р. М. Указ. соч. С. 420.

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 33. Д. 161. Л. 26.

¹⁷⁰ Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880) // Столетие Вятской губернии. Т. II. Вятка, 1880. С. 153–154.

¹⁷¹ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 171. Л. 8 об.–9; Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. Отд. II. Вятка, 1916. С. 81.

¹⁷² Бурыйшкин П. А. Указ. соч. С. 191.

¹⁷³ Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 108–110; Думова Н. Г. Московские меценаты. М., 1992. С. 139; Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 154–156.

¹⁷⁴ Еснева И. В. Указ. соч. С. 141, 143.

¹⁷⁵ Цит. по: Малышева Т. В. Меценаты Клобуковы // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 134–135.

¹⁷⁶ Там же. С. 132; Киселёва Г. Г. Путешествие в мир чистых красок, высоких мыслей и чувств // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Т. 9. С. 331.

¹⁷⁷ ГАКО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 2. Л. 14; Чудова Г. Ф. Юбилей библиотеки имени А. И. Герцена // Герценка: вятские записки. Вып. 12. Киров, 2007. С. 40.

¹⁷⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 56-а. Д. 2. Л. 1–1 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 28.

¹⁸⁰ Петряев Е. Д. Записки книголюба. Киров, 1978. С. 124.

¹⁸¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 56-а. Д. 2. Л. 30.

¹⁸² По данным на 1908 г. (Гурьянова Н. П. Александр Николаевич Луппов – управляющий делами Вятской публичной библиотеки, 1908–1918 гг. // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2007 год : информ.-стат. сб. Киров, 2007. С. 299).

¹⁸³ Вятский вестник. 1906. 12 авг. (№ 175).

¹⁸⁴ Гурьянова Н. П. Указ. соч. С. 301.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ ГАКО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 2. Л. 14 об.–15

¹⁸⁷ Жаравин В. С. А. Н. Кузнецов и Орловская городская библиотека // Герценка: вятские записки. Вып. 12. Киров, 2007. С. 59–64.

¹⁸⁸ Шамова Г. П. Земство в судьбе Орловской городской библиотеки им. А. Н. Кузнецова // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 140-летию Вят. земства. Киров, 2007. С. 169.

¹⁸⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 142. Д. 379. Л. 6–6 об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 2.

¹⁹¹ Там же. Ф. 170. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.

¹⁹² Там же. Д. 8. Л. 28 об.; Д. 75. Л. 17–18; Тр. ВУАК, 1906. Вып. V–VI, отд. I. Вятка, 1907. С. 52, 55–60; Тр. ВУАК, 1915. Вып. I, отд. I. Вятка, 1915. С. 55–62.

¹⁹³ ГАКО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹⁹⁴ Спасский Н. А. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения // Столетие Вятской губернии. Т. I. Вятка, 1880. С. 144; Вятка. Памятники и памятные места / сост. М. Н. Бойчук. Киров, 2002. С. 25.

¹⁹⁵ Вятские губернские ведомости. 1902. 20 июля (№ 86. Прил.).

¹⁹⁶ История предпринимательства в России. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1999. С. 467–548.

¹⁹⁷ Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М., 1938. С. 106.

¹⁹⁸ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 420. Л. 48–48 об.

¹⁹⁹ Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 383.

²⁰⁰ Вятские губернские ведомости. 1881. 11 февр. (№ 12).

²⁰¹ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 437.

²⁰² Сборник статей вятского старожила К. И. Клепикова. Вятка, 1899; Воспоминания вятского старожила К. И. Клепикова. Вятка, 1899; Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900; Автобиография К. И. Клепикова. Вятка, 1902. В 1913 г. в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии» печатается рукопись протоиерея Николая Кувшинского «Несколько сведений из вятской хроники прошлых времен», в основу которой легли воспоминания вятского купца Александра Егоровича Рязанцева. Этот факт даёт нам право называть последнего мемуаристом (Кувшинский Н. П. Несколько сведений из вятской хроники прошлых времен : (со слов вятского купца Александра Егоровича Рязанцева и некоторых других лиц писано в 1863 году) // Тр. ВУАК, 1913 г. Вып. I–II, отд. III / под ред. Н. А. Спасского. Вятка, 1913. С. 1–21); Жизнь слабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году // Краеведы Елабуги. Елабуга, 2007. С. 68–75; «Ныне к вам прибегаю»: жизнеописание соловецкого инока Афанасия, написанное им самим / подгот. к печати, коммент. В. Н. Матонина. Архангельск ; М., 2008; Прозоров А. А.: 1) Род Прозоровых; 2) Город Вятка и его обыватели; 3) Мемуары о вятском театре. Воспоминания А. А. Прозорова хранятся в Государственном архиве Кировской области (Ф. 170. Оп. 1. Д. 171, 337, 420), они представляют собой три машинописные книжки-тетради с правкой автора. К настоящему времени опубликованы – «Род Прозоровых», «Город Вятка и его обыватели» (см.: Прозоров А. А. Город Вятка и его обыватели : мемуары. Киров, 2010); В судьбах купцов-мемуаристов много схожего: во-первых, они являлись преимущественно грамотными, образованными людьми – А. Е. Рязанцев обучался в народном училище, К. И. Клепиков окончил уездное училище, затем учился в гимназии, А. А. Прозоров – выпускник Казанского университета; во-вторых, они были людьми, проявившими себя в служебной и общественной деятельности; в-третьих, свои записки сочиняли на склоне лет, целенаправленно – для потомков. А. А. Прозоров сделал надпись: «Посвящается моим внукам», а К. И. Клепиков отмечал в автобиографии, что пишет её «по желанию своих сыновей, дочерей, внуков и внучек, в числе 45 человек, живущих в Москве и в других городах Российской империи» (среди его внуков был Александр Васильевич Чайнов (1888–1937) – известный экономист-аграрник и писатель), и также поместил в свои мемуары завещание в виде «Письма отца сыновьям и дочерям» (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337, 420; Автобиография К. И. Клепикова. Вятка, 1902; Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 8–10).

²⁰³ Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. Отд. III. С. 354–376; Павлов М. А. Воспоминания металлурга. М., 1984; Чарушин Н. А. О далёком прошлом: из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. 2-е изд. М., 1973; и др.

²⁰⁴ См., например: Из мемуаров А. А. Прозорова – о купце Я. А. Прозорове и его семье // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Киров, 1995. Т. 4 : История. С. 257–260.

²⁰⁵ Семёнова А. В., Аксёнов А. И. Предисловие // Купческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007. С. 3–10.

²⁰⁶ Рязанцев А. Е. Указ. воспр. С. 1–21.

²⁰⁷ Там же. С. 1.

²⁰⁸ Там же. С. 5.

²⁰⁹ По данным В. А. Любимова, годы жизни И. Г. Толмачева – пр. 1699–1768 (Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало : (от Засоры до Раздерихинской). 2-е изд. Киров, 2007. С. 556).

²¹⁰ Рязанцев А. Е. Указ. воспр. С. 6.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

²¹³ Е. Е. Толмачева, урожд. Репина, родилась приблизительно в 1754 г., умерла в 1818 г. Годы жизни её мужа, купца Семёна Ивановича Толмачева, – 1755–1789 (Любимов В. А. Указ. соч. С. 556).

²¹⁴ Рязанцев А. Е. Указ. воспр. С. 7.

²¹⁵ Там же. С. 6.

²¹⁶ Там же. С. 6–7.

²¹⁷ Там же. С. 7.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же. С. 10.

²²¹ Там же. С. 10–11.

²²² Там же. С. 11.

²²³ Там же. С. 19–21.

²²⁴ Там же. С. 21.

²²⁵ Там же. С. 12.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же. С. 15.

²²⁸ Участвуя в общественно-политической жизни региона, деловая элита активно проявила себя и во время приезда в Вятскую губернию в октябре 1824 г. Александра I. По сохранившимся сведениям, в первый день визита, 8 октября, когда император прибыл в губернский центр, городской голова И. С. Машковцев «с знатнейшим купечеством» приветствовал его у Кафедрального собора. Днём позже, 9 октября, царь принял делегацию местных купцов, и во время встречи «городской голова Машковцев поднёс Его Величеству хлеб-соль». Александра I весьма удивил подарок Иуды Колошина – ананас. «Это своего сада?» – спрашивал высокий гость. – «Да, Ваше Величество, свосого», – отвечал вятский купец.

В этот же день в честь царского визита в доме городского головы купечеством был устроен бал, на котором, правда, недолго, присутствовал и Александр I. Через день, 11 октября, он общался с городским головой и купцами Нолинска. После Вятки император посетил г. Орлов, где встречался «с первейшим купечеством», приветствовавшим его хлебом и солью в доме городского головы, купца первой гильдии Синцова (Бехтерев Н. П. Высочайшие посещения Вятской губернии // Столетие Вятской губернии, 1780–1880. Т. II. Вятка, 1880. С. 819–832; Александро-Невский собор в городе Вятке. 2-е изд. Вятка, 1903. С. 3–6).

²²⁹ Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие. С. 354–369.

²³⁰ Там же. С. 362–363.

²³¹ Там же. С. 368–369.

²³² Там же. С. 369.

²³³ Там же.

²³⁴ Герцен А. И. Соч. : в 9 т. Т. 4, ч. 2. М., 1956. С. 333.

²³⁵ Подробнее см.: Соболев В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке. Киров, 1962. С. 53–60; Петряев Е. Д. Литературные находки: очерки культурного прошлого Вят. земли. Киров, 1981. С. 33–49.

²³⁶ Жизнь елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина. С. 74–75.

²³⁷ Там же. С. 75.

²³⁸ Там же. С. 74.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Автобиография // Стахеев Д. И. Духа не угашайте. Казань, 1992. С. 414. Впоследствии Д. И. Стахеев прошёл «испытание» в Петербургском университете и получил звание учителя русского языка.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Вятские губернские ведомости. 1848. 4 сент. (№ 36, ч. неофиц.).

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Чарушин Н. А. Указ. соч. С. 24. Детские годы автора прошли в г. Орлове, где и жили его родители.

²⁴⁶ Там же. С. 24–25.

²⁴⁷ Там же. С. 24.

²⁴⁸ Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г. 2-е изд. СПб., 1877. С. 72.

²⁴⁹ Там же. С. 75.

²⁵⁰ Чарушин Н. А. Указ. соч. С. 69–70. В архивных документах о детях А. И. Машковцева сообщается, что сыновья, Владимир и Александр, учились в гимназии (в 1879 г. Александр поступил в Петербургский университет), Илья – в земском училище, дочери, Ольга, Анна и Мария, – в гимназии, а затем – на медицинских курсах в Петербурге (ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1885. Д. 451. Л. 17 об.– 21 об.).

²⁵¹ Чарушин Н. А. Указ. соч. С. 70.

²⁵² Вятская незабудка. С. 73–74.

²⁵³ Подробнее об этом см.: Валеев Н. М. Д. И. Стахеев : [вступ. ст.] // Духа не угашайте. Казань, 1992. С. 3–32.

- ²⁵⁴ Стахеев Д. И. Уездный город // Духа не угашайте. Казань, 1992. С. 375–376.
- ²⁵⁵ Павлов М. А. Указ. соч. С. 97–98.
- ²⁵⁶ Там же. С. 98.
- ²⁵⁷ Там же.
- ²⁵⁸ Там же. С. 148.
- ²⁵⁹ Там же.
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ Там же. С. 166.
- ²⁶² Там же. С. 166, 185.
- ²⁶³ Там же. С. 166–167.
- ²⁶⁴ Там же. С. 167.
- ²⁶⁵ Там же.
- ²⁶⁶ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 5.
- ²⁶⁷ Там же.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 5–5 об.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 24.
- ²⁷⁰ Там же. Л. 23 об.
- ²⁷¹ Там же. Л. 22 об.–23.
- ²⁷² Там же. Л. 22 об.–23 об.
- ²⁷³ Там же. Л. 27.
- ²⁷⁴ Там же. Л. 24–24 об.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 26, 28 об.–30.
- ²⁷⁶ Там же. Л. 27 об.
- ²⁷⁷ Там же. Л. 27 об.–28 об.
- ²⁷⁸ Там же. Л. 10.
- ²⁷⁹ Там же. Л. 9, 16 об.–17.
- ²⁸⁰ Там же. Л. 10.
- ²⁸¹ Там же. Л. 10–10 об.
- ²⁸² Там же. Л. 12 об.–13.
- ²⁸³ Там же. Л. 10 об.
- ²⁸⁴ Там же. Л. 12–12 об.
- ²⁸⁵ Там же.
- ²⁸⁶ Там же. Л. 18.
- ²⁸⁷ Там же.
- ²⁸⁸ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 18–18 об.
- ²⁸⁹ Там же. Л. 37.
- ²⁹⁰ Там же. Л. 37 об.
- ²⁹¹ Там же. Л. 37 об.–38.
- ²⁹² Там же. Л. 38.
- ²⁹³ Там же. Д. 420. Л. 18.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ Там же.
- ²⁹⁶ Там же.
- ²⁹⁷ Там же. Л. 19. Отдельные эпизоды, связанные с личностью Т. Ф. Булычёва, содержатся и в мемуарах И. А. Хохлова, выходца из крестьян (Хох-

лов И. А. История моей жизни // Герценка: вятские записки. Вып. 6. Киров, 2004. С. 139–183). Последний делился воспоминаниями о работе в паромном Булычёва, о службе в его доме, о своей жизни в Петербурге, куда он поехал на время с Тихоном Филипповичем, у которого в столице была квартира. По словам Хохлова, этот купец «совсем не знался с купцами-аршинниками, а только с высшими губернскими властями» и родней; в свою контору он приезжал ежедневно; у него имелась своя телефонная линия (первая в Вятке); к прислуге, которой насчитывалось «человек двадцать» и «два кучера», он относился доброжелательно; и т. д. (Там же. С. 163–177). Ещё один современник, судовой механик К. И. Бердников, вспоминал, что Т. Ф. Булычёв был человеком высокого роста, худощавым, имел острую бородку, и «гимназисты называли его Дон Кихотом». Автор не советовал идеализировать этого купца-миллионера, так как его сходство с героем Сервантеса являлось лишь внешним. Известный благотворительными делами Булычёв, например, порой поражал окружающих своей скупостью (Цит. по: Березин Е. В. Из истории купеческого флота // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 49). Т. Ф. Булычёв, вероятно, стал прототипом героя пьесы А. М. Горького «Егор Булычов и другие».

²⁹⁸ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 420. Л. 18.

²⁹⁹ Там же. Л. 17.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же. Л. 19 об.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же. С. 46 об.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же. Л. 46 об.–47.

³⁰⁶ Там же. Л. 47.

³⁰⁷ Там же. Л. 47–47 об.

³⁰⁸ Там же. Л. 47.

³⁰⁹ Там же. Л. 47 об.

³¹⁰ Там же. Л. 47 об.–48.

³¹¹ Там же. Л. 48.

³¹² Там же. Л. 48 об.

³¹³ Там же. Л. 48 об.–49. О К. И. Лаптеве писал также В. Н. Шкляев. Кузьма Игнатьевич, по его воспоминаниям, был «почти без образования», «любил хорошо, необыкновенно шикарно одеваться», «славился... довольно буйным нравом», стремился «удивить людей, показать им свое богатство и “культурность”» (Шкляев В. Н. Моя жизнь. Ч. 1 // КОУНБ им. А. И. Герцена, отд. краевед. лит. Фонд «Д». № 453. С. 112–113).

³¹⁴ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1 Д. 420. Л. 51.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. Л. 50.

³¹⁷ Там же. Л. 50 об. В свою очередь, о сыне Павла Клобукова, Петре Павловиче, В. Н. Шкляев писал: «Это был европейский... молодой купец, всегда

одетый по последней моде, надушенный, расфуфыренный, как тогда говорили» (Шкляев В. Н. Указ. соч. С. 88).

³¹⁸ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 420. Л. 52–52 об.

³¹⁹ Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. С. 8–10. У К. И. Клепикова была большая семья: «От одного брака имею в настоящее время (в 1900 г. – М. С.) в живых четырех сыновей и восемь дочерей; от них имею 17 внуков, 14 внучек, одного правнучка и двух правнучек», – писал он (Там же. Л. 8).

³²⁰ Там же. С. 8–9.

³²¹ Там же. С. 10.

³²² Там же. С. 9–10.

³²³ Семейный список Константина Игнатьевича Клепикова. Вятка, 1903.

³²⁴ Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. С. 4–6.

³²⁵ Клепиков К. И. Воспоминания вятского старожила. С. 3.

³²⁶ Он родился в починке Клепиковском Котельничского уезда Вятской губернии. Здесь и далее приводятся цитаты из «Автобиографии Константина Игнатьевича Клепикова» (Вятка, 1902); Благодарю Н. В. Обнорскую (г. Ярославль) за предоставление материалов, посвящённых жизни её предка – К. И. Клепикова.

³²⁷ Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. С. 3.

³²⁸ Клепиков К. И. Сборник статей. С. 14.

³²⁹ Там же. С. 15–17; Клепиков К. И.: 1) Заметки и впечатления старожила. С. 6–8; 2) Воспоминания вятского старожила. С. 5–7.

³³⁰ «Ныне к вам прибегаю»: жизнеописание соловецкого инок Афанасия, написанное им самим. Архангельск; М., 2008. С. 23.

³³¹ Там же. С. 33.

³³² Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Труды о-ва изучения Московской губернии. Вып. 1. М., 1928. С. 106.

³³³ Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. С. 8.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проследив исторический путь развития купеческого сословия на примере одного из обширных регионов России, можно с уверенностью говорить об особой роли этого корпоративного слоя населения, как в социально-экономической, так и в общественной жизни страны. Его история отражает важнейшие направления социальной эволюции России, её модернизации на пути от феодального к капиталистическому обществу.

В течение всего времени существования, вплоть до 1917 г., охватывая своей деятельностью основные отрасли экономики, купеческое сословие являлось, прежде всего, флагманом хозяйственного развития государства. Первоначально сочетая в своей профессиональной деятельности черты, характерные как для феодальных, так и капиталистических отношений, что проявлялось в одновременном использовании в купеческом предпринимательстве и крепостного, и наёмного труда, затем, после буржуазных реформ 1860–1870-х гг., представители этого сословия, войдя в верхние эшелоны буржуазии, воплощали в себе уже несколько другой образ – купца-капиталиста. От предпринимателя-одиночки к созданию предприятий ассоциированного типа – вот основной путь развития профессиональных занятий купеческого сословия.

Его становление, начавшееся ещё в период раннего средневековья, продолжалось и в петровский XVIII век, который в конечном итоге стал для купечества поворотным в силу объединения последнего в сословную группу. Гильдейская корпорация оказалась в эпицентре и социально-экономических, и управленческих преобразований, проводившихся в судьбоносные для страны исторические периоды: в екатерининское правление, в эпоху реформ Александра II и в пореформенное время, а затем – в начале XX в. Несмотря на приверженность традиционализму и зависимость от монархической власти, купеческое сословие своей многоаспектной деятельностью формировало основы рыночной экономики и способствовало складыванию условий для развития в России гражданского общества. Последняя тенденция ярко прослеживалась в массовом участии представителей деловых кругов в работе органов местного самоуправления – городских дум, земских учреждений, в благотворительности и меценатстве, позволявших преодолевать им и сословную замкнутость. Со временем, по мере обострения внутривнутриполитической ситуации в стране, деятельность купечества политизировалась.

Всё это даёт основания говорить о постепенном его превращении в слой населения, имевший широкие интересы.

С усилением общественной активности гильдейского предпринимательства, с изменением условий его жизнедеятельности в ходе капиталистической модернизации государства росли и самосознание, и общий культурный уровень этой сословной группы, ставшей постепенно определять и черты общественно-культурной жизни как столичных, так и провинциальных городов. К началу XX столетия в России сложился новый тип российского купца, далёкий от понятия «тёмного царства», в основе своей цивилизованный как с точки зрения профессиональной деятельности, так и системы ценностей, включавшей в себя такие черты, как религиозность, патриотизм, честь.

Одновременно со всем этим процесс эволюции купечества, связанный с переходом от сословной социальной организации, имевшей феодальные привилегии и льготы, к буржуазной в силу целого ряда обстоятельств (половинчатости капиталистических преобразований второй половины XIX в., слабой консолидации предпринимательского населения, устойчивости социальных традиций и т. д.), протекал медленно и к 1917 г. остался незавершённым. Этот фактор определял одну из особенностей социальной структуры государства в предреволюционную эпоху и не мог не влиять на ход общественно-политических событий начала XX в.

Развитие купеческого сословия Западного Предуралья, прошедшего все этапы становления своей корпорации, характерные для страны в целом, определялось и некоторой территориальной спецификой. Природно-климатические, географические, экономические условия не благоприятствовали складыванию в регионе крупных гильдейских капиталов, что выразилось в значительном преобладании в нём купечества «средней руки». В свою очередь, медленные и неравномерные темпы становления на северо-востоке Европейской России капиталистических отношений способствовали большей устойчивости местной гильдейской сословной организации, и в начале XX в. продолжавшей свою деятельность, тогда как в масштабах России этот социальный институт фактически пришёл в упадок.

Оставаясь открытым сословием, купечество региона формировалось из предпринимателей и других слоёв населения – мелких торговцев и ремесленников (мещан), крестьянства, дворян (в крайне незначительной степени). Немалую роль в этом процессе сыграло мещанское сословие, являвшееся экономически более сильным слоем населения и стабильным источником образования гильдейской корпорации, чем

крестьянство, процесс дифференциации которого здесь шёл намного медленнее, чем в целом по Европейской России.

Огромное влияние на формирование купечества оказали особенности национального состава местного населения, заключавшиеся в его полиэтничности, связанной с проживанием в Западном Предуралье представителей различных культур. С периода средневековья, активно участвуя в процессе первоначального накопления капитала, в развитии российского национального рынка, связей страны с государствами Западной Европы и Востока, ведущие позиции в местной деловой среде занимали русские и татарские предприниматели. В регионе сложился особый механизм взаимодействия купцов разных национальностей, в основе которого лежало их толерантное отношение к культуре повседневной жизни друг друга. Сохраняя черты и православных, и мусульманских традиций, представители делового мира проявляли общий интерес к развитию экономики своей территории, объединялись при решении задач как хозяйственной, так и социально-культурной направленности, что особенно ярко проявлялось в их служебной деятельности и благотворительности.

Сказывалась и специфика исторически сложившейся социальной структуры северо-востока Европейской России. Ввиду незначительности в регионе поместного дворянства роль купечества в экономической и общественно-политической жизни здесь была велика. Гильдейские предприниматели как привилегированная и наиболее экономически сильная группа населения имели весомое представительство и в органах местного самоуправления, позволявшее оказывать существенное влияние на развитие хозяйственной жизни региона. Сфера управления способствовала социализации купечества, повышала его общественный статус и одновременно сама претерпевала изменения под воздействием со стороны региональной деловой элиты, становясь более эффективной и рациональной.

Представители изучаемого сословия принимали передовые экономические решения и своей деятельностью способствовали укоренению здесь прогрессивных форм хозяйствования, связанных с буржуазным укладом. Открытость регионального купечества в сфере экономики проявилась в его интеграции с деловым миром России для реализации актуальных задач в деле укрепления единого национального рынка. В основе торгово-предпринимательской деятельности рассматриваемой группы населения лежал средний и мелкий бизнес.

Особенности профессиональных занятий купечества обуславливались аграрно-торговой специализацией и слабостью промышленного

производства изучаемой местности. Несмотря на довольно широкий спектр предпринимательской деятельности купцов, её главным видом в течение всего времени существования этого сословия оставалась торговля. Обладателями крупных гильдейских капиталов в Вятско-Камском регионе были, в первую очередь, купцы-оптовики, ориентировавшиеся на осуществление внешнеторговых операций, и те, кто вкладывал средства в традиционные (винокурение, кожевенное производство) и новые (химическое производство) отрасли промышленности, создание транспортной инфраструктуры. Аграрно-торговая направленность экономики определила и невысокий уровень концентрации гильдейских капиталов, проявлявшийся в преобладании здесь купеческих торговых домов — полных товариществ.

Формирование экономического облика региональной деловой элиты, рост её самосознания влияли и на возникновение социальных приоритетов изучаемого сословия. Получившая в Западном Предуралье широкий размах купеческая благотворительная деятельность из разовых, одиночных пожертвований на те или иные общественные нужды переросла в эффективную систему помощи населению, сыгравшую важную роль в деле социального обеспечения нуждающихся. Мощными катализаторами в становлении благотворительных инициатив местного делового сообщества явились бурный рост капиталистических отношений в стране, события войн, стихийные бедствия, которые в условиях демократизации общественной жизни, особенно после либеральных реформ Александра II, приобретали значимость как общие проблемы.

Купеческая филантропия развивалась параллельно с меценатством, но в отличие от столичных городов последнее имело меньшие масштабы, что объяснялось как небольшим числом в регионе крупных гильдейских накоплений, сковывавшим предпринимательскую активность на поприще культуры, так и отсутствием, особенно в уездных городах, соответствующей интеллектуальной среды, патриархальностью повседневной жизни.

Благотворительность и меценатство меняли традиционный облик региональной деловой элиты, связанный с негативными проявлениями первоначального накопления капитала в ранний период. Во второй половине XIX — начале XX в., усиливая своё экономическое влияние и понимая важность становления образовательной сферы, купечество стало носителем и гуманитарных тенденций в развитии общественной жизни Вятско-Камского региона. Интерес купечества к получению образования, в свою очередь, способствовал превращению его в слой населения, ставшего одним из источников зарождения региональной интеллиген-

ции. Благотворительная деятельность представителей делового мира вела к дальнейшей демократизации общественной жизни в российской провинции.

Изменению социального облика регионального купечества способствовало развитие политической ситуации в стране, характеризовавшейся, особенно во второй половине XIX – начале XX столетия, ростом оппозиционных настроений. Обусловленный влиянием и конкретной общественно-политической обстановки в России, и государственной политики процесс его политической самоидентификации был тесно взаимосвязан с господствующей официальной идеологией. Хотя политические взгляды купцов и отличались разносторонностью, всё же в большей степени они характеризовались поддержкой традиционных основ русского общества – самодержавной власти и православия. Во все периоды своей истории гильдейские предприниматели в основе своей были настроены на сотрудничество с правительственными учреждениями в решении и социально-экономических, и политических задач.

Либеральные веяния в Вятско-Камском регионе затронули преимущественно тех купцов, кто активно участвовал в работе земских и городских учреждений. После выхода в период Первой российской революции Манифеста 17 октября 1905 г. их деятельность сыграла важную роль в формировании политических партий, но ни либеральные, ни проправительственные и, тем более, революционные партии не стали для местных деловых кругов массовой организацией. Несмотря на рост оппозиционного движения, купечество оставалось слабо организованной, зачастую политически индифферентной группой населения.

Нельзя не сказать, что значительный след в развитии местной деловой элиты оставили великие реформы 1860–1870-х гг., существенно изменившие весь уклад её жизни. В силу устойчивости традиционализма, отсутствия значительных накоплений гильдейские предприниматели Вятско-Камского региона и в эпоху господства капитала сохраняли черты менталитета феодальной корпорации, что влияло на общий ход модернизации изучаемой местности, но, безусловно, купечество сыграло важную роль в становлении экономической и общественной её жизни. Профессиональная, служебная и общественная деятельность представителей этого слоя населения в целостности способствовала укреплению экономической мощи региона, развитию начал местного самоуправления, расширению сети школьных и социальных учреждений, развитию культурной жизни.

Купеческое сословие представляло собой весьма сложный механизм как внутрикорпоративных отношений, которые характеризовались не

только конкурентной борьбой, но и тесным взаимодействием его представителей в различных сферах жизни, особым семейным укладом, так и отношений с меняющимся в процессе развития капитализма обществом. Модернизационные процессы, интенсивно протекавшие в стране во второй половине XIX – начале XX столетия, проявили такие качества региональной деловой элиты, как склонность к социальному диалогу, готовность к сотрудничеству с властями, строго рациональный подход к решению существовавших проблем, которые в сочетании с характерными для купечества чертами – глубокой религиозностью, общей осторожностью к новшествам, консервативным семейным бытом – и определили её новый исторический портрет. Укрепляя своё влияние, гильдейская корпорация из феодальной группы населения превратилась в важное звено формировавшегося капиталистического общества с инициативами широкой направленности во благо региона и России в целом. Провинциальный купец рубежа XIX–XX вв. олицетворял собой ядро пёстрого, до конца не сложившегося в единую социальную группу класса буржуазии.

Система культурных ценностей и стереотипов поведения, проявлявшихся в повседневной жизни регионального купечества, несмотря на свою неоднозначность, высвечивала путь его становления как социального организма, нацеленного на эволюционную модель развития всех сторон общественного устройства. Провинциальное гильдейское сообщество стало приверженцем поиска путей рациональных изменений, модернизации, основанной на глубоком переплетении традиционных начал и новаций, и в этом прослеживались национальные черты проводимых в стране буржуазных преобразований. Подобный опыт развития являлся и одним из вариантов преодоления социальных конфликтов, неизбежных в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному.

Таким образом, купечество последней четверти XVIII – начала XX в. прошло путь от оформления своей сословной группы до её упадка и при этом, не имея официального наследственного статуса и сохраняя во времени экономическую силу, не растворилось в реалиях капиталистического общества, хотя и во многом, как уже отмечалось, являлось носителем традиционализма, что, безусловно, характеризует эту рождённую законодательством Екатерины II группу населения как своеобразный «социальный феномен». В рамках перехода от традиционного общества к современному купеческое сословие ярко воплощало в себе промежуточную форму социальной организации, в основе функционирования которой лежал адаптивный механизм, выражавшийся в рациональном приспособлении гильдейской корпорации к действительности.

История местного делового сообщества многогранна и, как видим, дополняет новыми, интересными фактами картину деятельности российского купечества в целом. В то же время проблематика, связанная с деятельностью региональных предпринимательских групп, далеко не исчерпана. В дальнейшей разработке нуждаются темы по ранней, допетровской, истории купечества, необходимо продолжить исследование и таких вопросов, как механизмы взаимодействия властей и местных деловых сообществ, степень влияния последних на экономическую политику правительства, социальные и культурные процессы, развитие дипломатических отношений и определение внешнеполитических ориентиров государства, становление самосознания россиян.

К числу слабоизученных относятся проблемы: роль русского купечества в развитии экономической жизни европейских и азиатских стран, влияние Европы и Азии на деловой этикет российских деловых кругов. Существует необходимость осмысления темы о предпринимательской среде в целом, включая деятельность торговых крестьян – важнейшего источника формирования в России новых моделей экономического и социального развития. Немалый интерес представляют историографические и источниковедческие аспекты деятельности гильдейских предпринимателей, также ещё недостаточно полно отражённые в современных исследованиях.

История купеческого сословия видится нам и как междисциплинарная проблема, изучение которой базируется на знании основ экономики, управления, права, социологии, психологии, культурологии, соответственно, на наш взгляд, нужно усиливать её изучение в свете различных подходов. В связи с этим новое звучание приобретают вопросы эффективности экономической и управленческой деятельности, её правового регулирования и законности, особенностей менталитета, профессиональной культуры исследуемой группы населения.

Большое значение для осмысления исторического опыта российского предпринимательства могли бы иметь сборники документальных материалов. С учётом обилия в региональных архивах интереснейших и актуальных сведений по избранной теме, эти издания способны заметно расширить наши представления об истоках и становлении экономических и гражданских инициатив в стране, о формировании культурных традиций и менталитета, становлении самосознания российского общества. Особое внимание следует уделить выявлению делопроизводственной документации, связанной с работой государственных, общественных и частных учреждений, источников статистического характе-

ра, личного происхождения, как рисующих целостный портрет деловой элиты, так и воссоздающих в деталях важнейшие его черты.

Имеется необходимость в создании и обобщающих трудов по истории купеческого сословия, основанных на исследовании не только столичных, но и региональных его групп. Для этого следует объединить усилия учёных академических центров, образовательных учреждений, архивистов, музейных и библиотечных работников.

Недостаточно внимания, на наш взгляд, уделяется сохранению богатого культурного наследия предпринимательского сообщества, представленного памятниками градостроительства, промышленной архитектуры, купеческими некрополями, документальными материалами в личных архивах, предметами бытовой культуры. Решение данной проблемы видится нам в создании специального реестра памятников городской среды, в совместной деятельности по их охране властных структур, церкви и общественности.

Накопленный купечеством позитивный деловой опыт, образцы общественной деятельности, связанные со становлением институтов гражданского общества в стране, укреплением демократических начал, развитием гражданского самосознания, основанного на служении Отечеству, весьма актуальны в плане строительства современных стратегий развития России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. Неопубликованные

Государственный архив Российской Федерации

1. Ф. 102 – Департамент полиции МВД. 3 ДП, 4 ДП.

Российский государственный архив древних актов

2. Ф. 276 – Коммерц-коллегия. Оп. 2.

3. Ф. 817 – Вятский провинциальный магистрат. Оп. 1.

Российский государственный исторический архив

4. Ф. 20 – Департамент торговли и мануфактур министерства финансов. Оп. 4.

5. Ф. 1263 – Комитет министров. Оп. 4.

6. Ф. 1282 – Канцелярия министра внутренних дел. Оп. 1.

7. Ф. 1343 – Департамент герольдии Сената. Оп. 39. Читальный зал. Оп. 1.

Государственный архив Кировской области

8. Ф. 11 – Слободской городской магистрат. Оп. 1.

9. Ф. 12 – Вятский городской магистрат. Оп. 1, 3.

10. Ф. 170 – Вятская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 1, 2.

11. Ф. 176 – Вятская губернская казенная палата. Оп. 1.

12. Ф. 190 – Вятский городской Федора Веретенникова банк. Оп. 1.

13. Ф. 205 – Канцелярия директора народных училищ Вятской губернии. Оп. 1, 2.

14. Ф. 499 – Акционерное общество кожевенных заводов и фабрик Петра Вахрушева с сыновьями. Оп. 1.

15. Ф. 501 – Кожевенный завод торгового дома «Н. А. и Д. Вахрушевы». Оп. 1.

16. Ф. 566 – Старший фабричный инспектор Вятской губернии. Оп. 1.

17. Ф. 574 – Вятский губернский статистический комитет. Оп. 1, 2.

18. Ф. 582 – Канцелярия вятского губернатора. Оп. 1, 2, 2-е, 2-и, 2-к, 2-л, 2-м, 2-н, 2-о, 5, 6, 26, 28, 32, 33, 34, 37, 43, 44, 47, 49, 50, 56-а, 81, 97, 98, 138, 140, 142, 143, 146, 148, 149, 155.

19. Ф. 583 – Вятское губернское правление. Оп. 1, 1-а, 600.
20. Ф. 585 – Вятское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1.
21. Ф. 587 – Вятское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1, 2, 3, 7, 9, 10, 19.
22. Ф. 616 – Вятская губернская земская управа. Оп. 1.
23. Ф. 628 – Вятская городская управа. Оп. 1, 1-а, 2, 3, 5, 6, 17, 17-а, 20.
24. Ф. 630 – Вятская городская дума. Оп. 3, 8.
25. Ф. 632 – Яранская городская управа. Оп. 1.
26. Ф. 714 – Вятское губернское жандармское управление. Оп. 1, 2.
27. Ф. 864 – Слободская городская дума. Оп. 1.
28. Ф. 1074 – Котельничская городская дума. Оп. 1.
29. Ф. 1190 – Яранская городская дума. Оп. 1.
30. Ф. 1325 – Вятский губернский магистрат. Оп. 1.
31. Ф. Р-876 – Отдел управления Вятского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1.
32. Ф. Р-897 – Кировский городской Совет и его исполнительный комитет. Оп. 1.

**Государственный архив социально-политической истории
Кировской области**

33. Ф. 45 – Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции при Вятском губернском комитете партии (истпарт). Оп. 1.

Государственный архив Ярославской области

34. Ф. 501 – Ярославская городская дума. Оп. 1.
35. Ф. 509 – Ярославская городская управа. Оп. 2.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики

36. Ф. 245 – Сарапульское духовное правление. Оп. 1, 2.

1.2. Опубликованные

Законодательные документы и актовые материалы

37. Высочайше утвержденное Городовое положение – 16 июня 1870 г. // ПСЗ : собрание второе. – Т. 45. – № 48498.
38. Высочайше утвержденное Городовое положение – 11 июня 1892 г. // ПСЗ : собрание третье. – Т. 12. – № 8708.

39. Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге – 8 июня 1898 г. // ПСЗ : собрание третье. – Т. 18. – № 15601.

40. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях – 1 января 1864 г. // ПСЗ : собрание второе. – Т. 39. – № 40457.

41. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях – 12 июня 1890 г. // ПСЗ : собрание третье. – Т. 10. – № 6927.

42. Высочайше утвержденное Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов – 1 января 1863 г. // ПСЗ : собрание второе. – Т. 38. – № 39118.

43. Высочайше утвержденное Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов – 9 февраля 1865 г. // ПСЗ : собрание второе. – Т. 40. – № 41779.

44. Грамота на права и выгоды городам Российской империи – 21 апреля 1785 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 22. – № 16188.

45. Декрет ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов 11 (24) ноября 1917 г. // Декреты советской власти. – Т. 1 : 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М. : Госполитиздат, 1957. – С. 71–72.

46. Договорная запись, данная каменщиками строителю Царево-Константиновской церкви в Хлынове Гавриилу Машковцеву, 1697 года апреля 16 / сообщ. А. А. Спицын // Тр. ВУАК. Вып. V–VI, отд. III. – Вятка : Тип. П. Д. Харитоновна, 1907. – С. 30–32.

47. Дополнительное постановление. Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний – 14 ноября 1824 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 39. – № 30115.

48. Именной, данный Сенату [указ]. О количестве капиталов, какие должны объявлять купцы по гильдиям – 8 ноября 1807 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 29. – № 22678.

49. Именной, данный Сенату [указ]. О новом разделении государства на губернии – 12 декабря 1796 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 24. – № 17634.

50. Именной, данный Сенату [указ]. Об учреждении Вятского наместничества из 13 уездов – 11 сентября 1780 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 20. – № 15058.

51. Именной, объявленный из Ближней канцелярии [указ]. Об учреждении губерний и о росписании к ним городов – 18 декабря 1708 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 4. – № 2218.

52. Именной, объявленный из Верховного тайного совета Сенату [указ]. О приписке Сибирской губернии провинций Вятской и Со-

ликамской к Казанской губернии, Великолуцкой, Белозерской, Тверской провинций к Новгородской губернии, Ярославской провинции к Московской губернии – 29 апреля 1727 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 7. – № 5065.

53. Именной, объявленный из Сената [указ]. О разделении Сибири на три провинции – 29 мая 1719 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 5. – № 3378.

54. Именной, состоявшийся из Сената [указ]. Об устройстве губерний и об определении в оные правителей – 29 мая 1719 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 5. – № 3380.

55. Инструкция Московского купечества первой, второй и третьей гильдии старшинам и старостам с товарищи – 19 января 1742 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 11. – № 8504.

56. Манифест. Об установлении нового сословия под названием почетных граждан – 10 апреля 1832 г. // ПСЗ : собрание второе. – Т. 7. – № 5284.

57. Манифест. О Высочайше дарованных разным сословиям милостям по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою – 17 марта 1775 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 20. – № 14275.

58. Манифест. О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий – 1 января 1807 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 29. – № 22418.

59. Регламент или Устав Главного магистрата – 16 января 1721 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 6. – № 3708.

60. Свод законов о состояниях, 1899 г. // Свод законов Российской Империи. – Кн. II, т. V–IX. – Т. IX / под ред. А. А. Добровольского. – 2-е изд. – СПб., 1913. – Ст. 502–560, 581–596, 614–670.

61. Сенатский, вследствие именного [указа]. О сборе с купцов вместо подушных по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии – 25 мая 1775 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 20. – № 14327.

62. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / под ред. А. Г. Манькова. – Л. : Наука, 1987. – 448 с. – (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков).

63. Судебники XV–XVI веков. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 619 с. – (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков).

64. Указ Александра I Н. П. Румянцеву об одобрении отправки К. А. Анфиловым трех кораблей в Соединенные Штаты Америки и об освобождении его судов от уплаты таможенных пошлин от 29

декабря 1805 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815 : [сб. док.] / сост.: Н. Н. Башкина, Н. Н. Болховитинов, Дж. Браун [и др.]. – М. : Наука, 1980. – С. 277–278.

65. Устав для учреждаемого Вятской губернии в городе Слободском Общественного городского банка – 29 октября 1809 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 30. – № 23942.

66. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи – 7 ноября 1775 г. // ПСЗ : собрание первое. – Т. 20. – № 14392.

67. Царская жалованная грамота торговому человеку суконной сотни Петру Рязанцову 1682 г. января 14 // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края : прил. ко 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». – Вятка, 1881. – С. 213–215.

Делопроизводственная документация

68. Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 год. Ведомость об экспорте российских товаров / отв. ред. А. А. Преображенский ; сост. и авт. введ. А. В. Демкин. – М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 1996. – С. 8–126.

69. Дозорная книга 1615 года // Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – С. 1–7.

70. Журналы Вятской городской думы за 1890 год. – Вятка : Тип. Сычева, 1891. – 207 с.

71. Журналы Вятской городской думы за первую половину 1905 года. – Вятка : Электронпеч. тип. П. Д. Харитонов, 1906. – 327 с.

72. Журналы Орловской городской думы Вятской губернии 1890 года с приложениями. – Вятка : Тип. Маишеева, 1891. – 94 с.

73. Журналы Слободской городской думы 1885 года. – Вятка : Губерн. тип., 1886. – 59 с.

74. Журналы Слободской городской думы 1891 года. – Вятка : Губерн. тип., 1892. – 71 с.

75. Книга писцовая Орлова города с уездом 137 (1629) году // Книги писцовые городов Котельнича и Орлова с уездами письма и меры Афанасия Толочанова и Андрея Иевлева 137 (1629) года. – Вятка : Губерн. тип., 1910. – С. 1–106.

76. Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова // Тр. ВУАК, 1907. – Вып. II, отд. III. – Вятка : Тип. П. Д. Харитонов, 1908. – С. 52–60.

77. Обзор Вятской губернии за 1877 год. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1878. – 101 с.

78. Обзор Вятской губернии за 1905 год : прил. к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. – Вятка : Губерн. тип., 1906. – 136 с.

79. Обзор Вятской губернии за 1910 год : прил. к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. – Вятка : Губерн. тип., 1911. – 144 с.

80. Обзор Вятской губернии за 1913 год : прил. к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. – Вятка : Губерн. тип., 1914. – 134 с.

81. Обзор Вятской губернии за 1914 год : прил. к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. – Вятка : Губерн. типолитогр., 1915. – 180 с.

82. Обзор Вятской губернии за 1915 год : прил. к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. – Вятка : Губерн. типолитогр., 1916. – 223 с.

83. Отрывок из показания Муромца Илейки, назвавшегося сыном царя Феодора Иоанновича царевичем Петром. Записано 1607 г. октября 10 // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края : прил. ко 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». – Вятка : Тип. губерн. правл., 1881. – С. 58–59.

84. Отчет Вятского Благотворительного Общества за 1875 год. – Вятка : Губерн. тип., 1876. – 7 с.

85. Отчет Вятского Благотворительного Общества за 1877 год. – Вятка : Губерн. тип., 1878. – 28 с.

86. Отчет Вятского Благотворительного Общества за 1895 год. – Вятка : Губерн. тип., 1896. – 56 с.

87. Отчет Вятского Благотворительного общества, состоящего под Высочайшим Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством, за 1896 год. – Вятка : Губерн. тип., 1897. – 42 с.

88. Отчет Вятского Благотворительного общества, состоящего под Высочайшим Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством, за 1903 год. – Вятка : Тип. и хромофотогр. Шкляевой, 1904. – 35 с.

89. Отчет Вятского Благотворительного общества, состоящего под Высочайшим Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством, за 1910 год. – Вятка : Типолитогр. М. М. Шкляевой, 1911. – 93 с.

90. Отчет о приходе и расходе денежных сумм архивной комиссии за второй год ее существования (с 28 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.) // Тр. ВУАК. 1906. – Вып. V–VI, отд. I. – Вятка : Тип. П. Д. Харитоновой, 1907. – С. 52–54.

91. Переписная книга 1678 года // Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – С. 38–57.

92. Переписная книга 1710 года // Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – С. 57–95.

93. Переписная (ландратская) книга 1717 года // Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – С. 95–117.

94. Писцовая книга 1628 года // Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – С. 7–17.

95. Подписи вятских и царевосанчурских выборных под грамотой об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. 1613 г. в мае // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края : прил. ко 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». – Вятка : Тип. губерн. правл., 1881. – С. 106.

96. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1872 год. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1873. – 162 с.

97. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1888 год. – Вятка : Губерн. тип., 1889. – 73 с.

98. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1890 год. – Вятка : Губерн. тип., 1891. – 53 с.

99. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1895 год. – Вятка : Губерн. тип., 1896. – 90 с.

100. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1900 год. – Вятка : Губерн. тип., 1901. – 134 с.

101. Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина 1678–80 гг. – Вятка : Губерн. тип., 1906. – С. 1–105.

102. Слободской город и посад по книге писма и меры Ивана Борисовича Доможирова да подьячего Ивана Кокушкина 7137 (1629) года / предисл. А. С. Верещагина // Тр. ВУАК. – Вып. I, отд. II. – Вятка : Тип. П. Д. Харитонов, 1907. – С. 1–59.

103. Таможенные книги Московского государства XVII века. – Т. I : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1636 гг. / под ред. А. И. Яковлева. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – С. 16, 18, 110, 127, 163, 188, 243, 272, 361–362, 368, 397.

104. Таможенные книги Московского государства XVII века. – Т. II : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1650–1656 гг. / под ред. А. И. Яковлева. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – С. 13–15, 45–46, 100, 171, 203, 220–221, 246, 323, 333, 353, 370, 385, 433, 470–471.

105. Таможенные книги Московского государства XVII века. – Т. III : Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма

в 1675–1680 гг. / под ред. А. И. Яковлева. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – С. 12, 15–16, 18–20, 22, 26, 28–29, 32–33, 148–149, 161, 174–175, 228, 233, 289, 293, 368, 410, 412–414, 433–434, 507, 530, 539, 542.

106. Челобитная Г. П. Машковцева с просьбой об освобождении его от переезда в Петербург. Апрель 1716 г. // Столетие Вятской губернии, 1780–1880 : сб. материалов к истории Вятского края. – Т. I. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литогр. Котлевич, 1880. – С. 84–85.

Статистические материалы

107. Административно-территориальное деление. Население // Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность : ист.-стат. сб. / отв. ред. Н. И. Зорин. – Киров : Киров. обл. ком. гос. статистики : Триада-С, 2002. – С. 12, 17–18.

108. Географическо-статистические сведения // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. – Отд. I. – Вятка : Губерн. тип., 1901. – С. 19–72.

109. Географическо-статистические сведения о Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. – Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1884. – С. 26–38, 78–80.

110. Глушков, И. Е. Котельнич. XIX век : топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича / И. Е. Глушков ; Вят. регион. Центр рус. культуры. – Котельнич : Котельнич. тип. упр. по печати и информ. администрации Киров. обл., 1999. – 67 с.

111. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии, 1780–1880 : сб. материалов к истории Вятского края. – Т. II. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литогр. Котлевич, 1880. – С. 613–658.

112. Материалы по статистике Вятской губернии. – Т. I : Малмыжский уезд. – М. : Типолитогр. И. Н. Кушнерова и К°, 1886. – С. 4–5.

113. Материалы по статистике Вятской губернии. – Т. III, ч. 1 : Орловский уезд. – Вятка : Тип. Кукулина, 1887. – С. 4–5.

114. Материалы по статистике Вятской губернии. – Т. IV, ч. 1 : Вятский уезд. – Вятка : Тип. Маишеева, 1888. – С. 3–7.

115. Население // 200 лет Вятской губернии : стат. сб. / Киров. обл. ком. гос. статистики. – Киров : Вятка, 1996. – С. 34.

116. Очерк города Вятки // Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. – Отд. IV : Материалы для географии и статистики Вятской губернии. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1857. – С. 267–293.

117. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. – Т. X : Вятская губерния / Центр. стат. ком. МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. – 267 с.

118. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по Империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Паровая типолитогр. Н. Л. Ныркина, 1905. – 45 с.

119. Россия, 1913 год : стат.-док. справ. / ред.-сост.: А. М. Анфимов, А. П. Корелин. – СПб. : Ин-т Рос. истории РАН, Рус.-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1995. – 416 с.

120. Состояние Вятской губернии в 1858 году // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. – Отд. IV. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1860. – С. 170–171.

121. Статистические сведения // Календарь Вятской губернии на 1880 год. – Отд. I439 ; Сергеев, В. Д. Вятские «нигилисты»: из истории разночинной интеллигенции Вятки / В. Д. Сергеев. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во Камчат. пед. ин-та, 1994. – 111 с.

122. Статистические сведения // Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1886. – С. 23–150.

123. Статистические сведения // Календарь Вятской губернии на 1890 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1889. – С. 59–114.

124. Статистические сведения // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Отд. I. – Вятка : Губерн. тип., 1894. – С. 13–66.

125. Статистические сведения // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. IV. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1870. – С. 12–13, 24–25, 29–35, 82–96.

126. Статистические сведения // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1914 год. Отд. I. – Вятка : Губерн. тип., 1913. – С. 23–78.

127. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / сост. Н. А. Спасский. – Вятка : Губерн. тип., 1875. – 323 с.

128. Торговля и услуги // 200 лет Вятской губернии : стат. сб. / Киров. обл. ком. гос. статистики. – Киров : Вятка, 1996. – С. 203–204.

129. Число населения по городам и уездам Вятской губернии (в 1914 году) // Памятная книжка и Адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. Отд. I. – Вятка : Губерн. типолитогр., 1916. – С. 86.

130. Число населения по городам и уездам за 1908 год (по сведениям полиции) // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1910 год. Отд. I. – Вятка : Губерн. тип., 1909. – С. 102.

Справочные издания

131. Адрес-календарь // Памятная книжка и Адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. типолиотогр., 1916. – С. 71–82.

132. Адрес-календарь Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1880 год. Отд. III. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1879. – С. 77–78.

133. Адрес-календарь Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1915 год. Отд. VI. – Вятка : Губерн. тип., 1915. – С. 10–14, 20–21, 81–275.

134. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1875. – С. 137–139, 144–354.

135. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. V. – Вятка : Губерн. тип., 1884. – С. 285–287.

136. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. II. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1870. – С. 92–94, 99–224.

137. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1902 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1901. – С. 1–175.

138. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1905 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1904. – С. 8–9, 69–161.

139. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1906 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1906. – С. 1–181.

140. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1908 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1908. – С. 1–180.

141. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1910 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1909. – С. 64–133, 152–153.

142. Благотворительная деятельность населения губернии и расходы городов в 1904 г. по случаю войны с Японией // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1906 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1906. – С. 99–106.

143. Благотворительные учреждения Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1884. – С. 115–148.

144. Благотворительные учреждения Российской империи. Составлено по Высочайшему повелению Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. В 3 т. Т. 1, 2. – СПб. : Тип. С.-Петерб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – Т. 1. – С. 34 ; Т. 2. – С. 986.

145. Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной служебной и экономической деятельности и пр. 1911–1912 гг. Отд. I–V. – Киев : Изд-во товарищества Л. М. Фиш, 1911. – Отд. I. Стб. 40–41 ; Отд. III. Стб. 667–726 ; Отд. V. Стб. 63–64.

146. Выдающиеся хозяйства России // Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 2. – СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1897. – Стб. 497.

147. Вятская губерния в годы Русско-японской войны : [хроника событий] / подгот. А. А. Марков // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2005 год : информ.-стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. – Киров : Вят. кн. изд-во, 2005. – С. 194–200.

148. Вятская губерния: объяснительная записка министерства финансов по проекту таблицы о взимании пошлин // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1910 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1909. – С. 62–76.

149. Вятское общество помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 г., а также и семьям нижних чинов, состоящих на действительной военной службе // Памятная книжка и Календарь Вятской губернии на 1915 г. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1915. – С. 48–106.

150. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит., 1984. – 383 + 399 с.

151. Личный состав Вятской ученой архивной комиссии (к 1 января 1907 года) // ТВУАК. Вып. V–VI. Отд. I. – Вятка : Тип. П. Д. Харитонов, 1907. – С. 55–60.

152. Личный состав Вятской ученой архивной комиссии (к 1 января 1915 года) // ТВУАК. Вып. I. Отд. I. – Вятка : Губерн. типолитогр., 1915. – С. 55–62.

153. Личный состав служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1900 год. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1899. – С. 14–169.

154. Маршруты сообщения по Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1910 год. Отд. I. – Вятка : Губерн. тип., 1909. – С. 96–100.

155. Награды, присужденные экспонентам Вятской губернии на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве // Календарь Вятской губернии на 1883 г. Отд. I. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1882. – С. 23–27.

156. О деятельности Вятского местного управления Российского Общества Красного Креста за время войны 1914 года // Памятная книжка и Календарь Вятской губернии на 1915 г. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1915. – С. 15–41.

157. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.

158. Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. V. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1870. – С. 75–191.

159. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Вятской губернии : [хроника событий] / подгот. А. А. Марков // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2006 год : информ.-стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. – Киров : Тип. КОГУЗ МИАЦ, 2006. – С. 271–283.

160. Перечень заводов и фабрик, годовая сумма производства которых более 1000 руб., за 1885 год // Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1886. – С. 69–125.

161. Росписание чинов гражданского, военного и духовного ведомств в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Отд. I. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1857. – С. 3–90.

162. Россия : энцикл. слов. [Репр. воспр. изд. Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона 1898 г.] / И. Е. Андреевский и др. – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с.

163. Список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1914 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1913. – С. 187–196.

164. Список лицам, служащим в Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. V. – Вятка : Губерн. тип., 1886. – С. 231–348.

165. Список лицам, служащим в Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1890 год. Отд. VI. – Вятка : Губерн. тип., 1889. – С. 141–253.

166. Список лицам, служащим в Вятской губернии // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Отд. VI. – Вятка : Губерн. тип., 1894. – С. 1–115.

167. Список наиболее крупных торгово-промышленных фирм Вятской губернии (по сведениям городских управ) // Календарь Вятской губернии на 1890 г. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1889. – С. 52–58.

168. Список фабрик и заводов Европейской России. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. – 839 с.

169. Справочные сведения // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. III. – Вятка : Тип. губерн. правл., 1870. – С. 22–56.

170. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / сост. В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. – 700 + 780 + 556 + 684 с.

171. Хроника общественной жизни за 1909 и 1910 гг. // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1911 г. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1910. – С. 97, 119.

172. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона. Т. XXV. – СПб. : Типо-литогр. И. А. Ефрона, 1898. – С. 19–22.

Летописание и письменные исторические памятники

173. Временник, еже нарицается Летописец Российских Князей, како начася в Российской земли княжение и грады утвердишася. Вкратце написано / издал А. С. Верещагин // ТВУАК. Вып. II. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1905. – С. 1–67.

174. Послание митрополита Ионы вятским воеводам и всем жителям с убеждением их покориться великому князю, прекратить грабежи и разбой и возвратить полон. Писано ок. 1452 г. // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края : прил. ко 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». – Вятка : Тип. губерн. правл., 1881. – С. 8–10.

175. [Сказание] о Царевоконстантиновской церкви / сообщ. А. С. Верещагин // ТВУАК. Вып. II. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1905. – С. 36–40.

176. Сказания русских летописцев о Вятке / собр. и издал А. С. Верещагин // ТВУАК. Вып. I. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1905. – С. 1–121.

177. «Хождение» за три моря Афанасия Никитина // Изборник : повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. А. Дмитриева и Н. В. Понырко ; вступ. ст. Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 215–234. – (Классики и современники. Русская классическая литература).

Публицистические и литературные произведения

178. Ленин, В. И. Анкета об организациях крупного капитала / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 21 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 288–305.

179. Ленин, В. И. Идеи передового капитала / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 23 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 346–347.
180. Ленин, В. И. Принципиальные вопросы политики (либеральная буржуазия и реформизм) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 23 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 419–422.
181. Ленин, В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 23 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 397–399.
182. Ленин, В. И. Российская буржуазия и российский реформизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 23 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 394–396.
183. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / сост., вступит. статья и коммент. А. И. Баландина. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. – С. 237–252. – (Серия «Русский Север»).
184. Садко // Русский фольклор / сост. и примеч. В. Аникина. – М. : Худож. лит., 1985. – С. 239–249. – (Классики и современники. Русская классическая литература).
185. Салтыков-Щедрин, М. Е. Губернские очерки // Собр. соч. В 10 т. Т. 1. / М. Е. Салтыков-Щедрин ; под общ. ред. С. А. Макашина и К. И. Тюнькина. – М. : Правда, 1988. – 544 с.
186. Стахеев, Д. И. Уездный город // Духа не угашайте : избр. произведения / Д. И. Стахеев ; подгот. текста, сост., вступ. ст. Н. М. Валеева. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1992. – С. 373–388.

Периодическая печать

187. Аркадий Иванович Машковцев (некролог) // Вятские губернские ведомости. 1866. № 91. 15 ноября.
188. Биржевой комитет // Прикамская жизнь. 1917. № 37. 17 февр.
189. Блинов, Н. Н. Представители земства первых трехлетий (из воспоминаний) / Н. Н. Блинов // Вятская речь. 1914. № 105. 20 мая.
190. Валеев, Н. М. Елабужские благотворители / Н. М. Валеев // Вятский епархиальный вестник. 1993. № 3.
191. В Думе (6 июля) // Вятский вестник. 1907. № 143. 8 июля.
192. Ведомость о назначенных и существующих в Вятской губернии гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях на 1840 год // Вятские губернские ведомости. 1840. Прибавление № 6.

193. Ведомость о поступлениях на оказание пособий нуждающимся в продовольствии, за октябрь месяц сего 1891 года // Вятские губернские ведомости. 1891. № 90. 9 нояб.

194. Взгляд на торговлю Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. 1841. Прибавление № 13.

195. В Ижевском заводе : хроника // Вятский вестник. 1907. № 183. 28 авг.

196. В обществе помощи семьям запасных : хроника // Вятская речь. 1914. № 179. 19 авг.

197. В Сарапуле о перевороте // Прикамская жизнь. 1917. № 49. 3 марта.

198. В собрании монархистов : хроника // Вятский вестник. 1907. № 197. 18 сент.

199. Выборы в Думу по Вятской губернии // Прикамский край. 1907. № 60. 3 окт.

200. Выборы головы в г. Котельниче // Вятская речь. 1917. № 179. 20 авг.

201. Вятка, 1-го января // Вятские губернские ведомости. 1900. № 1. 1 янв. Приложение.

202. Вятское уездное земство (письмо из Вятки) // Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. – 2-е изд. – СПб. : Тип. Этингера, 1877. – С. 40–43.

203. Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880). По Вятским губернским ведомостям // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Т. I : сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литогр. Котлевич, 1880. – С. 3–110.

204. Вятское земство. Обзор современного положения // Вестник Европы. 1880. Октябрь. Кн. 10. С. 838–877.

205. Дар гласного // Прикамская жизнь. 1916. № 81. 15 апр.

206. Землевладение в Вятской губернии // Прикамский край. 1907. № 60. 3 окт.

207. Из Елабуги (очерк религиозного быта и благотворительности города) // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 13. 1 июля.

208. Из жизни братства трезвости // Прикамская жизнь. 1916. № 70. 29 марта.

209. Историческое заседание Сарапульской городской думы // Прикамская жизнь. 1917. № 50. 4 марта.

210. К взрыву бомбы у дома Черняевой : хроника // Прикамский край. 1907. № 44. 11 сент.

211. К организации уездного и волостных комитетов Спасения Родины в Вятском уезде : хроника // Вятская речь. 1917. № 248. 18 ноября.

212. Кражи [о похищении товаров и денег у китайца Сюль-Мин-Ху] : хроника // Вятская речь. 1917. № 254. 26 ноября; № 257. 1 дек.

213. Кузнецов, А. Н. О торговле Вятской губернии с Архангельском / А. Н. Кузнецов // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1867. – С. 578–585.
214. К убийству Кузнецова // Вятский вестник. 1907. № 165. 4 авг.
215. Купеческие сынки // Прикамская жизнь. 1916. № 115. 28 мая.
216. На помощь 84-й «стальной дивизии» : хроника // Вятская речь. 1917. № 207. 28 сент.
217. Настроение в Сарапуле // Прикамская жизнь. 1917. № 49. 3 марта.
218. Н. А. Тырышкин : хроника // Вятская речь. 1914. № 198. 12 сент. ; № 201. 16 сент.
219. Об открытии общественного Кардакова банка в г. Котельниче // Вятские губернские ведомости. 1862. № 49. 8 дек. Часть неофиц.
220. Общий очерк Слободского за 1876-й год // Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. – 2-е изд. – СПб. : Тип. Эттингера, 1877. – С. 71–75.
221. Объявление благодарности // Вятские губернские ведомости. 1890. № 46. 9 июня.
222. [Объявление об ассортименте товаров в магазине К. Н. Хлебникова] // Вятские губернские ведомости. 1875. № 30. 12 апр.
223. [Объявление об ассортименте товаров в магазине С. О. Якубовского и наградах его фирмы] // Вятский вестник. 1907. № 267. 16 дек.
224. [Объявление] Совета Сарапульского благотворительного общества // Прикамский край. 1907. № 112. 8 дек.
225. Ограбление [заводовладельца Булыгина] : хроника // Вятская речь. 1917. № 254. 26 ноября.
226. Оживление в местном кожевенном и сапожном производстве : хроника // Вятская речь. 1914. № 190. 2 сент.
227. О несостоятельности : объявления // Вятские губернские ведомости. 1890. № 1. 3 янв. ; № 2. 6 янв. ; № 102. 22 декабря.
228. О коммерческом училище в г. Вятке : хроника // Вятский вестник. 1907. № 158. 26 июля.
229. Описание Слободского уезда // Вятские губернские ведомости. 1840. Прибавление № 7.
230. [О письмах с угрозами С. О. Якубовскому] // Прикамский край. 1907. № 81. 30 окт.
231. Освящение городского госпиталя : хроника // Вятская речь. 1914. № 191. 3 сент.
232. Отечественная война и граждане г. Вятки (по историческим документам) // Вятская речь. 1912. № 188. 26 авг. ; № 191. 1 сент.

233. Открытие торговых классов : хроника // Вятская речь. 1917. № 215. 7 окт.

234. Отчет о состоянии и деятельности Слободской ремесленной школы-приюта П. и А. Гусевых за период 1890–91 год (с 9-го сент. 1890 г. по 9-е сент. 1891 г.) // Вятские губернские ведомости. 1891. № 86. 26 окт.

235. Оштрафование г. Поскребышева // Вятская речь. 1916. № 120. 11 июня.

236. О числе фабрик и заводов Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. 1841. Прибавление № 10.

237. Памяти Якова Алексеевича Прозорова // Вятские губернские ведомости. 1881. № 16. 25 февр.

238. Панихида по Н. А. Тырышкину // Вятская речь. 1914. № 199. 13 сент.

239. Письмо в редакцию // Вятская речь. 1914. № 186. 27 авг.

240. Погром в Сарапуле : хроника // Вятская речь. 1917. № 244. 14 ноября.

241. Погромы : хроника // Вятская речь. 1917. № 257. 1 дек.

242. Подробности события в Сарапуле : хроника // Вятский вестник. 1907. № 162. 1 авг.

243. Помощь 84-й «стальной дивизии» : хроника // Вятская речь. 1917. № 206. 26 сент.

244. Пополнение городской думы // Прикамская жизнь. 1917. № 51. 5 марта.

245. После выборов («маленький фельетон») // Прикамский край. 1907. № 73. 19 окт.

246. Прозоров, Я. А. О хлебной торговле Архангельского порта / Я. А. Прозоров // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1867. – С. 572–578.

247. Прошлое и настоящее Кирсинского завода // Вятский край. 1896. № 132. 12 ноября.

248. Раскладка акциза в доход города и казны с трактирных заведений в г. Вятке на будущий 1891 год // Вятские губернские ведомости. 1890. № 91. 14 ноября.

249. Ратьков-Рожнов, В. А. Выдающийся благотворитель г. Вятки Я. А. Прозоров / В. А. Ратьков-Рожнов // Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 3. 1 февр. Отд. неофиц.

250. Реквизиция сапог // Прикамская жизнь. 1916. № 74. 2 апр.

251. Сбор пожертвований среди вятского купечества на нужды войны // Вятская речь. 1914. № 188. 29 авг.

252. С. В. Лебедев : некролог // Вятская речь. 1914. № 144. 5 июля.

253. Селивановский, М. К. Заметки об Омутнинских горных заводах Н. П. Пастухова / М. К. Селивановский // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1894. – С. 186–217.

254. [Сообщение о взрыве в доме купца Бодалева] : хроника // Вятский вестник. 1907. № 174. 17 авг.

255. [Сообщение о выборах] : хроника // Вятский вестник. 1907. № 205. 28 сент.

256. [Сообщение о новых почетных членах попечительного комитета Вятской публичной библиотеки] : хроника // Вятский вестник. 1906. № 175. 12 авг.

257. [Сообщение о пожертвовании Т. Ф. Булычевым денежных средств на устройство здания для реального училища в г. Орлове] : хроника // Вятский вестник. 1906. № 231. 26 окт.

258. [Сообщение о пожертвованиях] // Вятские губернские ведомости. 1891. № 86. 26 окт.

259. [Сообщение об общем собрании 8 июля 1907 г. членов Вятской народной монархической партии] : хроника // Вятский вестник. 1907. № 145. 11 июля.

260. [Сообщение об общем собрании 22 июля 1907 г. членов Вятской народной монархической партии] : хроника // Вятский вестник. 1907. № 157. 25 июля.

261. [Сообщение об устройстве народного гулянья в Слободском] // Вятские губернские ведомости. 1902. № 86. 20 июля. Приложение.

262. [Сообщение об учреждении отделения Вятской народной монархической партии в г. Уржуме] : хроника // Вятский вестник. 1907. № 162. 1 авг.

263. [Сообщение об учреждении отделения «Союза 17 октября» в г. Вятке] : хроника // Вятский вестник. 1906. № 275. 20 дек.

264. Список наград, присужденных на Казанской выставке экспонентам Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. 1890. № 99. 12 дек. ; № 101. 19 дек. ; № 102. 22 дек.

265. Штраф [о нарушении правил торговли И. Д. Ушеренко] // Прикамская жизнь. 1916. № 101. 8 мая.

266. Штрафы на мучников // Прикамская жизнь. 1916. № 74. 2 апр.

267. [Я. А. Прозоров] : некролог // Вятские губернские ведомости. 1881. № 12. 11 февр.

268. Я. И. Поскребышев : некролог // Вятская речь. 1912. № 248. 9 ноября.

Источники личного происхождения

269. Автобиография К. И. Клепикова. – Вятка : Тип. и хромолитогр. Маишевой, 1902. – 6 с.

270. Автобиография // Стахеев Д. И. Духа не угашайте : избр. произведения / подгот. текста, сост., вступ. ст. Н. М. Валеева. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1992. – С. 414–416.

271. Боткина, А. П. Павел Михайлович Третьяков / А. П. Боткина ; предисл. В. С. Кеменова. – 3-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 288 с. – (Жизнь в искусстве).

272. Бурыйшкин, П. А. Москва купеческая : мемуары / П. А. Бурыйшкин ; вступ. ст., коммент. Г. Н. Ульяновой, М. К. Шацилло. – М. : Высш. шк., 1991. – 352 с.

273. Варенцов, Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Н. А. Варенцов ; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. А. Любартровича и Е. М. Юхименко. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – 848 с.

274. Воспоминания вятского старожила К. И. Клепикова. – Вятка : Тип. и хромолитогр. Маишеева, 1899. – 14 с.

275. Герцен, А. И. Письма 1832–1838 годов. Н. А. Захарьиной. Вятка, 6–7 сентября 1835 г. / А. И. Герцен // Сочинения : в 30 т. Т. 21 / А. И. Герцен. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 50.

276. Герцен, А. И. Письма 1839–1847 годов. А. Л. Витбергу. Владимир, ок. 12 октября 1839 г. / А. И. Герцен // Сочинения : в 30 т. Т. 22 / А. И. Герцен. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 47–48.

277. Герцен, А. И. Тюрма и ссылка (1834–1838) / А. И. Герцен // Былое и думы : соч. в 9 т. : Т. 4. Ч. 2 / А. И. Герцен. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. – С. 171–308.

278. Добролюбов, Н. А. Дневники. 25 [января 1856 г.] // Сочинения : в 9 т. Т. 8 / Н. А. Добролюбов. – М. ; Л. : Худож. лит., 1964. – С. 492.

279. Дюма, А. Путевые впечатления. В России // Сочинения : в 3 т. Т. 3 / А. Дюма. – М. : Ладомир, 1993. – С. 148–149.

280. Жизнь елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году // Краеведы Елабуги. – Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2007. – С. 68–75.

281. Из мемуаров А. А. Прозорова – о купце Я. А. Прозорове и его семье // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. Т. 4 : История. – Киров : Обл. писател. орг., 1995. – С. 257–260.

282. Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 года. Отд. III // Календарь Вятской губернии на 1893 год. – Вятка : Губерн. тип., 1892. – С. 354–376.

283. Клепиков, К. И. Заметки и впечатления старожила / К. И. Клепиков. – Вятка : Тип. и хромолитогр. Маишеева, 1900. – 14 с.

284. Кувшинский, Н. П. Несколько сведений из вятской хроники прошлых времен (со слов вятского купца Александра Егоровича Рязанцева и некоторых других лиц писано в 1863 году) / Н. П. Кувшинский // ТВУАК. Вып. I–II. Отд. III / под ред. Н. А. Спасского. – Вятка : Губерн. тип., 1913. – С. 1–21.

285. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. – М. : РОССПЭН : Памятники исторической мысли, 2007. – 470 с.

286. Кюстин, Астольф де (маркиз). Николаевская Россия / маркиз Астольф де Кюстин. – М. : Терра, 1990. – 288 с.

287. Немирович-Данченко, В. И. Из прошлого / В. И. Немирович-Данченко. – М. : Худож. лит., 1938. – 298 с.

288. Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников / Н. А. Богородицкая. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2000. – 388 с.

289. «Ныне к вам прибегаю»: жизнеописание соловецкого инок Афанасия, написанное им самим / подгот. к печати, коммент. В. Н. Матонина. – Архангельск ; М. : Товарищество Север. Мореходства : Фолиум, 2008. – 134 с.

290. Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию / Адам Олеарий // Россия XVII века : воспоминания иностранцев. – Смоленск : Русич, 2003. – С. 257–486.

291. Павлов, М. А. Воспоминания металлурга / М. А. Павлов ; отв. ред. Б. Н. Жеребин. – М. : Наука, 1984. – 423 с.

292. Петербургское купечество в XIX в. / сост., подгот. текста, коммент., вступ. ст. А. М. Конечного / С.-Петерб. гос. театр. б-ка, Рос. ин-т истории искусств. – СПб. : Гиперион, 2003. – 352 с. – («Забытый Петербург». VI).

293. Прозоров, А. А. Город Вятка и его обыватели : мемуары / А. А. Прозоров ; под ред. М. С. Судовикова, Е. И. Пакиной. – Киров : Экспресс, 2010. – 152 с.

294. Сборник статей вятского старожила К. И. Клепикова. – Вятка : Тип. и хромолитогр. Маишеева, 1899. – 19 с.

295. Семейный список Константина Игнатьевича Клепикова. – Вятка : Тип. Шкляевой, 1903. – 2 с.

296. Сергиев, Б. Г. Вятские воспоминания (1890–1906 гг.). Ч. 2. О быте : [машинопись] / Б. Г. Сергиев. – Отд. краеведч. лит. Киров. обл. науч. б-ки им. А. И. Герцена. Фонд «Д». № 641. – С. 184–205.

297. Сытин, И. Д. Жизнь для книги / И. Д. Сытин. – М. : Госполитиздат, 1962. – 280 с.

298. Хохлов, И. А. История моей жизни / И. А. Хохлов // Герценка: вятские записки. Вып. 6 / Киров. ордена Почета гос. универ. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Киров : Киров. обл. тип., 2004. – С. 139–183.

299. Чарушин, Н. А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века / Н. А. Чарушин. – 2-е изд. – М. : Мысль, 1973. – 408 с.

300. Шкляев, В. Н. Моя жизнь. Ч. 1 : [машинопись] / В. Н. Шкляев. – Отд. краеведч. лит. Киров. обл. науч. б-ки им. А. И. Герцена. Фонд «Д». № 453. – С. 88–89, 112–113.

2. ЛИТЕРАТУРА

Дореволюционные издания

301. Александро-Невский собор в городе Вятке. – 2-е изд. – Вятка : Типолитограф. М. М. Шкляевой, 1903. – 26 с.

302. Андриевский, А. А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества / А. А. Андриевский // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Т. I : сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литограф. Котлевич, 1880. – С. 51–83.

303. Бехтерев, Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии / Н. П. Бехтерев // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Т. II : сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литограф. Котлевич, 1880. – С. 389–489.

304. Бехтерев, Н. П. Высочайшие посещения Вятской губернии / Н. П. Бехтерев // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Т. II : сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литограф. Котлевич, 1880. – С. 819–852.

305. Бехтерев, Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 / Н. П. Бехтерев, А. А. Андриевский, Н. А. Спасский // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Т. I : сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литограф. Котлевич, 1880. – С. 209–387.

306. Васильев, М. Г. История вятской гимназии за сто лет ее существования / М. Г. Васильев. – Вятка : Губерн. тип., 1911. – 371 с.

307. Верещагин, А. С. Вятские выборные на Земских соборах 1613 и 1648–49 гг. / А. С. Верещагин // ТВУАК. Вып. V–VI. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1906. – С. 223–227.

308. Верещагин, А. С. Купчина гостиной сотни Спиридон Лянгусов / А. С. Верещагин // ТВУАК. Вып. V–VI. Отд. III. – Вятка : Губерн. тип., 1906. – С. 232–237.

309. Верещагин, А. С. Предисловие издателя / А. С. Верещагин // Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина 1678–80 гг. – Вятка : Губерн. тип., 1906. – С. I–XVIII.

310. Верещагин, А. С. Третий депутат от Вятки на Соборе 1613 года / А. С. Верещагин // ТВУАК. Вып. I–II. Отд. III. – Вятка : Тип. П. Д. Харитонов, 1906. – С. 56–58.

311. Веселовский, Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. / Б. Б. Веселовский. – СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1909–1911. – 718 + 703 + 708 + 696 с.

312. Вештомов, А. И. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год через 600 лет / А. И. Вештомов. – Казань : Типолитогр. Император. Казан. ун-та, 1907. – 220 с.

313. Голубев, П. А. Вятское земство среди других земств России: краткий историко-статистический очерк культурной деятельности вятского земства в связи с деятельностью всех русских земств / П. А. Голубев ; Вят. губерн. земство. – Вятка : Типолитогр. Н. А. Огородникова и КО, 1901. – 167 с.

314. Гушка, А. О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России / А. О. Гушка ; Императ. Рус. техн. о-во. – СПб. : [б. и.], 1912. – 208 с.

315. Дан, Ф. Очерк политической эволюции буржуазных элементов городского населения / Ф. Дан // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2. Ч. 2 / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потрессова. – СПб., 1910. – С. 101–145.

316. Дом инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 годов, устроенный Вятским Обществом помощи семьям запасных. – Вятка : Губерн. типолитогр., 1915. – 72 с.

317. Жирнов, О. М. Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк. Обзор деятельности банка за 50 лет (1862–1911 г.) / О. М. Жирнов. – Вятка : Тип. и хромофотогр. Шкляевой, 1913. – 235 с.

318. Замятин, Г. А. Исторический очерк возникновения в гор. Слободском Общественного Анфилатова банка (по поводу столетнего юби-

лея Банка) / Г. А. Замятин // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1910 г. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1909. – С. 1–57.

319. Замятин, Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов. Очерк его жизни и деятельности. 1810–1910 : к столетию Слободского общественного Анфилова банка / Г. А. Замятин. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – 275 с.

320. Иоксимович, Ч. М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1 / Ч. М. Иоксимович. – М. : Изд-во кн. магазина Вестн. мануфактурной пром-сти, 1915. – 240 с.

321. Историческое описание церквей г. Вятки // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Т. I : сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литогр. Котлевич, 1880. – С. 182–207.

322. История Московского купеческого общества. 1863–1913. Т. 2, 4, 5 / Моск. купеч. о-во ; под ред. В. Н. Сторожева. – М. : Моск. гор. тип., 1913–1916.

323. Кизеветтер, А. А. Гильдия московского купечества : ист. очерк / А. А. Кизеветтер. – М. : Гор. тип., 1915. – 216 с.

324. Кизеветтер, А. А. Посадская община в России XVIII столетия / А. А. Кизеветтер. – М. : Унив. тип., 1903. – 810 с.

325. Московская биржа. 1839–1889. – М. : Типолитогр. Высочайше утвержден. товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1889. – 92 с.

326. Московское купеческое собрание : ист. очерк. – М. : Изд-во Моск. купеч. собр., 1914. – 247 с.

327. Наумов, П. И. Материалы для истории торговли Вятской губернии / П. И. Наумов // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1903 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1902. – С. 126–160 ; Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1904 год. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1903. – С. 209–264.

328. Огородников, С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении / С. Ф. Огородников. – СПб. : Тип. морского м-ва, 1890. – 327 с.

329. Пажитнов, К. А. Очерк развития буржуазии в России / К. А. Пажитнов // Образование. – 1907. – № 2. – С. 1–23. Отд. II ; Образование. – 1907. – № 3. – С. 59–88. Отд. II.

330. Спасская, Л. Н. Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Феодоровича Романова. В память 300-летия царствования Дома Романовых : ист. очерк / Л. Н. Спасская // ВТУАК. Вып. I–II. Отд. I. – Вятка : Губерн. тип., 1913. – С. 1–345.

331. Спасский, Н. А. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения / Н. А. Спасский // Столетие Вятской

губернии. 1780–1880. Т. I : сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка : Тип. губерн. правл. и литогр. Котлевич, 1880. – С. 101–181.

332. Спицын, А. А. История рода Рязанцевых / А. А. Спицын. – Вятка : Губерн. тип., 1884. – 45 с.

333. Сырцов, И., протоиерей. История Донской-Стефановской церкви города Вятки (1721–1914) / протоиерей И. Сырцов // ТВУАК. Вып. I. Отд. III. – Вятка : Губерн. типолитогр., 1915. – С. 1–102.

334. Тимофеев, А. Г. История С.-Петербургской биржи / А. Г. Тимофеев ; Петербург. биржевой ком. – СПб. : Тип. С.-Петерб. товарищества печ. и изд. дела «Труд», 1903. – 295 с.

335. Торговое и промышленное дело Рябушинских. – М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1913. – 154 с.

336. Чулков, Н. П. Московское купечество XVIII и XIX веков (генеалогические заметки) / Н. П. Чулков // Русский архив. Кн. III, вып. 12. – М., 1907. – С. 489–502.

337. Шишкин, И. В. История города Елабуги / И. В. Шишкин. – репр. восп. изд. 1871 г. – Елабуга : Изд-во Елабуж. гос. ист.-архитектур. и худож. музея-заповедника, 1991. – 54 с.

338. Эргин, А. А. Значение Пермь-Котласской железной дороги для Вятского края / А. А. Эргин // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1902 г. Отд. II. – Вятка : Губерн. тип., 1901. – С. 125–184.

339. Юрьев, В. П. Вятская старина. Вып. I : материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII века / В. П. Юрьев. – Вятка : Губерн. тип., 1888. – 144 с.

340. Юрьев, В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II : очерк из истории городского общественного управления / В. П. Юрьев. – Вятка : Губерн. тип., 1885. – 175 с.

Монографии

341. Агеев, С. С. Рязановы – купцы екатеринбургские / С. С. Агеев, В. П. Микитюк / отв. ред. С. П. Постников. – Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1998. – 192 с.

342. Алексеев, Ю. Г. Государь всея Руси / Ю. Г. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1991. – 240 с. – (Страницы истории нашей Родины).

343. Аксенов, А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (из истории формирования русской буржуазии) / А. И. Аксенов. – М. : Наука, 1988. – 189 с.

344. Аксенов, А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. / А. И. Аксенов. – М. : Наука, 1993. – 219 с.

345. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Л. : Лениздат, 1989. – 496 с. – (Историческая библиотека «Хроника трех столетий : Петербург – Петроград – Ленинград»).

346. Балыбердин, Ю. А. Возникновение и деятельность политических партий в Вятской губернии в период первой русской революции (1905–1907 гг.) / Ю. А. Балыбердин. – М. : Изд-во МПГУ им. В. И. Ленина, 1994. – 207 с.

347. Балыбердин, Ю. А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 гг.) / Ю. А. Балыбердин. – М. : Изд-во МПГУ, 2005. – 400 с.

348. Банникова, Е. В. Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде : монография / Е. В. Банникова. – Оренбург : Изд-во ГУРЦРО, 2009. – 238 с.

349. Барышников, М. Н. Политика и предпринимательство в России: из истории взаимодействия в начале XX в. / М. Н. Барышников. – СПб. : Нестор, 1997. – 233 с.

350. Баянзина, Н. П. Пермь купеческая / Н. П. Баянзина. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь : Пушка, 2002. – 160 с.

351. Белов, В. И. Повседневная жизнь русского Севера : очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей / В. И. Белов. – М. : Мол. гвардия, 2000. – 391 с. – (Живая история: повседневная жизнь человечества).

352. Бердинских, В. А. Вятские историки. Ремесло историка в России / В. А. Бердинских. – Киров : ТО «Grey Woolf» КО СПРФ, 2007. – 560 с.

353. Бердинских, В. А. История города Вятки: очерки / В. А. Бердинских. – 2-е изд., испр. и доп. – Киров : тип. ООО «Альфа-Ком», 2008. – 336 с.

354. Берлин, П. А. Русская буржуазия в старое и новое время / П. А. Берлин. – М. : Книга, 1922. – 308 с.

355. Богатырева, О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917) / О. Н. Богатырева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 458 с.

356. Бойко, В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. : очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории / В. П. Бойко / под ред. В. П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 424 с.

357. Бойко, В. П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии / В. П. Бойко. – Томск : Водолей, 1996. – 320 с.

358. Большаков, С. Д. История города Котельнича / С. Д. Большаков. – Котельнич : Киров. обл. тип., Котельнич. фил., 2006. – 115 с.

359. Боханов, А. Н. Деловая элита России 1914 г. / А. Н. Боханов. – М. : Изд. центр ин-та рос. истории РАН, 1994. – 274 с.
360. Боханов, А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. – М. : Наука, 1989. – 192 с.
361. Боханов, А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) / А. Н. Боханов. – М. : Наука, 1992. – 264 с.
362. Буганов, В. И. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы / В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. – М. : Мысль, 1980. – 344 с.
363. Валеев, Н. М. Елабуга, Харбин, Сидней... / Н. М. Валеев, Н. Г. Валеева. – Казань : Идел-Пресс, 2007. – 208 с.
364. Валеев, Н. М. Дмитрий Стахеев. Судьба и творчество / Н. М. Валеев. – Уфа : Восточ. ун-т, 1996. – 133 с.
365. Власов, П. В. Благотворительность и милосердие в России / П. В. Власов. – М. : Центрполиграф, 2001. – 443 с.
366. Гавлин, М. Л. Из истории российского предпринимательства: династия Строгановых : анализ. обзор / М. Л. Гавлин. – М. : Изд-во ИНИОН РАН, 2003. – 133 с. – (Отечественная история).
367. Гавлин, М. Л. Российские Медичи : портреты предпринимателей / М. Л. Гавлин. – М. : ТЕРРА, 1996. – 319 с. – (Предприниматели России).
368. Галаган, А. А. История предпринимательства российского: от купца до банкира / А. А. Галаган. – М. : Ось-89, 1997. – 160 с. – (Б-ка «Истоки»).
369. Герасименко, Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. – М. : Наука, 1990. – 264 с.
370. Голикова, Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I / Н. Б. Голикова / отв. ред. Л. А. Тимошина. – М. : Памятники ист. мысли, 1998. – 524 с.
371. Гришкина, М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.) / М. В. Гришкина. – Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1994. – 208 с. – (Материалы к истории Удмуртии).
372. Девярых, Л. И. Из истории казанского купечества / Л. И. Девярых ; ред. М. Н. Павлов. – Казань : Титул, 2002. – 160 с.
373. Думова, Н. Г. Московские меценаты / Н. Г. Девярых. – М. : Мол. гвардия, 1992. – 333 с.
374. Дякин, В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы / В. С. Дякин. – Л. : Наука, 1988. – 230 с.
375. Дякин, В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917) / В. С. Дякин. – Л. : Наука, 1967. – 374 с.

376. Дякин, В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 / В. С. Дякин. – Л. : Наука, 1978. – 247 с.

377. Есиева, И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.) / И. В. Есиева. – Набережные Челны : Изд-во ИНЭКА, 2007. – 192 с.

378. Захарова, Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. / Л. Г. Захарова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 178 с.

379. Иванова, Н. А. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М. : Наука, 2004. – 574 с.

380. Изергина, Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870–1917 гг.) : лит.-краеведч. очерки / Н. П. Изергина. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. – 208 с.

381. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I : реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А. Б. Каминский. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 575 с.

382. Карамзин, Н. М. История государства Российского. Т. V–VIII / Н. М. Карамзин. – Калуга : Золотая аллея, 1993. – 576 с.

383. Касанов, С. А. Дорогой милосердия : от Вятки до Балкан (1867–1914) / С. А. Касанов. – Киров : Вятка, 1992. – 72 с.

384. Касанов, С. А. Из истории Вятского благотворительного общества / С. А. Касанов. – Киров : Изд-во КГМА, 2004. – 92 с.

385. Кафенгауз, Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен) / Б. Б. Кафенгауз. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 356 с.

386. Китанина, Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерны Путилова – Стахеева – Батолина / Т. М. Китанина. – Л. : Наука, 1969. – 180 с.

387. Климович, Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии / Л. И. Климович. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1988. – 286 с.

388. Клокман, Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века / Ю. Р. Клокман. – М. : Наука, 1967. – 335 с.

389. Ключевский, В. О. История сословий в России / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 2002. – 264 с.

390. Козлова, Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. : 20-е – начало 60-х годов / Н. В. Козлова. – М. : Археогр. центр, 1999. – 384 с.

391. Колесников, П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве / П. А. Колесников. – Вологда : Сев.-Запад. кн. изд-во, 1976. – 416 с.

392. Комлева, Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) / Е. В. Комлева. – М. : Academia, 2006. – 384 с. – (Монографические исследования : история России).
393. Королева, Н. Г. Земство на переломе (1905–1907) / Н. Г. Королева. – М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 1995. – 236 с.
394. Костомаров, Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров // Земские соборы : ист. моногр. и исслед. – М. : Чарли, 1995. – С. 65–265. – (Актуальная история России).
395. Кощеева В. И. История династии Прозоровых. Меценатство и благотворительность : монография / под ред. С. Н. Родыгиной. Киров : ООО «ВЕСИ», 2015. – 132 с.
396. Краско, А. В. Петербургское купечество : страницы семейных историй / А. В. Краско. – М. : Центрполиграф, 2010. – 416 с.
397. Кулишер, И. М. История русского народного хозяйства / Н. М. Кулишер. – 2-е изд. – Челябинск : Социум, 2004. – 743 с.
398. Кусова, И. Г. Рязанское купечество : очерки истории XVI – начала XX в. / И. Г. Кусова. – Рязань : Март, 1996. – 160 с.
399. Кустова, Е. В. Вятская городская дума: 1793–1870 / Е. В. Кустова. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2008. – 209 с.
400. Лаверычев, В. Я. По ту сторону баррикад (из истории борьбы московской буржуазии с революцией) / В. Я. Лаверычев. – М. : Мысль, 1967. – 288 с.
401. Лаверычев, В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.) / В. Я. Лаверычев. – М. : Мысль, 1974. – 252 с.
402. Лигенко, Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. : монография / Н. П. Лигенко. – Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 432 с.
403. Луппов, П. Н. История города Вятки / П. Н. Луппов / отв. ред. И. И. Смирнов. – Киров : Киров. кн. изд-во, 1958. – 239 с.
404. Луппов, П. Н. Политическая ссылка в Вятский край / П. Н. Луппов. – М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – 208 с.
405. Любимов, В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Ч. I. Начало (От Засоры до Раздерихинской) / В. А. Любимов. – 2-е изд. – Киров : Триада плюс, 2007. – 576 с.
406. Лященко, П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм / П. И. Лященко. – 4 изд. – М. : Госполитиздат, 1956. – 728 с.
407. Маслова, И. В. Купеческая династия Стахеевых : монография / И. В. Маслова. – Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2007. – 144 с.

408. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 573 с.
409. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Буланин. – 2-е изд., испр. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 548 + 568 с.
410. Морозова, Т. П. Савва Морозов / Т. П. Морозова, И. В. Поткина. – М. : Рус. кн., 1998. – 206 с.
411. Мушкалов, С. М. Грибушины. Пермской губернии династия / С. М. Мушкалов. – Пермь : Раритет-Пермь, 2007. – 304 с.
412. Нардова, В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика / В. А. Нардова. – Л. : Наука, 1984. – 260 с.
413. Нардова, В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В. А. Нардова. – СПб. : Наука, 1994. – 160 с.
414. Нилова, О. Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX в. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания / О. Е. Нилова. – М. : Изд. центр ин-та рос. истории РАН, 2002. – 252 с.
415. Овсянкин, Е. И. Архангельск купеческий / Е. И. Овсянкин. – Архангельск : Архконсалт, 2000. – 528 с.
416. Папырина, А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905–1907 гг. / А. А. Папырина. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. – 152 с.
417. Перхавко, В. Б. История русского купечества / В. Б. Перхавко. – М. : Вече, 2008. – 512 с.
418. Перхавко, В. Б. Первые купцы российские / В. Б. Перхавко. – М. : Рус. слово, 2004. – 560 с.
419. Перхавко, В. Б. Торговый мир средневековой Руси / В. Б. Перхавко. – М. : Academia, 2006. – 608 с. – (Монографические исследования: история России).
420. Петров, Ю. А. Династия Рябушинских / Ю. А. Петров. – М. : Рус. кн., 1997. – 199 с.
421. Петров, Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика / Ю. А. Петров. – М. : Мосгорархив, 2002. – 440 с. – (Московская монография).
422. Петряев, Е. Д. Записки книголюба / Е. Д. Петряев. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1978. – 280 с.
423. Петряев, Е. Д. Литературные находки: очерки культурного прошлого Вятской земли / Е. Д. Петряев. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. – 288 с.

424. Пирумова, Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н. М. Наумова. – М. : Наука, 1986. – 271 с.
425. Пирумова, Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века / Н. М. Наумова. – М. : Наука, 1977. – 288 с.
426. Поликарпов, В. С. История нравов России. Восток или Запад / В. С. Поликарпов. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – 576 с.
427. Полянский, Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России / Ф. Я. Полянский. – М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1958. – 416 с.
428. Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. : кол. моногр. / отв. ред., авт. предисл. Н. П. Лигенко. – Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 260 с.
429. Прокофьев, В. А. Герцен / В. А. Прокофьев. – 2-е изд. – М. : Мол. гвардия, 1987. – 400 с. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.)
430. Рева, А. В. Верность традициям (к истории Торгового Дома Александровых) / А. В. Рева. – Киров : Киров. обл. тип., 1998. – 128 с.
431. Рабинович, Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. / Г. Х. Рабинович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. – 329 с.
432. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 320 с.
433. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 560 с.
434. Рязанцев, Д., протоиерей. Вятский Преображенский девический монастырь. История и современное его состояние / протоиерей Д. Рязанцев. – М. : Альфа-М, 2005. – 160 с.
435. Садырина, Е. С. Октябрь в Вятской губернии / Е. С. Садырина. – Киров : Киров. кн. изд-во, 1957. – 244 с.
436. Салихов, Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. / Р. Р. Салихов / науч. ред. Р. Р. Хайрутдинов. – Казань : Фэн, 2004. – 260 с.
437. Свердлова, Л. М. Казанское купечество : социально-экономический портрет (конец XVIII – начало XX в.) / Л. М. Свердлова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2011. – 319 с.
438. Семенов, В. Л. Н. В. Мешков: пермский миллионер, либерал и просветитель : монография / В. Л. Семенов. – Пермь : ОТ и ДО, 2008. – 272 с.
439. Сергеев, В. Д. А. А. Красовский / В. Д. Сергеев. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. – 96 с.

440. Сергеев, В. Д. Вятские «нигилисты»: из истории разночинной интеллигенции Вятки / В. Д. Сергеев. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во Камчат. пед. ин-та, 1994. – 111 с.

441. Сеф, С. Е. Буржуазия в 1905 году по неизданным архивным материалам / С. Е. Сеф. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. – 128 с.

442. Скубневский, В. А. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. : монография / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2001. – 241 с.

443. Смирнов, Д. Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков / Д. Н. Орлов ; науч. ред. С. А. Орлов. – 2-е изд. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. – 343 с.

444. Соболев, В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке / В. А. Соболев. – Киров : Киров. кн. изд-во, 1962. – 68 с.

445. Соболев, В. А. Сёстры Громозовы / В. А. Соболев. – Киров : Киров. кн. изд-во, 1960. – 32 с.

446. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1991. – 288 с.

447. Ульянова, Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века / Г. Н. Ульянова. – М. : Наука, 2005. – 415 с.

448. Черменский, Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. / Е. Д. Черменский ; под ред. В. А. Быстрянского. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. – 376 с.

449. Шепелев, Л. Е. Акционерные компании в России / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука, 1973. – 348 с.

450. Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука, 1981. – 276 с.

451. Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука, 1987. – 272 с.

452. Эммаусский, А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков / А. В. Эммаусский. – Киров : Киров. кн. изд-во, 1956. – 244 с.

453. Эммаусский, А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века / А. В. Эммаусский ; науч. ред. Е. И. Кирюхина. – Киров : Киров. обл. тип., 1996. – 272 с.

454. Юхт, А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века) / А. И. Юхт. – М. : Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 1994. – 263 с.

455. Яковцевский, В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России / В. Н. Яковцевский ; отв. ред. С. Г. Струмилин. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 204 с.

Сборники, словари, справочники

456. Апкаримова, Е. Ю. Уральский город XVIII – начала XX в. : история повседневности / Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко, Т. П. Мосунова. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 2001. – 144 с.

457. Апкаримова, Е. Ю. Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в. : очерки / Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 2002. – 128 с.

458. Барышников, М. Н. Деловой мир России : ист.-биогр. справ. / М. Н. Барышников. – СПб. : Искусство-СПБ : Logos, 1998. – 448 с.

459. Булгаков, С. Н. История экономических и социальных учений / С. Н. Булгаков ; вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2007. – 992 с. – (Серия «Социальная мысль России»).

460. Валеев, Н. М. Гармония культур : избр. тр. / Н. М. Валеев. – Казань : Фэн, 2001. – 328 с.

461. Вебер, М. История хозяйства. Город : пер. с нем. / М. Вебер ; под ред. И. Гревса. – М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 576 с. – (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).

462. Вятка. Памятники и памятные места / сост. М. Н. Бойчук. – Киров : Вятка, 2002. – 256 с.

463. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред.: Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. – М. : РОССПЭН, 2007. – 302 с.

464. Грибушинские чтения – 2011: на стыке традиций, эпох, континентов : тез. докл. и сообщ. VIII Всерос. науч.-практ. конф., Кунгур, 19–23 апр. 2011 г. / Кунгур. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник. – Кунгур : Кунгур. тип., 2011. – 472 с.

465. Два века в пути : к 200-летию фабрики «Красный курсант» (1785–1985) / науч. ред. проф. Е. С. Садырина. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1985. – 176 с.

466. Земское самоуправление в России, 1864–1918 : в 2 кн. / отв. ред. Н. Г. Королева ; Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 2005. – 428 + 384 с.

467. Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана : в 2 т. – Казань : Яналиф, 2001. – 288 + 272 с.

468. Из истории буржуазии в России : сб. ст. / отв. ред. Г. Х. Рабинович. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. — 156 с.

469. Имею честь быть Вашим... : к столетию училища им. Н. П. Пастухова. — Рыбинск : Рыбин. подворье, 2000. — 192 с.

470. История предпринимательства в России. — Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в. — М. : РОССПЭН, 2000. — 480 с.

471. История предпринимательства в России. — Кн. 2 : Вторая половина XIX — начало XX в. — М. : РОССПЭН, 1999. — 575 с.

472. История северного крестьянства. — Т. 2 : Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. — Архангельск : Сев.-Запад. кн. изд-во, Вологод. отд-ние, 1985. — 385 с.

473. История Удмуртии, конец XV — начало XX века / под ред. К. И. Куликова. — Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2004. — 552 с.

474. Касанов, С. А. Очерки благотворительной и милосердной деятельности в Вятском крае / С. А. Касанов, С. А. Куковякин. — Киров : Изд-во КГМИ, 1998. — 216 с.

475. Котлова, Л. А. Очерки истории здравоохранения города Елабуги (XIX–XX вв.) / Л. А. Котлова, И. Е. Крапоткина, И. В. Маслова. — Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2007. — 176 с.

476. Краеведы Елабуги / авт.-сост.: Н. М. Валеев, И. В. Корнилова. — Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2007. — 436 с.

477. Кротова, Г. А. Купцы и предприниматели Уральского региона, XVII — начало XX в. / Г. А. Кротова. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 2001. — 48 с.

478. Кузьмичев, А. Д. Русские миллионщики : семейные хроники / А. Д. Кузьмичев, Р. Р. Петров. — М. : ВЛАДОС-МПГУ : Форос : Школа-Пресс, 1993. — 128 с. — (Серия «Российское предпринимательство»).

479. Купеческая Москва : образы ушедшей российской буржуазии : пер. с англ. / отв. ред.: Дж. Уэст, Ю. А. Петров. — М. : РОССПЭН, 2007. — 248 с.

480. Купечество вятское : из истории торговли, предпринимательства и благотворительности : 625-летию Хлынова — Вятки — Кирова посвящается / ред.-сост., авт. вступ. ст.: М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. — Киров : Киров. обл. тип., 1999. — 204 с.

481. Литература Древней Руси : биобиблиогр. слов. / сост. Л. В. Соколова ; под ред. О. В. Творогова. — М. : Просвещение, 1996. — С. 222–223.

482. Мезенина, Т. Г. Род Строгановых : культур.-ист. очерки / Т. Г. Мезенина, А. Г. Мосин, Н. А. Мудрова, Е. Г. Неклюдов. — Екатеринбург : Сократ, 2007. — 256 с. — (Серия «У истоков уральского предпринимательства»).

483. Меценатство, благотворительность, предпринимательство и социальная политика государства (традиции и современность) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Киров, 4–5 дек. 2006 г. : в 2 т. – Киров : Изд-во МФЮА и РУИ, 2006. – 132 + 136 с.

484. Миненко, Н. А. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М. : Наука, 2006. – 384 с.

485. Отечественная история : энцикл. : в 5 т. – Т. 1 / редкол.: В. Л. Янин (гл. ред.) [и др.]. – М. : Большая рос. энцикл., 1994. – С. 240–242.

486. Очерки истории Кировской области / под ред.: А. В. Эммаусского, Е. И. Кирюхиной. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1972. – 456 с.

487. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под общ. ред.: В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М. : Акад. проект, 2002. – 832 с.

488. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; под общ. ред.: В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – 2-е изд. – М. : Акад. проект, 2002. – 880 с.

489. Пермь торговая : Рынок – это целый мир / отв. ред. Л. А. Фадеева. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь : Пушка, 2002. – 176 с.

490. Повседневная жизнь Коми края. – Вып. 1 / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 124 с. – (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

491. Предпринимательство и предприниматели России : от истоков до начала XX в. / под ред. А. К. Сорокина. – М. : РОССПЭН, 1997. – 344 с.

492. Прохоровские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Прохоровской мануфактуры, Москва, 9–10 дек. 1999 г. – М. : ЭКОН, 1999. – 184 с.

493. Российское купечество от средних веков к новому времени : тез. докл. науч. конф., Москва, 2–4 ноября 1993 г. – М. : Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 1993. – 152 с.

494. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. – М. : Наука, 2003. – 381 с.

495. След в веках : 150 лет кожевенно-обувному производству в Вахрушах. – Киров : Киров. обл. тип., 2004. – 66 с.

496. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. – М. : Политиздат, 1992. – С. 297–424, 521–531. – (Серия «Мыслители XX века»).

497. Третьи Стахеевские чтения : материалы междунар. науч. конф., Елабуга, 28–29 июня 2007 г. – Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2008. – 468 с.

498. 1000 лет русского предпринимательства : из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., примеч. О. А. Платонова. – М. : Современник, 1995. – 479 с.

499. 1905 год в Вятской губернии : сб. ст., воспоминаний и материалов / под ред. С. Н. Порошина. – Вятка : Труженик, 1925. – 340 с.

Учебные издания

500. Барышников, М. Н. История делового мира России : пособие для студентов вузов / М. Н. Барышников. – М. : Аспект Пресс, 1994. – 224 с. – (Программа «Обновление гуманитарного образования в России»).

501. Иванова, М. Г. Истоки удмуртского народа : учеб. пособие / М. Г. Иванова. – Ижевск : Удмуртия, 1994. – 192 с.

502. Ионичев, Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.) : учеб. пособие для вузов / Н. П. Ионичев. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 399 с.

503. История политических партий России : учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / под ред. А. И. Зевелева. – М. : Высш. шк., 1994. – 447 с.

504. Кузьмичев, А. Д. Отечественное предпринимательство : очерки истории : учеб. пособие / А. Д. Кузьмичев, И. Н. Шапкин. – М. : Прогресс : Академия, 1995. – 192 с. – (Studio et lektio).

505. Макаров, Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. : учеб. пособие / Л. Д. Макаров. – Ижевск : Удмуртский ун-т, 2001. – 140 с.

506. Миронов, Б. Н. Историческая социология России : учеб. пособие / Б. Н. Миронов. – СПб. : Издательский дом С.-Петерб. ун-та; Интерсоцис, 2009. – 536 с. («Социополис» : Библиотека современного социогуманитарного знания).

507. Никитина, С. К. История российского предпринимательства / С. К. Никитина ; ВШЭ, каф. институцион. экономики и экон. истории. – М. : Экономика, 2001. – 303 с.

508. Помпеев, Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства : учеб. пособие / Ю. А. Помпеев ; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2002. – 272 с.

509. Хорькова, Е. П. История предпринимательства и меценатства в России : учеб. пособие для вузов / Е. П. Хорькова. – М. : ПРИОР, 1998. – 496 с.

Статьи

510. Аверьянов, К. А. Вятские ярмарки в конце XVIII в. / К. А. Аверьянов // Вятская земля в прошлом и настоящем : к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова : тез. докл. и сообщ. II науч. конф. / [отв. ред. Е. И. Кирюхина]. – Т. 1. – Киров : Изд-во КГПИ, 1992. – С. 76–77.

511. Андреева, Л. М. Социальный состав кадетов Вятской губернии в 1907–1917 гг. / Л. М. Андреева // Вятская земля в прошлом и настоящем : к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова : тез. докл. и сообщ. II науч. конф. / [отв. ред. Е. И. Кирюхина]. – Т. 1. – Киров : Изд-во КГПИ, 1992. – С. 116–118.

512. Андрияйнен, С. В. Петр Иванович и Иван Иванович Шуваловы : [вступ. ст.] / С. В. Андрияйнен, А. Б. Каменский // Избранные труды / П. И. Шувалов, И. И. Шувалов. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 5–42. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

513. Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии / Ю. Н. Афанасьев // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 146–168.

514. Балыбердин, Ю. А. Монархические организации Вятско-Камского региона в период первой российской революции / Ю. А. Балыбердин // Вопросы истории. – 2007. – № 7. – С. 139–144.

515. Белик, А. А. Ярмарочная торговля вятских купцов в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. А. Белик // Герценка: вятские записки / Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Вып. 7. – Киров : Киров. обл. тип., 2004. – С. 69–76.

516. Белявский, М. Т. Сословия и сословный строй / М. Т. Белявский // Очерки русской культуры XVIII в. / [отв. ред. А. Д. Горский]. – Ч. 2. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – С. 21–43.

517. Бердинских, В. А. Неподвижное время в русской провинции как историко-культурный феномен / В. А. Бердинских // Петряевские чтения – 95 : тез. докл. к чтениям / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Киров : Киров. гор. хозрасчетный центр НТТМ, 1995. – С. 50–51.

518. Березин, Е. В. Из истории купеческого флота / Е. В. Березин // Купечество вятское : из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред.-сост., авт. вступ. ст.: М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 35–64.

519. Боханов, А. Н. Александр Иванович Гучков / А. Н. Боханов // Россия на рубеже веков : исторические портреты. – М. : Политиздат, 1991. – С. 79–111.

520. Боханов, А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. / А. Н. Боханов // История СССР. – 1985. – № 4. – С. 106–118.

521. Быкова, Е. В. Иконы из иконостаса старообрядческой молельни города Вятки / Е. В. Быкова // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (к 625-летию города Кирова) : материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 340–342.

522. Валеев, Н. М. Д. И. Стахеев : [вступ. ст.] / Н. М. Валеев // Стахеев, Д. И. Духа не угашайте : избр. произведения / Д. И. Стахеев. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1992. – С. 3–32.

523. Вест, Дж. Л. Буржуазия и общественность в предреволюционной России / Дж. Л. Вест // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 192–201.

524. Волков, М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв. / М. Я. Волков // Города феодальной России. – М. : Наука, 1966. – С. 178–206.

525. Гавлин, М. Л. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период / М. Л. Гавлин // Исторические записки. – Т. 92. – М. : Наука, 1973. – С. 336–355.

526. Гавлин, М. Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. / М. Л. Гавлин // Проблемы Отечественной истории : сб. ст. аспирантов и соиск. Ин-та истории СССР. – Ч. 1. – М., 1973. – С. 166–188.

527. Гайда, Ф. А. [Рецензия] // Отечественная история. – 2008. – № 2. – С. 198–199. – Рец. на кн.: Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). – Н. Новгород : Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2006. – 227 с.

528. Гиндин, И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности / И. Ф. Гиндин // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 57–80 ; № 3. – С. 37–60.

529. Городские головы // С почтением и благодарностью (главы городского управления, почетные граждане) : сб. – Киров : Триада-С, 1999. – С. 11–32.

530. Городницкий, Р. А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста / Р. А. Городницкий // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 168–174.

531. Гурьянова, Н. П. Александр Николаевич Луппов – управляющий делами Вятской публичной библиотеки, 1908–1918 гг. / Н. П. Гурьянова // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2007 год : информ.-стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики

по Киров. обл. ; [редкол.: Н. И. Зорин и др.]. – Вып. 4 (53). – Киров : Киров. обл. тип., 2007. – С. 299–305.

532. Дворецкая, Т. А. Фотографы дореволюционной Вятки / Т. А. Дворецкая // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (к 625-летию города Кирова) : материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 395–402.

533. Дождевых, С. М. Купеческий заказчик в истории вятской архитектуры (на примере магазина П. П. Клобукова) / С. М. Дождевых // Вестник ВятГГУ. – 2008. – № 2 (2). – С. 169–173.

534. Долгова, С. Р. Город Орлов в XV–XVIII веках / С. Р. Долгова, О. Г. Санин // История и культура Волго-Вятского края : (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) : тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф., Киров, 18–20 окт. 1994 г. / КГПИ им. В. И. Ленина ; [редкол.: В. В. Низов и др.]. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1994. – С. 94–96.

535. Жаравин, В. С. Вятское губернское земство и строительство железных дорог в крае / В. С. Жаравин // Вятскому земству – 130 лет : материалы науч. конф., Киров, 8–9 окт. 1997 г. / [сост. Н. П. Гурьянова ; ред. В. Е. Мусихин]. – Киров : Изд-во ВГПУ, 1997. – С. 86–90.

536. Жаравин, В. С. А. Н. Кузнецов и Орловская городская библиотека / В. С. Жаравин // Герценка: вятские записки / Киров. ордена Почета гос. универ. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Вып. 12. – Киров : Дом печати – Вятка, 2007. – С. 59–64.

537. Ибрагимов, К. Х. Особенности общинной поземельной собственности в России / К. Х. Ибрагимов // Вопросы истории. – 2007. – № 12. – С. 117–125.

538. Казаковцев, С. В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны / С. В. Казаковцев // Вопросы истории. – 2008. – № 7. – С. 136–142.

539. Карпов, В. Б. Уржум / В. Б. Карпов // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. – Т. 1 : Города / [редкол. В. А. Ситников и др. ; сост. В. Ф. Пономарев]. – Киров : Вятка, 1994. – С. 217–230.

540. Касаткина, В. С. Модернизация социально-экономических систем и институтов / В. С. Касаткина // История государства и права. – 2011. – № 19. – С. 8–13.

541. Кафенгауз, Б. Б. Купеческие мемуары / Б. Б. Кафенгауз // Труды Общества изучения Московской губернии. – Вып. 1 : Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков / под ред. проф. С. В. Бахрушина. – М. : Типо-литогр. Воен. Акад. РККА им. М. В. Фрунзе, 1928. – С. 105–128.

542. Киселев, И. Н. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение : (количественный анализ) / И. Н. Киселев, А. П. Корелин, В. В. Шелохаев // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 71–87.

543. Киселева, Г. Г. Путешествие в мир чистых красок, высоких мыслей и чувств / Г. Г. Киселева // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. – Т. 9 : Культура. Искусство / Администрация Киров. обл., Обл. писат. орг. ; [сост. С. П. Кокурина]. – Киров : Вятка, 1999. – С. 327–378.

544. Колеватов, Н. А. А. Н. Кузнецов – земский просветитель / Н. А. Колеватов // Вятская земля в прошлом и настоящем : к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова : тез. докл. и сообщ. II науч. конф. / отв. ред. Е. И. Кирюхина. – Т. 2. – Киров : Изд-во КГПИ, 1992. – С. 127–129.

545. Колеватов, Н. А. Кузнецова Августа Александровна / Н. А. Колеватов // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. – Т. 6 : Знатные люди : биограф. слов. / [сост. С. П. Кокурина]. – Киров : Вятка, 1996. – С. 236–237.

546. Комиссаренко, А. И. Промысловые занятия и отход вятского крестьянства в первой половине XVIII в. / А. И. Комиссаренко // Вопросы аграрной истории : материалы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР / отв. ред. П. А. Колесников. – Вологда : Обл. тип., 1968. – С. 388–395.

547. Комиссаренко, А. И. Хлыновский городской рынок в 30–40-х годах XVIII в. / А. И. Комиссаренко // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. – М. : Наука, 1966. – С. 446–455.

548. Кошечева, В. И. Время собирать камни (купцы Прозоровы и благотворительность) / В. И. Кошечева // Труды областного музея истории народного образования. – Т. 1, вып. 3. – Вятка : Музей истории нар. образования Киров. обл., 2001. – С. 1–38.

549. Кошечева, В. И. Прозоровы в Петербурге / В. И. Кошечева // Труды областного музея истории народного образования. – Т. 1, вып. 2. – Вятка : Музей истории нар. образования Киров. обл., 2001. – С. 1–18.

550. Кошечева, В. И. Яков Алексеевич Прозоров, вятский первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин, коммерции советник, меценат вятского просвещения / В. И. Кошечева // Труды областного музея истории народного образования. – Т. 1, вып. 1. – 2-е изд., испр. и доп. – Вятка : Музей истории нар. образования Киров. обл., 2000. – С. 1–26.

551. Лигенко, Н. П. Камско-Вятский регион в условиях модернизации: социально-экономический аспект. Вторая половина XIX – начало XX в. / Н. П. Лигенко // Россия и Удмуртия : история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхож-

дения Удмуртии в состав Рос. государства, Ижевск, 20–22 мая 2008 г. / сост. и общ. ред.: В. В. Пузанова, А. Е. Загребина. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2008. – С. 401–409.

552. Лигенко, Н. П. Толерантность – одна из доминант этических норм предпринимательской культуры / Н. П. Лигенко // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов / Моск. ун-т гос. упр., МФЮА (Киров. фил.), Вят. Прозоров. культ.-просвет. о-во ; [редкол.: Н. А. Вершинина и др.]. – Вып. 1. – Киров : О-Краткое, 2008. – С. 99–104.

553. Лигенко, Н. П. Торгово-предпринимательская деятельность купечества Удмуртии (60–90-е гг. XIX века) / Н. П. Лигенко // Очерки истории Удмуртии XIX века : сб. ст. / отв. ред. Н. П. Лигенко. – Вып. 3. – Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – С. 220–244. – (Материалы к истории Удмуртии).

554. Линднер, Р. «Центр культуры и гражданственности...» – коммуникация и гражданская идентичность в Екатеринославе, 1860–1914 гг. / Р. Линднер // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред.: Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 183–215.

555. Лоскутов, С. А. Монархические партии Вятской губернии в годы первой российской революции / С. А. Лоскутов // Вятская земля в прошлом и настоящем : к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова : тез. докл. и сообщ. II науч. конф. / [отв. ред. Е. И. Кирюхина]. – Т. 1. – Киров : Изд-во КГПИ, 1992. – С. 112–113.

556. Любартович, В. А. Московский промышленник Н. А. Варенцов и его мемуары / В. А. Любартович, Е. М. Юхименко // Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Н. А. Варенцов. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – С. 5–18.

557. Любимов, В. А. Деловой мир старой Вятки : словарь / В. А. Любимов // Купечество вятское : из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред.-сост., авт. вступ. ст.: М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 139–158.

558. Любимов, В. А. Из словаря вятских родословных. Прозоровы / В. А. Любимов // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов / Моск. ун-т гос. упр., МФЮА (Киров. фил.), Вят. Прозоров. культ.-просвет. о-во ; [редкол.: Н. А. Вершинина и др.]. – Вып. 1. – Киров : О-Краткое, 2008. – С. 14–21.

559. Майорова, А. С. Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. С. Майорова // Российская история. – 2010. – № 4. – С. 118–133.

560. Макаров, Л. Д. Вольный характер (русские поселенцы на реке Вятке) / Л. Д. Макаров // Родина. – 2003. – № 12. – С. 40–43.

561. Макаров, Л. Д. Киров (Вятка): возникновение и первоначальное развитие города / Л. Д. Макаров // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. – Т. 1 : Города / [редкол.: В. А. Ситников и др. ; сост. В. Ф. Пономарев]. – Киров : Вятка, 1994. – С. 10–34.

562. Малышева, Т. В. Меценаты Клобуковы / Т. В. Малышева // Купечество вятское : из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред.-сост., авт. вступ. ст.: М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 131–138.

563. Мамаев, А. В. Вятская городская дума в 1917–1918 гг. / А. В. Мамаев // Развитие местного самоуправления в г. Кирове : сб. ст. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Киров. гор. думы / Киров. гор. дума ; [отв. ред. В. Т. Юнгблуд]. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 80–101.

564. Марков, А. А. Купец Анфилов / А. А. Марков // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. – Т. 4 : История / Администрация Киров. обл., Обл. писат. орг. ; [сост. В. А. Бердинских]. – Киров : Вятка, 1995. – С. 133–138.

565. Матвеев, И. И. Фабрично-заводская промышленность в Вятском крае в конце XVIII в. и начале XIX в. / И. И. Матвеев // Вятская жизнь. – 1923. – № 4 (июль-август). – С. 41–70.

566. Матонин, В. Н. Афанасий Булычев : биограф. очерк / В. Н. Матонин // «Ныне к вам прибегаю» : жизнеописание соловецкого инок Афанасия, написанное им самим / подгот. к печати, коммент. В. Н. Матонина. – Архангельск ; М. : Товарищество Сев. Мореходства : Фолиум, 2008. – С. 103–133.

567. Медушевский, А. Н. Великая реформа и модернизация России / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 3–27.

568. Мемуаристика XIX в. в государственных архивах Сибири / Н. П. Матханова, В. В. Моисеев, Е. В. Ильина [и др.] // Отечественные архивы. – 2008. – № 5. – С. 51–57.

569. Милов, Л. В. Культура сельскохозяйственного производства / Л. В. Милов, Л. Н. Вдовина // Очерки русской культуры XVIII века. – Ч. 1. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – С. 39–147.

570. Миронов, Б. Н. К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII – начале XIX в. / Б. Н. Миронов // История СССР. – 1973. – № 6. – С. 129–140.

571. Мирошниченко, Е. А. Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века : (из истории российского предпри-

нимательства) / Е. А. Мирошниченко // Отечественная история. – 2006. – № 5. – С. 28–39.

572. Мокерова, Е. Ю. К вопросу об использовании монет финно-угорскими и тюркскими народами Вятского края / Е. Ю. Мокерова // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (к 625-летию города Кирова) : материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 424–431.

573. Низов, В. В. «Волостные» и «земские люди» Балезины в середине XVI – начале XVII в. / В. В. Низов // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы III науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечеств. войне / отв. ред. Е. И. Кирюхина. – Т. 1. – Киров : Изд-во КГПИ, 1995. – С. 19–24.

574. Низов, В. В. Вятские торговые люди Балезины в первой половине XVII в. / В. В. Низов // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы III науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечеств. войне / отв. ред. Е. И. Кирюхина. – Т. 1. – Киров : Изд-во КГПИ, 1995. – С. 24–34.

575. Нифонтов, А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. : (по материалам переписей населения г. Москвы в 70–90-х годах XIX в.) / А. С. Нифонтов // Исторические записки. – Т. 54. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 239–250.

576. Обнорская, Н. В. Николай Петрович Пастухов / Н. В. Обнорская // Имею честь быть Вашим... : к столетию училища им. Н. П. Пастухова. – Рыбинск : Рыбин. подворье, 2000. – С. 24–28.

577. Обухова, Г. И. Глазовское купечество и Нижегородская ярмарка в первой половине XIX века / Г. И. Обухова // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья : история и современность : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Глазов : Изд-во Глазов. гос. пед. ин-та, 2005. – С. 18–20.

578. Обухова, Г. И. Крестьянство Удмуртии и его роль в формировании купечества края в XVIII в. / Г. И. Обухова // История, историография и источниковедение Удмуртии : сб. ст. / сост. и отв. ред. А. Н. Кутявин. – Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО АН СССР, 1992. – С. 20–40.

579. Обухова, Г. И. Купеческое банкротство: экономические, юридические, социально-психологические аспекты проблемы / Г. И. Обухова // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов / Моск. ун-т гос. упр., МФЮА (Киров. фил.), Вят. Прозоров. культур.-просвет. о-во. – Вып. 1. – Киров : О-Краткое, 2008. – С. 66–83.

580. Обухова, Г. И. Частные и казенные подряды купечества Удмуртии на перевозку грузов водным транспортом в начале XIX – 70-х гг. XIX века / Г. И. Обухова // Краеведение в развитии провинциальной

культуры России : материалы 2-й науч. конф. / Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Киров : Лобань, 2009. – С. 92–102.

581. Ощепков, К. П. Шведские предприниматели в городе Вятке (середина XIX – начало XX в.) / К. П. Ощепков // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи : (к 210-летию А. Л. Витберга) : материалы междунар. науч. симп. / отв. ред. В. В. Низов. – Киров : Киров. обл. тип., 1997. – С. 227–234.

582. Ощепков, К. П. Я. Ф. Тырышкин – «духовный наследник» П. В. Алабина / К. П. Ощепков // П. В. Алабин, Вятка, музей : Алабинские чтения / сост. В. С. Жаравин. – Киров : Киров. обл. тип., 1998. – С. 69–76.

583. Панькова, С. Н. Купцы Кардаковы: годы и судьбы / С. Н. Панькова // Купечество вятское : из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред.-сост., авт. вступ. ст.: М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 121–130.

584. Панькова, С. Н. Купцы с Примоломья : из истории рода Кардаковых / С. Н. Панькова // Герценка: вятские записки / Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Вып. 1. – Киров : Киров. обл. тип., 2000. – С. 103–117.

585. Перхавко, В. Б. Купечество и каменное строительство в Москве во второй половине XV–XVI веке / В. Б. Перхавко // Российское купечество от средних веков к новому времени : тез. докл. науч. конф. – М. : Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 1993. – С. 15–17.

586. Петров, Ю. А. Московское предпринимательство в контексте экономической и политической истории России. Вторая половина XIX – начало XX в. / Ю. А. Петров // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред.: Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 155–169.

587. Петров, Ю. А. Павел Павлович Рябушинский / Ю. А. Рябушинский // Россия на рубеже веков : исторические портреты. – М. : Политиздат, 1991. – С. 112–152.

588. Пиетров-Эннкер, Б. (Pietrow-Ennker, Bianka). Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги / Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред.: Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 7–34.

589. Пиотровский, М. Б. Ислам – вера и образ жизни / М. Б. Пиотровский // Преподавание истории в школе. – 1996. – № 2. – С. 2–14.

590. Преснецов, Р. М. Музыка и театр / Р. М. Преснецов // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. – Т. 9 : Культура. Искусство / Администрация Киров. обл., Обл. писат. орг. ; [сост. С. П. Кокурина]. – Киров : Вятка, 1999. – С. 416–476.

591. Приселков, М. Д. Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. / М. Д. Приселков // Первая отчетная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». – Л. : [б. и.], 1925. – С. 1–47.

592. Рафиков, А. М. Вятская купеческая династия Заитовых / А. М. Рафиков // Вестник архивиста. – 2010. – № 4. – С. 273–281.

593. Рафиков, А. М. Представители купеческого рода Альмухаметовых в Елабуге / А. М. Рафиков // Краеведение в развитии провинциальной культуры России : материалы 2-й науч. конф. / Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Киров : Лобань, 2009. – С. 227–235.

594. Рева, А. В. Вахрушевы / А. В. Рева // Энциклопедия земли Вятской : в 10 т. – Т. 6 : Знатные люди : биограф. слов. / [сост. С. П. Кокурина]. – Киров : Вятка, 1996. – С. 78.

595. Рогожников, О. В. Церкви города Слободского / О. В. Рогожников // Город Слободской. Пять столетий истории : ист.-стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. – Киров : Вят. кн. изд-во, 2005. – С. 539–542.

596. Россия в истории: от измерения к пониманию. Новая книга Б. Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег / материал подгот. С. С. Секиринским // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 145–204.

597. Рындзюнский, П. Г. Гильдейская реформа Канкрина 1824 года / П. Г. Рындзюнский // Исторические записки. – Т. 40 / отв. ред. Б. Д. Греков. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 110–139.

598. Рязанцев, С. И. О потомственных солепромышленниках Рязанцевых / С. И. Рязанцев // Отечество : обществ.-лит. и ист.-краевед. альм. – 2004. – № 3 (март). – С. 48–55.

599. Селезнев, Ф. А. Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах / Ф. А. Селезнев // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 42–53.

600. Семенова, А. В. Предисловие / А. В. Семенова, А. И. Аксенов // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. – М. : РОССПЭН : Памятники исторической мысли, 2007. – С. 3–10.

601. Семибратов, В. К. В величии любви и правды / В. К. Семибратов // Купечество вятское : из истории торговли, предпринимательства

и благотворительности / ред.-сост., авт. вступ. ст.: М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. – Киров : Киров. обл. тип., 1999. – С. 9–14.

602. Сметанин, А. Ф. Предисловие / А. Ф. Сметанин // Повседневная жизнь Коми края. – Вып. 1 / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – С. 3–4.

603. Соколов, А. Р. Российская благотворительность в XVIII–XIX веках : (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) / А. Р. Соколов // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 147–158.

604. Соколов, Н. Г. Наказы рязанского купечества депутатам Уложенной комиссии (1767–1768 гг.) / Н. Г. Соколов // Российское купечество от средних веков к новому времени : тез. докл. науч. конф., Москва, 2–4 ноября 1993 г. – М. : Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 1993. – С. 68–71.

605. Троицкий, С. М. Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х годах XVIII в. / С. М. Троицкий // Города феодальной России. – М. : Наука, 1966. – С. 428–436.

606. Ульянова, Г. Н. Вступительная статья / Г. Н. Ульянова, М. К. Шацкилло // Бурыйшкін, П. А. Москва купеческая : мемуары / П. А. Бурыйшкін. – М. : Высш. шк., 1991. – С. 5–37.

607. Хайрутдинов, Р. Р. Участие предпринимателей Казани в работе выборных органов местного самоуправления (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Р. Р. Хайрутдинов // Третьи Стахеевские чтения : материалы междунар. науч. конф., Елабуга, 28–29 июня 2007 г. / М-во образования и науки РФ, М-во образования и науки Респ. Татарстан, Елабуж. гос. пед. ун-т, АН Респ. Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани ; [редкол.: Н. М. Валеев и др.]. – Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 98–105.

608. Хеллер, К. Отечественное и иностранное предпринимательство в России XIX – начала XX века / К. Хеллер // Отечественная история. – 1998. – № 4. – С. 55–65.

609. Хохлов, А. А. Роль вятских купцов в благоустройстве губернского центра / А. А. Хохлов // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов / Моск. ун-т гос. упр., МФЮА (Киров. фил.), Вят. Прозоров. культур.-просвет. о-во ; [редкол.: Н. А. Вершинина и др.]. – Вып. 2. – Киров : О-Краткое, 2009. – С. 78–80.

610. Чудова, Г. Ф. Юбилей библиотеки имени А. И. Герцена / Г. Ф. Чудова // Герцена: вятские записки / Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Вып. 12. – Киров : Дом печати – Вятка, 2007. – С. 40–45.

611. Чураков, Д., диакон. Слободские храмы и монастыри / диакон Д. Чураков // Город Слободской. Пять столетий истории : ист.-стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. – Киров : Вят. кн. изд-во, 2005. – С. 533–538.

612. Шамова, Г. П. Земство в судьбе Орловской городской библиотеки им. А. Н. Кузнецова / Г. П. Шамова // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 140-летию Вят. земства, Киров, 16–17 окт. 2007 г. / [науч. ред. М. С. Судовиков] ; Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Киров, 2007. – С. 164–172.

613. Щапов, Я. Н. Предпринимательская и культурная деятельность Щаповых (конец XVIII – начало XX в.) / Я. Н. Щапов // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов / Моск. ун-т гос. упр., МФЮА, Вят. Прозоров. культур.-просвет. о-во ; [редкол.: Н. А. Вершинина и др.]. – Вып. 1. – Киров : О-Краткое, 2008. – С. 128–141.

614. Эммаусский, А. В. Экономическое развитие Вятской губернии в конце XVIII века (по генеральным описаниям) / А. В. Эммаусский // Ученые записки КГПИ им. В. И. Ленина. – Вып. 19 / Каф. отечеств. истории. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1965. – С. 3–24.

615. Юденкова, Т. В. Павел и Сергей Третьяковы: предпринимательская и благотворительная деятельность / Т. В. Юденкова // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 16–33.

616. Юшина, Е. А. Организация местной власти в г. Вятке (Кирове) в советский период / Е. А. Юшина, Л. В. Завалихина // Развитие местного самоуправления в г. Кирове : сб. ст. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Киров. гор. думы / Киров. гор. дума ; [отв. ред. В. Т. Юнгблюд]. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 102–116.

617. Яковлева, П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) / П. Т. Яковлева // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура) : сб. ст. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. – М. : Наука, 1966. – С. 122–151.

Диссертации и авторефераты

618. Банникова, Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества : (на материалах губерний Урала дореформенного периода) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. В. Банникова. – Оренбург, 2011. – 46 с.

619. Белик, А. А. Культура повседневности провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX в. : (на материалах Вятского края) : автореф. дис. ... канд. культурологии / А. А. Белик. – Киров, 2005. – 17 с.

620. Гущина, Л. И. Формирование и предпринимательская деятельность крупной буржуазии Кубанской области и Черноморской губернии

(1860–1913 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. И. Гущина. – Ростов н/Д, 1985. – 25 с.

621. Ермашов, М. Н. Купечество г. Воронежа в последней трети XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Н. Ермашов. – М., 2010. – 24 с.

622. Журавлев, А. А. Санкт-Петербургское купечество в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Журавлев. – СПб., 2004. – 205 с.

623. Захаров, В. В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук / В. В. Захаров. – Курск, 1996. – 194 с.

624. Лернер, Е. Л. Елецкое купечество в XIX веке: сословное развитие и предпринимательская деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Л. Лернер. – Воронеж, 2011. – 23 с.

625. Лигенко, Н. П. Купечество Удмуртии, вторая половина XIX – начало XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. П. Лигенко. – Ижевск, 2003. – 58 с.

626. Маслова, И. В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX в. : (на материалах уездных городов Вятской губернии) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Маслова. – Казань, 2010. – 43 с.

627. Медведев, Ю. В. Роль московского купечества в социально-культурном развитии России. Середина XIX – начало XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. В. Медведев. – М., 1996. – 14 с.

628. Орлов, Д. И. Правовое и социально-экономическое положение российского купечества во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. И. Орлов. – М., 2001. – 23 с.

629. Рыкина, Г. С. Московское купечество в конце XIX – начале XX столетия: образ торговца-предпринимателя и его ментальные особенности : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. С. Рыкина. – М., 1999. – 23 с.

630. Самарина, Н. В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Самарина. – Ростов н/Д, 1984. – 22 с.

631. Сутягина, О. А. Деловой и социокультурный облик сибирского купечества в XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. А. Сутягина. – Томск, 2010. – 30 с.

632. Филиппов, Д. Ю. Купечество города Касимова конца XVIII – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Ю. Филиппов. – Воронеж, 1998. – 26 с.

633. Шукин, И. А. История купечества Восточной Сибири в XIX веке: формирование и социальное положение : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Шукин. – М., 2000. – 31 с.

2. Численность купечества Вятской губернии в конце XVIII в.

Города	Число купеческих семей			Всего		Общая сумма объяв- ленного капитала
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	семей	купцов мужского и женско- го пола	
Вятка	3	10	75	88	600	282 350
Слобод- ской	2	10	18	30	271	149 945
Глазов	—	2	8	10	77	32 605
Нолинск	—	1	32	33	204	73 215
Уржум	—	—	4	4	23	8 020
Малмыж	1	1	15	17	136	54 322
Елабуга	—	3	22	25	210	69 825
Сарапул	—	—	40	40	239	85 185
Орлов	1	4	16	21	172	80 805
Котельнич	—	—	15	15	90	30 295
Яранск	—	—	33	33	268	66 495
Царево- санчурск	—	1	5	6	38	18 755
Кай	—	—	—	—	—	—
Итого	7	32	283	322	2 328	951 817

Источник: ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 204–254 об.; по данным на 1796 г.

3. Удельный вес регионального купечества в конце XVIII в.

Города	Общее число жителей (м. п. и ж. п.)	Из них купцов	
		лица мужского и женского пола	в процентах к общему числу
Вятка	5 736	600	10,5
Слободской	3 154	271	8,6
Глазов	603	77	12,8
Нолинск	1 336	204	15,3
Уржум	718	23	3,2
Малмыж	1 244	136	10,9
Елабуга	2 830	210	7,4
Сарапул	2 818	239	8,5
Орлов	1 459	172	11,8
Котельнич	1 214	90	7,4
Яранск	1 097	268	24,4
Царево-санчурск	618	38	6,1
Кай	834	—	—
Итого	23 661	2 328	9,8

Источник: ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-с. Д. 59. Л. 205–254 об.; по данным на 1796 г.

4. Численность купечества губернского города Вятки в 1781–1790 гг.

Год	1-я гильдия		2-я гильдия		3-я гильдия		Всего		Общая сумма объявленного капитала
	семьи	купцы	семьи	купцы	семьи	купцы	семей	купцов	
1781	—	—	9	21	36	53	45	74	40 550
1783	—	—	7	28	63	153	70	181	46 080
1785	—	—	5	18	64	159	69	177	45 885
1786	2	9	11	30	77	191	90	230	157 370
1788	2	8	18	43	49	124	69	175	162 606
1790	3	13	9	26	55	124	67	163	136 861

Источники: ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 21–24; Там же. Д. 139. Л. 35 об.–36; Там же. Д. 349. Л. 32 об.–33; Там же. Д. 353. Л. 28 об.–29; Там же. Д. 484. Л. 37 об.–38; Там же. Д. 526. Л. 35–43; Именной список купцов за 1781 и 1790 гг. содержится в приложении 5.

5. Списки купцов города Вятки (по гильдиям)

1781 г.

Вторая гильдия

1. Злыгостев Петр Романович с сыновьями Филиппом и Романом¹.
2. Злыгостев Илья Борисович с сыновьями Федором, Иваном и внуком Федором.
3. Машковцева Настасья Филиппова, вдова хлыновского купца Якова Васильевича Машковцева, с сыновьями Стефаном, Афанасием, Федором, Филиппом и внуками Петром и Иваном.
4. Толмачев Семен Иванович.
5. Рязанцев Филат Михайлович с детьми Егором, Василием, Иваном и внуками Ильей, Николаем.
6. Калинин Лаврентий Филиппович с сыновьями Николаем, Василием.
7. Хохряков Илья Антонович с сыном Иваном.
8. Киреев Яков Семенович с детьми Филиппом, Василием.
9. Юферев Федор Иванович с сыном Михаилом.

Третья гильдия

10. Репин Ермолай Александрович с сыновьями Егором, Степаном, Александром, Михаилом.
11. Хохряков Степан Борисович с сыном Михаилом.
12. Прозоров Семен Антонович с сыном Алексеем.
13. Лянгусов Максим Филатович.
14. Пупырев Петр Севастьянович.
15. Хохряков Василий Борисович с сыновьями Иваном, Степаном, Егором.
16. Попов Самойла Ильич с сыновьями Василием, Филиппом и внуком Иваном.
17. Репин Савватей, малолетний сын бывшего хлыновского купца Дмитрия Репина.
18. Калинин Федор Филиппович с сыном Иваном.
19. Калинин Тимофей Филиппович.
20. Свешников Козьма Иванович с сыновьями Аникой, Петром, Иваном.
21. Ку克林 Кириак Семенович с сыном Иваном.

---

¹ Сохраняется порядок расположения фамилий по документу.

22. Москвитинова Дарья Ивановна, вдова хлыновского купца Сидора Москвитинова, с сыновьями Саввой, Афанасием.
23. Москвитинов Поликарп Андреевич с сыновьями Андреем, Федором, Василием.
24. Хохряков Андрей Борисович с сыновьями Николаем, Александром.
25. Куклин Александр Прокопьевич с сыном Михаилом.
26. Юферев Егор Андреевич с сыном Михаилом.
27. Суятин Данила Иванович с сыновьями Сергеем, Павлом, Ильей.
28. Зверев Андрей Борисович с сыновьями Иваном, Федотом, Дмитрием, внуками Федором, Николаем.
29. Курчанин Ефим Еремеевич.
30. Беляев Алексей Иванович с сыновьями Самойлом, Семеном.
31. Альгин Андрей Максимович.
32. Веретенников Тимофей Яковлевич.
33. Попов Ефим Денисович с сыновьями Иваном, «Иваном же».
34. Курчанин Аника Иванович.
35. Юферев Александр Иванович с сыновьями Иваном, Егором.
36. Курчанин Степан Еремеевич.
37. Курчанин Алексей Еремеевич.
38. Шмелев Егор Акинфиевич с сыном Филаретом.
39. Прозоров Тимофей Степанович.
40. Прозоров Михаил Степанович с сыном Иваном.
41. Праздников Андрей Игнатьевич.
42. Колошин Григорий Сидорович с сыном Андреем.
43. Колошин Иуда Сидорович с сыном Федором.
44. Агафонов Михаил Игнатьевич с сыном Алексеем.
45. Юферев Андрей Саввич.

1790 г.

Первая гильдия

1. Машковцев Степан Яковлевич с братьями и сыновьями.
2. «Бывшего вятского купца Лаврентия Калинина жена Татьяна Яковлева дочь с детьми».
3. Колошин Григорий Сидорович с братом и сыном.

Вторая гильдия

4. Ласкин Иван «меншой».

5. Рязанцев Филат Михайлович с детьми и внучатами.
6. Хохряков Илья Антонович с детьми.
7. Репин Савватей Дмитриевич.
8. Крашенинников Михаил Гаврилович.
9. Хохряков Герасим Гаврилович с братьями и племянниками.
10. Калинин Тимофей Филиппович.
11. Злыгостев Илья Борисович с сыном и внуком.
12. «Бывшего вятского купца Ермолая Ресина жена Наталья Лукоянова дочь с детьми».

Третья гильдия

13. Швецов Дмитрий Дмитриевич.
14. Пенкин Иван Иванович с братьями.
15. Хохряков Василий Борисович с детьми.
16. Коробов Федор Михайлович с детьми.
17. «Бывшего вятского купца Семена Толмачева жена вдова Авдотья Ермолаева дочь».
18. Попов Самойла Ильич с детьми и внуком.
19. Светлаков Елисей Иванович.
20. Куклин Андрей Устинович.
21. Юферев Федор Иванович.
22. Свешников Козьма Иванович с детьми.
23. Курчанин Степан Еремеевич.
24. Злыгостев Петр Романович с детьми и внуком.
25. Софонов Павел Иванович.
26. Маслеников Абросим Васильевич с сыном.
27. Калинин Федор Филиппович с сыном.
28. Прозоров Семен Антонович с детьми.
29. Попов Ефим Денисович с детьми.
30. Блинов Семен Ларионович с детьми.
31. Кирсеев Яков Семенович с детьми.
32. «Бывшего вятского купца Исаака Зверева жена Параскева с детьми и внуком».
33. Коробов Ефрем Дементьевич.
34. Праздников Андрей Игнатьевич.
35. «Бывшего вятского купца Сидора Москвитинова жена Дарья Иванова дочь с детьми и внуком».
36. Ухов Иван Козьмич с детьми и внуком.
37. Салдатов Федор Яковлевич.

38. Коробов Петр Васильевич с детьми.
39. Прозоров Михаил Степанович.
40. Шмелев Иван Петрович.
41. Пыхтеев Иван Андреевич «меншей» с братьями и племянниками.
42. Пупырев Иван Гаврилович с братом и племянником.
43. Прозоров Павел Тимофеевич с сыном.
44. Хохряков Василий Гаврилович.
45. Казанцев Прохор Петрович с сыном.
46. «Бывшего вятского купца Ивана Рязанцева жена вдова Татьяна Иванова дочь с сыном и внуком».
47. Лянгусов Максим Филатович.
48. Усольцев Павел Федорович с детьми.
49. Усольцев Матвей Федорович с детьми.
50. Урванцев Иван Ильич с сыном.
51. Прозоров Тимофей Степанович с сыном.
52. Куклин Кириак Семенович с сыном.
53. Шмелев Филат Егорович.
54. Селезенев Яков Егорович.
55. Бабин Максим Евдокимович.
56. «Бывшего вятского купца Михаила Агафонова жена Стефанида Харлампиева дочь с сыном».
57. Федосимов Андрей Константинович.
58. Кушков Яков Иванович.
59. Рублев Максим Козьмич с детьми.
60. Фоминых Андрей с сыном.
61. Кушков Федор Иванович.
62. Рублев Николай Лукич.
63. Швецов Дей Егорович с детьми.
64. Фоминых Федор Фролович.
65. Сунгуров Григорий Иванович.
66. Рычков Тит Филатович.
67. Фоминых Семен Дементьевич с сыном.

1810 г.

Первая гильдия

1. «Умершего Якова Машковцева дети: надворный советник Стефан, купцы Федор, Афанасий и Филипп с внуками».
2. «Покойного Филата Рязанцева дети с внуками».
3. Аршаулов Петр с двумя племянниками.

Вторая гильдия

4. Хохряков Илья с детьми.
5. Злыгостев Федор с сыном.
6. Колошин Иуда.
7. Короваев Афанасий с сыном.
8. Суятин Степан с детьми.
9. «Умершего Петра Хохрякова дети с внуком».

Третья гильдия

10. Ласкин Иван.
11. Прозоров Семен с сыном.
12. Москвитинов Савва.
13. Пупырев Иван с детьми.
14. Пыхтеев Андрей.
15. Калинин Василий с детьми.
16. Толстоухов Иван.
17. Хохряков Егор.
18. Москвитинов Афанасий.
19. Фирсов Кирило с детьми.
20. Маслеников Иван.
21. Блинов Илья с сыном.
22. Блинов Яков.
23. Блинов Лука.
24. Рязанцев Иван с сыном.
25. Попов Василий с сыном.
26. Репин Степан с детьми.
27. Юрасов Варфоломей.
28. Ермолин Иван с детьми.
29. Веретенников Федор с детьми.
30. «Умершего Федора Юферева жена с детьми».
31. Клячин Иван.
32. Гусев Яков с детьми.
33. Коробов Лука.
34. Завалин Семен с сыном.
35. Завалин Афанасий.
36. Завалин Константин.
37. Кунаев Андрей.
38. Кунаев Василий.

39. Глухих Василий.
40. Матанцов Никон.
41. Литвинов Семен.
42. Чарушин Дмитрий с детьми.
43. Черных Иван.
44. Мамаев Григорий с детьми.

1835 г.

Первая гильдия

1. Рязанцев Михаил Иванович.
2. Машковцев Иван Степанович.
3. Аршаулов Василий Козьмич.
4. Гусев Петр Петрович.

Вторая гильдия

5. Репина Елена Павловна.
6. Огородников Емельян Антонович.
7. Рязанцев Иван Филатович.
8. Караваев Яков Афанасьевич.
9. Рязанцев Иван Васильевич.
10. Аршаулов Константин Петрович.

Третья гильдия

11. Суятин Александр Сергеевич.
12. Хохряков Матвей Иванович.
13. Хохряков Илья Васильевич.
14. Столбов Семен Иванович.
15. Садаков Василий Васильевич.
16. Маслеников Петр Егорович.
17. Гусев Григорий Петрович.
18. Зуев Семен Семенович.
19. Колотов Иван Агафонович.
20. Ухов Иван Андреевич.
21. Хохряков Елисей Петрович.
22. Ермолин Иван Васильевич.
23. Веретенников Николай Федорович.
24. Столбов Николай Романович.

25. Рязанцев Александр Егорович.
26. Митягин Егор Андреевич.
27. Титов Яков Иванович.
28. Фирстова Марья Ивановна.
29. Калинин Василий Лаврентьевич.
30. Куклин Андрей Саввич.
31. Никитин Лука Алексеевич.
32. Пыхтеев Александр Иванович.
33. Симанова Анисья Никитична.
34. Валанихин Семен Логинович.
35. Селезнев Сидор Михеевич.
36. Гусев Яков Фокеевич.
37. Рязанцев Николай Васильевич.
38. Моралев Иван Егорович.
39. Алапыкин Моисей Иванович.
40. Куклин Иван Васильевич.
41. Столбов Алексей Егорович.
42. Касимов Галли Гумеров.
43. Арасланов Мустафа Абубакиров.
44. Евдокимов Алексей Потапович.
45. Шуравин Иван Ефимович.
46. Алакшин Иван Иванович.
47. Юрасов Андрей Семенович.
48. Хохряков Ефим Петрович.
49. Алакшин Семен Иванович.
50. Трушков Андрей Филиппович.
51. Эсаулов Трофим Козьмич.
52. Воронов Павел Петрович.
53. Хлебников Яким Ефимович.
54. Ляпунов Василий Алексеевич.
55. Клячин Федор Тимофеевич.
56. Башмакова Ирина Ивановна.
57. Голомидов Петр Егорович.
58. Русских Ермолай Еремеевич.
59. Попов Иван Васильевич.
60. Зонов Ефим Осипович.
61. Прозоров Алексей Семенович.
62. Клячин Федор Михайлович.
63. Юрасов Варфоломей Лаврентьевич.
64. Чарушин Михаил Дмитриевич.

65. Микулин Давыд Михайлович.
66. Аршаулова Прасковья Лаврентьевна.
67. Колошин Иван Иудович.
68. Аршаулова Марья Гавриловна.

1876 г.

Первая гильдия

1. Прозоров Яков Алексеевич.
2. Куклин Андрей Саввич.
3. Савинцов Петр Федорович.
4. Казенин Алексей Андреянович.

Вторая гильдия

5. Рязанцев Николай Иванович.
6. Караваев Николай Иванович.
7. Юрасов Александр Варфоломеевич.
8. Кальсин Сергей Яковлевич.
9. Гвоздев Василий Петрович.
10. Чарушин Александр Михайлович.
11. Петухов Степан Козьмич.
12. Маслеников Виктор Павлович.
13. Лаптев Артемий Дмитриевич.
14. Коробов Ефим Александрович.
15. Рязанцев Михаил Николаевич.
16. Овечкин Иван Егорович.
17. Юрасов Михаил Романович.
18. Столбов Василий Алексеевич.
19. Калинин Михаил Васильевич.
20. Ермолин Иван Иванович.
21. Клабуков Алексей Анисимович.
22. Иванов Григорий Андреянович.
23. Поскребышев Иван Яковлевич.
24. Ухов Андрей Афанасьевич.
25. Рязанцев Федор Николаевич.
26. Сухов Александр Венедиктович.
27. Поскребышев Василий Степанович.
28. Сунцов Василий Степанович.
29. Сунцов Александр Степанович.

30. Клабуков Яков Петрович.
31. Куклина Мария Михайловна.
32. Казаков Александр Яковлевич.
33. Поздеев Павел Степанович.
34. Ухов Федор Иванович.
35. Желудков Илья Никодимович.
36. Маслеников Павел Иванович.
37. Жирухин Яков Николаевич.
38. Кулепетов Иван Федорович.
39. Кальсин Севастьян Яковлевич.
40. Ермолин Николай Александрович.
41. Сенилов Никонор Михайлович.
42. Сенилов Николай Никонорович.
43. Лаптев Игнатий Дмитриевич.
44. Гусев Федор Яковлевич.
45. Коробов Никонор Александрович.
46. Ярунин Константин Кириллович.
47. Лаптев Михаил Дмитриевич.
48. Швецов Иван Егорович.
49. Пушкарев Петр Алексеевич.
50. Башмакова Прасковья Дорофеевна.
51. Бабилов Алексей Николаевич.
52. Попова Анна Елисеевна.
53. Ухов Федор Козьмич.
54. Клячин Федор Михайлович.
55. Казакова Александра Федоровна.
56. Ухов Николай Иванович.
57. Киселев Василий Иванович.
58. Касалапов Иван Дорофеевич.
59. Поскребышев Михаил Яковлевич.
60. Хлебников Андрей Якимович.
61. Башмаков Михаил Алексеевич.
62. Сенилов Алексей Михайлович.
63. Головин Николай Ефимович.
64. Огородников Алексей Григорьевич.
65. Хлебников Константин Николаевич.
66. Алцыбеев Петр Васильевич.
67. Чарушин Николай Михайлович.
68. Ухов Николай Никифорович.
69. Вершинин Платон Филиппович.

70. Поскребышев Семен Степанович.
71. Важенин Константин Афанасьевич.
72. Куклин Николай Иванович.
73. Альгин Николай Степанович.
74. Некрасов Иван Иванович.
75. Швецов Василий Васильевич.
76. Макаров Василий Ипатович.
77. Клабукова Аполлинария Матвеевна.
78. Ивановский Иван Семенович.
79. Арбузов Андрей Германович.
80. Хлебников Василий Николаевич.
81. Ухов Семен Козьмич.
82. Филиппов Николай Григорьевич.
83. Важенин Михаил Афанасьевич.
84. Силин Александр Иванович.

1894 г.

Первая гильдия

1. Булычев Тихон Филиппович с сыном Николаем.
2. Тырышкин Яков Фомич с сыновьями Александром, Иваном, Павлом и внуками Николаем, Яковом и Александром.

Вторая гильдия

3. Савинцев Петр Федорович с сыном Сергеем и внуком Сергеем.
4. Альгин Михаил Николаевич с братом Александром.
5. Поскребышев Василий Степанович с сыном Иваном и внуком Сергеем.
6. Гусев Федор Федорович.
7. Столбов Иван Васильевич с сыновьями Александром, Анатолием, Вячеславом и Алексеем (в документе отмечено: «купец Столбов умер в 1894 г., жена же его, Евдокия Антипьева, получила на 1895 г. на свое имя 2-й гильдии свидетельство со включением детей ее»).
8. Желудков Илья Никодимович.
9. Ермолин Иван Иванович с сыновьями Александром и Алексеем.
10. Овечкина Аполлинария Ивановна.
11. Клобуков Павел Петрович с сыном Петром.
12. Сенилов Алексей Михайлович с сыновьями Александром, Николаем и Владимиром.

13. Рязанцева Надежда Матвеевна с «усыновленным Александром Александровым».
14. Башмаков Михаил Алексеевич с сыновьями Алексеем, Матвеем и Николаем.
15. Ухов Николай Никифорович с сыном Василием и внуком Германом.
16. Кулепетов Василий Иванович с сыном Николаем и внуком Александром.
17. Клабуков Василий Алексеевич с братьями Владимиром и Сергеем.
18. Юрасов Петр Михайлович с сыном Ефимом.
19. Косолапова Екатерина Семеновна.
20. Иванов Григорий Андреянович с сыном Александром.
21. Сунцов Александр Степанович.
22. Рязанцев Федор Николаевич с сыновьями Ильей и Петром.
23. Казаков Александр Яковлевич с сыновьями Яковом и Владимиром.
24. Маслеников Виктор Павлович с сыновьями Александром и Алексеем.
25. Филиппов Николай Григорьевич с сыновьями Николаем и Константином.
26. Вершинин Платон Филиппович с сыновьями Алексеем, Иваном и Егором.
27. Куклин Александр Андреевич с сыновьями Владимиром, Егором и Николаем.
28. Луппов Николай Петрович с сыновьями Николаем, Александром, Алексеем и Василием.
29. Башмаков Алексей Васильевич с сыном Яковом.
30. Башмаков Александр Васильевич с сыновьями Михаилом, Александром, Николаем (в документе отмечено: «Башмаков А. В. умер в 1894 г., жена же его вдова Анна Ильина получила на 1895 г. на свое имя гильдейское свидетельство со включением в оное детей ее»).
31. Огородникова Надежда Васильевна с сыновьями Николаем и Сергеем.
32. Гвоздев Петр Петрович с сыновьями Егором, Алексеем и Вячеславом.
33. Недошивин Яков Васильевич с сыновьями Василием и Андреем.
34. Лаптев Федор Аверкиевич с сыновьями Иваном, Петром, Семеном, Виктором, Яковом, Александром и внуком Алексеем.
35. Хлебников Александр Андреевич с сыном Владимиром.

36. Макарова Елизавета Васильевна с сыновьями Василием и Ипполитом.
37. Головин Николай Ефимович.
38. Ухов Митрофан Афанасьевич с сыновьями Николаем и Афанасием.
39. Платунов Василий Михайлович с сыновьями Михаилом, Николаем, Сергеем и Яковом.
40. Домнин Василий Дмитриевич с сыновьями Николаем и Алексеем.
41. Ильин Николай Амвросиевич.
42. Савинцев Иван Николаевич.
43. Ухов Иван Федорович с сыном Николаем.
44. Сухов Иван Александрович.
45. Попов Петр Иванович.
46. Головин Петр Ефимович с сыновьями Николаем и Петром.
47. Торочков Иван Федорович с сыновьями Петром, Георгием, Василием, Александром, Яковом и Николаем.
48. Чучалов Дмитрий Филимонович с сыновьями Василием и Борисом.
49. Казенин Михаил Алексеевич.
50. Попов Григорий Осипович с сыном Владимиром.
51. Сунцов Владимир Васильевич с братьями Петром, Алексеем и Александром.
52. Юрасов Иона Михайлович с сыном Сергеем.
53. Кулепетова Мария Петровна с сыновьями Алексеем, Александром, Митрофаном, Николаем и Петром (в документе отмечено: «купеческий сын Петр Михайлов Кулепетов за получением степени лекаря по отношению казенной палаты от 28 октября 1894 г... исключен из купеческого сословия»).
54. Коробов Иван Александрович с сыном Михаилом.
55. Крутихин Харитон Федорович с сыновьями Василием, Михаилом, Дмитрием и внуком Иваном.
56. Тихонов Петр Григорьевич с сыном Николаем.
57. Герасимов Василий Николаевич с сыновьями Николаем и Иваном.
58. Коробов Александр Николаевич с братьями Сергеем, Алексеем, сыновьями Николаем и Борисом.
59. Якубовский Станислав Осипович.
60. Яковлев Иван Николаевич с сыновьями Александром и Михаилом.
61. Петухов Степан Козьмич.

62. Кальсин Севастьян Яковлевич.
63. Кальсин Сергей Яковлевич с сыновьями Василием, Романом и Наумом.
64. Лаптев Михаил Дмитриевич с сыном Трифоном.
65. Зонов Денис Фадеевич с сыновьями Александром и Максимом.
66. Лаптев Иван Игнатъевич.
67. Лаптева Анастасия Лукояновна с сыновьями Козьмой и Григорием.
68. Петухов Александр Степанович с сыном Петром.
69. Зонов Илья Дмитриевич с сыновьями Михаилом и Дмитрием.
70. Блювштейн Иссер Иосифович с сыновьями Давидом, Самуилом, Яковом, Моисеем, Абрамом и внуком Александром.
71. Гарелик Лея Лазаревна.
72. Галицкий Лейба Неяхович.

1900 г.

Первая гильдия

1. Лаптев Михаил Дмитриевич с сыном Трифоном.
2. Тырышкин Яков Фомич с сыновьями Александром, Иваном, Павлом и внуками Николаем, Яковом, Александром, Василием, Алексеем.

Вторая гильдия

3. Сухов Иван Александрович.
4. Сунцов Владимир Васильевич с братом Александром и сыном Николаем.
5. Поскребышев Василий Степанович.
6. Желудков Илья Никодимович.
7. Клобуков Павел Петрович с сыном Петром.
8. Сенилов Алексей Михайлович с сыновьями Александром, Николаем и Владимиром.
9. Рязанцева Надежда Матвеевна с «усыновленным сыном» Александром.
10. Кулепетов Василий Иванович с сыном Николаем, внуками Александром и Леонидом.
11. Клабуков Василий Алексеевич с сыном Михаилом.
12. Михайлова Екатерина Семеновна.
13. Сунцов Александр Степанович.

14. Казаков Александр Яковлевич с сыном Яковом.
15. Маслеников Виктор Павлович с сыновьями Александром и Алексеем.
16. Филиппов Николай Григорьевич с сыновьями Николаем и Константином.
17. Вершинин Платон Филиппович с сыновьями Алексеем, Иваном и Георгием.
18. Куклин Александр Андреевич с сыновьями Владимиром и Николаем.
19. Луппов Николай Петрович с сыновьями Николаем, Алексеем, Василием и Геннадием.
20. Башмаков Алексей Васильевич с сыном Яковом.
21. Огородникова Надежда Васильевна с сыновьями Николаем и Сергеем.
22. Гвоздев Петр Петрович с сыновьями Георгием и Вячеславом.
23. Недошивин Яков Васильевич с сыновьями Василием и Андреем.
24. Лаптев Федор Аверкиевич с сыновьями Иваном, Петром, Семеном, Виктором, Яковом, Александром и внуком Алексеем.
25. Хлебников Александр Андреевич с сыном Владимиром.
26. Ухов Митрофан Афанасьевич с сыновьями Николаем и Афанасием.
27. Домнин Василий Дмитриевич с сыновьями Николаем и Алексеем.
28. Ухов Иван Федорович с сыном Николаем.
29. Попов Петр Иванович.
30. Головина София Никоноровна с сыновьями Николаем и Петром.
31. Чучалов Дмитрий Филимонович с сыном Борисом.
32. Попов Григорий Осипович с сыновьями Владимиром и Николаем.
33. Крутихин Харитон Федорович с сыновьями Василием, Михаилом, Дмитрием и внуками Иваном и Николаем.
34. Тихонов Петр Григорьевич с сыновьями Николаем и Алексеем.
35. Коробов Александр Николаевич с братом Сергеем и сыновьями Николаем, Борисом и Алексеем.
36. Якубовский Станислав Осипович.
37. Яковлев Иван Николаевич с сыновьями Александром и Михаилом.
38. Столбова Евдокия Антипьевна с сыновьями Александром, Алексеем и внуком Николаем.
39. Чуватин Николай Егорович с сыновьями Александром и Владимиром.
40. Рязанцева Дарья Дмитриевна с сыновьями Ильей и Петром.

41. Ухов Василий Николаевич с отцом Николаем Никифоровичем и сыновьями Германом и Леонидом.
42. Казенин Михаил Иванович.
43. Клабуков Николай Иванович с сыновьями Александром, Иваном, Владимиром, Сергеем, Николаем.
44. Столбов Анатолий Иванович.
45. Попов Яков Иванович.
46. Поскребышев Егор Иванович.
47. Силин Александр Иванович.
48. Торочкова Анна Григорьевна с сыновьями Петром, Георгием, Василием, Александром и Николаем.
49. Кудашев Александр Максимович с сыновьями Сергеем и Николаем.
50. Казенина Елизавета Алексеевна с сыном Алексеем.
51. Шенкаржевский Ромуальд Данилович с усыновленными детьми: Вячеславом и Николаем.
52. Петухов Степан Козьмич.
53. Кальсин Севастьян Яковлевич.
54. Кальсин Сергей Яковлевич с сыновьями Василием, Романом, Наумом и внуком Николаем.
55. Зонов Денис Фадеевич с сыновьями Александром и Максимом.
56. Лаптев Иван Игнатьевич.
57. Лаптева Анастасия Лукояновна с сыном Григорием.
58. Петухов Александр Степанович с сыном Петром.
59. Зонов Илья Дмитриевич с сыновьями Михайлом и Дмитрием.
60. Блювштейн Иссер Иосифович с сыновьями Давидом, Самуилом, Яковом, Моисеем, Абрамом и внуками Александром и Соломоном.
61. Макаров Лаврентий Емельянович с сыновьями Василием и Николаем.
62. Коробов Михаил Иванович.
63. Юрасова Ольга Ивановна с сыновьями Сергеем, Николаем и Петром.
64. Герасимов Василий Николаевич с сыновьями Николаем, Иваном и Игорем.
65. Кулепетов Алексей Михайлович с братьями Митрофаном и Николаем.
66. Лаптев Козьма Игнатьевич с сыном Валентином.
67. Поскребышев Иван Васильевич с сыном Сергеем.

1914 г.**Первая гильдия**

1. Певзнер Ханна Вульфовна с сыном Моисеем.
2. Сенилов Николай Алексеевич.
3. Зонов Денис Фадеевич с сыновьями Александром, Максимом, Алексеем и внуками Николаем и Петром Александровыми.

Вторая гильдия

4. Маслеников Виктор Павлович.
5. Куклин Александр Андреевич с сыновьями Владимиром, Николаем и усыновленным сыном Владимира Леонидом.
6. Луппов Николай Петрович с сыновьями Алексеем, Василием и Геннадием.
7. Хлебников Александр Андреевич с сыном Владимиром.
8. Чучалов Дмитрий Филимонович.
9. Крутихин Харитон Федорович с сыновьями Василием, Михаилом, Дмитрием, внуками Иваном, Николаем, Серафимом и Владимиром.
10. Чуватин Николай Егорович с сыновьями Александром, Владимиром и Михаилом.
11. Клабуков Николай Иванович.
12. Поскребышев Георгий Иванович с сыном Евгением.
13. Торочкова Анна Григорьевна с сыновьями Василием, Александром, Николаем и внуком Василием.
14. Шенкаржевский Ромуальд Данилович с сыном Вячеславом.
15. Блювштейн Иссер Иосифович с сыновьями Давидом, Самуилом, Яковом, Моисеем, Абрамом и внуком Соломоном.
16. Коробов Сергей Николаевич.
17. Лаптев Семен Федорович.
18. Сапожников Владимир Евдокимович.
19. Тимкина Анастасия Федоровна с сыном Яковом.
20. Пестов Николай Арсеньевич с сыновьями Павлом, Арсением, Николаем и Трифоном.
21. Клабуков Николай Алексеевич.
22. Сенилов Александр Алексеевич.
23. Ухов Иван Федорович с сыном Николаем и внуком Леонидом.
24. Лаптев Григорий Игнатьевич с сыновьями Николаем, Георгием и Валерианом.

25. Рукавишникова Елизавета Николаевна с сыном Николаем Михайловичем.
26. Лебедев Аркадий Алексеевич с сыновьями Александром и Анатолием.

1917 г.**Первая гильдия**

1. Певзнер Ханна Вульфовна с сыном Моисеем.
2. Сенилов Николай Алексеевич.
3. Шефтель Сендер Залманович (Александр Соломонович).
4. Насатисин Мендель Ошерович.
5. Кабалкин Шмуил-Шмелька Залманович с сыном Исааком.

Вторая гильдия

6. Маслеников Виктор Павлович.
7. Куклин Александр Андреевич с сыновьями Владимиром, Николаем и усыновленным сыном Владимира – Леонидом.
8. Луппов Николай Петрович с сыновьями Алексеем, Василием и Геннадием (в документе отмечено: «Луппов в 1916 г. умер»).
9. Хлебников Александр Андреевич с сыном Владимиром.
10. Чучалов Дмитрий Филимонович.
11. Крутихин Харитон Федорович с сыновьями Василием, Михаилом, внуками Иваном, Николаем, Серафимом и Владимиром.
12. Чуватин Николай Георгиевич с сыновьями Александром, Владимиром и Михаилом.
13. Торочкова Анна Григорьевна с сыновьями Василием, Николаем и внуком Николаем.
14. Коробов Сергей Николаевич.
15. Лаптев Семен Федорович.
16. Сапожников Владимир Евдокимович.
17. Тимкина Анастасия Федоровна с сыном Яковом Васильевичем.
18. Пестов Николай Арсеньевич с сыновьями Павлом, Арсением и Трифоном.
19. Клабуков Николай Алексеевич.
20. Ухов Иван Федорович с внуками Леонидом и Владиславом.
21. Шер Михель Айзыкович.
22. Волман Ицка Иоселев с сыном Иосифом.
23. Блювштейн Давид Иссерович с сыном Соломоном.

24. Блювштейн Абрам Иссерович с сыновьями Моисеем и Давидом.
25. Блювштейн Самуил Иссерович.
26. Ситников Спиридон Алексеевич.
27. Луппова Мария Александровна.
28. Аронсон Мендель Лейбович.
29. Поскребышев Георгий Иванович с сыном Евгением.

Источники: ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 21–24; Там же. Д. 526. Л. 36–43; Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4618. Л. 14 об.–23; Там же. Ф. 582. Оп. 1. Д. 38. Л. 20–20 об., 23; Там же. Ф. 628. Оп. 1-а. Д. 540. Л. 249–250 об.; Там же. Оп. 6. Д. 591-а. Л. 30 об.–35; Там же. Д. 781. Л. 40 об.–44; Там же. Оп. 17. Д. 20. Л. 101 об. – 112 об.; Там же. Ф. 630. Оп. 8. Д. 213. Л. 130-а – 130-б об.

6. Число купеческих капиталов в Вятской губернии в 1796–1860 гг.

Годы	Число капиталов (семей)					3-я гильдия	в % к общему числу	в % к общему числу	всего
	1-я гильдия	в % к общему числу	2-я гильдия	в % к общему числу	3-я гильдия				
1796	7	2,2	32	9,9	283	87,9		322	
1807	10	1,9	39	7,4	479	90,7		528	
1831	6	2,2	18	6,7	246	91,1		270	
1839	8	1,8	28	6,5	398	91,7		434	
1840	9	2	24	5,4	411	92,6		444	
1844	8	1,8	31	6,7	422	91,5		461	
1845	6	1,3	38	8,3	414	90,4		458	
1850	7	1,4	39	7,9	447	90,7		493	
1857	9	1,6	39	6,9	516	91,5		564	
1858	11	1,8	41	6,6	566	91,6		618	
1860	11	1,6	44	6,2	651	92,2		706	

Источники: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3737. Л. 1–11; Там же. Д. 3776. Л. 1–41; Там же. Д. 3789. Л. 1–79; Там же. Д. 3804. Л. 1–50; Там же. Д. 3818. Л. 1–83; Там же. Д. 3833. Л. 1–95; Там же. Ф. 582. Оп. 6. Д. 60. Л. 38–48.

**7. Число купеческих капиталов в Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.**

Годы	Число капиталов (семей)				
	1-я гильдия	в %% к общему числу	2-я гильдия	в %% к общему числу	всего
1865	43	5,1	808	94,9	851
1869	43	6,2	648	93,8	691
1870	39	5,7	649	94,3	688
1873	38	5,1	705	94,9	743
1881	33	5,1	620	94,9	653
1884	23	3,7	592	96,3	615
1885	24	4,1	565	95,9	589
1890	22	4,1	517	95,9	539
1891	22	4,3	495	95,7	517
1892	20	4	484	96	504
1894	23	4,2	522	95,8	545
1895	24	4,3	530	95,7	554
1899	14	2,8	486	97,2	500
1900	13	2,7	465	97,3	478
1901	15	3,2	455	96,8	470
1902	15	3,2	449	96,8	464
1905	17	4,4	372	95,6	389
1906	15	4,1	351	95,9	366
1909	7	2,6	259	97,4	266
1914	9	5,1	167	94,9	176

Источники: Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875. С. 126; Вся Россия : справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной служебной и экономической деятельности и пр., 1911–1912 гг. Отд. I. Киев, 1911. Стб. 40; Подсчитано по: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3683. Л. 252 об.–253; Там же. Д. 3851. Л. 1–97; Там же. Д. 3889. Л. 1–82; Там же. Д. 3890. Л. 1–83; Там же. Д. 4058. Л. 1–74; Там же. Д. 4121. Л. 1–68; Там же. Д. 4431. Л. 6–6 об.; Там же. Д. 4491. Л. 1–67; Там же. Д. 4641. Л. 1–68, 142 об.–200; Там же. Д. 4782. Л. 1–118.

8. Число купеческих капиталов в XIX – начале XX в. (по городам)

8.1. Губернский город Вятка

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	5	12	34	51
1807	2	15	77	94
1810	3	6	35	44
1815	3	5	32	40
1826	1	8	66	75
1827	1	8	59	68
1828	2	7	55	64
1829	2	6	50	58
1830	2	6	52	60
1831	3	6	57	66
1832	4	6	55	65
1833	5	5	56	66
1834	5	6	62	73
1835	4	6	58	68
1839	4	8	63	75
1845	2	10	70	82
1850	2	11	72	85
1860	2	11	70	83
1865	5	103	—	108
1870	6	73	—	79
1876	4	80	—	84
1881	6	105	—	111
1885	5	90	—	95
1890	4	73	—	77
1894	2	70	—	72
1895	2	81	—	83
1900	2	87	—	89
1905	4	74	—	78
1906	4	66	—	70
1914	3	23	—	26
1917	5	24	—	29

8.2. Глазов

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1806	—	2	13	15
1807	—	2	15	17
1809	—	4	10	14
1810	—	4	11	15
1815	—	1	10	11
1817	—	1	8	9
1829	—	1	6	7
1831	—	1	7	8
1834	—	1	6	7
1837	—	1	9	10
1839	—	2	15	17
1845	—	2	19	21
1850	1	1	22	24
1860	—	2	35	37
1865	1	46	—	47
1870	—	41	—	41
1881	—	36	—	36
1885	—	31	—	31
1890	—	26	—	26
1895	—	31	—	31
1900	—	29	—	29
1905	—	25	—	25
1906	—	25	—	25
1914	—	16	—	16

8.3. Елабуга

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1807	—	—	51	51
1831	—	1	32	33
1834	1	—	45	46
1837	1	—	47	48
1839	1	—	56	57
1845	1	3	60	64
1850	—	3	55	58
1860	1	6	99	106
1865	12	85	—	97
1870	13	92	—	105
1881	11	79	—	90
1885	5	82	—	87
1890	7	71	—	78
1895	6	76	—	82
1900	1	58	—	59
1905	1	44	—	45
1906	1	45	—	46
1914	—	16	—	16

8.4. Котельнич

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	—	—	15	15
1804	—	—	38	38
1806	—	—	47	47
1807	—	—	35	35
1815	—	—	6	6
1817	—	—	8	8
1831	—	—	18	18
1837	—	1	35	36
1839	—	—	39	39
1845	—	1	27	28
1850	—	2	30	32
1860	2	2	50	54
1865	2	43	—	45
1870	3	22	—	25
1881	4	24	—	28
1885	4	19	—	23
1890	1	27	—	28
1895	2	20	—	22
1900	1	23	—	24
1905	1	24	—	25
1906	1	22	—	23
1914	—	14	—	14

8.5. Малмыж

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	1	—	9	10
1807	1	5	28	34
1831	1	—	15	16
1834	1	—	20	21
1837	1	1	22	24
1839	1	1	22	24
1845	1	3	22	26
1850	1	2	25	28
1860	2	4	34	40
1865	3	32	—	35
1870	2	26	—	28
1881	—	34	—	34
1885	—	29	—	29
1890	—	32	—	32
1895	1	26	—	27
1900	—	25	—	25
1905	—	21	—	21
1906	—	21	—	21
1914	—	17	—	17

8.6. Нолинск

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1803	—	4	27	31
1804	—	2	35	37
1805	—	3	30	33
1806	—	2	32	34
1807	1	1	35	37
1809	1	—	7	8
1810	1	1	7	9
1815	1	—	2	3
1817	1	—	4	5
1831	—	1	12	13
1834	1	—	16	17
1837	—	—	16	16
1839	—	—	20	20
1845	—	2	16	18
1850	—	3	26	29
1860	1	—	33	34
1865	—	54	—	54
1870	—	61	—	61
1881	1	56	—	57
1885	1	48	—	49
1890	—	45	—	45
1895	—	53	—	53
1900	1	43	—	44
1905	1	41	—	42
1906	1	41	—	42
1914	—	16	—	16

8.7. Орлов

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	—	5	17	22
1807	4	1	42	47
1815	—	4	13	17
1817	1	3	13	17
1829	1	5	30	36
1831	2	5	31	38
1834	2	4	39	45
1837	2	7	44	53
1839	1	12	44	57
1845	1	9	53	63
1850	—	11	50	61
1860	1	5	55	61
1865	3	56	—	59
1870	3	54	—	57
1881	—	45	—	45
1885	—	33	—	33
1890	—	30	—	30
1895	—	30	—	30
1900	—	20	—	20
1905	—	14	—	14
1906	—	10	—	10
1914	—	5	—	5

8.8. Сарапул

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1807	—	2	64	66
1829	—	—	33	33
1831	—	—	32	32
1834	—	—	32	32
1837	—	—	39	39
1839	—	—	40	40
1845	—	1	45	46
1850	—	—	47	47
1860	—	1	69	70
1865	5	118	—	123
1870	3	79	—	82
1881	4	87	—	91
1885	5	78	—	83
1890	6	75	—	81
1895	8	56	—	64
1900	6	60	—	66
1905	8	40	—	48
1906	6	37	—	43
1914	3	22	—	25

8.9. Слободской

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	2	9	20	31
1804	3	6	64	73
1806	3	5	72	80
1807	2	9	69	80
1810	2	11	21	34
1815	—	8	23	31
1817	—	7	21	28
1829	—	5	34	39
1831	—	3	31	34
1834	—	3	34	37
1839	1	4	62	67
1845	1	7	65	73
1850	3	6	77	86
1860	2	12	147	161
1865	8	135	—	143
1870	6	85	—	91
1881	2	77	—	79
1885	2	66	—	68
1890	3	56	—	59
1895	3	57	—	60
1900	2	41	—	43
1905	2	34	—	36
1906	2	32	—	34
1914	2	10	—	12

8.10. Уржум

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	—	—	6	6
1803	—	2	4	6
1804	—	1	7	8
1805	—	—	11	11
1806	—	—	11	11
1807	—	—	13	13
1809	—	—	10	10
1810	—	—	7	7
1817	—	—	8	8
1831	—	1	5	6
1834	—	1	8	9
1837	—	1	12	13
1839	—	1	19	20
1845	—	—	20	20
1850	—	—	19	19
1860	—	—	38	38
1865	3	54	—	57
1870	—	40	—	40
1881	1	22	—	23
1885	—	27	—	27
1890	—	23	—	23
1895	—	28	—	28
1900	—	28	—	28
1905	—	21	—	21
1906	—	20	—	20
1914	—	12	—	12

8.11. Яранск

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	—	—	25	25
1807	—	4	39	43
1815	—	1	8	9
1817	—	—	16	16
1829	—	—	4	4
1831	—	—	3	3
1834	—	—	8	8
1837	—	—	10	10
1839	—	—	13	13
1845	—	—	11	11
1850	—	—	17	17
1860	—	1	8	9
1865	1	54	—	55
1870	3	40	—	43
1881	4	27	—	31
1885	2	31	—	33
1890	1	44	—	45
1895	2	45	—	47
1900	—	31	—	31
1905	—	23	—	23
1906	—	23	—	23
1914*	1	16	—	17

* Сведения приводятся по Яранскому уезду в целом, включая г. Царевосанчурск.

8.12. Царевосанчурск

Годы	Число капиталов (семей)			
	1-я гильдия	2-я гильдия	3-я гильдия	всего
1800	—	—	6	6
1803	—	—	6	6
1804	—	—	6	6
1805	—	—	6	6
1806	—	—	10	10
1807	—	—	11	11
1809	—	—	3	3
1810	—	—	3	3
1829	—	—	4	4
1831	—	—	3	3
1834	—	—	2	2
1837	—	—	2	2
1839	—	—	5	5
1845	—	—	6	6
1850	—	—	7	7
1860	—	—	13	13
1865	—	28	—	28
1870	—	36	—	36
1881	—	28	—	28
1885	—	31	—	31
1890	—	15	—	15
1895	—	27	—	27
1900	—	20	—	20
1905	—	11	—	11
1906	—	9	—	9

Источники: Подсчитано по: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3683. Л. 241 об.—252; Там же. Д. 3737. Л. 1–11; Там же. Д. 3776. Л. 1–41; Там же. Д. 3683. Л. 241–252; Там же. Д. 3789. Л. 1–79; Там же. Д. 3804. Л. 1–50; Там же. Д. 3833. Л. 1–95; Там же. Д. 3851. Л. 1–97; Там же. Д. 3890. Л. 1–83; Там же. Д. 4058. Л. 1–74; Там же. Д. 4121. Л. 1–68; Там же. Д. 4431. Л. 6–6 об.; Там же. Д. 4491. Л. 1–67; Там же. Д. 4641. Л. 1–68; Там же. Д. 4782. Л. 1–118; Там же. Ф. 582. Оп. 1. Д. 38. Л. 2–3, 9–9 об., 11–11 об., 12–14 об., 16–16 об., 20–20 об., 23, 32, 34; Там же. Оп. 2-о. Д. 282. Л. 2–3, 7–8 об., 11–13, 16–19, 33–35 об.; Там же. Оп. 5. Д. 171. Л. 4–5, 13–16, 23–23 об., 31–32, 53–54, 61–62, 65–68; Там же. Оп. 6. Д. 60. Л. 38–48; Там же. Оп. 44. Д. 258. Л. 3, 4 об., 9, 11–12 об., 20–20 об., 29–30 об., 32 об.; Там же. Д. 286. Л. 1, 6, 8–8 об., 11, 13, 15, 17–18 об., 21–21 об., 23–25, 31; Там же. Оп. 81. Д. 63. Л. 187 об., 192 об., 213, 218 об., 251, 270, 276; Там же. Д. 422. Л. 2–46 об.; Там же. Д. 1292. Л. 2–34; Там же. Оп. 140. Д. 4. Л. 9–10, 12, 14, 17 об.—18, 21–22 об., 26–31, 42–45, 47–49 об., 51–55; Там же. Ф. 628. Оп. 1-а. Д. 540. Л. 249–250 об.; Там же. Оп. 6. Д. 781. Л. 40–44; Там же. Оп. 17. Д. 20. Л. 101 об.—112 об.; Там же. Ф. 630. Оп. 8. Д. 251. Л. 42 об.—43 об.

9. Удельный вес регионального купечества в конце XIX в.

Уезды Города	Общее число жителей (м. п. и ж. п.), в т. ч. в городах	Из них купцов	
		лица мужского и женского пола в уездах, в т. ч. городах	в процентах к общему числу населения*
Вятский уезд г. Вятка	192 208 25 008	449 424	0,2 (1,7)
Глазовский уезд г. Глазов	368 587 3 509	179 108	0,05 (3)
Елабужский уезд г. Елабуга	241 005 9 764	426 311	0,2 (3,2)
Котельничский уезд г. Котельнич	276 749 4 240	101 88	0,03 (2,1)
Малмыжский уезд г. Малмыж	280 427 3 165	135 79	0,05 (2,5)
Нолинский уезд г. Нолинск	180 707 4 764	274 233	0,2 (4,9)
Орловский уезд г. Орлов	213 479 3 256	108 90	0,05 (2,8)
Сарапульский уезд г. Сарапул	408 058 21 398	457 305	0,1 (1,4)
Слободской уезд г. Слободской	213 650 10 051	251 199	0,1 (2)
Уржумский уезд г. Уржум	289 188 4 413	191 85	0,07 (1,9)
Яранский уезд г. Яранск Царевосанчурск	366 773 4 808 1 266	318 157 105	0,09 (3,3; 8,3)
Всего в губернии	3 030 831	2 889	0,1
В т. ч. в городах	95 642	2 184	2,3

* В скобках указан процент к числу городского населения.

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X : Вятская губерния. СПб., 1904. С. 2.

**10. Численность купцов и почетных граждан Вятской губернии
в последней четверти XIX в.**

Годы	Купцы, поч. гр-не	В % к городскому населению	Купцы, поч. гр-не	В % к населению уездов	Всего в губернии
	города		уезды		
1885	8 925	10,8	1 466	0,05	10 391
1888	8 257	9,7	1 679	0,05	9 936
1893	8 302	9,1	1 962	0,06	10 264

Источники: Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 35; Календарь Вятской губернии на 1890 год. Отд. III. Вятка, 1889. С. 64; Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Отд. I. Вятка, 1894. С. 15.

**11. Численность лиц, вновь записавшихся
в купеческое сословие
во второй половине XIX – начале XX в.**

Годы	Вновь записавшиеся в купеческое сословие (число капиталов)				
	из купеческих семей (сыновья, братья, вдовы и т. д.)	из мещан	из крестьян	из др. категорий населения	всего
1870	36	42	12	3	93
1882	40	25	4	3	72
1895	5	11	4	1	21
1902	14	5	1	5	25
1905	13	2	2	1	18
1906	8	4	—	2	14

Источники: Подсчитано по: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3890. Л. 1–83; Там же. Д. 4058. Л. 1–74; Там же. Д. 4491. Л. 1–67; Там же. Д. 4641. Л. 142 об.–200; Там же. Д. 4782. Л. 1–118.

12. Бюджет купеческого сословного общества г. Вятки во второй половине XIX в.

Год	Доход*	Расход**
1873	83 руб.	83 руб.
1874	92 руб. 50 коп.	90 руб. 47 коп.
1875	97 руб. 53 коп.	91 руб. 79 коп.
1876	97 руб. 54 коп.	96 руб. 65 коп.
1877	97 руб. 99 коп.	95 руб. 50 коп.
1879	134 руб. 84 коп.	72 руб. 50 коп.
1880	176 руб. 74 коп.	88 руб. 15 коп.
1881	202 руб. 99 коп.	51 руб.
1882	263 руб. 59 коп.	89 руб.
1883	174 руб. 79 коп.	89 руб. 50 коп.
1884	394 руб. 29 коп.	192 руб. 81 коп.
1885	295 руб. 48 коп.	87 руб. 15 коп.
1886	293 руб. 33 коп.	190 руб. 33 коп.
1888	184 руб. 10 коп.	80 руб. 45 коп.
1889	186 руб. 15 коп.	80 руб. 70 коп.
1890	206 руб. 78 коп.	79 руб. 20 коп.
1891	204 руб. 58 коп.	104 руб. 28 коп.
1892	174 руб. 80 коп.	74 руб. 60 коп.
1893	284 руб. 19 коп.	282 руб. 85 коп.
1894	74 руб. 34 коп.	70 руб. 85 коп.
1895	75 руб. 49 коп.	74 руб. 20 коп.
1899	67 руб. 29 коп.	65 руб. 85 коп.

*Основной статьей дохода был специальный сбор с купцов («по приговору общества») на содержание канцелярии старосты. В этой графе учитывались и суммы, оставшиеся с прошлого года.

**Статьями расхода обычно являлись траты на покупку писчей бумаги, канцелярских книг, «свеч стеариновых для собрания», на почтовые расходы, выдачу жалованья делопроизводителю и рассыльным, печать повесток, «на подачу телеграммы», «на принятие священника для прихода к присяге лиц, участвовавших в собрании общества... для wyboru купеческого старосты».

Источники: ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 10. Л. 18–20; Там же. Д. 12. Л. 123–134; Там же. Д. 18. Л. 34–41; Там же. Д. 19. Л. 20–23 об.; Там же. Д. 20. Л. 17–20 об.; Там же. Д. 21. Л. 39–41; Там же. Оп. 17-а. Д. 1. Л. 1–8; Там же. Д. 2. Л. 1–13; Там же. Д. 8. Л. 1–22; Там же. Д. 11. Л. 1–46.

**13. Деятельность купеческого сословного общества
в г. Вятке в 1878 г.**

Дата проведения купеческого собрания	Повестка дня	Общее число присутствующих	Фамилии купцов – участников собрания	Результат
15.02.1878	Выборы на должности купеческого старосты и члена городского сиротского суда	8	В.Н. Рязанцев, Я.Н. Жирухин, Н.А. Савинцев, Н.Н. Клабуков, К.К. Ярунин, Г.А. Иванов, Н.А. Коробов, М.А. Башмаков	Собрание не состоялось по причине «незначительного числа явившихся»
16.05.1878	Выборы на должность купеческого старосты	10	Я.Н. Жирухин, Я.А. Прозоров, Ф.М. Клячин, Н.А. Коробов, М.Н. Рязанцев, И.Н. Желудков, М.А. Башмаков, В.Н. Рязанцев, Г.А. Иванов, С.К. Ухов	Избран А.М. Чарушин
19.06.1878	Выборы на должность члена городского сиротского суда	7	А.М. Чарушин, Я.Н. Жирухин, М.Н. Рязанцев, С.К. Петухов, А.Г. Арбузов, М.А. Башмаков, И.Д. Лаптев	Избран М.А. Башмаков

Источник: ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 12. Л. 8–9 об., 19–23 об., 76, 118–121.

**14. Список купцов Вятской губернии,
торговавших в портовых городах России в 1800, 1809–1810 гг.**

1800 год

Город	Купцы 1-й гильдии	Купцы 2-й гильдии
Вятка	1. Афанасий, Степан, Федор и Филипп Яковлевичи Машковцевы. 2. Петр Григорьевич Арпаулов с братьями. 3. Николай и Василий Лаврентьевичи Калинины. 4. Иуда Сидоров Колошин с братом. 5. Егор Васильев Хохряков с братьями.	1. Филат Михайлович Рязанцев. 2. Илья Антонович Хохряков. 3. Федор Иванович Злыгостев. 4. Егор Ермоласвич Репин с братьями.
Орлов	-----	1. Егор Никитич Булычев. 2. Федот Егорович Булычев. 3. Феоктист Борисович Изергин. 4. Иван Петрович Синцов. 5. Иван Иванович Синцов.
Слободской	1. Ксенофонт Алексеевич Анфилагов. 2. Федор Алексеевич Попов.	1. Илья Иванович Платунов. 2. Николай Никифорович Платунов. 3. Леонтий Иванович Песьяков. 4. Лука и Алексей Демидовичи Косаревы. 5. Ермил Прохорович Шангин. 6. Михайло Филиппович Шмелев с братьями.

1809 год

Город	Купцы 1-й гильдии	Купцы 2-й гильдии
Вятка	<ol style="list-style-type: none"> 1. Степан Яковлевич Машковцев с братьями. 2. Василий Рязанцев с братом Иваном. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Петр Аршаулов. 2. Иван Ильич Хохряков с братом Дмитрием. 3. Федор Злыгостев с сыном. 4. Иуда Колошин. 5. Егор Хохряков. 6. Степан Суятин с сыном. 7. Иван Петрович Хохряков с братом Павлом.
Орлов	<ol style="list-style-type: none"> 1. Иван Петрович Синцов 2. Егор Никитич Булычев. 3. Иван Иванович Синцов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Феоктист Борисович Изергин.
Слободской	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов с сыновьями Ираклием и Алексеем. 2. Иван Ильич Платунов. 3. Алексей Демидович Косарев с сыновьями Николаем и Ильей. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Илья Иванович Платунов с сыном Михаилом. 2. Николай Никифорович Платунов с сыном Иваном. 3. Лука Демидович Косарев с сыновьями Михаилом, Егором, Петром, Александром, Николаем и Иваном. 4. Ермил Прохорович Шангин. 5. Василий Семенович Приезжих с сыновьями Николаем и Иваном. 6. Денис Семенович Приезжих. 7. Иван Леонтьевич Песьяков. 8. Александр Николаевич Платунов.

		<p>9. Давыд Васильевич Герасимов с сыном Захаром.</p> <p>10. Василий Васильевич Ончуков с сыновьями Александром и Василием.</p> <p>11. Юсуп и Гасан Забировы дети Сетяковы.</p>
--	--	---

1810 год

Город	Купцы 1-й гильдии	Купцы 2-й гильдии
Вятка	<p>1. Степан Яковлевич Машковцев с братьями.</p> <p>2. Василий Рязанцев с братом.</p> <p>3. Петр Аршаулов.</p>	<p>1. Федор Злыгостев с сыном.</p> <p>2. Иуда Колошин.</p> <p>3. Илья Хохряков с детьми.</p> <p>4. Степан Суятин с сыном.</p> <p>5. Иван Петрович Хохряков с братьями.</p> <p>6. Афанасий Караваев.</p>
Орлов	<p>1. Иван Петрович Синцов.</p> <p>2. Егор Никитич Булычев.</p> <p>3. Иван Иванович Синцов.</p>	<p>1. Феоктист Борисович Изергин.</p>
Слободской	<p>1. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов с сыновьями Ираклием и Алексеем.</p> <p>2. Иван Ильич Платунов.</p> <p>3. Алексей Демидович Косарев с сыновьями Николаем и Ильей.</p>	<p>1. Илья Иванович Платунов с сыном Михаилом.</p> <p>2. Лука Демидович Косарев с детьми Михаилом, Егором, Петром, Александром, Николаем и Иваном.</p> <p>3. Николай Никифорович Платунов с сыном Иваном.</p> <p>4. Ермил Прохорович Шангин.</p> <p>5. Василий Семенович Приезжих с сыновьями Николаем и Иваном.</p> <p>6. Денис Семенович Приезжих.</p>

		7. Иван Леонтьевич Песьяков. 8. Александр Николаевич Платунов. 9. Юсуп и Гасан Забировы дети Сетяковы. 10. Василий Васильевич Ончуков с сыновьями Александром и Василием. 11. Сагит Бектемиров Деветьяров.
--	--	---

Источники: ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 37. Л. 14 об.–15, 20–21, 26–26 об., 72 об.–73, 80–80 об., 123–123 об.; Там же. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 33–34 об., 99–101.

15. Промышленные предприятия Вятской губернии в середине XIX в.¹

15.1. Владельцы и география предприятий

Владелец	Местонахождение предприятия (уезд)
1. Фабрики	
<i>бумажные</i>	
купец 1-й гильдии И. С. Машковцев (Медянская фабрика)	Вятский
купец 1-й гильдии И. С. Машковцев (Никольская фабрика)	Вятский
помещицы В. и Е. Озеровы	Малмыжский
почетные граждане, купцы 2-й гильдии Рязанцевы	Слободской
купец 2-й гильдии Н. Платунов	Слободской
купчиха 3-й гильдии М. Котенева	Уржумский

¹ По сведениям на 1848 г.; отраслевые названия фабрик и заводов приводятся по документу.

«торгующий татарин» Сулейман Хозасантов	Уржумский
Сулейман Юсупов	Уржумский
<i>бумагопрядильные</i>	
надворный советник Депрейс	Уржумский
<i>суконные</i>	
помещицы В. и Е. Озеровы	Малмыжский
<i>полотняные</i>	
помещицы В. и Е. Озеровы	Малмыжский
<i>китаечные</i>	
купец 3-й гильдии Д. Якупов	Малмыжский
купец 3-й гильдии И. Сагитов	Малмыжский
купец 3-й гильдии И. Утямышев	Малмыжский
купец 3-й гильдии Ф. Аптыкеев	Малмыжский
купчиха 3-й гильдии З. Утямышева	Малмыжский
<i>кумачные</i>	
купчиха 3-й гильдии З. Утямышева	Малмыжский
купец 3-й гильдии И. Сагитов	Малмыжский
купец 3-й гильдии Ф. Аптыкеев	Малмыжский
купец 3-й гильдии И. Утямышев	Малмыжский
<i>хрустальные</i>	
купец 3-й гильдии Е. Ульянов	Уржумский
<i>стекольные</i>	
генерал-лейтенант Юшков	Малмыжский
купец 1-й гильдии Ф. Чернов	Елабужский
почетные граждане, купцы 2-й гильдии Рязанцевы	Слободской
<i>табакерочные</i>	
купеческий сын Л. Макаров	Слободской
2. Заводы	
<i>колоколенные</i>	
купец 3-й гильдии П. Бакулев	Слободской
купец 3-й гильдии Д. Шишкин	Елабужский
<i>медеплавильные</i>	
майор А. Лебедев	Елабужский
<i>чугуноплавильные и железодельные</i>	
купец 1-й гильдии А. Маликов (Песковский завод)	Глазовский

купцы Пастуховы (Омутнинский и Пудемский заводы)	Глазовский
гвардии прапорщик Осокин	Глазовский
гвардии штабс-капитан Мосолов	Глазовский
купеческая жена Н. Дедюхина	Сарапульский
купчиха 3-й гильдии Н. Ижболдина	Сарапульский
надворная советница А. Пономарева	Слободской
купец 1-й гильдии А. Маликов	Слободской
гвардии штабс-капитан Мосолов	Уржумский
<i>салотопенные и свечные</i>	
купец 3-й гильдии И. Платунов	Слободской
купеческий сын 3-й гильдии А. Шабалин	Елабужский
купец 3-й гильдии К. Баутин	Елабужский
купец 3-й гильдии Г. Шестов	Елабужский
купец 2-й гильдии А. Гырдымов	Нолинский
крестьянин А. Самоделкин	Яранский
крестьянин И. Медведев	Яранский
крестьянин Ф. Скурихин	Яранский
<i>клейные</i>	
мещанин М. Белослудцев	Слободской
купец 3-й гильдии В. Рылов	Слободской
мещанин Б. Стригин	Сарапульский
<i>мыловаренные</i>	
купец 3-й гильдии К. Баутин	Елабужский
купец 3-й гильдии П. Колчин	Сарапульский
купец 3-й гильдии А. Ярилов	Вятский
<i>канатные</i>	
купец 3-й гильдии Н. Колчин	Сарапульский
<i>кирпичные</i>	
купец 3-й гильдии С. Комаров	Сарапульский
мещанин И. Попов	Сарапульский
мещанин Е. Стригин	Сарапульский
крестьянин Е. Сухих	Сарапульский
крестьянин Л. Шевнин	Яранский
крестьянин А. Глушков	Яранский
<i>поташные</i>	
штабс-ротмистр Тевкелев	Елабужский

наследники купца 3-й гильдии А. Усманова	Уржумский
<i>пряничные</i>	
купец 3-й гильдии К. Баутин	Елабужский
купец 3-й гильдии Г. Шестов	Елабужский
<i>кожевенные</i>	
купец 1-й гильдии В. Александров	Слободской
купец 3-й гильдии И. Фофанов	Слободской
купец 3-й гильдии К. Фофанов	Слободской
купец 3-й гильдии Г. Васильевых	Слободской
купец 3-й гильдии И. Васильевых	Слободской
купец 3-й гильдии Г. Салтыков	Слободской
мещанин П. Фофанов	Слободской
мещанин П. Князев	Слободской
мещанин Н. Титов	Слободской
крестьянин И. Белослудцев	Слободской
мещанин И. Титлинов	Орловский
купеческий внук 3-й гильдии К. Каменев	Елабужский
мещанин Д. Злыгостев	Елабужский
мещанин Г. Уткин	Елабужский
крестьянин В. Е. Иконников	Елабужский
крестьянин В. А. Иконников	Елабужский
крестьянин П. Иконников	Елабужский
купец 3-й гильдии Ф. Барабанщиков	Сарапульский
купец 3-й гильдии Д. Пешехонов	Сарапульский
купец 3-й гильдии К. Бусыгин	Сарапульский
мещанин П. Лябов	Сарапульский
мещанин Ф. Дедюхин	Сарапульский
мещанин Г. Дедюхин	Сарапульский
мещанин П. Охезин	Сарапульский
мещанин О. Мощевитин	Сарапульский
мещанин А. Седов	Сарапульский
мещанин В. Мощевитин	Сарапульский
мещанин Е. Пешехонов	Сарапульский
купец 3-й гильдии Г. Лалетин	Нолинский
купец 3-й гильдии Л. Пестов	Нолинский
купец 3-й гильдии С. Поскребышев	Вятский

<i>винокурные</i>	
граф А. Шувалов, арендатор – купчиха Е. Беляева (Чураковский завод)	Нолинский
штабс-ротмистр Е. Машковцев (Талицкий завод)	Вятский
штабс-ротмистр Е. Машковцев (Никулицкий завод)	Вятский
наследники подполковницы Андреевой (Петровский завод)	Вятский
<i>маслобойные</i>	
купеческая жена 3-й гильдии А. Ермолина	Вятский
мещанин А. Казенин	Вятский
<i>химические</i>	
аптекарь Карл Мойке	Вятский
<i>сигарные</i>	
купец 3-й гильдии Н. Дьячков	Слободской

15.2. Купеческие предприятия (по уездам)

Владелец	Название предприятия	Сумма произ-водства (в руб.)	Число рабочих (вместе с мастерами)	
			вольно-наемных	крепост-ных
Вятский уезд				
Машковцев Иван Степанович, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин	Медянская писче-бумажная фабрика	16935	1 мастер, «воль-нонаем-ные из госу-дарст-венных крестьян» (число в доку-менте не указыва-ется)	67

Машковцев Иван Степанович, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин	Никольская писче- бумажная фабрика	10711	—	124
Ермолина Александра Васильевна, купеческая жена 3-й гильдии	масленный завод	3086	10	—
Поскребышев Степан Трофимович, купец 3-й гильдии	кожевснный завод	500	3	—
Ярилов Арсений Алексеевич, купец 3-й гильдии	мыло- варенный завод	4000	6	—
<i>Глазовский уезд</i>				
Маликов Абрам Иванович, тульский купец 1-й гильдии, почетный гражданин	Песковский чугуно- плавильный и железо- делательный завод	39905	1129 (вольнонаемные и крепостные рабочие в документе указаны вместе)	
Пастуховы, ярославские купцы	Омутнинский и Пудемский чугуно- плавильный и железо- делательный заводы	101239	1106 (вольнонаемные и крепостные рабочие в документе указаны вместе)	

Елабужский уезд				
Чернов Федор Григорьевич, купец 1-й гильдии	стеклянная фабрика	7450	18	—
Камнев Кирилл Дмитриевич, купеческий внук 3-й гильдии	кожевенный завод	1500	2	—
Шабалин Андрей Максимович, купеческий сын	свече- литейный завод	1890	2	—
Шестов Григорий Михайлович, купец 3-й гильдии	пряничный завод	700	1	—
Шестов Григорий Михайлович, купец 3-й гильдии	свече- литейный завод	1750	2	—
Баутин Карп Петрович, купец 3-й гильдии	свече- литейный завод	2275	2	—
Баутин Карп Петрович, купец 3-й гильдии	пряничный завод	680	1	—
Баутин Карп Петрович, купец 3-й гильдии	мыло- варенный завод	1375	4	—
Шишкин Дмитрий Афанасьевич, купец 3-й гильдии	колоколо- литейный завод	900	4	—

Малмыжский уезд				
Наследники умершего купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Ахметшаха Абдуллова Утямышева	бумажно-прядельная	в 1848 г. фабрика не работала «по случаю предполагаемого быть раздела»	—	—
Наследники умершего купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Ахметшаха Абдуллова Утямышева	кумачная фабрика	в 1848 г. фабрика не работала «по случаю предполагаемого быть раздела»	—	—
Наследники умершего купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Ахметшаха Абдуллова Утямышева	китаечная фабрика	в 1848 г. фабрика не работала «по случаю предполагаемого быть раздела»	—	—
Сагитов Ишмурат, белебейский купец 3-й гильдии	китаечная фабрика	3000	21	—
Сагитов Ишмурат, белебейский купец 3-й гильдии	кумачная фабрика	4200	21	—

Аптыкеев Фаизулла, купец 3-й гильдии	кумачная фабрика	5600	21	—
Аптыкеев Фаизулла, купец 3-й гильдии	китаечная фабрика	2400	21	—
Утямышев Исхак, купец 3-й гильдии	китаечная фабрика	6000	41	—
Утямышев Исхак, купец 3-й гильдии	кумачная фабрика	17500	31	—
Утямышева Зюрхиба-Шафеева, купчиха 3-й гильдии	кумачная фабрика	14000	26	—
Утямышева Зюрхиба-Шафеева, купчиха 3-й гильдии	китаечная фабрика	6750	31	—
Якупов Даут, купец 3-й гильдии	китаечная фабрика	7180	56	—
<i>Нолинский уезд</i>				
Шувалов Андрей Петрович, граф; арендатор — Беляева Екатерина Васильевна, жена фридрих- сгамского первостатейного купца	Чураковский винокуренный завод ¹	39449	82	1

¹ О предприятиях нолинских купцов Анисифора Гырдымова, Григория Лалетина, Ларина Пестова, названных в списке «Владельцы и география предприятий», подробных сведений за 1848 г. не обнаружено.

Сарапульский уезд				
Дедюхина Настасья Васильевна, жена купца	чугуно- плавильный завод	4000	9	—
Ижболдина Наталья Мосеевна, жена купца 3-й гильдии	чугуно- плавильный завод	4000	9	—
Колчин Платон Карпович, купец 3-й гильдии	мыло- варенный завод	2500	6	—
Барабанщиков Федор Прокопьевич, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	2500	6	—
Зайцев Алексей Герасимович, купец	мыло- варенный завод	2500	4	—
Пешехонов Данил Матвеевич, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	2500	9	—
Колчин Назар Иванович, купец 3-й гильдии	канатный завод	5500	8	—
Комаров Степан, купец 3-й гильдии	кирпичный завод	1000	7	—
Бусыгин Козьма Матвеевич, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	250	3	—
Слободской уезд				
Маликов Абрам Иванович, тульский купец 1-й гильдии, почетный гражданин	Кирсинский и Нижне троицкий железо- делательные заводы	не указана	301	40

Рязанцевы Петр Васильевич с братьями, Николай Иванович с братьями, вятские купцы 2-й гильдии, почетные граждане	Косинская бумажная фабрика	57775	501	—
Рязанцевы Петр Васильевич с братьями, Николай Иванович с братьями, вятские купцы 2-й гильдии, почетные граждане	стекольный завод	7221	51	—
Платунов Николай Александрович, купец 2-й гильдии, почетный гражданин	бумажная фабрика	12710	91	—
Бакулев Прокопий Алексеевич, купец 3-й гильдии	колоколенный завод	36000	15	—
Александров Василий Васильевич, купец 1-й гильдии	кожевенный завод	26250	36	—
Фофанов Иван Лаврентьевич, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	10000	12	—
Фофанов Кирилл Лаврентьевич, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	2375	5	—
Васильевых Гаврила Фадеевич, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	2613	5	—

Васильевых Иван Михайлович, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	2850	6	—
Салтыков Григорий Спиридонович, купец 3-й гильдии	кожевенный завод	2375	5	—
Платунов Иван Селиверстович, купец 3-й гильдии	салотопенный завод	1933	3	—
Рылов Василий Федорович, купец 3-й гильдии	клеяный завод	2400	15	—
Дьячков Николай Авдсевич, купец 3-й гильдии	сигарный завод ¹	1690	сведений нет	
Уржумский уезд				
Малолетние дети умершего арского купца 3-й гильдии Абдулы Насыра Гумерова Усманова	поташный завод	1730	11	—
Юсупов Сулейман	бумажная «вольная купеческая» фабрика	965	16	—
Хозасантов Сулейман Ибрагимов	бумажная «вольная купеческая» фабрика	2800	32	—
Ульянов Егор Козьмич, казанский купец 3-й гильдии	хрустальная фабрика	14215	31	—
Котенева Марья Ивановна, жена купца 3-й гильдии	бумажная фабрика	510	24	—

Источник: ГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 324. Л. 1–264.

¹ О табакерочном заводе слободского купеческого сына Луки Макарова, названном в списке «Владельцы и география предприятий», подробных сведений за 1848 г. не обнаружено.

16. Численность населения в Вятской губернии (1858–1914 гг.)

Годы	Число жителей	Из них – в городах	
		общее число	в процентах
1858	2 123 904	52 849	2,5
1876	2 515 077	70 166	2,8
1877	2 537 359	73 455	2,9
1878	2 567 121	74 715	2,9
1883	2 774 138	81 840	3
1885	2 859 004	82 506	2,9
1893	3 097 207	90 632	2,9
1897	3 030 831	95 642	3,2
1908	3 611 141	120 558	3,3
1914	3 791 678	154 433	4,1

Источники: Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Отд. IV. Вятка, 1860. С. 170–171; Календарь Вятской губернии на 1880 год. Отд. II. Вятка, 1879. С. 82–93, 110; То же на 1885 год. Отд. II. Вятка, 1884. С. 26; То же на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 28; Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Отд. I. Вятка, 1894. С. 13; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. X : Вятская губерния. СПб., 1904. С. 1; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. Отд. I. Вятка, 1909. С. 102; Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. Отд. I. Вятка, 1916. С. 86.

17. Показатели развития промышленности в Вятской губернии (1872–1915 гг.)

Годы	Число заводов и фабрик	Сумма производства (в руб.)	Численность рабочих
1872	1 046	11 388 350	16 287
1877	878	18 948 198	20 620
1888	811	18 475 729	29 918
1890	750	18 975 813	31 419
1895	539	26 703 424	42 196
1900	711	31 047 767	35 862
1905	696	35 845 851	39 841
1910	659	38 702 252	38 343
1913	803	44 248 250	34 611
1914	995	52 626 820	38 589
1915	1713	46 993 372	25 596

Источники: Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1872 год. Вятка, 1873. Ведомость № 2; Обзор Вятской губернии за 1877 год. Вятка, 1878. Ведомость № 2; Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1888 год. Вятка, 1889. Ведомость № 2; То же за 1890 год. Вятка, 1891. Ведомость № 2; То же за 1895 год. Вятка, 1896. Ведомость № 2; То же за 1900 год. Вятка, 1901. Ведомость № 2; Обзор Вятской губернии за 1905 год: приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1906. Ведомость № 2; То же за 1910 год. Вятка, 1911. Ведомость № 2; То же за 1913 год. Вятка, 1914. Ведомость № 2; То же за 1914 год. Вятка, 1915. Ведомость № 2; То же за 1915 год. Вятка, 1916. Ведомость № 2.

18. Численность купеческих фабрик и заводов в Вятской губернии в 1885 г. ¹

Название производства	Всего предприятий	Из них — купеческих
1. Воскосвечное	7	3
2. Кожевенное	90	27
3. Скорняжное и шубно-овчинное	34	5
4. Клееваренное	5	3
5. Салотопенное и сально-свечное	18	11
6. Мыловаренное	9	5
7. Щетиновыделывающее	2	2
8. Валено-сапожное	6	—
9. Бумагопрядильное	1	1
10. Табачно-махорочное	5	5
11. По отделке льна	1	1
12. Канатное	6	2
13. Писчебумажное и картонное	8	5
14. Винокуренное	21	16
15. Водочное	9	6
16. Пиво-медоварение	10	7
17. Маслобойное	5	1
18. Паточное	2	—
19. Солодовенное	2	—
20. Лесопильное	2	—
21. Пряничное	19	14
22. Смоло-дектярное и скипидарное	28	2

¹ Предприятия с годовой суммой производства 1000 рублей и более.

23. Рогожное и кулево-ткацкое	2	—
24. Поташное	—	—
25. Терпентинное	—	—
26. Железоделательное и чугуноплавильное	8	4
27. Чугунолитейное	6	3
28. Оружейное и сталелитейное	1	—
29. Кузнечно-слесарное	1	—
30. Колоколотейное	3	2
31. Стекольное	6	2
32. Хрустальное	1	1
33. Кирпичное	5	4
34. Химическое	3	2
35. Фосфорно-спичечное	18	5
36. Мукомольное	1	1
37. Экипажное	1	1
38. Каповое	1	—
ИТОГО	347	141

Источник: Подсчитано по: «Календарю Вятской губернии на 1887 год» (Отд. П. Вятка, 1886. С. 69–125).

19. Численность купцов в уездных земских учреждениях Вятской губернии (1870–1910 гг.)

Годы	Число гласных					
	Уездные собрания			Уездные управы		
	общее число гласных	из них — купцов, поч. гр-н	в про- центах	общее число гласных	из них — купцов, поч. гр-н	в про- центах
1870	199	32	16,1	40	10	25
1875	207	44	21,3	43	10	23,3
1887	207	30	17,4	36	6	16,7
1890	212	40	18,9	39	6	15,4
1895	169	30	17,8	39	5	12,8
1900	168	37	22	40	5	12,5
1905	183	31	16,9	43	2	4,7
1910	199	27	13,6	40	3	7,5

Источники: Подсчитано по: Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. I.

20. Численность купцов в Вятском губернском земстве (1870–1915 гг.)

Годы	Число гласных					
	Губернское собрание			Губернская управа		
	общее число	из них – купцов, поч. гр-н	в про- центах	общее число	из них – купцов, поч. гр-н	в про- центах
1870	34	5	14,7	5	1	20
1875	38	7	18,4	4	1	25
1887	35	8	22,9	4	2	50
1890	35	9	25,7	4	2	50
1895	28	4	14,3	4	0	–
1900	28	8	28,6	3	0	–
1905	43	12	27,9	4	0	–
1910	43	2	4,7	3	0	–
1915	43	5	11,6	6	0	–

Источники: Подсчитано по: Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. I.

21. Численность купцов в Вятской городской думе (1875–1915 гг.)

Годы	Число гласных		
	общее число	из них – купцов, почетных граждан	в процентах
1875	40	26	65
1890	66	42	63,6
1900	33	14	42,4
1905	37	20	54,1
1910	47	16	34
1915	55	16	29,1

Источники: Подсчитано по: Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 146–147; Календарь Вятской губернии на 1890 год. Отд. VI.

22. Численность купцов в городских управах Вятской губернии (1875–1915 гг.)

Годы	Число гласных		
	общее число	из них – купцов, почетных граждан	в процентах
1875	41	23	56,1
1880	38	24	63,2
1885	35	18	51,4
1887	37	22	59,5
1890	37	20	54,1
1895	37	19	51,4
1900	36	13	36,1
1905	38	11	28,9
1910	38	8	21,1
1915	37	4	10,8

Источники: Подсчитано по: Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 144–354; Календарь Вятской губернии на 1880 год. Отд. I.

23. Документы о ликвидации купеческого сословия и сословного самоуправления в Вятско-Камском регионе

23.1. Распоряжение отдела по управлению губернией Вятского губисполкома уездным исполкомам о проведении в жизнь декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»

21 февраля 1918 г.

В собрании узаконений и распоряжений правительства от 8 декабря 1917 г. № 3 опубликован декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (ст. 31), на основании которого дворянские, мещанские и купеческие сословия уничтожаются и имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям, а имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений; все сословные учреждения, делопроизводства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений по принадлежности.

Сообщая об этом и препровождая копии указанного декрета, отдел по управлению губернией просит советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов

сделать надлежащее распоряжение, чтобы означенный декрет немедленно был приведен в исполнение и сословные учреждения ликвидированы с передачей имущества и дел по назначению.

Об исполнении сего отдел управления губернией просит ему сообщить.

За народного комиссара
по управлению губернией
Секретарь

[подпись]

[подпись]

Источник: ГАКО. Ф. Р-876. Оп.1. Д. 1. Л. 2–2об. Машинопись.

**23.2. Сообщения уездных исполкомов в отдел по управлению губернией
Вятского губисполкома об исполнении декрета
«Об уничтожении сословий и гражданских чинов»**

10 апреля – 15 июля 1918 г.

Малмыжский уезд

10 апреля 1918 г.

На отношение от 21 февраля за № 16 уездный исполнительный комитет уведомляет таковой же губернский, что декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» полностью опубликован и в уезде проведен в жизнь.

Председатель комитета
Товарищ председателя
Секретарь

[подпись]

[подпись]

[подпись]

Елабужский уезд

12 апреля 1918 г.

Сообщается, что декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» в исполнение приведен тотчас же по получении, и в настоящее время таковых давно не существует.

Председатель
Секретарь

[подпись]

[подпись]

Котельничский уезд

30 апреля 1918 г.

Исполнительный комитет сообщает, что, согласно декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», в г. Котельниче упразднено учреждение мещанского старосты, имущество и дела которого переданы в распоряжение Котельничского городского самоуправления; других же сословных учреждений в уезде не имеется.

Председатель

[подпись]

Секретарь

[подпись]

Яранский уезд

15 июля 1918 г.

На предложение от 21 февраля с/г за № 16 сообщаю отделу по управлению губернией, что на основании декрета Совета Народных Комиссаров «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (ст. 31) все находящиеся в г. Яранске и его уезде сословные учреждения ликвидированы и дела с имуществом их по назначению переданы.

Комиссар

[подпись]

Вр[еменно] и[сполняющий] об[язанности] секретаря [подпись]

Источник: ГАКО. Ф. Р-876. Оп.1. Д. 1. Л. 11, 12–14. Машинопись.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКО	– Государственный архив Кировской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИ КО	– Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГАЯО	– Государственный архив Ярославской области
КГПИ	– Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСС	– Полное собрание сочинений
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
УИИЯЛ	– Удмуртский институт истории, языка и литературы
Тр. ВУАК	– Труды Вятской ученой архивной комиссии
ЦГАУР	– Центральный государственный архив Удмуртской Республики

ОБ АВТОРЕ КНИГИ

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, директор Кировского областного краеведческого музея, руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

Окончил исторический факультет Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Заведовал кафедрой отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета.

Сферой научных интересов являются: социальная история России, история Вятского края, персоналии (общественные деятели России).

Автор более ста научных трудов, в том числе монографий «Губерния Вятская: исторические очерки» (Киров, 2006); «Кулеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века» (Киров, 2009); «Герцен: сюжеты вятской жизни» (Киров, 2012), статей в Большой Российской энциклопедии, в журналах «Вопросы истории», «Российская история», «Вестник архивиста», «Военно-историческом», «История государства и права». Статьи М. С. Судовикова публиковались в научных сборниках Москвы, С.-Петербурга, Ярославля, Рязани, Ижевска, Казани, Самары, Уфы и других городов.

По его сценариям режиссёром М. В. Дохматской (ВГТРК «Вятка») сняты историко-просветительские документальные фильмы «Слово о городе на Вятке» (2009), «Где царит дух просвещения...» (2010), «Учитель! Перед именем твоим...» (2011) и др.

Член-учредитель регионального отделения Российского военно-исторического общества в Кировской области, Кировского отделения Российского исторического общества. Является председателем Кировского областного краеведческого объединения «Вятка», членом Геральдической комиссии Кировской области.

М. С. Судовиков – лауреат премии им. Е. Д. Петряева Кировской области, Премии Кировской области, региональных книжных конкурсов, имеет отраслевую награду Министерства образования и науки РФ – нагрудный знак «За развитие научно-исследовательской работы студентов».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
-----------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ КУПЕЧЕСТВО В ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКАХ

1.1. Историографический обзор вопроса	7
1.2. Основные источники по истории регионального делового мира	23

ГЛАВА ВТОРАЯ РАЗВИТИЕ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

2.1. Понятие «купец», периодизация истории купечества	45
2.2. Купеческое сословие: условия становления, субъективные факторы развития	62

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ФОРМИРОВАНИЕ ГИЛЬДЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1. Истоки гильдейского купечества	89
3.2. Оформление купеческого сословия	99
3.3. Численность, состав, сословная организация в XIX – начале XX в.	115

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ МЕСТНОГО КУПЕЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, СПЕЦИФИКА

4.1. Торгово-предпринимательская деятельность в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.	155
4.2. Торгово-предпринимательская деятельность в эпоху капитализма: вторая половина XIX – начало XX в.	176

ГЛАВА ПЯТАЯ
СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА

5.1. Купечество в сфере управления	225
5.2. Политическая деятельность	242

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
УКЛАД ЖИЗНИ ВЯТСКО-КАМСКОГО КУПЕЧЕСТВА

6.1. Благотворительные инициативы, меценатство	279
6.2. Повседневная жизнь купечества в интерпретации мемуаристов	307
<i>Послесловие</i>	346
<i>Список источников и литературы</i>	354
<i>Приложения</i>	401
<i>Список сокращений</i>	464
Об авторе книги	465

Научное издание

Михаил Сергеевич Судовиков

**КУПЕЧЕСТВО ВЯТСКОГО КРАЯ:
ОТ ИСТОКОВ ДО 1917 ГОДА**

Редакторы:

И. В. Заболотская, В. И. Курилова

Вёрстка И. В. Заболотская

Оформление обложки А. И. Крысов

ИД «Герценка»

610000, г. Киров, ул. Герцена, 50

Тел. (8332) 76-17-26

E-mail: izdat@herzenlib.ru

Издательство ООО «ВЕСИ»

610000, г. Киров, ул. Московская, 52

т./ф. (8332) 222-086

E-mail: ooovesy@yandex.ru

Подписано в печать 10.04.2018. Формат 60х84/8
Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman»
Усл. печ. л. 54,41. Тираж 500 экз. Заказ № 394

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Веси»
610000, г. Киров, ул. Московская, 52.

